9928

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

АВГУСТЪ.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

Инв. 49 г. 80552

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, СПБ., Б. Подъяческая, 39.

ПРИВРАТНИКИ СЛАВЫ [1].

(Окончаніе).

VII.

Какъ принялъ это извѣстіе Павелъ Сергѣевичъ? Мнѣ трудно было судить объ этомъ. Онъ не возразилъ, но только удивился, и то, какъ казалось, немного.

— Вотъ какъ,—произнесъ онъ:—я этого никакъ не ожидалъ.

И затѣмъ сталъ задумчивъ—не сердитъ и даже не суровъ, а только задумчивъ. Онъ, напримѣръ, совсѣмъ не подумалъ о такой важной вещи: какъ же это будетъ? Гдѣ мы, обвѣнчавшись, будемъ жить? Вѣдь я служу въ губерніи. Неужели же Наташа примирится съ этимъ и броситъ свою оперную карьеру, которая можетъ быть такой блестящей? Онъ только вечеромъ спросилъ объ этомъ меня, когда мы были вдвоемъ.

— О, нѣтъ,—сказалъ я,—конечно, нѣтъ. Наталья Сергѣевна не броситъ карьеру; напротивъ, я приложу всѣ старанія, чтобы помогать ей. Вѣдь это вовсе не трудно перевестись въ Петербургъ. Я тамъ служилъ прежде, и у меня остались знакомства.

Онъ удовлетворился этимъ объясненіемъ и опять задумался, такъ что я даже почувствовалъ необходимость спросить его:

— Скажите же, Павелъ Сергѣевичъ, какъ вы сами относитесь къ этому браку?

— Онъ для меня большая неожиданность. Я, признаюсь, не думалъ, что Наташа до такой степени привязана къ вамъ. Я воображалъ, что она стремится къ блестящей партіи. Но вы

---

[1]) См. іюль, стр. 33.

же знаете, что противъ васъ я ничего не имѣю и вообще дружески отношусь къ вамъ. И въ концѣ концовъ это ея дѣло, не правда ли?

Все это было довольно кисло, и скорѣе всего онъ былъ разочарованъ. Это и понятно. Наташа, обаятельная дѣвушка, обладательница такого рѣдкаго голоса и таланта, его сестра, наконецъ Стромилова, безъ сомнѣнія могла разсчитывать на нѣчто болѣе значительное, чѣмъ какой-то ликвидаторъ. И главное, что для этого такъ немного было нужно, такъ легко было быть значительнѣе, чѣмъ ликвидаторъ.

Въ концѣ концовъ развѣ я самъ что-нибудь понималъ во всей этой исторіи? То-есть я понималъ, что Наташѣ нужно положеніе замужней женщины. У нея былъ выборъ между милліономъ и преданнымъ человѣкомъ. Милліонъ, повидимому, лучше могъ бы устроить ея жизнь. Но однако, онъ нуженъ былъ ей не для себя, а для карьеры, «для предпріятія», какъ сказалъ бы Чарльсонъ. Она чувствовала въ себѣ большую артистку и всѣмъ своимъ существомъ предугадывала блестящую будущность. И она поставила на первую очередь милліонъ, но онъ не выдержалъ экзамена, и тогда явился на сцену преданный человѣкъ. Самъ я на это смотрѣлъ чрезвычайно легко, я даже испытывалъ какое-то особенное удовольствіе —удовольствіе добровольной жертвы. Да и какая жертва? Я никогда не собирался жениться; подобнаго стремленія у меня просто не было въ крови. По всей вѣроятности, я остался бы холостякомъ.

Но развѣ это не то же самое? Я даю свое имя и отхожу въ сторону. Но имя мое въ то же время остается и у меня. Я не лишаюсь моего имени. Кажется, это единственная вещь на свѣтѣ, которую можно отдать другому и въ то же время оставить у себя. Можетъ быть, она изрядно потреплетъ его, это имя. Но, Боже мой, оно такое сѣрое и незамѣтное, такъ мало значитъ, что, пожалуй, эта трепка принесетъ ему пользу. Оно пріобрѣтетъ нѣкоторую звонкость.

Есть еще на свѣтѣ Марья Григорьевна. Но по отношенію къ ней я нисколько не чувствовалъ себя виноватымъ. Вотъ ужъ ровно ничего отъ нея не отнимаю.

Сперва у меня была мысль съѣздить въ губернскій городъ и переговорить съ нею. Но о чемъ? Она ничего не пойметъ. Другое дѣло, если я встрѣчусь съ нею post factum и скажу: вотъ я женатъ, но это ничего не мѣняетъ. Тогда она *фактически* пойметъ, что это ничего не мѣняетъ.

А если не пойметъ... Вѣдь мнѣ придется только пожалѣть,

что я лишился веселой пріятельницы. Только и всего. И я рѣшилъ не ѣхать.

Меня и Наталья Сергѣевна спрашивала, какъ же я съ Марьей Григорьевной? Не съѣзжу ли я поговорить съ нею? Но я сказалъ:

— Это совершенно лишнее; мы съ ней только уравняемся въ положеніи,—она замужняя, я буду женатъ.

Кажется, это удивило Наталью Сергѣевну. Она вскинула на меня вопросительный взглядъ, но разумѣется не настаивала.

Она теперь страшно была занята приготовленіями—не къ вѣнчанію, нѣтъ, къ этому нечего было готовиться, а къ отъѣзду. Время быстро таяло, а покупатель рощи что-то медлилъ. Между тѣмъ у Павла никакихъ денегъ не было, и оба они по этому поводу волновались.

Пригласить покупателя, поторопить его было опасно. Вѣдь это былъ простой промышленникъ и кулакъ: почуетъ нужду и сейчасъ же сбавитъ цѣну. Наконецъ, онъ явился, и сдѣлка была устроена. Павликъ получилъ деньги и отсчиталъ сестрѣ пять сотенныхъ. Онъ хотѣлъ дать тысячу, въ виду замужества, но она отказалась.

Это было за недѣлю до ея отъѣзда, который былъ ускоренъ. Я въ это время позаботился о вѣнчаніи. Оно было назначено въ послѣдній день — 29 іюля. Утромъ вѣнчаніе, вечеромъ отъѣздъ.

Я пригласилъ двухъ своихъ товарищей, тоже «ликвидаторовъ»—въ сосѣднихъ участкахъ. Кромѣ того, это ужъ само собой разумѣется, я долженъ былъ сопровождать Наталью Сергѣевну въ Петербургъ, тамъ нѣкоторое время повертѣться, чтобы установить перемѣну въ ея положеніи, и съ этой цѣлью я заблаговременно подалъ просьбу объ отпускѣ «по семейнымъ обстоятельствамъ», и это было улажено. Деньги для моего путешествія я тоже приготовилъ.

Наканунѣ вѣнчанія Наталья Сергѣевна спросила меня:

— Ну, милый другъ, вы теперь видите, что все это серьезно; и что же, вы не пожалѣли? Нѣтъ, говорите правду. Я вѣдь, все равно, не помилую васъ, если даже и пожалѣли... Ну? Въ двухъ словахъ.

— Ни капли!—безъ малѣйшаго колебанія отвѣтилъ я.

— Ни капли! Это удивительно. Вы удивительный человѣкъ.

Отлично. Итакъ, я удивилъ мою будущую жену наканунѣ вѣнчанія. На другой день утромъ пріѣхали мои соликвидаторы. Наталья Сергѣевна надѣла бѣлое платье, я—сюртукъ съ металлическими пуговицами моего вѣдомства.

Въ одиннадцать часовъ мы были въ старенькой деревенской церкви, передъ низенькимъ столикомъ, на которомъ лежали вѣнцы. Позади насъ стояли два моихъ товарища. Павелъ помѣстился въ сторонѣ.

Явилось полдюжины деревенскихъ бабъ, Богъ знаетъ какимъ образомъ узнавшихъ о событіи.

Молодой, видный батюшка съ длинными кудрявыми волосами, съ красивымъ апостольскимъ лицомъ, басистымъ убѣжденнымъ голосомъ читалъ молитвы, а на клиросѣ пѣлъ старенькій тощій дьячекъ тоненькимъ безжизненнымъ голосомъ. Надъ нами, ради торжественности, горѣли свѣчи паникадила.

Конечно, это надо приписать предразсудкамъ воспитанія,— то обстоятельство, что съ перваго же момента, когда батюшка произнесъ свой первый возгласъ, у меня въ груди начался какой-то усиленно-учащенный стукъ. Сердце, Богъ знаетъ почему, заволновалось, забезпокоилось. А въ головѣ вдругъ явились сравненія, совершенно дикія и нисколько не отвѣчавшія положенію: мнѣ представлялся нѣкто, присужденный къ казни. Онъ сидитъ въ тюрьмѣ много дней и совсѣмъ не думаетъ о предстоящемъ. Оно притаилось въ немъ, замерло, какъ будто его и нѣтъ... Чувство жизни здороваго организма, въ которомъ силъ хватитъ на сто лѣтъ, придушило его, и близкая смерть кажется невозможной, неосуществимой. Нѣтъ, организмъ не приметъ ее, онъ все перенесетъ и будетъ жить.

Но вотъ однажды раннимъ утромъ раздался звонъ сабель и шпоръ. Пришли, взяли и повели на эшафотъ. И разомъ все стало ясно и неизбѣжно. Некуда уйти. Ни впередъ, ни назадъ.

Я отгонялъ отъ себя эти мысли, я внутренно смѣялся надъ ними, но онѣ были. И то, что въ другое время, когда я бывалъ зрителемъ, казалось мнѣ дѣтски-наивнымъ, теперь пріобрѣтало Богъ знаетъ какой, почти грозный смыслъ.

Моя рука начала дрожать, когда ее соединили съ рукой Натальи Сергѣевны и связали ихъ платкомъ, а когда насъ стали водить вокругъ столика, въ то время, какъ безжизненный тенорокъ стараго дьячка выводилъ знакомыя, давно уже ставшія избитыми слова, у меня явилось такое ощущеніе какъ будто у меня отрѣзали обѣ ноги, и теперь я уже не могу идти, куда мнѣ захочется, а будутъ возить меня въ телѣжкѣ, куда имъ вздумается.

Глупое, грубое представленіе. Но оно было въ моемъ мозгу.

А представительный батюшка вздумалъ еще говорить рѣчь. Повернулся къ намъ лицомъ и громко, выразительно, даже съ

чувствомъ, началъ описывать передъ нами яко бы ожидающія насъ прелести семейной жизни, такой согласной, душа въ душу, другъ для друга. Я оказался окруженъ любящими дѣтьми, во главѣ съ нѣжной, заботливой подругой, съ которой дѣлю горести, радости и прочее, и прочее.

Хотѣлось остановить его и сказать: да нѣтъ же, нѣтъ, ничего подобнаго въ данномъ случаѣ не предстоитъ. Это не то, совсѣмъ не то; вы, батюшка, ничего не понимаете и напрасно только тратите краснорѣчіе, которому васъ обучили въ семинаріи.

Впрочемъ, всѣ эти мысли улетучились изъ моей головы, когда мы вышли изъ церкви. Сейчасъ же начались заботы объ отъѣздѣ. Завтракали, принимали поздравленіе отъ двухъ ликвидаторовъ. Съ Павломъ Сергѣевичемъ мы поцѣловались и перешли на ты, хотя онъ не переставалъ быть задумчивымъ.

А съ Натальей Сергѣевной мы не говорили другъ другу ни вы, ни ты. Оба старательно избѣгали этого и обходились какими-то безличными формами. Это положеніе стѣсняло насъ обоихъ, и потому мы торопились.

Экипажъ, запряженный тройкой, у подъѣзда. Вынесли чемоданы, принесли и мой изъ флигеля.

Къ нашему огорченію, Павелъ выразилъ желаніе проводить насъ на станцію. Онъ настоялъ, чтобы мы сѣли рядомъ съ Натальей Сергѣевной, а самъ помѣстился на скамейкѣ. Ликвидаторамъ былъ поданъ шарабанъ съ земской почты. Двинулись.

Впрочемъ, все это не интересно; все было, какъ бываетъ, когда люди серьезно вступаютъ въ бракъ, а близкіе нисколько не сомнѣваются въ этомъ.

Съ Павломъ разстались на станціи, а ликвидаторы еще нѣкоторое время были съ нами въ поѣздѣ. Одни мы никакъ не могли остаться. Вагонъ былъ биткомъ набитъ народомъ. Мы устроились кое-какъ. Мнѣ удалось помѣстить Наталью Сергѣевну въ дамскомъ купе, а самъ я почти всю ночь провелъ на площадкѣ вагона, разговаривалъ съ кондукторами и курилъ, курилъ непрерывно.

Восемь часовъ утра. Москва. Я вхожу въ вагонъ, гдѣ было дамское купе. Наталья Сергѣевна стоитъ въ корридорѣ совсѣмъ готовая—въ шляпкѣ и кофточкѣ.

При моемъ появленіи, очаровательная улыбка расцвѣтаетъ на ея лицѣ, она протягиваетъ мнѣ обѣ руки, я цѣлую ихъ.

— Я не спала всю ночь,—говоритъ она.

— Что же вы дѣлали?

— Все думала, думала, думала.

— О чемъ?

— Ахъ, не разсказать... Но вотъ главное: можетъ быть, все это не такъ... Вдругъ пришла такая мысль.

— Что же не такъ?

— Да теорія, въ которую мы слишкомъ повѣрили.

— Мы?

— Ну да, я—теоріи, а вы мнѣ... А впрочемъ нѣтъ, что за вздоръ! Это уже Москва? Мы здѣсь остановимся до завтра и отдохнемъ. Вы знаете гостинницы? Гдѣ-нибудь, гдѣ хорошо: свѣтло, просторно и удобно. Мы будемъ кутить... Хорошо?

Голосъ неровный. Въ немъ звучитъ тревожное, какъ будто что-то, до сихъ поръ твердое и прочное, въ душѣ ея сломалось.

Но разбираться некогда, поѣздъ замедлилъ ходъ. Вокзалъ. Остановка. Я избираю гостинницу, сдаю чемоданы кондуктору, а сами мы беремъ лихача, садимся въ пролетку и ѣдемъ. Въ гостинницѣ намъ показываютъ двѣ великолѣпныхъ комнаты рядомъ.

— Мы здѣсь останемся,—говоритъ Наталья Сергѣевна,—только откройте эту дверь.

Дверь между двумя комнатами. Ее отпираютъ и растворяютъ настежь. Мы—добрые сосѣди.

Я отдаю паспорта и прилагаю свѣженькую бумажку съ церковной печатью, вчера только полученную отъ деревенскаго батюшки. Она незыблемо устанавливаетъ наше право на растворенную дверь.

Намъ приносятъ кофе, масло, холодную ветчину, яйца и множество всевозможныхъ земныхъ благъ. Мы голодны и начинаемъ ѣсть съ такой жадностью, что намъ становится смѣшно.

Мы удивительно веселы, перекидываемся ничего не значущими замѣчаніями и хохочемъ. Веселость собственно идетъ отъ Натальи Сергѣевны, а я только заражаюсь отъ нея.

— Надѣюсь, вы будете спать,—говоритъ она:—вѣдь я знаю, что вы всю ночь простояли на площадкѣ.

— Не знаю!—отвѣчаю я.—Я не привыкъ спать днемъ.

— Ну, мало ли къ чему вы не привыкли? Напримѣръ, жениться.

Мы опять смѣемся, и Наталья Сергѣевна безапелляціонно рѣшаетъ, что я буду спать.

Когда позванный слуга унесъ посуду, мы разлучаемся. Я иду

въ свою комнату и слегка притворяю дверь. Чтобъ поскорѣе кончить скучныя обязанности, я тотчасъ же подхожу къ умывальнику и, по привычкѣ ликвидатора, останавливающагося на постоялыхъ дворахъ и крестьянскихъ избахъ, не снимаю пиджака, а только подкатываю рукава, умываюсь и привожу себя въ порядокъ.

Это беретъ у меня не болѣе пяти минутъ. Затѣмъ я усаживаюсь на диванѣ, кладу ногу на ногу и, погрузившись въ неопредѣленную задумчивость, курю папиросу.

Въ сосѣдней комнатѣ неистовый плескъ воды и звонъ умывальной посуды. Очевидно моя сосѣдка посмотрѣла на это дѣло серьезнѣе, чѣмъ я.

Но, Боже мой, до чего мнѣ кажется страннымъ мое положеніе! Въ сосѣдней комнатѣ при полуотворенной двери моется дѣвушка, передъ которой я ощущалъ всего только нѣкій трепетъ благоговѣнія. Какое довѣріе! Она знаетъ, что дверь не заперта и что я все слышу и понимаю значеніе каждаго ея движенія. И ничего.

Я совершенно явственно чувствую, что она раздѣта и свободно, безъ малѣйшаго стѣсненія, моетъ свое тѣло. Я какъ будто даже различаю, что вотъ теперь она моетъ руки, потомъ шею, грудь...

Я сижу, какъ завороженный, и ни о чемъ не могу думать.

Я прекрасно знаю, что все это ко мнѣ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія и между нами нѣтъ того чувства, которымъ оправдывалось бы мое состояніе, и что наконецъ таково условіе; и все-таки—словно какая-то жаркая струя черезъ полуотворенную дверь или сквозь стѣну проникаетъ и пышетъ на меня и волнуетъ меня.

Въ этомъ было что-то зоологическое. Мнѣ хотѣлось встать и осторожно притворить дверь, но показалось, что это будетъ похоже на подчеркиваніе.

Но вотъ все стихло. Я еще услышалъ ея частые шаги въ мягкихъ туфляхъ. Она подошла къ окнамъ и опустила надъ ними гардины. Еще шаги. Шорохъ постельнаго бѣлья. Она легла подъ одѣяло.

— Вы еще не спите?—слышу я ея голосъ.

— И не думаю,—отвѣчаю я.

— А что же вы дѣлаете?

— Сижу на диванѣ и курю.

— Когда докурите, придите на минуту. Мнѣ надо поговорить съ вами.

Какъ просто. Она лежитъ въ постели подъ одѣяломъ, со-

вершенно раздѣтая, а я приду и буду вести разговоръ. О чемъ? Можетъ быть, о томъ, что надо заблаговременно позаботиться о спальныхъ мѣстахъ на завтра? Или о томъ, гдѣ мы будемъ обѣдать и гдѣ бы намъ провести вечеръ?

Съ ея точки зрѣнія, можетъ быть, это и въ порядкѣ вещей. Если она оказала мнѣ столько довѣрія, что раздѣвалась и мылась чуть не при мнѣ, то почему бы ей не принять меня, лежа подъ одѣяломъ? Она очевидно хочетъ упростить отношенія и ей какъ нельзя лучше помогаетъ въ этомъ глубокое равнодушіе къ моей особѣ.

И я побораю свое волненіе и твердыми шагами вхожу въ ея комнату. Въ красноватомъ полумракѣ глаза мои на нѣсколько секундъ слѣпнутъ, я ничего не вижу, но потомъ различаю кровать, на которой лежитъ она, вся закрытая бѣлымъ одѣяломъ, до подбородка. Я иду туда и останавливаюсь у края кровати. Стула нѣтъ, мнѣ негдѣ сѣсть.

Изъ-подъ одѣяла вынырнула ея рука и протянулась ко мнѣ.

— Идите же ближе. Я все объясню вамъ.

Я приближаюсь и, самъ не зная для чего, беру ея руку и цѣлую. Она говоритъ:

— Вотъ такъ.

И очень увѣреннымъ движеніемъ руки усаживаетъ меня на кровати и сама чуть-чуть отодвигается всѣмъ тѣломъ, давая мнѣ мѣсто.

Я чувствую, что въ моей душѣ шевелятся только жалкіе остатки воли и мнѣ досадно и стыдно за свою слабость. Неужели я не могу владѣть собой? Вѣдь это же просто случайность, что она, раздѣтая, лежитъ подъ одѣяломъ и я въ полумракѣ сижу около нея, на кровати. Она не спала ночь. Она устала, и ей такъ удобнѣе. Я далъ ей основаніе довѣрять мнѣ, и она довѣряетъ безгранично.

— Теперь слушайте,—говоритъ она въ то время, какъ я продолжаю держать ея руку. Я просто не выпустилъ ее, а она не отняла.

— Нѣтъ, это не теорія, это все такъ и будетъ. Я вѣдь думала не сегодня только, а и раньше,—въ деревнѣ и въ Петербургѣ... Если бъ вы знали, мой другъ, до чего они всѣ противны, эти властители подмостковъ, вершители карьеръ... Вы думаете, что женщина, которая уступаетъ ихъ притязаніямъ, продается? Ну да, такъ принято думать и такъ обыкновенно говорятъ. Но это не правда. Она покупаетъ. Продаются они... Продаютъ свое вліяніе, искусство, власть. А она покупаетъ.

Она платитъ имъ тѣмъ, чего они ищутъ и добиваются. О, разумѣется, не всѣ; есть и порядочные люди, но, къ сожалѣнію, какъ-то такъ выходитъ, что главное зависитъ отъ негодяевъ... Денегъ они не берутъ,—они «честны». Деньги—это взятка. Ее запрещаетъ законъ... За нее сажаютъ въ тюрьму... А если и берутъ, то съ такой миной и съ такими словами, будто дѣлаютъ этимъ честь. Но это... Это называется чувствомъ, для котораго нѣтъ законовъ... Слушайте. Годъ тому назадъ, когда я поступила на сцену, послѣ перваго выхода моего, въ публикѣ сейчасъ же заговорили обо мнѣ. Я пѣла Маргариту... Я первый разъ была на подмосткахъ, передъ публикой, страшно волновалась, играла глупо, какъ ребенокъ; но голосъ самъ звучалъ, и успѣхъ былъ большой. Сейчасъ же пришли они, каждый отдѣльно, и начали говорить слова—такія ясныя, что и ребенокъ пойметъ. Но я тогда не поняла. Ну, просто не поняла, потому что мои мысли были далеки отъ этого. Я поняла, какъ любезные комплименты—и только. И вотъ появились рецензіи: «хорошій матеріалъ; если будетъ работать, выйдетъ что-нибудь... А пока нельзя выпускать въ отвѣтственныхъ роляхъ»... А свои—директора, режиссеры, дирижеры, всѣ эти власть имущіе пигмеи, пустили въ ходъ свои мѣры. И вотъ мнѣ даютъ Ольгу въ «Русалкѣ», пажа въ «Гугенотахъ»... Ахъ, да вы въ этомъ ничего не понимаете, мой другъ... Однимъ словомъ, весь сезонъ держатъ на полуроляхъ... Да, но все продолжаютъ нашептывать тихонько, въ уголкѣ, жмутъ руки, намекаютъ, называютъ роли, отъ которыхъ кровь въ голову бросается. Можете вы понять это? Представьте вы себѣ существо, въ которомъ все кипитъ и бѣшено рвется къ успѣху, къ славѣ, къ жизни. Развѣ есть что-нибудь, что пожалѣешь изъ-за этого? Добродѣтель? О, я видѣла, какъ всѣми она почтительно презирается, какъ мимо нея проходятъ съ кислой миной и какъ всѣмъ и всему она уступаетъ дорогу. Къ чорту добродѣтель, если она никому не нужна. Я видѣла артистокъ, которыя цинически, почти открыто отдавали себя всякому, кто только хотѣлъ. И что же? Ихъ воля была закономъ на сценѣ. Для нихъ не только ставили, но и создавали произведенія. Ихъ носили на рукахъ, а публика поклонялась имъ, какъ чистымъ богинямъ... Сцена, это—искусство. Искусство требуетъ таланта, покажи намъ талантъ, а до твоей добродѣтели намъ нѣтъ никакого дѣла. Добродѣтель требуется въ курятникѣ господина Чарльсона... Вы меня понимаете, мой другъ? Это немножко оправдываетъ меня въ вашихъ глазахъ? Немножко, немножко...

— Да, да... Я становлюсь на вашу точку зрѣнія, на точку зрѣнія таланта и понимаю васъ.

— И все-таки не жалѣете?

— Нѣтъ, радуюсь, если удастся помочь вамъ.

— Боже! Что вы за человѣкъ? Если бъ вы только знали, чего вы стоите... Но вы не понимаете еще одного: какъ они презрѣнны, какое я питаю къ нимъ отвращеніе... Нѣтъ, стойте... Идите сюда... Ближе, ближе,—я вамъ скажу это тихонько.

Она сжала мою руку и притянула меня близко къ себѣ.

— Поймите же, что я лишилась бы разсудка, если бы кто-нибудь изъ нихъ былъ первымъ...

— А кто же?—вырвалось у меня.

— Кто?—и въ красивомъ полумракѣ сверкнули ея чудные зубы.—Тотъ, кто этого стоитъ, кто заслужилъ своей нечеловѣческой преданностью.

Она придвинулась ближе къ подушкѣ и, поднявшись на локтѣ, другую руку положила мнѣ на плечо.

— А развѣ вчера мы не повѣнчались? Развѣ ты мнѣ не мужъ?—тихо, ласково говорила она и прикоснулась пальцами къ моей шеѣ.

— Но...—почти безъ мысли произнесъ я, самъ не зная, что именно хочу возразить; но она и не позволила мнѣ продолжать.

— Ахъ, да... Вы отказались отъ правъ... но я возвращаю вамъ ихъ на сегодня... Да будь же безуменъ, наконецъ... Слышишь?

VIII.

Что я былъ тогда безуменъ, какъ никогда въ жизни, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но я могу сказать по чистой совѣсти, что не разсчитывалъ ни на что подобное. Нѣтъ, не допускалъ даже и мысли. Я же зналъ, что она меня не любитъ, и самъ—повторяю это въ тысячный разъ—не былъ влюбленъ въ нее.

Но что же это было? Она была такъ очаровательна, такъ молода и такъ искренна. Развѣ этого недостаточно, чтобы сдѣлаться безумнымъ? И ко всему этому, она была моя жена.

Можетъ быть, кто-нибудь думаетъ, что, при тѣхъ особыхъ условіяхъ, это не имѣетъ значенія? О, какъ же! Всѣ моральныя границы, всѣ естественные въ подобныхъ случаяхъ протесты со-

вѣсти, тревожный шепотъ голоса чести—все это было, если мнѣ позволятъ такъ сказать, нейтрализовано небольшой бумажкой въ четверть листа, съ церковной печатью.

Потомъ, часа въ четыре дня, когда я благоразумно сидѣлъ за столомъ въ ея комнатѣ и курилъ папиросу, а она стояла передъ зеркаломъ и возилась съ своими обильными и пышными свѣтло-каштановыми волосами, я говорилъ:

— Хотя у васъ въ институтѣ этого не проходили, но вы навѣрно знаете, что иногда бываютъ дѣти...

— Мой другъ, во-первыхъ, о подобныхъ вещахъ не говорятъ на *вы*, да и кромѣ того намъ слѣдуетъ перемѣнить эту привычку, чтобы какъ можно больше походить на супруговъ. А во-вторыхъ, я ничего не имѣю противъ одного ребенка,—конечно, сына, который будетъ поддерживать меня въ старости... Я не думаю, чтобы это было такъ ужъ тяжело—вѣдь большинство женщинъ это переживаютъ.

— А сцена?

— И сцена ничего.

И она начала по пальцамъ высчитывать мѣсяцы. Выходило, что сезонъ ея тогда кончится въ январѣ, это немножко рано, но одинъ разъ ничего.

Она была въ чудномъ настроеніи, ежеминутно присаживалась ко мнѣ, говорила ласковыя слова, и ея распущенные волосы щекотали мнѣ лицо.

Мы вели себя какъ влюбленные, и я долженъ сказать, что эти московскіе тридцать шесть часовъ были счастливѣйшими часами моей жизни. Никогда потомъ я уже ничего подобнаго не испытывалъ, хотя обстоятельства, казалось бы, открывали передо мной возможность безумнаго и полнаго счастья.

Она соорудила прическу и надѣла шляпу. Было около шести часовъ, когда мы вышли изъ гостинницы и направились въ Эрмитажъ, который выбрали для обѣда.

Наташа—теперь ужъ она была Наташа—была очаровательна. Мнѣ казалось, что она именно въ Москвѣ пріобрѣла какія-то новыя качества красоты, которыхъ раньше ей не доставало. Такъ какъ она была въ отличномъ настроеніи, то часто улыбалась и была обольстительна. На нее смотрѣли прохожіе на улицѣ и сосѣди по столу въ ресторанѣ.

Потомъ мы поѣхали въ какой-то садъ, слушали куплеты и смотрѣли танцы, оттуда направились къ Яру, тамъ ужинали, пили шампанское и чокались, тоже что-то смотрѣли и слушали

и вернулись домой совершенно усталые, но веселые и довольные.

Между прочимъ мы говорили и о Павликѣ. Что онъ думаетъ обо всемъ этомъ?

— Я не знаю, что думаетъ онъ,—сказала Наташа,—но я о немъ много думаю. Бѣдный мой Павликъ получилъ въ наслѣдство стародворянскую гордость, но не получилъ средствъ, чтобы успѣшно примѣнять ее въ жизни. Вотъ онъ косился на Чарльсона, когда тотъ вздумалъ дѣлать предложеніе. А почему? Потому что Чарльсонъ, какъ Павликъ не безъ ѣдкости выразился, «на своей родинѣ чистилъ бы лошадей на конюшнѣ какого-нибудь лорда», а бѣдный мой Павликъ чувствуетъ себя лордомъ. Онъ не принялъ предложенія Чарльсона о землѣ тоже вѣдь единственно изъ гордости. Какъ же лордъ будетъ работать на какого-то куровода? А вотъ ты, мой другъ, хоть и ликвидаторъ (ахъ, какое смѣшное слово,—я долго не могла къ нему привыкнуть), но все же числишься въ дворянахъ, и бѣдный мой Павликъ былъ принужденъ отнестись къ нашему браку снисходительно. Да, бѣдный Павликъ задохнется въ своей гордости, если... Ахъ, все то же...— если я не заработаю ему много денегъ. А когда у него будетъ много денегъ, онъ будетъ великолѣпенъ. Да, мой милый ликвидаторъ, рыба можетъ жить только въ водѣ, а дворянинъ можетъ проявлять свое достоинство только при большихъ деньгахъ... Ахъ, знаешь, если бы отецъ поменьше проявлялъ свое дворянское достоинство, что̀ стоило ему очень дорого, и оставилъ бы намъ то, что̀ самъ получилъ отъ предковъ, я была бы одною изъ самыхъ добродѣтельныхъ женщинъ.

Умница Наташа. Право, я даже и не думалъ, что она такъ хорошо понимаетъ положеніе.

Въ тотъ же день мы покинули Москву. Ужасно не хотѣлось мнѣ уѣзжать изъ этого города, который неожиданно оказался для меня такимъ гостепріимнымъ. Петербургъ я зналъ прекрасно и любилъ его, но теперь онъ представлялся мнѣ мѣстомъ, гдѣ я долженъ осуществить лишь «нѣкоторыя обязанности мужа».

Такъ это приблизительно и вышло. Съ вокзала мы поѣхали на квартиру Наташи. Маленькая квартирка на набережной Мойки въ третьемъ этажѣ, всего три комнаты, обставленныя мило и уютно. Немало здѣсь было вещицъ, отъ которыхъ вѣяло изящной стариной богатаго барства. Это кое-что, не попавшее въ аукціонъ изъ обстановки покойнаго Стромилова.

И сейчасъ же начались мои обязанности. Въ моемъ распоряженіи для Петербурга было три недѣли, и я долженъ былъ

какъ можно тверже установить за Наташей репутацію замужней женщины.

Нѣтъ, она больше не мадмуазель Стромилова. Это имя остается только для сцены и то лишь потому, что тамъ оно пріобрѣло все-таки хоть маленькую извѣстность. Теперь она мадамъ Щербатьева—моя жена. Въ ея маленькой спальнѣ рядомъ съ ея кроватью появилась другая, кровать ея мужа. Это такъ естественно, не правда ли?

Само собою разумѣется, что мы должны были сдѣлать визиты теткамъ Наташи. Онѣ были двоюродныя; каждая представляла собой самостоятельную единицу, у каждой была квартира; обѣ были старыя и захудалыя, изъ послѣднихъ силъ поддерживавшія приличный тонъ.

На Наташу онѣ сердились и, какъ казалось, были непримиримы. Но когда имъ доложили о прибытіи Наташи съ мужемъ, онѣ страшно заинтересовались и поспѣшили принять.

Въ меня вглядывались, меня всячески ощупывали и глазами, и разспросами. Конечно, я не графъ и не князь, состоянія у меня нѣтъ никакого, но я дворянинъ и служу.

Имя Щербатьевыхъ не звонкое, хотя впрочемъ что-то такое было при Екатеринѣ: нѣкій Щербатьевъ проявилъ гражданскую доблесть, предавъ императрицѣ ея враговъ. Но я этимъ подвигомъ моего отдаленнаго предка не гордился.

Обѣ тетки были очень успокоены замужествомъ Наташи. Театръ представляетъ столько соблазновъ для женщины, а мужъ въ ихъ глазахъ являлся гарантіей добродѣтели.

Хорошо также, что теперь нѣтъ надобности въ театрѣ выступать подъ именемъ Стромиловой, которое ей уже не принадлежитъ. Естественно, я захочу, чтобы она прославила именно мое имя.

Наташа горячо возражала: имя Стромиловой уже знаетъ публика. Но я сейчасъ же нашелъ примиреніе: можно поставить двойную фамилію— Стромилова-Щербатьева, а потомъ осторожно убрать первую часть и останется только Щербатьева.

Тетки нашли это остроумнымъ и, прощаясь съ нами, выражали мнѣ благосклонность.

Потомъ, когда начались репетиціи, я каждый день появлялся за кулисами. Наташа перезнакомила меня съ десятками лицъ.

— Это мой мужъ. Позвольте представить вамъ моего мужа.

— А, такъ вы вышли замужъ! А!..

Почему-то это всѣмъ доставляло величайшее удовольствіе. Въ особенности заинтересовался моей личностью одинъ изъ ди-

ректоровъ, широкоплечій господинъ съ длинной, узкой, явно выкрашенной, черной бородой, съ большимъ горбатымъ носомъ и небольшой, словно аккуратно пробритой, лысинкой на макушкѣ.

Онъ чрезвычайно любезно говорилъ со мной и смотрѣлъ при этомъ на меня такимъ ласковымъ взглядомъ, какъ будто благодарилъ меня за что-то.

На Наташу онъ посматривалъ нѣсколько инымъ взглядомъ и при этомъ говорилъ:

— Будущая знаменитость... Можетъ быть, мы будемъ гордиться вашей супругой. У нея есть данныя, многообѣщающія данныя...

Я замѣтилъ, что главный дирижеръ—человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ большой кудрявой головой, которую онъ держалъ такъ высоко, величественно и съ такимъ вызывающимъ видомъ, какъ будто онъ управлялъ не оркестромъ опернаго театра, а движеніемъ планетъ въ міровомъ пространствѣ—въ такія минуты обращался къ крашеному директору съ язвительнымъ замѣчаніемъ и какъ-то по собачьи оскаливалъ свои желтые зубы.

Наташа здѣсь нравилась; это не подлежало сомнѣнію, и было ясно, что ей стоитъ только захотѣть, чтобы царить.

Забѣгали сюда журналисты, болтались еще какіе-то совершенно неприкосновенные къ дѣлу господа, и многіе изъ нихъ своими благосклонными взорами выдѣляли мою жену, а когда узнавали, что она вышла замужъ и что я ея мужъ, жали мнѣ руку и, право же, мнѣ такъ казалось—съ благодарностью.

Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ каждый изъ нихъ надѣялся, и не могъ заранѣе не оцѣнить услугу человѣка, который беретъ на себя всѣ ихъ будущіе грѣхи.

А Наташа съ неподражаемымъ искусствомъ каждому отмѣривала любезности и ласковости ровно столько, сколько онъ стоитъ, и всѣмъ имъ,—ахъ, это я видѣлъ, что всѣмъ,—подавала маленькую надежду.

И я, вспоминая объ истекающемъ на дняхъ срокѣ моего отпуска, думалъ о томъ, что же это будетъ съ моимъ почтеннымъ именемъ? Но никакихъ терзаній ревности я не ощущалъ. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ тогда казалось.

Да, несмотря ни на что—на очарованіе московскихъ тридцати-шести часовъ, и на то, что жена моя была прелестна, я не влюбился въ нее ни капли, я все еще чувствовалъ себя безконечно-преданнымъ... Это можетъ показаться чудомъ, но это было такъ.

Что помѣшало этому въ тѣ дни, трудно сказать. Можетъ быть, во мнѣ зашевелились старые-престарые, еще студенческихъ временъ «завѣты», такъ и оставшіеся непримѣненными къ жизни, завѣты, согласно которымъ любовь и вѣрность не были предразсудками. Можетъ быть—это. Правда, этихъ завѣтовъ не надолго хватило...

Но вѣрно то, что меня тяготило мое положеніе и мнѣ хотѣлось поскорѣе уѣхать изъ Петербурга. Ничего еще, конечно, не случилось, но уже совершенно ясна была линія, которую поведетъ Наташа.

О, я нисколько не жалѣлъ о своемъ поступкѣ. Почему? Я былъ по прежнему преданъ Натальѣ Сергѣевнѣ, а теперь даже какими-то особенными непонятными узами привязался къ ней, вѣрилъ въ ея талантъ, желалъ, чтобы она сдѣлала блестящую карьеру и всячески наслаждалась жизнью.

Въ сущности я далъ ей то, что мнѣ вовсе не было нужно и даже получилъ щедрую награду—тридцать шесть счастливѣйшихъ часовъ въ жизни. Я оказалъ услугу и отошелъ. Вотъ еще четыре дня и отойду совсѣмъ. Остальное не будетъ до меня касаться.

Если у Наташи будетъ мой ребенокъ, отлично. Это будетъ пріятный маленькій даръ судьбы... А что *не моего* ребенка у нея не будетъ, въ этомъ она сама, безъ понужденія съ моей стороны, дала мнѣ клятву. Прекрасно. Она это лучше знаетъ. Это ея дѣло.

Конецъ августа. Завтра я уѣзжаю изъ Петербурга. У жены моей есть безсрочный паспортъ. Она отъ меня не зависитъ.

Мой чемоданъ въ порядкѣ. Я думаю о завтрашнемъ днѣ. Но что же это? Наташа положила голову на мое плечо и плачетъ.

Я пораженъ, я даже какъ будто удивленъ, что у нея есть слезы, она можетъ плакать.

Плачетъ и вся вздрагиваетъ, стискиваетъ мою руку и говоритъ, что ей страшно. Чего?

О Боже! Развѣ я не вижу, какія чудовища окружаютъ ее и что они съ нею сдѣлаютъ и во что превратятъ ее!

Да, я почти знаю это, но развѣ я въ силахъ предотвратить? Вѣдь я буду смѣшонъ, если предложу ей бросить все,—сцену, карьеру и уѣхать со мной и влачить скромную долю жены ликвидатора, или добиваться славы другимъ путемъ—прямымъ и чистымъ...

И помню, что, когда я произнесъ эти слова, другія слова, никогда не произнесенныя, прозвучали въ моей душѣ.

Журналы

«Тогда я способенъ былъ бы любить тебя больше жизни».

Они никогда не были произнесены, потому что я не хотѣлъ быть еще болѣе смѣшнымъ. Но въ этомъ не было и надобности.

Наташа отрицательно покачала головой. Нѣтъ, она этого не выдержитъ. Вѣдь она отравлена, и не сценой только—этимъ жалкимъ однимъ сезономъ, который ничего не далъ ей, кромѣ огорченій,—а гораздо раньше, когда она жила при отцѣ и когда выполнялись всѣ, даже самыя глупыя ея желанія.

Деньги сыпались изъ какого-то невѣдомаго мѣшка, а она не знала, что проѣдается ея и Павлика будущее; она думала, что такъ будетъ всю жизнь.

Въ душѣ ея раздразнили аппетитъ къ жизни, ее пріучили къ пиру. И она не можетъ довольствоваться жалкой похлебкой.

Нѣтъ, то, что должно быть, пусть случится, но страшно, страшно...

И такъ безмощно смотрѣла она въ мои глаза, такъ горячо сжимала мою руку, такъ любовно гладила мои волосы, что мнѣ казалось,—не одинъ страхъ, не одна беззащитность вызываютъ въ ней такое настроеніе, а какое-то новое чувство ко мнѣ.

Въ голосѣ ея звучала глубокая нѣжность. «Неужели, думалъ я:—неужели она любитъ?.» Блестящая, обаятельная, окруженная десятками поклонниковъ, среди которыхъ есть и значительные, и интересные, Наталья Сергѣевна Стромилова, «маленькое солнце», любитъ меня, незамѣтнаго, рѣшительно ничѣмъ не выдающагося человѣка, скромнѣйшаго ликвидатора?.

Я поставилъ себѣ этотъ вопросъ, но не разрѣшилъ его. Онъ такъ и остался безъ отвѣта.

А на другой день Наташа уже овладѣла собой. Послѣ репетиціи хлопотала о моихъ вещахъ и проводахъ, заботливо спрашивала, есть ли у меня спальное мѣсто, но дѣлала это все съ тѣмъ спокойнымъ юморомъ, который былъ ей свойственъ.

Я такъ и рѣшилъ, что вчерашнее было мимолетное настроеніе, не больше, и съ этимъ убѣжденіемъ уѣхалъ.

IX.

Какъ только поѣздъ оторвался отъ Петербургской почвы, мысли мои тоже вдругъ съ какой-то необыкновенной стремительностью ринулись въ область, которая казалась уже забытой.

Почти мѣсяцъ прошелъ со дня моей женитьбы—и за это

время я ни разу не думалъ о Марьѣ Григорьевнѣ. А теперь почему-то она предстала передо мной, какъ живая.

Я видѣлъ ея смуглое, смѣющееся лицо, слышалъ ея веселый голосъ; мнѣ захотѣлось увидѣть ее воочію. Я вдругъ соскучился по ней. А главное —чувствовалъ себя передъ нею виноватымъ.

Какъ же нѣтъ? Ну, положимъ, тогда я находился въ какомъ-то трансѣ преданности и былъ страшно занятъ своимъ маленькимъ подвигомъ. Тогда меня подкрѣпляло убѣжденіе, что для нея, Марьи Григорьевны, ничто не измѣнится.

Но вѣдь оно измѣнилось. Москва, эти непредусмотрѣнные тридцать-шесть часовъ—все измѣнили. И вотъ я, ко всему остальному, еще и виноватъ.

Это сознаніе, однако, не особенно тревожило меня. Я былъ увѣренъ, что Марья Григорьевна отнесется къ происшедшему философски, какъ относилась ко всему.

Да и кромѣ того, развѣ это ужъ такъ твердо установлено, что она сама никогда не была виновата передо мной? О, навѣрно. При нашей-то терпимости и спокойномъ, черезчуръ спокойномъ отношеніи другъ къ другу.

Я поѣхалъ прямо въ губернскій городъ, гдѣ долженъ былъ, по истеченіи отпуска, явиться къ начальству. Все это я продѣлалъ и пошелъ къ Марьѣ Григорьевнѣ.

У меня было пріятное настроеніе грѣшника, рѣшившаго покаяться и совершенно увѣреннаго въ прощеніи. Мнѣ рисовалось, какъ весело будетъ хохотать моя пріятельница надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что я вдругъ оказываюсь женатымъ.

Но вышло нѣсколько иначе. Мнѣ не пришлось ни каяться, ни даже разсказывать свою исторію. Марья Григорьевна знала уже все. Знала вся губернія, такъ какъ же ей было не знать? Она уже «отсмѣялась», и теперь эта исторія ее больше не смѣшила.

Я сперва не замѣтилъ этого и началъ шутливо говорить о томъ, что этотъ бракъ съ моей стороны—простая пріятельская услуга, что онъ ничего не мѣняетъ, и что я по прежнему остаюсь закоренѣлымъ холостякомъ.

— Я вамъ вѣрю,—сказала Марья Григорьевна,—я даже такъ и думала. Зная нѣкоторыя обстоятельства изъ жизни Стромиловыхъ, я должна была именно такъ объяснить... Но почему вы разсказываете мнѣ это? Вѣдь мнѣ все равно.

— То-есть въ какомъ смыслѣ все равно?

— Послушайте, мой другъ, я могу только дать вамъ совѣтъ на будущее время: вы можете самымъ коварнымъ образомъ измѣ-

нить женщинѣ — она вамъ проститъ. Вы можете сдѣлать послѣднюю низость—украсть, совершить убійство, передернуть въ картахъ; она найдетъ оправданіе и будетъ на вашей сторонѣ. Но если вы унизите ее передъ обществомъ, въ которомъ она живетъ, можете быть увѣрены, что между вами и ею кончено...

— Но въ чемъ же тутъ униженіе?

— Пустяки... маленькая забывчивость... Простой недостатокъ вниманія... Если бъ вы объ этомъ подумали, то также по дружески, какъ это бывало всегда, предупредили бы меня; тогда эти ваши объясненія я приняла бы—конечно, повѣрила бы вамъ, хотя это и мало вѣроятно, и мы вмѣстѣ смѣялись бы... И тогда человѣку, раскрывшему ротъ, чтобъ разсказать мнѣ это, я сказала бы: не трудитесь, я все это знаю. Неужели вы думаете, что отъ меня это скрыто? Это было такъ-то и такъ-то... и онъ сейчасъ же закрылъ бы ротъ. А вы поставили меня въ положеніе, когда я должна была изумляться, краснѣть, смущаться, восклицать «неужели?» и бормотать какой-то унизительный вздоръ. Я это пережила—и довольно...

— Довольно?

— Довольно, мой другъ. При всей моей слабости къ вамъ, я этого не въ состояніи простить вамъ. У насъ съ вами больше ничего не выйдетъ. Я могу вамъ только предложить чаю съ вишневымъ вареньемъ...

И я пилъ чай съ вишневымъ вареньемъ, а потомъ ушелъ отъ Марьи Григорьевны, чувствуя себя въ положеніи Адама, изгнаннаго изъ рая.

Да, вотъ я потерялъ вѣрнаго человѣка, маленькій уютный уголокъ, въ которомъ можно было безпечно смѣяться и отдыхать отъ сѣрой, тягучей и какой-то безнадежно пустынной жизни ликвидатора. Теперь ужъ мнѣ некуда пріѣзжать, когда вздумается, когда потянетъ. Въ Петербургъ? О нѣтъ: то до меня не касается, и не знаю, потянетъ ли меня.

Я отправился къ исполненію своихъ обязанностей. Дѣла были запущены, и ихъ хватитъ надолго.

Павелъ Сергѣевичъ встрѣтилъ меня по родственному. Поцѣловались.

Ну, что же? Я навѣрно уже хлопочу о переводѣ въ Петербургъ?

Да, я началъ хлопоты, пока не оффиціально. Это оказывается не такъ просто. У казенной службы есть свои причуды. Меня, конечно, и сейчасъ могутъ перевести, но я потеряю по службѣ.

— Какъ странно, какъ странно,—говорилъ Павелъ.—Она тамъ, ты здѣсь... Зачѣмъ же тогда было вѣнчаться?

— Но, милый Павелъ, ты требуешь отъ насъ слишкомъ точной разсчетливости. Вступленіе въ бракъ обусловливается и кое-чѣмъ другимъ. Наташа очень тебѣ кланяется и проситъ написать о твоихъ дѣлахъ.

— Мои дѣла еще впереди. Пашемъ озими. Завтра пришлютъ изъ Москвы сѣмена. Я выписалъ чудные плуги. А рядовая сѣялка, ты не видѣлъ? Послѣднее слово...

— Ну, а садъ?

— Садъ? Что же? Я зналъ, что онъ запущенъ... Конечно, выросла дрянь, но въ будущемъ году, ты увидишь... Ахъ да, я купилъ чуднаго жеребенка. Здѣсь вѣдь въ тридцати верстахъ конный заводъ графа Дурасова. Онъ увлекается метизаціей. И этотъ мой—чудный метисъ... И достался онъ мнѣ прямо за грошъ—всего за двѣсти рублей. Годовалый.

— Да, это дешево... Но что же съ нимъ будешь дѣлать?

— Со временемъ я, можетъ быть, отправлю его въ Москву и пущу на бѣга. Теперь метисы, братъ, забили орловцевъ и забрали лучшіе призы.

Я сдѣлалъ преогромные глаза, но не сказалъ ни слова. Павелъ развивалъ свою мысль. Конечно, его метисъ, который, не смотря на свой юный возрастъ, носитъ уже гордое имя—Сарданапалъ, можетъ и ничего не сдѣлать, но вѣдь онъ ничѣмъ и не рискуетъ. А вдругъ онъ обнаружитъ классъ и начнетъ брать призы! Тогда вѣдь на этомъ можно поправить всѣ дѣла... И вѣдь вотъ что важно—онъ забылъ это сказать: Сарданапалъ записанъ на многіе бѣга. Онъ даже на Дерби имѣетъ право бѣжать. У Стромиловыхъ прежде былъ конскій заводъ. Лошади ихъ бѣгали и брали призы. Отецъ раньше занимался этимъ, потомъ бросилъ...

Я молчалъ и давалъ ему говорить, сколько угодно. Но жалко было мнѣ смотрѣть на него.

«Атавизмъ», подумалъ я,—и какъ глупо, безпомощно онъ выражается. Можетъ быть, это были послѣдніе двѣсти рублей, оставшіеся отъ продажи послѣдней рощи—и онъ не могъ удержаться, выбросилъ ихъ на лошадь.

Эхъ, нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Наташа, выручай-ка бѣднаго Павлика поскорѣе... Ничего другого не остается. Я ужасно люблю его, твоего Павлика. Такой онъ милый, такая прозрачная у него душа, и такой онъ безпомощный въ своей наслѣдственной наивности.

Смотрю я на его красивую голову и думаю: ахъ, сколько тамъ заложено фантазій и причудъ, и всѣ онѣ могли бы проявиться красиво и благородно, если бы была единственная жизненная для нихъ почва—деньги, много денегъ, при томъ шальныя и, Боже сохрани, не добытыя трудомъ или талантомъ, а просто доставшіяся зря.

И слава еще Богу, что эти причуды и фантазіи спятъ и только изрѣдка выскочитъ какая-нибудь шальная и продѣлаетъ жалкое антраша, вродѣ вотъ этого метиса Сарданапала, съ пеленокъ предназначеннаго взять Дерби. Храни Богъ, если бы онѣ всѣ воспрянули въ его мозгу: замучили бы человѣка.

И въ эти минуты я готовъ былъ признать законность, нѣтъ—даже добродѣтельность Наташинаго плана.

Пусть она тамъ треплетъ мое имя, только бы поскорѣе и себѣ и ему вернуть «прирожденныя условія», безъ которыхъ оба они задохнутся.

На другой день, когда пришли изъ Москвы сѣмена озимой ржи, Павелъ явился ко мнѣ во флигель блѣдный и совершенно разстроенный. Въ самое горячее время мужики, нанявшіеся пахать и сѣять, отказались отъ работъ.

Да почему же? Можетъ быть, онъ не платитъ или даетъ плохую цѣну?

Нѣтъ, и платитъ и цѣну они сами назначали; у него вѣдь отъ рощи осталось рублей двѣсти. А почему-то всѣ ушли въ имѣніе вотъ этого самого графа Дурасова; вся деревня туда ушла, за тридцать верстъ.

— Ну, еще бы! На этомъ ты можешь поставить крестъ. Отъ графа Дурасова ни одна душа не вернется, пока тамъ не вспашутъ и не посѣютъ все до послѣдняго клочка земли,—сказалъ я ему мало утѣшительную вещь.

Это такъ и было на самомъ дѣлѣ. Имѣніе графа Дурасова я зналъ очень хорошо. Еще когда начиналась моя ликвидаторская дѣятельность, въ первую голову мнѣ пришлось участвовать въ оцѣнкѣ земли, которую графъ продавалъ банку, а потомъ разверстывать ту землю на хуторные участки и водворять на нихъ хуторянъ.

Когда-то графы Дурасовы владѣли здѣсь чуть не половиной губерніи, но постепенно и, должно быть, незамѣтно для нихъ самихъ, владѣнія ихъ своеобразно «округлялись» путемъ продажи «излишнихъ», дальнихъ участковъ, якобы обременявшихъ и затруднявшихъ хозяйство.

Въ дѣйствительности дѣло объяснялось гораздо проще:

у графовъ были дворцы и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ, и въ Ниццѣ, и графамъ на все это нужны были деньги.

Тѣмъ не менѣе, въ то время, когда мнѣ пришлось приступить къ ликвидаціи, графамъ Дурасовымъ принадлежала еще внушительная площадь поверхности нашей планеты: у нихъ числилось сорокъ пять тысячъ десятинъ. Но восемнадцать тысячъ изъ нихъ тогда перешло къ банку.

Мнѣ пришлось прожить въ имѣніи нѣсколько мѣсяцевъ, и я, глядя на причуды графской фантазіи, могъ безошибочно вычислить, что лѣтъ черезъ семь мой преемникъ по должности (такъ какъ я разсчитывалъ на повышеніе) ликвидируетъ половину остатка графской земли, а еще черезъ семь туда же пойдетъ и все остальное. Тогдашній представитель рода будетъ по всей вѣроятности занимать выдающійся постъ по администраціи и, нуждаясь въ казенномъ жалованьи, будетъ считаться кандидатомъ въ товарищи министра.

Одинъ конскій заводъ чего стоилъ. Молодые жеребята, потомки знаменитыхъ предковъ, воспитывались, какъ настоящіе принцы лошадинаго царства. Лицеисты и правовѣды могли бы позавидовать почтительному уходу за этими избранниками судьбы.

Ну, разумѣется, наиболѣе талантливые экземпляры блистали на бѣговыхъ ипподромахъ столицъ, вывозились даже за границу; но если бы они забирали всѣ крупнѣйшіе призы всего міра, то все же не окупили бы своего царственнаго содержанія.

Объ усадьбѣ и говорить нечего. Владѣльцы жили гдѣ угодно, только не въ имѣніи. Самъ нынѣшній глава рода, пятидесятилѣтній великанъ и красавецъ, пріѣзжалъ на одинъ мѣсяцъ въ году, очевидно, чтобы «поддержать связь» съ родными мѣстами. Объѣзжалъ владѣнія, все находилъ въ порядкѣ и одобрялъ.

Но вѣдь каждую минуту они могли пріѣхать. Вдругъ вздумается... И потому все всегда держалось наготовѣ: изысканные цвѣты въ оранжереяхъ, персики и ананасы въ теплицахъ, рейнклоды и абрикосы въ грунтовыхъ сараяхъ, форели въ проточныхъ прудахъ.

Вѣдали всѣ эти статьи настоящіе маэстро, иностранцы, получавшіе министерскіе оклады и воровавшіе втрое.

Одинъ изъ прежнихъ управляющихъ князя по близости открылъ винокуренный заводъ, и бывшій садовникъ его держалъ въ Москвѣ складъ сельско-хозяйственныхъ машинъ.

Когда же начиналась рабочая пора на княжескихъ пажи-

тяхъ, всякій, у кого только были руки, спѣшилъ наняться въ княжескую экономію. Въ особенности торопились туда молодые работники и бабы. Работа тамъ походила на праздникъ.

Когда-то, въ крѣпостныя времена, были заведены своеобразные порядки. Времена измѣнились, всѣ условія жизни стали новыми, а порядки остались неприкосновенными.

По окончаніи рабочаго дня, на княжескій счетъ устраивались вечеринки съ пряниками, орѣхами и всякими невзыскательными сластями. Для мужчинъ нерѣдко разливалось и пиво, а въ особо торжественныхъ случаяхъ выносили по стаканчику водки.

Особые молодцы, оплачиваемые экономіей, играли на гармоникахъ, бабы пѣли пѣсни, устраивались хороводы и стояло веселье.

По утрамъ тѣ же молодцы подымали спящихъ на работу мелодическими звуками гармоники.

Работа при столь веселыхъ условіяхъ, разумѣется, шла не Богъ знаетъ какъ споро. Вѣдь все это было похоже на сказку.

Но графъ настойчиво требовалъ этого. Онъ могъ простить своимъ служащимъ какія угодно упущенія въ хозяйствѣ и какое угодно воровство, но отступленія отъ старыхъ обычаевъ не прощалъ. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что такимъ образомъ охраняетъ святость старины.

Окрестные помѣщики ненавидѣли графа, находя, что онъ развращаетъ рабочихъ, а сами рабочіе называли его «графомъ Дурандасомъ».

— Такъ что же дѣлать?—спросилъ меня Павелъ, когда я разсказалъ ему все это.—Не могу же я бросить всѣ работы.

— Ну, это я какъ-нибудь тебѣ устрою,—сказалъ я и отправился на недавно моими же руками насажденные хутора. Тамъ у меня были знакомые хуторяне, съ почтеніемъ относившіеся къ моей кокардѣ. Мнѣ не трудно было уговорить четырехъ мужиковъ взяться за работу въ усадьбѣ, и такимъ образомъ утѣшить Павла.

X.

Зима наступила ранняя. Въ теченіе сентября и октября я получилъ отъ Наташи нѣсколько писемъ. Они были не длинны, всѣ начинались «милый другъ» или «мой дорогой ликвидаторъ» и были написаны поспѣшно, человѣкомъ, у котораго дѣла по горло и отъ работы кружится голова.

Наташа писала, что разучиваетъ какую-то новую партію, что день ея весь занятъ репетиціями и уроками, но что на сценѣ пока она не выступаетъ.

«Меня хотѣли по прежнему выпустить въ прошлогоднихъ полуроляхъ, но отъ этого удалось отбояриться. Да, удалось... Нѣтъ, ужъ теперь этого отъ меня не дождутся. Хочу, чтобы публика основательно забыла о томъ, что я пѣла когда-то ненавистныхъ пажиковъ, которымъ даны куриныя арійки, но приходится стоять на сценѣ по цѣлымъ часамъ и держать шлейфъ какой-нибудь оперной королевы. Скоро обо мнѣ узнаетъ вся Россія»...

Изъ этого я долженъ былъ заключить о томъ, что Наташа научилась ладить съ оперными властелинами.

Удалось... Но какимъ образомъ? Я старался не думать. Я закрывалъ на это глаза. Я увѣрялъ себя, что это до меня не касается, что она совершенно свободна въ своихъ дѣлахъ, что вообще роль моя въ ея жизни кончена.

Однажды, это было въ концѣ ноября, Павелъ встрѣтилъ меня радостнымъ привѣтствіемъ.

— Поздравляю тебя, счастливый супругъ! Въ самомъ дѣлѣ, это должно доставить тебѣ большое удовольствіе.

И онъ показалъ мнѣ газету, въ которой поля были обведены карандашемъ. Тамъ была длиннѣйшая статья о первомъ представленіи «Травіаты».

Не знаю, что выражало мое лицо, когда я читалъ статью. Но буквы прыгали передъ моими глазами. Что за восторженный тонъ! Какія отмѣнныя слова!

Откуда это вдругъ, послѣ прошлогоднихъ рецензій, кислыхъ, неопредѣленныхъ, расплывчатыхъ? Изъ подающей надежды и могущей осуществить ихъ при условіи упорнаго труда, Наташа была сразу возведена въ чинъ «украшенія русской оперной сцены».

«Госпожа Стромилова удлинила свою фамилію, прибавивъ къ ней «Щербатьева», что указываетъ на перемѣну ея семейнаго положенія; но право, можно подумать, что эта незначительная прибавка волшебнымъ образомъ повліяла на ея артистическую индивидуальность. Вчера она выступила въ отвѣтственной партіи Віолетты и мы можемъ сказать смѣло, что русская сцена до сихъ поръ не видѣла такой Віолетты, блестящей и законченной рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ. Дивный голосъ молодой артистки звучалъ свободно и легко во всѣхъ регистрахъ. Ея безупречная колоратура, ея соловьиная трель не только примирили

слушателей съ устарѣвшими формами Вердіевской музыки, но заставили сожалѣть, что не вся оперная музыка написана въ этихъ формахъ. Но еще выше стояла артистическая сторона. Віолетта въ изображеніи госпожи Стромиловой-Щербатьевой была сама жизнь,—изящно и трогательно страдающая, своей трагической судьбой тронувшая слушателей до глубины сердецъ. Во время послѣдней сцены мы видѣли слезы на глазахъ зрителей... Мы сами не могли удержаться отъ слезъ... И мы не запомнимъ такого потрясающаго успѣха, такихъ безчисленныхъ вызововъ, такого искренняго восторга публики. Да, наконецъ-то, мы можемъ поздравить русскую оперную сцену съ истиннымъ вдохновеннымъ талантомъ. Мы слышали, что послѣ дебюта, тутъ же, въ театрѣ, госпожа Стромилова-Щербатьева получила блестящее предложеніе за границу. Намъ будетъ очень грустно потерять такую артистическую силу, но утѣшеніемъ послужить для насъ то, что молодая пѣвица прославитъ во всемъ мірѣ русское искусство».

Вотъ что было написано и, конечно, не въ шутку.

— Каково?—воскликнулъ надъ моимъ ухомъ Павелъ,—Наташа-то не ударила лицомъ въ грязь... Да вѣдь я же это говорилъ, я всегда зналъ, что она сдѣлаетъ блестящую карьеру. Ну, что ты на это скажешь, счастливый ликвидаторъ? Я думаю, тебѣ теперь хотѣлось бы взмахнуть крыльями и полетѣть въ Петербургъ.

Но у меня не было и мысли о крыльяхъ. Я посмотрѣлъ на подпись подъ статьей. Тамъ стояло: «Квинта»—и я зналъ эту квинту.

Среди толкавшейся за кулисами публики, во время репетицій, въ дни моего «свадебнаго путешествія» въ Петербургъ, Наташа познакомила меня съ господиномъ, носившимъ фамилію Дебурскаго. Квинта—былъ его псевдонимъ. Онъ писалъ въ одной изъ самыхъ бойкихъ и ходкихъ столичныхъ газетъ.

Это былъ господинъ невысокаго роста, необыкновенно широкоплечій и какъ-то съуживавшійся книзу, на подобіе обращеннаго конуса. Голова его была украшена цѣлой гривой черныхъ и какихъ-то упругихъ, топорщившихся кверху волосъ. И лицо у него было смуглое, какъ давно почищенный ваксой сапогъ.

Мнѣ тогда бросился въ глаза его сильно потертый черный сюртукъ и не особенно чистыя манжеты и воротничекъ рубахи. Руки у него были большія и потныя, отъ него пахло нечистоплотностью, непріятно было съ нимъ бесѣдовать.

Наташа тогда шепнула мнѣ: «Не правда ли, противная личность? Но онъ самый вліятельный рецензентъ».

И это конечно заставило меня разсыпаться передъ нимъ во всевозможныхъ любезностяхъ.

Я и тогда замѣтилъ, что его маленькіе черные глазки, какъ иглы, впивались въ шею и плечи Наташи.

И теперь я смотрѣлъ на его подпись и думалъ: «Неужели? Неужели?»

И долженъ былъ отвѣтить себѣ: да, это такъ и есть. Ничѣмъ другимъ нельзя было извлечь изъ него такой восторгъ. Удалось...

И вотъ въ эту-то минуту Наташа представилась мнѣ въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ это было раньше. Нѣтъ, нѣтъ, не брезгливость я ощутилъ къ ней, не презрѣніе по поводу ея неразборчивости, а жалость къ ней, къ этому юному прекрасному цвѣтку, который не виноватъ въ томъ, что противный, мерзкій червякъ коснулся его прозрачныхъ лепестковъ и запачкалъ ихъ...

Что въ груди ея сидѣлъ и тосковалъ по славѣ талантъ—это не подлежало сомнѣнію. Таково уже свойство таланта: онъ не можетъ довольствоваться сознаніемъ своего бытія, онъ повелительно требуетъ общаго признанія.

И вотъ, на дорогѣ стоитъ препятствіе въ видѣ этихъ кровожадныхъ «власть имущихъ». Они протягиваютъ свои грязныя руки и требуютъ осуществленія своего права.

Въ ихъ рукахъ ключи отъ наглухо запертыхъ воротъ славы. Они могутъ навсегда отпихнуть тебя отъ этихъ воротъ ядовитыми словами, на которыя они такіе мастера, изгадить твою репутацію, сдѣлать тебя смѣшнымъ, но могутъ и распахнуть передъ тобой ворота: иди и вкушай отъ напитка боговъ.

А тамъ, за воротами, передъ тобой уже открывается широкая всесвѣтная дорога.

Да, можно устоять, и были сильныя женщины, которымъ это удавалось: онѣ предпочитали оставаться по эту сторону воротъ, чѣмъ позволить прикоснуться къ нимъ грязнымъ привратникамъ. Но это были подвижницы, героини, что ни для кого не обязательно.

Наташа вся горѣла желаніемъ славы, въ ней всегда жило сознаніе огненнаго таланта, который кричалъ въ ней и, все равно, никогда не далъ бы ей покоя, замучилъ бы ее, если бы она вздумала зажать ему ротъ.

Нѣтъ, конечно, она не подвижница; она слабая женщина.

Я представлялъ ее себѣ—чистую, изящную, такую свѣтлую, обаятельную, и рядомъ—эту грязную «Квинту»...

О, что должно было сдѣлаться съ ея очаровательной улыбкой, которая такъ всѣхъ плѣняла...

А Павелъ смотрѣлъ на меня, сіяющій, радостный и, должно быть, удивлялся тому, что я не прыгаю отъ восторга.

— Знаешь что, ликвидаторъ, пошлемъ ей телеграмму... поздравимъ... выразимъ восторгъ!

Это предложеніе застало меня врасплохъ.

Телеграмму,—это такъ естественно. Оба мы рады ея успѣху. Но подъ чѣмъ же я подпишусь? Подъ всѣмъ?

Мой восторгъ въ равной мѣрѣ будетъ относиться къ успѣху и ко всему, что ему предшествовало, къ слѣдствію и причинѣ, къ цѣли и къ средствамъ?

А Павликъ, не дожидаясь моего отвѣта, такъ какъ тутъ не могло быть двухъ отвѣтовъ, уже досталъ бумагу и карандашъ, и сочинялъ телеграмму.

«Отъ всей души поздравляемъ съ успѣхомъ. Восторженно ликуемъ...»

— Годится?—спросилъ онъ меня, поднося къ моимъ глазамъ бумагу.

— Очень ужъ обыкновенно...—сказалъ я, питая тайную надежду какъ-нибудь избѣжать слова «успѣхъ» и восторженнаго ликованія.

— Ну, сочиняй, любитель необыкновеннаго.

Я дѣйствительно принялся ломать голову и нашелъ-таки довольно дипломатическую форму.

«Прекрасному таланту шлемъ наше восторженное поклоненіе и нашу безумную любовь. Цѣлуемъ ручки, тоскуемъ».

— Вычурно,—сказалъ Павликъ, но не настаивалъ.—Ну все равно. Только бы поскорѣе. Подпишемъ.

И написалъ «Павликъ», а я рядомъ поставилъ «Ликвидаторъ». И телеграмма была отправлена съ верховымъ на станцію.

А дня черезъ три были получены отъ Наташи письма, которыя тоже доставили мнѣ много затрудненій. Ихъ принесли въ домъ, когда мы кончали обѣдъ—Павлику и мнѣ.

Павликъ сейчасъ же распечаталъ свое и началъ читать вслухъ.

Наташа описывала свой успѣхъ и сопутствовавшія ему ощущенія, туманно сообщала о какихъ-то выгодныхъ предложеніяхъ, не называя ихъ и не опредѣляя, благодарила за телеграмму, и прибавляла:

«Въ будущемъ сумасшедшія надежды, но въ настоящемъ довольно печально. Жалованья не прибавляютъ и еле-еле хватаетъ на необходимые расходы».

— Вотъ тебѣ и слава,—промолвилъ Павелъ:—Какъ же они смѣютъ не прибавить, если такой успѣхъ?

— Контрактъ,—объяснилъ я.—Очевидно, онъ составленъ до конца сезона.

— Какъ это глупо! А тебѣ что она пишетъ?

— Да должно быть то же самое,—отвѣтилъ я, кладя конвертъ въ боковой карманъ пиджака. И вдругъ я вспоминаю, что ко мнѣ какъ разъ въ этотъ часъ долженъ придти мужикъ изъ сосѣдняго села, уполномоченный по поводу покупки банковской земли.

Я наскоро выпилъ кофе, схватилъ фуражку и ушелъ во флигель.

Уполномоченнаго никакого не было, да онъ и не предполагался, я его выдумалъ. Это было такъ неосторожно со стороны Наташи посылать мнѣ письмо одновременно съ письмомъ Павлику, въ особенности, какъ мнѣ казалось, это письмо, въ которомъ, навѣрно, не все такъ мило и просто, какъ въ томъ.

На этотъ разъ я благополучно избѣжалъ чтенія письма вслухъ. Ужь конечно, теперь я его забуду дома, а потомъ потеряю.

А письмо дѣйствительно было необыкновенно.

«Милый мой мужъ, дорогой, безкорыстный, великодушный, благородный! Нѣтъ такого другого во всемъ свѣтѣ. Единственный человѣкъ, котораго я цѣню.

Вотъ тебѣ и признаніе. Чего же ты еще хочешь. Я этого не знала до сихъ поръ, вотъ до этого момента, когда, послѣ шумнаго, дикаго, нечеловѣческаго успѣха, неудержимыхъ восторговъ полнаго театра и противной слащавой закулисной суеты «цѣнителей и поклонниковъ», я осталась одна въ своей маленькой квартиркѣ. Ахъ, я хотѣла бы сказать «нашей»; но увы, не имѣю права, и это была бы неправда...

И вотъ вдругъ мнѣ это стало ясно, какъ день. Вотъ я сижу одна, и тоскую, и представляю себѣ тебя, и хочу, мучительно хочу, чтобы ты былъ со мной, сидѣлъ рядомъ, вотъ тутъ, держалъ мою руку въ своей.

Какія мысли! Боже мой, откуда? Вѣдь никогда ничего подобнаго не было. Въ нашей совмѣстной жизни было всего только тридцать шесть часовъ въ Москвѣ, но и они были не такіе,—дикіе какіе-то, неожиданно дикіе.

Мнѣ хочется отдохнуть съ тобой, потому что я ужасно, нестерпимо устала. Ахъ, отъ всего, отъ всего...

Но «обо всемъ» я не буду тебѣ писать. Противно. Ты видишь: я достигла. О, даже гораздо больше, чѣмъ надѣялась, хотя сейчасъ я сижу въ плохо топленной комнатѣ и согрѣваюсь только мыслью о тебѣ (дровъ не запасла, они страшно вздорожали, а всѣ деньги за этотъ мѣсяцъ ушли къ портнихѣ), но завтра у меня въ рукахъ будетъ контрактъ: Парижъ, Лондонъ, Монтекарло и еще что-то, ужъ не помню... А тамъ въ перспективѣ Америка...

И все это сдѣлалось благодаря твоему безумному великодушію, мой милый, и вотъ почему ты одинъ у меня, одинъ въ цѣломъ свѣтѣ.

О, я знаю, что въ твоей душѣ это звучитъ отвратительно, но не могу же я передъ тобой лгать, ломаться и прикидываться не тѣмъ, что есть.

Мой милый, такъ устроенъ свѣтъ. Я родилась женщиной и при томъ не безобразной, а это—самое ужасное препятствіе для добродѣтели...

Ахъ! не хочу объ этомъ, не хочу. Тебѣ навѣрно кажется, что я сдѣлалась истеричкой. Всѣ эти ахи, да охи... Но нѣтъ, это только сегодня. Мои нервы перегорѣли, какъ проволока, когда черезъ нее пущенъ слишкомъ сильный токъ. Я ожидала успѣха, но такого, право, даже и не представляла, что онъ можетъ быть.

Но все это вздоръ. Да, да, сейчасъ, въ эти минуты, когда я одна у себя въ квартирѣ, это вздоръ. Существенное только одно: что я страшно скучаю по тебѣ, хочу видѣть тебя и ласкать, ласкать безъ конца, мой милый ликвидаторъ. Твоя Наташа.

P. S. Ахъ, знаешь ли, какъ будетъ писаться мое имя заграницей? Во-первыхъ, «Стромилова» исчезаетъ навсегда. Мои старыя тетушки могутъ, поэтому, готовиться къ тихой, мирной и безмятежной кончинѣ. А во-вторыхъ, Щербатьевъ оказалось невозможнымъ. Для Щ. понадобилось бы цѣлыхъ четыре согласныхъ. Подумай. И будетъ Cerbatieff; по-итальянски—Чербатьевъ».

Вотъ какое письмо получилъ я отъ своей жены. Получилъ и испугался—самъ не знаю, чего.

Припомнилъ ли я то обаяніе, которое Наташа разливала вокругъ себя и которому было такъ трудно противостоять?

Я, положимъ, тогда не влюбился въ нее, а только «предался ей». Но, можетъ быть, это только потому, что я никакъ не могъ разсчитывать на сочувствіе и не хотѣлъ быть смѣшнымъ?

Вообще эта моя безумная преданность теперь казалась мнѣ подозрительной. Не маска ли это, безсознательная маска, чтобы хоть какъ-нибудь привязаться къ жизни этой женщины, которая сразу покорила меня?

А теперь, при этомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла, маска пожалуй спадетъ? Но она не спадала. Все еще держалась. Я только испугался, но стоялъ крѣпко.

На другой день раннимъ утромъ я поѣхалъ въ губернскій городъ, взялъ изъ своихъ чиновничьихъ сбереженій (у меня лежало на текущемъ счету болѣе двухъ тысячъ) пятьсотъ рублей и перевелъ ихъ Наташѣ.

При этомъ я послалъ ей телеграмму: «Пожалуйста хорошенько топи квартиру. Посылаю на дрова».

Но вѣдь это же можно объяснить одной преданностью. Ахъ, Боже мой, неужели надо быть влюбленнымъ въ женщину, чтобы послать ей четвертую часть своихъ сбереженій, когда она зябнетъ отъ холода въ квартирѣ? Вѣдь я же не послалъ все, я былъ разсчетливъ...

Черезъ день отвѣтъ; «Сумасшедшій. Но ужасно кстати. Обнимаю».

XI.

Какъ мы прожили съ Павликомъ эти дни, можно разсказать въ двухъ словахъ.

Ничего у насъ не произошло. Кругомъ лежалъ глубокій снѣгъ. Въ саду спали оголенныя деревья. Работъ у Павлика никакихъ, но зато онъ имѣлъ полную возможность питать фантастическія надежды на предстоящее лѣто.

И онъ постоянно говорилъ объ обильномъ урожаѣ ржи, но главное—сада, и высчитывалъ, сколько чего будетъ. Выходило всего много.

Онъ справлялся о цѣнахъ на зерно, яблоки, груши, даже на медъ и воскъ, такъ какъ твердо рѣшилъ съ весны завести пчелъ. И все было такъ утѣшительно, что лучшаго ничего нельзя было и представить.

Моя дѣятельность сводилась къ самой жалкой работѣ мытаря. Ни ликвидацій помѣщичьихъ земель, ни размежеванія участковъ, ни продажи ихъ крестьянамъ не производилось. Все лежало подъ снѣгомъ. Крестьяне забрались на печи и спали, всю зиму спали, какъ медвѣди въ берлогахъ, слѣзая съ печей только для того,

чтобы поѣсть, а въ праздники напиться, поругаться и подраться. Промышлять было нечѣмъ; оставалось спать, набираясь силы къ веснѣ.

И я ограничивался сборомъ платежей съ хуторянъ, ранѣе купившихъ землю. Садился въ сани, запряженныя земской тройкой, и закатывался на двѣ недѣли по своему участку. Отъ вьюги защищала меня непроницаемая доха изъ оленьяго мѣха. Ночевалъ я въ волостныхъ правленіяхъ, питая своею кровью волостныхъ клоповъ и другихъ тварей, кормился невообразимыми продуктами, но какимъ-то чудомъ оставался не только живъ, но и здоровъ.

Часто ѣздилъ въ губернскій городъ сдавать отчетъ о своей дѣятельности. И такъ прошла почти вся зима.

Отъ времени до времени въ приходившихъ изъ Петербурга газетахъ мы читали неизмѣнно восторженные отзывы о новой партіи, исполненной Наташею.

Сама она писала мнѣ не часто, но исправно. Письма были кратки, ласковы, но бурныя изліянія больше не повторялись.

Въ концѣ февраля я получилъ отъ Наташи слѣдующее посланіе.

«Мой милый другъ. Устройся, какъ знаешь, но я должна тебя видѣть сейчасъ, не откладывая ни на одинъ день. Могу терпѣть не больше того времени, сколько нужно тебѣ на переѣздъ въ Петербургъ. Зачѣмъ—мнѣ не удалось бы объяснить въ письмѣ. Но повѣрь мнѣ, что это дѣйствительно необходимо—для меня. Твоя Наташа».

Прочитавъ это письмо, я, что называется, сталъ въ тупикъ. Да, буквально, въ первыя минуты по крайней мѣрѣ, я растерялъ всѣ мысли и ничего не могъ сообразить. Павликъ вывелъ меня изъ этого состоянія.

— Что такое? Случилось что-нибудь?—спросилъ онъ, видя, что въ рукахъ у меня письмо отъ Наташи.

Я положилъ передъ нимъ письмо: читай.

— Я не люблю читать чужія письма.

— Если я тебѣ предлагаю...

Онъ уступилъ и прочиталъ.

— Да вѣдь это же такъ естественно,—сказалъ онъ,—я только не понимаю, почему вы такъ глупо устроились. Тебѣ непремѣнно нужно перевестись въ Петербургъ. Что это за дикая жизнь въ разныхъ концахъ Россіи...

Всѣ эти соображенія мнѣ нисколько не помогли. Вѣдь Павликъ разсуждалъ съ точки зрѣнія нормальныхъ отношеній.

А у меня въ головѣ зудили мысли совсѣмъ другого порядка.

Наташа требуетъ меня; да, требуетъ. И я совершенно опредѣленно чувствую, что на этотъ разъ мнѣ ужъ не отвертѣться. Конкретно я ничего не представлялъ себѣ, но было ясно, что отъ меня ждутъ какъ бы активности и что это перевернетъ вверхъ дномъ всю мою сѣрую, скромную, никому не нужную, но спокойную маленькую жизнь.

Съ служебной точки зрѣнія эта поѣздка была нелѣпость. Отпуска мнѣ не дадутъ, это настолько ясно, что я и просить не собирался. Вѣдь только лѣтомъ я использовалъ свой мѣсяцъ.

Я, положимъ, почти ничего не дѣлалъ,—такая благодатная была должность ликвидатора; но, все равно, долженъ быть на мѣстѣ. Значитъ, придется ѣхать въ Петербургъ воровскимъ манеромъ, тайно отъ начальства, стараясь въ дорогѣ отворачиваться отъ каждаго носителя кокарды, чтобы, не дай Богъ, какъ-нибудь не узналъ.

Кромѣ того, мнѣ просто жаль было оставить бѣднаго Павлика. Въ послѣдніе мѣсяцы онъ держался только мной. Я уговорилъ его брать съ меня плату за жилье и кормленіе. Своихъ денегъ у него совсѣмъ не осталось и продавать было нечего.

Всѣ надежды онъ возлагалъ на имѣющую уродиться рожь и на садъ. Но я хорошо видѣлъ, что надежды эти преувеличены и могутъ кончиться крахомъ.

Тѣмъ не менѣе, отвѣтить Наташѣ отказомъ я былъ не въ силахъ и рѣшилъ на другой день же отправиться въ губернскій городъ, тамъ захватить часть своихъ сбереженій, а оттуда тайкомъ въ Петербургъ.

Этотъ вечеръ мнѣ пришлось весь употребить на убѣжденіе Павлика взять у меня нѣсколько денегъ взаймы. Онъ понималъ, что безъ этихъ денегъ ему не дотянуть до весны и въ то же время всячески упирался и отговаривался совершенно вздорными возраженіями.

— Да вѣдь ты же не можешь остаться тамъ долго. Ты обязанъ скоро вернуться. У тебя служба...

— Да, конечно, но мало ли какія могутъ быть случайности. И вообще что за вздоръ. Вѣдь мы не чужіе: у тебя нѣтъ—ты берешь у меня; а мнѣ понадобится, я у тебя возьму. Какое же ты имѣешь право обижать меня недовѣріемъ?—И такъ далѣе. Доводы все извѣстные, и я въ концѣ концовъ таки убѣдилъ Павлика не столько ихъ убѣдительностью, сколько своей настойчивостью. Онъ взялъ-таки у меня деньги.

Я поѣхалъ въ губернскій городъ, тамъ забѣжалъ только въ банкъ, гдѣ лежали мои деньги, захватилъ ихъ ужъ всѣ полностью. Въ Крестьянскій банкъ, мѣсто моей службы, не только не заглянулъ, а всячески старался обойти его, и въ тотъ же вечеръ помчался въ Петербургъ.

Я не послалъ Наташѣ телеграмму не хотѣлъ, чтобы она таскалась на вокзалъ встрѣчать меня.

Въ половинѣ одиннадцатаго пришелъ мой поѣздъ въ Петербургъ, а черезъ четверть часа я подъѣзжалъ къ большому четырехэтажному дому на Мойкѣ.

Я снялъ шубу внизу у швейцара и, поднявшись въ третій этажъ, позвонилъ и вошелъ въ переднюю.

Въ столовой за столомъ сидѣла Наташа и пила утренній кофе. Я разглядѣлъ, что на ней былъ широкій бѣлый кружевной пеньюаръ.

Въ передней было темно, и она меня не разглядѣла, а ждала доклада горничной. Но я вошелъ прямо въ столовую, и тутъ произошла встрѣча, какой я рѣшительно не могъ ожидать.

Наташа встала, щеки ея покраснѣли, глаза зажглись.

— Милый!—воскликнула она и ринулась ко мнѣ и упала мнѣ на грудь, и въ ту же минуту я почувствовалъ, что она плачетъ.

Я ничего не понялъ и совершенно растерялся. Я почти понесъ ее въ слѣдующую комнату, рядомъ,—это былъ ея маленькій кабинетъ,—и усадилъ въ кресло.

Теперь лицо ея было блѣдно, и она улыбалась сквозь слезы. У нея кружилась голова.

— Но, Наташа, что же это? Я никакъ не ожидалъ этого...— Глупо, растерянно говорилъ я, а она только улыбалась и не выпускала моей руки.

— Погоди... Сейчасъ... Сейчасъ я приду въ себя. Возьми стулъ и сядь вотъ тутъ, рядомъ со мной... Ахъ, милый, ты пріѣхалъ... Какъ я рада, что ты послушался!.. А я боялась... я думала...

И новыя слезы, но безъ страданія, сквозь улыбку. Я взялъ стулъ и сѣлъ около нея и началъ разсматривать ее. Боже, что за перемѣна! Она невѣроятно, невозможно похудѣла. Какая-то измученность въ углахъ рта и подъ глазами. И вся фигура ея стала такая тоненькая, дѣтская.

— Что же это было?—спрашивалъ я.—Очевидно, ты была больна. Почему же ни слова мнѣ объ этомъ?

— Нѣтъ, постой... Вотъ я уже отошла. Нѣтъ, ни о чемъ не спрашивай. Я просто рада, безумно рада, вотъ и все.

И мнѣ пришлось отложить свои разспросы. Я только глядѣлъ на нее. Перемѣна не повредила ея красотѣ. Худоба лица, общая миніатюрность очень шли къ ней. Лицо ея сдѣлалось тоньше по очертаніямъ и казалось красивѣй.

Она жала мнѣ руку и смотрѣла на меня съ такой нѣжностью и, какъ мнѣ казалось, съ благодарностью, что я просто не зналъ, что дѣлать и какъ вести себя.

— Ну, вотъ и прошло. Все глупости. Я стала слишкомъ нервна. Вѣдь ты навѣрно не пилъ кофе... Пойдемъ въ столовую. Онъ еще горячъ.

Она тащила меня въ столовую, а тамъ хлопотала о кофе, бранила горничную за то, что сливки не достаточно горячи, укоряла меня за неприсылку телеграммы. О, она непремѣнно поѣхала бы на вокзалъ встрѣтить меня. И все это смѣшивалось и трудно было разобраться.

Напоивъ меня кофе, она начала торопиться въ театръ, гдѣ была какая-то важная репетиція.

— Милый, ты отдохни. Спи или читай что-нибудь. Я пріѣду часа черезъ два и ужъ тогда все время буду дома. Сегодня я не пою. Что? Ничего не понимаешь? Ну, и не нужно. Я такъ рада тебѣ... Потомъ будемъ говорить, говорить безъ конца. Ну, поцѣлуй меня, и я уѣду.

И я остался одинъ. Я дѣйствительно ничего не понималъ. Почему Наташа такъ страшно похудѣла? Она не была больна —по крайней мѣрѣ какой-нибудь острой болѣзнью; вѣдь она пѣла все время, это я зналъ по газетамъ.

И какая нервность! Эти слезы—повидимому, радости—при моемъ появленіи, это замѣшательство, почти обморокъ.

Гдѣ же причина? Очевидно, она такая, что ее въ двухъ словахъ не объяснить, а надо «говорить, говорить безъ конца».

Я, разумѣется, и не думалъ спать. Странная встрѣча разстроила меня. Нѣжность Наташи подѣйствовала на меня какъ-то неожиданно—пугающимъ образомъ. Наташа казалась такой безпомощной, такъ нуждающейся въ поддержкѣ. И я чувствовалъ, что эта поддержка отъ меня потребуется, нѣтъ, уже требуется, хотя я еще и не зналъ, въ чемъ она должна выразиться.

Я осмотрѣлся въ квартирѣ. Все осталось почти безъ перемѣнъ. Въ спальнѣ стояла ея маленькая кровать, а моя была вынесена куда-то. Всюду были вѣнки и цвѣточныя корзины съ лентами, съ восторженными надписями. Все свидѣтельствовало о дѣйствительномъ успѣхѣ.

Въ столовой на столѣ лежали газеты, чуть не всѣ выхо-

дившія въ Петербургѣ. Наташа, конечно, политикой не занималась, да и общественная жизнь едва ли интересовала ее. Читался вѣроятно только отдѣлъ театральной критики.

Я довольно долго безцѣльно ходилъ по комнатамъ, потомъ это мнѣ надоѣло, и я успокоился. Усѣлся за столъ и читалъ газеты.

Горничная согнала меня, начавъ накрывать столъ для завтрака. Я забралъ газеты и перешелъ въ кабинетъ. Пробило часъ. Скоро раздался звонокъ, вернулась изъ театра Наташа.

Шурша платьемъ, она пришла въ кабинетъ. Щеки ея, утромъ блѣдныя, зарумянились отъ холода. Она была вся такая гибкая, тонкая, изящная.

— Теперь ужъ никуда не уйду. Весь день будемъ вмѣстѣ. Пойдемъ завтракать... Неужели ты не спалъ? Ахъ, газеты... Политика... А я читаю только о театрѣ, и то объ оперномъ... Садись, милый, вотъ здѣсь, поближе ко мнѣ, я буду кормить тебя и глядѣть на тебя.

— Можетъ быть, даже любоваться?—смѣясь, спросилъ я.

— Да, и любоваться... А что же? Ты красивъ... Я не знаю, откуда у тебя такое скромное мнѣніе о себѣ... Ты черезчуръ скроменъ. Ты красивъ вообще, а для меня ты прекрасенъ...

— Ты меня совсѣмъ проваливаешь, Наташа.

— Почему же? Развѣ ты этого не понимаешь?

— Не понимаю.

— Очень жаль, что нужно объяснять...

— А ты не объясняй, Наташа, мнѣ и такъ это нравится, и я вѣрю тебѣ на слово.

— Мой милый, ты немножко кокетничаешь. Ты очень хорошо знаешь, что я твое созданіе... А впрочемъ... Ахъ, Боже мой... Я вѣдь ничего тебѣ еще не сказала о себѣ...

— Да, такъ что я и не знаю, что именно я создалъ,— сказалъ я, смѣясь.

— Ну, конечно. Оттого-то ты такъ мало почтителенъ ко мнѣ. Слушай же. 5-го марта мой послѣдній здѣсь спектакль. И меня сейчасъ же везутъ въ Парижъ. Тамъ я пою три спектакля. Но нѣтъ, слушай, это очень важно. Въ Парижѣ я получаю гроши—по пятьсотъ франковъ за выходъ. Но это экзаменъ для всей Европы. Нѣтъ, для всего міра. Если я его выдержу, то въ Лондонѣ, куда меня оттуда повезутъ, я уже получу по пяти тысячъ франковъ за выходъ... Ты это пойми... А потомъ я буду пѣть еще гдѣ-то и еще и еще, спою тридцать спектаклей... Это выходитъ, мой милый, за весну и часть лѣта полтораста

тысячъ франковъ. Маленькое состояніе... Будутъ еще какіе-то дополнительные спектакли... А тамъ, тамъ... Еще одинъ сезонъ въ Европѣ,.. а слѣдующій въ Америкѣ... Представляешь ли ты себѣ, что это такое?

— Легко представить! Года черезъ четыре ты будешь милліонершей.

— Ну, черезъ четыре, пожалуй, нѣтъ, но лѣтъ черезъ семь-восемь возможно... Что ты на это скажешь?

— Но что же на это можно сказать, мой другъ?.. Это то, чего я тебѣ отъ души желаю и чего ты заслуживаешь.

— Но экзаменъ, экзаменъ въ Парижѣ!

— Но ты его выдержишь, Наташа. Развѣ можетъ быть иначе?

— Да, можетъ быть... Нѣтъ, что я говорю? Да, навѣрно... О, я такъ увѣрена въ себѣ... Но только при одномъ условіи.

— Какомъ же?

— При одномъ условіи, мой милый другъ, и это очень серьезно, и это не капризъ избалованной женщины, не думай такъ ни въ какомъ случаѣ...

— Но въ чемъ же дѣло, Наташа, говори?

— При одномъ условіи. Все будетъ, всего достигну я при одномъ условіи, что ты будешь со мной... Нѣтъ, не пугайся же, мой милый. Ну, не пугайся и этимъ не пугай меня. Ахъ, ты даже вдругъ потерялъ аппетитъ...

Я усмѣхнулся и, стараясь быть шутливымъ, сказалъ, что аппетитъ вообще исчезаетъ, когда человѣкъ сытъ. Но Наташа не поддавалась шуткѣ; она была настроена очень серьезно.

Тѣмъ хуже. Значитъ въ самомъ дѣлѣ отъ меня требуется эта жертва. И я сидѣлъ и думалъ прежде всего о томъ: жертва ли это? Я никакъ не могъ разобраться въ своемъ душевномъ состояніи, не могъ отвѣтить на капитальный вопросъ: что же такое для меня Наташа?

Вотъ я примчался по ея зову. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ примчался, даже дня лишняго не промедлилъ. Значитъ, ея воля для меня приказъ.

Тутъ я нашелъ ее такъ страшно похудѣвшей, развинченной, я былъ свидѣтелемъ ея слезъ и сквозь эти слезы—нѣжности, самой настоящей и нисколько не шуточной нѣжности ко мнѣ. Она старалась показать ее во всемъ, какъ бы боясь, что я могу не замѣтить, усумниться, не оцѣнить. Она просто трогательна по отношенію ко мнѣ. И при этомъ она такъ прелестна въ своей безпомощности.

И все-таки, все-таки... Что-то мѣшало мнѣ подойти къ ней близко и почувствовать себя совсѣмъ счастливымъ близъ нея.

— Но почему же такое условіе, Наташа? спросилъ я.

— А оно выполнимо?—спросила въ свою очередь и она.— Неужели нѣтъ? Неужели?

— Я не сказалъ этого, но ты прежде объясни...

— О, конечно, объясню... Но это долго. Это надо говорить, говорить и такъ, чтобъ ты все увидѣлъ и все понялъ... Я это сдѣлаю. Но, можетъ быть ты мнѣ прежде повѣришь?

— Конечно, вѣрю, Наташа.

— И, значитъ, выполнимо?

— Милый другъ, ты знаешь это: все что зависитъ отъ меня и что нужно для тебя—выполнимо... Не знаю, какъ, но конечно это надо будетъ сдѣлать.

— Ну, вотъ теперь я спокойна. Значитъ, экзаменъ въ Парижѣ выдержу, и все остальное будетъ хорошо!—весело, радостно воскликнула Наташа. — Такъ слушай... Нѣтъ, ты думаешь, это можно въ двухъ словахъ, какъ анекдотъ? Я буду разсказывать тебѣ это, должно быть, цѣлый день, и ты все будешь дѣлать большіе глаза... О, милый, тебѣ нужно много терпѣнія и главное—великодушія.

XII.

Это былъ не разсказъ, а пытка — въ тотъ день для нея, а потомъ оно сдѣлалось и для меня пыткой.

Ея жизнь всѣ эти мѣсяцы безъ меня была какимъ-то кошмаромъ. Какъ только я уѣхалъ, такъ сейчасъ это и началось. Ну, да, конечно, для нея это не было неожиданно. Она на это шла, ради этого предприняла замужество. Она все знала, у нея былъ намѣченъ планъ. Она видѣла, какъ легко это все сходитъ съ рукъ другимъ.

Но она не знала себя. Откуда же ей было знать?

Она разсуждала: они этого хотятъ, ну—что-жъ, противно, мерзко, отвратительно. Но пьемъ же мы горькое и тошнотворное лекарство, когда это намъ полезно. Что же дѣлать, если это самый вѣрный путь, если безъ этого неизвѣстно когда откроются ворота, да и Богъ знаетъ, откроются ли...

И вотъ началось. О, ей не намекали, не ходили вокругъ да около. Желаніе предъявлялось прямо, въ не оставлявшей ни малѣйшаго сомнѣнія формѣ.

«Если—то... А нѣтъ—пеняйте на себя...»

Такъ просто, безъ всякихъ оговорокъ и смягченій. У васъ голосъ, у васъ талантъ, у васъ обаятельная внѣшность—кто же въ этомъ сомнѣвается? Но чтобы все это было замѣчено и оцѣнено, нужно, чтобы васъ выпустили въ соотвѣтствующей обстановкѣ. Безъ этого вы можете всю жизнь просидѣть въ темномъ углу съ вашимъ голосомъ и талантомъ и обаятельной внѣшностью.

Это—точка зрѣнія директора, того съ черной крашеной бородой. О конечно, есть и другіе, и они иначе относятся, но онъ-то какъ разъ въ театрѣ сила. Онъ можетъ сказать: поставьте такую-то оперу и пусть главную роль поетъ Стромилова—и это будетъ исполнено. Но онъ можетъ никогда не сказать этого.

Но если онъ сказалъ, то выступаютъ на сцену дирижеръ, режиссеръ; у каждаго въ распоряженіи тысячи придирокъ и претензій. Она сбивается въ счетѣ; никогда не сбивалась, а вотъ тутъ вдругъ начала. Она никогда не выучитъ партіи. Она расходится съ оркестромъ. Благодаря ей, путается хоръ.

Но это улажено. И здѣсь, въ театрѣ, все дѣло идетъ хорошо. А есть еще улица, толпа, которая какъ разъ и держитъ въ рукахъ ея судьбу.

Что она скажетъ? Развѣ это можно знать напередъ? Вѣдь публика, это—сфинксъ.

Ну, какъ же, разсказывайте! Какой тамъ сфинксъ... Просто глупая овца, которая пойдетъ туда, куда ее погонятъ...

Ее можно подготовить такъ, что въ театръ она придетъ наэлектризованная, съ заранѣе составленнымъ восторгомъ. Но можно устроить и такъ, что она запасется свистками...

О, что хотите. Все это въ распоряженіи господина «Квинты» и его товарищей. Они начнутъ за цѣлый мѣсяцъ до вашего выступленія обрабатывать общественное мнѣніе.

— «Мы слышали о поразительныхъ успѣхахъ, которые сдѣлала молодая и подающая блестящія надежды пѣвица Стромилова... Ея предстоящій выходъ обѣщаетъ тріумфъ».

Или: «Мы уже не разъ обращали вниманіе на царящій въ нашихъ оперныхъ театрахъ фаворитизмъ, являющійся неискоренимымъ тормазомъ въ искусствѣ... Третьестепеннымъ пѣвицамъ поручаютъ отвѣтственныя роли... Мы слышали, что господа директора оперы собираются выпустить въ такой-то роли госпожу Стромилову, которой и ничтожная роль пажа оказалась непосильной...»

Какъ хотите... У пера нѣтъ совѣсти, оно напишетъ и то, и другое.

Но это для той публики, которая придетъ на первое представленіе. А есть еще цѣлая толпа, которая можетъ наполнить театръ сто разъ и можетъ оставить его пустымъ. Это сдѣлаютъ рецензіи... Онѣ могутъ начинаться: «наконецъ-то, мы присутствуемъ на праздникѣ русскаго музыкальнаго искусства»... или «никогда мы еще не видѣли такого позора родного искусства»...

Выводъ ясенъ. Для женщины, которая обладаетъ всѣми данными для блестящей артистической карьеры и хочетъ во-что бы ни стало эту карьеру сдѣлать, не теряя времени и силъ, не отдавая свою судьбу въ руки случайностей, ничего другого не остается...

— Да, да, мой милый, для меня это было ясно уже давно. Ты знаешь это. Но я не думала, что встрѣчу врага въ себѣ самой, въ глубинѣ моей природы. Знаешь-ли, когда я объ этомъ думала, раньше и даже когда говорила съ тобой, помнишь? я считала себя легкомысленной тварью, способной на все. И это представлялось мнѣ такимъ легкимъ дѣломъ—и въ глубинѣ души я презирала себя за это.

Вспомни нашъ разговоръ по этому поводу раньше, до нашего вѣнчанія. Какъ это было поверхностно, съ какой циническою легкостью я потребовала отъ тебя той дружеской услуги, доказательства преданности. Это было похоже на шутку. И такимъ оно представлялось мнѣ,—придетъ и пройдетъ, не оставивъ никакого слѣда... Грязно, да, но грязь отмоется и забудется...

Но когда это начало приближаться, я вдругъ почувствовала себя такъ, какъ будто меня вели на казнь. Милый мой, я не въ состояніи выразить тебѣ это. Ты пойми это самъ... Во мнѣ сидѣла какая-то бездна цѣломудрія, душевной чистоты, что ли, я не знаю, что это. Я такъ смѣло шла къ своей цѣли, мнѣ казалось, что во мнѣ не осталось ничего изъ того, что называется «предразсудкомъ».

Съ поразительнымъ искусствомъ, которое свойственно только красивой женщинѣ, я втягивала въ свою орбиту тѣхъ, кто былъ мнѣ нуженъ. Подобно шахматному игроку, я разставляла фигуры въ такомъ порядкѣ, чтобы навѣрное выиграть игру.

И вотъ подходитъ моментъ, я почти наканунѣ его. И совершенно явственно, вотъ какъ то, что я вижу тебя предъ собой и говорю съ тобой,—я чувствую, что не могу, ну вотъ не могу органически... Это выше моихъ силъ...

При одной мысли о прикосновеніи ко мнѣ одного изъ этихъ гадовъ, я вся холодѣла, кровь останавливалась во мнѣ, какъ будто прекращалась жизнь...

Не могу, не могу... Я прячусь, откладываю, выдумываю нелѣпыя отговорки и вижу: косые взгляды, какая-то заминка, задержка въ дѣлѣ. Изъ-подъ земли выростаютъ неожиданныя случайности, изъ-за которыхъ откладывается моя репетиція... кто-то заболѣваетъ, кто-то уѣзжаетъ незамѣнимый... Намеки на возможность отмѣны и самой оперы... Моей оперы, въ которой я собираюсь побѣдить міръ... Понимаешь ли: скрытый, глухой, темный закулисный шантажъ.

Почва ускользала изъ-подъ моихъ ногъ. Лишиться того, что почти уже въ рукахъ? Того, къ чему рвется вся душа, безъ чего нѣтъ для меня жизни? Зачеркнуть будущее, зачеркнуть себя... Милый, да развѣ можно требовать это отъ женщины?

И я дѣлаю страшныя нечеловѣческія усилія, я рѣшаюсь. Я иду на казнь...

Ахъ, все совершается, какъ ожидалось и какъ бывало до меня со многими другими... Не знаю, что онѣ чувствовали, но я дѣйствительно почувствовала такъ, какъ будто мнѣ отрубили голову.

И вотъ почему ты видишь меня такой. Ты спрашиваешь, не больна ли я? Самъ найди этому названіе. Я не простужалась, и не ломала себѣ ноги, и не лечилась... Но мнѣ снился страшный сонъ, будто меня вывели на эшафотъ и отрубили мнѣ голову, и я проснулась въ дикомъ ужасѣ, съ посѣдѣвшей головой... Ты не вѣришь? Вотъ смотри...

И она показала мнѣ на своей головѣ большой клокъ волосъ, отъ корней и до концовъ совершенно побѣлѣвшихъ.

— Теперь ты видишь, что все это, то, что передо мной раскрывается, не даромъ мнѣ досталось. Но ты думаешь, это все? Растворились ворота—и иди, добивайся счастья своими собственными силами? Ахъ, милый, я сама такъ думала... Видишь ли, я начала царить здѣсь, на этой сценѣ. Послѣ того изумительнаго выступленія, когда залъ трещалъ отъ успѣха и газеты трубили въ трубы, я стала диктовать репертуаръ. Хочу пѣть такую-то партію и пою...

И я думала, что успѣхъ, имя, любовь публики, ломившейся на спектакли съ моимъ участіемъ, гарантируютъ мнѣ мое положеніе. И я подняла голову. Я попробовала поставить рогатки по дорогѣ въ мою уборную...

И что же? Сейчасъ же все заколебалось. Недѣля, другая— моего имени нѣтъ на афишѣ, въ репертуарѣ готовится переворотъ, въ газетахъ нѣмое молчаніе. Меня точно забыли.

Публика? О, ее можно убѣдить въ чемъ угодно и, можетъ быть, уже собирались убѣждать. То тамъ, то здѣсь появились предвѣстники: два слова, о конечно, сочувственныхъ, по поводу болѣзни горла нашей «симпатичной артистки». Предположеніе о передачѣ ея ролей другой, «къ глубокому сожалѣнію, конечно».

Но я слишкомъ хорошо знаю всѣ эти пріемы, чтобы пройти мимо нихъ равнодушно. Сдѣлаютъ все, что хотятъ. Бывали случаи, что и послѣ тріумфа умѣли затирать. А я ужъ не могла отказаться отъ положенія, завоеваннаго такой цѣной.

И это пошло и сдѣлалось постояннымъ, привычкой, чѣмъ-то такимъ обыкновеннымъ, какъ чашка чаю...

Ну, вотъ и все. Больше разсказывать нечего. Остальное ты видишь. Тебѣ стоитъ только взглянуть на меня, чтобы понять, что дольше я не могу такъ, не могу... не могу.

Это уже было сказано сквозь рыданія. Я принялся успокаивать, но это не помогло.

Она конвульсивно вздрагивала и говорила, что чувствуетъ себя облѣпленной грязью, которую никогда, никогда не отмыть...

Мнѣ хотѣлось выяснить свою роль, то-есть что же я теперь могу для нея сдѣлать, и я пробовалъ дѣлать это осторожно. Но отвѣты ея были мало вразумительны. Она схватывала мои руки и умоляла, чтобы я не покидалъ ее, вотъ и все.

— Только будь со мной... Я понимаю, что послѣ всего того, что было, я не могу быть для тебя всѣмъ... Можетъ быть, даже ничѣмъ... Но ты уже далъ мнѣ такъ много... Не откажи же и въ этомъ...

— Но зачѣмъ? Чему можетъ помочь мое присутствіе?

— Зачѣмъ? Ты не понимаешь? Здѣсь, чтобы никто изъ нихъ не смѣлъ желать меня... Чтобы на меня они не смотрѣли, какъ на общую собственность. Да, да, ты долженъ быть всегда рядомъ со мной, они должны чувствовать тебя со мной, подлѣ меня,—мой мужъ, мой единственный, кому я хотѣла бы принадлежать... О, я такъ напугана. Я такъ страшусь каждаго ихъ взгляда... И здѣсь, и тамъ, за границей... Ну, можетъ быть, это нервы, сумасшествіе, но ты пойми, что если тебя не будетъ со мной, я этого не выдержу, и карьеры моей не будетъ... Ничего

не будетъ—ни Парижа, ни Лондона, ни всего остального. Ты сдѣлаешь это? да? да?

— Наташа, милая, ты же знаешь, что я хочу сдѣлать для тебя все, что въ силахъ. Ты же не можешь не знать этого. Но тутъ много есть препятствій... Надъ этимъ надо подумать.

— Ты, значитъ, можешь и отказаться?—воскликнула она. И глаза ея сдѣлались большими, и въ нихъ явственно выразился ужасъ.

— Ну, давай же обсудимъ,—сказалъ я, не отвѣчая на ея вопросъ.—Ты знаешь, что я служу и что никакая служба несовмѣстима съ подобными путешествіями. Погоди, Наташа, я знаю, ты скажешь: службу можно оставить. И я вовсе не дорожу ею, какъ службой, но она для меня единственный источникъ существованія, у меня нѣтъ другихъ средствъ.

— Но какъ ты можешь объ этомъ думать?—всплеснувъ руками, воскликнула Наташа.—Неужели послѣ того, какъ ты отдалъ мнѣ свою свободу, свое имя и пожертвуешь для меня своей службой и положеніемъ, ты можешь еще считаться со мной въ средствахъ? Вѣдь ты же видишь, что денегъ у насъ будетъ куча, самъ высчитывалъ...

— Наташа, погоди. Не смотри на мое возраженіе, какъ на что-нибудь противъ тебя. Но я... Ну, просто я привыкъ жить на свои средства, мною самимъ заработанныя.

— Но они твои... милый, безъ тебя ихъ не было бы, ничего не было бы... Нѣтъ, постой, дай же и мнѣ сказать. Я знаю, что послѣ всего, что было, ты имѣешь право сказать: я не хочу тебя... Ну, да, да, и пусть... Но это все равно. Ты не возьмешь меня, а я все-таки твоя и все, что у меня есть, будетъ твое.

Она сидѣла около меня и цѣпкими руками обвивала мою шею. Слова ея были отъ души. И я видѣлъ, что она только и живетъ надеждой на то, что я не покину ее. Я ничего не пообѣщалъ ей, а только мягко принималъ трогательныя доказательства ея привязанности ко мнѣ.

Можетъ быть, она приняла это за согласіе; должно быть такъ, потому что вся какъ-то успокоилась и больше уже не плакала, а скоро стала улыбаться мнѣ.

Но съ этого момента началась моя мука. Я весь и постоянно находился подъ давленіемъ живыхъ и яркихъ впечатлѣній и новыхъ внутреннихъ переживаній, которыя, казалось, лишали меня присущей мнѣ способности спокойно и здраво разсуждать.

Сама Наташа была такъ безпомощна, отъ прежней веселой, радостной, здоровой какъ будто ничего не осталось; худенькое лицо ея, блѣдное, безкровное, постоянно выражало муку—слѣды дѣйствительно глубокихъ страданій, пережитыхъ ею въ мое отсутствіе.

Очевидно, разсказъ ея не былъ выдуманъ и не преувеличенъ. Она была такая, и я представлялъ себѣ, какую трагедію должна была пережить ея душа.

И когда я смотрѣлъ на нее, меня охватывала нестерпимая жалость.

Но было и другое, въ чемъ я, должно быть, не хотѣлъ признаться себѣ. Предстоялъ послѣдній ея спектакль, который обѣщалъ быть торжественнымъ. Въ газетахъ какимъ-то высокимъ стилемъ писалось о томъ, что «наша несравненная дива передъ отъѣздомъ за границу прощается съ очарованной ею публикой».

И Наташа звала меня въ театръ. Раньше она приглашала меня на репетиціи. И то, и другое было въ порядкѣ вещей. Неужели я не хочу посмотрѣть на ея тріумфъ?

И въ самомъ дѣлѣ, неужели? А я чувствовалъ, что не пойду, что просто не въ состояніи встрѣтиться со всѣми этими господами—дирижерами, режиссерами, директорами, «квинтами»...

При одной мысли о нихъ, въ груди моей поднималась буря, и мнѣ казалось, что я способенъ на каждаго изъ нихъ наброситься и сдавить ему горло.

Что же это? Просто негодованіе, которое почувствовалъ бы всякій, услышавшій эту исторію?

Ну, какъ же. Мало ли исторій слышалъ я о человѣческихъ подлостяхъ и, когда встрѣчалъ героевъ этихъ исторій, конечно питалъ къ нимъ отвращеніе, но у меня не являлось желанія душить ихъ за горло.

Въ день спектакля Наташа приставала ко мнѣ:

— Ты даже не запасся билетомъ. Вѣдь театръ будетъ биткомъ набитъ. Гдѣ я тебя посажу?

— Наташа, позволь мнѣ остаться дома.

Взглядъ, полный горести и недоумѣнія.

— Ты не хочешь видѣть меня на сценѣ?

— Ахъ, нѣтъ же, нѣтъ... Конечно, хочу, но... Зачѣмъ ты не хочешь понять сама... Неужели объяснять?

— Я не понимаю...

— Но тамъ будутъ эти... вотъ эти всѣ... Я чувствую, что способенъ разможжить имъ головы.

И, должно быть, голосъ мой звучалъ искренно и вырази-

тельно, потому что Наташа протянула ко мнѣ руки и глаза ея вдругъ наполнились слезами.

— Ты такъ чувствуешь?.. изъ-за меня?.. милый!.. Такъ значитъ ты... любишь?

Она бросилась мнѣ на грудь и прижалась ко мнѣ съ такимъ безконечнымъ довѣріемъ, какъ будто отдавала мнѣ душу и тѣло, всѣ свои мысли и заботы, всю радость и всѣ скорби.

И въ эту минуту я понялъ, что она сказала правду. Да, не смотря на все то, что произошло.

Я конечно не возражалъ. Я взялъ ее на руки, какъ ребенка, сѣлъ въ кресло и нѣжно убаюкивалъ ее, цѣловалъ ея волосы и говорилъ ей о своей любви.

Она же лежала на моихъ рукахъ, такая вся тихая и счастливая. Въ эти минуты она какъ будто отдыхала отъ всѣхъ своихъ горестей и отъ ужасовъ прошлаго. Это были прекрасныя минуты.

— О, какъ я буду пѣть сегодня! Они еще никогда не слышали такого пѣнія,—говорила Наташа вечеромъ, собираясь въ театръ, и глаза ея горѣли вдохновеніемъ.

Но меня она больше не звала съ собой. Она признала мои причины и согласилась съ ними.

— Это досадно, милый, но это вмѣстѣ съ тѣмъ и мое счастье. Я привезу тебѣ много, много цвѣтовъ.

Она уѣхала въ театръ, а я остался одинъ—въ странномъ, необычномъ состояніи. Я какъ будто не зналъ, за что мнѣ ухватиться, что переживать—радость ли новаго, такъ внезапно пришедшаго чувства, или острое, мучительное горе отъ всего пережитаго Наташей?

Эти два чувства жили въ моей душѣ какъ бы отдѣльно и, казалось, ни за что не хотѣли признать другъ друга и смѣшаться въ одно.

А третье—это была задача, которую задала мнѣ Наташа и которую такъ трудно было рѣшить: бросить все и ѣхать съ нею. Быть ея охранителемъ и... казначеемъ. Да, собирать деньги и копить, составлять милліонъ.

Но въ тотъ вечеръ, несмотря на то, что я былъ одинъ и у меня была полная свобода для размышленій, я не могъ сколько-нибудь здраво обдумывать. Столь опредѣленныя и достаточно напряженныя чувства были совсѣмъ непривычны моей душѣ. Вѣдь до сихъ поръ я довольствовался какимъ-то суррогатомъ, вродѣ незначительныхъ любовныхъ интрижекъ юности или странныхъ, «тепленькихъ» отношеній съ Марьей Григорьевной.

Знаменитая моя преданность, заставившая меня безъ малѣйшихъ колебаній обвѣнчаться съ Наташей и предоставить ей свободу...

Да, ее можно было бы принять за что-то большое, даже величавое, если бы въ концѣ концовъ это не былъ самообманъ. Теперь я почти убѣждался въ этомъ.

Моему скромному сердцу въ высшей степени было свойственно самолюбіе, можетъ быть даже гордость. Оно тогда же зажглось по всѣмъ правиламъ романическаго искусства. По просту говоря, я тогда же, при первой встрѣчѣ, самымъ безаппеляціоннымъ образомъ влюбился въ Наташу.

Еще бы. На горизонтѣ сѣрой жизни ликвидатора взошло «маленькое солнце», взошло и сразу согрѣло его своими лучами. Ясное дѣло, что онъ влюбился.

Но у гордаго ликвидаторскаго сердца оказалась своя политика, именно политика гордости, которая не хочетъ быть уязвленной и униженной. Тогда вѣдь не было никакихъ шансовъ на взаимность. Вотъ и явилась на выручку преданность, такая эластическая штука, которую можно повернуть и такъ и этакъ.

Но вся эта сердечная дипломатическая махинація разоблачилась. Наташа перестрадала, она разбита, безпомощна, и ей нуженъ такой близкій человѣкъ, какъ я. Чутьемъ познала она, что безъ меня она пропадетъ. Шансы мои вдругъ стали огромны, и преданность сняла маску.

Я любилъ «и люблю Наташу», вотъ и все.

Но это не рѣшало вопроса. На пути стояли самыя разнообразныя препятствія. Подъ эгидой преданности я могъ терпимо относиться къ Наташиной жизни. Во мнѣ всегда было глухое возмущеніе, но подъ маской оно не смѣло подавать свой голосъ— а теперь оно вдругъ закричало во все горло.

При одномъ воспоминаніи объ этомъ, у меня кровь бросалась въ голову и сами собой сжимались кулаки. Выползали откуда-то скверныя рожи съ крашеными бородами и безъ бородъ и явственно издѣвались надо мной.

И развѣ они были неправы, разумѣется, по своему, такъ какъ они представляли себѣ дѣло?

Мужъ, предоставляющій женѣ «дѣлать карьеру» и для этого спрятавшійся въ далекой провинціи.

Но вотъ карьера сдѣлана—въ будущемъ положеніе, слава, деньги, и мужъ выплываетъ на поверхность. Онъ уже здѣсь, около нея, съ записной книжкой и карандашемъ въ рукахъ, готовый вести бухгалтерію доходовъ и расходовъ. Что же это?

Вѣдь такъ выходило. Каждый имѣетъ право такъ думать. Не могу же я каждому разсказывать исторію о преданности, такъ внезапно превратившейся въ любовь.

И, такъ какъ наединѣ самъ съ собой я былъ безъ всякихъ оговорокъ добросовѣстенъ и правдивъ, то въ этотъ вечеръ, пока Наташа была въ театрѣ, разоблачилась еще одна ложь.

Да, вся эта исторія, эта вынужденная близость Наташи съ этими театральными имущими власть мерзавцами, все это причиняло мнѣ мучительную боль, вызывало во мнѣ пламенное негодованіе и самое искреннее желаніе каждому изъ нихъ перегрызть горло.

Какъ смѣли они прикоснуться къ «моей Наташѣ»—теперь уже моей? Не спрашивая о взаимности, а только требуя и искусно угрожая. Грязныя животныя, продажныя твари, безнаказанные шантажисты... Они загрязнили ее, которая до того была такой чистой.

Все это такъ, все это такъ... И нѣсколько часовъ тому назадъ мнѣ казалось, что эта грязь, слѣды которой они оставили на ней, стоитъ между мной и ею и будетъ вѣчнымъ препятствіемъ для нашей близости.

Да, думать такъ было возвышенно и красиво, но вѣдь это же ложь. Я могъ заставить себя отдалиться отъ Наташи, я могъ болѣе или менѣе долго выдерживать эту благородную роль оскорбленной чистоты, но въ сущности это только и была бы роль, которую игралъ бы актеръ, и этимъ актеромъ былъ бы я.

А на самомъ дѣлѣ, когда я вспоминалъ, съ какой безконечной искренностью Наташа прижималась ко мнѣ, какъ были очаровательны ея ласки, какой горячей нѣжностью пылали ея чудные глазки—Наташа, Наташа, мое божество, къ которому я не смѣлъ прикоснуться... «Маленькое солнце»... Я весь зажигался, руки мои простирались къ ней, и я нетерпѣливо прислушивался къ шагамъ на лѣстницѣ, къ шороху въ передней.

Я сгоралъ отъ желанія и зналъ, что никакія соображенія, никакая грязь въ прошломъ, ничто не помѣшаетъ мнѣ сжать ее въ своихъ объятіяхъ.

Оставался еще вопросъ о моей поѣздкѣ, о службѣ, о средствахъ. Но онъ былъ слишкомъ дѣловой, чтобы я былъ въ состояніи сосредоточиться на немъ. Я отложилъ его. Навѣрное, онъ рѣшится самъ собою. Да не былъ ли онъ въ сущности уже рѣшенъ.

Говоръ на лѣстницѣ. Отворилась дверь въ передней. Наташа,—худенькая, блѣдная, но вся сіяющая.

Вслѣдъ за нею несутъ свѣжіе, пахнущіе вѣнки, букеты, цвѣточныя корзины. Маленькая квартирка превращается въ цвѣтникъ.

А потомъ все стихаетъ, и мы вдвоемъ. Наташа, радостно-усталая, отдыхаетъ на моей груди. Глаза ея сіяютъ восторгомъ и какой-то полнотой счастья.

Сегодня нашъ вечеръ. Наташа вся моя...

XIII.

Въ тотъ вечеръ, когда оперную звѣзду Щербатьеву изрядная толпа восторженныхъ поклонниковъ провожала на Варшавскомъ вокзалѣ, я уже не состоялъ на службѣ въ крестьянскомъ банкѣ. Просьба объ отставкѣ была подана нѣсколько дней тому назадъ. Такимъ образомъ «ликвидаторъ» кончился, его больше уже не было.

Но зато на земномъ шарѣ явилась новая должность: довѣренное лицо или секретарь—или какъ хотите—оперной звѣзды Щербатьевой.

Это, конечно, было домашнее дѣло, между нами, но въ то же время это былъ блестящій компромиссъ, который я самъ придумалъ для себя. Ну, просто для того, чтобы я самъ могъ продолжать по прежнему уважать себя.

Дѣло было такъ: я сказалъ Наташѣ.

— Чтобы ты тамъ ни говорила, а все-таки я жить на твой счетъ не стану. Ты меня любишь, я въ этомъ не сомнѣваюсь, и я отъ этого безумно счастливъ, потому что, какъ оказалось, тоже люблю тебя, какъ сумасшедшій. Ты еще хочешь сказать, что я твой мужъ, а ты моя жена. Все это несомнѣнные факты, а послѣдній даже удостовѣренъ церковной печатью. Но это не имѣетъ ровно никакого отношенія къ вопросу о средствахъ къ жизни. Все-таки я остаюсь мужемъ, который не долженъ жить на средства, зарабатываемыя женой. Погоди, не возражай и слушай внимательно. Но дѣло въ томъ, что ты сама никоимъ образомъ не могла бы вести свои финансовыя дѣла. Тебя на каждомъ шагу обманывали бы, грабили, да и ты сама все растеряла бы и постоянно сидѣла бы безъ денегъ. Стромиловыхъ учили только тратить деньги, а не собирать. Такимъ образомъ для тебя было бы совершенно неизбѣжнымъ поручить свои дѣла какому-нибудь вѣрному и толковому человѣку, которому ты дала бы довѣренность и который въ концѣ концовъ, какъ полагается всѣмъ вѣрнымъ людямъ, безсовѣстно

обобралъ бы тебя. Итакъ, что же можетъ быть болѣе естественнымъ, какъ поручить эти обязанности мужу, оказавъ ему надлежащее довѣріе? Могу во всякомъ случаѣ обѣщать, что не ограблю тебя. Постой, это еще не все. Пожалуй, самое главное впереди. Является вопросъ о вознагражденіи. Такъ какъ я, ради этихъ обязанностей, оставилъ службу, то размѣръ вознагражденія устанавливается самъ собой: ты будешь платить мнѣ ровно столько, сколько я теряю на службѣ, увеличивая это вознагражденіе приблизительно въ такіе сроки и въ такомъ объемѣ, какъ это было бы, если бы я продолжалъ служить, такъ что лѣтъ этакъ черезъ двадцать, я, пожалуй, буду получать у тебя тысячъ шесть-семь въ годъ. Ты согласна?

Нечего и говорить, что Наташа нашла мою идею остроумной, принялась весело апплодировать и цѣловать меня. Сейчасъ же начались сборы.

Денегъ у Наташи было въ обрѣзъ. Она получила отъ своихъ антрепренеровъ только на дорогу до Парижа. Правда, у нея былъ въ карманѣ контрактъ съ здѣшнимъ театромъ для трехъ мѣсяцевъ зимы на блестящихъ условіяхъ, но оттуда было невыгодно брать, и я не хотѣлъ, чтобы она обязывалась. Пошли въ ходъ мои сбереженія.

Не былъ забытъ и Павликъ. Ему Наташа послала самое нѣжное письмо, въ которомъ въ близкомъ будущемъ сулила золотыя горы, а пока на подмогу приложила двѣ сотенныхъ. Тоже изъ моихъ, конечно.

И вотъ проводы. Я сижу въ купе и не выхожу на платформу. Это стѣснило бы Наташу, а кромѣ того, среди провожающихъ могутъ оказаться непріятныя для меня лица.

Да они, конечно, тутъ. Выглянувъ въ окошко, я видѣлъ крашенную черную бороду одного изъ директоровъ театра. Пріѣхалъ кой-кто изъ товарищей Наташи, и остальные—поклонники и поклонницы.

Они шумѣли, выкрикивали пожеланія, а купе наше было полно цвѣтовъ и конфектъ. Это очень весело.

Поѣздъ отходитъ—и Наташа, взволнованная трогательнымъ прощаніемъ съ своей публикой, входитъ въ купе.

— Ахъ, милый,—говоритъ она, садясь близко-близко около меня.—Это очень пріятно, но въ концѣ концовъ все это вздоръ въ сравненіи съ тѣмъ, что ты согласился ѣхать со мной. Ты не можешь себѣ представить, какъ я тревожилась при мысли о поѣздкѣ, когда думала, что ты не согласишься и я буду одна. И какъ вдругъ теперь успокоилась! Ну, вотъ такъ, какъ будто

я, маленькая дѣвочка, иду по улицѣ и няня держитъ меня за руку,—милая, славная, добрая и такая серьезная и почтенная няня. Ты моя няня. Да, уже теперь ты не ликвидаторъ, а няня. И напрасно ты называешь эту свою, какъ ты говоришь, должность «довѣреннымъ» или «секретаремъ» или какъ тамъ... Ты долженъ назвать ее «няня»... Милая няня, вотъ ты увидишь, какъ твоя маленькая дѣвочка, которую ты ведешь за руку, восхититъ и покоритъ Парижъ, а потомъ и Лондонъ и весь остальной міръ. Ты увидишь. Я это чувствую. Съ тѣхъ поръ, какъ ты со мной, въ меня вселилась какая-то бѣшеная самоувѣренность.

Цвѣты, конечно, пришлось выбросить. Ихъ было слишкомъ много, и они своимъ ароматнымъ дыханіемъ отравляли воздухъ въ нашемъ купе. А конфектами подѣлились съ кондукторами.

Если бъ поклонники знали, какая судьба ожидаетъ ихъ подношенія, они, должно быть, были бы менѣе щедры.

Очаровательные четыре мѣсяца пронеслись, какъ сонъ. Наташа была права: со мной она покорила Парижъ, и Лондонъ, и міръ, по крайней мѣрѣ ту его часть, которая поспѣшила пригласить ее въ свои предѣлы.

На этотъ разъ мы ограничились Европой, а въ будущемъ сезонѣ предстояло завоеваніе Америки, и я зналъ навѣрное, что оно обезпечено.

Не знаю, какъ Наташа пѣла въ Петербургѣ, мнѣ не удалось тогда слышать ее, но здѣсь она дѣйствительно творила на сценѣ чудо. При первыхъ звукахъ ея голоса театръ замиралъ, очарованный, когда же она уходила, начиналось неистовство восторговъ.

Меня забрасывали предложеніями (меня, потому что Наташа ни съ кѣмъ не вела переговоровъ, ничего не рѣшала и не подписывала, все это дѣлалъ я, а она только пѣла), а я выбиралъ только самыя лучшія.

Разумѣется, не было недостатка и въ поклонникахъ другого рода и въ предложеніяхъ самаго блестящаго свойства. Наташина красота имѣла какой-то дикій успѣхъ, нисколько не меньшій, если даже не большій, чѣмъ ея талантъ.

Но мы демонстративно всюду появлялись вмѣстѣ, и всѣмъ становилось ясно, что на дорогѣ къ сердцу русской дивы стоитъ такое непреодолимое препятствіе, какъ нѣжно любимый мужъ.

И я былъ нѣжно любимъ, это не подлежало никакому сомнѣнію.

— Какъ странно!—говорила Наташа:—помнишь, тогда въ деревнѣ, когда ты былъ еще только «великодушнымъ ликвидаторомъ» и мы съ тобой по утрамъ катались верхомъ, я мечтала о будущемъ, и оно представлялось мнѣ въ какихъ-то дико-безумныхъ очертаніяхъ. Помнишь: «зачерпнуть изъ всѣхъ источниковъ и пить, пить безъ конца... Все взять, всего испробовать»... И что же? я взяла только тебя, мой скромный, ничѣмъ не замѣчательный ликвидаторъ, ты—единственный источникъ, изъ котораго я черпаю счастье и буду черпать всю жизнь... И моя душа полна и никуда больше не рвется и ничего ей больше не надо. Значитъ, тѣ мечты были обманчивы.

— Нѣтъ, Наташа, но это потому, что ты талантъ и у тебя есть широчайшая арена, на которой ты дѣйствительно черпаешь изъ глубины источника вдохновенія. Тамъ твоя сфера, тамъ твоя жизнь. Если бы ты была только женщиной, повѣрь, что ты искала бы другихъ источниковъ и скромный ликвидаторъ остался бы далеко позади.

И она не спорила, она почти соглашалась со мной, потому что это такъ и было. На сценѣ она дѣйствительно творила и перевоплощалась и переживала тысячи бурныхъ жизней, а дома искала только тихаго и мирнаго пріюта, гдѣ отдыхала бы ея душа—и находила его во мнѣ.

Именно потому и находила, что въ существѣ своемъ я оставался, какъ и былъ, скромнымъ и ничѣмъ незамѣчательнымъ ликвидаторомъ, человѣкомъ, не блещущимъ ни выдающимся умомъ, ни талантомъ, милой, вѣрной, честной и преданной посредственностью. О, на этотъ счетъ я нисколько не заблуждался. Съ неумолимой добросовѣстностью я относился къ себѣ и говорилъ Наташѣ:

— Это, конечно, вышло случайно, но ты должна согласиться, что тебѣ повезло именно въ томъ, что судьба приставила къ тебѣ такую милую, вѣрную, честную и преданную посредственность.

Наташа въ видѣ протеста старалась своей красивой ладонью закрыть мнѣ ротъ, но я все-таки говорилъ свое, какъ человѣкъ, твердо убѣжденный.

— Да, да, посредственность, не надо оспаривать совершенно неоспоримую вещь. Я говорю это прямо, потому что ничего отъ этого не теряю. Если люди часто дѣлаютъ безразсчетныя безумства, то природа, незримо для нихъ, сама поправляетъ ихъ ошибки. Представь, что ты полюбила бы человѣка съ блестящимъ философскимъ умомъ, или глубокаго ученаго,

или обладающаго какимъ-нибудь, равнымъ твоему, талантомъ. Во-первыхъ, онъ постоянно искалъ бы поприща для проявленія своихъ исключительныхъ способностей и всѣ свои силы отдавалъ бы имъ, а потому, при самой искренней любви къ тебѣ, не могъ бы заниматься тобой и твоими дѣлами. А во-вторыхъ, придя домой, утомленная своимъ творчествомъ, ты находила бы острую, наркотическую атмосферу блестящаго ума или таланта и, вмѣсто отдыха, твоя душа возбуждалась бы къ новой, благородной, но утомляющей дѣятельности и отъ этого ты прежде времени измочалилась бы... Не отъ того ли—это вѣдь замѣчено—талантливые люди такъ любятъ окружать себя посредственностями? Они отдыхаютъ въ ихъ кругу. Напрасно ты хочешь возразить,—это неоспоримо. Когда хотятъ растворить сильную кислоту, такъ, чтобы она не потеряла своихъ свойствъ, то берутъ для этого воду, простую, бездарную воду, безцвѣтную жидкость, aqua distillata... А попробуй-ка соединить сильную кислоту съ столь же сильной щелочью—получится взрывъ... Такъ вотъ, Наташа, я и есть та безцвѣтная жидкость, въ которой твой талантъ легко растворяется, не теряя своихъ свойствъ... Я твоя нянька...

Наташа возражала—нельзя же ей было подтверждать мои подобнаго рода мысли молчаніемъ, но по ея улыбающимся глазамъ я видѣлъ, что она въ сущности согласна со мной, и что это нисколько не мѣшаетъ ей любить и цѣнить меня.

Въ концѣ іюля мы возвращались въ Россію. Послѣ блестящаго сезона, мы провели еще нѣсколько недѣль на берегу моря, которое было полезно для Наташи.

Мы рѣшили заѣхать въ Петербургъ всего только на одинъ день, чтобы урегулировать счетъ въ одномъ изъ солидныхъ банковъ, гдѣ хранились деньги моей жены.

Этотъ первый полусезонъ довольно удачно началъ постройку будущаго милліона, въ банкѣ лежало больше пятидесяти тысячъ.

Впрочемъ, очень скоро я убѣдился, что милліона никогда не будетъ, такъ какъ у Наташи оказались заложенными всѣ свойства Стромиловской крови. Мы ѣхали въ усадьбу, а тамъ терпѣливо поджидалъ насъ Павликъ.

Вотъ я и получилъ отъ своей жены приказъ: захватить съ собою тысячъ десять на выручку Павлика, который тамъ бьется, какъ рыба объ ледъ.

— Можетъ быть, довольно было бы на первое время тысячи двѣ?—попробовалъ я образумить Наташу.

— Нѣтъ, милый, ужъ лучше сразу обрадовать бѣднаго Па-

влика. Ты самъ говорилъ мнѣ, что самое меньшее десять тысячъ нужно на поднятіе имѣнія.

Да, я помнилъ. Это были мои слова. Я исполнилъ «приказъ».

Отъ Павлика у насъ были самыя смутныя вѣсти. Въ Парижѣ его письма получались исправно, а потомъ, должно быть, ему трудно было улавливать насъ, такъ какъ мы не засиживались на мѣстахъ.

Однако, намъ все-таки было ясно, что дѣла его шли очень плохо. Онъ изъ гордости не жаловался, но тонъ писемъ былъ глубоко унылый.

Послѣднее письмо отъ него было съ мѣсяцъ тому назадъ и въ немъ была загадка: онъ писалъ о какой-то существенной перемѣнѣ въ его положеніи, отъ которой, по его словамъ, зависѣло улучшеніе дѣлъ. «Не сообщаю подробностей, — прибавлялъ онъ,—такъ какъ это выяснится только на дняхъ. Требуется соблюденіе нѣкоторыхъ досадныхъ формальностей».

Такъ для насъ и оставалось неяснымъ, въ чемъ дѣло. Больше мы отъ него не получили извѣстія. Наташа всячески старалась отгадать, но напрасно. Являлась даже мысль: не женится ли Павликъ на богатой? И это, пожалуй, было самое правдоподобное предположеніе.

Наконецъ, мы выѣхали изъ Петербурга, прямо въ усадьбу. Павлику была послана телеграмма.

Въ Москвѣ мы не остановились, а только, проѣхавъ черезъ городъ съ вокзала на вокзалъ, послали Москвѣ благодарственный привѣтъ за былые тридцать шесть часовъ, которые въ воспоминаніяхъ нашихъ не утратили свою прелесть.

Вотъ, наконецъ, и наша станція. Знакомый экипажъ, огромный, неуклюжій, весь дребезжащій отъ старости, все тотъ же, и та же тройка.

На козлахъ сидитъ садовникъ Дмитрій, который очевидно уже научился править, но самого Павлика нѣтъ.

Это показалось намъ изумительнымъ и въ первую минуту даже явилась мысль, не гнѣвается ли онъ за что-нибудь на насъ. Но тотчасъ же появилось разъясненіе: Дмитрій запустилъ руку за пазуху и вынулъ оттуда конвертъ, на которомъ не было никакого адреса; очевидно письмо относилось къ обоимъ.

— Павелъ Сергѣевичъ велѣли передать,—сказалъ Дмитрій.

Распечатали и прочитали: «Дорогіе мои, простите, никакъ не могу выѣхать за вами. Какъ разъ съ утра у меня куча народа. Обнимаю васъ и съ страшнымъ нетерпѣніемъ жду, чтобы обнять на самомъ дѣлѣ. Павликъ».

Но это разъясненіе само оказалось загадкой. У Павлика куча народа?

Почему? Зачѣмъ? Что за народъ такой? Такъ расширилось его хозяйство, что ли?

Допрашивать объ этомъ Дмитрія мы не считали удобнымъ. Такъ и поѣхали съ недоумѣніемъ.

Стояла сушь и дорога была отличная. Тройка неслась быстро, и мы просто не замѣтили, какъ приблизились къ деревнѣ. Вонъ уже показались крестьянскія мельницы, выплыли крыши избъ и самыя избы.

А вотъ и усадебныя постройки,—знакомыя, милыя. Каменный заборъ, окружающій усадьбу, попрежнему полуразрушенъ, даже на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ остались дыры и валяются выпавшіе камни.

Пріѣзжаемъ во дворъ. Десятка полтора мужиковъ стоятъ около кухни; при нашемъ появленіи они снимаютъ шапки. Экипажъ останавливается около крыльца.

Нѣсколько секундъ... Дверь распахивается, выбѣгаетъ Павликъ и заключаетъ насъ въ объятія.

— Павликъ, милый... у тебя выросли усы и даже борода!—всплескивая руками, восклицаетъ Наташа и звонко смѣется. И Павликъ тоже смѣется.

Но вдругъ мы замѣчаемъ, что на головѣ у Павлика фуражка, а на фуражкѣ кокарда. Уже это порядочно потрясаетъ насъ. Но, вглядѣвшись поближе, мы видимъ, что на шеѣ у него надѣта толстая цѣпь.

— Что это такое, Павликъ?—спрашиваетъ Наташа, очевидно заподозрившая, что у Павлика какая-то странная игра.

— Ахъ,—чуточку смѣшавшись, отвѣчаетъ Павликъ,—это у меня засѣданіе, я забылъ снять.

— Засѣданіе? Какое? Чего?

— Да я же теперь земскій начальникъ. Ахъ, вы вѣдь не знаете. Ну, потомъ все разскажу. Идите въ домъ... Вотъ ваши комнаты. Разложитесь, вымойтесь... На верандѣ готовъ самоваръ... У меня еще осталось разобрать два дѣла. Это на полчаса. Я приду и буду любоваться на васъ...

И онъ исчезъ.

— Ради Бога,—съ мольбой въ глазахъ обратилась ко мнѣ Наташа:—объясни, что это такое?

— Земскій начальникъ? Хорошо это или худо? Во всякомъ случаѣ не пугайся. Ничего нѣтъ страшнаго!—успокоилъ я Наташу.—Препочтенная должность.

— Но что же онъ дѣлаетъ съ этими мужиками, которые тамъ стояли?

— По всей вѣроятности, судитъ ихъ. Вотъ у него и цѣпь судейская на шеѣ. Одни судятся, другіе свидѣтельствуютъ...

— А, такъ онъ судья! Ну, это ничего. Я думала, Богъ знаетъ что такое. Но почему? Съ какой стати?

— Это очень просто, Наташа. Я могу разсказать тебѣ, какъ это было. Павлику пришлось круто. Деньги, которыя мы ему посылали, онъ тратилъ, должно быть, на возстановленіе прежней оранжереи во всемъ ея блескѣ; можетъ быть, еще купилъ пару кровныхъ жеребятъ. А тутъ весна. Пахать, сѣять и прочее... Взвылъ бѣдный Павликъ... Ну, нельзя же думать, что это сохранялось въ тайнѣ; случайно заѣхалъ сосѣдъ, посмотрѣлъ, обнюхалъ, понялъ. Сказалъ другому содворянину: у молодого Стромилова, молъ, плохо. Узналъ уѣздъ... А тутъ вѣдь еще не забыто былое Стромиловское величіе. Стали ахать и охать... Какъ же, молъ, такъ? Старинная дворянская фирма. Надо поддержать. У насъ вѣдь такъ любятъ поддерживать, разумѣется, не на свой счетъ, а на казенный... Пріѣхалъ предсѣдатель управы, завернулъ предводитель... Помилуйте, Павелъ Сергѣевичъ, да мы знали вашего покойнаго батюшку... Шепнули губернатору... Ну, и вотъ: предложеніе. Не хотите ли молъ занять постъ земскаго начальника? Не золотыя горы, конечно, а двѣ съ половиной тысячи все-таки платятъ. Ну, пятьсотъ отойдетъ на канцелярію, а лошади у васъ еще, слава Богу, есть свои для разъѣздовъ. Двѣ тысячи и очистятся. Въ вашемъ положеніи поддержка. Павелъ, разумѣется, и руками и ногами отмахивался. Я, молъ, служить не желаю, призванія не имѣю, и предки мои не служили, и тому подобное... Но пришелъ моментъ, стало круто, не въ моготу—согласился и вотъ осуществляетъ... Такъ это было, милая Наташа, иначе не могло и быть.

— Бѣдный Павликъ!—со вздохомъ произнесла Наташа.

Чудный былъ день. Солнце тамъ гдѣ-то нестерпимо палило, но на верандѣ, окруженной старыми тополями, было прохладно. И такъ пріятно было, послѣ долгихъ скитаній по отелямъ и станціоннымъ буфетамъ, усѣсться за круглый столъ, передъ кипящимъ самоваромъ, у себя дома.

Пришелъ Павликъ—обросшій, загорѣлый, но милый, очаровательный Павликъ. Пришелъ и въ десяти словахъ разсказалъ то самое, что я за полчаса передъ тѣмъ изложилъ Наташѣ. Да, такъ это было, и иначе не могло быть.

И онъ теперь судитъ и рядитъ, владѣя цѣлымъ участкомъ,

гдѣ онъ начальство и передъ нимъ трепещутъ. Ему это ужасно смѣшно, и онъ немного сконфуженъ этимъ, но ничего не подѣлаешь. Такъ уже пришлось.

— Только теперь, Павликъ, этого ничего уже не нужно,— сказала Наташа.

— Какъ не нужно? Почему не нужно?

— Да вѣдь мы заработали кучу денегъ, а въ будущемъ заработаемъ еще больше. Ты спроси-ка моего «секретаря», онъ тебѣ скажетъ... И мы привезли тебѣ на твои затѣи цѣлыхъ десять тысячъ.

Павелъ вскочилъ съ мѣста и чуть не захлопалъ въ ладоши.

— Десять тысячъ! На имѣніе? Золото мое... Да мы такихъ дѣлъ надѣлаемъ... Да мы... Ахъ...

И онъ принялся цѣловать Наташу и меня—ужъ очевидно по инерціи.

XIV.

Мы просидѣли въ деревнѣ до половины сентября.

Во всемъ мірѣ сезонъ начинался гораздо раньше, но нашъ сезонъ былъ совсѣмъ особенный. Наташа въ Петербургѣ выступала въ октябрѣ, а въ декабрѣ ее уже ждали въ Лондонѣ и такъ дальше.

О, съ какимъ чувствомъ удовлетворенія вспоминала она недавнее прошлое, когда ей приходилось торопиться къ началу августа, чтобы ходить на репетиціи, обтирать тамъ кулисы, подобострастно засматривать въ глаза всякаго начальства, не соблаговолятъ ли молъ дать хоть какую-нибудь, хоть чуть-чуть приличную роль.

Да, это пройдено и теперь ужъ не то. Она пріѣдетъ за недѣлю до перваго выхода, сдѣлаетъ нѣсколько репетицій, ровно столько, сколько ей нужно, чтобы повторить роль. Теперь ее тамъ ждутъ, и слово ея—законъ.

Но въ деревнѣ на этотъ разъ было куда занимательнѣе, чѣмъ прежде. Нашъ тріумвиратъ увеличился однимъ членомъ, который жилъ во флигелѣ, въ той самой непритязательной квартиркѣ, которую нѣкогда занималъ я. Крысы остались въ своихъ прежнихъ норахъ и услаждали его одинокіе часы.

Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, рослый и плечистый, съ большой кудлатой головой, съ изрядно запущеннымъ, сильно обросшимъ густыми черными волосами, лицомъ, съ виду

очень суровый... но въ дѣйствительности мягкій, деликатный, предупредительный и скромный.

Онъ носилъ пиджакъ (для удобства, вмѣсто сюртука) темнозеленаго цвѣта съ золотыми пуговицами, а на фуражкѣ кокарду.

Нечего и прибавлять, что это былъ «ликвидаторъ», посаженный на мое мѣсто и завѣдывавшій моимъ прежнимъ участкомъ. Совершенно также, какъ и я, онъ завтракалъ и обѣдалъ у Павлика. И когда въ день нашего пріѣзда онъ появился на верандѣ и Павликъ, представляя его Наташѣ, сказалъ:—«Это Иванъ Степановичъ Колобовъ, ликвидаторъ»—то Наташа никакъ не могла выдержать и разсмѣялась. Потомъ ему объяснили, что смѣхъ этотъ относится не къ нему, а ко мнѣ, къ моему прежнему ликвидаторству.

Павликъ, почувствовавъ въ своихъ рукахъ деньги, ни на минуту не задумался, сѣлъ и написалъ своему начальству «рапортъ», о томъ, что семейныя обстоятельства заставляютъ его сложить съ себя званіе земскаго начальника,—и тотчасъ же послалъ его. Оказалось, что свои служебныя обязанности онъ отправлялъ съ отвращеніемъ.

— Никакого призванія,—говорилъ онъ:—ну, рѣшительно никакого. Ахъ, Наташа, какая ты прелесть! Я зналъ, что ты милая и добрая, но все-таки не думалъ, что до такой степени. Теперь мы превратимъ наше маленькое имѣніе въ земной рай...

И началось подлинное превращеніе имѣнія въ земной рай. И я долженъ сказать, что Павликъ былъ не одинокъ. Наташа присоединилась къ нему всецѣло. Въ ней тоже, какъ и у него, проснулись Стромиловскія традиціи.

Ну, право же, они оба точно ослѣпли, а я, видя, что это какой-то атавистическій психозъ, считалъ безполезнымъ призывать ихъ къ благоразумію.

Все равно, не услышатъ, да еще, не дай Богъ, примутъ меня за врага.

Появился новый садовникъ, выписанный изъ какихъ-то высокопоставленныхъ парковъ; ему данъ былъ цѣлый отрядъ рабочихъ. Въ саду разбивались цвѣтники, выкапывались прудки, возстановлялась въ прежнемъ величіи оранжерея, грунтовый сарай, выписывались живописные кустарники.

Изъ конскаго завода графа Дурасова привели пару удивительныхъ жеребятъ, которымъ породистый подростокъ Сарданапалъ и въ подметки не годился. Эта пара должна была стать родоначальницей будущаго завода.

Изъ Лифляндіи ожидались породистыя свиньи, изъ другихъ мѣстъ—куры и утки, даже фазаны и павлины.

Съ другой стороны, былъ отвергнутъ съ презрѣніемъ старый экипажъ и изъ губернскаго города выписанъ новый. Поднятъ запросъ о молотилкѣ, обсуждалось пріобрѣтеніе керосиноваго двигателя для мельницы...

Все это въ безпорядкѣ, безъ всякой послѣдовательности, просто потому, что всѣ эти вещи существовали на свѣтѣ, но ихъ не было въ усадьбѣ, а вѣрнѣе потому, что оба они заболѣли лихорадкой расточительности.

— Милый—говорила мнѣ Наташа,—ты только смотришь и молчишь. Я знаю, ты не одобряешь... И понимаю, что это безуміе. Но ничего, дадимъ бѣдному Павлику отвести душу, ну и мнѣ немножко. Вѣдь все равно, онъ никогда практичнымъ хозяиномъ не будетъ. Но мы устроимъ здѣсь красивый уголокъ, въ которомъ будемъ отдыхать. И ужъ на это надо постоянно удѣлять часть нашего заработка. А Павликъ будетъ упиваться этимъ и всю жизнь будетъ воображать, что онъ превосходный помѣщикъ.

А бѣдный Павликъ, дѣйствительно, безъ насъ пережилъ большія огорченія. Садъ, на который онъ потратилъ столько энергіи и возлагалъ такія надежды, обманулъ его самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Ранней весной, когда стояли солнечные дни, все зацвѣло, и Павликъ уже предвкушалъ обильный урожай. Но въ половинѣ мая вдругъ ударилъ ночной морозъ. Другіе садоводы предусмотрѣли это и запаслись какими-то «факелами», кто жегъ въ эту ночь костры, болѣе опытные еще зимой обложили деревья снѣгомъ и соломой и задержали цвѣтеніе деревьевъ до конца мая, а Павликъ ничего этого не зналъ, Дмитрій же былъ плохой садовникъ—и вотъ, нежданный морозъ въ одну ночь погубилъ всѣ его надежды.

А тутъ пришло время платить проценты въ банкъ, да земство, да государство потребовали свои налоги.

Вотъ тутъ-то онъ и рѣшился насадить кокарду на свою фуражку.

Но зато любо было смотрѣть на него теперь, когда онъ, положившись на Наташину щедрость въ настоящемъ и будущемъ, развивалъ безумно широкіе планы возстановленія былого величія Стромиловской усадьбы.

И не одна красота прельщала его. Имѣлись въ виду несмѣтные доходы. Ну, какъ же! Въ прудахъ будутъ разводиться

рыбы,—вѣдь потомъ будетъ устроена цѣлая система прудовъ съ проточной водой. Окуни, форели, стерлядки...

А мельница съ нефтянымъ моторомъ, развѣ не доходная статья? А тѣ усовершенствованныя орудія, которыя прибудутъ, развѣ они не удесятерятъ урожай?

А садъ, подъ волшебнымъ руководствомъ ученаго садовника? А парники, теплица, гдѣ будутъ въ апрѣлѣ поспѣвать дыни—вѣдь это все золотыя розсыпи.

Наконецъ, рысистые жеребята, когда они подростутъ, отправятся въ Москву брать призы. А потомъ понемногу разовьется свой заводъ. Улучшеніе породы крестьянской лошади и пр. и пр.

Павликъ былъ счастливъ. И такъ какъ всѣ его благородныя качества отъ этого обострялись и, можно сказать, сквозили въ каждомъ его движеніи и взглядѣ, то, право же, можно было любоваться на него.

Когда я смотрѣлъ на его счастливое и безконечно симпатичное лицо, мнѣ удивительно явственно припоминались слова Наташи, сказанныя когда-то, во время оно, въ Москвѣ: «когда у него (у Павлика) будетъ много денегъ, онъ будетъ великолѣпенъ. Да, мой милый ликвидаторъ, рыба можетъ жить только въ водѣ, а дворянинъ можетъ проявлять свое достоинство только при большихъ деньгахъ».

Что же, въ самомъ дѣлѣ, если это такъ, то я не долженъ мѣшать осуществленію столь незыблемаго закона. Впрочемъ, я былъ не болѣе, какъ «секретарь моей жены». Но иногда, въ моменты, когда глаза Павлика особенно лучезарно сіяли отъ счастья, мнѣ хотѣлось — не посмѣяться, нѣтъ... а только отозвать его куда-нибудь въ дальній уголокъ и сказать: «А знаешь ли ты, милый мой другъ, какимъ путемъ твоя сестра добыла положеніе, дающее ей возможность зарабатывать эти деньги? Не знаешь? Такъ вотъ слушай: было такъ-то и такъ-то и такъ-то»...

И все отъ начала до конца выложить передъ нимъ. Что было бы?

Милый Павликъ возмутился бы, вспыхнулъ бы, схватился бы за голову, вырвалъ бы у себя клокъ волосъ, и двадцать четыре часа—нѣтъ, пожалуй, этого хватило бы и на сорокъ восемь,—ходилъ бы, какъ потерянный...

Но потомъ, мало-по-малу, онъ «нашелъ бы себя» и вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ бы великолѣпныя слова, которыя окончательно успокоили бы его:

«Конечно, это ужасно, это составляетъ несчастье моей жизни... Но я не имѣю права судить Наташу. Она не виновата въ томъ, что ей пришлось самой выковывать себѣ жизнь».

И при этомъ еще про себя подумалъ бы: «но, слава Богу, что она была въ это время уже не Стромилова, а Щербатьева»...

Когда пришло время Наташѣ уѣзжать, денегъ у Павлика, разумѣется, осталось самая малость и пришлось пообѣщать ему высылку изъ Петербурга.

Вотъ мы и въ Петербургѣ.

Октябрь. Темно. Сыро. Съ утра до вечера моросить. Настроеніе мое вдругъ испортилось.

Наташа пріѣхала сюда царицей. Ее ждали съ нетерпѣніемъ. Сборы въ театрѣ были слабые, и она должна была поправить ихъ.

О, она ихъ поправитъ. Невѣроятно подняты цѣны, и мѣста уже росписаны на нѣсколько спектаклей. Имя Щербатьевой красовалось на афишѣ гигантскими буквами, какъ нѣкій фактъ непререкаемый, противъ котораго нельзя уже спорить.

Директора, дирижеры, режиссеры ходятъ передъ нею на заднихъ лапкахъ, подобострастно смотрятъ ей въ глаза и ловятъ каждое ея слово. Рецензенты пустили уже предварительные дифирамбы. При встрѣчѣ съ нею, никто изъ нихъ не смѣетъ даже думать о сколько-нибудь двусмысленномъ взглядѣ и какой-нибудь вольности. Она—всемірно признанная величина, и имъ остается только скромно исполнять свои обязанности.

Но мое настроеніе было отвратительное. Было такое ощущеніе, какъ будто я попалъ въ какой-то враждебный лагерь и со всѣхъ сторонъ окруженъ людьми, которые постоянно ищутъ случая показать мнѣ свое презрѣніе. Какъ ни успокоивалъ я себя разными житейски-философскими соображеніями, которыхъ въ головѣ практическаго человѣка всегда бываетъ большой запасъ, но это не помогало.

Я не могъ заставить себя пойти въ театръ и тамъ, хотя бы въ качествѣ секретаря, вести дѣловыя сношенія съ конторой. Мнѣ непріятно было даже выходить на улицу.

Вѣдь здѣсь, въ этомъ городѣ, какъ разъ и пролегала та дорога, по которой Наташа, моя жена, пробиралась къ славѣ, къ тому блестящему положенію, которое теперь занимала.

Здѣсь она стучалась въ тѣ заколдованныя ворота, которыя открываются только передъ избранниками судьбы.

Ахъ, но у судьбы слишкомъ много дѣла, ей некогда самой заниматься каждымъ, хотя бы даже и избранникомъ, и она довѣрила это своимъ привратникамъ. И много ихъ, цѣлые сонмы, и каждый можетъ потребовать пошлину отъ избранника, и отъ каждаго зависитъ его будущее...

Да, каждый, каждый...

Всѣ эти директора, дирижеры, режиссеры, и эти «квинты», всѣ они добросовѣстно дѣлаютъ свое дѣло, и они не виноваты, что среди нихъ есть негодяи, которые имѣютъ вліяніе и власть, Но вѣдь это же случайность, что именно они занимаютъ мѣста; могли занимать другіе, и было бы то же самое, они также потребовали бы пошлину за прохожденіе черезъ ворота славы...

А эта рукоплещущая толпа... Я закрывалъ глаза и представлялъ себѣ, что тогда, когда Наташа еще «стучалась», пришла бы къ ней вотъ эта самая толпа и сказала бы: «вотъ мы будемъ шикать и свистать тебѣ и навѣки опозоримъ твое имя... Но мы можемъ поднять тебя на высоту славы. Такъ ты выбирай. Мы хотимъ тебя, каждый изъ насъ хочетъ тебя... Мы также, какъ и тѣ, привратники славы. Плати же и намъ пошлину».

Развѣ она остановилась бы? Можетъ быть, помутился бы ея умъ, и она въ одинъ день состарилась бы на цѣлое столѣтіе. Но заплатила бы проклятую пошлину каждому протягивающему руку...

И вотъ почему мнѣ было невыносимо не только бывать въ театрѣ, но даже выходить въ городъ, на улицу. Вѣдь и тамъ на каждомъ шагу попадаются навстрѣчу участники той толпы, которая могла бы, если бъ захотѣла...

Не знаю, чувствовала ли Наташа то же самое, или такъ дѣйствовало на нее мое настроеніе, но она, пожиная свои лавры въ театрѣ, приходила домой разстроенная и блѣдная. Мы оба точно утратили способность веселости, почти не смѣялись и мало говорили, какъ бы затаивъ одно общее желаніе: поскорѣе покончить съ этимъ городомъ и никогда больше сюда не возвращаться.

Однажды, въ самомъ концѣ гастролей, Наташа пришла домой съ репетиціи страшно разстроенная, вошла прямо въ свою комнату и сейчасъ же оттуда послышался сдержанный плачъ.

Испуганный, я побѣжалъ къ ней.

— Что случилось, Наташа?

— Ахъ, ничего, увѣряю тебя, рѣшительно ничего не случилось. Но я больше здѣсь не могу... Я будто снова переживаю все то постыдное, отвратительноо, проклятое... Ахъ, милый,—во-

скликнула она, положивъ свою голову мнѣ на грудь:—увези меня отсюда и больше не нужно пріѣзжать сюда, не нужно!..

Скоро мы уѣхали за границу осуществлять блестящіе ангажементы, которые были у меня въ портфелѣ.

Зима прошла въ шумныхъ успѣхахъ Наташи. Имя ея страшно выросло и окончательно окрѣпло.

Когда мы лѣтомъ возвращались въ деревню, гдѣ ждалъ насъ Павликъ, чтобы похвастаться устроенными имъ необычайными затѣями, которыя Наташѣ обошлись уже очень дорого, у Наташи былъ довольно солидный капиталъ и выгодный контрактъ въ Америку.

Усадьба съ садомъ и прудами теперь дѣйствительно начинала походить на земной рай, и мы провели чудное лѣто.

Наступила пора отплывать въ Америку. Что-то будетъ?

Павлику была оставлена усиленная порція денегъ. Онъ провожалъ насъ не только до станціи, но до губернскаго города, гдѣ мы должны были сѣсть въ вагонъ прямого сообщенія до границы.

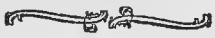
И тутъ, когда наступила минута дѣйствительнаго разставанія, Павликъ заплакалъ. А когда поѣздъ двинулся, онъ долго стоялъ на платформѣ, смотрѣлъ намъ вслѣдъ и крестилъ насъ маленькимъ крестомъ.

Эти послѣднія строки я записываю въ вагонѣ, который подъѣзжаетъ къ морской станціи, гдѣ мы сядемъ на пароходъ.

Я ставлю послѣднюю точку и запираю мою тетрадь въ чемоданъ. Черезъ недѣлю будемъ въ Америкѣ.

— Что-то будетъ?

И. Потапенко.



МОЛОДНЯКЪ [1].

(Окончаніе).

VII.

Варвара Бутягина покидаетъ родное гнѣздо.

На Красную Горку Анночку и Варю провожали въ далекій путь. Передъ поповскимъ домомъ стоялъ неуклюжій, но прочный тарантасикъ безъ верха, и работникъ о. Георгія, Ѳедоръ, по прозванію Грачъ, заботливо напихивалъ туда сѣно, уминая его колѣнами и локтями. Работница таскала изъ дома какіе-то кулечки, узлы, плетенки и разсовывала ихъ всюду, гдѣ было свободное мѣсто. Всѣ любили Анночку и хотѣли, чтобы ей было какъ можно уютнѣе и удобнѣе ѣхать. Сама Анночка, совсѣмъ уже одѣтая по дорожному, съ безпокойствомъ слѣдила за всѣми этими приготовленіями и ворчала.

— Это что за корзинка такая? У меня такой не было. Напихаютъ всякой дряни, и сидѣть будетъ негдѣ.

— Ничего, ничего, Анночка!—успокаивалъ ее о. Георгій.— Это я тебѣ тамъ колбаски велѣлъ... и утокъ копченыхъ парочку. Хорошія колбаски, къ Рождеству дѣлали...

— Ну, зачѣмъ это, папаша? Что я съ ними дѣлать буду?

— Ничего, Анночка... скушаешь. Я, братъ, самъ въ семинаріи учился, знаю... бывало, тоже ропщешь, когда тебѣ изъ дому всякаго добра надаютъ... а какъ наголодаешься въ городѣ, то охъ, какъ пріятно домашней снѣди покушать!

---

[1]) См. іюль, стр. 87.

Анночка подходила къ окну и нетерпѣливо выглядывала на улицу.

— И что это Варюха не идетъ? Сейчасъ хоть бы и ѣхать, а ея нѣту.

— Нельзя, Анночка... тоже, вѣдь, проститься надо. Рано еще, успѣете до станціи засвѣтло доѣхать. Чего ты спѣшишь?

— Тамъ Трофимовна чисто по покойницѣ воетъ!—вмѣшалась въ разговоръ работница.—То было ругалась, какъ узнала, что Варька съ нашей барышней въ городъ ѣдетъ, а сейчасъ голо̀-ося... бѣда!

— Удивительно!—воскликнула Анночка сердито и опять побѣжала къ окну.—Что ее, съѣдятъ что ли въ городѣ-то? Не маленькая!

— Что же сдѣлаешь, Анночка... мать! Каждому своего дѣтища жалко...

О. Георгій тихонько вздохнулъ, но посмотрѣлъ на дочь и, поспѣшно подавивъ вздохъ, сдѣлалъ веселое лицо.

— Да, Анночка... такъ ты того ужъ... Смотри, почаще пиши. Хоть и увидимся скоро, а все-таки...

Наконецъ, показалась и Варвара. Глаза у нея были наплаканы, а лицо имѣло торжественно серьезное выраженіе, точно она шла въ церковь молиться Богу. Большой сѣрый платокъ по старушечьи былъ спущенъ на лобъ и заколотъ у горла толстой мѣдной булавкой. На плечахъ неуклюже сидѣла безобразная кофта изъ чернаго коленкора, недавно сшитая и потому шуршащая при каждомъ движеніи, какъ толстая оберточная бумага. Въ рукахъ у Варвары былъ небольшой узелокъ, въ которомъ заключалось все ея имущество. За нею шелъ Михѣй и скакали ребятишки, которымъ хотѣлось посмотрѣть, какъ сестра поѣдетъ въ городъ. Немного поодаль шагала унылая фигура Ивана Кириллыча. Глаза его тоже были подозрительно красны, и онъ часто стыдливо отворачивался въ сторону и сморкался въ какую-то пеструю тряпочку, служившую ему вмѣсто носового платка.

— А, вонъ и Варя!—весело закричала Анночка.—Скорѣй, скорѣй, Варюха, а то опоздаемъ! Поѣздъ дожидаться не будетъ. Надо, матушка, по американски,—время дороже всего!

— Ахъ ты, американка!—грустно улыбнулся о. Георгій и, воспользовавшись тѣмъ, что Анночка на него не смотрѣла, украдкой вытеръ слезу.

Вошла Варвара; за нею ворвались ребятишки и сейчасъ

же съ жаднымъ любопытствомъ начали оглядывать батюшкину горницу. Иванъ Кириллычъ остался съ Михѣемъ на улицѣ.

— Ну, ты совсѣмъ, Варвара?—озабоченно спросила Анночка. —Такъ ѣдемъ, ѣдемъ! Грачъ, у тебя готово?—закричала она въ окно.

— Готово!—отозвался съ улицы Грачъ.—Вотъ только за кнутомъ сбѣгаю.

— Ну, бѣги, бѣги! До свиданья, папаша. Позвольте приложиться къ вашей почтенной родительской рукѣ...

— Да ты хоть присядь, присядь, американка!—смѣясь сквозь слезы, сказалъ о. Георгій.—Волчокъ, настоящій волчокъ, право...

Присѣли. Но Анночкѣ не сидѣлось, и она сейчасъ же вскочила и бросилась цѣловать отца. Батюшка, смигивая слезы, неловко гладилъ ее по лицу и крестилъ маленькими крестиками.

— Ну, смотри же, Анночка... Того... Береги себя. И не очень, не очень тамъ... Политикой-то, политикой-то поменьше занимайся...

Подошла и Варвара къ нему подъ благословеніе. Когда вышли, Грачъ уже сидѣлъ на козлахъ и, предвидя долгое прощаніе, флегматично раскуривалъ трубку.

— Иванъ, никакъ и ты рюмишь?—сказала Анночка Ивану Кириллычу.—Какъ не стыдно? Глаза красные, носъ красный... фу! Тоже герой романа называется!

— Да я ничего, Анна Егоровна... Это у меня отъ вѣтру.

Простились и начали усаживаться. О. Георгій и Михѣй ходили кругомъ тарантасика, подпихивали сѣно, укрывали дочерямъ ноги овчинной полостью.

— Это здѣсь ничего, а въ полѣ-то сиверко,—говорилъ Михѣй.—Не лѣтнее время, продуетъ за первый сортъ. За узломъ гляди, Варвара, а то потеряешь, нечѣмъ будетъ на чужой сторонѣ перемѣниться. А коли чего нехватка, напиши, можетъ, сколотимся, дошлемъ съ оказіей.

Съ другой стороны Иванъ Кириллычъ шепталъ, давясь слезами.

— Помни, Варюха... Обѣщалась!.. Забудешь, пропаду я...

Варвара молчала и сидѣла, какъ каменная, устремивъ заплаканные глаза въ дымящееся утреннимъ туманомъ небо. Она вся уже была въ будущемъ, и голоса старой жизни доносились до нея неясно и отдаленно, заглушенные новыми голосами, еще незнакомыми, но сильными и зовущими ее впередъ, впередъ...

Грачъ докурилъ трубку, обстоятельно выколотилъ ее объ

колесо и повернулъ къ отъѣзжающимъ свое коричневое, морщинистое лицо.

— Ну- что жъ, готово, что ли?

— Готово, Грачъ, съ Богомъ! Прощай, Анночка! Пиши!

— Прощай, Варюха... Не забывай...

Тарантасъ тронулся. Нѣсколько минутъ Михѣй и Иванъ Кириллычъ бѣжали рядомъ съ нимъ, выкрикивая послѣднія привѣтствія, но лошади наддали, и обрывки прощальныхъ словъ остались назади, заглушенные бойкимъ топотомъ копытъ, тарахтѣніемъ колесъ по выбоинамъ и кочкамъ деревенской улицы.

Анночка оглянулась. О. Георгій все еще стоялъ у воротъ, и его фигурка въ сѣренькомъ подрясникѣ казалась такой маленькой и жалкой. Михѣй съ Иваномъ Кириллычемъ остались далеко позади и махали шапками; изъ оконъ избъ выглядывали любопытныя бабьи физіономіи; кучка ребятишекъ сь оживленнымъ визгомъ мчалась за тарантасомъ, норовя прицѣпиться къ задку. Больше никого не было.

— А Валентинычъ-то, такъ и не пришелъ проститься!— сказала Анночка.—Экій какой... А вѣдь обѣщалъ. Опять, должно быть, запилъ.

Варвара опять ничего не отвѣтила. Лошади неслись. Впереди зачернѣли ветелки, усѣянныя галчиными гнѣздами, промелькнула плотина, потомъ вѣтрякъ на бугрѣ, и въ лицо пахнуло влажнымъ тепломъ земли, обогрѣтой солнцемъ. И долго Варварѣ среди ея городской жизни мерещился этотъ милый теплый запахъ, какъ послѣдній материнскій привѣтъ родного гнѣзда.

За бугромъ, на днѣ мокрой, задернутой туманомъ ложбинки, Грачъ пріостановилъ лошадей, набилъ новую трубочку и поглядѣлъ на притихшихъ дѣвушекъ.

— Что, ласточки, призадумались? Ай скушно съ родной сторонкой разставаться?—сказалъ онъ, посмѣиваясь.—Эхъ, дѣвки, погляжу я на васъ, и чего вамъ дома не сидится?

— Мы бы, Ѳедоръ, и рады сидѣть, да учиться надо,—отвѣчала Анночка.

— Учиться? А какая въ немъ сласть, въ ученьи-то? И чудной народъ нынче пошелъ, право слово! Бывало, ребятъ силкомъ въ училишшу не загонишь, а теперь сами бѣгутъ, да еще на стариковъ сычатъ, дескать, сами дураками росли, и насъ въ дуракахъ хотите оставить. Ахъ, шутъ васъ изломай, правослово! Ученье что ли легкое пошло, али что?

— И ученье легкое, и жизнь тяжелѣй стала. Безъ ученья теперь пропадешь.

— Вонъ какъ? Поди жъ ты, какое дѣло! Ну ладно, ну диви бы парни на ученье охотились, а дѣвки что? Вѣдь и съ дѣвками-то сладу нѣту! Лѣтось что было, я вамъ разскажу. Дѣвчонка у меня, Марфутка, по десятому году, пристала вдругъ, заноза, купи ей книжку съ картинками... Ахъ ты, шутъ те обдери, и гдѣ она видала такую? Вѣдь, что жъ, дѣвки, вѣдь крикомъ кричала: купи, да купи... Баба моя не изтерпѣла, взяла вѣникъ, да вѣникомъ ее по...

— Ну, и зря!—съ упрекомъ сказала Анночка.—За что?

— А за баловство! Мы не господа, чтобы своимъ ребятамъ потрафлять. Нынче ты ей книжку купи, а завтра она и нивѣсть чего попроситъ,—эдакъ и достатковъ не хватитъ. А какіе наши достатки,—часомъ съ квасомъ, порой съ водой. Кабы у меня достатки были, нешто пошелъ бы я по батракамъ ходить?

— И все-таки зря. Книжка, она и вся-то гривенникъ стоитъ; ну, не на что у тебя купить, взялъ бы, у папаши попросилъ, онъ бы тебѣ далъ. А бить было не за что, въ книжкѣ баловства нѣту. Ты, небось, себя не бьешь, когда водку пьешь. А водка, она дороже книжки!

Грачъ замигалъ глазами и для чего-то передвинулъ шапку съ затылка на лобъ, хотя она и такъ хорошо сидѣла на головѣ. Онъ былъ пьющій, и слова Анночки попали ему не въ бровь, а въ самый глазъ.

— Ты... про водку! Конечно, пьешь ее, проклятую... Да, вѣдь, дѣвушка, какъ же ее не пить? Вѣдь, наша жизнь-то, ой-ой-ой, какая!!. Петля, вѣдь! Ну, а какъ выпьешь ее, оно и ничего... и заиграетъ на душѣ-то... А ты говоришь: водка... Эхъ! Ну, милые, отдохли?—обратился онъ къ лошадямъ.—Вваливай съ Господомъ...

На станцію пріѣхали во время. Поѣздъ еще не приходилъ, и говорили, что онъ на полчаса опаздываетъ. Тѣсная и темная зала III класса была биткомъ набита народомъ. Возвращались съ пасхальныхъ каникулъ учащіеся—семинаристы, кадеты, гимназисты и гимназистки. Нѣкоторыхъ сопровождали родители,—солидные батюшки съ расчесанными по праздничному волнистыми локонами, разодѣтыя барыни, толстые помѣщики, чиновники въ фуражкахъ съ кокардами. Пестрая толпа шумѣла и волновалась въ чаду и дыму, который синими облаками ходилъ по залѣ. Перекликались знакомые, слышались громкія привѣтствія, смѣхъ, чмоканье поцѣлуевъ, хлопанье пивныхъ пробокъ, звонъ посуды у буфета. Какой-то толстякъ въ дорогой дохѣ и дво-

рянской фуражкѣ съ краснымъ околышемъ кричалъ черезъ головы толпы маленькому сѣденькому старичку, стоявшему у кассы:

— Макаръ Макарычъ, а что, голубчикъ, мой кобель у васъ цѣлъ?

— Цѣлъ, цѣлъ, у сына на хуторѣ. Куда же ему дѣваться?

— Голубчикъ, отдайте мнѣ его назадъ!

— Кобеля-то? Да на что онъ вамъ? У васъ и такъ гончихъ много.

— Украли! Я говорю, нельзя хорошихъ собакъ держать; украдутъ... Украли, такіе-сякіе!..

Передъ буфетной стойкой съ рюмками коньяку въ рукахъ стояли два почтенныхъ господина и такъ же громко, ничуть не стѣсняясь, бесѣдовали другъ съ другомъ:

— Что же, выдрали?

— Натурально, выдралъ, Я, батенька, этой гуманности дурацкой не признаю. Гуманность—гуманность... Да отмѣните розги, какъ нынче въ газетахъ пишутъ; завтра они не только хлѣбъ, насъ самихъ заживо сожгутъ!

— А у васъ много сожгли?

— Да тысячи полторы пудовъ...

— Экіе подлецы!..

Всѣ эти люди вели себя здѣсь хозяевами, распоряжались, приказывали, сидѣли за длиннымъ столомъ, закусывали и пили чай, шутили и болтали, какъ дома, и странно было видѣть среди нихъ сѣрую кучку мужиковъ, загнанныхъ въ самый темный уголъ и робко жавшихся къ стѣнкѣ, подальше отъ сытой, нарядной, веселой толпы. Варвара съ Анночкой, войдя въ залу, не нашли ни одного свободнаго мѣста, чтобы присѣсть, и тоже очутились рядомъ съ мужиками.

Ихъ темныя, смиренныя лица, неувѣренность въ движеніяхъ, сдержанный разговоръ вполголоса сразу обратили на себя вниманіе Варвары, и она почувствовала себя такою же чужою здѣсь, такою же растерянной и загнанной, какъ они. Въ своей неуклюжей, шуршащей кофтѣ, въ толстыхъ деревенскихъ котахъ съ подковами, въ платкѣ, низко насунутомъ на глаза, она сама казалась себѣ безобразнымъ чудовищемъ, на которое всѣ смотрятъ съ изумленіемъ и насмѣшкой. И оттого Варвара растерялась еще больше. Мимо нея шмыгали красивыя, хорошо одѣтыя барышни, такія ловкія, такія бойкія, и, глядя на нихъ, она не знала, куда дѣваться отъ стыда за свое безобразіе. И отчаянно думала: «Господи, и зачѣмъ я ѣду, и что это Анночка дѣлаетъ, на смѣхъ

людямъ тащитъ меня въ городъ?» Она хотѣла было уже заявить Анночкѣ о своемъ желаніи вернуться съ Грачемъ въ Муравлевку, но въ это время вдругъ забѣгали люди съ фонарями, зазвонилъ колоколъ, и толпа, наполнявшая залъ, хлынула на платформу. Пришелъ поѣздъ. Варвара не успѣла опомниться, какъ очутилась въ вагонѣ и была притиснута къ окну цѣлой грудой подушекъ и корзинокъ, которыми расторопный носильщикъ загромоздилъ всѣ лавки и полки. Шумъ, давка, толкотня... Толстая барыня въ трехъаршинной шляпкѣ потеряла свою дочь-гимназистку. У кого-то пропалъ чемоданъ. Кому-то дверью прищемили палецъ. Наконецъ, все это человѣческое стадо кое-какъ размѣстилось, успокоилось, притихло, и поѣздъ тронулся. Только господинъ въ дохѣ, высунувшись изъ окна до половины туловища, долго еще вопилъ въ пространство:

— Про кобеля-то, про кобеля-то не забудьте, Макаръ Макарычъ! Назадъ поѣду, я его у васъ возьму... Хорошій кобель, смотрите, какъ бы его у васъ не украли... Что? Нѣтъ, это ужъ будьте покойны! Хорошую собаку непремѣнно украдутъ...

Поѣздъ грохоталъ. Анночка уютно разложила всѣ свои пожитки, вынула изъ мѣшка подушку, приготовила постель и смѣющимися глазами посмотрѣла на Варвару.

— Ну что, Варюха? А? Какъ себя чувствуешь?

— Страшно...—прошептала Варя.

— Чепуха! На вотъ тебѣ подушку, ложись спать, утро вечера мудренѣе. А эдакъ сидѣть, совсѣмъ обалдѣешь.

Но Варвара наотрѣзъ отказалась отъ подушки и продолжала неподвижно сидѣть у окна, судорожно вцѣпившись въ свой жалкій узелокъ,—единственное, что у нея оставалось отъ деревенскаго прошлаго. И оттого, что это прошлое уходило отъ нея теперь все дальше и дальше, ей было нестерпимо жаль его, и хотѣлось плакать, плакать безъ конца.

Такъ она просидѣла всю ночь, не смыкая глазъ, съ трепещущей душой, наполненной страхомъ и опасеніями. Поѣздъ грохоталъ. Мелькали зеленые и красные огоньки семафоровъ, желтые фонари сторожей, причудливые клубы бѣлаго пара. Вспыхивали и угасали искры. Анночка крѣпко спала, свернувшись клубочкомъ на короткой скамейкѣ. Кто-то храпѣлъ, кто-то бредилъ во снѣ; ходили и выходили люди. А она все сидѣла и думала о темномъ будущемъ своемъ, и чудилось ей, что она несется въ какую-то загадочную бездну, и чьи-то грубые, жестокіе голоса выкрикиваютъ оттуда: «ступай-назадъ, ступай-назадъ, ступай-назадъ»...

Розовое весеннее утро уже глядѣло въ окно душнаго, смраднаго вагона, когда поѣздъ замедлилъ свой бѣгъ и съ усталымъ шипѣньемъ поползъ по высокой насыпи. Городъ былъ близко. Варвара протерла запотѣвшія стекла и стала смотрѣть. Широкій видъ развернулся передъ нею. Далеко внизу сверкали изливы рѣки, зеленѣли рощи и луга, бѣлѣли хаты зарѣчной пригородной слободки. Какое-то огромное, мрачное зданіе съ множествомъ оконъ высилось надъ ними; оно было похоже на жирнаго, налитаго кровью паука, а низенькіе домики, разсыпанные вокругъ него, напоминали жалкихъ мушекъ, запутавшихся въ паутинѣ. А тамъ, еще дальше, въ розовато-лиловомъ туманѣ, въ облакахъ нѣжно-зеленой, юной листвы садовъ, бѣлѣли высокія городскія колокольни, искрами вспыхивали кресты церквей, дымились длинныя трубы заводовъ и фабрикъ, пестрѣли красныя, зеленыя, коричневыя, сѣрыя крыши домовъ. Вотъ онъ, городъ! Такой страшный и таинственный, такой заманчивый... Сердце у Варвары крѣпко забилось, и чувство тупой покорности, слѣпого страха смѣнилось жуткимъ любопытствомъ. Отъ Муравлевки осталось только одно маленькое, тоскливое воспоминаніе... Какъ она была далека теперь, какою казалась крошечною, жалкою, смиренною...

Въ вагонѣ проснулись, заговорили, заходили. Кондуктора отбирали билеты. Кто-то открылъ окно, и свѣжій, пахучій воздухъ розовою, смѣющеюся волной влился въ духоту и смрадъ грязной клѣтки, набитой человѣческимъ мясомъ. Стало свѣтло и весело. Анночка вскочила и спросила съ испугомъ:

— Пріѣхали?

— Нѣтъ еще. Подъѣзжаемъ.

Анночка успокоилась, зѣвнула и съ наслажденіемъ потянулась.

— Фу, какъ славно выспалась! Даже бокъ себѣ отлежала. А ты, Варюха, неужели такъ и не ложилась?

— Нѣтъ.

— Какая глупая женщина! Ну, я такъ не могу, я сплю всегда и во всякихъ положеніяхъ. Сонъ для меня первое дѣло.

Она посмотрѣла на Варвару. Румяныя Варины щеки поблѣднѣли, и веснушки рѣзко выступили на нѣжной кожѣ. Круглое, дѣтское лицо осунулось, глаза впали, окружились темной синевою и стали большіе, глубокіе, серьезные... Въ одну ночь Варя постарѣла на нѣсколько лѣтъ.

— Какъ тебя однако перевернуло!—задумчиво сказала Анночка.—Знаешь, на кого ты теперь похожа? На дикую ко-

зочку, которую прямо изъ лѣса засадили въ клѣтку... Я видѣла такую въ Зоологическомъ саду. Ну ничего, погоди, скоро совсѣмъ ручная будешь!

Поѣздъ подходилъ къ вокзалу. Въ окно замелькали коричневыя стѣны, носильщики, жандармы, публика. Въ вагонѣ началась суета.

Анночка наняла извозчика и велѣла ему ѣхать на Кривую улицу подъ базарнымъ спускомъ. Варвара, не выпуская изъ рукъ своего узелка, съ любопытствомъ оглядывалась во всѣ стороны и осыпала Анночку множествомъ вопросовъ. Отъ безсонной ночи и отъ сознанія, что этотъ далекій, таинственный городъ—вотъ онъ, уже здѣсь, такъ близко отъ нея, она какъ будто опьянѣла и находилась въ припадкѣ остраго возбужденія. Хотѣла все знать, все видѣть, все понять—и скорѣй, какъ можно скорѣй!..

— Это что-й то за столбы такіе? А рельсы зачѣмъ по улицѣ проложены? А что это за домъ такой большущій? Судъ? А тюрьма гдѣ? А мужикъ на столбѣ—это что такое? Памятникъ Петру Великому? Ухъ, какой!..

Анночка хохотала и едва успѣвала отвѣчать на Варины вопросы.

— Погоди, Варюха, погоди, все узнаешь, все сама увидишь...

Даже извозчикъ заинтересовался и, бокомъ повернувшись на сидѣньи, съ улыбкой прислушивался къ разговору подругъ.

— Видать, барышня-то впервой въ городъ пріѣхала?—спросилъ онъ.—Что жъ, на должность, аль такъ?

— Учиться,—отвѣчала Анночка.

— Ишь ты! Хорошее дѣло. У меня у самого дѣвка здѣсь въ ученьи, у портнихи. Такая ловкая мамзель вышла,—не гляди, ослѣпнешь! 8 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ огребаетъ. А также вотъ, какъ привезъ ее изъ деревни, все ужасалась. Чего не увидитъ: «тятенька, а это что? А это что?» До чего одурѣла,—увидала свинью и тычетъ пальцемъ: «тятенька, а это что?»

Анночка засмѣялась. Но Варвара не унялась и продолжала свои вопросы до самой Кривой улицы, гдѣ извозчикъ и остановилъ своего рысака передъ воротами худенькаго невзрачнаго домика съ чахлымъ палисадникомъ. Улица была дѣйствительно «Кривая» и круто спускалась подъ гору, къ рѣкѣ. Длинные, сѣрые заборы, сѣрые, бѣдные домишки, изрытая мостовая, грязь, неряшество... Но зато видъ отсюда былъ чудесный. Широкій разливъ рѣки, широкое, свѣтлое небо, зеленѣющія купы рощъ, огромная, далекая, безкрайная степь съ бѣгущимъ по ней поѣздомъ,

который казался крошечной черной ниточкой среди яркой зелени озимей и луговъ. Вся пригородная слободка была какъ на ладони, точно кучка разноцвѣтныхъ козявокъ прижалась къ берегу рѣки. И среди нихъ опять этотъ жирный, красный паукъ,—стоглазое, мрачное чудовище, широко раскинувшее свои длинныя, цѣпкія лапы.

— Анночка, а это что за домина такой вонъ тамъ, за рѣчкой? Я его еще издали видѣла, какъ давеча подъѣзжали.

— Гдѣ? А, вижу! Это дисциплинарный батальонъ, — все равно, что тюрьма, только туда больше солдатъ сажаютъ.

— Солдатъ? Что же, и теперь они тамъ сидятъ?

— И теперь, и всегда. Ихъ тамъ много.

Варвара еще разъ посмотрѣла на стоглазое чудовище и вздохнула.

— Жалко!..—прошептала она.—Солнышко... травка зеленая... а они сидятъ...

Анночка позвонила. Долго не отпирали. Позвонила еще. Наконецъ, за дверью послышался топотъ многихъ ногъ, звякнулъ ключъ, и изъ-за двери высунулась румяная, веселая мордочка съ вздернутымъ носикомъ и бойкими черными глазками.

— Папа дома?—спросила Анночка.

— Дома, онъ умывается. А мама самоваръ ставитъ.

— Ну, ладно. Поди скажи папѣ, что гости изъ деревни пріѣхали.

— Изъ деревни? Идите, а я пойду, сейчасъ папѣ скажу!

Анночка отворила дверь и чуть не придавила еще пару малышей, такихъ же румяныхъ, курносыхъ и глазастыхъ, какъ и первый. Малыши проворно отпрянули и, топоча босыми ноженками разсыпались по темному корридорчику со смѣхомъ и криками:

— Гости изъ деревни! Гости изъ деревни!

Въ переднюю вошелъ съ полотенцемъ въ рукахъ черный, худой человѣкъ лѣтъ 35, вглядѣлся въ пріѣзжихъ и весело воскликнулъ:

— А, вотъ это какіе гости? А я ужъ, признаться, думалъ—средиземная эскадра.

— Ну вотъ еще выдумали? Развѣ средиземная эскадра по утрамъ ходитъ?

— У насъ нынче, матушка, и по утрамъ, и днемъ, и ночью ходитъ,—не вѣсте бо ни дня, ни часа, въ онь же околодочный пріидетъ! Крамольника больно много развелось. Живемъ точно

на вулканѣ. Ну, раздѣвайтесь, раздѣвайтесь, сейчасъ чай будемъ пить. Вѣра Ильинична, какъ у насъ самоварчикъ?

— Сейчасъ готовъ будетъ!—откликнулся изъ кухни женскій голосъ.

Они вошли въ крошечную комнатку, которая очевидно служила и столовой, и кабинетомъ, и гостиной. Длинный столъ, покрытый клеенкой, висячая лампа, полки съ книгами на стѣнахъ, дряхлый диванъ, шкафикъ съ посудой. Бѣдно, тѣсно, но теплымъ привѣтомъ дышитъ отъ стѣнъ, чувствуется крѣпкая, здоровая, трудовая жизнь... Босоногіе малыши сбились въ кучу у дверей и въ три пары любопытныхъ глазъ смотрѣли на Варвару.

— Ну вотъ, Константинъ Иванычъ, ваша будущая ученица,—сказала Анночка.

Хозяинъ протянулъ Варварѣ костлявую, маленькую, горячую руку.

— Фу, такъ и запахло солнышкомъ, тепломъ, ржанымъ полемъ!—воскликнулъ онъ, глядя на Варвару смѣющимися черными глазами.—Настоящій деревенскій человѣкъ—«коня на скаку остановитъ, въ горящую избу войдетъ!..» Какъ васъ? Варвара Михѣевна? Ну, здравствуйте! А меня зовутъ Константинъ Иванычъ Студенецкій.

Варвара застѣнчиво улыбнулась. Хозяинъ сразу ей понравился,—простой, добрый, и глаза такіе свѣтлые, хорошіе, и вихры на головѣ славные и смѣшные. Она перестала дичиться и почувствовала себя совсѣмъ какъ дома.

— Слава Богу, не совсѣмъ еще выродилась деревня!—продолжалъ Студенецкій.—Морятъ ее и голодомъ, и цынгой, и земскими начальниками, а она все жива, матушка! Пережила и Угрюмъ-Бурчеева, и Перехвата-Залихватскаго, переживетъ и господина фонъ-Плеве, да и насъ съ вами, пожалуй, а? Какъ вы думаете?

— Ну, вы теперь засѣли на своего народническаго конька, до вечера не слѣзете,—засмѣялась Анночка.

— Не слѣзу, матушка, до самой могилы не слѣзу. Въ вашу марксистскую вѣру не перейду, и не старайтесь. До разрушенія абсолютизма идемъ вмѣстѣ; дальше наши пути расходятся. Вы—на выучку къ капитализму, а мы съ Варварой Михѣевной землицу будемъ дѣлить. Такъ-то, матушка!

— Не загадывайте, Константинъ Иванычъ! Покуда все идетъ по-нашему, а не по-вашему. Скверно теперь въ деревнѣ, Константинъ Иванычъ. Старики на два лагеря раздѣлились и воюютъ не на животъ, а на смерть: кто рублемъ, а кто дубьемъ.

Молодежь въ городъ бѣжитъ. Смотрите, кабы вамъ у пустого мѣста не остаться! Идите лучше къ намъ.

— Въ ученики къ г. Плеханову? Нѣтъ ужъ, покорно благодаримъ! Хорошій вы народъ, но ужъ больно васъ буква заѣла. Катехизисъ свой здорово заучили, а спроси въ разбивку —и стопъ машина!

— Почему стопъ?

— Да потому что жизнь не по катехизису идетъ. Настроили вы тамъ разныхъ надстроекъ, а придетъ какой-нибудь водовозъ Архипъ и сапожищемъ все къ чорту опрокинетъ. Нѣтъ, матушка, ваша вѣра мертвая. Погодите, придется еще вамъ отъ многаго отрекаться, дай только свѣжему вѣтерку подуть...

Они заспорили. Анночка, вся красная, бѣгала между столомъ и шкафомъ и выпускала по тысячѣ словъ въ секунду; Константинъ Иванычъ посмѣивался, курилъ папиросу за папиросой и едва успѣвалъ въ потокъ Анночкиныхъ бурнопламенныхъ рѣчей вставлять свои хладнокровныя, язвительныя реплики. Комната наполнилась табачнымъ дымомъ; по воздуху носились страшныя слова: «Терроръ... Искра... аграрная программа... національзація земли...» Варвара слушала и ничего не понимала; малыши смѣялись и восторженно прыгали,—имъ очевидно такіе споры были не въ диковину.

Вошла съ самоваромъ Вѣра Ильинична, красивая, черноглазая, стройная женщина, и ахнула.

— Батюшки, надымили-то! Костя, ты съ ума сошелъ! Ребятишки, откройте окно, здѣсь задохнуться можно...

Малыши кинулись отворять окно, и душистый весенній воздухъ хлынулъ въ накуренную комнату. Спорщики опомнились и сконфуженно глядѣли другъ на друга.

— Фу ты, пропасть!—воскликнулъ Студенецкій.—Эдакая подлая интеллигентская привычка: какъ сойдемся такъ и давай лбами стукаться. Заѣла насъ съ вами книжка, Анна Егоровна! Никуда мы не годимся. Вонъ посмотрите на Варвару Михѣевну: она молчитъ, а дойдетъ до настоящаго, побольше насъ съ вами сдѣлаетъ. Вотъ она, деревня-то, а? Чистыя козявки!

— Козявки!—хоромъ повторили малыши и залились смѣхомъ.

Вѣра Ильинична хлопотала около чайнаго стола, рѣзала хлѣбъ, мыла стаканы и ворчала.

— Ну, будетъ, будетъ вамъ! Костя, да замолчи, дай гостямъ хоть чаю напиться! Ребятишки, садитесь! Сейчасъ на базаръ пойдемъ.

— Вотъ она у меня тоже настоящая!—подмигнулъ на нее

Студенецкій.—Болтать не любитъ, тоже деревенскій человѣкъ, черная кость, мужицкой породы!

Вѣра Ильинична смѣялась, блестя бѣлыми жемчужными зубами, и ласково глядѣла на Варвару. Она была одѣта и причесана по-городски, но въ манерахъ ея и въ говорѣ сохранилось что-то деревенское, и Варвара сразу почуяла въ ней родного человѣка.

— Вы изъ какой деревни?—спросила она.

— Я изъ Стебеньковъ. У меня и по сейчасъ тамъ родня живетъ.

— Чтожъ, небось, ужъ отвыкли?

— Ну, какъ отвыкла? Зимой еще ничего, дня не видишь, а какъ весна, такъ и полетѣла бы! Своя сторона завсегда милѣе. А у васъ, небось, ужъ пахать зачали? Земли-то много на душу?

— Да своей почти что нѣту. У барина арендуемъ. А то не хватаетъ.

— Почемъ за десятину?

— Дорого! по 22 съ полтиной. И то съ руками рвутъ.

— Слышите, Анна Егоровна?—сказалъ Студенецкій.—Землица-то!.. Мы съ вами про Маркса, а онѣ про землицу. Такъ деревней и запахло!.. Эхъ, чортъ возьми, хорошо! «Ну, тащися, Сивка, пашней десятиной...» Отъ земли розовый паръ идетъ... Грачи ходятъ, черные, толстые, какъ монахи... жаворонки.... А тутъ вотъ сиди въ этой конурѣ, да бѣгай, высуня языкъ, по урокамъ, вбивай книжную премудрость въ тупыя башки сытыхъ купеческихъ саврасовъ. Осточертѣло до смерти!

— А что жъ, нешто нельзя вамъ въ деревню-то?—спросила Варвара.

— То-то что нельзя, матушка! Произволеніемъ начальства лишенъ званія сельскаго учителя и всѣхъ присвоенныхъ этому званію правъ. Вотъ ужъ два года прикованъ къ городу, а все не могу привыкнуть. Еще бы! 12 лѣтъ проучительствовалъ... «праздникъ жизни, молодости годы»...

— Стало быть, тоже прогнали?—прошептала Варвара.— Всѣхъ гонятъ... вездѣ гонятъ... что же это такое?

— Ничего, Варвара Михѣевна, — «блаженны изгнанные правды ради». Будемъ пока этимъ утѣшаться. Да то ли еще будетъ? Теперь только гонятъ и въ темницы сажаютъ, а потомъ начнутъ распинать, и «живые факелы» изъ нашего брата-крамольника зажигать. Все будетъ!

Варвара въ недоумѣніи молчала и смотрѣла въ окно, изъ котораго виднѣлась широкая даль, съ разливомъ рѣки и бархатной озимью.

— Ну, а теперь какъ у васъ? Тихо?—спросила Анночка.

— Какое тихо! Каждый день тащатъ и не пущаютъ. Вотъ передъ пасхой восемь человѣкъ забрали,—все ваши искровцы. Изъ нихъ двое рабочихъ.

— А у насъ тоже обыскъ былъ!—выскочилъ одинъ изъ малышей.—Искали-искали, ничего не нашли!

— Не нашли!—какъ эхо подхватили остальные малыши и засмѣялись.

— А одинъ жандармъ, толстый-растолстый, залѣзъ подъ диванъ, да никакъ и не вылѣзетъ... Завязъ!

— Завязъ...—повторили малыши, задыхаясь отъ смѣха.

— А наша кошка, Мурка, подошла къ нему, понюхала, да какъ фы-ыркнетъ!.. И начала чихать...

— Чихать!..

— А онъ испугался, да какъ выскочитъ, да головой... объ ножку... Ха-ха-ха... Онъ думалъ... бомба!..

Малыши хохотали, широко разѣвая красные рты. Студенецкій глядѣлъ на нихъ и грустно улыбался.

— Впечатлѣнія золотого дѣтства...—сказалъ онъ со вздохомъ.

Послѣ чаю Вѣра Ильинична ушла съ малышами на базаръ за провизіей, а Анночка съ Варварой принялись убирать посуду.

— Ну, Варвара Михѣевна, теперь поговоримъ съ вами о дѣлѣ,—сказалъ Студенецкій.—Въ учительницы я васъ приготовлю, это уже какъ дважды-два четыре, но вотъ какая исторія: жить вамъ придется въ другомъ мѣстѣ. У меня вамъ остаться нельзя; человѣкъ я, какъ видите, пропащій, и вы черезъ меня благонадежность потеряете, а безъ этого вамъ ни диплома, ни мѣста не дадутъ. Знаете вы, что такое за штука—благонадежность?

Варвара смотрѣла на него съ испугомъ. Какая-то темная, незнаемая сила надвигалась на нее со всѣхъ сторонъ и бросала мрачную тѣнь на свѣтлое будущее, которое мерещилось ей впереди. Анночка взглянула на ея поблѣднѣвшее лицо и засмѣялась.

— Константинъ Иванычъ, не пугайте Варю! Я вижу, ей уже Богъ знаетъ что кажется! Не привыкла она къ страшнымъ словамъ!

— Да ничего страшнаго и нѣтъ покуда. Страшныя слова еще впереди, а это только присказка. Итакъ, Варвара Михѣевна, для полученія благонадежности вамъ надо поселиться въ благо-

надежномъ мѣстѣ. Есть тутъ у меня по близости двѣ знакомыя старушки, и всего у нихъ добра—три кошки, да собачка. Вотъ я и хочу васъ къ нимъ пристроить. Онѣ будутъ васъ кормить, обувать и одѣвать, а вы за это имъ по хозяйству поможете. Имъ много не нужно, и времени для занятій у васъ будетъ достаточно. А заниматься будете ко мнѣ ходить каждый день. Согласны на такія условія?

— О, Господи!—воскликнула Варвара.—Да какъ же не согласна? Да я на все готова, только бы учиться!

— Ну, вотъ и ладно. Заживете у старушекъ отлично! Онѣ обѣ тихія такія, знай себѣ цѣлый день пасьянсы раскладываютъ, да кошекъ гладятъ, — ужъ къ этимъ никакая полиція не придерется. Вотъ вечеркомъ я васъ къ нимъ сведу, а съ завтрашняго дня и къ экзамену начнемъ готовиться. Предупреждаю, учитель я серьезный и требовать буду отъ васъ много и строго. Этого вы не боитесь?

Но Варвара теперь ничего не боялась. Она стояла уже на первой ступенькѣ лѣстницы, ведущей къ свѣту, и будущее казалось ей опять такимъ же широкимъ и сверкающимъ, какъ разливъ рѣки за окномъ, какъ зеленая солнечная даль полей. Только сердце тихо ныло и тосковало о далекой Муравлевкѣ... такой маленькой, такой заброшенной и темной...

VIII.

Между городомъ и деревней завязывается переписка.

«Милая Варя! Какъ ты отъ насъ уѣхала, я цѣлую недѣлю ходилъ, словно угорѣлый. Куда ни пойду, все тебя вижу, а то будто кличешь меня: «Ваня! Ваня!» Оглянуся, анъ никого нѣту... А ужъ какъ сумеркнется, готовъ въ омутъ головой кинуться. Пойду подъ колокольню, сяду на бревна и плачу. Никого нѣту, всѣ птенчики разлетѣлись въ разныя стороны, одинъ я остался, какъ старая ворона, и каркаю о милыхъ дружкахъ своихъ. Гдѣ они теперь, родимые, кто грѣетъ ихъ теплымъ крылышкомъ? Кому свои пѣсенки поютъ? Зазвонитъ колоколъ, собаки лаютъ на селѣ, ночь свѣтлая, во всѣ глаза глядитъ, а я одинъ со своей тоской. Скажу словечко — кто услышитъ? Заплачу—кто меня пойметъ? Кто приласкаетъ, приголубитъ, рукою теплой обойметъ?.. Варя, милая, ты для меня одна. Помнишь

ли ты меня, какъ я тебя помню? Небось, забыла и думать. А я день и ночь думаю. Валентинычъ и Лазутка звали съ собой въ луга гулять, я не пошелъ. Что мнѣ луга, что весь свѣтъ бѣлый, когда нѣтъ тебя?

Варя, милая, пиши мнѣ поскорѣе и побольше, успокой мою тоску. Ничего не дѣлаю, ни о чемъ не думаю, кромѣ тебя. Книжки всѣ забросилъ, лежатъ на полкѣ, и паукъ плететъ на нихъ паутину. Возили съ отцомъ навозъ, заработали три гроша съ полушкой. Мать цѣлый день квокчетъ, какъ насѣдка, говоритъ: и въ кого такое дитятко уродилось? Высиживала цыплака, а вышелъ гадкій утенокъ. Помнишь, мы съ тобой въ книжкѣ читали? Хочу съ горя уйти въ батраки, по крайности уши мои не будутъ слышать ругани несправедливой, и успокоится родительское сердце. Милая Варя, неужто я никуда не гожъ, кромѣ батраковъ? Вѣдь есть во мнѣ чувства и мысли, а куда дѣвать ихъ—не знаю. Зачѣмъ я родился на свѣтъ или не померъ малымъ дитей? Ни къ чему себя я не могу приладить,— ни къ ученью, ни къ мужичьему житью. Завидки берутъ на другихъ; всѣ живутъ, какъ люди, а я шатаюсь, да скриплю, какъ сломанная береза. Хоть бы буря зашумѣла, хоть бы громъ ударилъ, расщепилъ бы березку на двѣ части, коль не себѣ, такъ людямъ на дрова бы годилась.

Прощай, милая Варя, друга не забывай. Твои старики тебѣ кланяются, живы и здоровы. Михѣй все помалкиваетъ и куритъ свою трубочку. Хорошій онъ мужикъ; кабы мнѣ отцомъ былъ, я бы не горевалъ. А Трохимовна все объ тебѣ жалкуетъ: заѣхала дочка на чужу-дальню сторонку, насидится голодная и холодная, некому пожалѣть, некому на умъ наставить. Горюетъ, что никакъ съ деньгами не можетъ сбиться, послать милой доченькѣ на гостинчики. Я къ нимъ частенько захаживаю; только и утѣхи, чтобы хоть на ту избу поглядѣть, гдѣ милая жила. Твой дружокъ, Иванъ Саламатинъ.

«Милый Ваня! Получила твое письмецо. Спасибо за память. Только не пиши на тотъ домъ, который тебѣ Анночка записала, а пиши на Кручинину улицу, домъ Звѣрева, Евдокіи Семеновнѣ Пидкольской, а передать Варѣ Бутягиной. Теперь я тамъ живу вродѣ прислуги, а хозяйки мои — старыя барыни, двѣ сестры, одной 60 лѣтъ, а другой немножко поменьше. Жизнь моя ничего. Дѣло мое утромъ сходить на базаръ съ барыней, Еленой Семеновной; потомъ печь затопляю, комнаты подмету, самоваръ

поставлю, а стряпаютъ онѣ сами. Чай отопьютъ, сядутъ въ карты играться, а я учусь по книжкамъ. А послѣ обѣда уберусь съ посудой, иду учиться съ учителемъ. Учитель хорошій, учитъ все понятно. По ариѳметикѣ ничего не трудно учиться, а вотъ по грамматикѣ не дюже понимаю. Страхъ беретъ, что я неспособная и къ экзамену не гожусь. Сижу, сижу, ажно вспотѣю. Трудная грамматика. И ночью сижу; барыни не обижаются, что много газу извожу. А сонъ такъ и клонитъ, но я терплю, больно хочется скорѣе все понять. А пойму ли, не знаю, и сердце болитъ днемъ и ночью. Дюже боюсь, кабы дурой не выйти. Всѣ хлопочутъ, а я неспособная. А матери скажи, ничего не надо, все есть. Барыни сшили мнѣ платье и бѣлый фартукъ. И башмаки новые учителева жена подарила. На счетъ ѣды тоже хорошо. Напиши, хорошо ли я написала. Больно много ошибокъ дѣлаю. Кланяюсь отъ всей души и тятенькѣ и мамонькѣ и отцу Егорію. Варвара Бутягина».

«Милая Варя! Получивши твое письмо, до потолка подпрыгнулъ. Цѣлый день ходилъ, какъ дуракъ, и самъ съ собою смѣялся. Прочиталъ сто разъ, и все начитаться не могу. Ошибокъ никакихъ не видалъ, а если бы и были ошибки, на это наплевать. Главное дѣло, что жива и здорова и изъ памяти насъ не выкинула. Пошелъ къ твоимъ старикамъ и тамъ сто разъ прочиталъ твою бумажку, писанную милой рукой. Михѣй весь табакъ искурилъ, слушавши, а Трохимовна столько слезъ пролила, что въ вашемъ колодцѣ и воды столько не наберется. Только на счетъ башмаковъ не повѣрила, хотѣла къ писарю письмо нести, говоритъ: ты выдумываешь. То есть, это я выдумываю. Говоритъ, нѣтъ такихъ людей на свѣтѣ, чтобы стали новые башмаки дарить ни за что ни про что. Насилу старуху увѣрилъ. Проситъ, чтобы ты написала, какъ зовутъ, которая башмаки подарила, она ее въ заздравіе помянетъ. И старыхъ барынь тоже. Ну, а про себя скажу, я все такой же. Никакой перемѣны во мнѣ нѣту, и самъ себя не понимаю. Валентинычъ говоритъ, что это отъ глупости, и еще какое-то мудреное слово сказалъ, да я не выговорю. Они съ Лазуткой все гуляютъ, и про нихъ въ селѣ нехорошее болтаютъ. А о. Георгій ничего, живетъ себѣ, Анночку дожидается. У нихъ съ Агафоникомъ все нелады; намедни Агафоникъ ѣздилъ куда-то, говорятъ—на о. Георгія жаловаться. Такой попъ ехидный! А что ты про себя пишешь, будто неспособная, это неправда. Помнишь, что Михаилъ

Денисычъ говорилъ? Онъ хоть и подлецъ оказался, а на счетъ ученья понимаетъ здорово. Книжки, которая Анночка оставила, всѣ прочиталъ, теперь взялъ у о. Георгія писателя Тургенева читать. Прочиталъ «Записки охотника»,—вотъ пишетъ-то! Ну, за этимъ не угоняться. Будто самъ тамъ былъ и все видѣлъ. И легко будто,—взялъ бы, да и самъ написалъ. А поди, попробуй: и рука не ворочается, и слова изъ головы не лѣзутъ. Ну, а скоро и совсѣмъ некогда писать будетъ. Отецъ задумалъ съ Спиридономъ Дармостуковымъ садъ исполу снять. Хочетъ овецъ и корову продавать за 50 рублей, а за садъ аренды просятъ 150. Барыши пополамъ. Не знаю, что выйдетъ, а слезъ много будетъ. Ну, а меня посадятъ яблоки караулить. Прощай, моя Варюша, золотая, брилліантовая! Хоть бы глазочкомъ на тебя посмотрѣлъ, словъ твоихъ послушалъ. Какъ зажмурюсь, такъ и вижу тебя, какая ты на пасху гулять ходила. И лицо твое румяное, и коса русая, и лента въ косѣ, какъ жаръ горитъ. Куда ты ее дѣвала, эту ленточку красную? Отчего мнѣ не оставила? Я бы ее на крестъ привязалъ и каждый вечеръ, помолясь Богу, на нее глядѣлъ и съ любовью тебя вспоминалъ. Другъ твой вѣрный, Иванъ Саламатинъ».

«Милый Ваня! Посылаю тебѣ это письмо съ Анночкой. Она здѣсь пробыла два дня и житье мое видала, все вамъ разскажетъ. А мнѣ много писать некогда, Константинъ Ивановичъ много уроковъ задаетъ. Трудно учиться. Задачи я хорошо дѣлаю, и исторію и географію понимаю, а вотъ русскій языкъ плохо. Константинъ Ивановичъ говоритъ, читать больше надо для развитія. А то они говорятъ, а я слушаю и ничего не понимаю. Намедни у нихъ были гости, студенты и барышни изъ Москвы. Ѣздили на лодкѣ кататься и меня взяли. Я все слушала ихъ разговоры и чуть въ слезы не ударилась. Все они знаютъ, а я между нихъ будто глухой у обѣдни. И стало мнѣ горько. Теперь я думаю про себя, будто я плыву въ морѣ, а куда—сама не знаю. Отъ одного берега далеко и другого не видать. Варвара Бутягина».

«Драгоцѣнная, золотая Варя! Знаешь, откуда я тебѣ пишу? Пишу изъ сада куда меня посадили караульщикомъ. Отецъ продалъ овецъ и корову, послѣднее хозяйство; теперь мы совсѣмъ бобыли, иди хоть на всѣ четыре стороны. Плачу много было и ругани тоже. Будто я ихъ не кормилецъ и прочее. Мать на книжки

посыкалась, хотѣла пожечь, но, слава Богу, обошлось ничего, а книжки-то чужія. Больше всего Тургенева было жалко, писатель задушевный и всякое слово до самого сердца доходитъ. Теперь до осени какъ-нибудь протянемъ въ мирѣ, а тамъ что будетъ, ужъ не знаю. Должно быть, надѣвай суму и иди въ кусочки по окошкамъ съ бадикомъ, какъ слѣпой Микола. Вспомнишь Кольцова поэта: сяду я за столъ, да подумаю... Да у него хоть столъ былъ, а тутъ подходитъ, и стола-то нѣту. Ну, это еще далеко, тогда подумаемъ, какъ на свѣтѣ жить одинокому, а теперь я опишу тебѣ свою жизнь. Живу въ саду. Есть у меня хорошій плетеный шалашъ съ постелью, а подъ деревомъ на кольяхъ, вбитыхъ въ землю доски. Это столъ. Здѣсь я обѣдаю и пишу. А читаю, лежа подъ деревомъ. Въ дождь шалашъ протекаетъ; когда вѣтеръ, качается и скрипитъ, какъ скворешня. Въ углу я приладилъ полку, и тамъ стоитъ икона Спасителя и всѣ мои книжки кучкой сложены. Кашу себѣ варю на волѣ, зажгу грудокъ (костеръ), засыплю пшено въ котелъ и гляжу, какъ оно кипитъ. Котелъ у Дармостукова здоровый, фырчитъ точно лошадь стоялая. Пчелы гудятъ въ яблоняхъ, горличка воркуетъ, а то будто по кустамъ кто-то пройдетъ и палочкой въ землю стукнетъ. Падалица падаетъ. Я ее собираю и ребятишкамъ на яйца мѣняю. Намедни цѣлое рѣшето яицъ матери отнесъ. Ничего, улыбнулась, и мнѣ пару дала за труды. А все-таки не утерпѣла, попрекнула: «кабы умный былъ, да книжки бросилъ, каждый бы день яичницу ѣлъ». Поспѣшилъ повернуться и уйти въ свой шалашъ. Хорошо, Варя, въ саду! Эта жизнь самая по мнѣ! Весь бы вѣкъ такъ прожилъ! Тишина, никто не кричитъ, не сварится, не попрекаетъ. Птички поютъ, у каждой своя забота и каждая свой кормъ находитъ. Дѣлить нечего. Отчего люди такъ не живутъ? Чтобы не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, и всѣ были ровные... Христосъ недаромъ притчу сказалъ: «живите, какъ птицы небесныя; онѣ не сѣютъ, не жнутъ и въ житницы не собираютъ». Я въ саду много думъ передумалъ, Варя. Думалъ о себѣ и о жизни. Кто я и зачѣмъ я родился на свѣтъ? Прочиталъ недавно книгу Тургенева «Рудинъ». Вотъ, должно быть, я такой же. Мыслей много и словъ много, а все ни къ чему. Тебѣ, можетъ, чудно, ты посмѣешься, Варя, а я надъ этимъ Рудинымъ поплакалъ. Какой былъ человѣкъ, а вѣдь такъ и пропалъ. И Наташа его разлюбила... Вотъ и ты, Варя, также меня разлюбишь. Подождешь-подождешь, что изъ моихъ рѣчей выйдетъ,—и плюнешь. Пропадай Божій человѣкъ! Но я—нѣтъ! Можетъ, ты отъ меня и уйдешь съ какимъ-нибудь другимъ героемъ, но я тебя никогда не забуду. Погляжу въ твои ясные глаза и скажу: иди, Варя, но помни, никто другой такъ тебя не

любилъ, какъ я, божій человѣкъ... Можетъ, я и рожденъ на то, чтобы пропасть, но пропаду, никому не сдѣлавши зла. Скажутъ: чудакъ былъ, болтался по свѣту зря, а все, таки добрый человѣкъ... И ты, Варя-скажешь, а, можетъ, и слезу выронишь. Ничего, спасибо и за это.

Приходили ко мнѣ гости, Валентинычъ съ Лазуткой, угощали водкой; я не пилъ. Слово свое держу. Какъ пріѣхала Анночка, Валентинычъ будто съ цѣпи сорвался, пьетъ мертвую. Анночка тоже заходила, разговаривали съ ней. Она какая-то смутная была. Ѳомка съ нея портретъ пишетъ, о. Георгій обѣщалъ ему денегъ дать. Мнѣ Ѳомка нравится. Онъ все молчитъ, а понимаетъ много. Сдружился я еще съ Алексѣемъ Заострожнымъ, который, помнишь, въ шахты осенью уходилъ. Сейчасъ онъ вернулся; худой, черный сталъ и злющій, какъ собака. Я его прямо не узналъ: языкомъ такъ и рѣжетъ, словно бритвой. До чего доводитъ нужда! Зазвалъ я его къ себѣ; цѣльную ночь лежали у грудка и разговаривали. Ну, и поразсказалъ онъ мнѣ, что на свѣтѣ дѣлается! Вотъ, говоритъ, сидите тутъ въ деревнѣ, какъ лягушки въ болотѣ, только пузыри кверху пущаете, а того вамъ неизвѣстно, что вся Россія кверху дномъ хочетъ перевернуться... Оно и правда, чего мы знаемъ? Одна Анночка изъ Питера пріѣдетъ, разскажетъ, да и то половину не поймешь. А Алешка до самаго Ростова на своихъ ногахъ дошелъ, на Кавказѣ былъ, народу перевидалъ тысячи. Послушалъ я его, и меня взмануло: аль и себѣ тоже сумку на плечи, косу въ руки, да и айда въ степь по стихамъ Кольцова: «раззудись, плечо, размахнись, рука»!... Милая Варя, посовѣтуешь, аль нѣтъ? Дождусь твоего отвѣта, да и махну съ Алешкой Заострожнымъ искать своего счастья. Можетъ, и не найду, зато свѣтъ увижу. А то и вправду: сидимъ, да только и видно отъ насъ, что пузыри булькаютъ. Не то рыбы, не то черти водяные. Ну прощай, Варюша, цѣлую тебя въ сладкія уста. Божій человѣкъ, Иванъ».

Милая Варюша! Что же нѣтъ отъ тебя ни отвѣта, ни привѣта? Я съ тоски пропадаю. Вотъ уже въ саду и листочки желкнутъ, а ты молчишь. Или ты уплыла отъ меня съ какимъ-нибудь студентомъ, и мои рѣчи мужицкія до тебя не доходятъ? Слушаешь ты другія слова, другія пѣсенки льются тебѣ въ уши, кто-нибудь другой смотритъ въ твои свѣтлыя очи. А Божій человѣкъ сидитъ въ своемъ шалашѣ, караулитъ яблоки и гоняетъ хворостиной воробьевъ. Конечно, меня не сравнять съ студентомъ. Студентъ ходитъ чисто, говоритъ рѣчисто, а я — чучело

гороховое. Вотъ посмотри на меня, каковъ я. Отъ жары, да отъ комаровъ вся шкура на лицѣ слѣзла, а про руки и говорить нечего,—голенище бѣлѣе бываетъ. Волосы давно не чесалъ, расчески нѣту, чисто копна на головѣ, когда ее вилами разворочаютъ. Рубаха—заплата на заплатѣ, мать новой не даетъ, говоритъ, и такъ хорошъ воронъ пугать. Ноги босы, грязно тѣло и едва прикрыта грудь... Вотъ тебѣ мой портретъ. Конечно такого любить нельзя, и хорошо ты сдѣлала, Варя, что уплыла въ море со студентомъ. У студента личико бѣлое, ручки мягкія, головка причесана, рубашечка крахмальная. Ну, и Богъ съ тобою, Варя! Самъ вижу, что надо въ отставку подавать. Плыви куда хочешь и съ кѣмъ хочешь, а я съ Заострожновымъ въ шахты уйду. Вотъ только дай Господи съ садомъ развязаться. Вишенье мы уже собрали и малину, продали на 40 рублей. Сѣна собрали 12 копенъ. Соберемъ яблоки, и уйду. Попрошу у отца десятку за труды,—на дорогу хватитъ. Не поминай лихомъ Ивана Саламатина».

«Не сердись, Ваня, но ты очень много глупостей написалъ. Про какихъ студентовъ ты пишешь? Я ихъ только одинъ разъ и видала, когда на лодкѣ ѣздила, а послѣ того ни одного не видала. Можетъ, тебѣ не понравится, но ты очень смѣшно написалъ. И про крахмальную рубашку тоже очень смѣшно. Будто если крахмальная рубашка, то все можно забыть. Тутъ вовсе не такіе люди, чтобы объ однѣхъ прикрасахъ думать. И про себя скажу, некогда мнѣ заниматься, кто въ крахмальныхъ рубашкахъ, кто нѣтъ. Мнѣ дай Богъ успѣть барынямъ услужить и уроки выучить. Теперь я ариѳметику прошла до пропорцій и задачи дѣлаю. Изъ грамматики скоро междометія кончимъ, а потомъ начну синтаксисъ учить. Константинъ Иванычъ говоритъ, я лучше писать стала, да я и сама вижу, что лучше. Бывало, сидишь, думаешь-думаешь, какъ написать, да и уснешь съ горя, а теперь ничего. Писала сочиненіе, Константинъ Иванычъ давалъ книгу читать, дѣтскіе годы Аксакова, и своими словами написать. Потомъ читала «Дѣтство и отрочество» Толстого, русскую исторію Костомарова и географическіе очерки Меча. Очень интересно. Больше всего мнѣ нравится исторія. Даже удивительно, какая большая наша земля и сколько на ней народу живетъ. Константинъ Иванычъ говоритъ, что и другія звѣзды на небѣ, которыя намъ кажутся совсѣмъ маленькими, а онѣ такія же, какъ и земля и, можетъ, тамъ такіе же люди живутъ. Я всю ночь не спала отъ этого, все думала. Какъ интересно, Ваня, учиться! И хочется

знать побольше, побольше! Когда тутъ думать про крахмальныя рубашки. Ты пиши мнѣ все, что ты читаешь, и я тебѣ тоже буду писать. У насъ въ городѣ очень жарко и сада при домѣ никакого нѣтъ, сидимъ въ каменныхъ стѣнахъ. Зато ночью, когда отворишь окно, слышно музыку въ яхтъ-клубѣ, и я совсѣмъ спать не могу, все слушаю. Барыни мои тоже любятъ музыку. У нихъ есть рояль, и онѣ въ сумерки сядутъ и играютъ, а я притаюсь въ уголкѣ и слушаю. Очень хорошо! Какъ жалко, что у насъ въ деревнѣ такой музыки нѣту. Охъ, какое огромное письмо написала, даже поклоновъ негдѣ поставить. Ну, ты и самъ знаешь, кому надо кланяться. Прочитай это письмо батѣ и маменькѣ. Скажи, что жить мнѣ хорошо и больше всего стараюсь учиться. А тебѣ, Ваня, не совѣтую въ шахты идти, ты для этого не годишься. Тамъ работа тяжелая, цѣлый день подъ землей надо сидѣть, а ты любишь книжки читать. Заскучаешь безъ книжекъ и пропадешь. Сиди лучше въ саду, а тамъ можетъ, что-нибудь и придумаемъ. Да не пей водку съ Валентинычемъ, не хорошо. Варвара Бутягина».

«Варя, милая моя подружка! Ты своимъ письмомъ то надѣлала, что я теперь отъ радости ногъ подъ собою не чую. Получилъ я его еще на Ильинъ день и до сихъ поръ нѣтъ того дня, чтобы я его не прочелъ четыре или пять разъ. И сейчасъ, хожу, какъ человѣкъ, который открылъ источникъ счастья. Сижу одинъ въ саду, варю картохи, а у самого ротъ такъ и лѣзетъ къ ушамъ. А то возьму и начну скакать, какъ жеребенокъ, на удивленье всѣмъ птицамъ и козявкамъ, ползающимъ и летающимъ. Видала ты такого дурака? И какой же я былъ подлецъ, что посмѣлъ тебя упрекать какими-то студентами и крахмальными рубашками? И хватило же ума и совѣсти для такихъ безумныхъ подлостей! Какъ ты еще могла меня простить и стерпѣть, чтобы не плюнуть окончательно въ мою глупую физіономію. Становлюсь передъ тобой на колѣни и кладу голову къ твоимъ ногамъ,—что хочешь съ нею, то и дѣлай. Ударь, растопчи, брось на съѣденье псамъ. Больше не стою. Варюша, милая, вотъ оно, твое письмо, у меня на груди. Оно для меня спасенье отъ всѣхъ бѣдъ и грѣетъ мое сердце жарче солнца. Ты для меня, словно звѣздочка въ темную ночь. Вотъ сижу на обрубкѣ и вижу, какъ ты свѣтишь мнѣ издали. Вижу, какъ ты сидишь у окошка и читаешь мудреныя книжки, про которыя пишешь. А я, темная душа, ничего этого не знаю и, какъ дикарь, провожу свою молодость. Въ одинъ изъ самыхъ смутныхъ дней такъ напился съ Валентинычемъ, что дня три не зналъ, есть у

меня голова или нѣтъ. Стрѣляли изъ ружья и чуть не убили Псовку. Теперь она у меня, я ее откормилъ, гладкая стала, какъ свинья, и никуда не хочетъ идти. Про книжки совсѣмъ забылъ и думать, давно ничего не читалъ. А вотъ стихи написалъ и хотѣлъ тебѣ послать, когда на шахты уйду. Вотъ почитай и подумай, какія у меня тогда были мечты:

Зеленый садъ, къ тебѣ пришелъ
Безумный я съ своей тоскою,
Нигдѣ я правды не нашелъ,
Укрой меня своей листвою.
Во всѣхъ одно я вижу зло
Отъ вѣка сущаго зачато,
Темно кругомъ, вездѣ темно,
И братъ войной идетъ на брата...
Была одна, ее любилъ,
Ей отдалъ все свое дыханье;
Она ушла... и я одинъ...
Опять одинъ съ своимъ страданьемъ!
Зеленый садъ, скажи хоть ты,
Что дѣлать мнѣ съ самимъ собою?
Забыть ли свѣтлыя мечты
И въ смертный бой вступить съ судьбою?
Иль погрузиться въ крѣпкій сонъ,
Не знать, не слышать и не видѣть,
И солнца свѣтъ, и жизни звонъ—
Ихъ не любить, ни ненавидѣть...
Нѣтъ, я пойду въ далекій путь
На помощь гибнущимъ во мракѣ,
За свѣтъ, за волю и за трудъ
Сложу я голову на плахѣ...
Прощай же ты, зеленый садъ,
Дай крѣпость мнѣ, дай сердцу силу!
Твой шумъ, твой блескъ, твой свѣтлый взглядъ
Я унесу съ собой въ могилу...

Плохо, Варя, написано, но писалъ всей душой и всѣмъ сердцемъ. Даже захворалъ отъ нихъ и два дня въ лихорадкѣ лежалъ. Теперь самому чудно. Не смѣйся надо мной, Варя, — сказано: Божій человѣкъ. А я тебя вотъ что попрошу, Варя. Алексѣй Заострожновъ сказывалъ, есть такой человѣкъ, который всю Россію своими ногами исходилъ и много всякаго горя видѣлъ. Такъ ему и фамилія Горькій. Какъ бы да мнѣ этого горького писателя раздостать; можетъ, у твоего учителя есть. Коли достанешь, а я тебѣ деньги за него ворочу, у отца выпрошу. Анночка разсердчала за мое пьянство и глазъ не кажетъ. Занялась лечить бабъ. Съ утра до ночи по избамъ бѣгаетъ; всѣмъ ребятамъ оспу привила. Сурьез-

ная дѣвица; вы обѣ съ ней сурьезныя, не то что мы—мотыги безпутные! А Ѳомка-то Сухорукій? Вѣдь ушелъ въ городъ, уковылялъ. О. Георгій ему 10 цѣлковыхъ далъ и свой поповскій посохъ на дорогу. Твоимъ старикамъ письмо прочиталъ, они рады. Про Михаилъ Денисыча болтаютъ, будто жениться хочетъ на Корольковой дочери. Не знаю, правда или нѣтъ. Твой Иванъ».

«Стихи твои получила и письмо. Ко мнѣ тутъ одна барышня ходитъ, Шурочка, мы съ ней книжки читаемъ вмѣстѣ, я ей твои стихи показывала. Она говоритъ, у тебя талантъ есть, только не очень складно, надо поучиться. А ты водку пьешь и читать пересталъ. То-то я замѣчаю, ты много ошибокъ дѣлаешь, мечты черезъ ять написалъ, а надо «е». Эдакъ ты все забудешь. Брось ты, Ваня, эти дѣла, боюсь я, собьешься ты съ пути. А мнѣ тебя жалко, ты хорошій. Теперь намъ такимъ, которые изъ мужиковъ вышли, надо всему народу примѣръ показывать, какъ жить, а ты, вмѣсто того, чтобы слѣпому путь указать, самъ въ яму лѣзешь. И что тебѣ въ этой водкѣ, когда на свѣтѣ книжки есть? Хоть бы одну десятую часть прочитать, и то всей жизни не хватитъ. Горькаго сочиненье я тебѣ посылаю, Шурочка подарила. Вотъ дѣвушка замѣчательная! Родители у нея—богатые господа, а живетъ она бѣднѣй нашего! Все, что ни есть у нея, другимъ отдаетъ, кому нужно. А какая умная, да красивая, если бы ты видѣлъ. Ей только 18 лѣтъ, на годъ старше меня, а я передъ ней точно пятилѣтокъ какой. Все разскажетъ. все объяснитъ лучше Анночки. Я ей про Муравлевку нашу все разсказала до капельки. Она любитъ про мужицкую жизнь разсказы слушать. Они съ Константинъ Иванычемъ какъ соберутся, такъ у нихъ и пошли разговоры про деревню. Мнѣ даже чудно слушать, какъ они нашими мужицкими дѣлами интересуются. Вотъ бы тятенька послушалъ! Спѣшу дописать письмо, надо уроки готовить къ завтрему. Еще тебя прошу, не пей водки, читай, учись, а то осерчаю. Варвара Бутягина».

«Милостивая государыня, Варвара Михѣевна! Покорнѣйше благодарю васъ за нравоученье и за ваши пріятные совѣты. Конечно, мы мужики темные, въ ямѣ сидимъ, высшаго свѣту не видимъ, совсѣмъ отъ глупости ослѣпли. А вы превознесены и всякія науки вамъ открыты, хотите намъ примѣръ жизни показывать. Что же, покажите, мы, дураки, посмотримъ, только какъ бы намъ отъ вашего свѣту окончательно не ослѣпнуть.

Видали ужъ мы, какъ всякіе господа объ нашихъ дѣлахъ пеклись; вышло, обснимали до рубашки, оставивши только руки, чтобы работать, да глаза, чтобы подъ ноги смотрѣть, потому, слѣпая лошадь борозды не видитъ. А нынѣшніе господа высокой науки хотятъ никакъ мужика и вовсе безъ глазъ оставить. Зачѣмъ тебѣ, милый мужичокъ, глаза, вѣдь мы за тебя видимъ и слышимъ, а ты шагай себѣ прямо, куда поведемъ. Но, высокомудрые господа, мы лучше въ ямѣ будемъ сидѣть, но за вашимъ слѣдомъ не пойдемъ. И изъ ямы бываетъ солнышко видно, а какой вашъ свѣтъ, мы этого еще не видали. Можетъ, отъ него глаза ѣстъ. Итакъ, милостивые учители наши, покорно васъ благодаримъ за ваши высокіе примѣры. Оставайтесь вы при нихъ, а мы при своей темнотѣ останемся. А что касаемо ошибокъ и мечты черезъ ять, то и у вашей милости то же это самое ять на обѣ ноги хромаетъ. Затѣмъ прошу прощенія. Извѣстный вамъ Иванъ Саламатинъ».

«Что ты пишешь, Ваня, я ничего не поняла? Про какихъ-то господъ, которые мужика безъ глазъ хотятъ оставить? Можетъ, это ты про Шурочку, такъ это неправда. Кабы ты самъ увидѣлъ эту личность, то самъ бы покраснѣлъ отъ своихъ словъ. Она такая, что для мужиковъ своей жизни не пожалѣетъ. Мы за такихъ Богу молиться должны, и тебѣ довольно стыдно объ ней глупыя слова говорить. И что это съ тобой сдѣлалось? Это все Валентинычъ тебя съ толку сбиваетъ. Если ты читаешь ему мои письма, я этого вовсе не желаю и прошу тебя писемъ моихъ ему не показывать, а то вовсе ничего тебѣ писать не буду. А что про ошибки я написала, въ этомъ обиды то же нѣту, потому что это истинная правда. И что я плохо пишу, это я тоже сознаю и на тебя ничуть не обижаюсь, что указываешь. Какъ намъ съ тобою хорошо писать, когда мы еще много учиться должны? И выходитъ, что ты совсѣмъ одурѣлъ, свое непонятное письмо писавши, или ты съ чужихъ словъ болтаешь. А про Шурочку не смѣй худого думать, ты бы ей въ ножки поклонился, если бы увидѣлъ ее. А что она изъ господскихъ дѣтей, поэтому ей вѣрить нельзя, это тоже ничего не доказываетъ. Ты бы римскую исторію почиталъ, чѣмъ съ Валентинычемъ водку пить и изъ ружья собакъ стрѣлять. Тамъ есть разсказъ про братьевъ Гракховъ: были они знатнаго роду, а за народъ пострадали и были растерзаны на части. Да и у насъ въ Россіи такіе были, только про нихъ писать запрещено, а

когда-нибудь весь народъ про нихъ узнаетъ и во всѣхъ церквахъ по ихъ душѣ панихиды будутъ служить. Стало быть, и не говори, чего не знаешь, а Валентинычъ твой врунъ и пустомеля. Не хочу больше писать, отъ сердцовъ ажно рука дрожитъ. В. Бутягина».

«Милый тятенька! Какъ вы съ маменькой поживаете, давно отъ васъ вѣстей нѣту. Прежде Иванъ Саламатинъ писалъ, а теперь ничего не пишетъ, и совсѣмъ не знаю, что въ Муравлевкѣ у васъ происходитъ. Анночка тоже ничего не пишетъ, да правда, что и я ей тоже ничего не писала, все было некогда. Да она, должно быть, скоро въ С.-Петербургъ поѣдетъ. Живу я по прежнему, много учусь, а все-таки много учиться осталось. Мой учитель, Константинъ Иванычъ, говоритъ, что дай Богъ къ веснѣ приготовиться держать экзаменъ, а то, пожалуй, еще и весной не буду готова. Вы сами, тятенька, знаете, какое у насъ въ школѣ ученье: научатъ читать, да писать, больше и ничего, а тутъ сколько наукъ надо пройти: ариѳметику, грамматику, Законъ Божій, исторію русскую и всеобщую, да географію, да сколько книжекъ надо прочитать. Я бы и сама хотѣла скорѣй выучиться и поступить на мѣсто, чтобы и вамъ и маменькѣ помогу оказать, но никакъ этого сдѣлать нельзя. Но вы обо мнѣ не безпокойтесь, живу я и ни въ чемъ нужды не вижу. Барыни мои добрыя старушки и много съ меня не взыскиваютъ, бѣлье стирать поденщицу нанимаютъ, а мое дѣло у нихъ только полы помыть, да комнаты убрать. Живемъ тихо, какъ въ монастырѣ. Онѣ мнѣ хотятъ зимнюю шубку справить, и башмаки, и калоши, такъ что вы не безпокойтесь объ моей одеждѣ. Видѣла недавно Ѳому Панферова, онъ поступилъ въ рисовальное училище, а гдѣ живетъ, не знаю. Хотѣлъ ко мнѣ придти, покалякать, да не пришелъ. Напишите, милый тятенька, про свои дѣла, всѣ ли вы живы и здоровы, и какъ хозяйство, какъ просо уродилось и отелилась ли Бѣлобровушка. Теперь у васъ молотьба идетъ въ два цѣпа, а третьяго нѣту. Можетъ, Гашка подросла, помогаетъ. Вы ее, тятенька, въ школу-то посылайте. Прощайте, милый тятенька и маменька, желаю вамъ здоровья и успѣха во всѣхъ вашихъ дѣлахъ. Братцамъ и сестрицамъ поклонъ. Любящая дочь ваша Варвара».

«Возлюбленная дочь наша, Варвара Михѣевна! Мы всѣ живы и здоровы, чего и тебѣ желаемъ отъ всего сердца и отъ

души и шлемъ родительское благословеніе, во вѣки ненарушимо. А сестры и братья твои всѣ тебѣ кланяются и бьютъ челомъ. Гаша дюже намъ помощница, такая шустрая дѣвка растетъ, а и Грищенька отъ ней не отстаетъ, хоть и малъ, а свое дѣло знаетъ, какъ возы навивать, горохъ лущить, мерина поить, по-маленьку справляется. А въ училище мы ихъ посылать будемъ, коли охота есть. А по тебѣ соскучились дюже и еженощно возсылаемъ къ Господу-Богу молитвы о твоемъ здравіи и благополучіи, и чтобы Матушка-Царица Небесная наставила тебя на умъ-разумъ и привела тебя къ благополучному окончанію ученья. И добрыхъ хозяюшекъ твоихъ завсегда поминаемъ въ своихъ молитвахъ. Дай Богъ имъ здоровья и всякаго благополучія въ дѣлахъ. А просо у насъ уродилось не больно хорошее: и умолотомъ плохо, и зерномъ не вышло, дай Богъ на сѣмена собрать. Напалъ какой-то червякъ, наказаніе Господне, и въ самый наливъ зерно высосалъ, одна кожура осталась. Ржи хороши, картохи тоже, какъ-нибудь продышемъ. Бѣлобровушка отелилась телкой, дай Богъ здоровья. А мать тебѣ суконные чулки связала, пришлетъ, когда Анночка поѣдетъ. Калоши дѣло не плохое, а все-таки сугрѣвы отъ нихъ мало, суконные чулки не сравнять. А вы, дѣвочки, пофрантить горазды, нѣтъ чтобы потеплѣе одѣться. Ты, Варвара, здоровье свое береги, объ этомъ умилительно тебя просимъ. Мать слезами изойдетъ, если, не дай Богъ, захвораешь. А Иванъ Саламатинъ къ намъ глазъ не кажетъ. Они съ отцомъ въ гору пошли, за садъ по сотнѣ съ четью выручили, хотятъ лавкой торговать. Иванъ справилъ себѣ одежу, сапоги козловые, пальто съ плисовымъ воротникомъ, перчатки,—чисто купецъ московскій! Самоваръ купили, чай пьютъ каждый день. Что жъ, дай Богъ, всякому свое счастье. А про Валентиныча только и слышно, что пьетъ, да съ попами ругается. Недавно у нихъ съ Агафоникомъ такое сраженье вышло, чисто Мамаево побоище. Агафоникъ взялъ его за грудки, хотѣлъ изъ дома протурить, а онъ у него всю посуду перебилъ. Сколько черепьевъ было, и не приведи Господи, работница цѣлый день въ подолѣ на улицу таскала. Хотятъ его, стало быть, попъ Агафоникъ, на послушанье сослать, а Валентинычъ грозится, коли сошлютъ, не быть Агафонику живому, я его убью и за волосья на колокольню привѣшу. Бѣда, что только люди дѣлаютъ. А Михаилъ Денисычъ женился на Машкѣ Корольковой. Ей 25 лѣтъ и лицомъ рябая, а приданаго тыщу рублей. Видалъ ее у церкви, шляпка съ перьями и дипломатъ бархатный. Совсѣмъ барыня стала, а была Машка-Замарашка. Что деньги дѣлаютъ. Тугая мошна и горбатаго вы-

прямитъ, и дураку кланяться заставитъ. А какъ деньги нажиты, объ этомъ молчокъ; краденое золото цѣны не теряетъ. Прощай, милая доченька, читай, родителей не забывай. Отецъ твой Михѣй Родіонычъ Бутягинъ, а за него руку приложилъ писарь сельскій, Ѳедоръ Гаврилычъ Непокойчиковъ. Будьте здоровы и пишите».

«Милостивая государыня, Варвара Михѣевна! Это письмо передастъ Вамъ Анна Егоровна Златокудрова, а также и книгу, сочиненье Максима Горькаго. Я прочиталъ и съ благодарностью возвращаю. Желаю Вамъ всего лучшаго. Извѣстный Вамъ Иванъ Саламатинъ».

«Милые тятенька и маменька! Вотъ уже и зима настала, всѣ дорожки снѣгомъ замело и совсѣмъ вы отъ меня удалились. Гляжу въ окно на бѣлую равнину, вижу, какъ поѣздъ по ней бѣжитъ, и думаю, какъ далеко вы отъ меня! А кажется, только вчера вы меня провожали изъ Муравлевки и ноги мнѣ полостью кутали, но тогда солнце свѣтило, и травка весенняя пробивалась. А теперь и травки той нѣту, она давно пожелтѣла, и завяла, и гдѣ тотъ свѣтлый денекъ, когда мы въ послѣдній разъ съ вами видѣлись. Все давно-давно прошло и не воротится. Но мысли мои все летятъ къ вамъ и какъ только свободная минута, я объ васъ думаю. Получила, милая маменька, ваши дорогіе гостинцы, и чулки вязанные, и лепешки ржаныя, и такъ мнѣ было пріятно ихъ видѣть, будто я сама въ Муравлевкѣ побывала. Только напрасно вы мнѣ цѣлковый денегъ прислали, мнѣ этого совсѣмъ не нужно, у меня все есть, а куплю я лучше на него платочекъ хорошій для Гаши и пряниковъ ребятишкамъ, пускай забавляются. Милые мои, какъ я васъ всѣхъ люблю и какъ скучаю по васъ! Только скучать некогда, ученья прибавляется все больше и больше. Учитель очень доволенъ, какъ я занимаюсь; недавно меня по всѣмъ предметамъ спрашивалъ и говоритъ, хорошо знаю. Только на счетъ писанья все еще плохо, много ошибокъ дѣлаю. Пуще всего стараюсь, какъ бы выучиться писать получше. Если бы скорѣй мнѣ выучиться и поступить на мѣсто въ учительницы, тогда бы вы поправились! Какъ же это такъ просо у насъ пропало? Вѣдь вамъ безъ него плохо. Я только здѣсь въ городѣ увидала, какъ намъ, крестьянамъ, плохо жить. Здѣсь самые бѣдные все-таки ѣдятъ бѣлый хлѣбъ и говядину, а у насъ развѣ только по праздникамъ. А вѣдь мужики работаютъ не меньше другихъ. И ничего нѣтъ у насъ

въ деревнѣ хорошаго: ни училищъ хорошихъ, ни свѣтлыхъ домовъ, ни освѣщенья, ни книгъ. Когда я не жила въ городѣ, я объ этомъ и не думала, а теперь думаю постоянно, и мнѣ очень обидно, что мужики такіе заброшенные. Будто ужъ они не люди, а какіе-то звѣри. Какъ собакамъ бросаютъ что похуже, такъ и мужикамъ. Никакъ не могу понять, отчего это происходитъ, и какъ бы сдѣлать по другому, чтобы всѣмъ было хорошо жить. Должно быть, много еще надо учиться, чтобы все понять. Вотъ я недавно читала въ одной газетѣ, что мужики очень довольны своимъ житьемъ и ничего другого не желаютъ. А я думаю, что это вранье, а писалъ это баринъ, который мужицкаго житья не знаетъ. Я думаю, всякій, хоть бы и мужикъ, желалъ бы лучше жить въ хорошемъ домѣ, чѣмъ въ худомъ, и ѣду хорошую имѣть, и одежу, и учиться всему, чему другіе учатся. А они говорятъ: ничего не надо мужику, пускай живетъ въ черной избѣ, ѣстъ тюрю и ничего не знаетъ! Имъ хорошо это говорить, пускай бы сами попробовали. А меня эти мысли вотъ какъ мучаютъ, ажно душа болитъ. Не знаю, отчего, можетъ потому что я сама мужичка, а такъ бы и разорвала всѣхъ, кто мужиковъ за свиней считаетъ. А ужъ какъ вспомню, что у васъ теперь такая нужда, что и каши нѣту, одинъ сухой хлѣбъ, да картошка, просто душа переворачивается, и булки въ горло не идутъ. Пожалуйста, прошу васъ, не посылайте мнѣ вашихъ послѣднихъ денегъ, ни на что онѣ мнѣ не нужны. Я тутъ, какъ барыня, живу, а вы отнимаете отъ себя послѣднія крошки. А я бы для васъ рубашку сняла, чтобы вамъ было хорошо. Прощайте, тятенька и маменька и братцы и сестрицы. Когда буду учительницей, вамъ будетъ лучше жить. Только бы добиться! Ваша любящая дочь и сестра Варвара».

«Любезная доченька, Варвара Михѣевна! Получивши твое умильное письмо, читали его всѣмъ семействомъ ажно до трехъ разовъ. А матушка твоя, Лукерья Трохимовна, причемъ всплакнула, имѣя, по женской слабости, глаза на мокромъ мѣстѣ. Видя твое трудное ученье и заботы объ нашей бѣдности. А ты, доченька, себя не утруждай, Богъ съ ней и съ наукой. Отъ мыслей человѣкъ не токмо здоровье, но и разумъ теряетъ. А мы какъ-нибудь да проживемъ, наше дѣло привычное. Стало быть, такъ Господь установилъ и законы, супротивъ воли Божіей не пойдешь. А газеты, онѣ, извѣстно, брешутъ, на то и поставлены. Цѣлковый назадъ не посылай, а коли онъ тебѣ безъ надобности, мать проситъ, отслужи угоднику молебенъ съ акафистомъ и свѣчу

поставь заздравную Пречистой Матушкѣ. У насъ въ домѣ всѣ живы и здоровы, чего и тебѣ желаемъ. Ребята зачали ходить въ училище, поминаючи твое наставленіе, учатся, слава Богу, по малости. Ономнясь встрѣлъ о. Ягорья, говоритъ, Гришенька твой языкомъ больно востеръ, больно молитвы гораздъ читать, изо всей училищи первый. А у насъ въ селѣ нехорошее дѣло стряслось, мужика одного забили, можетъ помнишь Филиппъ, по прозванію Зубарь. Забили въ арестантской, пьяный былъ, съ вечера пѣсни игралъ, а на утрее мертваго нашли, и всѣ ребра переломаны. Наѣзжалъ слѣдственникъ съ доктуромъ, всего исполотошли (взрѣзали), ну только наврядъ виноватаго найдутъ. А никто, какъ старшина, косой сволочь, Зубаря забилъ. Онъ давно ему грозился, когда опчественскіе луга дѣлили. Зубарь тогда его за мошенство при всемъ мірѣ живоглазомъ окрестилъ. Вотъ онъ отместилъ. Все село знаетъ, а что подѣлаешь. Кто богатъ, то и правъ. А бѣдному человѣку праведнаго суда не найти на семъ свѣтѣ, окромя Господа Бога. А еще у насъ случилось: попу Агафонику хвостъ у лошади отрѣзали. Ну, это за дѣло, дюже народъ прижимаетъ. А лошадь хорошая, ста полтора стоитъ, продалъ за пять красныхъ отъ сраму. Лазутку въ солдаты забрали, кубрилъ на прощанье—страшное дѣло. Все село за нимъ хороводомъ ходило. Бабка убивается, говоритъ, не сносить тебѣ головы. А Ванька Саламатинъ однова у насъ былъ, про тебя спрашивалъ, какъ живешь. Хотѣли они лавкой торговать, да не вышло дѣло. Лошадь купили въ извозъ ѣздить, хотятъ на весну бахчу сымать. Ванька раздобрѣлъ и не узнаешь; говоритъ, жениться бы мнѣ, заскучился бобылемъ жить. Что же, говорю, дѣло хорошее. Больше ничего нѣтъ, объ чемъ писать. Отецъ твой Михѣй Родіонычъ и матушка Лукерья Трохимовна со дѣтками цѣлуютъ васъ въ сахарныя уста и желаютъ отъ Бога всякаго благополучія и здоровія и въ ученьяхъ вашихъ добраго успѣха. Писалъ и руку приложилъ Ѳеодоръ Непокойчиковъ, сельскій писарь села Муравлева по просьбѣ Михѣя Бутягина».

«Милостивая государыня, Варвара Михѣевна! Давно не писавши, не знаю вашихъ мыслей, что задумалъ опять на старый путь знакомства повернуть. Все-таки мы съ вами росли издѣтства вмѣстѣ и хлѣбъ-соль дѣлили и школьное ученье проходили. А теперь вы отъ меня далече ушли, и я отъ васъ отсталъ на тысячу верстъ. Слышалъ, что вы науки здорово превзошли, въ чемъ васъ и поздравляю отъ души, а я какъ былъ невѣжей,

такимъ и остался, мнѣ васъ не догнать. Остался на распутіи, потерявши всѣ пути и дороги и, какъ бѣдный Рудинъ, не знаю куда дѣвать свои дары природы. Видно, не судьба мнѣ идти по стопамъ великихъ учителей и замѣсто того, чтобы быть сѣятелемъ науки, хочу задѣлаться пахаремъ земли. Въ отчаянности своей книгъ давно не читаю, не видя въ этомъ ничего для себя, кромѣ разстройства всѣхъ чувствъ. Можетъ, вы меня осудите за это, но скажите мнѣ, зачѣмъ говорить слѣпому про солнце, когда у него нѣтъ глазъ, чтобы его видѣть? Читаю въ книгахъ про жизнь разныхъ народовъ и людей, но кругомъ себя вижу одну нищету и униженіе и не могу ничего прекратить, ибо самъ нищъ и униженъ. Вы, Варвара Михѣевна, сами можете это понять, вы знаете нашу бѣдную жизнь и знаете, какъ трудно мужику сравняться съ ученостью и богатствомъ. Итакъ я окончательно порѣшилъ съ своими порывами и мечтами и хочу вступить на забытую стезю предковъ. По родительскому примѣру возьму себѣ жену, какую-нибудь Марью или Дарью, и будемъ съ нею обливать потомъ скудную полоску. Рожденный ползать, летать не можетъ,—это я прочиталъ въ книгѣ Горькаго, котораго вы мнѣ прислали. Это мѣсто было отмѣчено какъ будто для меня карандашемъ, и я такъ и понялъ, что оно для меня. Дескать, не заносись, червякъ ползучій, не гляди въ пространства, а сиди себѣ въ своей навозной кучѣ. И открылось мнѣ тогда,—здороваго дурака я изъ себя разыгралъ. Вотъ, небось, вы съ Шурочкой своей отъ души смѣялись. Теперь еще посмѣйтесь. Какъ я вчера на кулачкахъ дрался, вотъ бы поглядѣли! Ходили стѣнка на стѣнку, и я всѣхъ подъ кручу загналъ. Ребята меня теперь Еруслановъ Лазаревичемъ величаютъ. Небось, всѣ ваши ученые пріятели, Шурочки и студенты, такого богатыря и не видывали. И всѣ господа писатели, Горькіе и Сладкіе, сроду не описывали. У нихъ въ книжкахъ все люди умные, высокими словами разговариваютъ, а такихъ дураковъ что-то не видать. Въ разорванномъ полушубкѣ, и на скулѣ шишка. А нынче съ Валентинычемъ на посидѣлки пойдемъ, тоже исторія занятная. Вотъ какъ я загулялъ. Прощайте, Варвара Михѣевна, если не очень побрезгуете, напишите про свои обстоятельства. Иванъ Саламатинъ».

«Хоть ты мнѣ и пишешь «Милостивая Государыня», но я смотрю на это, какъ на глупость, и пишу тебѣ по прежнему «Ваня». Это ты изъ своей головы выдумалъ, будто я вознеслась и какая-то милостивая государыня стала, а я все такая же Варя

и никакой перемѣны во мнѣ нѣту. А съ тобой ужъ и не знаю что сдѣлалось, и это для меня очень удивительно. Зачѣмъ ты книжки забросилъ и на кулачкахъ дерешься? Этого отъ тебя я никогда не ожидала. Хоть ты на чужіе примѣры и податливый, а все-таки я на тебя больше надѣялась. Помнишь наши разговоры на бревнѣ, какъ мы хотѣли съ тобой народу помогать. А теперь ты пишешь, что самъ нищій и униженный, стало быть, пускай и другіе такіе же будутъ. Стало быть, по твоему выходитъ, а если богатые и ученые мужиковъ презираютъ, и намъ на это наплевать. Не ожидала я отъ тебя такихъ безсмысленныхъ словъ. А я чѣмъ больше учусь и книгъ читаю, тѣмъ сильнѣе во мнѣ сердце кипитъ. Не могу переносить, что униженъ нашъ народъ, и хочу всѣ силы отдать, чтобы его просвѣтить. Мужики и сами себя не знаютъ, оттого и терпятъ униженія и нищету, надѣясь только на Бога. Но если имъ открыть свѣтъ, они сами поймутъ и сознаютъ, отчего ихъ унижаютъ, и тогда все пойдетъ по другому. И кто же будетъ ихъ просвѣщать, если мы отъ этого сами откажемся? Богатымъ это не нужно; они говорятъ, если мужиковъ учить, они на насъ работать перестанутъ. И они увѣряютъ, что мужикамъ и такъ хорошо жить. А мы знаемъ, какая это правда. И вдругъ мы, сознавши ихнюю ложь, умоемъ руки и отойдемъ въ сторону, какъ Пилатъ, когда Христа распинали. Нѣтъ, Ваня, такое мнѣніе твое неправильное. И не на то мы съ тобой въ школѣ учились и учителями народными хотѣли сдѣлаться, чтобы оставаться на стезѣ предковъ. Неправильная эта стезя, потому что Богъ создалъ всѣхъ людей равными и далъ имъ въ наслѣдство землю. И Богъ установилъ, чтобы не было ни господъ, ни рабовъ. А люди нарушили законъ Бога и выдумали свои законы неправедные. Стали воевать, облили землю кровью и у кого силы побольше было, тотъ и сталъ бариномъ. Оттого пошло неравенство, рабство и бѣдность. А теперь настали времена другія, и рабы не хотятъ больше быть рабами. Не хотятъ жить во тьмѣ и обливать землю своей кровью, чтобы господа жили въ свѣтѣ и роскоши. Хотятъ возстать и установить равенство, миръ и общій трудъ. Но для этого еще надо много учиться и учить другихъ, потому что не всѣ понимаютъ. А ты, вмѣсто того, чтобы сохранять въ себѣ крохи знанія и стараться, чтобы изъ маленькаго зернышка выросло большое дерево, хочешь возвратиться самъ въ рабство. Стыдно тебѣ это дѣлать, Иванъ! И что ты хвастаешься своимъ разорваннымъ полушубкомъ и шишкой на скулѣ? Ты думаешь, въ этомъ богатыр-

ство, а это вовсе не богатырство, а свинство. Не такіе богатыри бываютъ и не въ томъ богатырство, чтобы рвать полушубки и ходить стѣнка на стѣнку. Настоящіе богатыри возстаютъ за правду и кровь свою проливаютъ за нищихъ и униженныхъ. Ахъ, Ваня, если бы ты зналъ, какіе люди есть на свѣтѣ! Больше не могу писать, бумага вся вышла. Пожалуйста, прошу тебя, сожги это письмо и никому не показывай. Это очень нужно. А то не буду писать. В. Б.».

«Милая Варя! Ужъ и не знаю, что тебѣ писать въ отвѣтъ на твое письмо. Оживила ты меня своимъ письмомъ, но и по башкѣ ошарашила. Такъ и надо, потому что отъ свиного житья, да отъ кулачекъ растерялъ я всѣ свои мысли и рука одервенѣла, не державши пера. Видя вашъ почеркъ, долго не зналъ отъ кого письмо, только по буквамъ внизу узналъ, что Варя. Такъ вотъ какая ты стала! Видно, тебѣ городъ на пользу пошелъ, не то что мнѣ. Я пришелъ оттуда, какъ свинья изъ Питера, вся истыкана, а васъ тамъ обучили всѣмъ премудростямъ жизни, и маленькое зернышко возрасло въ дерево познанія добра и зла. Что такое передъ вами я? Не болѣе, какъ эфіопъ ископаемый, вродѣ того какихъ на ярмаркѣ въ балаганахъ показываютъ. Чудо природы или человѣкъ-обезьяна! И ужъ не знаю, какъ буду писать вамъ одеревенѣвшею рукою. Стыдно передъ вами, что будете насмѣхаться надъ моимъ каляканьемъ. Ваши научныя мысли далеко ушли отъ моего обезьяньяго вихлянья. Удивляюсь вашей премудрости, и грустно мнѣ, что и я могъ бы такой же быть. Но не судьба. Однихъ она превозноситъ до небесъ, другихъ тычетъ носомъ въ грязь. Хорошо вамъ говорить, чтобы сохранять въ себѣ крохи знанія. А какъ ихъ сохранять, когда сидишь въ темной избѣ и съ утра до ночи слышишь горькія причитанья, что ты не кормилецъ. На дворѣ воетъ вьюга-непогода, и некуда выйти, чтобы подѣлиться своей тоской, кромѣ Валентиныча, гдѣ только водка и пѣсни. Ты говоришь, стыдно. Я и самъ знаю, что стыдно, но не знаю, гдѣ найти дорогу изъ тьмы на свѣтъ. Я прочиталъ много книгъ, но онѣ не указали мнѣ пути, и я бьюсь, какъ рыба въ сѣтяхъ. А ты, Варя, забыла, какъ жить въ деревнѣ человѣку съ искрой свѣта въ душѣ, ты судишь по городскому. Куда я пойду просвѣщать, когда и самъ ничего не знаю? Пойду на кулачки, тамъ всѣ видятъ мои здоровые кулаки. Также видятъ, если у меня хорошая одежа, въ карманѣ позвякиваютъ деньги и могу

угостить пивомъ или водкой. И всѣ уважаютъ, всѣ говорятъ: вотъ ловкій малый. А искра свѣта никому не нужна, и не видятъ. Чтобъ просвѣтить нашу тьму, одной искры мало, нужно цѣлый пожаръ зажечь, чтобы увидѣли. И ты, Варя, меня не суди съ высоты своего ума, какъ тѣ господа, которые въ четыре глаза, какъ диковину, разглядывали, а укажи мнѣ путь жизни, и я пойду. Ты плохо меня понимаешь, что думаешь, будто Иванъ Саламатинъ свѣтъ науки промѣнялъ на кулачки. Для того кулачки, что я опредѣлилъ себя ни на что больше негоднымъ, а искра свѣта не сгасла въ моей душѣ и тянетъ меня посейчасъ къ другой жизни. Вотъ теперь и думай обо мнѣ, что хочешь. Письмо твое сжегъ, какъ просила, хотя и скорбно было мнѣ разставаться съ милыми словами изъ другого свѣта. Но заучивши его наизусть, день и ночь его про себя читаю. А стиховъ больше не пишу, потому что, давно не читавши книгъ, въ головѣ сдѣлалось затменіе».

«Прости, Ваня, если я тебя обидѣла. Обижать не хотѣла, а написала, какъ думала, потому что жалко стало тебя, что пропадаешь ни за что. И вовсе я не забыла, какъ жить въ деревнѣ, когда не видишь ничего, кромѣ темноты и горя. Напротивъ, думаю о деревнѣ и сны вижу постоянно, что сижу въ своей хатѣ и прядемъ съ маменькой въ двѣ прялки, а тятенька у печки на обрубкѣ лапти цынуетъ. А проснусь и увижу, что сплю на Кручининой улицѣ въ домѣ Звѣрева, у Евдокіи Васильевны на сундукѣ, и лампадка горитъ передъ образомъ, то такая тоска возьметъ, впору хоть головой объ стѣнку биться. А тутъ еще гудокъ воетъ въ мастерскихъ на желѣзной дорогѣ, всю душу надрываетъ. Вѣдь ужъ скоро годъ, какъ я изъ Муравлевки уѣхала, и еще, можетъ, годъ пройдетъ, покуда свою родину увижу. Кабы не ученье, давно бы пѣшкомъ ушла въ деревню, но удерживаетъ то, что ужъ коли началъ, то надо кончить. А тутъ у насъ еще Елена Васильевна захворала, чуть не умерла, на силу отходили. Теперь, слава Богу, поправляется, стала понемногу подыматься, хотя все еще съ ложечки кормимъ. Она самая моя любимая старушка; Евдокія Васильевна, та суровая характеромъ, а эта точно мать родная. Ты вѣрно пишешь, что однимъ судьба, а другимъ нѣтъ. Кого здѣсь ни встрѣчу, всѣ хорошіе люди; такихъ, какъ ты думаешь, ни одного не видѣла. Тѣ, должно быть, и высоко и далеко отъ насъ, а которые кругомъ меня, сами люди простые и понимаютъ бѣдность.

Я имъ говорила про тебя, чтобы тебѣ помочь подучиться, но они сами ничего не могутъ, потому что не имѣютъ средствъ. Подожди до весны, тутъ, говорятъ, будетъ мѣсто сторожа въ одной библіотекѣ, 10 руб. жалованья и квартира, а по праздникамъ свободно, тебѣ бы это было хорошо. Работа легкая, книгъ много, читай сколько хочешь, а учиться можно по вечерамъ. Тутъ лѣтомъ много наѣзжаетъ барышень и студентовъ, найдутся такіе, которые будутъ безплатно тебя учить. Проучишься года два, можетъ, и экзаменъ выдержишь. Я ужъ изо всѣхъ силъ буду стараться, чтобы тебя на это мѣсто взяли. Вотъ Ѳома Панферовъ какъ-то живетъ, только должно быть не очень хорошо. Онъ у меня былъ одинъ разъ, я его сразу не узнала. Высохъ, какъ мощи, одни глаза остались. А рисовать сталъ еще лучше; приносилъ свои картинки показывать. Я хоть и не понимаю въ рисованьи, а вижу, что хорошо; люди, какъ живые... И хозяйки хвалили. Вотъ, вѣдь, добился человѣкъ, а тебѣ и вовсе унывать нечего. Потерпи немного. Сходи къ нашимъ, кланяйся тятенькѣ и скажи, что я имъ скоро гостинецъ пришлю. Мнѣ Елена Васильевна за мою службу 10 рублей подарила, а мнѣ ихъ ни на что не нужно. Какъ поживаетъ о. Георгій? Кланяйся ему отъ меня. В. Бутягина».

«Ну, Варя, и попалъ же я въ переплетъ, хуже кулачекъ! Стѣнкой на стѣнку не ходилъ, а скула подбита, и дыхнуть не могу, должно быть, въ самое дыхало какая-нибудь сатана сапогомъ угодила. Ужъ и били меня, Варя, ужъ и колошмятили за первый сортъ! А вышло дѣло такъ. По твоему совѣту хотѣлъ послѣдовать по стопамъ древнихъ христіанъ и пошелъ просвѣщать тьму. Взялъ у о. Георгія для чтенія книги, приложеніе къ Нивѣ, сочиненія Достоевскаго, а именно «Братья Карамазовы». Ну, и книга; я чуть съума не сошелъ, читавши. Вотъ и прочиталъ я тамъ про житіе старца Зосимы и его праведную кончину. Святой былъ человѣкъ, а когда померъ, такая же участь постигла, какъ и насъ грѣшныхъ,—сталъ издавать трупное зловоніе. Выходитъ, стало-быть, что святость тутъ ни причемъ, и нетлѣнныя мощи происходятъ отъ другого дѣйствія, а вовсе не отъ святости. Эдакъ и самый послѣдній разбойникъ можетъ превратиться въ мощи, а святой жизни человѣкъ, какъ напримѣръ старецъ Зосима, подвергается тлѣнію. Говорилъ объ этомъ съ Валентинычемъ, онъ тоже говоритъ и привелъ въ примѣръ Кіевскія пещеры, гдѣ отъ дѣйствія земли и воздуха всѣ мертвые остаются въ гробахъ нетлѣнны, на подобіе египетскихъ мумій.

Только египетскія муміи заливаютъ какимъ-то бальзамомъ, а у нашихъ мощей это отъ природы. Я даже удивился, какъ это просто и что святость вовсе не въ мощахъ, а въ христіанской жизни. И Достоевскій эдакъ же объясняетъ. Вотъ вчера сижу я въ чайной у Малыгина, помнишь, у котораго сынъ Ѳедотка, мы съ нимъ учились вмѣстѣ, и онъ постоянно на насъ Михаилу Денисычу кляузничалъ. Такой же кляуза и сейчасъ остался; ужъ когда-нибудь за его кляузы прищемлю и до полусмерти взбучу. Вотъ сижу и пью чай, а тамъ еще мужики сидѣли и Ѳедотка тутъ же вертится, чайники подаетъ. Зашелъ разговоръ о мощахъ. Слышу, мужики ничего не понимаютъ, я и началъ разъяснять. Ну, и ничего, будто поняли. Я имъ и про египетскихъ мумій разсказывалъ, и про старца Зосиму. А нынче утромъ приходитъ сотскій. «Иди, тебя въ волостное зовутъ». Что такое? думаю. Однако, одѣлся, пошелъ. Смотрю, старшина сидитъ, какъ идолъ, скосоротился, и староста, и урядникъ и вся собачья свора. Въ передней какіе-то мужики толпятся, не эти, съ которыми въ чайной разговаривалъ, другіе. «Это ты вчерась про мощи проповѣдывалъ?»—Я. «Стало быть, по-твоему мощей не бываетъ?» Нѣтъ, бываетъ, говорю, только не отъ святости. «А отчего же?» Отъ природы. «Какъ же это такъ?» А такъ, говорю, отъ силы воздуха и отъ прочихъ вліяній. Да какъ глянулъ на ихнія красныя морды, да разозлился и говорю. Это и васъ ежели, когда помрете, въ Кіевскія пещеры положить, тоже мощи выдутъ, а нешто вы святые? Какъ они взовьются, словно ихъ иголкой ширнуло! «Ахъ ты богохульникъ! Да ты знаешь, что за это бываетъ? Подъ разстрѣлъ тебя за это! Но какъ ты младъ и глупъ, то мы тебя своимъ средствіемъ поучимъ». Да какъ навалились на меня всѣмъ гуртомъ, до какъ подмяли, я и охнуть не успѣлъ. А тутъ мужики изъ передней подсыпали. «Бей его, безбожника! Покажи ему, какія мощи бываютъ! Ты чего это народъ смущаешь?» Ну, я сначала брыкался, кому-то здорово тоже подъ брюхо колѣнкой ахнулъ, ажно крякнулъ, ну, а все-таки одолѣли. Ихъ сила, тьма тьмущая, а я одинъ. Ужъ и не помню, какъ домой пришелъ. Сижу теперь на печи, какъ древній Мафусаилъ, и двинуться не могу. А мать ругается: «тебѣ бы еще, такому сякому, подбавить за твои безбожныя дѣла». Вотъ тебѣ и просвѣщеніе тьмы! Ничего я не умѣю сдѣлать, какъ люди, все на свою голову. Чистый Митя Карамазовъ! Такой же полоумный былъ, за то и на каторгу пошелъ. И стихи любилъ, какъ я же. А подстроилъ это подъ меня Ѳедотка. То-то онъ все ходилъ около меня, да ухмылялся, чисто котъ на

ветчину. Нѣтъ, Варя, мнѣ здѣсь не житье. Похлопочи за меня куда-нибудь, только бы мнѣ здѣсь не оставаться. Не только въ сторожа, готовъ помойныя ямы чистить. Накалякалъ я тебѣ, пожалуй, и не разберешь ничего. Хорошо, хоть не сломали руку совсѣмъ, немного дѣйствуетъ. Да вотъ горе, марки нѣту, не знаю, какъ посылать письмо буду. Къ отцу теперь и не приступайся, медвѣдемъ смотритъ, а до Валентиныча не дойдешь. Одна ты, Варя, мнѣ, какъ солнышко, свѣтишь. Подумаешь о тебѣ, и легче на душѣ. Если ты велишь умереть, я и умру съ радостью. Но, должно быть, я никуда не гожусь, и пробьетъ часъ, когда и ты отвернешь отъ меня свой свѣтлый взглядъ. Какой я теперь могу быть учитель и наставникъ дѣтства, когда всякій можетъ въ глаза мнѣ ткнуть: «ты битый!» Прощай, милая Варя, въ одной тебѣ вижу вѣрнаго друга и тебѣ все высказываю, какъ попу на духу. Твой Иванъ С.».

IX.

Послѣдній день стараго года.

Со степи дулъ крѣпкій, ледяной вѣтеръ. По сугробамъ завивалась тихая поземка. Морозъ ходилъ отъ хаты къ хатѣ, постукивалъ въ стѣны мерзлыми кольцами; и бревна трещали и лопались, какъ пушечныя ядра. Раннія зимнія сумерки падали съ холоднаго неба, и Муравлевка покорно погружалась въ мертвенную. синюю, глубокую мглу. Ни звука, ни огонька, ни искры жизни..- Все точно умерло. Торопливо проскрипятъ изрѣдка чьи-то шаги по снѣгу, взвизгнетъ вѣтеръ, тяжко охнетъ лопнувшее бревно— и опять тихо, мертво, жутко, и по сугробамъ крутится поземка. Похоже, будто большія бѣлыя птицы вьются въ синей пустынѣ и жадно взрываютъ снѣгъ, ища добычи. Но нѣтъ добычи, и онѣ, взмахивая широкими бѣлыми крыльями, молча подымаются и молча летятъ дальше, дальше...

Въ избѣ благочестивой просвирни было уютно и тепло отъ жарко натопленной печи. Передъ образомъ Божіей матери Одигитріи привѣтливо мерцала лампада. Отъ просфоръ, только-что вынутыхъ изъ печи и аккуратно разложенныхъ на липовой доскѣ подъ чистымъ полотенцемъ, шелъ теплый паръ, наполняя избу сытнымъ запахомъ свѣжаго хлѣба и еще какимъ-то особымъ настроеніемъ довольства, святости и благолѣпія. Сама просвирня,

управившись со всѣми хозяйственными дѣлами, сидѣла за самоварчикомъ и наслаждалась горячимъ чайкомъ, тепломъ и покоемъ. Изрѣдка прислушивалась къ взвизгамъ вѣтра на улицѣ, вздыхала и крестилась. «Въ полѣ-то, въ полѣ-то, что теперъ дѣется, не приведи Господи никакому православному христіанину!» И вытирая съ лица обильно струившійся потъ, она начинала шептать молитву о всѣхъ странствующихъ, путешествующихъ, лишенныхъ крова и обрѣтающихся въ узилищѣ. Но вѣтеръ на минуту затихалъ, и снова въ избѣ становилось тихо, уютно, покойно, и сытно пахло теплыми просфорами, и духъ благолѣпія и довольства распростиралъ свои мягкія крылья надъ благочестивою вдовою. Ласково мигалъ огонекъ лампадки, ласково гудѣлъ самоваръ на столѣ, въ сѣняхъ шумно вздыхала и чавкала корова, которую просвирня отъ стужи перевела сюда съ неукрытаго двора.

Валентинычъ тоже былъ дома и собирался на балъ къ волостному писарю. Хотѣли встрѣтить Новый Годъ съ шикомъ: предполагался жареный гусь съ капустой, конечно, въ сопровожденіи приличной выпивки и закуски; куплена была даже бутылка шампанскаго, о которомъ говорятъ, что имъ «ворота запираютъ». Писарь говоритъ, что будутъ барышни, гармоника, скрипка и танцы. Поэтому Валентинычъ съ утра говѣлъ: пропустилъ только передъ обѣдомъ рюмочку, и тщательно занялся своимъ туалетомъ. Вычистилъ скипидаромъ сюртукъ, надѣлъ крахмальную рубашку, единственную, которая у него была, и передъ зеркальцемъ, взятымъ у хозяйки, повязывалъ галстухъ. Но отъ непривычки къ этому дѣлу, ничего не выходило: руки тряслись и попадали не туда, куда нужно; галстухъ съѣзжалъ на затылокъ; вмѣсто изящнаго банта получалась какая-то безобразная путаница.

— О, чортъ!—ругался Валентинычъ, изнемогая отъ безплодныхъ усилій.—И какой дуракъ выдумалъ эту ерунду?

Псовка съ гноища, гдѣ она лежала, съ интересомъ наблюдала за дѣйствіями хозяина и сочувственно повизгивала при каждомъ крѣпкомъ словѣ, которое онъ изрыгалъ.

— Молчи, чортъ!—прикрикнулъ на нее Валентинычъ.—Не скули, и безъ тебя тошно. Глупый звѣрь, не понимаешь, что безъ галстуха нельзя въ культурномъ обществѣ. Цыцъ, тебѣ говорятъ!

Псовка замолчала, заискивающе хлопая хвостомъ по одѣялу. Но вдругъ снова завизжала, залаяла и со всѣхъ ногъ бросилась къ двери.

— Какой тамъ дьяволъ лѣзетъ?—проворчалъ Валентинычъ.— Псовка, на мѣсто!

«Дьяволомъ» оказался Иванъ Кириллычъ. Онъ вошелъ весь занесенный мелкой, бѣлой пылью поземки и молча началъ околачивать валенки у порога. Псовка радостно прыгала вокругъ него и изловчилась-таки, лизнула его въ носъ.

— А, поэтъ!—сказалъ Валентинычъ.—Ну, садись гдѣ-нибудь. Что хорошенькаго скажешь?

— Да что хорошенькаго? Ничего нѣту. Тоска смертная... А на дворѣ шутъ-те что дѣлается. Вѣтеръ, пыль... Такъ и мететъ.

Онъ снялъ шапку, тоже обколотилъ ее о притолоку и присѣлъ на край кровати. Видъ у него былъ унылый, лицо осунулось и поблѣднѣло, подъ лѣвымъ глазомъ зловѣще чернѣлъ еще незажившій синякъ. Валентинычъ покосился на него, что-то буркнулъ себѣ подъ носъ и снова началъ завязывать бантъ.

— Что это ты рядишься? Аль въ гости куда собрался?

— Писарь звалъ. Давеча чортъ навязался въ церкви: приди, да приди, гусь больно хорошъ попался, надо его разъѣсть въ хорошей компаніи, по случаю Новаго Года. Ну, я обѣщался, да и самъ не радъ; вотъ галстуха никакъ завязать не могу, чтобъ онъ издохъ, проклятый.

— А безъ него нешто нельзя?

— Нельзя. Барышни будутъ какія-то, свояченица писарева пріѣхала изъ города, красивая, говорятъ... Что жъ, посмотримъ.

Валентинычъ обернулся и подмигнулъ Ивану Кириллычу съ своей обычной непріятной усмѣшкой, которую такъ ненавидѣла у него Анночка.

— Это, вѣдь, я знаю что!—продолжалъ онъ.—Это они меня женить хотятъ. Свояченица-то, говорятъ, засидѣлась и до смерти замужъ хочетъ, а тутъ парень зря бѣгаетъ, ну, стало быть, и нельзя ли его какъ-нибудь обратить и въ оглобли ввести. Потому и гусь хорошій оказался, штука понятная. Только ошиблись адресомъ. Гуся-то я съѣмъ и водку выпью, а ужъ жениться—оставь надежду навсегда.

— А почему бы тебѣ, Валентинычъ, и вправду не жениться? Ты при мѣстѣ, жалованье получаешь хорошее, можетъ, и дѣвушка понравится, взялъ бы и женился. Это дѣло не плохое.

— Это *мнѣ* жениться? Ты, Ванька, сбѣсился,—спокойно возразилъ Валентинычъ.—Нѣтъ ужъ, этотъ фруктъ не по рылу мнѣ. Пускай другіе кушаютъ... и я вотъ гуся стрескаю, на барышень погляжу... напьюсь, какъ свинья, — добавилъ онъ и снова усмѣхнулся.

Иванъ Кириллычъ замолчалъ и задумался. Ему стало горько и обидно за себя... Вотъ у Валентиныча есть что-то похожее на жизнь... его зовутъ въ гости, на него смотрятъ, какъ на хорошаго жениха, и красивая писарева свояченица будетъ съ нимъ заигрывать, можетъ быть, поцѣлуетъ гдѣ-нибудь въ темномъ уголку, и кругомъ будетъ тепло, свѣтло, шумно, весело... А у Ивана Кириллыча ничего этого нѣтъ. Холодная, неуютная изба, коптящій огонекъ скверной лампы, назойливое брюзжанье матери, жестокіе попреки отца... И полное одиночество! Отъ тоски у Ивана Кириллыча заныли кости, онъ шумно вздохнулъ.

— Что это ты пыхтишь?—спросилъ Валентинычъ.

— Такъ... Что-й-то больно давно отъ Вари письма нѣту.

— Хм!.. А здорово ты въ эту Варю втюрился.

Иванъ Кириллычъ весь залился огненнымъ румянцемъ и въ смущеньи началъ гладить свернувшуюся около него Псовку.

— Ну что жъ... ну и втюрился... Что жъ, по твоему ужъ и втюриться нельзя?

— Нѣтъ, отчего же... валяй! Коли охота себя одурачивать — извольте, одурачивайте, очень даже любопытно посмотрѣть.

— Какъ это такъ—одурачивайте?

— Да такъ... очень просто! А ты что же думаешь, поумнѣлъ что ли оттого, что влюбился? Хм... ерунда! Навыдумываютъ себѣ разныхъ дурацкихъ словъ и прикрываются ими, какъ Адамъ листочкомъ. Любо-овь! Поэ-эзія... — передразнилъ онъ кого-то пискливымъ голосомъ. — Любовь-ха! А какая тамъ къ чорту любовь? Никакой любви нѣту.

— Что жъ... стало быть... и въ это не вѣришь? — блѣднѣя и раздражаясь, спросилъ Иванъ Кириллычъ.

— Не вѣрю!.. Да во что вѣрить-то, милый ты мой Иванъ Кириллычъ? Что это такое—любовь? Нѣту ея, ароматъ ты моей души! Похоть есть, плотское вліяніе есть, а любви нѣту. Вонъ погляди на звѣрей, у нихъ это просто. Сошлись, обнюхались и разошлись, больше никакихъ. Вотъ это я понимаю, это природа! А человѣку-подлецу этого мало! Какъ же, помилуйте, онъ —царь природы, ему по звѣриному нельзя! Надо листочекъ нацѣпить для благолѣпія и услады души и тѣла! А ты погляди хорошенько, что подъ листочкомъ-то, а? Ха-ха-ха!.. А туда же: любовь! Поэзія!.. Чудаки!..

— Ну ужъ это... я ужъ и не знаю что!.. — возмущенно воскликнулъ Иванъ Кириллычъ.

— А вотъ женишься и узнаешь что! — съ спокойнымъ цинизмомъ сказалъ Валентинычъ. — Хотѣлъ бы я посмотрѣть на тебя и на твою Варю годовъ эдакъ черезъ десятокъ. Ребята, пеленки, вонь, грязь,—фу, какое блаженство. Она—обрюзглая, съ огромнымъ животомъ, съ отвислой грудью,—тупая и жадная, какъ беременная корова, а ты... ты—жалкій самецъ съ трясущейся маленькою душенкой, съ трусливо поджатымъ хвостомъ —обезличенный, растерянный, измотанный въ поискахъ пищи для своихъ голодныхъ дѣтенышей... Нечего сказать, поэзія!

Иванъ Кириллычъ всталъ и заходилъ по комнатѣ. Его душило; злыя, горячія возраженія кипѣли въ мозгу, но не было, чтобы ихъ бросить въ лицо хохочущему Валентинычу, не было формы, въ которую онъ могъ бы ихъ облечь. И мысли безплодно вспыхивали и гасли, какъ искры потухающаго костра въ темной ночи.

Валентинычъ кривлялся и хохоталъ передъ зеркаломъ, искоса наблюдая за Иваномъ Кириллычемъ своимъ единственнымъ глазомъ. Завязалъ и опять распустилъ бантъ, прищурился и показалъ себѣ языкъ.

— Фу ты чортъ! Опять не вышло...

Иванъ Кириллычъ остановился и посмотрѣлъ на него съ ненавистью.

— Конечно, я необразованный... — сказалъ онъ, тяжело дыша. — Я такъ говорить не умѣю, но... не согласенъ, хоть убей, ни за что не согласенъ! Врешь ты все... нарочно дразнишь. Люди не коровы... не коровы, да! И любовь есть. Слышь, ты, Валентинычъ? Есть любовь!

— Ну и чортъ съ ней. Есть такъ есть. Очень мнѣ нужно!

— Врешь, врешь! Что жъ ты самъ-то... не любишь, что ли?

— Я люблю? Ха-ха-ха!.. Сказано—не признаю. Для меня всѣ бабы одинаковыя...

— Не ври... А Анночка? Помнишь, лѣтомъ, когда въ саду у костра сидѣли, ты что разсказывалъ? Забылъ? А я помню.

— Ну что жъ, можетъ, и разсказывалъ. Мало ли что спьяну городишь.

— Ты тогда не пьянъ былъ. Помнишь, соловьи пѣли? Ночь была свѣтлая, какъ день... и ухачъ на болотѣ ухалъ. Ты еще убить его хотѣлъ... чтобы не мѣшалъ соловьевъ слушать. А потомъ легъ, поглядѣлъ на небо и сказалъ... Да, сказалъ! «Эхъ, кабы Анночка Златокудрова знала, какъ я ее люблю»... Что?

— Ерунда... А впрочемъ, можетъ, и сказалъ. Дѣйствительно, начиналось что-то... Да что начиналось... все то же самое. Вспо-

мнились ея ручки бѣленькія, шейка мякенькая... ну и прочее... Ха-ха-ха! Что жъ ты думаешь, Анночка-то не такая же какъ и всѣ? Это она теперь модничаетъ, революціей и эволюціей занимается, а найдетъ себѣ мужа тоже, вѣдь, съ животомъ будетъ ходить... Э, всѣ люди, братъ, одинаковы и всѣ созданы по образу и подобію звѣриному! Только и разницы, что люди свое звѣриное естество листочками пріукрасили, а звѣри на чистоту дѣйствуютъ, безо всякихъ листочковъ.

— Такъ!... Здорово!... Очень великолѣпно! — прошипѣлъ Иванъ Кириллычъ, и ему захотѣлось ударить Валентиныча прямо по лицу... и бить, бить, бить его съ наслажденіемъ, съ восторгомъ, съ мстительнымъ упоеніемъ оскорбленнаго цѣломудрія.

— Конечно, великолѣпно,— невозмутимо продолжалъ Валентинычъ.—Ты что? Ты, братъ, младенецъ, а я всю эту штуку давно постигъ. Меня еще 14-ти лѣтнимъ подросткомъ товарищи по училищу на этотъ счетъ просвѣтили и въ публичный домъ свели. Тамъ-то я и позналъ впервые, что такое эта ваша любовь. Превосходно позналъ!.. И опротивѣло мнѣ все это до остервенѣнія... Ну вотъ. Больше ничего. И не говори ты мнѣ ради Господа про любовь! Нѣтъ ее и нѣтъ, и ну ее ко всѣмъ дьяволамъ... Тьфу!

Гнѣвъ и негодованіе Ивана Кириллыча какъ-то сразу угасли, и Валентинычъ показался ему больнымъ и несчастнымъ. Онъ теперь уже не завидовалъ ему, что онъ идетъ въ гости, гдѣ будетъ тепло и весело, гдѣ смѣются и танцуютъ красивыя дѣвушки, гдѣ ждетъ его нарядная писарева свояченица, готовая отдать ему свою дѣвичью молодость и красоту. Для чего все это нужно Валентинычу, когда его душа уже давно пуста и холодна для радостей и блестокъ жизни?

— Никого ты не любишь, Валентинычъ...—тихо и грустно сказалъ Иванъ Кириллычъ.

— Не люблю!—подтвердилъ Валентинычъ.—Все тлѣнъ и суета! Давно вырвалъ изъ своего нутра всякія фальшивыя побрякушки и бросилъ на съѣденіе псамъ. Нате, жрите!.. а я буду нагъ, веселъ и безстыденъ... Стой, Ванька! Ура!—закричалъ онъ вдругъ.—Вѣдь, завязалъ галстухъ-то... Погляди, хорошо? И приплясывая, онъ выставилъ передъ Иваномъ Кириллычемъ свою бѣлую крахмальную грудь, на которой красиво разстилался красивый бантъ.—Вѣдь, вотъ чортъ, сколько я съ нимъ провозился! Задача въ своемъ родѣ, на манеръ Архимедовой... Ну, теперь держись писарева свояченица! Влюбится, сердечная... а я гуся съѣмъ, шипучку выпью—и до свиданья...

Иванъ Кириллычъ хотѣлъ что-то возразить... и остановился съ разинутымъ ртомъ и вытаращенными глазами. Въ сѣняхъ послышался грохотъ... полъ задрожалъ и закачался... глухой ревъ прокатился по избѣ и замеръ гдѣ-то внизу, точно земля разинула свою пасть и поглотила его въ темныхъ нѣдрахъ своихъ. Проснулась Псовка на гноищѣ, залаяла, завыла и метнулась къ дверямъ.

— Что за шутъ?—вымолвилъ Валентинычъ.—Землетрясеніе, что ли?

Въ ту же минуту новый вой, тонкій и визгливый, огласилъ сѣни, и въ Валентинычеву избу ворвалась плачущая, перепуганная, простоволосая просвирня.

— Ой, батюшки!.. Ой, голубчики!—выла она, плеща руками.—Ой, милые мои, корова... Ой, пропала моя головушка!..

Она пошатнулась и чуть было не упала. Валентинычъ подхватилъ ее и посадилъ на кровать.

— Что за исторія? Потолокъ что ли обвалился?—пробормоталъ онъ.

— Корова... Корова...—лепетала просвирня, заливаясь слезами.—Охъ, горюшко мое горькое!.. Корова... въ погребицу... провалилась!..

— Корова въ погребъ провалилась?—воскликнулъ Валентинычъ.—Да какого же чорта вы тутъ слюни распустили? Вѣдь, она издохнетъ!..

И схвативъ со стола лампу, онъ, какъ былъ, въ крахмальной сорочкѣ и пышномъ галстухѣ, помчался въ сѣни. Иванъ Кириллычъ побѣжалъ за нимъ. Погребица была въ самомъ дальнемъ углу сѣней, и широкое творило ея зіяло черной пастью, открытое на обѣ створки. Въ глубинѣ что-то возилось и тяжело сопѣло.

— Вотъ дура старая!—выругался Валентинычъ.—Это она туда лазила и забыла створки закрыть. Чортъ!.. Эдакъ не то что корова, самъ когда-нибудь спьяну полетишь и башку сломаешь.

Онъ сталъ на колѣни и заглянулъ внизъ. Огонь лампы освѣтилъ лѣстницу, сѣрыя, бревенчатыя стѣнки, кадушки, горшки и испуганную коровью морду, поднятую кверху съ недоумѣвающимъ и сконфуженнымъ видомъ.

— Ничего, стоитъ на ногахъ. Буренка! буренка! А? Что, дура?

Корова отвѣчала ему жалобнымъ мычаньемъ и сдѣлала попытку повернуться. Что-то загремѣло и упало.

— Прощай, хозяйскіе горшки! Ну, не плачь, мамаша!— обратился онъ къ просвирнѣ, которая, трясясь и рыдая, выглядывала изъ дверей.—Жива буренка-то. И какъ это васъ угораздило, а? Дама трезвая, хозяйственная, а погребъ настежь. Вы того... не хватили ли грѣшнымъ дѣломъ для праздника?

— И сама не знаю, сама не знаю... Руки-ноги отнялись, очи померкли... Ой, буренышка, ой, матушка, Господи, Царица Небесная...

Стали обдумывать, какъ вытащить корову. Погребъ былъ хотя и не глубокій, но сдѣлать это было довольно трудно. Валентинычъ командовалъ и распоряжался. Онъ совершенно забылъ о писаревомъ гусѣ и красивой свояченицѣ, и глазъ его вдохновенно блисталъ мыслью о спасеніи коровы. При помощи досокъ устроили наклонный помостъ и сняли съ подволоки пару веревокъ, на которыхъ просвирня сушила бѣлье. Валентинычъ спустился внизъ и, привязавъ веревку къ рогамъ коровы, бросилъ свободный конецъ Ивану Кириллычу. Иванъ Кириллычъ долженъ былъ тащить корову; просвирня стояла и свѣтила.

— Вотъ она, механика-то!—гудѣлъ въ погребѣ Валентинычъ. —Хоть бы ея величеству королевѣ англійской... Ну-ка ты, матушка, что хвостомъ-то мотаешь? Поворачивайся, поворачивайся... англійская королева! Ванька, держи, держи веревку-то, не упускай!

— Господи-батюшка, помоги Царица Небесная, буренушка ты моя милая. И что я, старая дура, надѣлала!..—слезливо бормотала просвирня.

Молчаливая возня въ погребѣ, тяжелое пыхтѣнье, топотъ копытъ.

— Ну-ну-ну!—поощрялъ Валентинычъ испуганную корову.— Подавайся, подавайся, дура... У, ч-чортъ!.. Тяни, тяни, Ванька!

— Не идетъ!..—отвѣтилъ Иванъ Кириллычъ, обливаясь потомъ отъ натуги.

— Тяни, тяни, тебѣ говорятъ!.. Вотъ анаѳема проклятая, стала и ни съ мѣста. Ну иди что ли, идолъ рогатый! Ну-ну-ну!..

Послышались глухіе удары по мягкому коровьему тѣлу. Но корова уперлась и не шла, въ ужасѣ мотая головой и, думая, что съ ней хотятъ сдѣлать что-то страшное. Передними ногами она уже стояла на помостѣ, и при свѣтѣ лампы теперь отчетливо видна была ея тупая морда съ большими глупыми глазами, подернутыми тусклою пеленой тоски.

— Тпрусень! Тпрусень! Тпрусень!..—кликала ее просвирня. —Иди, иди, матушка, небось, хлѣбца дамъ!

— Да вы бы и вправду принесли хлѣбца-то!—сказалъ Валентинычъ.—Можетъ, она ходчѣе пойдетъ. Ваня, а ты веревку не упускай, всю механику испортишь. Фу, уморился... Да не мотай ты хвостомъ, дура чертова,—всѣ глаза выхлестала! Брошу вотъ, издыхай здѣсь безъ покаянія!..

Просвирня принесла большой ломоть хлѣба, густо посыпанный солью. Корова, учуявъ хорошо знакомый вкусный запахъ, вытянула морду и подалась впередъ. Помостъ заколебался и загремѣлъ подъ ея копытами.

— Пошла! Пошла!—торжествующе завопилъ Валентинычъ.—Ванька, держись! Ванька, держись!.. Эй, дубинушка, ухнемъ! Эй, зеленая!..

Весь красный, напруженный, выкативъ глаза, Иванъ Кириллычъ съ невѣроятными усиліями тащилъ корову. Валентинычъ подталкивалъ ее сзади; просвирня вопила и молилась всѣмъ святымъ, которыхъ знала.

— Еще разикъ... Еще разъ! Еще маленькій... р-разокъ!

Корова, наконецъ, оказалась наверху и послѣ пережитыхъ треволненій съ довольнымъ видомъ хрустѣла твердой поджаристой коркой.

Валентинычъ показался изъ творила въ самомъ безнадежномъ видѣ. Бѣлоснѣжная манишка, а главное, галстухъ, великолѣпный галстухъ, на который было возложено столько надежды,—все это было перепачкано, перемято. О балѣ съ гусемъ, шипучкой и красивой свояченицей нечего было и думать...

— Хохочетъ!—съ горечью вымолвилъ Валентинычъ, глядя на Ивана Кириллыча.—Удивительно смѣшно...

Онъ ушелъ въ избу, изо всѣхъ силъ хлопнувъ дверью.

— Ну, исторія! Прямо, думалъ, издохну со смѣху... Пойтить что ли къ нему... пожалуй, выгонитъ. Дюже осерчалъ!..

Мучимая раскаяніемъ просвирня молчала и возилась около коровы. Ей было жалко Валентиныча, и она думала, какъ бы его утѣшить и заставить забыть непріятный случай, виновницей котораго себя считала.

Когда за нимъ послѣдовалъ Иванъ Кириллычъ, онъ стоялъ посреди комнаты и свирѣпо снималъ съ себя парадныя одежды. Стащилъ галстухъ и швырнулъ его въ уголъ; туда же полетѣла и крахмальная сорочка. Надѣлъ старую рубаху, полушубокъ, и мрачно началъ ходить изъ угла въ уголъ. Появилась просвирня и робко спросила:

— Что жъ, Валентинычъ, пойдешь куда-нибудь, аль нѣтъ?

— А позвольте узнать, куда же это мнѣ идти вътакомъ видѣ— иронически буркнулъ Валентинычъ, не переставая шагать.

— Да то-то, то-то... Что жъ, можетъ, самоварчикъ согрѣть?

— Пошли вы и съ самоваромъ...

— Ну, можетъ, яблочковъ принести мочененькихъ. Что жъ такъ-то ради праздника сидѣть?

Валентинычъ остановился, и на лицѣ его блеснула какая-то утѣшительная мысль.

— А водочки у васъ... нѣту?—мягче спросилъ онъ.

Просвирня безнадежно развела руками.

— Какая у меня водочка, Валентинычъ? Не держу я ее...

— А вы поищите. Можетъ, гдѣ-нибудь завалился мерзавчикъ...

— Нѣту, Валентинычъ, нѣту! И рада бы радостью, да нѣту...

— Ну, а безъ водки на кой же мнѣ дьяволъ ваши яблоки? Вы ужъ лучше отнесите ихъ... коровѣ своей, чор-ртъ бы ее дралъ...

Опечаленная просвирня исчезла.

— Черти подлые!—выругался Валентинычъ и опять зашагалъ.—Іезуиты!.. Тоже порядочные люди называются... Лампадки, просвирки, а водки нѣту. И я-то, дуракъ, не запасся. На писарево угощенье понадѣялся. Гусь—чортъ съ нимъ; мнѣ, главное, водки жалко...

— А въ простой рубашкѣ нельзя?— спросилъ Иванъ Кириллычъ.

Валентинычъ не отвѣтилъ, ходилъ, о чемъ-то думалъ сосредоточенно и упорно. И вдругъ рѣшительно нахлобучилъ шапку.

— Къ Любашкѣ пойду. Она—баба добрая, и водка у ней всегда есть... Пойдешь, что ли?

— Нѣтъ, я къ Любашкѣ не пойду.

— Ну, чортъ съ тобой... Прощайте, мамаша!—крикнулъ онъ уже въ сѣняхъ.—Потушите у меня огонь и дверь заприте, гулять иду... до разсвѣта!

Жгучій вѣтеръ бросилъ имъ въ лицо тучу сухого, рѣжущаго снѣга, и они сразу погрузились въ вихрь, хохотъ и безуміе мятели. Что-то огромное, блѣдное, колючее выло, плясало и топтало землю, скорчившуюся въ безмолвномъ ужасѣ подъ пятою чудовища. Было страшно и весело. Все какое-то чужое, незнакомое; нѣтъ ни дорогъ, ни улицъ, ни домовъ, и ноги по колѣно вязнутъ въ холодной мякоти, и тѣло путается въ дрожащихъ, стрекочущихъ, безконечныхъ сѣтяхъ.

— Вотъ чертовщина!—вскрикнулъ Валентинычъ, силясь оглядѣться и понять что-нибудь въ этомъ бѣломъ, крутящемся хаосѣ.—Иванъ, ты здѣсь?

— Здѣсь!—прогудѣла бѣлая пляшущая тьма.

— Держись за меня что ль, а то растеряемся. Никакъ не пойму, куда идти.—Они сцѣпились руками и, все волоча ноги въ сугробахъ, побрели по памяти черезъ площадь. Впереди, сзади и съ боковъ маячили какъ будто огоньки, жалкіе, скудные, испуганные. Блѣдно вспыхивали и гасли. Показывались и опять пропадали. Вонъ тамъ должна быть церковь... что-то темнѣетъ. Большое, высокое. А можетъ быть, это и не церковь...

— Чортъ!..—ворчалъ Валентинычъ.—Ничего не понимаю... Ваня, ты тутъ?

— Тутъ... Правѣй держи... Сейчасъ за уголъ свернемъ, тамъ тише.

Взметнулся вѣтеръ и чуть не сшибъ съ ногъ. Снѣжный столбъ взвился на дыбы, разсыпался мелкой, жгучей пылью и выбросилъ изъ себя что-то черное, широкое, съ развѣвающимися рукавами. Столкнулись, больно ударились другъ о друга и остановились.

— Господи Іисусе Христе... Это кто такіе?—прогнусилъ тонкій, какъ змѣиное жало, голосъ.

— О. Агафоникъ...—съ изумленіемъ пробормоталъ Валентинычъ.

Изъ-подъ огромной ушастой шапки ядовито сверкнули злые, хорьковые глазки, широко раздвинулся большой ротъ съ рѣдкими зубами.

— Я, я, Валентинычъ... хе-хе-хе... Это я! А ты что? Гуляешь? Ну, гуляй, гуляй... хе-хе-хе... Погодка самая для прогулки...

И отступивъ въ сторону, визгливо крикнулъ изъ бѣлой тьмы:

— А... Анку-то Златокудрову... забрали! Въ острогъ посадили... Догулялась... Вотъ и ты тоже догуляешься... хе-хе-хе... До-гу-ля-ешь-ся!..

Хихикая, взмахнулъ черными рукавами и сталъ удаляться. Валентинычъ рванулся за нимъ.

— Сволочь!..—крикнулъ онъ ему въ догонку.

Но снѣжный вихрь уже поглотилъ черную фигуру попа, и шипящее хихиканье затерялось въ свистѣ и хохотѣ мятели. Было или не было?..

— Чтобы тебѣ провалиться, дьяволъ!—повторилъ Валентинычъ.—Иванъ, ты слышалъ?

— Слышалъ...

— Анночку арестовали... Правда или вретъ?

— Нѣтъ, Валентинычъ, должно быть, не вретъ.

Помолчали и долго шли по глубокимъ сугробамъ, сами не зная куда. Потомъ Валентинычъ опять послалъ проклятіе злому, черному призраку и остановился.

— Пойдемъ къ о. Георгію!—рѣшительно сказалъ онъ.

Повернули назадъ. То одинъ, то другой огонекъ выпрыгивалъ изъ бушующаго бѣлаго океана и звалъ ихъ тоскующимъ робкимъ взглядомъ. Они шли на нѣмой зовъ, но густая, дрожащая сѣть опутывала ихъ съ ногъ до головы, слѣпила глаза, и призывные огни умирали въ хохочущей пасти вьюги.

—Дьявольское навожденіе...—ворчалъ Валентинычъ.—Изнемогосте плѣснѣ мои... Не къ добру попа втрѣтили. А можетъ, это и не попъ былъ? Можетъ, Вельзевулъ?

Иванъ Кириллычъ молчалъ и сосредоточенно шагалъ, таща за собою Валентиныча.

Опять огонь, большой, желтый, непривѣтливый. Смутно вырисовываются запутанные узоры,—листья, цвѣты, деревья невѣдомаго, небывалаго лѣса. Какая-то скорбная тѣнь мечется за узорчатою листвою. То взмахнется, какъ большая, угрюмая птица, то припадетъ къ обледенѣлому стеклу. Точно ждетъ кого-то, всматриваясь въ хохочущую, несущуюся, бѣлую тьму.

Насилу достучались. Заспанная работница, недовольная тѣмъ, что сняли ее съ теплой печи, долго ихъ не пускала. Наконецъ загремѣли желѣзные засовы, и они вошли въ домъ. Въ маленькой поповской зальцѣ было пусто, холодно, одиноко. Горѣла лампадка, но не грѣла и не свѣтила. Сиротливо смотрѣли со стѣнъ чьи-то темныя, безглазыя лица. И металась въ полумракѣ большая грустная птица, напрасно ожидая улетѣвшихъ птенцовъ...

О. Георгій сначала испугался, потомъ узналъ гостей и обрадовался. Зажегъ лампу и, потирая руки, сталъ опять ходить по залѣ.

— Вотъ хорошо, что пришли навѣстить стараго попа. Сижу одинъ, давно никто не ходитъ, всѣ забыли. Плохо старикамъ! Кто помоложе, всѣ далеко впередъ ушли... Такъ и плетешься одинъ, покуда гдѣ-нибудь не упадешь. Никто и не замѣтитъ... Да!..

Онъ говорилъ тихо, отрывисто, будто думалъ вслухъ... и все ходилъ, все ходилъ... одинокая, покинутая птица, тоскующая о далекихъ птенцахъ. Валентинычъ вылѣзъ изъ своего полушубка, смущенно оглядѣлся и густо кашлянулъ въ руку.

— А мы, о. Георгій, того...—началъ онъ нерѣшительно.— Встрѣтили сейчасъ на площади эту язву... Агафоника то есть... и онъ намъ сказалъ... Правда ли, что Анна Егоровна... того, какъ его...

О. Георгій встрепенулся и еще быстрѣе зашагалъ по залѣ, точно хотѣлъ скрыть свое лицо отъ пришедшихъ.

— А... да, да... Взяли, взяли ее... Сидитъ, да, да... Время такое... что жъ... Трудное время!.. Да, да...

Валентинычъ переглянулся съ Иваномъ Кириллычемъ. Помолчали. Что-то хлопало и стучало снаружи; вѣтеръ забрался въ печную трубу и пищалъ тамъ тоненькимъ голоскомъ жалобно и злобно.

— Такъ!—шумно вздохнулъ Валентинычъ. — Значитъ, не совралъ. А за что, о. Георгій?

— Не знаю, не знаю, други мои... Сынъ пишетъ... глухо какъ-то, темно, ничего не пойму... Арестована въ ночь на 12 декабря и препровождена въ домъ предварительнаго заключенія. Да, да... А какая причина—неизвѣстно.

— Выпустятъ, я думаю,—успокоительно сказалъ Валентинычъ. — Теперь, вѣдь, много по пустякамъ забираютъ. Подержатъ, подержатъ, да и того...

— Да, да... Конечно, конечно, бываетъ... Сама-то вотъ она ничего не пишетъ, вотъ чего боюсь... Хоть бы строчку... дескать, жива—здорова... А то нѣту...

— Да, вѣдь, о. Георгій, какъ писать оттуда. Тоже надо и осмотрѣться.

— Конечно, конечно... Я то же думаю. Конечно, осмотрѣться. Главное, молоденькая она... Прыгала, скакала... чисто птичка Божія! А теперь птичку въ клѣтку посадили. Боюсь, кабы она того... птичка-то... Кабы не захирѣла.

Опять замолчали. Разговоръ какъ-то не клеился. Было душно и тяжко, какъ у постели безнадежно больного, и всѣ слова, которыя хотѣлось сказать, казались безсмысленными и ненужными. Валентинычъ сопѣлъ и молча злился на самого себя, что не умѣетъ утѣшить, успокоить, что нѣтъ у него въ душѣ мягкости... и нѣжныхъ чувствъ, а есть только старая, черная злоба, которая можетъ только выражаться въ дикихъ, буйныхъ поступкахъ и проклятіяхъ.

— Ну, о. Георгій, мы ужъ того... пойдемъ!—выдавилъ онъ, наконецъ, изъ себя тяжелыя, сухія слова. — Поздно ужъ... небось, вамъ и спать надо.

— Спать? — откликнулся о. Георгій. — Нѣтъ, други, не

засну. Не спится... какой тутъ сонъ? Все думаю, думаю... хочу туда поѣхать. Да, да... Можетъ, допустятъ... Повидаться-то... Родныхъ-то допускаютъ, а?

— Конечно, допускаютъ, — сказалъ Валентинычъ, хотя и самъ не зналъ, допускаютъ или нѣтъ.—Какъ же это? Родного отца-то? Допу-устятъ... И тѣмъ болѣе—іерей...

— Развѣ что іерей... Мнѣ хоть бы глазкомъ посмотрѣть, какъ тамъ она... Птичка-то... Прыгала, прыгала и допрыгалась... Молоденькіе, желторотые, имъ бы только пѣсенки чирикать... а они эдакую силу хотятъ свалить. Глупенькіе, маленькіе, да развѣ это можно?.. А?

Онъ остановился передъ Валентинычемъ и глядѣлъ на него воспаленными, запухшими глазами. Сѣдая борода его дрожала. Валентинычъ всталъ.

— Конечно, о. Георгій, сила... это что и говорить. Да, вѣдь, больно ужъ того... Жить-то паскудно... Дрянь всякая или въ этомъ родѣ... а между тѣмъ во главѣ угла... или какъ тамъ чортъ... Однимъ словомъ, сонмъ суетный и нечестивый владѣетъ всѣмъ міромъ, а ты пресмыкайся. Душа не терпитъ, о. Георгій!

— А мы-то, а мы-то?.. Вѣдь, терпѣли, жили мирно, покорялись... Зачѣмъ же они возстаютъ? Дѣти-то наши, а? Дѣвочки, мальчики... ничего не понимаютъ, а идутъ... Или это возмездіе, Валентинычъ? Казнь? За грѣхи отцовъ возмѣщается на дѣтяхъ?..

— Ну, какая тамъ казнь? — смущенный волненіемъ старика, возразилъ Валентинычъ. — Никакой казни нѣту. Просто, народъ молодой, ничего не соображаютъ, ну, и прутъ противъ рожна... А вотъ какъ рожонъ-то погладитъ ихъ противъ шерстки,—небось, смирятся! Все отъ молодости, о. Георгій, отъ незрѣлаго ума.

— Нѣтъ, нѣтъ, это ты не то, Валентинычъ, говоришь, не то... Я вотъ все хожу и думаю, хожу и думаю... Мы-то какъ жили, отцы-то?.. Вотъ хоть бы я... Сколько всякой неправды видѣлъ—и молчалъ. Сидѣлъ въ углу своемъ—и молчалъ... Лишь бы меня не трогали... лишь бы мнѣ было тепло и сыто, а другіе пускай какъ хотятъ. Вотъ оно и возмѣщается! Да, да... Возмѣщается, Валентинычъ. Мы сидѣли, молчали, а дѣти идутъ... Слабыми ручками тщатся сокрушить главу дракону... Да! Я вотъ цѣлъ и невредимъ, а она... она въ темницѣ... Птичка-то... попрыгунья-то... въ клѣткѣ сидитъ за желѣзными замками... можетъ, мучаютъ... насильничаютъ... над... надруг...

Онъ тихо всхлипнулъ, и изъ-подъ напухшихъ красныхъ

вѣкъ полились слезы, застрѣвая въ морщинахъ лица, путаясь въ прядяхъ сѣдой бороды. Валентинычъ болѣзненно сморщился и дернулъ Ивана Кириллыча за рукавъ.

— Пойдемъ... О. Георгій, вы того... Это вы напрасно! Вѣдь, не у васъ одного... т. е. не одна Анна Егоровна... Вообще, почему непремѣнно мучаютъ? И ничуть, я думаю, не мучаютъ... Это вы того... вы себя напрасно разстраиваете, о. Георгій.

О. Георгій торопливо и неловко вытеръ глаза рукавомъ подрясника.

— Да, да... Конечно! Это я такъ... дѣйствительно, немножко разстроился... А я ничего... Вотъ, поѣду, самъ увижу... А то сидишь здѣсь и думаешь Богъ знаетъ что... Самъ знаю, что глупо, а не могу... Домъ-то большой, никого нѣту, я одинъ, непогода... вотъ оно и того...

— Прощайте, о. Георгій. Ложитесь-ка лучше спать, оно спокойнѣе...

— Конечно, конечно... Я лягу. Прощайте, други, спасибо, что зашли... Ну, Господь съ вами, Господь съ вами... А я лягу, засну...

— Фу ты, чортъ! — пробурчалъ Валентинычъ, когда они съ Саламатинымъ снова погрузились въ слѣпую, мягкую, бѣлую мглу мятели.—Вотъ скверность! Точно какую-то болячку расковыряли. Человѣку и такъ не въ терпежь, а мы ручищами залѣзли прямо въ живое мясо и ну ворочать!.. Ахъ, ты, сволочь!..

— Да, вѣдь, какъ же? Мы, вѣдь, жалѣючи...

— Очень нужно наше жалѣнье!.. Да и жалѣть-то мы не умѣемъ по человѣчески. Пришли, расковыряли до болячки и ушли. Хорошо жалѣнье. Тутъ не жалѣть надо, а дѣйствовать! Можетъ, Анночку-то... и вправду мучаютъ... А я какую-то ерундищу перъ... Фу! Даже самому противно! И чортъ меня понесъ, балду проклятую!..

Онъ рычалъ, грозился кому-то кулаками, изрыгалъ страшныя проклятія, и вьюга вторила ему злобнымъ визгомъ, свистомъ и завываніемъ. Иванъ Кириллычъ еле поспѣвалъ за нимъ, охваченный непонятной жутью. Это блужданіе въ безпросвѣтномъ бѣломъ вихрѣ, встрѣча съ Агафоникомъ, болѣзненныя рыданія одинокаго старика, вой и хохотъ вѣтра, фантастическая фигура Валентиныча, въ снѣжной мглѣ казавшаяся огромной, — все это слилось въ одно странное и страшное впечатлѣніе и навсегда осталось въ чувствительной душѣ Ивана Кириллыча, какъ чудесная, давно кѣмъ-то разсказанная сказка...

— Валентинычъ! Валентинычъ!—кричалъ онъ.—Куда ты? Погоди, я за тобой не поспѣю... Бѣжитъ, долговязый чортъ!

Онъ догонялъ Валентиныча, вцѣплялся въ него и бормоталъ, задыхаясь, ослѣпленный и оглушенный вьюгой.

— Ну, погоди... Всю глотку снѣгомъ залѣпило... Ты, Валентинычъ, не бѣги такъ... Чисто конецъ свѣта!.. Страсть!..

— Ха! Страсть... Смерти боишься? Вотъ то-то и есть... Оттого насъ и въ морду бьютъ, что всего боимся... Трусы! Дряни!..

— Валентинычъ...—дрожа, бормоталъ Иванъ Кириллычъ.— Ну тебя... Пойдемъ!

— Куда пойдемъ? Въ конуру, на печь? Жрать, спать, водку пить? У, подлецы!.. Попрятались!.. Зарылись въ кучи навозныя... Трясутся!.. Животишка своего поскуднаго жалко? Помирать страшно? Эхъ, дьяволы! Разнести бы въ дребезги все... Коли пропадать, такъ всѣмъ пропадать...

Онъ остановился и, схвативъ Ивана Кириллыча за воротникъ, продолжалъ съ дикимъ паѳосомъ:

— Ты слышишь,—воетъ? Слышишь плачъ и рыданія? Это земля воетъ... Плачутъ отцы, матери, дѣти, — жалкіе, подлые людишки... А Богъ молчитъ...

— О, Господи! — прошепталъ Иванъ Кириллычъ и въ ужасѣ перекрестился.

Въ ту же минуту надъ самой головой у нихъ ударилъ колоколъ. Глухо, печально... Еще и еще... 12 разъ...

— Новый годъ!—вымолвилъ Иванъ Кириллычъ.

Валентинычъ выпустилъ изъ рукъ его воротникъ и сразу какъ-то притихъ и успокоился. Иванъ Кириллычъ оглядѣлся. Они стояли у церковной ограды, и высокій силуэтъ колокольни блѣдно вырисовывался сквозь снѣжную дымку.

— Ишь, куда попали!—сказалъ Иванъ Кириллычъ.—Пошли будто на село, а выходитъ, все время округъ церкви крутились. Куда же теперь?

Валентинычъ молчалъ. Все изступленіе его прошло, и видъ у него былъ усталый и пришибленный.

— Чудно!—продолжалъ Иванъ Кириллычъ. — На самыя бревна вышли. Замело ихъ и не видать... А Анночка-то сидитъ, небось, не чуетъ, что дружки объ ней поминаютъ. Можетъ, это ея душа насъ кругомъ церкви водила...

— Пойдемъ!—отрывисто сказалъ Валентинычъ.

Они пошли, внимательно вглядываясь въ чуть брезжущіе огоньки и стараясь держаться поближе къ нимъ.

— Теперь ужъ не заблудимъ! — говорилъ Иванъ Кириллычъ. — Теперь я дорогу знаю. Вонъ энто у о. Георгія свѣтится... не спитъ еще. А это у дьякона... И какъ это мы сбились? Это ты, Валентинычъ, меня напугалъ, право... Бѣжитъ, кричитъ, — незнамо что! Я ужъ думалъ, ты ополоумѣлъ. А тутъ заметь... пылитъ, крутитъ... и, батюшки мои. Эдакъ около своего двора замерзнуть можно. Ты думаешь, не бываетъ? Бываетъ!.. Помнишь, Кирюха на своемъ гумнѣ...

— Стой!..—прошипѣлъ вдругъ Валентинычъ.

Цѣлый рядъ освѣщенныхъ оконъ выплылъ передъ ними, съ веселымъ задоромъ бросая въ лицо вьюжной ночи желтыя полосы свѣта. Сквозь разрисованныя узорами стекла виднѣлись тѣни... много тѣней... Онѣ плясали и кружились; слышался смутный говоръ въ перемежку съ топотомъ ногъ, дребезжала какая-то музыка.

— Это у Агафоника...—прошепталъ Иванъ Кириллычъ.— Танцуютъ... Должно сама попадья на фортепьянахъ играетъ,

Музыка становилась все задорнѣе, все веселѣе. Играли шестую фигуру кадрили. Явственно слышны были отрывистые возгласы и раскаты смѣха. Морозные узоры скрывали внутренность жилья; ничего не было видно, но распаленному воображенію Валентиныча съ необычайной яркостью представлялась ненавистная фигура о. Агафоника, какъ онъ похаживаетъ среди гостей, гладитъ свою рыжую бородку и хихикаетъ знакомымъ, самодовольнымъ смѣшкомъ... Мутная злоба горячимъ клубомъ свивалась и развивалась въ груди Валентиныча. Онъ тяжело дышалъ, смотрѣлъ, слушалъ... Мелькали и прыгали веселыя тѣни, гудѣло и дребезжало піанино. И среди могильнаго молчанія Муравлевки, цѣпенѣющей въ объятіяхъ бѣлой вьюги, была какая-то особенная буйная наглость въ кричащихъ желтыхъ огняхъ, въ топотѣ и смѣхѣ танцующихъ, въ плясовыхъ звукахъ пошлой кадрили.

— Скоты!..—пробормоталъ Валентинычъ, сжимая кулаки.— Расплясались... Пугнуть бы ихъ хорошенько...

— Да!—со вздохомъ замѣтилъ Иванъ Кириллычъ.—Житье людямъ! Кто плачетъ, а кто скачетъ. Не по нашему новый годъ справляютъ.

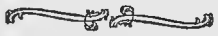
— А вотъ они сейчасъ у меня не такъ еще запляшутъ. Я ихъ поздравлю съ новымъ годомъ.

Валентинычъ захохоталъ и прежде, чѣмъ Иванъ Кириллычъ могъ вдуматься въ смыслъ его угрозы, онъ ринулся впередъ и со всего размаху высадилъ окно. Жалобно зазвенѣли

разбитыя стекла, метнулись и побѣжали испуганныя тѣни, піанино испустило судорожный вопль и смолкло. Все смѣшалось и перепуталось... Женскій визгъ, крики, вой и хохотъ мятели. Стукнула калитка, заскрипѣлъ снѣгъ, кто-то выскочилъ изъ дома. «Караулъ! Держи! Лови!..»

Но улица была пуста, и только бѣлое чудовище носилось въ ледяномъ просторѣ, смѣялось, плясало и топтало землю, коченѣющую въ нѣмомъ отчаяніи. А Муравлевка спала и видѣла страшные сны... И глубоко, загадочно молчала.

В. І. Дмитріева.



СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ ВЪ АНТИЧНОЙ ГРЕЦІИ.

Греческій міръ оставилъ современному культурному человѣчеству великое, по своему значенію, наслѣдіе. Въ произведеніяхъ своей литературы и искусства онъ завѣщалъ намъ образцы дивной, неувядаемой красоты. По изящному выраженію знатока и поклонника античности, Ѳ. Ф. Зѣлинскаго [1]), въ эллинскомъ мірѣ «впервые предстала передъ человѣчествомъ, связаннымъ имъ же скованными узами, упоительная троица—радость, красота и любовь, какъ высшая цѣнность жизни...». Въ Греціи—корни современной философіи, науки, современной культуры вообще. Говоря словами Мэна,—не филолога-классика, котораго можно было бы заподозрѣть въ слѣпомъ преклоненіи предъ греками,—«все, что̀ движется въ нашемъ мірѣ, имѣетъ свое начало въ Греціи». И тѣмъ не менѣе къ этому античному міру русское общество—по крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени—относилось съ холоднымъ равнодушіемъ, скорѣе даже съ отвращеніемъ. Виною тому въ значительной степени та «классическая» или, вѣрнѣе, «грамматическая» система, которая проводилась у насъ съ такимъ ожесточеніемъ при гр. Д. А. Толстомъ въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка и которая, конечно, способна была не привлечь, а оттолкнуть отъ всего, что̀ напоминало ненавистный классицизмъ. Въ лучшемъ случаѣ за античностью признается эстетическое значеніе, допускается, что юношество «на пути къ ярмаркѣ жизни» должно проходить «чрезъ тихій храмъ великой классической старины»; но старина эта все же пред-

[1]) «Венеціанскій купецъ и кольцо Нибелунга» («Рус. Мысль», 1911, янв., стр. 85). Ср. *его же*, «Древній міръ и мы» (во II т. «Изъ жизни идей»).

ставляется чѣмъ-то чуждымъ и далекимъ; ея исторія кажется хотя, можетъ быть, и важною, но неинтересною, какою-то безжизненною.

Въ дѣйствительности она полна живого интереса. Дѣло въ томъ, что «великая классическая старина»—не только «тихій храмъ»; греки не только грезили о прекрасномъ—они жили также и обыденными, прозаическими интересами; они испытали борьбу политическую и соціальную; предъ ними стояли жгучіе вопросы, жизненныя проблемы, сходныя съ тѣми, которыя занимаютъ современное человѣчество, и они трудились и волновались надъ ихъ разрѣшеніемъ, не говоря уже о томъ, что они создали *раціональную* науку, пріемы *критическаго изслѣдованія*. Такимъ образомъ, отношеніе античнаго міра къ современному мы можемъ разсматривать, не только имѣя въ виду, какъ много первый далъ второму, какъ античность отражается въ современности, но и наоборотъ — какъ много въ античномъ мірѣ «*современнаго*», такого, что считается принадлежностью нашего времени.

Матеріала для знакомства съ этой стороной античной жизни достаточно, частью—стараго, давно извѣстнаго, мимо котораго прежде обыкновенно проходили, не замѣчая его или не давая ему должнаго освѣщенія [1]), частью—новаго, недавно открытаго въ видѣ надписей и папирусовъ. Я ограничусь лишь нѣсколькими примѣрами и начну съ греческаго *государства*.

I.

Съ перваго взгляда греческое государство во многомъ отличается отъ современнаго. Его типъ—*государство-городъ*, т. е. городъ съ его ближайшими окрестностями. Небольшая территорія, легко обозримая, считалась какъ бы необходимымъ условіемъ для государства съ точки зрѣнія грека. Аѳинская республика, занимавшая пространство около 40 кв. миль, уже считалась обширною и являлась скорѣе исключеніемъ изъ общаго правила. Какая разница въ сравненіи съ территоріями современныхъ государствъ! Далѣе: греческое государство и общество основывалось въ значительной мѣрѣ на рабствѣ, на рабскомъ трудѣ. Впрочемъ, не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этого явленія.

---

[1]) Этотъ матеріалъ выдвинутъ въ трудахъ новѣйшихъ ученыхъ, главнымъ образомъ—Эд. Мейера и Пельмана.

Рабовъ въ античномъ мірѣ не было такъ много [1]), какъ принято было думать; наряду съ рабами въ Греціи всегда существовали и свободные рабочіе. Надо имѣть также въ виду, что рабы въ древности замѣняли нынѣшнія машины и оказывали на хозяйственный порядокъ вліяніе, подобное тому, какое теперь оказываетъ машинное производство. Еще Аристотель говорилъ, что если бы каждый инструментъ могъ выполнять свойственную ему работу самъ, если бы, напр., ткацкіе челноки сами ткали, то тогда не нужны были бы и рабы.

Но всмотримся ближе въ греческое государство, въ его основы, его задачи—и мы, рядомъ съ отличіями, замѣтимъ много намъ близкаго, сходнаго съ современнымъ правовымъ государствомъ.

Уже древній грекъ искалъ *правды* и *справедливости* [2]). Осуществленія ихъ онъ ждалъ отъ государства. Онъ полагалъ, что если есть справедливость на землѣ, если есть нравственныя начала, то они должны существовавать не только въ душѣ человѣка: они должны найти выраженіе въ общественныхъ отношеніяхъ, въ государственномъ строѣ. Забота о справедливости для государства—все равно, что забота о здоровьѣ для отдѣльнаго человѣка. Для государства необходимы *нравственныя основы*. Оно можетъ существовать только тогда, когда въ немъ господствуетъ право. Для греческаго мыслителя политика, ученіе о государствѣ, составляетъ лишь часть этики. Платонъ развиваетъ мысль о томъ, какъ государство возникаетъ въ силу матеріальныхъ потребностей человѣка, но онъ считаетъ задачей государства и государственныхъ дѣятелей содѣйствіе нравственному совершенствованію человѣка: только въ государствѣ человѣкъ можетъ развить свои лучшія стремленія и качества. По Аристотелю, всякое государство—продуктъ естественнаго процесса, естественнаго развитія, и человѣкъ, по природѣ своей—существо политическое. Государство возникаетъ ради потребностей жизни, для достиженія самодовлѣющаго существованія. Но этого мало: цѣлью его служитъ *благая жизнь*; государство создается не только для того, чтобы люди могли жить, но и для того, чтобы они могли жить *счастливо* и *прекрасно*. По Платону, государство должно имѣть въ виду общее благо, а не благо одного сословія.

---

[1]) Это доказано Белохомъ и Эд. Мейеромъ.

[2]) См. *Hir Zel*, «Themis, Dike und Verwandtes. Ein Beitrag zur Geschichte der Rechtsidee bei den Griechen», Лпц., 1907.

Съ понятіемъ о греческомъ государствѣ неразрывно связано понятіе о греческомъ *гражданинѣ*.

Бѣлинскій писалъ Боткину: «....Обаятеленъ міръ древности. Въ его жизни зерно всего великаго, благороднаго, доблестнаго, потому что основа его жизни—гордость личности, неприкосновенность личнаго достоинства». Обыкновенно думаютъ, что высокое понятіе о *чести* развилось въ западно-европейскомъ средневѣковомъ обществѣ, въ эпоху рыцарства. Но вотъ что читаемъ мы у Ксенофонта [1]). Въ его діалогѣ «Гіеронъ» поэтъ Симонидъ говоритъ: «Великое дѣло—честь! Въ стремленіи къ ней люди всякій трудъ берутъ на себя, ни передъ какой опасностью не отступаютъ. И мнѣ думается, что именно этимъ мужъ отличается отъ прочихъ живыхъ существъ—своимъ стремленіемъ къ чести. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ ѣда, питье, сонъ, любовныя утѣхи—всѣмъ этимъ... одинаково наслаждаются всѣ твари; любовь же къ чести не врождена ни безсловеснымъ животнымъ, ни даже всѣмъ людямъ. А тѣ, въ кого природа вселила жажду къ чести и хвалѣ,—это именно тѣ, которые болѣе всего возвышаются надъ животными и заслуживаютъ имени уже не просто людей, а именно мужей. «Греки ставили человѣческую личность чрезвычайно высоко. Вспомнимъ титаническій образъ Прометея, борца за человѣчество, за его прогрессъ,—борца, «пріявшаго муку за высшія стремленія духа», или слова хора у Софокла [2]):

«Въ мірѣ много силъ великихъ,
Но сильнѣе человѣка
Нѣтъ въ природѣ ничего...
. . . . . .
Создалъ рѣчь и вольной мыслью
Овладѣлъ, подобной вѣтру,
И законы начерталъ».

При такомъ міровоззрѣніи грекъ въ государствѣ не могъ снизойти до уровня безгласнаго подданнаго-раба, какъ было напр. на Востокѣ. Необходимая принадлежность греческаго *гражданина*—участіе въ управленіи. По Аристотелю, гражданинъ—тотъ, кто можетъ быть судьею и должностнымъ лицомъ, кто участвуетъ въ судѣ и въ народномъ собраніи. До извѣстной степени признавалась неприкосновенность личности гражданина; по крайней

---

[1]) См. *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, «Трагедія чести» («Вѣстн. Евр.», 1911, сент., стр. 131).

[2]) «Антигона», пер. Д. С. Мережковскаго, стр. 11—98.

мѣрѣ въ Аѳинахъ члены совѣта пятисотъ, главнаго административнаго органа, при вступленіи въ должность давали клятву, въ которой они между прочимъ обязывались не заключать въ тюрьму ни одного аѳинянина, если онъ представитъ трехъ поручителей (за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ случаевъ). Французскій ученый Glotz, одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ древне-греческаго права, называетъ это обязательство—конечно, не безъ преувеличенія—«Habeas corpus аѳинскаго права» [1]). «Эллину свойственна свобода», могъ съ гордостью заявить грекъ (τὸ Ἑλληνικὸν ἐλεύθερον).

По Солонову закону каждый имѣлъ право заступиться за обижаемаго. По Демокриту власти избираются для того, чтобы творить благо, а не зло. Идея раздѣленія властей, развитая Монтескьё, извѣстна была уже грекамъ: мы ее встрѣчаемъ у Аристотеля, который въ своей «Политикѣ» говоритъ о трехъ властяхъ—законодательной (или, какъ онъ ее называетъ, законосовѣщательной), административной и судебной. Во всякомъ государственномъ строѣ, по его словамъ, есть эти три элемента, составляющіе основу каждой изъ формъ правленія. Отъ соотношенія ихъ зависитъ благосостояніе государства; да и самое различіе отдѣльныхъ формъ государственнаго строя обусловлено различной организаціей каждаго изъ этихъ элементовъ. Монархія и республики—аристократическія, олигархическія и разнаго вида демократическія—были извѣстны грекамъ (самыя названія этихъ формъ—греческія). Правда, *конституціонныхъ* монархій современнаго типа древній міръ не зналъ, а современныя обширныя демократіи значительно отличаются отъ греческихъ прямыхъ, непосредственныхъ народоправствъ (большую аналогію послѣднимъ мы, впрочемъ, встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ). Да и идея представительства—и притомъ пропорціональнаго—не была совершенно чужда античному міру, какъ думали раньше. Въ этомъ отношеніи интересна организація совѣта пятисотъ въ Аѳинахъ со времени реформы Клисѳена: каждый демъ, т. е. волость Аттики, имѣлъ здѣсь своихъ представителей; число ихъ было пропорціонально значенію дема, его величинѣ, количеству его населенія. Совѣтъ, такимъ образомъ, представлялъ собой весь демосъ Аттики, и Headlam называетъ его mikropolis'омъ.

Вопросъ о формахъ правленія, достоинствахъ и недостат-

---

[1]) «Etudes sociales et juridiques sur l'antiquité grecque», Пар., 1906, стр. 128,

кахъ каждой изъ нихъ занималъ грековъ. Уже у Геродота (III, 80 сл.) мы встрѣчаемъ разсужденіе на эту тему, вложенное, правда, въ уста персидскихъ вельможъ; но ясно, что это—разсужденія не персовъ, а грековъ. Семь знатныхъ персовъ совѣщаются, какую форму правленія установить послѣ удавшагося имъ ниспроверженія владычества маговъ. Одинъ доказываетъ, что никому изъ нихъ не слѣдуетъ быть монархомъ; это и непріятно, и нехорошо. Можно опасаться своеволія царя; да и какимъ образомъ государство можетъ быть благоустроеннымъ при монархіи, когда одному дозволяется дѣлать безотвѣтственно все, что угодно? Даже самый лучшій человѣкъ не сохранитъ привычнаго ему настроенія: все окружающее ведетъ его къ своеволію, а чувство зависти и безъ того врождено человѣку. Хотя лицу, облеченному монархическою властью, слѣдовало бы быть свободнымъ отъ зависти, такъ какъ оно обладаетъ всѣми благами, однако монархъ завидуетъ лучшимъ гражданамъ, покровительствуетъ негоднѣйшимъ и болѣе всего вѣритъ клеветѣ. Угодить ему чрезвычайно трудно: если восхищаться имъ умѣренно, онъ недоволенъ, почему не чтишь его чрезмѣрно; если оказываешь ему чрезмѣрныя почести, онъ недоволенъ тобою, какъ льстецомъ, и т. д. Этотъ персъ стоитъ за демократію, такъ какъ, во-первыхъ, она носитъ прекраснѣйшее названіе—*исономіи* (равноправія); во-вторыхъ, должностныя лица въ ней избираются по жребію и отвѣтственны; все предоставляется рѣшенію народа. Другой персъ, соглашаясь съ такимъ мнѣніемъ о монархіи, возражаетъ, однако, противъ демократіи: нѣтъ ничего безсмысленнѣе и наглѣе негодной толпы, и невозможно, избавляя себя отъ своеволія тирана, отдавать себя своеволію необузданной массы. Тираннъ, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ со смысломъ то, что дѣлаетъ, а у народа нѣтъ смысла; да и какой смыслъ можетъ быть у того, кто ничему доброму не учился и безъ толку накидывается на дѣла, подобно бурному потоку? Демократію могутъ предлагать только тѣ, кто желаетъ зла персамъ; онъ же рекомендуетъ олигархію, ибо отъ лучшихъ людей надо ожидать и лучшихъ рѣшеній. Третій персъ, къ мнѣнію котораго присоединились и остальные четверо, отдаетъ предпочтеніе монархіи, ибо не можетъ быть ничего лучше единодержавія наилучшаго человѣка. Руководимый лучшими намѣреніями, онъ будетъ править безупречно; кромѣ того, вѣрнѣе сохранятся въ тайнѣ рѣшенія, касающіяся внѣшнихъ враговъ. При олигархіи возникаютъ обыкновенно ожесточенныя распри между правителями, а при демократіи проникаетъ всюду порочность: дурные люди не враждуютъ

между собою, а вступаютъ въ тѣсный союзъ, дѣлаютъ свое дѣло сообща, сговорившись. Монархія — не только лучшая форма правленія, но она лучше обезпечиваетъ и свободу.

Пренія о формѣ правленія мы находимъ и въ греческой поэзіи, напр. у Еврипида, въ его пьесѣ: «Просительницы». Изъ Ѳивъ въ Аѳины является вѣстникъ и спрашиваетъ, гдѣ царь. Тезей на это отвѣчаетъ: «Ты ошибся съ перваго же слова; здѣсь нѣтъ единаго властителя; это—свободное государство; народъ самъ правитъ посредствомъ ежегодно смѣняющихся выборныхъ лицъ; богатому не дается преимуществъ и бѣдный имѣетъ равныя права». Тогда вѣстникъ съ гордостью заявляетъ: «Государство, отъ котораго я явился, управляется однимъ человѣкомъ, а не толпой. Нѣтъ въ немъ никого, кто, обманывая рѣчами, вертѣлъ бы государствомъ такъ и сякъ, сообразно своей частной выгодѣ... Да и какъ можетъ хорошо править государствомъ народъ, который не въ состояніи разобраться въ словахъ? Для этого надо время, а бѣднякъ-земледѣлецъ занятъ своими дѣлами. Вредно для лучшихъ гражданъ, когда дурной человѣкъ, не будучи раньше ничѣмъ, держитъ въ рукахъ демосъ, благодаря своему языку». Слѣдуетъ опять возраженіе Тезея. Для государства—говоритъ онъ,—нѣтъ ничего ужаснѣе тиранна. Гдѣ тираннъ, тамъ, прежде всего, нѣтъ общихъ для всѣхъ законовъ; тамъ царитъ воля одного, получившаго законъ самъ отъ себя, а это не есть равенство. При писанныхъ же законахъ и бѣдный, и богатый имѣютъ равныя права, и слабый беретъ верхъ, если дѣло его право. Каждому желающему дать государству полезный совѣтъ предоставляется къ тому полная возможность. Гдѣ демосъ властелинъ, тамъ радуются, видя, какъ растетъ число молодыхъ гражданъ. Царь же считаетъ ихъ за враговъ и лучшихъ изъ нихъ умерщвляетъ, боясь за свою тираннію. Можетъ ли быть сильнымъ государство, когда смѣлая молодежь, какъ весенніе колосья на нивѣ, подкашивается и истребляется?.. [1]).

У Ѳукидида Алкивіадъ называетъ демократію «общепризнаннымъ безуміемъ» (VI, 89). Вообще съ конца V в. въ политической литературѣ грековъ, довольно обширной, изъ которой до насъ дошло далеко не все, преобладаетъ отрицательное отношеніе къ демократіи. Есть, напр., олигархическій памфлетъ—такъ

---

[1]) *Д. Ѳ. Бѣляевъ*, «Воззрѣнія Еврипида»... («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1882, окт., стр. 401—404); моя «Ист. аѳинск. демокр.», Спб. 1909, стр. 299—300.

назыв. «Псевдо-Ксенофонтова Аѳинская Политія»,—проникнутый непримиримою ненавистью къ демосу и аѳинской демократіи и въ то же время сознаніемъ удивительной цѣлесообразности, съ которою построена эта демократія, органической связи между разными ея сторонами, состояніемъ общества, учрежденіями и общимъ направленіемъ политики. Авторъ этого памфлета неизвѣстенъ. Что касается Ксенофонта, то онъ преклонялся предъ Спартой и обнаруживалъ монархическія симпатіи. Въ своей «Киропедіи» онъ идеализируетъ монарха въ образѣ Кира; хорошій правитель, по его словамъ, это—«одаренный зрѣніемъ законъ»; идеальнаго царя онъ представляетъ себѣ пастухомъ, а подданныхъ—стадомъ...

Аристотель не сочувствовалъ демократіи, въ крайнемъ ея видѣ, гдѣ преобладаетъ «корабельная чернь», гдѣ масса непосредственно участвуетъ въ управленіи, гдѣ господствуютъ демагоги, хотя онъ и допускалъ, что въ большихъ городахъ его времени трудно быть другой формѣ правленія, кромѣ демократіи, и что демократія прочнѣе, менѣе подвержена переворотамъ, нежели олигархія. Впрочемъ, Аристотель не придавалъ рѣшающаго значенія формѣ правленія; то правленіе, по его мнѣнію, хорошо, которое имѣетъ въ виду общее благо, а не только выгоду правителей. Вообще онъ сторонникъ середины,—строя, въ которомъ преобладаетъ средній классъ, эта лучшая основа государства и опора государственнаго порядка. Въ теоріи онъ готовъ признать самою лучшею формою монархію, но лишь какъ исключительное явленіе, въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ стоитъ неизмѣримо выше остальныхъ. А этого — замѣчаетъ Аристотель, — теперь въ дѣйствительности не встрѣчается: человѣчество слишкомъ двинулось впередъ, чтобы одинъ кто-либо могъ казаться какъ бы богомъ среди другихъ. У народа свободнаго, гдѣ всѣ равны, монархія невозможна; но народъ, стоящій на низкой ступени и неспособный къ самоуправленію, можетъ нуждаться въ господинѣ. Сравнительно лучшею формою правленія, соотвѣтствующею условіямъ дѣйствительности, Аристотель считалъ «политію»—смѣшеніе началъ олигархическихъ и демократическихъ, съ преобладаніемъ послѣднихъ.

Изъ отрицательныхъ характеристикъ демократіи въ IV в. мы приведемъ лишь характеристику ея у Платона, въ виду того, что она отличается особенною яркостью и образностью и отмѣчаетъ такія черты, которыя знакомы намъ и по современной дѣйствительности: читая ее, можно подумать, что Платонъ даетъ изображеніе нѣкоторыхъ современныхъ явленій, а не далекаго

прошлаго [1]). Въ демократіи, говоритъ онъ, всѣ пользуются полною свободой; каждый можетъ дѣлать все, что хочетъ. Здѣсь типы людей—самые разнообразные. Демократія кажется прекраснѣйшею формою правленія: она подобна пестрому платью, изукрашенному всевозможными цвѣтами. Она заключаетъ въ себѣ всѣ роды правленія. Если желаешь управлять, ненужно для этого способностей или подготовки; нѣтъ надобности быть подвластнымъ, если не хочешь подчиняться, ни воевать, когда другіе воюютъ, ни заключать миръ, когда другіе его заключаютъ. Если законъ устраняетъ тебя отъ участія въ судѣ и въ управленіи, ты все-таки можешь, когда тебѣ угодно, судить и управлять. Люди, приговоренные къ смерти или къ изгнанію, тѣмъ не менѣе живутъ и ходятъ открыто, выступаютъ героями, и никто не заботится объ этомъ. Тутъ все можно попирать ногами, лишь бы ладить съ народомъ. Это—образъ правленія пріятный, анархическій и пестрый, предоставляющій равенство равнымъ и неравнымъ. Всѣ понятія извращены. Наглость, своеволіе, распутство и безчинство восхваляются и называются прекраснѣйшими именами: наглость — образованностью, своеволіе — свободой, распутство—великолѣпіемъ, безстыдство—мужествомъ. Демократическій типъ—это пестрый человѣкъ; нѣтъ въ его жизни ни порядка, ни закона. Демократія вырождается въ тираннію. Ее губитъ ненасытная жажда свободы, подобно тому, какъ олигархію [2]) губитъ ненасытная жажда богатства. Демократическое государство, горя жаждою свободы, попадаетъ въ руки дурныхъ виночерпіевъ; оно упивается несмѣшанною свободою и возстаетъ противъ властей, обвиняя ихъ какъ преступниковъ и олигарховъ, а тѣхъ, кто повинуется властямъ, презираетъ какъ рабовъ и людей ничего не стоющихъ; тѣхъ же, кто равняетъ правителей съ управляемыми и управляемыхъ съ правителями, оно прославляетъ и удостоиваетъ почестей. Въ демократіи свобода проникаетъ и въ частную жизнь. Отецъ тутъ равняется съ сыномъ и боится его, а сынъ равняется съ отцомъ, не стыдится и не боится родителей, чтобы быть свободнымъ. Учитель боится учениковъ и льститъ имъ, а ученики презираютъ учителей и педагоговъ. Молодые состязаются со стариками, а старики, особенно вѣжливы и ласковы къ нимъ, чтобы не показаться людьми суровыми и деспотичными. Между мужчинами и женщинами здѣсь равенство. Даже животныя въ такомъ государствѣ чувствуютъ себя гораздо свободнѣе; и собаки тамъ

---

[1]) См. *Кн. Е. Н. Трубецкой*, «Древній философъ на современныя темы» («Московск. Еженедѣльникъ», 1907, № 16).

[2]) Олигархія у Платона есть, въ сущности, плутократія.

бываютъ таковы, каковы ихъ господа, а ослы и лошади привыкаютъ ходить свободно и важно, сталкивая тѣхъ, кто не посторонится. Какъ нѣжны здѣсь граждане! Малѣйшій намекъ на рабство ихъ раздражаетъ, они не могутъ этого терпѣть. Они не обращаютъ вниманія на законы писанные и неписанные, чтобы никто и никакъ не былъ ихъ господиномъ. Но одна крайность вызываетъ другую, противоположную. Такъ бываетъ въ природѣ, такъ и въ государственномъ строѣ. Излишняя свобода приводитъ къ рабству. Изъ демократіи возникаетъ тираннія, изъ крайней свободы—величайшее и жесточайшее рабство. Демосъ, убѣгая отъ дыма рабства, попадаетъ въ огонь деспотіи и вмѣсто излишней и неумѣстной свободы облекается въ тягчайшее и горькое рабство [1]... Въ глазахъ Платона, современное ему государство—корабль, на которомъ пассажиры спорятъ за власть, каждый знающій и незнающій считаетъ себя призваннымъ управлять кораблемъ, каждый хватается за руль, а знающаго и способнаго кормчаго выбрасываютъ за бортъ.

Такова демократія IV в. до Р. Х. въ изображеніи ея принципіальнаго противника. Въ иномъ видѣ рисуется аѳинская демократія V в. въ знаменитой рѣчи Перикла надъ павшими въ бою воинами, въ первый годъ Пелопоннесской войны. Наше государственное устройство—говоритъ Периклъ,—основывается не на меньшинствѣ, а на большинствѣ; по законамъ у насъ у всѣхъ равныя права, а что касается уваженія, то каждый пользуется въ государственной дѣятельности бо́льшимъ почетомъ не въ силу принадлежности къ извѣстному классу, а по доблести, по способностямъ. Даже бѣдняку невидность положенія не препятствуетъ служить государству, если онъ на то способенъ... Мы не питаемъ подозрительности другъ къ другу, не нарушаемъ законовъ изъ благоговѣйнаго страха, повинуемся властямъ и законамъ, особенно тѣмъ, которые установлены въ защиту слабыхъ, обижаемыхъ, и, не будучи писанными, навлекаютъ на нарушителя позоръ въ общественномъ мнѣніи... Мы любимъ прекрасное, соединенное съ простотой; любимъ образованіе, не впадая въ изнѣженность. Бѣдность въ нашихъ глазахъ не постыдна; постыдно не выбиваться изъ нея трудомъ, и безполезенъ тотъ, кто не принимаетъ участія въ государственной дѣятельности. Мы взвѣшиваемъ и рѣшаемъ дѣла, прежде чѣмъ приступить къ исполненію, ибо не считаемъ слово вредомъ для дѣла, а

---

[1]) «Государство», кн. VIII, p. 557 сл.; кн. *Е. Н. Трубецкой*, «Соціальн. утопія Платона» («Вопр. философіи и психологіи», 1908, кн. 1—2); моя «Ист. аѳ. демокр». стр. 428 сл.

наоборотъ—полагаемъ, что больше вреда, если не посовѣтоваться предварительно (Ѳукид., II, 36 сл.).

Вотъ какія черты аѳинской демократіи выдвигаетъ Периклъ или говорящій его устами историкъ Ѳукидидъ. Пусть это только идеалъ, но важно, что такой идеалъ одушевлялъ лучшихъ вождей аѳинскаго народа. Основными, наиболѣе характерными и дорогими въ глазахъ аѳинянъ чертами ихъ демократіи являлись *исономія* и *исегорія*, равенство передъ закономъ, равноправіе, и равенство голоса, равное право на свободу рѣчи и на участіе въ политической жизни. Это—тѣ же завѣтныя слова, что для новѣйшаго времени «свобода» и «равенство», liberté и égalité.

Но, какъ и въ современной жизни, идеалъ не совпадалъ съ дѣйствительностью. Не говоря уже о рабахъ, свободными и полноправными въ Аѳинахъ считались только граждане; метэки—чужеземцы и ихъ потомки, поселившіеся въ Аттикѣ, были лично свободны, но не имѣли права гражданства, да и аѳинская женщина была не полноправна. Въ средѣ самихъ гражданъ, помимо имущественнаго неравенства, которое въ демократіи, быть можетъ, давало себя чувствовать съ особою силой, существовало неравенство профессій, занятій, неравенство положеній на общественной лѣстницѣ. Не смотря на весь демократизмъ Аѳинъ, тамъ все же имѣли большое значеніе знатность и богатство. Въ стратеги, напр., избирали сплошь и рядомъ лицъ болѣе или менѣе знатныхъ и состоятельныхъ, избирали даже Никія, несмотря на его консерватизмъ и посредственность. Въ глазахъ общества второй половины V в. благородное происхожденіе считалось завидною долею. Геродотъ замѣчаетъ, что греки заимствовали, будто бы, точку зрѣнія варваровъ, оказывая меньше почета тому, кто занимается ремесломъ, и считая благороднымъ того, кто воздерживается отъ ручного труда и въ особенности того, кто посвящаетъ себя военному дѣлу; одни лишь коринѳяне меньше другихъ презираютъ ремесленниковъ (II, 167). Аристофанъ въ своихъ пьесахъ, желая кого-либо очернить, подчеркиваетъ его низкое происхожденіе. Въ противоположность Перикловой рѣчи Аристотель—который, впрочемъ, не былъ аѳиняниномъ,—говоритъ, напр., что въ наилучшемъ государствѣ ремесленнику не будетъ предоставлено полное право гражданства; тотъ, кто ведетъ жизнь ремесленника или поденщика, не можетъ развивать въ себѣ гражданскую доблесть; для развитія этой доблести и для участія въ государственныхъ дѣлахъ нуженъ досугъ. Физическій трудъ, трудъ рабочаго, ремесленника, мелкаго торговца не былъ почетенъ въ глазахъ общества. Недаромъ въ Аѳинахъ понадобился законъ, которымъ—если

только сообщеніе о немъ вѣрно—запрещалось ставить въ упрекъ гражданину или гражданкѣ ихъ занятія. Извѣстенъ случай, когда одного аѳинянина заподозрѣли, что онъ не гражданинъ, а метэкъ, и вычеркнули его изъ списка гражданъ на томъ основаніи, что онъ и его мать торговали лентами на рынкѣ, и, кромѣ того, мать его служила кормилицею. И пришлось этому гражданину, ведя процессъ, говорить въ свое оправданіе, что если онъ и его мать занимались продажей лентъ, если его мать была и кормилицей, то это вызвано бѣдственнымъ положеніемъ; если бы они были богаты, то не стали бы торговать лентами; онъ соглашается, что унизительно служить кормилицею, но бѣдность заставляетъ и свободнаго гражданина выполнять многія рабскія и недостойныя его обязанности. Онъ проситъ судей не считать трудящихся «чужими», т. е. не-гражданами, проситъ не унижать бѣдняковъ—для которыхъ уже достаточное бѣдствіе бѣдность—и особенно тѣхъ, кто предпочитаетъ работать и жить честно... [1]). «Современное общество», говоритъ извѣстный знатокъ исторіи древности Эд. Мейеръ, «смотритъ на физическій трудъ точно такъ же, какъ античное. Юридическое различіе здѣсь, какъ и тамъ, устранено демократіей, но соціальная пропасть между землевладѣльцами и людьми, избирающими высшія, такъ назыв. свободныя профессіи, съ одной стороны, и представителями низшихъ профессій—ремесленниками и рабочими—съ другой, такъ же велика, какъ въ древности; современному ученому кажется, въ общемъ, столь же неестественнымъ и унизительнымъ, чтобы его сынъ сдѣлался ремесленникомъ, какъ и древнему; купецъ въ нашихъ демократическихъ торговыхъ городахъ смотритъ съ такимъ же пренебреженіемъ на мелкаго торговца и лавочника, какъ и въ Аѳинахъ... Но въ то время, какъ древніе высказывали свои взгляды съ полной откровенностью, мы не рѣшаемся открыто признавать себя сторонниками этихъ взглядовъ» [2]).

Что касается свободы мысли и слова въ Аѳинахъ, то и она подвергалась иногда стѣсненію и даже преслѣдованію. Казнь Сократа—не единичный примѣръ. Еще раньше философъ Анаксагоръ, признававшій за управляющее начало въ мірѣ *разумъ* и объяснявшій природныя явленія естественными причинами, долженъ былъ покинуть Аѳины, когда народнымъ собраніемъ было принято постановленіе, по которому тому, кто не признавалъ боговъ или разсуждалъ о небесныхъ явленіяхъ, грозило обвиненіе въ государственномъ преступленіи. Поэтъ

---

[1]) См. рѣчь противъ Евбулида, приписываемую Демосѳену.
[2]) «Экономич. развитіе древн. міра» (Спб., 1898, стр. 55—56).

Діагоръ объявленъ былъ внѣ покровительства закона и его голова оцѣнена за то, что онъ отвергъ существованіе боговъ, оставляющихъ, по его мнѣнію, безнаказанными человѣческія преступленія. Знаменитый софистъ Протагоръ тоже былъ привлеченъ къ отвѣтственности, какъ атеистъ; онъ бѣжалъ изъ Аѳинъ, а его сочиненія были сожжены на площади, подобно тому какъ во Франціи временъ «стараго порядка» сожигались произведенія нѣкоторыхъ писателей. Противъ комедіи, съ ея смѣлыми политическими нападками, предпринимались иногда ограничительныя мѣры; такъ напр., запрещалось выводить на сцену лицъ подъ ихъ именами или осмѣивать лицъ должностныхъ, особенно архонтовъ, поименно, ибо «имя это не отдѣльнаго лица, а государства». Въ случаѣ осмѣянія ихъ или демоса можно было подвергнуться обвиненію въ оскорбленіи народа. Впрочемъ, такія ограничительныя мѣры большею частью были временными и примѣнялись недолго. Во всякомъ случаѣ комедіи Аристофана показываютъ, до какой смѣлости могли доходить въ Аѳинахъ нападки на державный демосъ. Достаточно указать хотя бы на комедію того же Аристофана: «Всадники», въ которой демосъ выведенъ въ образѣ старика, выжившаго изъ ума и находящагося въ рукахъ то негодяя-пафлагонца (Клеона), то колбасника.

Вопросъ о свободѣ слова ставился и теоретически. Въ своихъ «Законахъ» Платонъ далъ образецъ «полицейскаго» государства; здѣсь все регламентировано, и смертная казнь грозитъ тому, кто осмѣлился бы критиковать порядки и установленія. Нужно опасаться людей, которые занимаются наукой, но не надлежащимъ образомъ,—говоритъ Платонъ. Полное невѣжество не такъ опасно и не составляетъ такого большого зла; гораздо вреднѣе ученость и многознаніе, безъ правильнаго метода и пріемовъ. Вліяніе поэтовъ можетъ быть вреднымъ; слишкомъ большая начитанность въ нихъ опасна для юношества. Платонъ предлагалъ своего рода цензуру: было бы, по его мнѣнію, неблагоразумно разрѣшать всякія драмы; предварительно необходимо разсмотрѣть, не содержатъ ли онѣ чего-либо вреднаго и противнаго законамъ [1]).

II.

Аѳиняне отлично сознавали разницу между *закономъ*, создающимъ общую норму, и *псефизмой*, постановленіемъ народнаго собранія, декретомъ или «указомъ». Порядокъ законодательства

[1]) «Законы», VII, §§ 489, 469 и 486.

былъ у нихъ довольно сложный [1]). Пересмотръ (или такъ назыв. «голосованіе», эпихиротонія) законовъ производился разъ въ годъ, въ опредѣленное время; проектъ новаго закона предварительно проходилъ чрезъ совѣтъ пятисотъ; онъ выставлялся во всеобщее свѣдѣніе на людномъ мѣстѣ, на площади, чтобы каждый грамотный аѳинянинъ могъ прочитать его, и, кромѣ того, читался секретаремъ совѣта въ народныхъ собраніяхъ, происходившихъ въ промежутокъ между пересмотромъ законовъ и внесеніемъ новаго. Послѣдній не долженъ былъ находиться въ противорѣчіи съ существующими законами, иначе автору его могло угрожать «обвиненіе въ противозаконіи»; если такое противорѣчіе существовало, то объ этомъ слѣдовало заранѣе открыто заявить и потребовать, вмѣстѣ съ введеніемъ новаго закона, отмѣны стараго, съ нимъ не согласующагося. Проектъ вносился въ народное собраніе, которое передавало его на рѣшеніе комиссіи такъ назыв. «законодателей», *номоѳетовъ* изъ состава суда присяжныхъ (геліэи). Дѣло тутъ разсматривалось въ формѣ судебнаго процесса. Государство назначало пять особыхъ оффиціальныхъ защитниковъ (синдиковъ, синэгоровъ) старыхъ законовъ; защитникомъ новаго являлся его авторъ; кромѣ того, всякій аѳинянинъ могъ принять участіе въ преніяхъ. Рѣшающій голосъ принадлежалъ номоѳетамъ: только въ случаѣ ихъ одобренія проектъ получалъ силу закона. Такимъ образомъ пересмотръ законовъ долженъ былъ совершаться не въ любой моментъ, не по случайному настроенію народнаго собранія, а лишь въ извѣстный, разъ навсегда опредѣленный срокъ. Для знакомства съ проектированнымъ закономъ, для обдумыванія рѣшенія, для взвѣшиванія доводовъ за и противъ, времени было достаточно. наконецъ, окончательное рѣшеніе принадлежало не народному собранію, а комиссіи изъ лицъ большею частью зрѣлаго или даже пожилого возраста, связанныхъ, притомъ, присягой.

Впослѣдствіи, правда, часто раздавались жалобы на то, что законъ и псефизма смѣшиваются, что декретъ замѣняетъ собою законъ; но въ принципѣ грань между ними признавалась и проводилась. Худшій видъ демократіи, по мнѣнію Аристотеля, тотъ, гдѣ рѣшающую силу имѣютъ не законъ, а народные декреты, произведенія демагоговъ. Въ демократіяхъ, гдѣ царитъ законъ, демагогамъ нѣтъ мѣста: тамъ на первомъ мѣстѣ— лучшіе граждане. Гдѣ законы не имѣютъ силы, тамъ появляются демагоги, и народъ становится многоголовымъ монархомъ. Такой демосъ стремится царить, не подчиняясь закону; онъ

[1]) См. мою «Исторію аѳинск. демократіи», стр. 130 сл.

становится деспотомъ, и у него въ почетѣ льстецы. Такая демократія подобна тиранніи среди монархій: обѣ онѣ деспотичны, народные декреты въ демократіи—то же, что тамъ приказы. Демагогъ и льстецъ — одно и то же: льстецъ имѣетъ наибольшее вліяніе у тиранновъ, а демагогъ—въ крайней демократіи. Виновники того, что рѣшающее значеніе получаютъ декреты, а не законы,—демагоги, такъ какъ они все предоставляютъ на рѣшеніе народа и тѣмъ самымъ становятся могущественными; ибо демосъ — господинъ надъ всѣмъ, а надъ его рѣшеніями—господа они. Демагоги выступаютъ съ обвиненіями противъ властей, доказывая, что судить послѣднихъ долженъ народъ, который и поддается этому, и такимъ образомъ подрывается всякая власть. Такая демократія—не политія; она не имѣетъ правильнаго политическаго строя, «ибо гдѣ законы не властвуютъ, тамъ нѣтъ политіи». Законъ долженъ властвовать надъ всѣмъ, властямъ же и народному собранію должно быть предоставлено рѣшеніе отдѣльныхъ вопросовъ [1]).

Вообще аѳинское государство можно назвать «*правовымъ*»: въ лицѣ номоѳетовъ судъ присяжныхъ—геліэя—стоитъ здѣсь какъ бы выше народнаго собранія, надъ волею котораго, а слѣдовательно и надъ самимъ державнымъ демосомъ, поставленъ *законъ*. Мы видимъ здѣсь систему самоограниченія демоса,—систему, которая проявляется и въ дѣлѣ финансовъ: въ Аѳинахъ, кромѣ государственной казны, существовала еще казна «священная»—богини Аѳины,—изъ которой аѳиняне предпочитали, въ случаѣ надобности, брать заимообразно, на извѣстныхъ условіяхъ, съ соблюденіемъ сложныхъ формальностей, съ уплатой процентовъ и съ обязательствомъ возвратить взятое. Всѣ эти сложныя формальности и обязательства должны были дѣйствовать сдерживающимъ образомъ и предупреждать слишкомъ частыя, поспѣшныя и необдуманныя траты. Тутъ, слѣдовательно, то же стремленіе, тотъ же духъ, какимъ запечатлѣнъ и порядокъ законодательства: державный демосъ самъ пытается ограничить себя. Есть даже основаніе думать, что бюджетъ расходовъ въ Аѳинахъ устанавливался законодательнымъ порядкомъ: въ предѣлахъ установленной суммы можно было расходовать по постановленію народнаго собранія, а расходы сверхъ ея нуждались въ дополнительномъ законѣ.

Аѳинская демократія имѣла много недостатковъ, темныхъ сторонъ; на ея памяти есть грѣхи и преступленія; но она впер-

---

[1]) «Политика», IV, 4, 4 сл., 1292а.

вые въ исторіи сознательно и ясно поставила идеаломъ свободу и равноправіе, въ сочетаніи съ закономъ. Еще Солонъ въ своихъ стихотвореніяхъ прославлялъ благотворное дѣйствіе «евноміи»—олицетворенной законности: она всюду водворяетъ порядокъ и согласіе, сглаживаетъ шероховатости, смягчаетъ высокомѣріе и послѣдствія вражды, умѣряетъ гнѣвъ и ненависть. Аѳиняне гордились своею свободою, тѣмъ, что они не знали надъ собою иного господина, кромѣ закона, признаннаго народомъ, и повиновались этому закону, а не капризу или произволу одного лица, подобно «варварамъ», «ибо у варваровъ»—говорится у Еврипида—«всѣ рабы, кромѣ одного». То же отношеніе къ закону мы видимъ и у другихъ грековъ. У Геродота спартанскій царь-изгнанникъ, Демаратъ, находившійся въ персидскомъ станѣ, говоритъ Ксерксу о спартанцахъ: «Будучи свободны, они свободны, однако, не во всѣхъ отношеніяхъ; надъ ними есть владыка, законъ; они боятся его гораздо больше, нежели твои подданные боятся тебя. Поэтому они исполняютъ все, что законъ ни потребовалъ бы отъ нихъ» (VII, 104). По словамъ Пиндара, «законъ есть царь надъ всѣми, смертными и безсмертными». Гдѣ законъ не властвуетъ, тамъ—говоритъ Аристотель,—нѣтъ политіи, нѣтъ государственнаго строя. По Гераклиту, отстаивать законъ народъ долженъ какъ свою твердыню.

Интересны и воззрѣнія грековъ на *наказаніе*. Уже Драконово законодательство въ Аѳинахъ (VII в.) различаетъ убійство по категоріямъ, смотря по мотивамъ и обстоятельствамъ дѣла. Такъ, въ случаѣ убійства преднамѣреннаго судъ происходитъ въ ареопагѣ, въ случаѣ непреднамѣреннаго—въ Палладіи, святилищѣ Аѳины въ Фалерѣ, при чемъ судьями являются такъ назыв. эфеты, которыхъ можно сравнить съ средневѣковыми шеффенами, boni homines. Если убійство было «справедливое», дозволенное закономъ—напр. въ случаѣ самообороны, прелюбодѣянія—то судили въ Дельфиніи, святилищѣ Аполлона. Когда дѣло шло о жизни человѣка, надо было быть, по мнѣнію грековъ, осмотрительнымъ:

«Во всемъ ошибку извинить мы можемъ,
Въ судѣ жъ о жизни человѣка—нѣтъ»,

говоритъ Амфіарай у Еврипида [1]).

---

[1]) См. *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, «Царица-прислужница» («Вѣстн. Евр.», 1909, авг., стр. 463).

Какъ цѣль наказанія греческіе мыслители выдвигали, преимущественно устрашеніе если не самого преступника, то, по крайней мѣрѣ, другихъ, исправленіе и т. п. [1]), а не возмездіе. Возмездіе недостойно было бы культурныхъ людей: «бѣшенство мести подобаетъ лишь дикимъ звѣрямъ». Но по отношенію къ преступникамъ закоренѣлымъ, злодѣямъ, слѣдовало, по мнѣнію нѣкоторыхъ, примѣнять безпощадныя мѣры и смертную казнь, которая въ такихъ случаяхъ является самозащитой со стороны общества, подобно тому, какъ противъ хищныхъ звѣрей, змѣй; это—устраненіе ядовитаго вещества, угрожающаго организму.

Вопросъ о *смертной казни* и цѣлесообразности суровыхъ карательныхъ мѣръ былъ поднятъ и обсуждался въ Аѳинахъ въ V в. до Р. Х., болѣе чѣмъ за 2.300 лѣтъ до нашихъ дней [2]). Уже тогда смертная казнь и мѣры устрашенія имѣли своихъ защитниковъ и своихъ противниковъ. Доводы тѣхъ и другихъ чрезвычайно напоминаютъ то, что мы теперь слышимъ и читаемъ.

Во время Пелопоннесской войны отъ аѳинянъ отложился союзный городъ Митилена на островѣ Лесбосѣ, но послѣ нѣкотораго сопротивленія принужденъ былъ сдаться. Возникъ вопросъ, какъ поступить со сдавшимися. Аѳиняне, подъ вліяніемъ раздраженія, постановили-было казнить всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей обратить въ рабство, но затѣмъ, одумавшись, созвали снова народное собраніе, чтобы еще разъ обсудить дѣло [3]). Въ защиту смертной казни и прежняго рѣшенія выступилъ Клеонъ: «Вы», говорилъ онъ между прочимъ аѳинянамъ, «не хотите понять, что ваше владычество есть тираннія, что союзники слушаются васъ не изъ-за добра, которое вы имъ дѣлаете во вредъ себѣ, а изъ-за того, что вы сильнѣе ихъ». Опаснѣе всего не держаться твердо разъ принятыхъ рѣшеній: государство, пользующееся худшими, но твердыми, неизмѣнными законами, сильнѣе того, въ которомъ законы прекрасны, но безсильны. Вторично обсуждать вопросъ о судьбѣ митиленянъ значитъ лишь затягивать дѣло; между тѣмъ только то наказаніе, которое быстро слѣдуетъ за обидой, служитъ надлежащимъ возмездіемъ. «Вы», говорилъ Клеонъ «не думаете заранѣе о томъ, что изъ этого выйдетъ. Вы ищете чего-то другого, а не видите тѣхъ условій, въ какихъ

---

[1]) Аристотель считалъ состояніе опьяненія не смягчающимъ, а отягощающимъ вину обстоятельствомъ.

[2]) См. мою статью объ этомъ въ «Историческихъ Этюдахъ» (Спб. 1911). Ср. «Ист. аѳ. демокр.», стр. 264 сл.

[3]) Ѳукид., III, 37—48.

мы живемъ, и недостаточно обдумываете настоящее положеніе». Не слѣдуетъ впадать въ ошибку, поддаваясь «тремъ самымъ гибельнымъ для власти побужденіямъ: состраданію, увлеченію краснорѣчіемъ и снисходительности». Смягченіемъ наказанія, милостью, аѳиняне не расположатъ къ себѣ митиленянъ, а себя накажутъ. Ради собственной пользы они должны наказать митиленянъ—или же отказаться отъ власти, и тогда спокойно разыгрывать роль добродѣтельныхъ. Надо покарать виновныхъ и тѣмъ дать ясный урокъ прочимъ союзникамъ, дабы тѣ знали, что всякій отложившійся будетъ наказанъ смертью.

Противъ этого выступилъ нѣкій Діодотъ. Онъ исходилъ не изъ мотивовъ человѣколюбія, а изъ соображеній цѣлесообразности, государственной пользы. Дѣло идетъ—говорилъ онъ,—о мудрости рѣшенія. Если бы прощеніе митиленянъ было вредно для государства, пусть бы ихъ казнили, хотя бы они заслуживали прощенія. Но надо имѣть въ виду не только настоящее, но и будущее. Тщетно надѣяться, что казнь митиленянъ окажется полезною, что благодаря ей уменьшатся возстанія. Смертная казнь опредѣлена въ государствахъ за многія преступленія, и однако люди рѣшаются на опасныя предпріятія и преступленія, надѣясь на то, что выйдутъ благополучно изъ опасности. Смертная казнь неспособна удержать отъ преступленій. «Невозможно—да и было бы наивностью думать, что это можно,—когда природа человѣка страстно стремится что-либо сдѣлать, отвратить ее отъ этого силою законовъ или какою-нибудь иною мѣрою устрашенія». Итакъ, не слѣдуетъ полагаться на смертную казнь, какъ на обезпеченіе спокойствія, и принимать гибельное рѣшеніе; не надо лишать возставшихъ всякой возможности раскаяться и загладить свою вину, не надо отнимать надежду на прощеніе и примиреніе. Оберегать себя должно не суровостью законовъ, а заботливостью въ дѣлахъ. Людей свободныхъ не слѣдуетъ подвергать суровому наказанію тогда, когда они уже возстали, а надо дѣйствовать такъ, чтобы имъ и на мысль не приходило отлагаться, въ случаѣ же побѣды надъ возставшими возможно меньше взыскивать съ нихъ. Для упроченія владычества гораздо выгоднѣе снести добровольно обиду, нежели истребить тѣхъ, кого слѣдуетъ пощадить. «Кто мудро рѣшаетъ, тотъ по отношенію къ врагамъ сильнѣе, чѣмъ тотъ, кто идетъ на нихъ, хотя и съ матеріальными силами, но не разумно». Такъ уже въ Греціи высказано было мнѣніе, что суровыя наказанія и казни не могутъ предотвратить возстанія и преступленія.

Кромѣ писаннаго, формальнаго закона, греки признавали

еще законъ «неписанный», начертанный въ сердцѣ, въ совѣсти человѣка. Между тѣмъ и другимъ могъ быть конфликтъ—конфликтъ «власти и совѣсти, закона и любви». Такой конфликтъ изображенъ Софокломъ въ «Антигонѣ». Антигона, эта греческая Корделія [1]), похоронивъ брата, вопреки запрету Креона, свой долгъ по отношенію къ покойному и голосъ совѣсти поставила выше приказа властелина; она погибла, и, «какъ первая мученица, имѣетъ право соединить свое имя съ идеей, которую она освятила своею смертью» [2]).

Право могло соединяться съ силой, и тогда, по выраженію Эсхила, «нѣтъ сильнѣе этой четы». Солонъ, напр., проводилъ свою реформу, по собственному его признанію, «соединивъ право и силу». Но право и сила часто сталкивались между собою: мы не разъ видимъ торжество силы надъ правомъ и оправданіе этого торжества.

Еще за 700 лѣтъ до Р. Х. Гесіодъ жалуется, что нѣтъ правды на землѣ: торжествуетъ сильный. Иллюстраціей къ положенію: «съ сильнымъ не борись», служитъ у него басня о ястребѣ и соловьѣ. Ястребъ несетъ высоко въ облакахъ схваченнаго имъ соловья «сладкозвучнаго», вонзивъ въ него свои кривые когти, и въ отвѣтъ на его жалобные стоны говоритъ: «Чудакъ! чего ты кричишь? вѣдь, ты во власти болѣе сильнаго. И отправишься туда, куда потащу, хоть ты и пѣвецъ. Захочу—съѣмъ, захочу—выпущу. Безумецъ тотъ, кто захочетъ бороться съ сильнымъ: и побѣды не достигнетъ онъ, и горечь униженія испытаетъ». «Такъ», замѣчаетъ Гесіодъ, «говорилъ быстролетный ястребъ, ширококрылая птица». Въ судахъ нѣтъ правды: ее изгнали правители-«дароѣды» [3]), которые какъ хотятъ, такъ и судятъ. Но, утѣшаетъ себя поэтъ, Зевсъ все видитъ—и правду, и злыя дѣла—и каждому воздастъ по дѣламъ. Есть еще дѣва Дика (Правда), рожденная отъ Зевса, и она ему повѣдаетъ о чинимыхъ ей обидахъ, о несправедливости людей.

Сомнѣнія въ силѣ правды, сомнѣнія, гдѣ же эта правда и въ чемъ она состоитъ, особенно должны были обнаружиться въ вѣкъ греческаго «просвѣщенія», во второй половинѣ V в., въ эпоху софистовъ, работы анализирующей, критической мысли, отрѣшенія отъ старыхъ вѣрованій, воззрѣній и нравственныхъ основъ. Въ комедіи Аристофана: «Облака» несправедливое слово утверждаетъ, что правды нѣтъ ни въ чемъ: гдѣ она? у

---

[1]) Антигона была спутницей слѣпого отца своего, Эдипа.
[2]) *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, «Изъ жизни идей», I, 142.
[3]) Т. е. берущіе подарки, взятки.

боговъ? какая же тамъ правда, если остался живъ Зевсъ, сковавшій своего отца! Справедливаго—къ такому выводу приходятъ философы—нѣтъ по природѣ; люди постоянно спорятъ и мѣняютъ свои мнѣнія относительно справедливости. Что они положатъ въ данный моментъ, то на время и пріобрѣтаетъ господствующее значеніе. У Платона (въ «Государствѣ») софистъ Ѳрасимахъ доказываетъ, что самая справедливость есть не что иное, какъ полезное сильнѣйшему; всякая власть даетъ законы согласно съ своею пользою: демократія—демократическіе, тираннія—тираническіе и т. д.; давъ же законы, полезные для себя, она объявляетъ ихъ справедливыми для подданныхъ и нарушителя этихъ законовъ наказываетъ, какъ беззаконника и противника правды.

У Ксенофонта приводится характерный разговоръ между Алкивіадомъ и Перикломъ [1]).

— «Скажи мнѣ, пожалуйста, Периклъ»,—спрашиваетъ Алкивіадъ,—«можешь ты меня научить, что такое законъ?»

—«Конечно»,—отвѣчаетъ Периклъ.—«Законъ есть все то, что народъ, собравшись и одобривъ, начерталъ, дабы опредѣлить, что слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ».

— «А если не народъ, а, какъ это бываетъ въ олигархіяхъ, только немногіе собираются и устанавливаютъ, что это такое?»

— «Все, что господствующая въ государствѣ власть установитъ, то и называется закономъ».

— Значитъ, если что и тираннъ установитъ, и это будетъ законъ?»

— «Да, и это называется закономъ».

— «Но въ такомъ случаѣ что же такое насиліе и беззаконіе?»—спрашиваетъ Алкивіадъ.—«Не то ли, когда сильнѣйшій не убѣжденіемъ, а силою принуждаетъ слабѣйшаго дѣлать то, что первому угодно?»

Торжество силы надъ правомъ особенно проявлялось въ отношеніяхъ одного города или государства къ другому, при внѣшнихъ столкновеніяхъ. Одинъ изъ самыхъ характерныхъ примѣровъ—расправа аѳинянъ съ жителями острова Мелоса, которые желали оставаться нейтральными во время Пелопоннесской войны и которыхъ аѳиняне принуждали вступить въ ихъ союзъ. У Ѳукидида, изображающаго это столкновеніе слабаго и сильнаго, правды и насилія, въ видѣ обширнаго діалога (V, 85 сл.), жители Мелоса опираются на свою правоту и надѣются, что судьба, по-

[1]) «Воспом. о Сократѣ», I, 2, 40 сл. (привожу его въ нѣсколько сокращенномъ видѣ).

сылаемая отъ Бога, не допуститъ ихъ до пораженія, ибо они борются противъ несправедливости; аѳиняне же ссылаются на право сильнѣйшаго, какъ на законъ природы, который не они первые ввели и который будетъ существовать вѣчно. «Право», говорятъ аѳиняне, «существуетъ только между равными по силѣ; если же этого равенства нѣтъ, то сильнѣйшій дѣлаетъ, что хочетъ, а слабѣйшій покоряется. Вездѣ, гдѣ люди имѣютъ силу, они властвуютъ по непререкаемому велѣнію своей природы. Не мы первые установили право сильнѣйшаго и не мы первые примѣнили его».

Нечего, конечно, удивляться торжеству силы надъ правомъ въ древности: и въ новое время мы встрѣчаемъ много примѣровъ, когда открыто провозглашалось, что сила выше права. Это заявляли не разъ государственные дѣятели. Вспомнимъ хотя бы Бисмарка, съ его политикой «крови и желѣза». Эта же мысль проводилась даже въ ученой и философской литературѣ. Провозглашали же нѣмецкіе юристы, что сила рождаетъ право, что послѣднее есть та же сила, но только дисциплинированная, что «право есть политика силы» (Іерингъ). Скорѣе надо дивиться тому, что еще въ Греціи, въ срединѣ V в. до Р. Х., мы встрѣчаемъ попытку улаживать столкновенія между государствами путемъ посредничества, мирнаго третейскаго суда. Такимъ способомъ условились разрѣшать взаимныя недоразумѣнія и несогласія аѳиняне и спартанцы по Периклову или Тридцатилѣтнему миру 445 г. Правда, постановленіе это осталось безъ примѣненія; но интересно возникновеніе еще въ античномъ мірѣ этой идеи третейскаго суда и мирнаго разрѣшенія международныхъ распрей [1]).

III.

Внутренняя борьба—борьба партій, демократовъ и аристократовъ, бѣдныхъ и богатыхъ—происходила и въ греческихъ государствахъ. Въ предѣлахъ небольшой территоріи государства-города, она была еще болѣе страстной, ожесточенной: классовые партійные и личные счеты здѣсь должны были обнаруживаться еще сильнѣе. И борьба была не только политическая, но и *соціальная*. Уже тогда выставлялись иногда радикальныя программы,

---

1) Въ Аѳинахъ существовала уже своего рода консульская юрисдикція: былъ трибуналъ «Морскихъ судей», который вѣдалъ споры, возникающіе между моряками и негоціантами. См. Guiraud, «Etudes économiques sur l'antiquité», 1905, стр. 7.

требованія передѣла земли какъ это было напр. въ Аттикѣ передъ Солоновой реформой въ концѣ VII и въ началѣ VI в., когда, насколько намъ извѣстно, впервые въ исторіи раздался кличъ: «земля—массѣ, народу» [1]). Даже такой умѣренный законодатель, примиритель и посредникъ, сторонникъ «середины», какъ Солонъ, единственный выходъ изъ тяжкаго кризиса видѣлъ въ «прощеніи долговъ», въ уничтоженіи долговыхъ обязательствъ.

Особенно ожесточенною борьба становится со времени Пелопоннесской войны. Она сопровождается тяжелыми потрясеніями, казнями и изгнаніями, экспропріаціями или конфискаціями имущества, передѣлами земли и т. под. Въ Леонтинахъ (въ Сициліи) демократическая партія задумала отобрать землю у богатыхъ и раздѣлить ее; тогда состоятельные граждане призвали себѣ на помощь сиракузянъ, изгнали противниковъ, разорили собственный городъ, а сами переселились въ Сиракузы (Ѳукид., V, 4). Какъ ненавидѣли олигархи демосъ, показываетъ клятва, которую они, по свидѣтельству Аристотеля, въ нѣкоторыхъ городахъ давали другъ другу: «быть врагомъ народа и вредить ему, насколько можно». *Терроръ* и *террористическіе пріемы* были хорошо извѣстны греческому міру. Примѣняли ихъ тамъ съ особенною систематичностью не столько демократы, сколько олигархи. Стоитъ прочесть, напр., у Ѳукидида (VIII, 65 сл.), какъ подготовляли аѳинскіе олигархи переворотъ 411 г., какъ они дѣйствовали при помощи тайныхъ политическихъ клубовъ, *гетерій*, какъ устраняли посредствомъ убійствъ лицъ, для нихъ неудобныхъ, какъ въ народномъ собраніи допускали говорить только то, что имъ нравилось, и только тѣмъ, кто былъ ихъ сторонниками. Изъ прочихъ никто не смѣлъ возражать, если же кто и возражалъ, того умерщвляли безнаказанно; народъ, не объединенный, не организованный и безсильный, не зная въ точности, сколько заговорщиковъ и кто къ нимъ принадлежитъ, былъ запуганъ и подавленъ... Или вспомнимъ тираннію Тридцати въ Аѳинахъ и дѣйствія Критія, этого террориста, подобнаго Робеспьеру, съ тою лишь разницею, что Робеспьеръ отправлялъ на гильотину во имя «свободы, равенства, братства», а Критій казнилъ во имя олигархіи. Съ точки зрѣнія Критія нечего обращать вниманія на жизнь отдѣльныхъ лицъ; при переворотахъ, жестокости и казни неизбѣжны; враговъ надо истреблять безъ всякой пощады: «тѣмъ, кто желаетъ господствовать, нельзя не устранять тѣхъ, кто стоитъ на ихъ дорогѣ».

---

[1]) См. *Пельманъ*, «Исторія античн. коммунизма и соціализма» (рус. пер. во II т. «Общей исторіи европ. культуры», Спб., 1910, стр. 360).

На островѣ Керкирѣ (Корфу) во время Пелопоннесской войны разыгрались ужасныя сцены ожесточенной партійной борьбы. Какъ среди подобныхъ сценъ и междоусобицъ извращались понятія, дичало и деморализовалось общество, какія патологическія явленія наблюдались уже тогда, объ этомъ мы имѣемъ чрезвычайно интересныя замѣчанія у Ѳукидида (III, 82—83). Вслѣдствіе междоусобицъ, говоритъ онъ, много тяжкихъ бѣдъ обрушилось на государство, — бѣдъ, какія обыкновенно бываютъ и всегда будутъ, пока человѣческая природа остается тою же, но только проявляются онѣ въ разной степени и въ различныхъ формахъ, сообразно обстоятельствамъ. Понятія извратились. Безразсудная смѣлость стала считаться мужествомъ, предусмотрительная медлительность — благовидною трусостью, благоразуміе—предлогомъ къ малодушію, вниканіе во всякое дѣло—лѣностью. Поносящій другихъ слылъ во всемъ надежнымъ, а возражавшій—подозрительнымъ... Кто успѣшно строилъ козни, почитался умнымъ, кто угадывалъ ихъ,—еще болѣе способнымъ, а кто не считалъ нужнымъ пользоваться ими, того называли разрушителемъ товариществъ—гетерій,—и трусомъ... Родство связывало людей менѣе, нежели политическіе кружки, такъ какъ участвовавшіе въ послѣднихъ больше готовы были на все. Довѣріе другъ къ другу скрѣплялось не столько божественнымъ закономъ, сколько противозаконіемъ, совершаемымъ сообща... Клятвы нарушались и побѣдитель пріобрѣталъ славу умнаго человѣка: большинству пріятнѣе имя ловкаго злодѣя чѣмъ добраго простака; послѣдняго стыдятся, первымъ гордятся. Причина всего этого—жажда власти изъ-за корысти и честолюбія; отсюда и страстность борьбы. Лица, стоявшія во главѣ государствъ, на словахъ служили общему благу, а на дѣлѣ стремились къ личнымъ цѣлямъ. Всякимъ способомъ боролись они другъ съ другомъ и рѣшались на ужаснѣйшія злодѣянія, руководясь только тѣмъ, что пріятно той или другой партіи. Обѣ партіи ничего не признавали святымъ. Граждане, не принадлежавшіе ни къ одной партіи, истреблялись обѣими сторонами или за то, что не принимали участія въ борьбѣ, или изъ зависти, что могутъ остаться невредимыми. «Такимъ образомъ, всяческіе виды испорченности вслѣдствіе междоусобицъ водворились среди эллиновъ, и то добродушіе, которое больше всего присуще благородству, было осмѣяно и исчезло; возобладало враждебное, недовѣрчивое отношеніе другъ къ другу. Для прекращенія вражды не было ни достаточно сильнаго слова, ни достаточно страшной клятвы... Брали перевѣсъ люди менѣе сильнаго ума: опасаясь

своей неспособности и ума противниковъ, они, чтобы не быть побѣжденными, приступали къ дѣлу смѣло, а тѣ, смотря свысока и воображая, что могутъ все предусмотрѣть и что нѣтъ нужды приступать къ дѣйствію, гдѣ можно взять умомъ, погибали беззащитными». Объ извращеніи понятій въ современной ему демократіи говорилъ, какъ мы видѣли, и Платонъ.

Хозяйственное развитіе Греціи привело въ IV в. къ глубокой пропасти между богатыми и бѣдными. Въ настоящее время, благодаря главнымъ образомъ трудамъ Эд. Мейера [1]) и Пельмана [2]), доказана несостоятельность прежде господствовавшаго взгляда, будто вся древность относится къ періоду такъ назыв. *ойкоснаго* или домашняго хозяйства, производства на себя безъ обмѣна, когда продукты потребляются въ томъ же хозяйствѣ, которое ихъ производитъ. Родбертусъ и Бюхеръ, главные представители этой теоріи, полагали, что древность не пошла далѣе зачатковъ высшихъ формъ экономическихъ отношеній и единичныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ въ предѣлахъ одного города, такъ что ни народнаго хозяйства, ни постоянной торговли, ни торговаго класса, ни экономическаго расчлененія общества тогда не было. Эд. Мейеръ и Пельманъ показали, что уже въ Греціи торговля, деньги, капиталъ играли чрезвычайно важную роль; существовалъ классъ купцовъ и промышленниковъ, были товарищескія предпріятія, торговыя общества, было раздѣленіе труда. Даже представитель идеальной философіи, Платонъ, выводилъ возникновеніе государства изъ существованія разныхъ потребностей, изъ необходимости удовлетворить ихъ, и говорилъ, что для значительнаго города нуженъ обмѣнъ товарами, ввозъ и вывозъ, необходимы купцы и мелкіе торговцы. Въ малыхъ городахъ, по словамъ Ксенофонта, одинъ и тотъ же человѣкъ дѣлаетъ и кровать, и дверь, и плугъ, и столъ; часто онъ же строитъ и домъ; въ большихъ же городахъ, вслѣдствіе большого спроса, каждый можетъ заниматься однимъ какимъ-либо ремесломъ; нерѣдко даже занимаются не всѣмъ ремесломъ, а напр. одинъ дѣлаетъ мужскую обувь, другой—женскую, одинъ кроитъ хитоны, а другой только сшиваетъ ихъ («Киропедія», VIII, 2, 51). Наряду съ рабами существовали и свободные рабочіе. Случались и стачки или «забастовки». Есть, напр., декретъ, начертанный на мраморѣ, въ честь одного должностного лица на

1) Кромѣ его капитальной «Geschichte des Altertums», см. его докладъ, имѣющійся въ русск. пер.—«Экономич. развитіе древн. міра».

2) «Исторія античн. коммунизма и соціализма» (рус. пер. во II т. «Общей исторіи европ. культуры») и «Очеркъ греч. исторіи» (рус. пер. Спб. 1910). Ср. мою «Ист. аѳинск. демократіи», стр. 419 сл.

островѣ Паросѣ: ему воздается хвала «за то, что онъ, въ качествѣ «агоранома», заботился о томъ, чтобы рабочіе не терпѣли несправедливости» отъ работодателей и обратно, и «побудилъ рабочихъ согласно закону не устраивать стачки, а работодателей—платитъ имъ подобающую плату» [1]). Для морской торговли въ IV в. составлялись нерѣдко торговыя компаніи или товарищества: подъ залогъ корабля и груза давались ссуды однимъ или нѣсколькими капиталистами; возвращалось судно,—и товарищество распадалось, а иногда вновь соединялось для новаго предпріятія. Составлялись товарищества и для другихъ дѣлъ—взятія на откупъ косвенныхъ налоговъ, возведенія построекъ и проч.

Еще въ старину—въ VII в. до Р. Х.—въ Греціи говорили: деньги дѣлаютъ человѣка (Алкей). Въ V—IV в. деньги стали еще могущественнѣе, капиталъ и капиталисты получили еще большую силу; появились и *банки*. Въ Аѳинахъ банковое дѣло находилось обыкновенно въ рукахъ мѣнялъ, *трапезитовъ*. Въ IV в. особенно извѣстенъ былъ тамъ банкъ бывшаго раба и вольноотпущенника Пасіона, котораго называютъ Ротшильдомъ того времени. Бывали и банки городскіе или общественные. Напр. въ эллинистическую эпоху былъ такой банкъ въ Милетѣ; изъ дошедшей до насъ надписи мы узнаемъ, что въ этомъ банкѣ, между прочимъ, хранился капиталъ, пожертвованный гражданиномъ Евдемомъ на школьное дѣло и записанный въ счетъ города подъ особой рубрикой—«пожертвованіе Евдема на образованіе свободныхъ мальчиковъ» [2]).

Вообще *капитализмъ* былъ хорошо извѣстенъ Греціи; извѣстно было и самое слово «*плутократія*» [3]). А Платонъ въ своемъ «Государствѣ» подъ именемъ *олигархіи* рисуетъ въ сущности *плутократію*. Тутъ, по образному его описанію, неистово чтутъ во мракѣ свое золото и серебро; строятъ хранилища и особыя сокровищницы, чтобы складывать и прятать въ нихъ свое богатство, воздвигаютъ себѣ стѣны домовъ, точно гнѣзда, чтобы тамъ расточать огромное свое имущество; трясутся надъ деньгами. Олигархію губитъ кладовая, полная золота. Тутъ преобладаютъ любостяжатели; въ государствѣ расточаютъ похвалы, удивляются и ввѣряютъ власть богатому, а бѣднаго унижаютъ. Идоломъ здѣсь служатъ золото и серебро, которыя

---

[1]) *Пельманъ*, «Ист. античн. коммун. и соціализма», стр. 370.

[2]) См. мою ст. «Школьное дѣло у древн. грековъ». («Вѣстн. Евр.», 1911, апр., стр. 95.

[3]) Встрѣчается у Ксенофонта, въ «Воспоминаніяхъ о Сократѣ» (IV, 6, 12).

обнаруживаютъ притягательную силу; жажда стяжанія непрерывно растетъ; одни чрезмѣрно богаты, другіе—крайне бѣдны. Наряду съ богачами и круглыми бѣдняками появляются праздные лѣнтяи и расточители. Это—трутни, съ тою разницею, что у пчелъ трутни безъ жалъ, а двуногіе трутни бываютъ безъ жала, но бываютъ и съ жаломъ. И вотъ сидятъ обѣднѣвшіе въ городѣ, снабженные жаломъ и вооруженные, одни—обремененные долгами, другіе—лишившіеся правъ, третьи—испытывая то и другое, и они ненавидятъ завладѣвшихъ ихъ состояніемъ и всѣхъ остальныхъ, злоумышляютъ противъ нихъ и жаждутъ переворота. А ростовщики, нагнувшись и какъ бы не видя ихъ, каждаго новаго поддающагося имъ ранятъ, впуская серебро, и, наживая проценты, увеличиваютъ въ городѣ число тунеядцевъ и нищихъ. Если такъ настроенные правители и управляемые сойдутся между собой, когда, напр., изможденный и загорѣлый бѣднякъ, стоя въ сраженіи подлѣ богача, привыкшаго къ лѣни и холѣ, тучнаго, видитъ, какъ этотъ богачъ задыхается и изнемогаетъ,—тогда не приходитъ ли на мысль ему, что эти люди богатѣютъ только пороками, и тутъ же бѣднякъ, глазъ на глазъ съ другимъ бѣднякомъ, не говоритъ ли: наши господа ничего не стоютъ?

Итакъ въ тогдашней Греціи рядомъ съ богачами были бѣдняки, наряду съ капитализмомъ росъ *пролетаріатъ*.

По Платону, греческій polis—государство-городъ того времени,—распался какъ бы надвое: на бѣдныхъ и на богатыхъ, жившихъ вмѣстѣ, но глубоко враждебныхъ другъ другу, представлявшихъ какъ бы два непріятельскихъ лагеря. Выраженіе Гоббса: «*война всѣхъ противъ всѣхъ*», встрѣчается уже въ греческой литературѣ того времени, и именно у Платона» («Законы», p. 626). Борьба политическая была вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбой *соціальной*, *классовой*. Этимъ объясняется ея ожесточенный характеръ, напр. такіе факты, какъ звѣрства, произведенныя на островѣ Керкирѣ, или какъ извѣстный подъ именемъ *скитализма* эпизодъ въ Аргосѣ, гдѣ чернь избила палками болѣе 1000 богатыхъ. «Народъ въ Аргосѣ», говоритъ Исократъ, «тѣшился избіеніемъ богатыхъ гражданъ и, устраивая побоище, радуется сильнѣе, нежели иные радуются, избивая непріятеля. Въ Пелопоннесѣ непріятеля боятся меньше, чѣмъ своихъ согражданъ. Богачи охотнѣе бросили бы свое достояніе въ море, чѣмъ отдать бѣднымъ; бѣдные же ничего такъ не желали, какъ ограбить богатыхъ»...

Ненависть была взаимная. Мы видѣли, какую, напр., клятву давали олигархи—быть врагомъ народа и вредить ему всячески.

Демагоги же твердили, что «высшія сословія на родинѣ—все равно, что иноземный непріятель: прирожденные враги бѣднаго человѣка».

Положеніе бѣдняковъ было тяжкое. «Въ старину», замѣчаетъ Исократъ, «ни одинъ гражданинъ не терпѣлъ недостатка въ необходимомъ и ни одинъ не позорилъ государства, прося у проходящихъ милостыню; а теперь нуждающихся больше, чѣмъ имущихъ... Можно простить бѣднякамъ, если они думаютъ не о государственныхъ дѣлахъ, а только о томъ, какъ просуществовать сегодняшній день. Кто не опечалится, видя, сколько гражданъ ждетъ жребія предъ дикастеріемъ (судилищемъ) ради хлѣба насущнаго» (чтобы попасть въ присяжные и получить плату), «будутъ ли они имѣть его, этотъ хлѣбъ, или нѣтъ; какъ они за плату въ золотыхъ одеждахъ участвуютъ въ хорахъ, а зиму ходятъ въ одеждѣ, которую я и описать не могу». Жалкая обстановка бѣдняковъ изображается у Аристофана въ комедіи «Плутосъ» («Богатство»): отъ холода они ищутъ убѣжища въ баняхъ, вмѣсто плаща у нихъ лохмотья, вмѣсто постели—мѣшокъ съ соломой, полный клоповъ, вмѣсто ковровъ—прогнившая плетенка, вмѣсто хлѣба питаются они стеблями мальвы, вмѣсто ячменной лепешки—завядшею зеленью рѣдьки и т. д. Дѣло въ томъ, что богъ богатства, Плутосъ, слѣпъ: ослѣпилъ его еще въ дѣтствѣ Зевсъ, чтобы онъ слѣпо раздавалъ свои дары, и вотъ честный, богобоязненный земледѣлецъ работаетъ въ потѣ лица, нуждается, живетъ впроголодь, а «другіе—святотатцы, ораторы, сикофанты и дурные люди»—богатѣютъ...

Нелегко было подчасъ и положеніе богатыхъ. Ни одинъ гражданинъ, по словамъ Исократа, не живетъ пріятно и беззаботно: одни жалуются на бѣдность и нужду, другіе—на множество повинностей; имѣющимъ состояніе иногда хуже живется, чѣмъ тѣмъ, кто постоянно находится въ бѣдности. У Ксенофонта обѣднѣвшій аристократъ радуется — конечно, не безъ ироніи—потерѣ состоянія. «Когда я былъ богатъ», говоритъ онъ, «я, во-первыхъ, боялся, какъ бы кто не сдѣлалъ подкопа въ домѣ, не взялъ моихъ денегъ и не причинилъ мнѣ самому какого-либо зла. Затѣмъ, я ухаживалъ за сикофантами, зная, что я могу скорѣе отъ нихъ потерпѣть непріятность, чѣмъ причинить имъ. Кромѣ того, государство требовало отъ меня постоянно какихъ-либо расходовъ, а отлучиться мнѣ никуда нельзя было. Теперь же, послѣ того, какъ я лишился находящихся за нашими предѣлами имѣній, а здѣшняя земля не приноситъ дохода и домашнее имущество продано, я сладко сплю, растя-

нувшись; я сталъ надежнымъ для государства, мнѣ никто не угрожаетъ, но уже я угрожаю другимъ; какъ свободному человѣку, мнѣ можно и отлучаться, и здѣсь оставаться. Предо мною встаютъ съ мѣстъ богатые и уступаютъ мнѣ дорогу. Теперь я подобенъ тиранну, а прежде я былъ явно рабомъ. Тогда я вносилъ подать народу, а теперь государство мнѣ платитъ и кормитъ меня» [1]).

Демократія, подобная хотя бы аѳинской, многихъ не удовлетворяла. Не говоря уже объ олигархахъ,—народная масса, въ юридическомъ и политическомъ отношеніи уравненная съ богатыми и знатными, все-таки чувствовала себя обездоленною. Демократы, говоритъ Аристотель, думали такъ: если они въ какомъ-либо отношеніи равны, хотя бы въ отношеніи свободы, то, слѣдовательно, они и вообще равны. Другими словами, за политическимъ равенствомъ должно было слѣдовать и равенство соціальное. И вотъ, являлась мысль объ устройствѣ общества на совершенно иныхъ началахъ: являлись *коммунистическія идеи.*

Что подобныя идеи существовали въ тогдашнемъ греческомъ обществѣ, лучше всего показываетъ комедія Аристофана: «Женщины въ народномъ собраніи». На разсвѣтѣ, переодѣвшись въ мужчинъ, аѳинскія гражданки, предшественницы современныхъ суффражистокъ, сходятся въ народное собраніе и постановляютъ передать управленіе государствомъ женщинамъ, а самое государство устроить на новыхъ началахъ общности женъ, мужей и имущества. Тогда государство, по объясненію президента новой республики, гражданки Праксагоры, станетъ счастливымъ — не будетъ ни грабежей, ни зависти, ни нагого, ни бѣднаго, ни заклада имущества; все будетъ общимъ достояніемъ, каждый будетъ жить на общій счетъ. При новомъ порядкѣ не будетъ воровства—все, вѣдь, общее; кто же станетъ красть свое? Не будетъ ссоръ и тяжбъ. Если кто пожелаетъ плащъ, ему добровольно отдадутъ; изъ-за чего ссориться, когда другой, еще лучшій плащъ можно достать изъ общаго склада? Образъ жизни для всѣхъ будетъ общій; городъ составитъ какъ бы одинъ домъ. Судебныя мѣста и портики превращаются въ общественныя залы. На ораторскихъ трибунахъ—сосуды съ яствами и питіями, на площади—урны съ жребіемъ, но не для избранія присяжныхъ или должностныхъ лицъ (въ Аѳинахъ они избирались большею частью по жребію), а для распредѣленія пирующихъ по раз-

1) «Пиръ», IV, 30—32; моя «Ист. аѳ. демокр.», стр. 288—9.

нымъ помѣщеніямъ, сообразно тому, какую кто букву — такъ сказать, нумеръ—вынетъ изъ урны. Словомъ, аѳинянамъ остается только пировать, а работать будутъ рабы, безъ которыхъ не обходится и этотъ новый коммунистическій строй. Насмѣшка Аристофана имѣла смыслъ и могла быть понятной для зрителей лишь въ томъ случаѣ, если въ дѣйствительности существовало нѣчто подобное тому, что изображаетъ или на что намекаетъ комикъ,—если коммунистическія идеи не были чужды современному ему обществу. Не говоримъ уже о мечтахъ философовъ, въ родѣ проекта Фалея (или Фалеаса) Халкедонскаго, стоявшаго за уравненіе поземельной собственности и въ такомъ имущественномъ равенствѣ видѣвшаго средство противъ преступленій, такъ какъ тогда людямъ не придется прибѣгать къ нимъ отъ голода и холода, или въ родѣ идеальнаго государства Платона, у котораго—по крайней мѣрѣ для правителей и стражей-воиновъ [1])—вводится общность имущества, такъ какъ, по его мнѣнію, этимъ достигается больше цѣльности и единства и устраняются несогласія и раздоры, вызываемые существованіемъ собственности. Не будемъ говорить и о такихъ утопіяхъ-романахъ, напоминающихъ утопіи Томаса Мора и Кампанеллы, какъ напр. «Солнечное государство» Ямбула.

Важность *соціальнаго вопроса* и его разрѣшенія сознавалась еще въ древности. Фалей объяснялъ преступленія «голодомъ и холодомъ». Даже авторъ Псевдо-Ксенофонтовой «Аѳинской Политіи», относившійся съ такою непримиримою ненавистью къ демосу, соглашается, что если народъ проявляетъ невѣжество, безпорядокъ, низость, то это вполнѣ естественно: его доводитъ до этого бѣдность. Изъ словъ Аристотеля мы видимъ, какое значеніе придавалось надлежащему урегулированію имущественныхъ отношеній: изъ-за этихъ отношеній, говоритъ онъ, происходятъ большею частью безпорядки. Для прочности государства важно обезпечить матеріальное благосостояніе жителей. Въ демократіяхъ нужно, чтобы демосъ не былъ бѣденъ. Самый лучшій строй—тотъ, гдѣ преобладаетъ средній классъ; самое счастливое государство—то, въ которомъ граждане имѣютъ среднее, достаточное состояніе. Аристотель возстаетъ противъ обычнаго образа дѣйствій демагоговъ, противъ конфискаціи имущества богатыхъ, противъ раздѣла ихъ имѣній и излишняго обремененія повинностями, «литургіями». Надо щадить богатыхъ и заботиться о благосостояніи массы; надо придумать средства, чтобы это благосостояніе было постояннымъ,

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что этихъ Платоновыхъ правителей и стражей иногда сравниваютъ съ современными чиновниками на государственной службѣ и съ постояннымъ войскомъ.

«хроническимъ». Для этого въ числѣ мѣръ рекомендуется изъ излишка государственныхъ доходовъ давать неимущимъ средства на пріобрѣтеніе въ собственность небольшого участка земли, на открытіе торговли или обзаведеніе сельскимъ хозяйствомъ и проч.

Государственный соціализмъ былъ извѣстенъ античной Греціи. Оставимъ въ сторонѣ Спарту, съ ея земельными надѣлами, «клерами» и общественными столами, вызванными военной организаціей спартанскаго государства. Но вспомнимъ мѣры Перикла въ Аѳинахъ, жалованье присяжнымъ и членамъ совѣта, «ѳеориконъ» или зрѣлищныя деньги, а въ особенности его строительную дѣятельность, которая имѣла въ виду не только украсить Аѳины и «доставить имъ безсмертную славу», но и «распространить благосостояніе среди населенія, вызвать разнообразную дѣятельность и различныя потребности, оживить всякія искусства и ремесла, занять всѣ руки, чтобы городъ весь былъ какъ бы на жалованьѣ, самъ себя украшая и вмѣстѣ съ тѣмъ питая»,—сдѣлать такъ, чтобы не только тѣ, кто получалъ вознагражденіе за службу государству, но и остальная масса не оставалась безъ работы и своей доли въ государственныхъ доходахъ, чтобы между всѣми возрастами и профессіями распредѣлялись занятія и благосостояніе (Плутархъ, 12); вспомнимъ развитую систему клерухій или поселеній аѳинскихъ гражданъ внѣ Аттики,—поселеній, предназначенныхъ преимущественно для малоимущихъ классовъ. А въ концѣ V в. вошла въ употребленіе такъ называемая *діобелія*—раздача «двухъ оболовъ», введенная въ тяжелую годину войны, какъ пособіе отъ государства нуждающейся массѣ; ввелъ ее демагогъ Клеофонтъ, котораго Пельманъ и Бузольтъ называютъ «настоящимъ якобинцемъ». Аѳинское государство заботилось о калѣкахъ и убогихъ, инвалидахъ и сиротахъ воиновъ, павшихъ въ бою. Неимущимъ и увѣчнымъ выдавалось денежное пособіе, въ 1—2 обола ежедневно—своего рода пенсія, на которую получали право лица, неспособныя къ работѣ и имѣвшія состояніе меньше, чѣмъ въ 3 мины (120 руб. на наши деньги). Дѣти тѣхъ, кто палъ за отечество, содержались и воспитывались на счетъ государства до своего совершеннолѣтія, т. е. до 18 лѣтъ.

Въ IV в. условія измѣнились къ худшему. Государственныя средства Аѳинъ оскудѣли; колонизаціонную политику продолжать было нельзя: этому поставлены были и внѣшнія преграды. Правда, для многихъ открылось новое поприще—военная служба въ качествѣ наемниковъ,—явленіе, представляющее черты сходства съ итальянскимъ и вообще западно-европейскимъ

наемничествомъ конца среднихъ и начала новыхъ вѣковъ: самые вожди греческихъ наемниковъ во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ итальянскихъ кондотьеровъ-династовъ. Но наемничество не рѣшало вопроса во всемъ его грозномъ объемѣ. Греціи, казалось, угрожалъ всеобщій переворотъ; многіе ждали спасенія отъ Македоніи, которая и наложила руку на самостоятельность Эллады...

Со времени Александра Великаго преграда съ Востока пала; греческая культура распространилась среди народовъ Востока. Наступила эпоха такъ называемаго *эллинизма*, сліянія греческихъ и восточныхъ началъ. Изъ Александровой монархіи вышелъ рядъ эллинистическихъ государствъ, прежде всего— египетское царство Птоломеевъ. Эллинистическое государство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще ближе подходитъ къ современному, нежели прежнее, чисто-эллинское государство-городъ. Оно занимаетъ гораздо большее пространство, чѣмъ государство-городъ. Въ немъ, особенно въ Египтѣ, мы видимъ чрезвычайно развитую *бюрократію* и *бюрократическую систему*, съ бумажнымъ дѣлопроизводствомъ и т. п. Наконецъ, мы встрѣчаемъ въ немъ даже такое явленіе, какъ *антисемитизмъ*, проявлявшійся не только въ обвиненіи евреевъ въ *ритуальныхъ убійствахъ* [1]), но и въ *погромахъ*. Первый извѣстный намъ еврейскій погромъ въ Александріи произошелъ въ 38 г. по Р. Х.; онъ сопровождался разрушеніемъ синагогъ, разореніемъ домовъ, лавокъ и избіеніемъ евреевъ, изъ которыхъ многіе тогда погибли [2]).

В. Бузескулъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

1) Впервые—у Апіона, современника императоровъ Тиверія и Калигулы.

2) *Stähelin*, «Der Antisemitismus des Altertums in seiner Entstehung und Entwicklung», Базель, 1905.

УТРО.

Уходятъ въ вышину полночныя свѣтила...
Давно луна свой золотистый путь
Въ надоблачной степи спокойно совершила
И въ полутьмѣ зари успѣла потонуть.
И дня грядущаго предвѣстникъ легкокрылый,
Въ рѣчныхъ волнахъ рѣзвяся и шутя,
Съ струей играетъ говорливой,
Лозой прибрежной шелестя...
Ему въ отвѣтъ журчатъ серебряныя струи.
Какъ зеркало—прозрачная вода.
И видитъ въ ней подругу золотую
Эосъ туманная звѣзда.
Зеленые луга подернуты туманомъ.
Въ поляхъ уже свѣтло, еще подъ лѣсомъ тѣнь.
Но вотъ въ сіяніи багряномъ
Проснулось солнце... Здравствуй, день.

Г. М.

КЪ ПОСТАНОВКѢ НАЦІОНАЛЬНАГО ВОПРОСА ВЪ РОССІИ [1]).

I.

Весьма распространенъ упрощенно-схематическій взглядъ на національныя движенія. Ихъ разбиваютъ на двѣ категоріи: движенія захватныя и движенія освободительныя. Первыя—реакціонны, вторыя—прогрессивны.

О первой категоріи мы спорить не станемъ; ея зоологическій обликъ находится, думается мнѣ, внѣ сомнѣнія. Но со второй дѣло обстоитъ не такъ просто. Не знаю, нужно ли доказывать, но напомнить во всякомъ случаѣ полезно, что и національно-освободительное движеніе есть движеніе многоликое. Плоды національнаго освобожденія могутъ быть распредѣлены весьма неравномѣрно не только между отдѣльными классами освобождающейся націи, но и между отдѣльными народностями.

Обычное представленіе рисуетъ—особенно въ примѣненіи къ Россіи—такую картину. Рядъ націй сдавленъ однимъ и тѣмъ же гнетомъ, идущимъ изъ центра. Надо осилить этотъ центральный гнетъ—и для всѣхъ наступитъ свобода. Игнорируется взаимный переплетъ націй между собой, тотъ переплетъ, который и создаетъ всю трудность проблемы. Игнорируется та сложность, которая создалась въ дѣйствительной жизни.

Національности не раскинуты радіально по кругу, связанныя лишь тѣми нитями, которыя тянутся отъ каждой изъ нихъ

---

1) Далеко не вполнѣ соглашаясь съ конечными выводами этой статьи, мы охотно даемъ ей мѣсто на страницахъ нашего журнала, въ виду важности разсматриваемаго въ ней вопроса и обилія интересныхъ фактическихъ данныхъ. Ред.

къ центру. Національности живутъ тѣсно сжатыя въ кучу, переплетаясь, сталкиваясь, взбираясь одна на другую, инфильтрируясь одна въ другую. Быть можетъ, въ эпоху полнаго, абсолютнаго самодержавія, въ эпоху совершеннаго отсутствія какой бы то ни было самодѣятельности, всѣ національныя отношенія сводятся къ несенію центральнаго ярма, да и то развѣ лишь въ области чисто политической. Но при первомъ же вѣяніи «весны» все приходитъ въ движеніе. Націи начинаютъ пробиваться вверхъ, тѣснясь, сшибаясь, обгоняя другъ друга, локтями расталкивая сосѣдей. Стремятся къ огоньку «державности», если не полной, то хоть мѣстной. Изъ слабыхъ создаютъ мостъ для сильныхъ, лѣстницу для удачливыхъ, объектъ для господства. Является градація націй—державныя, полудержавныя, полуправныя, безправныя. Создается система пластовъ, многоэтажность національностей.

За примѣрами недалеко ходить. Классическій образецъ—Австро-Венгрія. Любопытно прослѣдить, какъ изъ равенства безправія (по крайной мѣрѣ политическаго) на протяженіи нѣсколькихъ десятилѣтій развилась намѣчавшаяся прежде лишь въ зародышѣ сложная система. Раньше всѣхъ поднялась мадьярская нація (конечно, въ лицѣ господствующихъ классовъ; эту оговорку все время надо имѣть въ виду). Та самая нація, которая еще въ 1848-мъ году подняла знамя возстанія и въ 1849 г. была разбита силой русскихъ штыковъ, въ 1867 г. становится властительницей Венгріи и занимаетъ, рядомъ съ нѣмцами, почетное мѣсто въ верхнемъ этажѣ государственнаго зданія.

Между этими двумя націями подѣлена монархія; въ одной половинѣ господствуетъ одна, въ другой—другая. Второй по порядку этажъ занимаютъ имѣющіяся при (или подъ) каждой изъ этихъ двухъ державныхъ націй націи полудержавныя; у мадьяръ—хорваты, у нѣмцевъ—поляки. И тѣмъ, и другимъ дана автономія. Правда, они чувствуютъ на себѣ хозяйскую руку, но зато и они въ свою очередь—хозяева надъ другими. Ибо эти другіе опять-таки подѣлены между ними, точно также, какъ они подѣлены между обитателями верхняго этажа. Слѣдуетъ третій этажъ. Полякамъ отданы на поглощеніе русины, хорватамъ—венгерскіе сербы. Остальныя народности опекаются непосредственно державными націями: мадьярами—словаки, румыны, венгерскіе нѣмцы, австрійскими нѣмцами—чехи, словенцы, итальянцы. Итальянцы вознаграждаютъ себя, въ свою очередь, за счетъ южныхъ славянъ, а чехи у себя въ Богеміи—за счетъ нѣмцевъ.

Въ эпоху борьбы мадьяръ за независимость—въ 1848/9 гг.—кто могъ отказать въ сочувствіи угнетенной націи, мужественно поднявшейся на защиту своихъ правъ? Кто зналъ, что эти же мужественные борцы за собственную свободу въ то же время душили у себя дома славянъ? И когда доведенные до отчаянія хорваты напали на нихъ съ тылу и оказали поддержку императорскимъ войскамъ, легко ли было понять, что здѣсь дѣло идетъ не о простой контръ-революціонности славянскихъ вождей и политиковъ? А теперь ясно, что въ лагерь контръ-революціи толкали славянъ тѣ же мадьярскіе борцы за свободу... собственнаго хозяйничанья.

«Гдѣ источникъ этой политической градаціи, откуда это различіе въ судьбѣ націй?»—спрашиваетъ Р. Шпрингеръ. Отвѣтъ, который онъ на это даетъ [1]),—основывается на соціальномъ анализѣ австро-венгерскихъ національныхъ отношеній.

«Историческій секретъ національнаго уклада въ Австро-Венгріи—пишетъ онъ—надо искать въ степени экономическаго развитія и классовой структурѣ націй. Въ 1867 г. лишь два народа обладали *достаточно развитымъ классовымъ строеніемъ*—нѣмцы и мадьяры... И тѣ, и другіе имѣли за собой «цѣльный» народъ,—народъ въ *полномъ составѣ*; съ ними корона имѣла право и вынуждена была идти на соглашеніе. Кромѣ этихъ двухъ націй, никакая другая не достигла своего *полнаго* развитія, какъ *цѣлостного* организма... Поляки, хорваты и чехи тогда не вполнѣ еще оформились, но у каждой изъ этихъ націй былъ свой классъ господъ (Herrenklasse). Всѣ остальныя націи состояли изъ отсталой, опекаемой своими приходскими священниками сельской массы, едва только вышедшей изъ состоянія натуральнаго хозяйства... Съ тѣхъ поръ страна пережила тридцатилѣтній періодъ бурнаго экономическаго развитія. За это время въ обществѣ и государствѣ и по ту, и по сю сторону Лейты произошли большія перемѣны; процессъ *образованія классовъ* въ средѣ маленькихъ народовъ подвинулся довольно далеко или окончательно завершился; измѣнился удѣльный вѣсъ каждаго класса».

Нетрудно замѣтить, что и въ Россіи имѣются отношенія въ большей или меньшей степени аналогичныя австро-венгерскимъ. И здѣсь наблюдаются различія классовой структуры націй. Наряду съ великорусской, «полнымъ» классовымъ составомъ

---

1) См. книгу его: «Grundlagen und Entwicklungsziele der Oesterreichisch-Ungarischen Monarchie» (Вѣна и Лейпцигъ, 1906), и статью его же въ сборникѣ «Формы національнаго движенія» (СПБ. 1910).

обладаетъ польская нація, и это выдвигаетъ ее изъ среды «недержавныхъ» націй. Положеніе «крестьянскихъ» націй—литовцевъ, бѣлоруссовъ, малороссовъ—менѣе благопріятно. Далѣе идутъ націи съ вполнѣ развитыми двумя группами населенія—крестьянствомъ и городскими сословіями, но безъ дворянства: латыши и эсты, играющіе подчиненную роль по отношенію къ нѣмцамъ, въ рукахъ которыхъ находится все крупное землевладѣніе края. Евреи, представляющіе собой исключительно городское населеніе, не имѣютъ ни дворянства, ни крестьянства; вся нація слагается изъ торговцевъ, промышленниковъ, посредниковъ и лицъ свободныхъ профессій, и это обстоятельство несомнѣнно налагаетъ вполнѣ опредѣленный отпечатокъ на судьбы еврейскаго народа... И въ Россіи, такимъ образомъ, обозначаются очертанія не вполнѣ еще опредѣлившихся (или уже разстроившихся) отношеній подчиненія и господства, обозначаются этажи, по которымъ располагаются народы.

Объясненіе Шпрингера не является, конечно, исчерпывающимъ, да и самъ авторъ не приписываетъ ему универсальнаго значенія. Наряду съ различіями соціальной структуры дѣйствуетъ еще цѣлый рядъ факторовъ. Весьма важную роль играетъ численность при прочихъ равныхъ условіяхъ опредѣляющая мѣсто данной націи на іерархической лѣстницѣ народовъ. Немалое значеніе имѣетъ и то, сохранились ли у данной націи рудименты самостоятельнаго государственнаго бытія,въ формѣ особыхъ учрежденій или спеціальнаго законодательства (Финляндія, Польша). Важенъ и характеръ населяемой даннымъ народомъ или народами области (примѣръ—природныя условія Швейцаріи); важна и степень хозяйственной самостоятельности. Наличность религіозныхъ различій, могущихъ либо углублять національную пропасть, либо, наоборотъ, перекидывать мосты отъ націи къ націи, также осложняетъ отношенія. Не безразличенъ и способъ, какимъ была присоединена данная нація къ государству—захватный или мирный; это накладываетъ весьма опредѣленный отпечатокъ на національныя отношенія, не исчезающій въ теченіе столѣтій. Необходимо имѣть въ виду и общегосударственный политическій режимъ, и національную политику центральной власти. Всѣ эти условія опредѣляютъ собою тѣ формы, тѣ комбинаціи, въ которыхъ отдѣльныя народности выступаютъ другъ противъ друга или образуютъ блоки одна съ другой.

Есть одинъ постулатъ, на которомъ сходятся, за немногими исключеніями, націоналисты всѣхъ націй: это—право *націи на свою землю*. Быть хозяиномъ у себя дома—вотъ идеалъ. Предста-

вленіе объ этомъ домѣ бываетъ различное. Одни хотѣли бы назвать своимъ чуть не полъ-міра—это націонализмъ агрессивный, имперіалистическій; другіе, болѣе скромные, желаютъ закрѣпить за собой хотя бы то, чѣмъ владѣли раньше, —націонализмъ охранительный; третьи не настаиваютъ и на этомъ, хотѣли бы сохранить хоть что-нибудь—націонализмъ, такъ сказать, уступительный. Одни мечтаютъ о владѣніи суверенномъ (требованіе независимости), другіе ограничиваются автономіей. Но, по существу, основа и здѣсь, и тамъ одна и та же. Альфой и омегой стремленій у всѣхъ націй является свой домъ. Это—идея *національной территоріи.*

Не является ли эта идея безусловно демократической и прогрессивной? Не должна ли, дѣйствительно, демократія провозглашать и отстаивать принципъ, въ силу котораго хозяиномъ опредѣленной территоріи долженъ быть населяющій ее народъ? Не азбука ли это? Конечно. Но что, если территорія населена не однимъ народомъ, а *народами,* и право собственности признаетъ за собою *одинъ* изъ нихъ, утверждая, что самое понятіе *національной* территоріи предполагаетъ принадлежность ея *одной* націи? Ясно, что тогда дѣло мѣняется, и мѣняется весьма рѣзко.

Любопытная филологическая черта: на мадьярскомъ языкѣ нѣтъ двухъ отдѣльныхъ словъ для обозначенія понятій «мадьярскій» и «венгерскій». А между тѣмъ венгерское государство состоитъ изъ множества народовъ, и мадьяры не составляютъ въ немъ даже и половины населенія. И вотъ, съ этимъ-то «мадьярскимъ» лозунгомъ на устахъ они боролись въ свое время противъ нѣмецкаго владычества за «свою» территорію. И у насъ слово «русскій» употребляется сплошь и рядомъ въ смыслѣ «россійскій»; этотъ второй терминъ прививается очень и очень туго. Въ этихъ филологическихъ деталяхъ отражается (иногда совершенно безсознательно) все та же идея національнаго права, идея о томъ, что Венгрія есть страна мадьяръ, Россія—страна русскихъ. И въ примѣненіи къ такимъ странамъ (со смѣшаннымъ національнымъ составомъ) является идея *національной* собственности на *межнаціональную* землю.

Перефразированный принципъ временъ реформаціи: cujus terra, ejus lingua ложится въ основу націоналистическихъ вожделѣній. Наиболѣе крайнее его проявленіе—лозунги въ духѣ «Россія для русскихъ»; но оно далеко не единственное. Въ болѣе робкомъ и скрытомъ видѣ мы встрѣчаемъ то же далеко влѣво отъ всевозможныхъ сортовъ черносотенства. Конечно,

русскій либерализмъ выступаетъ противъ политики національнаго угнетенія. Но идея принципіальной равноцѣнности, если можно такъ выразиться—*равнохозяйственности* всѣхъ націй отнюдь не можетъ считаться укоренившейся въ его средѣ. А безъ этой идеи освобождаемыя націи становятся въ положеніе вольноотпущенниковъ русскаго народа. То, о чемъ я теперь говорю, часто ускользаетъ отъ вниманія коренного русскаго человѣка, но ухо «инородца» невольно ловитъ и болѣзненно ощущаетъ такія нотки... И если такъ обстоитъ дѣло у націи «державной», не болѣющей недугомъ національнаго гнета, то тѣмъ болѣе распространено аналогичное настроеніе у націй, вынужденныхъ бороться за свое право. И здѣсь мы возвращаемся къ той же многоэтажности, съ которой начали.

Не будь ея, дѣло обстояло бы просто. Пускай бы рѣчь шла о взаимныхъ отношеніяхъ между двумя націями—господствующей и подчиненной. Одна покорила другую, присоединила къ себѣ ея область; державная нація (не вся, конечно, а только въ лицѣ правящихъ элементовъ) разсматриваетъ захваченное какъ свою добычу; угнетенная нація борется за *свое* національное право; въ случаѣ удачи она получаетъ обратно свое достояніе, становится опять хозяиномъ своей земли и вмѣстѣ съ тѣмъ вершителемъ своихъ судебъ. Но вѣдь это случай наименѣе реальный. Обычно хозяйственная и соціальная жизнь присоединенной націи успѣваетъ сростись съ жизнью націи «державной». На независимости не настаиваютъ и сами присоединенные; вопросъ сводится къ областной автономіи. Борьба за «свою» землю преслѣдуетъ здѣсь задачу чисто освободительную въ національномъ смыслѣ. На дѣлѣ, однако, бываетъ не то. Мы видѣли, какъ сплетаются національныя отношенія цѣлаго ряда націй. Это сплетеніе предполагаетъ спутанность національныхъ территорій, фактъ національнаго совладѣнія. Припомнимъ еще разъ, какъ складывались австро-венгерскіе этажи. Вся монархія была собственностью нѣмцевъ. Поднимаются мадьяры и заявляютъ претензію на цѣлую половину ея. Приходится уступить; мадьяры введены во владѣніе Транслейтаніей. Но оказывается, что эта «ихъ» страна на дѣлѣ далеко не вполнѣ ихъ. Хорваты заявляютъ въ ея предѣлахъ притязанія на свою область; мадьяры вынуждены, въ свою очередь, уступить, хорваты получаютъ автономію. Но въ предѣлахъ Хорватіи повторяется то же: поднимаются сербы и протестуютъ противъ хорватской узурпаціи. На этомъ послѣднемъ этапѣ вопросъ остается открытымъ до сихъ поръ.

То же происходитъ въ Цислейтаніи. И смыслъ этого ясенъ. Борясь за «свое» право на область, данная нація права постольку, поскольку отражаетъ притязанія «державной», «верхней» націи. Достигнувъ цѣли, она оказывается въ свою очередь захватывающей по отношенію къ слѣдующей, «нижней» народности; послѣдняя въ свою очередь добивается «своего» права—съ тѣмъ, чтобы присвоить себѣ собственность еще болѣе низко-лежащаго этажа.

При такихъ условіяхъ фикціей является національная собственность на территорію. Эта фикція бросаетъ лишнее яблоко раздора въ среду враждующихъ націй; переводя то ту, то другую изъ разряда угнетенныхъ въ разрядъ властвующихъ, она узаконяетъ и увѣковѣчиваетъ самый фактъ угнетенія.

Въ этомъ и заключается первородный грѣхъ территоріальнаго рѣшенія національнаго вопроса. Населеніе данной территоріи отожествляется съ націей, съ *одной* націей, той самой, которая говоритъ объ этой землѣ, какъ о «своей». Если такое отожествленіе невозможно, если націй на данной территоріи двѣ или нѣсколько, автономія не рѣшаетъ вопроса, а только отодвигаетъ его. На мѣсто одного захватчика становится другой; самый захватъ остается. А разъ остается захватъ—остается борьба, остается національная рознь и шовинизмъ.

Конечно, поскольку схема: «одна земля, одинъ народъ» была бы не простой фикціей, поскольку та или иная территорія была бы дѣйствительно сплошь занята одной націей, одіозный характеръ національно-территоріальной автономіи отпалъ бы. И потому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопросъ сводится, прежде всего, къ тому, представляетъ ли собой данная территорія этнографически очерченную область.

Въ этомъ важномъ вопросѣ необходимо разобраться въ примѣненіи къ Россіи. Существуетъ и довольно распространено представленіе о томъ, что, въ общемъ и цѣломъ, размежевать національныя области у насъ можно. Предполагается, при этомъ, что получатся области если не съ абсолютно сплошнымъ, то все же съ болѣе или менѣе однороднымъ по своему національному составу населеніемъ; будутъ въ этихъ областяхъ и національныя меньшинства, но настолько ничтожныя, что ихъ можно не принимать въ разсчетъ. Вотъ на этомъ-то въ высшей степени важномъ вопросѣ мы и хотимъ остановиться, съ цифрами въ рукахъ. Разсмотрѣніе его распадается на двѣ части: прежде всего надо установить численный составъ различныхъ національныхъ группъ населенія каждой данной области, опредѣлить относительные и

абсолютные размѣры національнаго меньшинства. Но этого мало; необходимо, далѣе, выяснить соціальный вѣсъ меньшинства, ибо, при наличности высокаго вѣса, такое меньшинство можетъ и при небольшой численности разстроить своимъ давленіемъ чертежи національно-территоріальной автономіи, сдѣлать невозможнымъ національное единодержавіе большинства и создать въ данной области хроническое «военное положеніе», состояніе постоянной грызни націй изъ-за общаго куска.

II.

Передъ нами, прежде всего, возникаетъ вопросъ: о какихъ собственно областяхъ намъ придется говорить? Нѣтъ общепризнанныхъ кандидатовъ на роль автономныхъ территорій; есть только рядъ различныхъ проектовъ. Придется разсмотрѣть по меньшей мѣрѣ двѣ возможности: сперва традиціонныя области, на которыя обычно дѣлятъ страну, а затѣмъ области, спеціально, на основаніи этнографическихъ признаковъ, выкроенныя. Мы беремъ при этомъ Европейскую Россію и Кавказъ; Финляндію оставимъ въ сторонѣ.

Если взять тѣ традиціонныя территоріи, на которыя обычно дѣлятъ страну, мы не найдемъ ни одной такой области, въ которой инородное меньшинство могло бы почитаться за quantité négligeable. Въ наиболѣе выгодномъ положеніи находится Польша (десять привислянскихъ губерній) и Малороссія (десять южныхъ и юго-западныхъ губерній), но и тутъ инородное меньшинство составляетъ цѣлыхъ 30%. Пока достаточно сказать, что въ этихъ двухъ областяхъ національное меньшинство составляетъ круглымъ счетомъ *десять милліоновъ*—населеніе, изъ котораго могло бы составиться средней руки государство. И это—въ наиболѣе сплошныхъ областяхъ. Въ остальныхъ мы находимъ величайшую пестроту.

Въ сѣверо-западномъ краѣ (6 губерній) національный составъ населенія, въ круглыхъ цифрахъ, такой:

			въ % ко всему краю.
Бѣлоруссы	5.062,1	тыс.	50,2
Евреи	1.422,4	»	14,1
Литовцы	1.302,7	»	12,8
Великоруссы и малороссы	586,5	»	5,7

			въ % ко всему краю.
Поляки	563,8	»	5,6
Латыши	299,2	»	2,8
Прочіе	826,1	»	8,8
Всего . .	10.062,8	тыс.	100

Въ Прибалтійскомъ краѣ отдѣльныя націи еще въ большей степени уравновѣшиваютъ одна другую. Здѣсь цифры таковы:

			%
Латыши	1.070,2	тыс.	44,84
Эсты	884,5	»	37,08
Нѣмцы	165,6	»	6,94
Русскіе	128,7	»	5,30
Евреи	62,6	»	2,65
Прочіе	74,5		3,19
Всего .	2,386,1	тыс.	100

Пестрота населенія Кавказскаго края общеизвѣстна. Цифры говорятъ слѣдующее:

			въ % ко всему краю.
Великоруссы	1.867,7	тыс.	19,4
Малоруссы	1.296,7	»	13,5
Татары	1.456,5	»	15,2
Армяне.	1.931,1	»	12,4
Грузины	1.349,2	»	14,1
Группа горцевъ . . .	1.021,6	»	10,7
Прочіе	1.401,5	»	14,7
Всего . .	9.586,3	»	100

Если, какъ это нерѣдко дѣлается, взять отдѣльно Закавказье, то цифры нѣсколько измѣнятся. Выдѣлятся четыре наиболѣе крупныя группы населенія: татары, составляющіе 26% всего населенія, грузины (23,7%), армяне (19,4%) и лезгины (10,3%); остальныя націи образуютъ менѣе 5% каждая.

Таковы общія данныя объ областяхъ. Само собою ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ нельзя говорить о *національно-территоріальной* автономіи Кавказа, Сѣверо-западнаго или Прибалтійскаго края. Каждая изъ этихъ автономныхъ областей

представляла бы собой цѣлую совокупность національностей, и рѣшеніе національнаго вопроса оставалось бы еще дѣломъ будущаго.

Но столь же ясно, что этимъ вопросъ не исчерпывается: вѣдь на данныхъ очертаніяхъ областей свѣтъ клиномъ не сошелся. И если области являютъ величайшую пестроту національнаго состава, то можно сдѣлать попытку иной разверстки, болѣе соотвѣтствующей этнографическимъ очертаніямъ. Такія попытки дѣлались, и естественно, что результаты получались болѣе благопріятные. Но и только. *Удовлетворительныхъ* результатовъ эта разверстка все-таки не можетъ дать. Присмотримся къ ней поближе.

Рѣчь идетъ не только о томъ, чтобы составить новыя области изъ иныхъ сочетаній губерній; надо разбить и самыя губерніи, ибо и эти, сравнительно мелкія единицы являются почти всѣ пестрыми по своему національному составу. Надо раздробить ихъ на уѣзды (болѣе мелкаго дробленія мы не можемъ сейчасъ произвести: матеріалы переписи не идутъ дальше поуѣздныхъ данныхъ), и изъ отдѣльныхъ уѣздовъ вновь сложить цѣлыя территоріи, подбирая уѣзды, населенные одной и той же націей. Границы новыхъ областей пройдутъ, такимъ образомъ, въ значительной части внутри губерній.

Въ брошюрѣ К. Фортунатова: «Національныя области Россіи» производится такое именно межеваніе, и его данными о національномъ составѣ отдѣльныхъ уѣздовъ я пользуюсь при дальнѣйшихъ выкладкахъ; границы областей у меня получаются, однако, иныя, ибо я все время стараюсь пойти возможно болѣе на встрѣчу защитникамъ территоріализма и получить максимумъ этнографическаго единообразія. Фортунатовъ въ этомъ отношеніи менѣе строгъ.

Посмотримъ же, въ какихъ цифрахъ выражаются результаты межеванія, возможно болѣе благопріятнаго для территоріальнаго принципа.

Начнемъ съ сѣверо-западнаго края и намѣтимъ сперва границы литовской этнографической территоріи. Она должна сложиться изъ всѣхъ тѣхъ уѣздовъ, въ которыхъ литовцы образуютъ абсолютное или хотя бы относительное большинство. Жмудиновъ мы относимъ къ той же литовской націи.

Литовская область слагается изъ слѣдующихъ частей:

1. Вся Ковенская губернія.
2. Трокскій уѣздъ Виленской губеріи.

3. Пять уѣздовъ Сувалкской губерніи (точнѣе, вся губернія, кромѣ Сувалкскаго и Августовскаго уѣздовъ).

Въ полученной такимъ образомъ области будетъ насчитываться [1]).

Всего населенія	2,175,5 тыс.
Литовцевъ	1,442,9 »

Литовцы образуютъ, такимъ образомъ, на этой «своей» территоріи 66% населенія. Свыше трети населенія (34%) принадлежитъ къ другимъ національностямъ.

Объ удѣльномъ вѣсѣ этихъ 34% мы будемъ говорить особо. Замѣтимъ только, что литовцы, которые живутъ здѣсь, не составляютъ еще всей литовской націи. Я имѣю въ виду не зарубежныхъ литовцевъ, а россійскихъ; всего ихъ 1,658,5 тыс. За бортомъ автономной области остается 215,6 тыс. или 13% всего литовскаго населенія,—процентъ для маленькаго, полуторамилліоннаго народа весьма ощутительный. А всего «обойденныхъ» (меньшинство населенія области, плюсъ литовцы, оставшіеся за бортомъ) окажется въ общемъ 948,2 тыс., т. е. почти милліонъ. По сравненію съ двумя милліонами населенія всей области—цифра огромная.

Пойдемъ дальше. Возьмемъ Бѣлорусскую область. Въ составъ этой, болѣе обширной территоріи должны войти слѣдующія губерніи и уѣзды:

1. Вся Могилевская губернія.
2. Вся Минская губернія.
3. Виленская губ., за вычетомъ Трокскаго уѣзда.
4. Гродненская губ., за вычетомъ 4-хъ уѣздовъ (Бѣлостокскаго, Бѣльскаго, Брестскаго и Кобринскаго).
5. Витебская губ., за вычетомъ 3-хъ уѣздовъ (Двинскаго, Рѣжицкаго и Люцинскаго.
6. Краснинскій уѣздъ Смоленской губ. Подсчитывая, по прежнему, относящіеся сюда цифры [2]), мы получаемъ:

Все населеніе области . .	7,076,8 тыс.
Бѣлоруссы	5,508,1 »

---

[1]) Вычисленія эти лишь приблизительныя. Приходилось пользоваться поуѣздными данными, опубликованными въ первые годы послѣ переписи, и нѣсколько отклоняющимися отъ окончательныхъ. Различіе, впрочемъ, незначительное, и на наши выводы вліянія не можетъ оказать.

[2]) Кромѣ Краснинскаго уѣзда; разница, самое большое, въ нѣсколько десятковъ тысячъ; на процентной нормѣ она не можетъ замѣтно отразиться.

Бѣлоруссы составляютъ, такимъ образомъ, 77% всего населенія. Цифра сравнительно высокая. Намъ придется потомъ остановиться на томъ содержаніи, которое за ней скрывается.

За предѣлами области остается еще около трехсотъ тысячъ бѣлоруссовъ; вмѣстѣ съ инородными меньшинствами самой области это составляетъ цифру 1,800 тыс.; стало быть, безъ малаго 2 милліона обойденныхъ!

Далѣе—Малороссійскій край. Не буду перечислять все то множество уѣздовъ, которые пришлось бы откроить отъ самыхъ различныхъ губерній для полученія этнографической области. Укажу только, что кромѣ пяти чисто-украинскихъ губерній сюда должны войти отдѣльные уѣзды Курской и Воронежской губ., области войска Донского, губерній Екатеринославской, Херсонской, Черниговской, Бессарабской, Кубанской обл., губ. Таврической, Гродненской, Сѣдлецкой, Люблинской. Въ этой области будетъ въ круглыхъ числахъ:

Всего населенія	25,7 милл.
Малороссовъ	19,3 »

Малороссы составляютъ, стало быть, 75% населенія. За предѣлами области останутся 3 милліона малороссовъ. Инородное меньшинство самой области составитъ слишкомъ 6 милліоновъ. Итого обойденныхъ 9 милліоновъ!

Переходимъ къ Прибалтійскому краю. Его, очевидно, придется разбить на двѣ половины—латышскую и эстонскую. Латышская составится изъ слѣдующихъ частей:

1. 3 уѣзда Витебской губ. (Двинскій, Рѣжицкій и Люцинскій).
2. Вся Курляндская губ.
3. 4 южныхъ уѣзда Лифляндской губ.

Цифры получаются слѣдующія:

Все населеніе области . .	1,929,9 тыс.
Латыши	1,315,9 »

Латыши образуютъ 68%. Почти цѣлая треть населенія или 614 тыс. образуетъ инородное меньшинство.

Единственная область (правда, микроскопическая), могущая въ самомъ дѣлѣ претендовать на болѣе или менѣе сплошной національный составъ, это—эстонская. Образуется она изъ сѣверной половины Лифляндской и всей Эстляндской губерніи и насчитываетъ на 1,012,2 тыс. населенія 916,6 тыс. эстовъ, т. е.

90,5%. Да и тутъ 9% всѣхъ эстовъ остаются за бортомъ автономіи.

На Кавказѣ можно, руководствуясь этнографическими границами, выкроить четыре территоріи.

Наиболѣе сплошной характеръ будетъ носить Грузинская область. Для этого, однако, нужно засчитать въ ряды грузинской націи цѣлый рядъ племенъ—всю такъ наз. картвельскую группу (собственно грузины, имеретины, мингрельцы, сванеты и др.). Въ какой мѣрѣ всѣ эти племена дѣйствительно образуютъ единое національное цѣлое—намъ трудно судить. Допуская утвердительный отвѣтъ, мы получимъ грузинскую или картвельскую область, въ составъ которой войдутъ:

1. Кутаисская губ., за вычетомъ двухъ уѣздовъ (Сухумскаго и Артвинскаго).

2. Тифлисская губ., за вычетомъ трехъ уѣздовъ (Ахалкалакскаго, Борчалинскаго и Ахалцихскаго).

Относящіяся сюда цифры (по вычисленіямъ Завалова) [1]) таковы:

Все населеніе области. . .	1.593 тыс.
Грузины	1.266 »

Грузины составляютъ на этой территоріи 79,8% населенія.

Слѣдующая по степени единообразія область—лезгинская. Здѣсь придется—во славу территоріальнаго принципа—сдѣлать еще большую натяжку и признать націей цѣлую группу восточныхъ горцевъ: аваро-андійцевъ, даргинцевъ, кюринцевъ, удинцевъ, кази-кумыковъ и другихъ лезгинъ. Допустимъ, что все это единая нація. Ея территорія — Дагестанская область (безъ Темиръ-Ханъ-Шурскаго уѣзда) и Закатальскій округъ Тифлисской губерніи.

Всего насел. въ этомъ округѣ .	668 тыс.
Лезгинъ	483 »

Лезгины образуютъ 72%. Понятно, трудно говорить серьезно о національно-территоріальной автономіи лезгинской области — величиною въ полъ-губерніи.

Татарская территорія составляется (рѣчь идетъ о кавказскихъ татарахъ) изъ слѣдующихъ частей:

1. Бакинская губернія.

1) См. его статью въ сборникѣ «Формы нац. движенія».

2. Елисаветпольская губ. за вычетомъ Шушинскаго уѣзда.

Все населеніе области . . .	1.913	тыс.
Татары	1.133	» (приблиз.)

Татары составляютъ 59,2% нас. За бортомъ, въ другихъ областяхъ, остается еще почти 700 тыс. татаръ или 26% всего количества кавказскихъ татаръ

Наконецъ, въ найхудшемъ положеніи оказываются армяне. Ихъ область можетъ быть составлена изъ слѣдующихъ частей:

1. Три уѣзда Эриванской губ. (Эчміадзинскій, Александропольскій и Новобаязетскій).

2. Два уѣзда Тифл. губ. (Ахалкалакскій и Борчалинскій).

3. Два уѣзда Карской губ. (Кагызманскій и Карсскій).

4. Два уѣзда Елисаветпольской губ. (Шушинскій и Занзегурскій; послѣдній былъ отнесенъ къ татарской области, но въ виду сомнительности его національнаго состава мы включимъ его также и въ разсчетъ армянской территоріи).

Цифры таковы:

Все населеніе области . .	1.090,4	тыс.
Армяне	600,6	»

Армяне составляютъ, такимъ образомъ, 55% армянской области. За бортомъ остается еще 572 тыс. или почти половина всѣхъ россійскихъ армянъ.

По разсчету автора статьи «Армяне» въ сборникѣ «Формы національнаго движенія», произведенному на основаніи другихъ матеріаловъ (не по даннымъ переписи), получаются нѣсколько иныя цифры. У него армянская область охватываетъ около двухъ милліоновъ населенія; за предѣлами этой области остается не 50, а 30% всего количества армянъ. Но и по его разсчету армяне составляютъ 55% всего населенія области.

Таковы національныя области Европейской Россіи и Кавказа.

Подведемъ краткій цифровой итогъ тому, что было до сихъ поръ сказано. Какова будетъ сумма всѣхъ національныхъ меньшинствъ, «обойденныхъ» въ этихъ областяхъ, лишенныхъ благъ національной автономіи.

Національныя меньшинства равняются:

въ Малорусской области. .	6.400	тысячъ.
» бѣлорусской » .	1.568,7	»
» татарской » .	780	»

Національныя меньшинства равняются:

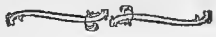
» литовской	»	.	732,6 тысячъ.
» латышской	»	.	614 »
» армянской	»	.	489,8 »
» грузинской	»	.	327 »
» лезгинской	»	.	185,8 »
» эстонской	»	.	95,6 »
	Всего	. . .	11.193,5 тысячъ.

Итакъ слишкомъ 11 милліоновъ обойденныхъ! Эта цифра одна равняется безъ малаго суммѣ литовской, латышской, бѣлорусской, грузинской и армянской націй, вмѣстѣ взятыхъ. Результаты весьма мало удовлетворительные. И это уже не при областяхъ, выкроенныхъ безотносительно къ національному составу населенія; это при этнографической разверсткѣ. Но и эти результаты являются еще пріукрашенными; и въ нихъ должны быть внесены поправки, дѣлающія ихъ еще менѣе благопріятными для территоріалистическихъ выводовъ.

Я знаю, территоріалистъ довольствуется малымъ; у территоріалистически настроеннаго читателя отдѣльныя цифры могли все же оставить впечатлѣніе если и не вполнѣ удовлетворительное, то по крайней мѣрѣ сносное. Въ Бѣлоруссіи, напримѣръ, «коренное» населеніе составляетъ, какъ ни какъ, 77%;—все-таки цифра на первый взглядъ внушительная. Или 66% литовцевъ па Литвѣ. Для человѣка, заранѣе расположеннаго къ территоріализму, даже и эта цифра можетъ показаться достаточной; все-таки большинство! Полезно будетъ, поэтому, присоединить къ этимъ даннымъ нѣкоторыя разъясненія. И какъ разъ наиболѣе ярко сказывается то, о чемъ будетъ рѣчь, въ двухъ только что названныхъ областяхъ.

В. Медемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).



ИЗЪ КРЫМСКИХЪ ЭТЮДОВЪ.

Чуфутъ-Кале.

Старикъ татаринъ растворилъ врата,—
Открылась щель пустого переулка
Шаги по плитамъ зазвучали гулко
Развалины... Ни травки, ни куста...

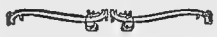
Глазницы низкихъ сумрачныхъ пещеръ;
Онѣ, коль вѣрить обаянью мифа,
Изсѣчены еще рукою скифа,
Ихъ гладкій камень желтовато-сѣръ.

Чуфутъ-Кале весь въ странномъ забытьи
И въ солнечномъ полдневно-остромъ свѣтѣ.
Въ дорогѣ каменной въ теченіе столѣтій
Колеса выбили двѣ рѣзкихъ колеи.

Идетъ татаринъ быстро и легко,
Немного сгорбивши сухую спину,
Остановились... Что за видъ въ долину!
Надъ кручею стоимъ мы высоко.

Молчанье горъ, молчанье старика...
Я съ пережитымъ разстаюсь безбольно
И обнажаю голову невольно,
И мнится, слышу, какъ летятъ вѣка.

Александръ Рославлевъ.



ЭМИЛЬ ВЕРХАРНЪ.

Мотивы его творчества.

Предлагаемый очеркъ не претендуетъ на самостоятельный анализъ творчества одного изъ крупнѣйшихъ поэтовъ современности; составитель его пытается лишь объединить и систематизировать то главное, существенное, что было уже сказано о немъ въ разное время русскими и западно-европейскими критиками.

Часъ популяризаціи великаго бельгійскаго поэта пришелъ и для русскихъ читателей. Произведенія здороваго, сильнаго таланта особенно цѣнны въ переживаемую нами пору «литературнаго распада».

I.

Эмиль Верхарнъ родился 21 мая 1855 года въ мѣсточкѣ С.-Аманъ, близъ Антверпена, на берегу Шельды. Небольшая фламандская деревня съ ея незамысловатою жизнью, рѣка со множествомъ кораблей и плотинъ — созданій упорнаго человѣческаго труда,—кольца дюнъ, море съ его шумящими, зовущими куда-то приливами и отливами, вѣчный туманъ, холодные, тонкими безконечными нитями тянущіеся отъ неба къ землѣ дожди: вотъ та обстановка, въ которой зарождались первыя ощущенія, первыя мысли поэта и которая наложила на него неизгладимый отпечатокъ.

Въ небольшомъ, уютномъ домикѣ, на перепутьѣ большой дороги изъ Термонда въ Антверпенъ, жила семья Верхарнъ: отецъ—деревенскій «рантье»,—мать, дядя, маслобойный заводъ

котораго пыхтѣлъ неподалеку, и тетка, о которой Верхарнъ сохранилъ самыя лучшія воспоминанія.

Временами дядя собиралъ вокругъ себя въ дружеской бесѣдѣ своихъ пріятелей-судохозяевъ, и они часами говорили о своихъ «корабляхъ», плавающихъ въ далекихъ моряхъ. Ребенокъ слушалъ ихъ неподвижно, съ широко раскрытыми, лихорадочно горящими глазами. Въ своихъ грезахъ будущій поэтъ рисовалъ себѣ картины смѣлаго плаванія кораблей въ чудесныхъ странахъ.

Деревенскій житель, онъ былъ близокъ къ крестьянамъ, запросто входилъ въ темную мастерскую кузнеца или канатчика, съ любопытствомъ разспрашивалъ перевозчика, словомъ— жилъ въ тѣсномъ общеніи съ незамѣтными людьми, мелкими фермерами и ремесленниками, которыхъ онъ столь художественно изобразилъ въ своихъ поэмахъ.

Въ эти годы онъ былъ нѣжнымъ и самовольнымъ ребенкомъ, смѣлымъ и трепещущимъ, съ сумасбродными желаніями и лихорадочной тоской по далекому, невозможному. Часто забирался онъ въ библіотеку своего дяди, подолгу разсматривалъ гравюры Рубенса и другихъ мастеровъ, перелистывалъ старыя книги, со страницъ которыхъ на него вѣяло дыханіемъ великаго прошлаго Фландріи, ея страданій и героическихъ усилій. Или же поднимался на чердакъ, гдѣ заржавѣвшее оружіе, выцвѣтшія одежды переносили его въ ту же далекую старину. Отъ прошлаго былъ близокъ переходъ къ современному: стоило лишь распахнуть окно—и виднѣются проходящіе барки и корабли...

Верхарнъ посѣщалъ сначала коммунальную школу въ С.-Аманѣ. 11 лѣтъ онъ поступилъ въ институтъ С.-Луи въ Брюсселѣ, гдѣ онъ учился два года, а затѣмъ былъ отданъ родителями въ коллежъ Сентъ-Барбъ въ Гентѣ, на скамьяхъ котораго вскорѣ встрѣтился съ Метерлинкомъ, Ванъ-Лербергомъ, Роденбахомъ.

Кончились дни свободной жизни на лонѣ природы; небо и рѣку замѣнили мрачныя стѣны іезуитскаго интерната, который произвелъ на Верхарна самое печальное впечатлѣніе. Здѣсь, за уроками латыни, Верхарнъ и Роденбахъ начали писать стихи. Вскорѣ ученики образовали свой клубъ «L'Académie», гдѣ подъ руководствомъ учителей занимались литературой и исторіей. Въ этомъ кружкѣ богами были Ламартинъ и Шатобріанъ.

Родители поэта желали видѣть его преемникомъ дяди во главѣ маслобойнаго завода. Окончивъ курсъ ученья въ коллежѣ и возвратившись на родину, Верхарнъ пробуетъ заниматься въ

конторѣ дяди, но кропотливое счетоводство было ему не по душѣ. Послѣ долгихъ споровъ съ семьей онъ поступаетъ въ университетъ въ Лувенѣ.

Пять лѣтъ студенчества были весьма плодотворны въ смыслѣ развитія индивидуальности поэта. Въ средѣ студентовъ образовалась сплоченная группа, въ которую вошелъ Верхарнъ. Среди «великихъ поэтовъ», какъ называли они себя, въ этой группѣ мы встрѣчаемъ Жилькэна и Жиро. Еженедѣльно собирались молодые начинающіе литераторы и читали свои стихи, или же стихи великихъ романтиковъ—Гюго, Ламартина, Мюссе. Здѣсь интересовались также парнасцами и реалистами—Леконтъ-де-Лиллемъ, Коппе, Ришпеномъ, Бодлэромъ.

Въ воображеніе Верхарна запали ядовитыя сѣмена отъ «Цвѣтовъ Зла».

Возникшій, какъ реакція, противъ раціонализма—во имя чувства и фантазіи, противъ традиціонныхъ правилъ—во имя индивидуализма и свободы, романтизмъ боролся противъ классическихъ идеаловъ во имя идеаловъ національныхъ [1]). Подъ вліяніемъ наполеоновскихъ войнъ, выдвинувшихъ на первый планъ народныя массы, вездѣ въ Европѣ началось усердное собираніе памятниковъ родной старины, народнаго искусства, народной поэзіи. Романтики не прошли мимо этого движенія; ихъ творенія отмѣчены стремленіемъ возможно ярче возсоздать черты, свойственныя ихъ странѣ. Другое литературное теченіе, пришедшее на смѣну романтизму—школа парнасцевъ—не было чуждо національнаго элемента. Въ поэзіи Верхарна, національный элементъ играетъ весьма существенную роль: это, какъ и многое другое, онъ взялъ у романтиковъ.

Сильное вліяніе оказалъ на него и католицизмъ, роль котораго въ Бельгіи вообще такъ велика. Лувенскій университетъ былъ однимъ изъ центровъ наиболѣе непримиримаго, воинствующаго католицизма.

Еще раньше Верхарнъ провелъ рядъ лѣтъ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ іезуитовъ-воспитателей. Теперь, уже юношей, столкнувшись съ властными, гордыми монахами, онъ съ жаромъ исповѣдуетъ ихъ непримиримую вѣру и страстно защищаетъ Христа отъ нападокъ его враговъ свободныхъ отъ всякихъ авторитетовъ и прочныхъ традицій. Этой защитѣ между прочимъ, было отведено много мѣста въ основанномъ въ 1879 г. Верхарномъ и его друзьями студенческомъ журналѣ «La Semaine»,

---

[1]) Брюсовъ, «Французская лирика XIX вѣка».

гдѣ онъ помѣстилъ и свои первые стихи. Произведенія этого періода еще слабы, но литературная работа для Верхарна не пропала даромъ: хроники въ «Недѣлѣ» и въ «Журналѣ изящныхъ искусствъ» ввели его въ среду литературныхъ дѣятелей.

Въ 1881-мъ году Верхарнъ окончилъ курсъ университета и переселился въ милый, уютный и бойкій Брюссель. Онъ записался помощникомъ къ видному юристу, свѣтилу бельгійской адвокатуры Эд. Пикару, но мало занимался свей профессіей. Скоро, по совѣту Пикара, онъ сбросилъ съ плечъ адвокатскую тогу, пришедшуюся ему не по плечу, и ушелъ всецѣло въ литературу.

Условія бельгійской жизни того времени способствовали этому въ значительной степени. Когда Верхарнъ явился въ Брюссель, литературная жизнь столицы была полна одушевленія, борьбы, страсти. Верхарнъ, въ числѣ другихъ передовыхъ бойцовъ, принимаетъ живѣйшее участіе въ журналѣ «Молодая Бельгія». Этотъ журналъ, по общему признанію, открылъ новую эру: онъ посвятилъ свои силы созданію *самостоятельной* бельгійской, національной литературы. Популяризація умершихъ писателей, пропаганда произведеній начинающихъ, поддержка всего индивидуальнаго и самобытнаго—вотъ задачи журнала, который въ сферѣ чисто литературной выдвигалъ принципъ независимости искусства отъ жизни, искусства для искусства, высоко ставилъ форму произведеній, новые обороты, новые размѣры и т. п. Почти одновременно былъ основанъ и другой журналъ—«Современное Искусство» основанъ уже названнымъ Эдмондомъ Пикаромъ, соціалистомъ по убѣжденіямъ, почему и журналъ, въ противоположность «Молодой Бельгіи», исповѣдывалъ иной принципъ—неразрывной связи искусства съ жизнью и обязательности для искусства служить соціальнымъ потребностямъ широкихъ массъ. И этотъ журналъ не менѣе энергично поддерживалъ зарождавшуюся бельгійскую литературу.

М. В. Веселовская, въ своей статьѣ: «Молодая Бельгія», отмѣчаетъ общія всѣмъ литераторамъ той эпохи черты въ слѣдующихъ словахъ. «Въ своемъ стремленіи создать чисто національныя произведенія бельгійцы прошли нѣсколько этаповъ: первымъ изъ нихъ, самымъ продолжительнымъ, кропотливымъ является этапъ *колоритной обстановки*, обиліе живописныхъ деталей, при чемъ писатели, по примѣру знаменитыхъ фламандскихъ художниковъ, обнаруживаютъ изумительную наблюдательность, способность глубоко изучать жизнь, какъ внутреннюю такъ и внѣшнюю. Слѣдующимъ этапомъ этого

пути является *необыкновенное воображеніе* бельгійскихъ поэтовъ, высокій полетъ ихъ фантазіи, мощь ихъ порывовъ и возвышенный характеръ ихъ мечтаній. *Глубокій анализъ* души и искренность поэзіи создаетъ еще послѣднюю черту, общую поэтамъ «Молодой Бельгіи». Они выражаютъ то, что переживаютъ, они изображаютъ то, что видятъ, почти у всѣхъ у нихъ замѣтна ненависть къ обману, лжи, презрѣніе ко всѣмъ условностямъ, заранѣе выработаннымъ пріемамъ, страхъ передъ жалкою банальностью».

Всѣ эти черты, столь необходимыя въ періоды созданія самостоятельной литературы, въ періоды борьбы съ подавляющимъ вліяніемъ чужого (въ данномъ случаѣ—французскаго) искусства, мы находимъ у Эмиля Верхарна.

Дѣтство поэта, близость къ простой деревенской жизни, къ простымъ людямъ; величіе суровой природы; море, зовущее куда-то впередъ вслѣдъ за уходящими въ чудесныя страны кораблями; вліяніе суровой монастырской жизни, людей вѣры и воодушевленія; вліяніе романтиковъ, съ ихъ погруженіемъ въ глубины народнаго духа; любовь къ историческому прошлому родины; наконецъ, стремленіе къ «выявленію національнаго лика»—вотъ могучіе факторы, оказавшіе сильное и постоянное вліяніе на поэзію Верхарна».

Къ тому же времени относится образованіе «Бельгійской Рабочей Партіи», объединившей различныя соціалистическія, профессіональныя и иныя рабочія организаціи въ классовую партію пролетаріата. Это объединеніе дало мощный толчекъ бельгійскому рабочему движенію, привлекшему къ себѣ всѣхъ, кто думалъ о лучшемъ будущемъ родины. Въ числѣ примкнувшихъ къ движенію былъ и Верхарнъ. Въ 1892 г. онъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ вождемъ рабочей партіи Эмилемъ Вандервельде и романистомъ Экгудомъ основываетъ при Народномъ Домѣ въ Брюсселѣ художественную секцію, поставившую себѣ задачей пропаганду великаго интернаціональнаго искусства среди рабочихъ массъ, силою вещей отдаленныхъ отъ его оживляющаго и возвышающаго вліянія [1]). Здѣсь Верхарнъ читаетъ рефераты о народной пѣснѣ и здѣсь же впослѣдствіи его «Зори» впервые были поставлены на сценѣ. Эта секція среди рабочихъ имѣла большой успѣхъ.

---

[1]) Бельгійская рабочая партія вопросамъ искусства отдаетъ больше силъ, чѣмъ какая-либо другая соціалистическая партія. Художественная секція при Брюссельскомъ «Народномъ Домѣ» устраивала лекціи, концерты и драматическія представленія, организовала посѣщенія музеевъ, издавала книги, брошюры, художественные эстампы.

Увлеченіе рабочими идеалами, идеологіей пролетаріата — вотъ новый элементъ въ творчествѣ Верхарна, выступившаго на литературное поприще въ эпоху бельгійскаго «Sturm und Drang». Періодъ «бури и натиска» заставилъ Верхарна не замыкаться въ области изящной литературы. Оставаясь поэтомъ, онъ становится общественнымъ дѣятелемъ, публицистомъ, художественнымъ критикомъ, изслѣдователемъ творчества великихъ національныхъ (фламандскихъ) мастеровъ кисти.

II.

Среди многочисленныхъ произведеній Верхарна есть четыре трилогіи, создавшія славу поэта и характерныя для его творчества.

Первая по времени трилогія состоитъ изъ «Les Flamands», «Les Moines» и «Les Bornes de la vie».

«Фламандцы» вышли въ свѣтъ въ 1883 г. и произвели впечатлѣніе скандала. Хранители литературной и моральной чистоты обрушились на молодого дебютанта со всею доступною имъ рѣзкостью. Его называли «Рафаэлемъ грязи и помета», «нарывомъ» на тѣлѣ литературы и т. п. Между тѣмъ поэтъ является здѣсь въ сущности лишь наблюдателемъ природы и своей родины — фламандской деревни. Вслѣдъ за Рубенсомъ, Жордансомъ, Теньеромъ онъ воспѣваетъ стихійную, движимую лишь инстинктами жизнь фламандскаго крестьянина. Все въ природѣ кажется поэту интереснымъ и прекраснымъ, во всемъ, даже низменномъ и нечистомъ, онъ находитъ своеобразную красоту. Эту красоту несетъ съ собою та могучая жизнь, стихійность и единство которой поэтъ отмѣчаетъ во всей природѣ, во всѣхъ проявленіяхъ живой матеріи. Для поэта совершенно безразлично, на чемъ остановится его взоръ, что привлечетъ его вниманіе. Все онъ находитъ заслуживающимъ поэтическаго изображенія. И во «Фламандцахъ» передъ нами проходитъ рядъ колоритныхъ, ослѣпительно яркихъ описаній деревенскихъ фермъ, съ ихъ конюшнями, стойлами, коровами, жирными свиньями; передъ нами проходятъ жители деревни—толстыя загорѣлыя коровницы съ упругими грудями и толстыми ляжками, сильные, мужественные парни. Всюду жизнь простая, спокойная, и въ этомъ спокойствіи чувствуется здоровая сила тѣла. Когда у этого примитивнаго человѣка пробуждаются инстинкты, когда проявляется страсть, она захватываетъ все его существо съ бѣшеною силой; но вспыхнувшая страсть удовлетворяется такъ же

просто, какъ это совершается во всей природѣ. Сила здоровыхъ инстинктовъ привлекаетъ къ себѣ Верхарна, ибо она полна стихійности.

«Я никогда не забуду, — пишетъ Лемоннье, говоря объ этомъ періодѣ творчества Верхарна—какъ онъ читалъ мнѣ свои стихи. Я не былъ еще знакомъ съ нимъ. Онъ вошелъ большими шагами, ступая на пятки, опустивъ голову, какъ мальчики на Шельдѣ во время своихъ народныхъ танцевъ.... Низкимъ, немного взволнованнымъ голосомъ, стоя у окна въ дождливый день, онъ принялся читать свои негладкіе стихи. Онъ прочелъ мнѣ почти все; его близорукій взглядъ точно прикованъ былъ къ бумагѣ; хищные концы его подстриженныхъ усовъ торчали, точно косы, и выходили за предѣлы его сухого и нервнаго профиля. Голосъ его поднимался, развивался въ безконечныхъ переходахъ, и этотъ металлическій и горькій голосъ разрѣзывалъ стихи, дѣлалъ ударенія, точно кусалъ риѳмы... Я узналъ въ немъ дикую, чувственную, мистическую, плебейскую душу нищаго или убійцы, все же способную на геройскіе подвиги, простую элементарную душу, вдохновляющуюся фламандскимъ народомъ, крестьянами, ткачами, котельщиками, валяльщиками, матросами, которыхъ онъ и прославлялъ въ своихъ стихахъ».

Мы увидимъ далѣе, въ какую ошибку впалъ Лемоннье, охарактеризовавъ душу Верхарна какъ простую, элементарную. Въ ней, наоборотъ, оказалась такая сложность и многогранность, такая сила и тонкость, какія свойственны лишь великимъ людямъ, стоящимъ надъ толпою...

Во «Фламандцахъ» Верхарнъ отмѣтилъ силу тѣла, инстинктовъ; въ «Монахахъ» онъ отмѣчаетъ силу борющагося духа.

Олицетвореніе этой борьбы онъ видитъ въ монастыряхъ, нынѣ уже заброшенныхъ, но когда-то населенныхъ властными монахами. Эти монахи—«живые факелы вѣры», носители священнаго огня, звѣзды, бросающія свѣтъ на далекія времена. Ихъ воля—изъ мрамора; крѣпка ихъ вѣра, крѣпка ихъ ярость.

Среди живописныхъ горъ и равнинъ, среди радостныхъ праздниковъ и торжественно грустныхъ процессій вспоминая исторію этихъ монастырей, Верхарнъ мѣткими чертами рисуетъ наивныя мечты, пламенную вѣру и жгучее раскаяніе, которыми полно монастырское прошлое, создаетъ типы гордаго, величаваго аскета, мрачнаго зачинателя ереси, нѣжнаго и наивнаго мечтателя, измученнаго вѣчнымъ страхомъ передъ адомъ бѣглеца отъ грѣховной жизни.

Его привлекаетъ сила, онъ любитъ энергію, волю, могу-

щество во всѣхъ проявленіяхъ, и Верхарнъ славословитъ этихъ рѣдкихъ людей, грандіозное прошлое ихъ битвъ и побѣдъ, ихъ неустанныя усилія, которыми они побѣждали и самихъ себя, и другихъ людей....

Такою представлялась Верхарну жизнь въ пору первыхъ шаговъ его творчества. Двѣ силы двигаютъ жизнь—сила здороваго тѣла и сила мятежнаго духа.

Необходимо отмѣтить одну любопытную черту этихъ произведеній Верхарна. Въ его поэтическихъ картинахъ чувствуется вліяніе фламандскихъ мастеровъ, особенно Рубенса. Фламандская школа зародилась въ условіяхъ, похожихъ на тѣ, при которыхъ возникла и «Молодая Бельгія». Она преслѣдовала въ живописи ту же цѣль—освобожденіе искусства отъ условностей, отъ ига чужеземнаго — въ данномъ случаѣ итальянскаго — вліянія. Въ противоположность послѣднему, фламандское новое искусство было глубоко реалистично и національно. Въ этихъ національныхъ элементахъ природы, быта и духа основатель школы, Рубенсъ, увидѣлъ новую жизнь, полную страсти и силы. Для ея изображенія у него нашлись новыя сочныя краски, новые художественные эффекты. Оригинальный стиль, свобода композиціи, широкая техника и блестящій колоритъ, проникнутый жизнерадостностью и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко національный; таковы главныя черты творчества Рубенса и его школы. При изученіи произведеній Верхарна, въ особенности первыхъ по времени, мы находимъ аналогичныя достоинства. Но если во «Фламандцахъ» онъ походитъ на Рубенса, то въ «Монахахъ» онъ уже ближе по духу и краскамъ къ Рембранду, котораго онъ такъ любитъ, котораго такъ хорошо знаетъ и понимаетъ.

III.

Шли годы. Верхарнъ пережилъ тяжелую физическую болѣзнь, угрожавшую и психическимъ разстройствомъ. Несомнѣнно, эта болѣзнь обусловила тотъ переломъ въ міропониманіи поэта, который мы замѣчаемъ въ его слѣдующей трилогіи «Les Soirs, les Débâcles, les Flambeaux Noirs».

Если въ первый періодъ творчества отличительной чертой Верхарна была любовь къ жизни, то теперь жизнь ему уже кажется мрачной, полной ужасовъ. «Ужасъ ужаса» чувствуетъ нынѣ поэтъ. Раньше онъ отмѣчалъ примитивность, цѣлостность и непосредственность жизни человѣка, близкаго къ природѣ; теперь

миръ и покой чужды его душѣ. Лихорадочныя видѣнія преслѣдуютъ его, и онъ все глубже проникаетъ въ бездны жизни. Онъ рисуетъ мученія человѣка съ пытливымъ разумомъ, который слишкомъ много хотѣлъ знать, слишкомъ страстно хотѣлъ развѣдать причины вещей—и оказался безсильнымъ. Все полно для него отчаянія, боли, смятенія. Природа уже не живетъ спокойной и здоровой жизнью: она полна страданій. Вечера «распяты на горизонтѣ, истекаютъ кровью надъ зеркаломъ болотъ»; «скалы—отчаянье, безмѣрно устремленное въ небо»; небо—«холодное отъ звѣздъ, безконечно недостижимо»; деревья—«длинныя вереницы усталыхъ путниковъ, идущихъ въ безцѣльную даль съ отчаяньемъ въ душѣ»... Нерадостна и созданная руками человѣка внѣшняя обстановка жизни: тоскливы городскія улицы подъ безконечнымъ дождемъ, плачутъ двери сгнившихъ хижинъ деревни, безпомощны крылья разрушившихся мельницъ. Все полно страданіемъ въ кровавомъ закатѣ, подъ каплями крови распятыхъ на холодномъ небѣ вечеровъ. И тѣмъ же страданьемъ наполнены и души людей. Въ душѣ человѣка всегда живетъ жажда экстаза, жажда молитвъ и святынь, невысказанная жажда вѣры. Когда человѣкъ еще вѣровалъ въ Бога, къ нему прибѣгалъ онъ въ своихъ мученіяхъ. Теперь онъ утратилъ вѣру, онъ отрицаетъ, да и не можетъ не отрицать Бога — и, лишенный его, ищетъ спасенія въ своей гордости. Она—эта спасительная гордость—научаетъ человѣка любить свои страданія, во всякомъ случаѣ пріучаетъ къ нимъ. «Радость моя въ томъ, что я страдаю по собственной волѣ, потому что я этого хочу. Моя гордость растетъ, питаясь скорбью; я горжусь моей печалью и моими паденіями». Но эта гордость не можетъ успокоить мятущуюся душу. И бѣжитъ человѣкъ къ идоламъ, жаждетъ лжи («Хочу быть идоломъ, который лжетъ»...), упивается гнѣвомъ и жестокостью, хватается, какъ за спасеніе, за безуміе.

Въ этихъ отчаянныхъ метаніяхъ, въ этихъ мукахъ безсилія приходятъ минуты, когда человѣкъ чувствуетъ такую слабость, такую безпомощность, что, кажется, невозможно долѣе жить, не имѣя опоры въ комъ-то властномъ и добромъ, великомъ и милосердномъ, кто могъ бы избавить его отъ безумныхъ страданій. Подавленный, онъ бросается на колѣна, чтобы вознести старому Богу старыя молитвы. Пусть разумъ отчетливо твердитъ о безсмысленности ихъ, о призрачности молитвы:

«Хотя ты—ложь, но все же я колѣнопреклоненъ,
«Мои уста зовутъ тебя, Великій»...

Въ этой борьбѣ побѣждаетъ разумъ, и снова отчаяніе пу-

стоты и безпомощности овладѣваетъ поэтомъ. Неуклонно онъ приближается къ царству безумія.

Но сильный духъ не сломленъ. Могучее сердце, разумъ не можетъ допустить такого ужаснаго паденія. Всѣ силы свои напрягаетъ поэтъ, чтобы выйти изъ этого положенія. И снова онъ призываетъ гордость, но уже не для того, чтобы оправдать свои страданія, а чтобы обуздать жизнь своей души, чтобы, «какъ звѣря дикаго, смирить свой страхъ душевный, нищету». И какъ характерно заканчиваетъ поэтъ одно изъ стихотвореній даннаго періода («Діалогъ»): «Ободряя себя, призывая на помощь силу своей воли, силу своей гордости, для побѣды надъ самимъ собою, онъ указываетъ на поля, которыя съ такой силой влекутъ къ себѣ,—дикія поля, покоренныя, воздѣланныя руками сильными людей, гранитно-сильныхъ». Онъ устремляетъ свое вниманіе на «вѣчный шумъ шаговъ людскихъ потоковъ, непрестанныхъ по дорогамъ мрачнымъ и ужаснымъ»—къ новому солнцу... Это вѣчное движеніе впередъ ободряетъ поэта, и, обращаясь къ себѣ, онъ восклицаетъ: «хотя ты слабъ и стонешь, хотя ты бѣденъ и усталъ, хотя печаленъ ты—воспрянь, себя ты побѣди, ты волю оживи свою, упавшую до грани, подпрыгни, встань... Направь по вѣтру свой полетъ вдоль по дорогамъ, краснымъ отъ крови пролитой. Обнюхивай, лижи языкомъ, какъ песъ, гноящуюся рану и все-же борись. Бѣги и спотыкайся, падай и вставай»...

Слѣдующую свою книгу: «Черные факелы» поэтъ открываетъ стихотвореніемъ: «Отплытіе». Къ чему, зачѣмъ—этого онъ и самъ еще не знаетъ; онъ чувствуетъ только, что надо плыть, ибо «море зоветъ все впередъ и впередъ», ибо оставаться на старомъ мѣстѣ, въ прежнемъ положеніи, уже невозможно. Его вниманіе привлекаетъ городъ, смутно вырисовывающійся сквозь бури отчаянія, еще владѣющаго его душой.

И тамъ, въ этихъ смутно виднѣющихся домахъ, въ вопляхъ вѣтра, въ шумѣ бури Верхарнъ слышитъ крики людей, звонъ набата, бой барабана. Тамъ люди, которые до этого дня «всю надежду возлагали лишь на одно отчаяніе, вышли смѣло изъ могилъ своего оцѣпенѣнія». «Мятежъ»—вотъ что увидѣлъ въ стѣнахъ города поэтъ. Онъ слышитъ, какъ въ дверь его стучатъ «приклады чьихъ-то ружей смертоносныхъ».

«Не все ль равно—убивать, самому ли быть убитымъ»,—говоритъ поэтъ и съ этого дня вмѣшивается въ самую гущу человѣческой жизни. Правда, старыя настроенія, старыя мысли еще крѣпко владѣютъ имъ, но они получаютъ новую окраску

отъ соприкосновенія съ человѣческими порывами къ лучшей долѣ. Поэтъ еще не нашелъ новой дороги, онъ еще безсиленъ, онъ еще одинокъ, онъ еще страдаетъ.

Въ стихотвореніи: «Утесъ» Верхарнъ въ послѣдній уже разъ рисуетъ весь ужасъ одиночества души. «Неужели я останусь здѣсь одинъ, одинъ... Одинъ съ глазу на глазъ со своей гордостью»...—восклицаетъ онъ въ отчаяніи. Ужасъ овладѣваетъ имъ; онъ боится, что не придетъ желанная минута, эта «радость нестерпимая, великая, когда безуміе разрушитъ мозгъ, и онъ (поэтъ) выйдетъ изъ тюрьмы, изъ каторжныхъ работъ, уготованныхъ ему его разумомъ». Безуміе дастъ ему силы, чтобы «встать, бѣжать и спотыкаться, падать, и вставать», и снова бѣжать впередъ—туда, къ лучшему будущему. Ради этого великаго и свѣтлаго, «въ лучахъ грядущаго» поэтъ проклинаетъ все, что связываетъ порывы, мысли и дѣла людей. Ему грезятся «черныя видѣнья злыхъ боговъ, какъ глыбы мертвыя въ оправѣ изощренной каменьевъ дорогихъ и дьявольскихъ роговъ». Они воздвигались, «какъ тѣни ужаса», въ его душѣ. «Вы палачи»—кричитъ онъ имъ изступленно: «вы палачи души на вѣки пораженной, порвавшіе давно моихъ небесъ лазурь». Въ иныя минуты, вглядываясь въ ходъ міра, поэтъ видитъ, что холодные, бездушные законы холодныхъ и бездушныхъ чиселъ управляютъ имъ, и онъ чувствуетъ себя «обезумѣвшимъ въ лѣсу предвѣчныхъ чиселъ», скованнымъ желѣзными законами мірозданія. Онъ «измученъ, умъ его поникъ; онъ чиселъ тяжестью къ землѣ въ порывѣ смѣломъ наклоненъ; онъ изнемогъ, на переходахъ всѣхъ дорогъ встрѣчается онъ съ ними, какъ съ предѣломъ»... [1]).

Но духъ поэта могучъ, и онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этого кризиса, вышелъ болѣе сильнымъ, просвѣтленнымъ, углубленнымъ.

«Самая сущность Верхарна—все возносить до высоты бреда и безумія»,—такъ охарактеризовалъ его Ренэ Гиль.

И эта основная черта творчества поэта ни въ одномъ, быть можетъ, послѣдующемъ произведеніи не сказалось съ такою силою, какъ въ только что названной трилогіи —трилогіи «Déformation morale», какъ ее назвалъ самъ поэтъ. Въ этой три-

---

1) Другой варіантъ на ту же тему:
«Гроба, что повѣшены всюду на стѣны,
«Склепы цѣпей и скелетовъ стальныхъ,
«Гдѣ кости стучатъ, возвѣщая намъ числа и смѣны...
«Часы, и весь ужасъ ихъ.
«Вы сдавили мой страхъ
«Циркулемъ вашихъ безжалостныхъ стрѣлокъ».
(Стих. «Часы», пер. В. Брюсова).

логіи, какъ справедливо отмѣчаютъ критики—лирика современной души.

Жизнь—кошмаръ. Въ душѣ поэта изсякъ родникъ вѣры; пытливый разумъ разрушилъ боговъ, а вмѣстѣ съ ними и цѣлостность, ибо вмѣсто утраченной вѣры человѣкъ не создалъ себѣ новой. Страданія охватили его; онъ почувствовалъ дикій ужасъ предъ самимъ собою, предъ жизнью. Страданіями наполнена природа, вся вселенная. На этой почвѣ рождается и неудовлетворенность жизнью, вѣчное лихорадочное безпокойство и любовь къ трагическому.

Все это талантливо и ярко изображено Верхарномъ, который отъ созерцанія внѣшнихъ проявленій жизни такъ рѣзко перешелъ къ пытливому самоанализу, разрушившему вѣру, надежду, мужество. Все утратило свое обаяніе, все поколеблено и взамѣнъ утраченнаго, разрушеннаго еще ничто не создано. Поэтъ на перепутьи...

Если въ предыдущихъ произведеніяхъ мы отмѣчали вліяніе романтиковъ, или парнасцевъ, то въ настоящей трилогіи для насъ несомнѣнно вліяніе Бодлэра, противопоставившаго влеченію къ старинѣ любовь къ современости.

Все человѣчество Бодлэру представляется страдающимъ и несчастнымъ; острымъ ножемъ анализа разсѣкаетъ онъ душу современнаго человѣка, продуктъ нездоровой, хотя и блестящей на видъ, культуры, не дающей въ концѣ концовъ ни счастья, ни радости. Человѣкъ жаждетъ иного существованія, но безплодно.

Чѣмъ же замѣнить здѣсь на землѣ, среди невыносимыхъ страданій, это постоянное стремленіе человѣка къ невѣдомому идеалу? Жаждой небытія? Но даже смерть не представляется спасительной, ибо за гранью жизни, за мракомъ могилы гдѣ-то въ міровой памяти существуютъ былыя скорби и страданія.

Спасеніе отыскивается въ концѣ концовъ въ страданіи—и Бодлэръ создаетъ культъ его:

«Благословенъ, дающій намъ страданья...
«Благословенъ твой бичъ, карающій отецъ.
«Благословенна скорбь. Твоя рука сплела
«Не для пустой игры колючій нашъ вѣнецъ... [1]).

И тѣмъ же страданьемъ полна природа. Облака вечернія—прошедшіе годы съ видѣніями старины; вечерній туманъ—сожа-

---

[1]) Переводъ П. Я. (Якубовича).

лѣнье, поднимающееся со дна человѣческой души. Тѣ же мотивы мы находили и у Верхарна.

Но вліяніе Бодлэра на Верхарна оказалось еще болѣе серьезнымъ. Бодлэръ—поэтъ большого города, непознанную до того красоту котораго онъ почувствовалъ и воспѣлъ. Мы увидимъ, что Верхарнъ, какъ разъ въ этомъ періодѣ творчества испытавшій на себѣ вліяніе современнаго большого города—Лондона, гдѣ онъ писалъ разбираемую нами трилогію, впослѣдствіи также посвятитъ свой поэтическій талантъ городу, его жизни, со всѣми ея ужасами и радостями.

IV.

Въ основѣ своей и слѣдующая трилогія: «Villages illusoires», «Les apparus dans mes chemins», «Les vignes de ma muraille», посвящена все еще тому же міровому страданію, глубокому и безысходному. Это страданіе почти стихійное, ибо имъ наполнены и сама природа—дождь, снѣгъ, вѣтеръ, равнины, деревни и люди.

«Длинныя безконечныя нити дождя на фонѣ сѣраго дня. Онъ льется со вчерашняго дня; надъ нимъ висятъ мягкія лохмотья тучъ. Дождь терпѣливо и настойчиво плететъ свою ткань, заливаетъ поля, заставляетъ рѣки выступать изъ сгнившихъ плотинъ на луга, гдѣ плаваетъ неубранное сѣно. Печальныя процессіи—телѣги медленно движутся въ безконечныхъ параллеляхъ—колеяхъ дорогъ; черные быки мычатъ зловѣще. Приближается вечеръ, несутся тѣни, загромождаютъ равнины, а дождь все идетъ и ткетъ свою ткань, прикрывая ею старѣющіе однообразные дома, съ окнами въ пластыряхъ изъ бурой бумаги»... Таковы силы природы, такова обстановка, въ которой должны жить пугливые, измучившіеся люди. Но, изображая ихъ тяжелое и безысходное, казалось бы, существованіе, Верхарнъ, внимательно вглядывающійся въ жизнь, отмѣчаетъ незначительныя, но постоянныя попытки понять законы міра. Кругозоръ ограниченъ, попытки робки и наивны, но все же это попытки. Перевозчикъ мечтаетъ съ задумчивымъ взоромъ о другомъ берегѣ; свой берегъ его не удовлетворяетъ, онъ хочетъ знать о другой жизни. Но усилія людей еще разрознены: рыбаки вынимаютъ сѣти изъ моря каждый для себя, они не догадались еще закинуть общую сѣть, чтобы вытянуть богатую добычу общими уси-

ліями. Въ этомъ стихотвореніи въ первый разъ поэтъ громко высказываетъ желаніе, чтобы люди братски соединились.

Слѣдующія стихотворенія еще болѣе подчеркиваютъ эту новую для Верхарна мысль.

Вотъ «Кузнецъ». Онъ уже понялъ, что люди должны прійти къ идеѣ «содружества народовъ», и онъ «куетъ за днями дни, за годомъ годъ», оружіе для будущихъ побѣдъ.

«Въ свой горнъ онъ бросилъ крикъ проклятый
«И гнѣвъ глухой и вѣковой.
«Холодный вождь безвѣстныхъ ратей,
«Въ свой горнъ, горящій, золотой,
«Онъ бросилъ ярость, горесть, злобы
«И мятежа гудящій ревъ,
«Чтобъ дать имъ ярость молній, чтобы
«Имъ дать закалъ стальныхъ клинковъ...
«Онъ знаетъ, что толпа, возвысивъ голосъ свой,
«Вдругъ выхватитъ безжалостной рукой
«Какой-то новый міръ изъ мрака и крови,
«И счастье выростетъ, какъ на поляхъ цвѣты,
«И станетъ сущностью и жизни и мечты,—
«Все будетъ радостью...»

Въ этой трилогіи поэтъ уже близко подошелъ къ вопросамъ соціальнымъ, къ вопросамъ существованія массъ, ихъ страданій и ихъ надеждъ. И онъ самъ зажегся этими муками и надеждами и далъ намъ и этимъ массамъ слѣдующую свою трилогію—ослѣпительно яркую поэму о борьбѣ города и деревни, о силахъ города, объ идеяхъ, зарождающихся въ туманѣ его ядовитыхъ испареній.

Переоцѣнка всего, что было въ душѣ поэта и въ окружающей его средѣ, приводитъ его къ новымъ настроеніямъ. Онъ жаждетъ новаго синтеза взамѣнъ первоначальнаго міровоззрѣнія, разрушеннаго ужасными видѣніями.

Синтезъ и успокоеніе, однако, приходятъ не сразу. Но поэтъ уже на вѣрномъ пути. Идея общности человѣческой жизни служитъ для поэта вѣрнымъ путеводителемъ. Здѣсь онъ отыскиваетъ точку опоры для построенія новаго міровоззрѣнія. И какою радостью заблестѣли его глаза, какою бодростью охвачено его существо, какъ только онъ почувствовалъ, что здѣсь, въ этой идеѣ, выходъ изъ тяжкихъ личныхъ переживаній.

«Звените всѣ мои голоса надежды,
«Звените во мнѣ...»

Онъ снова почувствовалъ жизнь, даръ бытія. Онъ захотѣлъ жить. Этотъ моментъ имъ ярко запечатлѣнъ въ стихотвореніи: «Святой Георгій», который является для поэта символомъ дѣйствія, борьбы.

Въ этотъ періодъ творчества Верхарнъ выступаетъ уже какъ поэтъ-символистъ. На родныхъ фламандскихъ поляхъ, среди бѣдныхъ деревенскихъ ремесленниковъ онъ нашелъ своихъ героевъ; даромъ своего поэтическаго творчества онъ преобразилъ ихъ въ символическіе типы человѣчества; ихъ исканіямъ и попыткамъ онъ далъ всечеловѣческіе размѣры.

Онъ испыталъ на себѣ вліяніе еще одной современной ему литературной школы—символистовъ, главнымъ стремленіемъ которыхъ было широкое обобщеніе жизни отысканіе внутренняго смысла событій, а не фотографическое изображеніе дѣйствительности.

«Философскій синтезъ, противопоставленный прежней аналитической лирикѣ настроеній—такова идейная основа символической поэзіи», какъ опредѣляетъ ее I. Канъ въ своей книгѣ «Symbolistes et décadents».

Форма для символистовъ была лишь средствомъ; поэтому они готовы были отречься отъ всѣхъ правилъ въ области стихосложенія. Каждый поэтъ воленъ создавать свои формы. «Вернувшись къ идеѣ субъективнаго языка романтиковъ, символисты развили ее до послѣднихъ крайностей. Они ввели въ поэзію и разработали особый пріемъ «творчества»—свободный стихъ, «ver libre», при которомъ въ одномъ стихотвореніи смѣняется рядъ ритмовъ, подчиняющихся только ходу мыслей и смѣнѣ выраженій чувствъ» [1]).

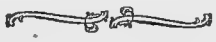
Впослѣдствіи намъ придется указать на роль Верхарна въ этомъ движеніи созданія «свободнаго стиха», тамъ мы обратимъ вниманіе на то, какое глубокое вліяніе на него оказала въ этой области школа символистовъ, а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію новой трилогіи Верхарна, напомнивъ читателямъ въ двухъ словахъ результаты предыдущаго изложенія.

Итакъ, самое существенное, что до сихъ поръ пріобрѣлъ поэтъ—это сознаніе радости бытія. Въ немъ возродилась любовь къ жизни.

Скоро онъ подойдетъ еще ближе къ жизни, пытливо вглядываясь въ современныя ея условія—и станетъ пѣвцомъ современности.

Мих. Г.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).



---

[1]) В. Брюсовъ, «Французскіе лирики XIX вѣка».

НЕЧѢМЪ ЖИТЬ.

Въ концѣ седьмого года, въ одно раннее морозное утро, въ домѣ дьякона Амплѣя Алоева произошелъ въ квашнѣ маленькій капризъ: тѣсто не поднималось. Было еще темно, въ домѣ священника горѣлъ огонь; о. Ѳедоръ только что пробудился и пошелъ умываться въ кухню. Тутъ дьяконъ, возливая на іерейскую шею холодную воду изъ длиннаго, съ узкимъ горлышкомъ кувшина, имѣлъ удобный случай познакомить со своимъ горемъ о. Ѳедора, который для обстоятельныхъ сужденій позвалъ горюна въ горницу.

— Да, не поднимается...— вздыхалъ дьяконъ, а батюшка, вытираясь холстовымъ полотенцемъ, съ вышитыми на концахъ рисунками пѣтушка съ рюмочкой и курочки съ графинчикомъ, высказывалъ:

— Такъ я-то тутъ при чемъ?

Нѣжившаяся въ теплой перинѣ, за занавѣской, матушка Анна Семеновна встрепенулась:

— Что у васъ тамъ такое?

— Цѣлая драма, попадья... Вставай.

Конечно, Анна Семеновна забросала дьякона вопросами:— хороша ли мука и не вымерзла ли запара, не попало ли чего въ квашню и съ молитвой ли ставила дьяконица. Амплѣй Кузьмичъ на все свидѣтельствовалъ, что причина не отъ дьяконицы.

— Отъ чего же тогда?

— Да не оттого ли, что она, квашня-то, матушка, своего требуетъ, а домъ-то у насъ, сами знаете, чистое рѣшето.

— Укутали бы поплотнѣе.

— Укутали. Въ двѣ шубы. Сняли съ себя... дрожимъ,

зубъ на зубъ не попадаетъ. Часа два такъ-то стояли надъ ней сердешной, а она хлюпнетъ и опадаетъ, хлюпнетъ и опадаетъ. Стараніе видно, но безполезное...

— Мм...—промычалъ попъ:—топить надо.

— Да въ томъ и суть, батюшка, дровъ ни полѣна!—съ горечью воскликнулъ дьяконъ.

— Такъ я-то тутъ при чемъ?

— Помогите...—жалобно произнесъ дьяконъ поперхнувшимся басомъ и низко поклонился.

О. Ѳедоръ двигалъ стаканъ подъ кранъ самовара, у котораго уже сидѣла умытая матушка, и выговаривалъ:

— И такъ ужъ, Кузьмичъ, тобой забрано изъ кружки не мало, въ полгода не разсчитаться.

— Я не отпираюсь, батюшка... Но что подѣлаете—не скотинкѣ же теперь вываливать доброе? Въ послѣдній разъ.

— Знаю, какъ въ послѣдній...—проговорилъ о. Ѳедоръ скучно и съ укоромъ. Тогда дьяконъ перевелъ умоляющіе взоры на попадью и, прижимая руки къ груди, воскликнулъ молитвенно:

— Матушка!!

Та сжалилась.

— Ну, попъ, а ты дай. Неужели имъ въ самомъ дѣлѣ свиную болтушку хлебать? Все-таки человѣки...

— Конечно—люди, я противъ этого не возражаю,—разсуждалъ о. Ѳедоръ.—Но сама посуди: въ братской кружкѣ всего на все два рубля семьдесятъ двѣ копѣйки. Псаломщикъ можетъ требовать свою долю...

— Тотъ холостой... подождетъ дылда долговязая.

— А намъ съ тобой развѣ не надо?—стоялъ на своемъ священникъ. Тогда дьяконъ вдругъ опустился на колѣни и, протягивая обѣ руки вверхъ, возопилъ:

— Поднимите!—И трудно было понять, за кого онъ проситъ: за себя ли, поверженнаго во прахъ, или за квашню, которая безъ тепла отказывалась подымать.

Матушка вспыхнула и раздраженно закричала на мужа:

— Дай! тебѣ говорятъ... Мучитель безтолковый...

Священникъ поднялся, иначе—онъ зналъ—попадья сама отопретъ братскую кружку и выдастъ. Дьяконъ, получивъ два рубля, выражалъ такую признательность своими карими съ поволокой очами доброй матушкѣ, что не будь при этомъ попа, непремѣнно высказалъ бы: «Какъ бы мы жить-то стали безъ васъ, матушка?»

Часа черезъ два Амплѣй Кузьмичъ подвозилъ къ своему дому на чужой лошади возъ хворосту. Къ обѣду въ дьяконской дырявой хатѣ стало тепло.—Ѣли горячій хлѣбъ съ лукомъ съ большимъ аппетитомъ, а потомъ выпарились заодно въ жаркой печи. Въ банѣ изъ-за дровъ не мылись мѣсяца два...

Но и послѣ того у дьякона черная мысль гвоздила голову:

— Жить нечѣмъ!

Въ долгъ не давали и не вѣрили, потому что кругомъ задолжалъ: и старшинѣ Максиму Егорычу Карабанову, когда отправлялъ въ городъ сына и дочь учиться, и волостному засѣдателю Евсею Миронычу, когда покупалъ дьяконицѣ валенки, и трактирщику Сашкѣ Пушеву (онъ же и лавочникъ), у котораго забирали на книжку чай, сахаръ и крендели по воскресеньямъ, и наконецъ четыре цѣлковыхъ даже учительницѣ Марьѣ Ивановнѣ, троюродной своей племянницѣ.

— Охъ, и времена!—стоналъ дьяконъ, скобля пятерней волосатую могучую грудь, какъ будто хотѣлъ насквозь прочесать ее до самаго сердца, которое ныло не столько отъ изжоги, съ луку, сколько отъ нужды, которая обхватила его со всѣхъ сторонъ.

Впрочемъ, не въ одномъ дьяконскомъ домѣ была тоска. И священникъ говаривалъ:

— Въ эти проклятые три года бьемся какъ рыба объ ледъ!

Весь причтъ угнетенъ былъ паденіемъ доходовъ. Православные ходили въ церковь рѣже, требы оплачивали низко и съ такимъ обозленнымъ видомъ, что духовенство, ловя выбрасываемые съ дерзостью пятаки, пугалось.

— Развратился народъ!—восклицали при дѣлежѣ братской кружки.—Ни послушанія, ни почтенія. Ожесточились. Того и гляди, за горло возьмутъ... Духовныхъ-то? а? И откуда все сіе?

— Повѣтріе...—объяснялъ образованный псаломщикъ, верзила, окончившій семинарію въ хвостѣ второго разряда.

Къ веснѣ мужики поголовно отказались платить причту ругу. О. Ѳедоръ не выдержалъ, вышелъ къ нимъ на сходъ съ пастырскимъ увѣщаніемъ.

— Православные! Вѣдь наше духовное дѣло есть и ваше—подумали ли вы объ этомъ? Чѣмъ мы будемъ жить, если не будете давать намъ?

— А намъ кто даетъ?—возражали мужики.

— Ну, придется уходить отъ васъ. И ужъ другого попа къ вамъ не назначатъ.

— Въ расколъ уйдемъ...

— Въ ра-сколъ?..

У о. Ѳедора даже дрожь пошла подъ колѣнками.

— Вонъ вы что... А страшный судъ?.. А вѣчныя муки?.. Адъ?

— Тамъ, чай, не хуже здѣшняго...

И о. Ѳедоръ понялъ, какая пропасть разверзлась между приходомъ и причтомъ. Кто и чѣмъ завалитъ эту пропасть?

— Надо развивать духовную жизнь въ народѣ,—вздыхая, говорилъ о. Ѳедоръ.

— Помните, года четыре назадъ начальство доѣзжало насъ статистикой насчетъ чтеній, туманныхъ картинъ и собесѣдованій? Тогда мы этимъ дѣломъ небрегли, въ таблицахъ врали; доходы были, и жили припѣваючи... Но теперь на это дѣло надо взглянуть иначе... Несомнѣнно, чтенія привлекутъ сердца, расположатъ въ нашу пользу. Такъ, Иванъ Василичъ, ты будешь зажигать фонарь и показывать картины, я — читать выразительно, а дьяконъ споетъ что-нибудь. А? ладно?

— Идетъ!

— Первымъ дѣломъ на счетъ пьянства... Коренная язва народная... Поѣзжай, дьяконъ, въ управу, возьми фонарь съ брошюрой. Кстати и жалованье получи—свое и мое... за полгода.

Чтеніе вышло довольно оригинальнымъ. Задолго до начала мальчишки, дѣвки, бабы, мужики толпились около школы. Всѣ были рады случаю собраться, потолкаться; давно этого не было—со временъ «свободы». Кое-кому почудилось, что свобода опять пришла. Только зачѣмъ она въ фонарѣ? «Какъ быдто она прежде не такъ разъѣзжала». Уже знали изъ объявленія батюшки за обѣдней, что будутъ читать о пьянствѣ и будутъ показывать—говорили—какихъ-то особенныхъ невиданныхъ пьяницъ. Пришли и настоящіе Кекинскіе пьяницы, возбудившіе усмѣшку въ толпѣ.

— Вамъ, чай, и безъ фонаря извѣстно это дѣло.

— А вотъ посмотримъ,—дурачились тѣ въ отвѣтъ.

Отецъ Ѳедоръ былъ смущенъ тѣмъ, что почетныя мѣста заняли исключительно пропойцы, отъ которыхъ попахивало перегаромъ сивухи до самой каѳедры, гдѣ онъ усѣлся съ брошюрой. Онъ даже какъ будто растерялся въ первое мгновеніе и посмотрѣлъ на отребье рода человѣческаго изумленнымъ загадочнымъ взоромъ. Замолкли. Настроены были игриво и ждали отъ

Митьки Коршуна и Яшки Посудина «штукъ», которыя не замедлили воспослѣдовать.

— Такъ... Вѣрно!—выкрикивалъ Коршунъ, мотая пьяной головой. Аудиторія смѣялась. Поощренный пьяница послѣ каждой фразы батюшки приговаривалъ:—Правильно... Могу утвердить...

Но сосѣдъ Яшка, считавшій своей обязанностью во всемъ спорить съ пріятелемъ, возражалъ охрипшимъ голосомъ:

— Зря... Не желаю...

О. Ѳедору приходилось не разъ останавливать спеціалистовъ. Во время перерыва и послѣ чтенія пьяницы подвергли большому сомнѣнію правду чтенія:

— Отколь это узнали, какое у насъ сердце, какія легкія?

— Узнали, значитъ, если показываютъ.

— Враки... Будто кто водку пьетъ, тотъ мало живетъ? А вотъ Матвѣй Будакъ—ему семьдесятъ годовъ, а спроси его—когда онъ трезвый живалъ?

Это произвело впечатлѣніе. Водка не казалась такимъ вредомъ, какъ представлялось съ каѳедры.

— «Ядъ»... Побольше бы этого яду, мы бы ничего...— Выплывали на сцену пословицы: «пьянъ да уменъ, два угодья въ немъ» и изъ писанія: «Вино веселитъ сердце человѣка».

— Не вино укоризненно, а пьянство!—силился доказать батюшка, но уже терялъ подъ собою почву и совсѣмъ ее потерялъ, когда ему задали вопросъ:

— А какъ же правительство торгуетъ этимъ ядомъ? Что же, оно травитъ?

Батюшка не могъ отвѣтить толкомъ.

О. Ѳедоръ уходилъ съ опущенной головой.

Чувствовалъ, что ошибся въ выборѣ темы, и рѣшилъ на будущее время предложить публикѣ что-нибудь другое: житіе Михаила Тверскаго или «Пѣсню о купцѣ Калашниковѣ». Однако, не суждено было устроить второе чтеніе. Трактирщикъ Сашка подсчиталъ въ день чтенія свои барыши, поскорбѣлъ о заготовленномъ пивѣ, которое можетъ прокиснуть, и сказалъ:

— Недоборъ...

Потомъ сталъ думать: «А если такъ пойдетъ въ каждое воскресенье?» И уже съ опредѣленнымъ планомъ въ головѣ внушалъ уряднику:

— Митингъ... Гдѣ разрѣшеніе? Скрываешь? За одно съ попами? Смотри...

Вскорѣ о. Ѳедора вызвали въ городъ къ исправнику на объ-

ясненіе. Здѣсь объяснили, что требуется за три дня извѣщать полицію о собраніи.

— Да вѣдь я же религіозно-нравственное...

— Все равно. Мы этого не различаемъ. Хоть о Богѣ, хоть о чортѣ,—должны извѣщать.

— А какъ же раньше ничего такого не требовалось?

— Теперь, батюшка, конституція!—смѣялся исправникъ въ самую бороду духовнаго лица.

О. Ѳедоръ думалъ вслухъ, почесывая въ затылкѣ:

— За три дня... каждый разъ прошеніе... съ марками... Надоѣстъ и раззорительно...

— Дѣло ваше. Но предупреждаю, если еще станете самовольничать, я васъ... долго будете помнить!...

— Какъ же жить-то, батюшка?—спрашивалъ дьяконъ.

— Какъ? Думать надо, ворочать мозгами...—И, помолчавъ довольно, о. Ѳедоръ прибавилъ тихо: — Если хотите, я придумалъ кое-что... Свою реформу.

Дьяконъ и псаломщикъ насторожились.

— То, что я хочу предложить, есть послѣднее наше средство... Если и оно не поможетъ, я складываю оружіе и скажу: Пасъ! Побѣжденъ... Начнемъ разсуждать такъ: я буду задавать вопросы, а вы отвѣчайте... методъ мышленія сократическій... Вопросъ первый: что больше всего уважаютъ мужики?

— Водку,—брякнулъ дьяконъ.

— Ну... куда махнулъ! Не о томъ я тебя спрашиваю, а какой трудъ почитаютъ больше всего мужики: умственный или физическій?

Не смотря на всю отчетливость постановки, вопросъ все-таки казался братіи неяснымъ, и о. Ѳедору пришлось подсовывать факты. Онъ говорилъ о Марьѣ Ивановнѣ, на которую злились мужики: «Дѣвкѣ двадцать пять рублей въ мѣсяцъ—за что?» Упоминалъ о жалованьѣ земскаго начальника въ 250 рублей за мѣсяцъ, о докторѣ, судьѣ—всѣ они получаютъ «бугры» и за это крестьяне «ихъ не любятъ».

— Возьмемъ нашъ трудъ. Не больше ли въ немъ механизма, чѣмъ ума? Мужикъ это понимаетъ и хорошо выразилъ въ пословицѣ о горбѣ и горлѣ... Чтобы склонить мужика къ уваженію духовнаго занятія, нуженъ трудъ, трудъ и трудъ, явный, длительный, бьющій въ глаза своимъ временемъ, трудъ съ утра до вечера, съ восхода солнца и до заката, какъ у всѣхъ мужиковъ..

Установили единство дѣйствій въ духѣ батюшкина проекта и съ нетерпѣніемъ ждали престола—Петрова дня.

Въ тотъ день служили утреню и обѣдню не торопясь, что удивило прихожанъ, которые по былому опыту знали, что въ эти дни службу комкаютъ, дабы пораньше начать хожденіе по домамъ съ молебнами. Изъ церкви прихожане вышли поздно и съ недоумѣньемъ:

— Что это съ попами сдѣлалось? Ровно ихъ подмѣнили.— Удивляло народъ и то, что дьячки, то есть псаломщикъ съ дьякономъ, обнаруживали на своихъ лицахъ не ласкательныя улыбки, а какую-то солидность, угрюмую торжественность, словно они за ночь выросли головою выше, поднялись надъ землею на полтора аршина и такъ упремудрились, что совсѣмъ не предвкушаютъ пріятныхъ сторонъ наступившаго «праздника», обычно празднуемаго три дня съ должной честью, не хуже другихъ селъ.

Начались молебны изъ дома въ домъ, сначала по богатымъ прихожанамъ, какъ и всегда. Пѣли не спѣша и гораздо больше, чѣмъ прежде полагалось. Богачамъ это нравилось, они видѣли въ томъ привилегію своего общественнаго положенія и оплачивали почтеніе по высшей таксѣ, но потомъ пожалѣли, когда узнали, что попы поступаютъ равнымъ образомъ и въ бѣдныхъ домахъ. «Должно быть, у нихъ указъ... А указъ не наше дѣло»... Отъ угощенія молебствующіе безусловно отказывались. Въ разговоры не вступали, не присаживались, вели себя благоговѣйно и подобающе. Что-то ихъ увлекло и захватило, при чемъ даже повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ нисколько не понижало высокой настроенности. Въ домѣ церковнаго старосты сдѣлали передышку на полчаса, пообѣдали, но къ вину не прикоснулись, и затѣмъ опять были на ногахъ вплоть до вечера. Подъявъ такіе труды, они вернулись въ сумерки домой изусталые, но къ удивленію домашнихъ трезвые, на вопросы отвѣчали неохотно и невпопадъ, и лишь добрели до кровати, такъ и грохнулись пластомъ. Дьяконъ не могъ даже стащить съ лѣвой ноги сапога, такъ и уснулъ въ немъ и проспалъ всю ночь, не поворотясь.

На другой день они продолжали молебствовать такъ же, какъ и въ первый. Пошелъ говоръ по селу.

— Ну-ну,—качала головой матушка.—На что это вы бьете?

— На совѣсть,—отвѣчалъ о. Ѳедоръ.

— А свою куда дѣвали?

— Ахъ, оставь, пожалуйста! Надо же чѣмъ-нибудь жить.

Не рада была матушка доходамъ. Нужды большой она не чув-

ствовала, дѣтей не было, за деньгами она не гналась и жила съ бабами въ дружбѣ, помогала даже особенно бѣднымъ, гдѣ—старенькой рубашкой, гдѣ—крынкой снятого молока, лечила горчишниками и мятными каплями. Ее любили, она была заступницей, и часто священникъ противъ своего желанія дѣлалъ по ея приказу. Не по нутру ей были новые пріемы извлеченія доходовъ; она уже видѣла осужденіе ихъ въ осторожныхъ отзывахъ деревенскихъ бабъ, и требовала отъ батюшки прекращенія «безобразія». Но тотъ стоялъ на своемъ и доказывалъ, что мужика надо привести въ чувство, донять, устыдить, и только тогда жизнь духовенства вернется въ прежнюю нормальную колею.

— Такъ вотъ для чего вамъ нужна мужичья совѣсть!—воскликнула Анна Семеновна и прибавила:—Можетъ—и Богъ для того же только нуженъ?

Священникъ потерялъ терпѣніе и крикнулъ съ своей стороны:

— Молчи... Твое ли дѣло? Суешься вездѣ... Безтолочь!... Баба!...—Онъ такъ озлобился, что ушелъ къ дьякону. Туда же пришелъ и псаломщикъ; въ компаніи было большое оживленіе. Высоченнаго роста псаломщикъ улыбался во всю ширь своей бритой физіономіи и говорилъ:

— Въ решпектъ привели... Ха-ха... Однимъ зарядомъ двухъ зайцевъ.

И дьяконъ былъ неузнаваемъ,—ожилъ духомъ, взмахивалъ руками и выкрикивалъ:

— Вы, батюшка, скажу безъ лести... право же ей Богу... того... Надо же такую штуку придумать!.. Оно и благочестно, и доброполезно,—чего лучше!

— Вотъ въ этомъ и заключается настоящая мудрость!—поддакивалъ псаломщикъ, а дьяконъ высказывалъ:

— Допрежъ думалъ я перепрашиваться въ другой приходъ, писалъ архиваріусу, чтобы похлопоталъ за меня... Теперь отказную пошлю... Отъ добра добра не ищутъ... Потому вы, батюшка, Соломонъ... ей-Богу, Соломонъ!

Мужики сначала были ошеломлены, но потомъ, когда прошелъ праздникъ, стали соображать, правильно ли попы поступаютъ? Отъ Петрова дня до Рождества вопросъ этотъ часто ставился и въ отдѣльныхъ группахъ, и на сходахъ, и всегда сводился на одно и то же:

— Вѣдь это какъ понять—насильно-то? Въ насмѣхъ или въ укоръ? Да ежели мы не хотимъ длинныхъ молебновъ?.. Ежели, примѣрно, намъ служили по старому за гривенникъ, а не по новому—за четвертакъ? Можемъ мы требовать аль нѣтъ?

Какъ-то за недѣлю передъ святками Кекинцы вынесли рѣшеніе, которое передали церковному старостѣ, чтобы онъ довелъ до свѣдѣнія священника. Староста сначала упирался, но ему пригрозили, что смѣнятъ, если онъ за одно съ попами, и онъ наконецъ, послѣ долгихъ воздыханій, при выходѣ изъ церкви, въ самое Рождество сказалъ:

— Батюшка! вотъ какое дѣло... Народъ желаетъ молебны-то по старому.

— Развѣ они намъ указъ?—высокомѣрно отнесся о. Ѳедоръ.

— Конечно дураки,—спѣшилъ согласиться староста.—Но взяли съ меня слово обсказать тебѣ... Конечно дураки!..

Батюшка передалъ заявленіе прихожанъ братіи. По маломъ обсужденіи рѣшено было молебствовать въ духѣ престольнаго праздника. Въ богатыхъ домахъ дѣло прошло гладко. Но въ первомъ же бѣдномъ дому вышла осѣчка. Домохозяинъ выложилъ напередъ молебна гривенникъ и какъ только, по его соображенію, промолился за эту цѣну, ушелъ за дверь, такъ что остальная часть молебна прошла въ пустомъ домѣ. Попы почувствовали неловкость. То же было и въ слѣдующихъ домахъ. Мужики встрѣчали «славу» упрямо, съ деревяннымъ озлобленіемъ.

Рѣшили не отступаться, дойдти до послѣдняго: пусть что будетъ, то и будетъ! Подрясники, промерзшіе въ снѣжныхъ сугробахъ, оттаявали въ теплыхъ домахъ, образуя у ногъ капель и лужи, а потомъ въ холодныхъ избахъ и на улицѣ снова обмерзали и разбухали съ каждымъ часомъ. Къ концу дня духовные возвращались точно въ огромныхъ заскорузлыхъ кринолинахъ, тянувшихъ за плечи къ низу словно пудовыми гирями. Конечно, если бы такая тяжесть обледенѣлыхъ одѣяній сопровождалась соотвѣтственной тяжестью въ карманахъ, можно было бы даже радоваться, но въ томъ и состояло огорченіе, что въ карманахъ грузъ былъ легкій. Результаты получились плачевные. Доходы упали до предпрестольной нормы. Настроеніе круто измѣнилось: работы вдвое, а суть та же, выходитъ—въ пустую старались. Дьяконъ ужъ не называлъ о. Ѳедора Соломономъ.

А попадья говорила:

— Что—обожглись? Такъ вамъ и надо!.. Развѣ не права я была?

Батюшка, хоть и было ему зазорно, однако нашелся:

— Ну ужъ, забахвалилась... въ кои-то вѣки твоя правда.

Потомъ о. Ѳедоръ, просушивъ рясу, все съ начала до конца передумалъ и подъ новый годъ сознался:

— Да, попадья, совсѣмъ я спутался... Да и какъ не спутаться? Тѣсно стало правдѣ на землѣ, выгоняютъ ее отсюда цѣликомъ, и лѣзетъ она то на небо, то въ происподнюю, и на землѣ остается послѣ нея пустое мѣсто...

Когда настало время ходить съ крещенской водой, духовенство молчаливо перешло на прежніе, вѣками утвержденные пріемы водосвятія. Мужики увидѣли поворотъ къ старому и встрѣчали причтъ съ улыбками, но не кичились побѣдою. Попы присаживались и не отказывались отъ угощеній. Къ концу дня пѣли веселѣе, кропили смѣлѣе и пошатывались. И какъ-то сразу стало легче и свѣтлѣе обѣимъ сторонамъ.

— Вотъ такъ-то лучше, батюшка! А то ишь чего выдумали!

Но доходность все же стояла ниже прежняго уровня. Было ясно, что норма доходовъ опредѣлялась не психическими, а болѣе глубокими причинами, общимъ оскудѣніемъ мужичьихъ домовъ, и тутъ какъ ни воздѣйствуй, какіе фейерверки ни пускай, что ни вывертывай, все равно никакой фокусъ не поможетъ. И какъ только духовенство дошло до такого вывода и убѣдилось, что нѣтъ надежды на возвращеніе прежнихъ блаженныхъ временъ, такъ опять заголосило:

— Податься некуда...

— Ни туда, ни сюда...

— Крышка!...

Первымъ, кто рѣшилъ попробовать счастія за свой личный рискъ, былъ псаломщикъ Иванъ Васильевичъ Бондовскій. Загубивъ полтора рубля на прочныя пасьянсовыя карты, Бондовскій сталъ ходить по богатымъ мужикамъ и показывалъ игру въ винтъ. Дотолѣ мужики знали игру въ свои козыри, въ пьяницы и въ три листика. Игра въ винтъ заинтересовала солидныхъ крестьянъ, которыхъ приводили въ умиленіе коронки до двойки съ огромною записью, а «гвоздь» шевелилъ чувство жестокости, свойственное людямъ купли-продажи.

— Ловко этакъ туза козырной двойкой саданутъ да подвести другого туза подъ убой... Расчесать можно!

— Ну, еще бы!—говорилъ псаломщикъ.—Весьма интересно. И вы не думайте, что тутъ мудрость особенная... Сама карта покажетъ линію... Ну-съ, по маленькой господа! Не больше двухтысячной. Пятака на весь вечеръ хватитъ...

Составилась партія впятеромъ изъ старшины, волостного засѣдателя, писаря Василь Василича, лавочника Пупышева. Народъ умный, толковый, знающій грамоту и счетъ. Скоро

поняли суть и вошли во вкусъ... Нравилось то, что во весь вечеръ проиграешь какой-нибудь двугривенный, а удовольствія на два цѣлковыхъ. Псаломщикъ стремился поселить въ партнерахъ принципіальное уваженіе къ благородной игрѣ:

— Нынѣ всѣ въ эту игру играютъ... графы, князья, губернаторы, исправники, земскіе начальники, вообще все образованные сословіе.

— «Ага».—Это очень льстило.

И когда для развлеченія скучавшаго станового устроили у старшины партію и обыграли его на четвертакъ, становой почувствовалъ даже уваженіе къ воротиламъ, коихъ прежде третировалъ наравнѣ со всѣми, а теперь сталъ величать на «вы». Такимъ образомъ, игра приносила даже соціальное благо, чего не имѣла за собой никакая другая сила. Этого игроки совсѣмъ не подозрѣвали въ тузахъ и валетахъ. Съ тѣхъ поръ они ввели винтъ въ обиходъ своей жизни, въ повинность сознающихъ свою образованность культурныхъ людей.

Конечно, псаломщикъ почти всегда выигрывалъ, высказывая при этомъ, что и онъ въ свое время за науку платилъ, а потомъ и ученики могутъ поучить своего учителя. И когда это случалось—разъ въ двѣ недѣли,—онъ не скорбѣлъ и выкладывалъ проигрышъ съ веселымъ духомъ, чѣмъ подкупалъ партнеровъ.

Во время такихъ вечеровъ ставилось обычное въ хорошихъ домахъ угощеніе—чай, закуска, выпивка. При видѣ новыхъ условій своего питанія, Иванъ Васильевичъ пришелъ къ идеѣ, что, собственно говоря, незачѣмъ держать у себя стряпку, платить ей жалованье цѣлковый въ мѣсяцъ да кормить ее:—не лучше ли совсѣмъ погасить очагъ въ псаломщической обители, а самоваръ ставить и самому не трудно...

День псаломщика располагался такъ: спалъ онъ по утрамъ елико возможно дольше, даже до отвращенія, чаепитіе удлинялъ тоже до нельзя, и забавлялся опытами надъ смородинными, вишневыми и другими листьями, которые клалъ въ стаканъ и находилъ, что смородинный листъ лучше другихъ напоминаетъ варенье, конечно—смородинное. Послѣ чаю иногда раскрывалъ старинную книгу, гдѣ читалъ слѣдующіе, напримѣръ, вопросы съ отвѣтами: «Вопросъ: Гробъ ходяще, а мертвецъ въ немъ пояще?» Отвѣтъ: Гробъ—китъ, а мертвецъ—Іона въ китѣ». В.: «Что есть древянъ ключъ, водянъ замокъ, заяцъ ушелъ, а ловецъ потонулъ?» О.: Заяцъ Моисей, а ловецъ царь Фараонъ». Книга эта была безъ конца и безъ начала, но, питая умъ пса-

ломщика, позволяла ему въ обществѣ быть интереснымъ и считаться глубокимъ богословомъ.

Поигравъ, затѣмъ, съ кошкой и выбрившись, псаломщикъ къ вечеру выходилъ на прогулку и, встрѣчаясь съ кѣмъ-нибудь изъ друзей, заговаривалъ:

— Не перекинуться ли?

Ему отвѣчали согласіемъ, онъ звалъ другого, шли къ четвертому, а за пятымъ посылали.

Сами собою установились очереди. Ломберный столъ перетаскивали изъ дома въ домъ, потому что былъ единственный такой столъ въ Кекинѣ и притомъ собственностью самаго учителя винта, съ нимъ пріѣхавшаго въ Кекино на духовную службу.

Постепенно, съ развитіемъ пониманія, отъ двухтысячной перешли къ тысячной, пятисотой и даже къ триста-тридцать-третьей. У Ивана Васильевича стали водиться денежки въ сберегательной кассѣ на почтѣ.

Выигрыши не возбуждали неудовольствія противъ псаломщика, потому что онъ своимъ обхожденіемъ, угодливостью и легкимъ остроуміемъ умѣло возливалъ елей на раны огорченія.

Иванъ Васильевичъ сдѣлался человѣкомъ необходимымъ, и если иногда ему приходилось отлучиться по дѣламъ, то всѣмъ было скучно.

Игра впятеромъ нѣсколько интересовала еще и тѣмъ, что молодой псаломщикъ и молодой лавочникъ Александръ Макарычъ, тоже человѣкъ холостой, вносили въ карты другого рода игру—изъ области соперничества по чувствамъ къ учительницѣ Марьѣ Ивановнѣ. Лавочникъ ни въ чемъ не хотѣлъ уступать псаломщику: курилъ длинные папиросы изъ длиннаго мундштука, носилъ брюки на выпускъ и по однобортному пиджаку также развѣвался у него широкій галстухъ пламеннаго вида.

Дьяконъ захаживалъ къ игрокамъ, смотрѣлъ и разгорался сердцемъ. Однажды, въ значительномъ подпитіи, онъ преисполнился самомнѣнія, сѣлъ за карты и нажегся на два съ полтиной. Денегъ, конечно, не могъ отдать и потомъ уже не садился отыгрываться, оставаясь должникомъ псаломщика, который, впрочемъ, не требовалъ съ него.

Дьяконъ усмотрѣлъ, что псаломщикъ отъ картъ получаетъ больше, чѣмъ изъ братской кружки, а если прикинуть къ сему стоимость пищевого довольствія, получаемаго натурою не въ зачетъ отъ тѣхъ же партнеровъ, то псаломщическое житье

люли-малина! Пожалуй, и попъ того не имѣетъ... И такое тутъ возбудилось чувство, что нельзя было утерпѣть, чтобы не доложить о. Ѳедору. Но о. Ѳедоръ отозвался:

— А намъ что за дѣло? Пусть добываетъ... Насъ это не касается.

— Но, батюшка, это вѣдь и есть то, что писаніе именуетъ неправедными прибытками.

— Кто въ грѣхѣ, тотъ и въ отвѣтѣ...

— Но грѣхъ-то, батюшка, неудобообстоятельный... Грѣшникъ этотъ, какъ-никакъ, состоитъ въ нашей братіи; могутъ осудить, вотъ, дескать, какъ въ Кекинѣ попы живутъ... Поклепъ... молва... И на насъ тѣнь...

— Ой, дьяконъ, боюсь, что не сіи нравственныя идеи руководятъ твоимъ недовольствомъ...

— А что же?

— Да... не завидуешь ли ты?

Дьяконъ смущенно опустилъ голову, а священникъ прибавилъ:

— То-то... берегись... зависть грѣхъ смертный.

Но поучительное батюшкино слово возъимѣло обратное дѣйствіе: дьяконъ насупился и вымолвилъ угрожающе:

— Ежели благочинный спроситъ, ничего не утаю.

Вслѣдствіе сего батюшка почелъ долгомъ предостеречь псаломщика, который потомъ повелъ съ дьякономъ свою дипломатическую бесѣду.

— Вотъ что, Кузьмичъ, тебѣ, можетъ быть, гребтится насчетъ долга чести... плюнь! я забылъ окончательно... И даже вотъ что: ты будешь получать съ каждаго моего выигрыша пять процентовъ.

— За что?

— Догадаться не трудно...

— Хм... Положимъ... Но если проиграешься?

— То не въ счетъ...

Они не могли смотрѣть другъ другу въ глаза, молчали долго, каждый стѣсняясь присутствіемъ другого; спины повернулись, и ноги ихъ какъ-то сами зашагали въ разныя стороны. Тѣмъ не менѣе дьяконъ сталъ постояннымъ посѣтителемъ картежной игры, а послѣ каждаго вечера псаломщикъ, идя съ дьякономъ, совалъ товарищу въ руку—когда гривенникъ, когда четвертакъ. И дьяконъ молча пряталъ руку въ карманъ, вздыхалъ и конфузился.

Однажды на какой-то несчастной недѣлѣ псаломщикъ все

проигрывалъ, и Амплѣй Кузьмичъ, соскучившись о получкѣ, предложилъ псаломщику для успѣха общаго дѣла нѣкую діаконскую помощь въ видѣ сигнализаціи.

— Ежели тузъ — крякну, а ничего — такъ позѣвну... Но только тогда, Иванъ Василичъ, давай десять процентовъ...

Псаломщикъ даже пріостановился и, глядя сверху внизъ, воспылалъ благороднымъ негодованіемъ:

— Я не шулеръ. Что это ты, дьяконъ? Одумайся.—И даже сплюнулъ на сторону.

Дьякону сдѣлалось очень совѣстно, долго не сходила краска съ лица. Онъ и самъ сію же минуту каялся:

— Господи! Что это со мной? Искушеніе... Сатана... До чего можно дойти? а?

Перекрестившись и очистивъ свое сердце, онъ увѣрялъ, что это онъ—такъ, зря.

— Не придавай значенія, Иванъ Василичъ, забудь...

Псаломщикъ былъ добрый, и все пошло по старому.

Однако неиграющій дьяконъ былъ въ играющей компаніи съ боку припекой и особеннаго удовольствія своимъ присутствіемъ никому не доставлялъ.

На Троицу восьмого года писарь въ своемъ домѣ жестоко проигрался, во всѣхъ роберахъ имѣя минусъ, но, скрѣпя сердце и показывая на обѣденный столъ, приглашалъ:

— Ну, господа играющіе, прошу — чѣмъ Богъ послалъ...

— А неиграющіе?—вздумалъ сшутить дьяконъ.

— Могутъ идти, откуда пришли,—рѣзко замѣтилъ хозяинъ, такъ что даже и прочихъ гостей отъ этой фразы покоробило. Дьяконъ ступилъ одной ногой впередъ, другой назадъ и не зналъ, въ какомъ направленіи дальше управлять своимъ туловищемъ. А хозяинъ прибавилъ:

— Отъ твоего взгляда, дьяконъ, караси дохнутъ, а ты весь вечеръ ко мнѣ глядѣлъ... Корми тебя за это!..

И хотя хозяинъ хотѣлъ все это обратить въ шутку, но она вышла до того груба, что дьяконъ ушелъ домой и съ тѣхъ поръ къ писарю не ходилъ.

Но и въ другихъ домахъ игроки гоняли его съ мѣста на мѣсто, объясняя, что Амплѣй урочитъ карту. Только одинъ псаломщикъ не раздѣлялъ распространеннаго суевѣрія и позволялъ Амплѣю сидѣть возлѣ себя. Когда же Бондовскому очень везло, проигрывавшіе находили причину.

— Это отъ дьякона псаломщику везетъ.—И гнали Амплѣя вонъ изъ круга. Тогда дьяконъ пересаживался въ передній уголъ

подъ образа и, чтобы не быть совсѣмъ лишнимъ, занималъ хозяйку дома разговоромъ. Старшиниха это цѣнила. Она вообще была имъ довольна: гость дешевый, почти ничего не стоющій, пьетъ два стакана пустого чаю, кренделькoвъ не шевелитъ. Дѣйствительно, послѣ инцидента съ писаремъ дьяконъ употреблялъ громадныя усилія надъ своимъ аппетитомъ, силился всѣмъ своимъ поведеніемъ доказать, что его интересуютъ только комбинаціи винта, а не пища и питіе. Но когда поле его сидѣнія сузилось маленькимъ уголкомъ, а рѣчи съ хозяйкой дома обрывались, онъ чувствовалъ всю нелѣпость своего положенія, тѣмъ болѣе что и образа, подъ которыми онъ молча сидѣлъ, его не спасли: его и оттуда гнали.

— Амплѣй! Сгинь Христа ради совсѣмъ! Это отъ тебя мы въ большомъ шлемѣ безъ четырехъ.

И бѣдный дьяконъ уходилъ. Но какъ тяжело ему было оставлять свою позицію: вдругъ Иванъ Васильевичъ надуетъ?— Потомъ онъ наводилъ справки у игроковъ и имѣлъ случай не однажды убѣдиться, что псаломщикъ правды не скрывалъ.

—Честнѣйшій ты человѣкъ, Иванъ Василичъ!—воскликнулъ однажды дьяконъ съ большимъ чувствомъ и вздохнулъ, получивъ отъ псаломщика цѣлыхъ тридцать восемь копеекъ.

Дьяконъ вскорѣ убѣдился, что пять процентовъ, въ сущности, жалкіе гроши, которыми не заткнуть огромныхъ дыръ великой дьяконской нужды. Надо такъ или иначе еще чѣмъ-нибудь промышлять. Онъ зналъ, что у него есть козырь: незаурядная физическая сила, которая не оставляла его никогда, даже во дни вопіющей нужды и прямого голоданія. Въ былое время, въ дни молодости, когда онъ былъ холостымъ псаломщикомъ, онъ выступалъ въ деревенскихъ бояхъ стѣна на стѣну. Когда одни побѣждали другихъ, дьяконъ становился на сторону побѣжденныхъ и опрокидывалъ побѣдителей, покрывая свою голову славой перваго и притомъ справедливѣйшаго бойца. Съ тѣхъ поръ много воды утекло; товарищи по улицѣ стали, какъ онъ, бородачами, у всѣхъ были взрослыя дѣти, которыя смѣнили отцовъ въ боевыхъ дѣлахъ улицы. Отцамъ приходилось, сидя на заваленкѣ, только вспоминать былыя удовольствія. Но тѣмъ не менѣе ощущеніе своей силы рождало въ дьяконѣ вопросъ: неужто она ни къ чему? Иногда такой вопросъ волновалъ душу неопредѣленной мечтой, иногда же прямо угнеталъ: огромное въ чужихъ глазахъ сокровище, а пользы ни на грошъ...

Иной плюгавый писаришка въ городѣ, а получаетъ пятьдесятъ цѣлковыхъ въ мѣсяцъ! У Амплѣя почеркъ каллиграфа и мускулы Геркулеса, а вотъ—подите...

Однажды онъ вошелъ въ бесѣду съ о. Ѳедоромъ, въ надеждѣ, что этотъ Соломонъ укажетъ точку приложенія дара Господня. О. Ѳедоръ выслушалъ и замоталъ головой отрицательно.

— Кули ежели таскать у старшины—поди, не захочешь? вѣялку вертѣть у засѣдателя—то же самое... Чего же больше?— И вздохнувъ, о. Ѳедоръ прибавилъ:—не по своей дорогѣ пошелъ... Вотъ кабы въ циркъ или на борьбу—и деньги тебѣ, и лавры... А тутъ въ Кекинѣ самъ Сампсонъ подохнетъ съ голоду.

Облако меланхоліи окутало мысли собесѣдниковъ; замолчали... И уже только отъ скуки о. Ѳедоръ спросилъ сквозь позѣвоту:

— А... а... насколько ты все-таки силенъ?

— Я-то?—отвѣчалъ о. Амплѣй.—Васъ подниму на ухватѣ.

— Какъ горшокъ?

— Нѣтъ, помудренѣе...

— Это какъ же?

— А вотъ пойдемте въ кухню, я вамъ покажу.

День былъ праздничный, кухарка ушла на село, попадья съ дьяконицей находились въ спальнѣ. Мужчины пошли на кухню.

Дьяконъ выбралъ изъ числа ухватовъ самый большой, тотъ, которымъ ставятъ въ печь огромныя корчаги, когда варятъ брагу.

— Вотъ берите его, батюшка, въ руки, а я лягу на полъ... Такъ...

Ставъ на четвереньки и пригнувъ голову къ самому полу, который былъ черенъ, какъ земля, дьяконъ, прочихавшись, объяснилъ:—Вы, батюшка, ухватъ мнѣ ставьте на шею... Такъ. Опирайтесь всѣмъ существомъ. Ну?

— Оперся.

— Теперь держитесь.

— Ладно.

— Поднимаю!—пробасилъ дьяконъ, и батюшка почувствовалъ, что его подошвы отдѣлились отъ полу и ноги повисли въ воздухѣ.

— Да!—восклицалъ о. Ѳедоръ, восторженно глядя на сослуживца широко раскрытыми глазами и держа въ рукахъ ухватъ.

— Да!—отвѣчалъ тотъ басомъ, дрожавшимъ какъ будто даже отъ обиды.

Они пошли опять въ горницу. Священникъ съ ухватомъ въ рукахъ восклицалъ:

— Попадья! Дьяконица! Гдѣ вы?

— Здѣсь!—отвѣтили тѣ изъ-за занавѣски.

— А вы подите-ка сюда... Какую дьяконъ штуку покажетъ!

Женщины поправили волосы и вышли изъ-за занавѣски. Опытъ поднятія о. Ѳедора удался блистательно.

— А во мнѣ вѣдь шесть пудовъ! — говорилъ онъ въ похвалу дьякону. Матушка выразила сомнѣніе:

— Чего-то вы морочите. Не можетъ быть.

— Ну—сама...

— Обѣ!—предлагалъ дьяконъ, нагибая голову для повторенія опыта.—Обѣ сразу вмѣстѣ!—Тѣ со смѣхомъ уперлись въ ухватъ и, взлетѣвъ на воздухъ, повалились потомъ на диванъ.

— Что?—ликовалъ о. Ѳедоръ.—А вы: «фальшь». Какая фальшь?

Всѣмъ стало весело. Поповымъ—отъ того, что въ Кекинѣ имѣется такая преимущественная сила, дьяконицѣ—отъ того, что у нея такой сильный супругъ. По сему случаю на столѣ вторично запыхтѣлъ самоваръ. Долго пили чай, разговаривая о силачахъ, о циркѣ, скороходахъ и прочемъ подобномъ. На прощанье воодушевившійся дьяконъ сгребъ всѣхъ троихъ—попа, попадью и дьяконицу въ одну охапку и приподнялъ на вершокъ отъ полу.

И тотъ вечеръ, когда все это произошло, былъ однимъ изъ самыхъ радостныхъ за всѣ послѣдніе три-четыре года въ Кекинѣ.

На утро дьяконъ всталъ противъ обыкновенія не такимъ хмурымъ, какъ всегда. Да и погода стояла великолѣпная. Былъ іюнь. На небѣ ни облачка, на землѣ—никакого дуновенія. Казалось, и воздуха не было, а только сплошной зной между небомъ и землей, зной, въ которомъ купались люди, деревья, животныя и сверкали миріады насѣкомыхъ, заполняя тишину звенящимъ стономъ. О. Ѳедоръ былъ уже на ногахъ и что-то толковалъ Митькѣ Коршуну и Яшкѣ Посудину, выкапывавшимъ подгнившіе столбы церковной ограды, по порученію попечительства, за бутылку водки. Дьяконъ почелъ своимъ долгомъ находиться около церковнаго дѣла. Подошли попечители—старшина, писарь, засѣдатель, трактирщикъ и наконецъ псаломщикъ, который улыбался и показывалъ молчаливому засѣдателю изъ кармана трефоваго туза. Часа полтора общество смотрѣло на гнилые столбы и глубокія ямы, изъ которыхъ разносился запахъ

сухой плѣсени и сырой прѣли. Амплѣй поднялъ глаза вверхъ и вдругъ увидѣлъ, что весь куполъ кругомъ объятъ черными кружащими и жужжащими точками.

— Рой!—воскликнулъ онъ радостно.

— Рой!—подтвердили другіе.

Черныя точки начали отдѣляться отъ купола и полетѣли высоко надъ головами смотрѣвшихъ. И люди, всѣ сколько ихъ было, побѣжали въ околицу, въ ту сторону, куда полетѣлъ рой. Вскорѣ тяжелая артиллерія, въ лицѣ старшины, засѣдателя и о. Ѳедора, запыхалась и остановилась среди околицы. Писарь и жирный Александръ Макарычъ добѣжали до конца околицы и тоже дальше не захотѣли. Бѣгъ продолжали псаломщикъ съ дьякономъ. Глядя имъ вслѣдъ, всѣ усмѣхались и гадали, кто обгонитъ. Псаломщикъ, видимо, преодолѣвалъ. Тогда отставшій дьяконъ сѣлъ на землю, мгновенно поснималъ съ себя сапоги, рясу, брюки, и, оставшись въ одномъ исподнемъ, припустился. Въ такомъ видѣ онъ скоро догналъ и перегналъ псаломщика. Псаломщикъ вздумалъ подражать Амплѣю, но скоро споткнулся и отступился, крикнувъ:

— Чуръ вмѣстѣ!

Этотъ выкрикъ едва ли слышалъ дьяконъ. Выбѣжавъ въ поле, онъ самъ выкрикивалъ нечеловѣческіе звуки, думая ими остановить пчелъ. Онъ уже сталъ изнемогать, когда увидѣлъ, что пчелы направляются къ лѣсу, а лѣсъ—собственность помѣщика, который самъ таковъ, что если что попадетъ въ его владѣнія—пиши пропало: не только рой, но даже и корова... Остановился Кекинскій Ахилессъ и грустно задумался. Рой, не долетая до рощи, вдругъ упалъ на какой-то кустикъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дьяконъ замѣтилъ, что писарь лупитъ прямикомъ по полю на лошади. Тогда дьяконъ напрягъ послѣднія силы и добѣжалъ до мѣста. Рой усаживался, скатываясь въ клубокъ. Амплѣй поспѣшно снялъ съ себя рубашку, завязалъ рукава, воротъ и накинулъ ее на черный гудящій клубокъ, а подолъ завязалъ поясомъ. Рой былъ пойманъ. Но оставшіяся незахваченными мокрой отъ пота рубашкой пчелы принялись жалить разлучника, который покатился кубаремъ по голой землѣ, потомъ встряхнулся и побѣжалъ полуголый къ рощѣ въ опушку. Подъѣхавшій писарь могъ только его поздравить и, покуривъ папиросу и угостивъ ея окуркомъ дьякона, отправился обратно. Дьяконица, узнавъ, въ какомъ счастливо-несчастномъ положеніи ея мужъ, поспѣшила къ нему со всей его брошенной на дорогѣ одеждой. Возвращался

Амплѣй изъ рощи съ роемъ въ чувствахъ древняго грека, одержавшаго побѣду на олимпійскихъ играхъ.

Потомъ начались страданія. Онъ охалъ отъ опухолей и боли во всемъ тѣлѣ, натерся влажной землей, легъ на лавку и стоналъ. Вскорѣ пришли церковные попечители и стали доказывать, что рой—церковный. Амплѣй такъ и взвылъ:

— Грабители... Да позовите всѣхъ...

Священникъ, псаломщикъ и Митька съ Яшкой, работавшіе въ оградѣ, давали показанія въ пользу о. дьякона, но прочіе упирались, особенно писарь, который предлагалъ передать спорное дѣло на разрѣшеніе земскаго начальника.

— Никогда!—вскипѣлъ гнѣвомъ дьяконъ.—Пусть лучше консисторія судитъ.

О. Ѳедоръ, не желая доводить дѣла до суда, взывалъ къ гуманному чувству попечителей:

— Да вы посмотрите на него—все у него изжалено—и спина, и грудь, и руки, лицо сплошной волдырь, ноги въ кровь разодраны... Да самъ Господь сжалился бы надъ такими страданіями, а вы—э-эхъ...

Рѣчь произвела впечатлѣніе; попечители устыдились и сказали:

— Ну, владѣй, Амплѣй, своей добычей, только не забывай церковную канунницу въ родительскія субботы.—И когда о. Амплѣй такимъ образомъ оказался единственнымъ обладателемъ роя, онъ сквозь нестерпимыя тѣлесныя страданія съ чувствомъ толковалъ дьяконицѣ:

— Богъ!.. Да, Катя, есть Богъ и жить можно. Вотъ заведу пчельникъ... Святое дѣло! Услышалъ Господь нашу печаль.

И сколько потомъ ни предлагали за рой, даже за десять рублей не отдалъ, ибо чуялъ въ томъ роѣ все счастіе своей жизни, перстъ и небесный покровъ, который развернулся надъ его дырявой хатой.

На этотъ разъ Александръ Макарычъ устроилъ картежъ не въ обычномъ мѣстѣ, а въ новой своей банѣ.

— «Чѣмъ-то тутъ пахнетъ»,—думали про себя гости, съ удовольствіемъ потягивая носомъ пріятный запахъ смолистой сосны и свѣжаго тесу. Ломберный столъ поставили въ мыльной, въ раздѣвальной приготовлено было полное угощеніе, а въ парной на полкѣ сидѣлъ дьяконъ и заводилъ музыку.

«На землѣ весь родъ людской чтитъ одинъ кумиръ священный», кричалъ грамофонъ.

Дьякона потомъ затворили, чтобы не мѣшалъ игрѣ. Хозяинъ сказалъ:

— Наставь трубу въ продухъ, чтобы въ училищѣ было слышно...

Послѣ трехъ роберовъ и послѣдовавшей затѣмъ здоровой выпивки, хозяинъ, дотолѣ обнаруживавшій странную нетерпѣливость, замѣтилъ:

— Пустая игра—этотъ винтъ. То ли дѣло макашка!..

Александръ Макарычъ, вообще будучи суевѣренъ, а отъ картъ ставши такимъ вдвойнѣ, вообразилъ, что ежели у него все выходитъ неудача съ учительницей Марьей Ивановной, то долженъ онъ обязательно выиграть, а псаломщикъ—по обратной причинѣ проиграть. И разгорѣлось у него страшное желаніе какъ нельзя лучше нажечь счастливчика, пустить его въ трубу на вылетъ. Бондовскій съ обычною веселостью въ лицѣ принялъ вызовъ Пупышева, но еще охотниковъ не оказалось; другіе только смотрѣли на нихъ. Меньше чѣмъ въ полчаса Александръ Макарычъ продулъ все содержимое своего кошелька—три красныхъ—и вошелъ въ азартъ. Дальше игру повели въ мѣлокъ. Съ каждымъ часомъ росла запись у псаломщика... Заѣхало за пятьдесятъ. Лавочникъ хмурился, но становился упрямѣе. Въ полночь Иванъ Василичъ записалъ сто двадцать пять и спросилъ:

— Не довольно ли?

И другіе совѣтовали прекратить, но хозяинъ закусилъ удила:

— Отыграться желаю.

— Деньги бы...—пробормоталъ псаломщикъ.

— Не вѣришь? Ставлю грамофонъ...

— Этого мало.

— Ну, тогда давай еще играть.

И вся компанія не замѣтила, какъ вдругъ въ окно брызнулъ лучъ солнца...

Дьяконъ шелъ домой вмѣстѣ съ Иваномъ Васильевичемъ и ликовалъ какъ никогда. Подъ мышкой онъ несъ грамофонъ и приплясывалъ, а Бондовскій держалъ въ рукахъ пластинки. Поровнявшись съ поповымъ домомъ, Амплѣй сказалъ:

— Давай заведемъ грамофонъ! Въ честь матушки... Хорошая попадья!.. Ей Богу...

— Попъ обидится.

— Нисколько. Если онъ послѣднимъ узнаетъ новость, тогда обидится...

Псаломщикъ не препятствовалъ. Дьяконъ вложилъ кругъ и грамофонъ разсказывалъ:

— «Самоваръ... Соловей на конфоркѣ играетъ... а купчиха, птица божія, такъ-то ли заливается»...

Изъ окна высунулись двѣ всклокоченныхъ головы, и изъ-за угла прокатился сочный хохотъ дьякона.

— Да вы что это, лѣшіе?

— Батюшка! Ужъ извините... по случаю необычной радости... Иванъ-то Василичъ... съ Божьей помощью... выигралъ у Сашки грамофонъ и—баню!

— Да ну??

— Ей Богу... Сейчасъ умереть!

Поповы не могли больше спать и вышли на улицу глядѣть баню, которая представлялась имъ въ новомъ свѣтѣ: отъ оконъ шли блестящія золотыя отраженія и бросали свѣтъ на училище. Дьяконъ такъ разошелся, что не только самъ не хотѣлъ спать, но не желалъ, чтобы и другіе спали. Тѣмъ же путемъ, какъ и поповыхъ, онъ разбудилъ Марью Ивановну, въ честь коей Вяльцева выводила:

— «Э, да почему же я очень люблю»...

Около бани уже стояла большая толпа народу. Скоро изъ нея выдѣлились люди съ топорами, и работа закипѣла.

Учительница крѣпко жала побѣдителю-псаломщику руку и звала чай пить. Иванъ Василичъ не отказался.

Когда потомъ псаломщикъ вышелъ отъ Марьи Ивановны съ кольцомъ на пальцѣ, дьяконъ провозгласилъ торжественно:

— Се женихъ грядетъ...

Появилось на сцену ведро водки, кто хотѣлъ—поздравлялъ... Доски трещали, грамофонъ кричалъ, люди хохотали. Всѣмъ было весело, кромѣ Александра Макарыча, который держалъ въ рукахъ замокъ отъ бани и спьяна ругался нехорошими словами, чѣмъ еще болѣе усиливалъ безумство общаго ликованія. Толпа искренно радовалась посрамленію лавочника и выкрикивала:

— Такъ ему и надо, міроѣду!..

Послѣ этого умопомрачительнаго событія картежныя дѣла въ Кекинѣ долго не могли настроиться на прежній ладъ. У главнаго игрока появились новыя заботы, поглощавшія все свободное время. Во-первыхъ, надо было сбыть сломанную баню, лежавшую въ бревнахъ подъ сараемъ; во-вторыхъ, была невѣста, которая также требовала къ себѣ вниманія. Съ невѣстой

дѣла шли хорошо,—прогулки, поцѣлуи, мечты, все какъ слѣдуетъ, но съ баней дѣло не клеилось: слишкомъ дешево давали. Приходилось склониться къ совѣту старшины, который убѣждалъ:

— А ты не торопись, Иванъ Василичъ, выжди. Вотъ скоро начнутся пожары, тогда она свою цѣну возьметъ.—И псаломщикъ, смотря днемъ на огромные столбы дыма, поднимавшагося на горизонтѣ, а по ночамъ на зарева, имѣлъ всѣ основанія думать, что старшина не дуракъ. Онъ не былъ злымъ по душѣ и не желалъ пожаровъ, но вѣрилъ въ нихъ, какъ въ зиму послѣ осени, и былъ совершенно спокоенъ.

Когда все улеглось, опять собрались въ домѣ старшины и вспомнили винтъ. На этотъ разъ игра шла ровно, никто особенно не ремизился, и карта въ одинаковой степени благоволила всѣмъ, благодаря чему было даже нѣсколько скучно. Дьякона выгонять никто не имѣлъ основанія; онъ сидѣлъ въ углу и улыбался. Старшиниха Ѳекла Леонтьевна, раздѣляя съ мужемъ и горе, и радости, была какъ и онъ, въ пріятномъ волненіи, по случаю выигрыша на цѣлую рублевку, и выставила хорошее угощеніе: большой графинъ водки, бутылку рябиновой, дюжину пива, двѣ яичницы на двухъ сковородахъ и аршинный пирогъ съ изюмомъ. Александръ Макарычъ все еще жилъ подъ впечатлѣніемъ проигрыша бани и топилъ горе въ винѣ, но его больную струну не задѣвали. Дьяконъ направлялъ разговоръ на тему о силачахъ. Старшиниха горячо поддерживала этотъ предметъ; она, когда бывала въ городѣ, всегда брала билетъ въ циркъ, при воспоминаніи о которомъ теперь захлебывалась отъ восторга.

Нашлись и другіе, которые раздѣляли ея чувства. Дьяконъ загадочно ухмылялся въ бороду. Это обратило вниманіе старшины и онъ спросилъ немного съ обидой:

— Ты что, дьяконъ, рожи строишь? аль не вѣришь?

— Нѣтъ, вѣрю... Но ничего особеннаго въ томъ не вижу.

— Эка?—запротестовали всѣ.—Да силища какая?

— Эка сила—зубами на ремнѣ двадцать пудовъ,—возражалъ дьяконъ:—Нѣтъ, вы простой шеей поднимите человѣка на ухватѣ!

— Поднимешь?—смѣялся старшина.—Меня поднимешь?

— Думаешь—нѣтъ?

— Врешь!

— Споримъ.

— Идетъ!—Они подали другъ другу руки.—Насколько?

— На сколько угодно.

— На сто цѣлковыхъ?—предложилъ Амплѣй.

— Старшина на мгновеніе призадумался, но потомъ сказалъ рѣшительно:

— Разнимайте!

Псаломщикъ рознялъ руки, и явился на сцену ухватъ. Дьяконъ легъ на полъ, тучный старшина принялъ соотвѣтственную позу.

— Ну-ка, Господи благослови старшину дориносити,—произнесъ дьяконъ, и старшина въ плисовыхъ штанахъ и такой же жилеткѣ съ часами взлетѣлъ на воздухъ. Старшина сконфузился:

— Фу, ты, чортъ, какой буйволъ...

Всѣ засмѣялись, а дьяконъ протянулъ руку и требовалъ:

— Давай.

— Чего?

— Катеринку.

— Какая тебѣ Катеринка? Съ тебя и своей довольно...

— Ну, нечего зубы заговаривать.

— Пошелъ къ чорту!

— Да вѣдь спорили?..

— Да откуда бы ты взялъ, если бы проспорилъ?—спрашивалъ старшина.

— Это ужъ мое дѣло.

— То-то: твое... До сей поры двухъ съ полтиной не заплатилъ, играли о масленицѣ-то...

— Заплачено,—удостовѣрялъ псаломщикъ. Но старшина проводилъ новые мотивы:

— Оно, ежели люди спорятъ, какъ слѣдуетъ, то деньги выкладываютъ на столъ третьему, онъ послѣ спора и передаетъ кому слѣдуетъ. А это не по закону.

— Ты, Максимъ Егорычъ, свои законы оставь до волостного правленія, здѣсь у насъ честное слово—оно дороже всего.

— Я такъ понимаю: шутка.

— Нѣтъ, не шутка. У меня шея-то трещала. Вѣдь въ тебѣ, самъ знаешь, безъ малаго десять пудовъ.

— Вольно же тебѣ... Дуракъ...

— Господа! Разсудите насъ!—входилъ въ безпокойство дьяконъ.—Что же это такое? Будьте справедливы.—Первымъ высказался Пупышевъ:

— Конечно, человѣкъ долженъ быть хозяинъ своему слову. Разъ уговорено, о чемъ же рѣчь?—Пупышевъ этимъ косвенно

ставилъ себѣ въ достоинство проигрышъ бани. Пупышева поддержалъ и Бондовскій:

— Всецѣло присоединяюсь къ джентльменскому мнѣнію Александра Макарыча.

Но старшина возражалъ:

— Я знаю, на что вы намекаете. Только ты, Иванъ Василичъ, и половины своего выигрыша не получилъ.

— Какъ такъ?—взъерошился Пупышевъ.

— Очень просто,—объяснялъ старшина,—ты проигралъ триста.

— А баня развѣ не триста стоитъ?

— Триста, но когда ее разломали, за нее и половины не даютъ.

— Это ужъ не мое дѣло.

— И это не ваше,—сказалъ старшина и обратился къ молчавшему все время засѣдателю:—Ты какъ думаешь, Евсей Миронычъ?

— Слово, слову разницу, что человѣкъ человѣку... Есть слова, которыя пустыя...

— Да, да!—подхватилъ старшина.—Мы, вѣдь, не въ карты играли. Кабы въ карты, такъ, конечно, долгъ чести...

— А тутъ?—наступалъ дьяконъ. Но тогда вступился писарь Василій Васильевичъ и предложилъ:

— А ты вотъ что, дьяконъ, помирись на трешницѣ.

— На трешницѣ помириться? За кого же вы меня считаете?

— Ну, тогда требуй по суду, нанимай адвоката... Можетъ, и своихъ доложишь. Всяко бываетъ.

— «Всяко»... Послѣ этого гдѣ же у васъ честь?—драматично восклицалъ Амплѣй.

— А велика честь, коли нечего ѣсть,—пренебрежительно засмѣялся старшина.—Ну, ужъ бери красненькую, что ли... Такъ больше на твою бѣдность глядючи...—ломался богачъ.

Дьяконъ спрашивалъ глазами своего совѣтчика Бондовскаго, который кивнулъ головой. И дьяконъ быстро схватилъ протянутую кредитку. И какъ только онъ скомкалъ бумажку въ рукѣ, такъ и просіялъ. Никогда еще не было такой удачи за всю жизнь! Вѣдь сразу доходъ трехъ мѣсяцевъ изъ братской кружки! И потекли въ головѣ пріятныя мысли о томъ, какъ онъ повернетъ эту десятишницу: первымъ дѣломъ за дочь пошлетъ долгъ, и она останется учиться, окончитъ курсъ, станетъ учительницей и красавицей; влюбится въ нее купецъ, возьметъ безъ

приданаго, а онъ самъ, ея отецъ, на правахъ тестя будетъ забирать у зятя чай фунтами, сахаръ цѣлыми головами и даже конфеты въ долгъ безъ отдачи... А то вотъ что можно сдѣлать: на десять рублей послать архіерейскому секретарю, чтобы устроилъ переводъ Кекинскаго дьякона въ хорошее село... Вообще много можно дѣловъ надѣлать десяткой... Счастіе повалило... Тогда рой, теперь это... И откуда? И за что? А все Богъ... Онъ подаетъ... Дьяконъ углубился въ благочестивыя размышленія и параллельно доѣдалъ яичницу такъ добросовѣстно, что совершенно не слыхалъ, какъ пробовалъ надъ нимъ свое остроуміе писарь, покуривая папиросу.

— Кабы нашему дьякону да старшининскій харчъ, небось вышелъ бы изъ него настоящій чампіонъ. А то чѣмъ его кормитъ дьяконица? Только что на поминкахъ да на свадьбахъ мало-мало подновляетъ животъ...

Амплѣй не обращалъ вниманія, доскребъ яичницу и обратился къ пирогу.

— Кушай, миленькій, кушай,—угощала его старшиниха.— Пустыхъ рѣчей не слушай.

— А что?—недоумѣвалъ дьяконъ и перешелъ къ пиву, которое пилъ стаканъ за стаканомъ. Насытившись по горло, онъ перекрестилъ животъ и сказалъ:

— Запечатано...—Потомъ пересѣлъ къ публикѣ.

Всѣ захохотали тѣмъ добродушнымъ смѣхомъ, который со всѣмъ примиряетъ. Всѣмъ казалось, что дьяконъ долженъ продѣлать опытъ поднятія на ухватѣ самой старшинихи, которая такъ угощала дьякона. Но та уклонилась и за ухватъ взялись другіе. По очередно одинъ за другимъ кувыркались съ различною легкостью, сообразно вѣсу каждаго. Дошла очередь до псаломщика, который сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, не двигаясь.

— Ты что, Иванъ Василичъ, не попробуешь?

— Боится,—замѣтила старшиниха.—Дьяконъ его къ потолку какъ глинку примажетъ.

— Ну, едва ли,—отозвался псаломщикъ.—Меня-то ему не поднять.

— А что врешь?—замѣтилъ тогда и дьяконъ.

— Да ужъ повѣрь.

Убѣжденный тонъ псаломщика заинтриговалъ публику. Всѣ желали, чтобы дьяконъ приподнялъ и псаломщика.

— Ну, ложись,—неохотно сказалъ Иванъ Василичъ.— Вотъ сюда,—онъ указалъ ему мѣсто среди комнаты, наложилъ ухватъ, придерживая его лѣвой рукой, а правой уперся въ ма-

тицу. Образовался такимъ образомъ сильный упоръ отъ полу до потолка, при помощи жилистыхъ рукъ. Дьяконъ попробовалъ, не поддается.

— Ага,—замѣтили.

Дьяконъ пуще напрягъ силы. Стали смѣяться:

— Что, братъ Голіафъ, нарвался на Давида?

— Да вы всѣ не держите ли?

— Ну, вотъ! Мы отойдемъ.

И дивился дьяконъ, откуда такая анафемская сила у псаломщика: словно гвоздемъ пришитъ ухватъ къ полу. Да что твозди— и гвозди бы выдрались, а тутъ...

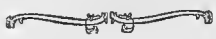
И опять смѣхъ раздался со всѣхъ сторонъ и рѣзалъ самолюбіе Кекинскаго силача. Разъ и два онъ напрягался,—шея, лицо, руки стали какъ кумачъ. Наконецъ онъ сцѣпилъ зубы, напрягся изо всей силы и... вдругъ всѣ услышали, какъ что-то хрустнуло... Тутъ же подъ ухватомъ брызнула кровь изъ носа, изъ ушей, изо рта; тѣло повалилось. Когда подняли, то увидали, что кровь сочится даже изъ глазъ... Положили дьякона на лавку. Слышалось хрипѣніе—и вскорѣ смолкло.

Прибѣжавшая дьяконица рыдала надъ покойнымъ душу раздирающими рыданіями.

Въ гробу лицо Амплѣя Кузьмича было спокойно и даже улыбалось, словно онъ силился успокоить свою дьяконицу:

— Ну о чемъ ты плачешь? Вѣдь заработалъ десятишну. хватитъ.

С. Миловскій (Элеонскій).



БУКА.

Въ томъ отдѣленіи трамвая, куда она вошла, сидѣли чета старичковъ и молодая женщина въ платкѣ,—очевидно прислуга, которая какъ-то безучастно, склонивъ на бокъ голову и держа на животѣ въ грязныхъ, красныхъ рукахъ письмо, тупо устремила на нее безбровые глаза.

И прислуга, и старички раздражали ее.

Старуха чавкала, не переставая, губами и вытирала ихъ безпрестанно двумя пальцами: большимъ и указательнымъ; старикъ сидѣлъ, какъ мумія, опершись на палку. Ихъ умилительное сосѣдство неопровержимо доказывало, что дня не прожили бы они другъ безъ друга—такими близкими людьми, чувствовалось, были они. Даже морщины на ихъ лицахъ, казалось, были совершенно одинаковыя; казалось даже, что никогда они не разговаривали между собой—ничего новаго слова не внесли бы въ ихъ жизнь... Такою затхлостью вѣяло отъ нихъ. «Кажется, они уже начали умирать»,—содрогнулась она. Ей стало противно до боли; она безпокойно взглянула на выходъ; мелькнула мысль сойти, но она раздумала, вздохнувъ въ отвѣтъ своей дикой, нервной мысли. Въ этотъ мигъ показался на площадкѣ изящно и просто одѣтый господинъ. Онъ сѣлъ недалеко отъ входа, почти рядомъ съ ней.

Ея прежнее раздраженіе пріятно успокоилъ бѣлоснѣжный воротничекъ его манишки, блестѣвшій подъ изумительно красивымъ ухомъ. «Никогда уши не красятъ человѣческое лицо, они всегда какія-то постороннія, а у него кажутся страшно нужными... Увѣрена,—они чуткія», рѣшила она, не сводя глазъ съ господина. Шляпа, очень надвинутая на лобъ, круглая, фетровая съ двумя углубленіями на самой тульѣ, удивительно шла къ нему.

Онъ вскинулъ изящнымъ жестомъ pince-nez и сталъ смотрѣть приложеніе къ «Новому Времени». Прочиталъ стихотвореніе, взглянулъ на карикатуру; дальше группы, юбиляры, покойники—все удостоилось его вниманія, на самомъ же дѣлѣ чувствовалось, что ничего изъ того, что онъ просматривалъ, не интересовало его. Отъ этого сознанія она облегченно вздохнула.

Она знала, что на послѣдней страницѣ приложенія модель торговаго дома «Давидъ и Бишофъ». «Если и моды дамскія возбудятъ то же любопытство, какъ все остальное,—я ему нравлюсь; если же онъ не взглянетъ на модель—значитъ не замѣчаетъ даже, что я сижу рядомъ съ нимъ», загадала она, не переставая удивляться, какія шалыя мысли путаются у нея въ головѣ...

Но вотъ и модель...

Онъ положительно разсматриваетъ съ большимъ вниманіемъ и громадную шляпу, и новомодную юбку...

Смѣшное, дикое побужденіе охватило ее.

— Неужели я вамъ нравлюсь?—выпалила она.

Полный удивленія, господинъ весь повернулся въ сторону сосѣдки и очень запряталъ улыбку.

— Виноватъ?.. Что вамъ угодно?

— Ровно ничего. Простите, пожалуйста, что такъ нечаянно къ вамъ пристала.

Быстро вскочивъ, она помчалась къ выходу.

Сунувъ въ карманъ «Новое Время», господинъ тоже вышелъ.

— Мнѣ кажется, васъ мучитъ какое-то волненіе. Что съ вами? Скажите мнѣ! Честь имѣю представиться: докторъ медицины Андрей Николаевичъ Смиридовъ.

— Неужели! Быть можетъ, вы психіатръ?

— Вы отгадали. Нервныя болѣзни—моя спеціальность.

— Какая у васъ симпатичная улыбка! А когда вы принимаете? Я стану у васъ лечиться; у меня это волненіе—«хроническая тревога». Излечимо?

Она думала, что сказала послѣднія слова весело и задорно.

— Я принимаю по вторникамъ и средамъ отъ 6 до 9 вечера,—безъ тѣни улыбки сказалъ господинъ, будто не слышалъ ни ея вопроса, ни веселаго надрыва.

— Я пріѣду къ вамъ непремѣнно. Гдѣ вы живете?

— Позвольте вручить вамъ мою карточку.

— Благодарю. До свиданья, до среды...

И грусть, и смѣхъ звучали въ ея голосѣ.

II.

«Позвонить или не надо?.. Есть еще возможность спастись отъ наглядной дикости... Шалая я... Ахъ, пусть...» И, нажимая кнопку звонка, съ улыбкой рѣшила: «онъ, навѣрное, дастъ мнѣ рекомендательное письмо къ «Николаю Чудотворцу».

— Вотъ прекрасно, что пріѣхали; не скрою, я сомнѣвался въ томъ, чтобы Господь Богъ привелъ васъ ко мнѣ. Ну, въ чемъ дѣло? Разскажите, мы полечимся и всѣ наши «хроническіе недуги» станутъ веселымъ воспоминаніемъ.

— Неужели вы серьезно воображаете, что я явилась лечиться? Хочется только поболтать съ вами. Вы меня очень заинтересовали и нравитесь... Чѣмъ? Да, кажется, больше всего добротой.

— Во-первыхъ, вы очень заблуждаетесь въ вашей быстрой и снисходительной для меня оцѣнкѣ, а во-вторыхъ, почему бы вамъ не полечиться? Такіе скорбные глаза ненормальны на такомъ молодомъ лицѣ. Этотъ смертельно-тревожный взглядъ тогда... Я не могу его забыть—будто гнетъ и отчаяніе всего міра поселились только въ вашихъ глазахъ... Ну, скажите, что у васъ болитъ?

— Ничего... И все... Совсѣмъ нечѣмъ дышать, жить.

Онъ взялъ ея руку и молча, ласково и сострадательно смотря ей въ глаза, гладилъ маленькую въ перчаткѣ руку.

Бываетъ часто, что искренне-доброе сочувствіе совершенно незнакомаго посторонняго человѣка сильнѣе захватываетъ душу, сильнѣе трогаетъ и облегчаетъ страданіе, чѣмъ самое нѣжное участіе близкаго, любимаго человѣка. Душа будто таетъ, капаютъ слезы...

Онъ продолжалъ гладить ея руку, приговаривая, словно ребенку:

— Пошелъ дождикъ, сейчасъ выглянетъ солнышко, вамъ будетъ весело...

— Точно я маленькая... Такъ смѣшно и ласково меня утѣшаете, но у васъ голосъ такой искренній. Я вѣрю вамъ.

— А сколько вамъ лѣтъ?

— Тридцать два.

— Ну, а серьезно?

— Клянусь папой и мамой.

— Вы—дѣвочка! Maximum двадцать лѣтъ могъ бы я вамъ дать на видъ.

— Да? А на самомъ дѣлѣ, какая скверная истина, несмотря на утѣшеніе французовъ: «la femme a l'âge qu'elle paraît avoir».

— Разрѣшите мнѣ васъ осмотрѣть.

— Извольте.

Она встала, нѣсколько разъ покружилась по комнатѣ и весело разсмѣялась:

— Lange Nase!!!

— Напрасно шутите и не хотите серьезно отнестись къ дѣлу.

— Вотъ діагнозъ моей болѣзни: «Histero-neurasthenia cerebrospinalis»! И вы, конечно, стали бы мучить меня холодными вытираніями, пичкать какими-нибудь непріятными гадостями... Но радикальнаго и единственнаго средства, избавляющаго вселенную отъ негодности, вы, конечно, какъ гуманный человѣкъ, любящій ближняго какъ самого себя, мнѣ не дали бы...

— Вы любите.

— О! Психіатръ—онъ же и оккультистъ, читающій «тайны женскаго сердца!»

— А онъ?

— ... «Не кинетъ взгляда:

«Онъ занятъ небомъ, не землей!»

Милый докторъ, если бы я любила, неужели я смогла бы такъ оригинально съ вами познакомиться? Неужели я была бы тогда здѣсь? Тогда я была бы путная, тогда, говорятъ, и страданья милы... Я даже этого не сумѣла... Впрочемъ, я ничего не хочу ни мочь, ни умѣть. Я — плевелъ среди людей. Для меня жизнь, что гадалкѣ ея истрепанная колода картъ... Намъ съ ней такъ знакомы наши рваныя, грязныя карты... Фу, какой у васъ удрученный видъ! Будто я уже умерла внезапно на вашихъ рукахъ. Примите валеріановыя капли и развеселитесь,—я цѣл-лешенка! Ну, и—прощайте.

— Я убѣжденъ, что смогъ бы заставить васъ принять мѣры къ выздоровленію! Сейчасъ вы ненормальны. Послушайте меня. Вникните въ то, что я вамъ скажу. Проѣдемъ куда-нибудь, гдѣ легче дышется, чѣмъ въ докторскомъ кабинетѣ. Выслушайте меня,—горячо убѣждалъ ее докторъ.

— Слышала и эти рѣчи и знаю какъ обойтись безъ вашихъ «мѣръ»... А ѣхать съ вами?!. Ни-и, Боже мой,—еще завезете къ «Николаю Чудотворцу!»

Докторъ смотрѣлъ на нее въ упоръ:

— Опять тотъ же взглядъ! Бросьте шутовской тонъ!

— Бросаю... А ваши уши, правда, чуткія... Простите

меня, — чуть слышно проговорила она послѣднія слова и быстро вышла.

III.

— Здравствуй, моя милуша! Ну, какъ живется? Дѣтишки здоровы? Много надергала зубовъ?

— Здоровы. Какъ давно у насъ не была! Отчего у тебя какіе-то рѣшительные глаза?

— Не знаю, Варвара, на войну не собираюсь. Просто ты фантазируешь. Глаза себѣ, какъ глаза—«очень выразительные и съ поволокой...»—разсмѣялась она въ отвѣтъ.

Звонокъ прервалъ разговоръ двухъ сестеръ. Она прошла въ дѣтскую, а сестра вмѣстѣ съ вошедшимъ паціентомъ, направилась въ кабинетъ.

Въ дѣтской произошла бурная, радостная встрѣча.

— Бука, дорогая, здравствуй, пришла, наконецъ! Разскажешь намъ сказки, родная?

— Разскажу, мои дорогуши! Про звѣрей или про людей? Командуйте!

— Про «Глупую жену»,—попросила старшая дѣвочка.

— Нѣтъ, про «Хрюшку, Свинушку и Чушку», — пропищалъ бутузъ-мальчуганъ.

— А я хочу про цвѣты, я такъ люблю цвѣточки.

— Ну, хорошо, о цвѣтахъ. Ну, Вавуся, обнимемся и будемъ имъ разсказывать про цвѣточки. Слушайте. Лѣто въ самомъ разгарѣ. Солнышко свѣтитъ, не спрятавъ ни одного своего луча,—всѣ подарило землѣ. И небо такое глубокое, чистое; для него солнышко устроило праздникъ своимъ дивнымъ сіяніемъ, и небо нарядилось въ самое свое прелестное голубое платье. Вѣтеръ будто никогда на свѣтѣ и не дулъ, такъ тихо, тихо; птички почти совсѣмъ примолкли и такъ уже не поютъ, какъ весной; только букашки, мошки, жучки, пчелки, мушки, кузнечики и много разныхъ другихъ насѣкомыхъ ведутъ звонкіе споры и разговоры въ высокой, сочной, прохладной, уже готовой къ сѣнокосу травѣ. Идемъ мы съ Вавусей по полевой тропинкѣ и съ обѣихъ сторонъ цвѣточки кланяются намъ и заговариваютъ. Вотъ красивая перистая ромашка наклонилась къ самымъ Вавусинымъ ручкамъ; вотъ клеверъ душистый, блѣдно-розовый, украшенный трилистникомъ тянется къ Вавусѣ, а съ клеверомъ не хочетъ разстаться султанчикъ тимофѣевки и тоже попалъ къ ней въ ручки. Красная гвоздика кротко проситъ: «возьми и меня!» Тминъ склонилъ

величаво свою серебристо-бѣлую коронку и шепчетъ: «я тоже хочу къ тебѣ». И всѣмъ цвѣточкамъ давала Вавуся пріютъ у себя въ передничкѣ. Зазвенѣли и колокольчики своими лиловыми чашечками: «и мы къ Вавусѣ, не забудь насъ». — «Я хотя и очень васъ люблю, милые цвѣточки, но не тронула бы васъ, если бы сами вы этого не захотѣли. Развѣ не лучше вамъ расти въ травкѣ? Росли бы да росли!» — говорила цвѣточкамъ Вавуся. Вотъ тебѣ, Вавуся, отвѣтъ отъ всѣхъ цвѣточковъ. Зазвенѣли колокольчики: «сегодня придутъ косари и всѣхъ насъ подъ самый корешокъ скосятъ и повалятъ къ своимъ ногамъ, а ты, Вавуся, сама не замѣчаешь, какъ радостно блестятъ твои глазки оттого, что держишь насъ въ своихъ рученкахъ и любуешься нами! Дома ты поставишь насъ въ воду, и мы поживемъ еще завтра и будемъ видѣть, умирая, какъ любящіе глазки Вавуси, ея братика и сестрички смотрятъ на насъ и жалѣютъ насъ. А то, быть можетъ, мы пригодимся вамъ, дѣтки, для вѣночка. Вы положите его на могилку Буки, если она завтра умретъ... Мы оживемъ и на будущій годъ, а она, если умретъ, уже не будетъ жить!»

— Бука, не умира-ай!—пропищалъ карапузъ и захныкалъ. Вавуся на колѣняхъ у Буки; обѣ, обнявшись, плакали, а старшая дѣвочка не знала, кого утѣшать...

— Ну, довольно, кончимъ ревѣть. Вѣнка не надо! Это— сказка... Бука будетъ жить сто лѣтъ.

Всѣ смѣялись.

Она ушла изъ дѣтской, когда дѣти зашумѣли и ладилась уже новая забава.

IV.

— Вы... Здѣсь?

— Да, я все слышалъ...

— Подслушали!

— Неподходящее слово, по обыкновенію злое. Я читалъ въ сосѣдней комнатѣ, ну, и услышалъ и «сказку», и ваши общія слезы. Отчего вы такъ разстроены? Случилось, быть можетъ, особенное что-нибудь, или все то же?

— И особенное, и то же...

— И то и другое оплакиваете?..

— Не смѣйтесь. Слезы, вызванныя дѣтьми, тѣмъ чистымъ, прекраснымъ, что составляетъ ихъ сущность — очень тяжелыя слезы. Какъ-то такъ ясно слышишь свою гибель...

— Только свою?..

— Хорошій вы мой!.. — Она взяла его за щеки и, крѣпко поцѣловавъ въ оба глаза, неудержимо расхохоталась. — Трудно мнѣ, родименькій, страдать и за собственную гибель, а вы предлагаете за двѣ?.. — Сразу перемѣнивъ веселый тонъ, злобно: Поймите вы, Васька: Варинъ благовѣрный и вашъ почтенный frère и бдительный опекунъ правъ. Да, да, да, — я «зловредная неврастеническая бацилла на свободѣ». Я чортъ, а вы — младенецъ. Неужели красиво такое сочетаніе? Учитесь, любите родителей и отстаньте. Да и я же не люблю васъ. Уйдите.

V.

— Станція?.. 246.09... Благодарю... Это вы, Андрей Николаевичъ? Неужели узнали мой голосъ? Трогательно... Не прикажу, а очень попрошу. Скажите мнѣ, скоро ли далъ бы себя почувствовать кокаинъ, если бы смертный проглотилъ 10 граммъ этого прекраснаго снадобья?.. А долго пришлось бы мучиться?.. Ну, вотъ. Спасибо... Теперь, вотъ что: не можете ли вы устроить, чтобы не печатали въ газетахъ объ этомъ чрезвычайномъ событіи? Да! Я вамъ и не сказала, что своровала кокаинъ у сестры (она—зубной врачъ) и, по вашимъ даннымъ, черезъ часъ уже буду съ предками. Послѣдній и единственный крупный шагъ въ жизни... Однако, вы равнодушно относитесь къ моей новости... Вы слушаете?..

Она грустно повѣсила трубку. На мгновенье закрывъ глаза ладонью, она снова взяла трубку.

— Пожалуйста, 236.01... Благодарю. Кто у телефона? Дуняша? Варвара Дмитріевна дома? Да?.. Нѣтъ, не надо... А дѣтки здоровы?.. Поцѣлуйте ихъ за меня... Василій Романовичъ тоже дома? Попросите его, пожалуйста, къ телефону. Вы?.. Здравствуйте. Простите меня и прощайте... Да... Уѣзжаю... И на прощанье прошу васъ, — предупредите поосторожнѣй Варю, что я отравилась и черезъ часъ умру. Что? Вы способны думать, что я могу шутить даже такъ?!. Повѣрьте въ послѣдній разъ. Ей Богу я не лгу. Ой!..

Она вздрогнула и уронила трубку—услышала въ телефонъ, что Васька отчаянно вскрикнулъ и, судя по стуку, упалъ.

Ее не спасли, слава Богу.

Сергѣй Сергѣичъ.

ФРАУ БЮРГЕЛИНЪ и ЕЯ СЫНОВЬЯ.

Романъ Габріэллы Рейтеръ.

(Продолженіе [1]).

VI.

Карла можно было теперь часто видѣть въ садикѣ статскаго совѣтника Вёлера, у крѣпостного вала. Онъ дурачился напропалую съ младшей сестрой Міи, Евой, и ея подругами, гонялся за ними по цвѣтнику, фехтовалъ и выкидывалъ столько шалостей, что mademoiselle едва узнала его, когда пришла однажды за нимъ съ Діонисомъ. Нѣсколько разъ она тревожно и растерянно пыталась удержать его своимъ возгласомъ: «Mais, Charles!» Но тотчасъ же рѣшила про себя, что повидимому мальчикъ чувствуетъ себя счастливымъ въ этой компаніи. И со своимъ обычнымъ умѣньемъ тихо и незамѣтно проводить свою волю, не смотря на подчиненіе мѣняющимся настроеніямъ своей госпожи, m-elle разсказала Фрау Бюргелинъ о весельи въ домѣ Вёлеровъ и постаралась намекнуть на то, что Карлу особенно нравится живая маленькая Ева. Въ виду этого фрау Бюргелинъ стала приглашать дѣвочекъ Вёлеръ и ихъ подругъ. Затѣмъ она уговорилась съ мамашей Вёлеръ, чтобы дѣти собирались разъ въ недѣлю для практики французскаго языка подъ руководствомъ mademoiselle.

Фрау Бюргелинъ было очень желательно, чтобы Карлъ ухаживалъ за хорошенькой Евой. Семнадцатилѣтній мальчикъ

[1]) См. іюль, стр. 247.

долженъ имѣть маленькое увлеченіе. Она разсчитывала, что подъ вліяніемъ молодыхъ дѣвушекъ у него исправятся манеры, онъ станетъ болѣе тщательно одѣваться. И дѣйствительно: дѣвочки такъ поддразнивали его, что онъ долженъ былъ разстаться съ пушкомъ на щекахъ и подбородкѣ, изображавшимъ бороду.

Чертами лица Карлъ сталъ напоминать теперь мать, какъ плохая копія напоминаетъ великолѣпный оригиналъ. Измѣнчивое выраженіе умной ироніи играло вокругъ его губъ. Мать спокойно и подробно разсказала ему, что находитъ его перемѣнившимся, и поздравила его съ этимъ.

Карла радовало, что онъ сталъ больше нравиться матери. Для него не существовало ничего на свѣтѣ красивѣе ея. Рядомъ съ ней и стройнымъ сказочнымъ принцемъ Діонисомъ онъ часто казался самому себѣ чѣмъ-то вродѣ Калибана; его фантазія преувеличенно отражала ему безобразіе его внѣшности. Онъ даже намѣренно, съ горечью, отпустилъ себѣ щетинистые волосы на головѣ и лицѣ, чтобы усилить еще это впечатлѣніе.

Мія была единственная, недовольная перемѣной въ немъ.

— Ты раньше былъ больше похожъ на самаго себя... на такого, знаешь, страннаго малаго,—замѣтила она.

И радость Карла прошла.

Все-таки хорошее было время—этотъ май и іюнь: бѣготня по саду, прогулки въ парки и дворцы въ окрестностяхъ Бернгардсгаузена подъ заботливо-снисходительнымъ надзоромъ mademoiselle, и невинная, но уже волнующая игра въ любовь, которая всѣмъ этимъ полувзрослымъ дѣтямъ казалась страшной и въ то же время манящей тайной.

Фрау Бюргелинъ рѣдко принимала участіе въ прогулкахъ. Она много страдала невральгическими болями въ щекѣ, которыя она приписывала суровому тюрингенскому климату. Кромѣ того, она чувствовала, что, не смотря на всѣ свои старанія, не можетъ преодолѣть свойственной ей нѣкоторой англійской чопорности, и ея присутствіе дѣйствовало на молодежь подавляющимъ образомъ. Среди юной, радостной жизни, кипѣвшей кругомъ нея, она чувствовала себя лишней и одинокой, хотя и въ ней былъ еще огонь. И это волновало ее больше, чѣмъ она сама въ томъ себѣ признавалась.

Иногда, поднимаясь по ступенькамъ сада, она слышала смѣхъ и крики съ площадки для игръ, и тогда у нея являлось горячее, непреодолимое желаніе, чтобы кто-нибудь изъ мальчиковъ или дѣвочекъ ждалъ ее и стремительно, позабывъ обо всемъ, бросился ей навстрѣчу. Діонисъ, правда, подбѣгалъ къ

ней, какъ только она появлялась. Она прижимала его къ себѣ, ласкала, играя полусознательно маленькую комедію передъ другими, чтобы показать, какъ онъ ее любитъ.

Юные гости почтительно цѣловали у нея руку. Но она чувствовала, что мѣшаетъ. И разъ она, къ тому же, замѣтила, какъ mademoiselle кивнула Діонису: не самъ онъ бросился къ ней.

Фрау Бюргелинъ жалко было разстраивать дружную компанію переѣздомъ на дачу, въ Тюрингервальдъ. Но дѣло это было уже рѣшено давно, и домъ, намѣченный Карломъ, нанятъ. Фрау Бюргелинъ ощущала отъ этого даже извѣстное удовлетвореніе, слегка напоминавшее месть—месть этой молодежи, которая такъ спокойно и просто исключала ее изъ своего круга.

Чтобы подавить въ себѣ это чувство, фрау Бюргелинъ сердечно пригласила барышень Вёлеръ и ихъ подругъ, сестеръ Берглингъ, пріѣхать къ нимъ на дачу.

Мія только изрѣдка, случайной гостьей появлялась среди этой веселой, шумной компаніи. Въ тайной надеждѣ увидѣть ее, Карлъ иногда заходилъ къ ней домой, но большею частью не заставалъ ея. Когда онъ спрашивалъ о ней у фрау Вёлеръ, та начинала жаловаться на странный характеръ Міи, потомъ замолкала со вздохомъ и озабоченно качала головой. Карлу не оставалось ничего другого, какъ довольствоваться обществомъ Евы, и часто онъ проявлялъ буйную веселость только затѣмъ, чтобы скрыть тайное страданіе. Вѣдь, Мія хотѣла же быть его другомъ; отчего она держится вдали отъ него?

Онъ даже не зналъ ея комнаты. Она находилась въ верхнемъ этажѣ, и Ева сказала ему, что Мія не любитъ, чтобы къ ней входили туда. Все-таки Карлъ осмѣлился однажды проникнуть къ ней. Это было въ началѣ мая. Когда онъ пришелъ, горничная сказала ему, что барышня дома, но не хочетъ сходить внизъ, такъ какъ въ гостиной кто-то есть у матери. Карлъ пошелъ наверхъ, легко постучалъ въ указанную ему дверь. Отворивъ ее, онъ почувствовалъ сильный запахъ цвѣтовъ.

Огромныя вѣтки цвѣтущей сирени стояли повсюду кругомъ въ глиняныхъ кувшинахъ; темно-лиловые ирисы и оранжево-желтая царская корона торжественно поднимали свои строгія головы. Мія лежала, вытянувшись во весь ростъ на бѣлой шкурѣ. Золотыя и лиловыя вѣтки свѣшивались къ ней; руки ея были закинуты за голову, и она мечтательно смотрѣла на цвѣты.

Карлъ остановился на порогѣ, не смѣя дышать отъ восторга.

Сердце его колотилось частыми ударами. Тихо ступая, онъ приблизился къ дѣвушкѣ и осыпалъ ее бѣлыми горными анемонами, которыя были у него въ рукѣ. Она, не шевелясь, подняла на него глаза и взглянула чужимъ взглядомъ, точно отуманенная сильными ароматами или своими блуждающими грезами.

Карлъ опустился на колѣни и, полный благоговѣнія и тихой радости, смотрѣлъ на нее.

Но вотъ, взглядъ Міи сталъ проясняться.

Выраженіе грусти, даже страданія, скользнуло по ея смуглому лицу.

Она вдругъ приподнялась, запустила обѣ руки въ косматую гриву Карла и стала тихонько трясти его то туда, то сюда, приговаривая:

— Ахъ ты глупый, милый чудакъ!

Карлъ вытащилъ ея руку изъ своихъ волосъ, прижалъ ее къ своимъ губамъ и поцѣловалъ каждый пальчикъ отдѣльно.

— Не надо... оставь..,—сказала смущенно Мія и попыталась высвободить руку. Онъ такъ сжималъ ее, что было больно. Глаза Карла были полны слезъ, и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Мія вздохнула и покачала головой.

Потомъ она встала и, не обращая на Карла вниманія, подошла къ окну и стала глядѣть изъ него. Солнце заходило. Ласточки, кружась вокругъ старой башни, близко-близко проносились мимо. Мія высунулась изъ окна и слѣдила за ними.

Карлъ, наконецъ, осмѣлился снова приблизиться къ ней. Оба молча смотрѣли на красивый полетъ. Съ улицы доносился шумъ и дѣтскій крикъ.

— Видишь тѣ два камня, которые выдвигаются изъ сѣрой стѣны?—спросила вдругъ Мія.

— Вижу.

— Ты знаешь, что они означаютъ?

— Нѣтъ.

— На нихъ былъ выступъ, въ родѣ балкона съ каменной баллюстрадой. Тамъ должны были стоять бѣдныя дѣвушки... И люди бросали въ нихъ камни и гнилые яблоки. Даже дѣтей поднимали, чтобы и они кричали и бросали...

— Какія это бѣдныя дѣвушки?—разсѣянно спросилъ Карлъ.

— Знаешь, тѣ, что... Ну, ты знаешь, вѣдь...

— Это были жестокія времена,—сказалъ Карлъ подавленно.

— Люди такъ же жестоки и сейчасъ... И никто вѣдь не зналъ, что заставило эти бѣдныя существа... Какъ имъ должно

было быть страшно стоять тамъ наверху привязанными и выносить всѣ эти насмѣшки и злобные взгляды... бѣдныя, бѣдныя!

— Не думай объ этомъ,—сказалъ Карлъ.

— Не могу,—отвѣтила Мія тихо.—Каждый день, когда я подхожу къ окну, я думаю объ этомъ. Всегда, всегда. Что только можно вынести изъ-за любви!

Она отвернулась отъ окна. Ея юное лицо, ея гибкая фигура выражали терпѣливое страданіе.

Карлъ смотрѣлъ на нее и хотѣлъ понять. Онъ раздѣлялъ ея тяжелое настроеніе, но не зналъ, откуда оно.

— Любовь должна быть вдвойнѣ дорога, если заставляетъ страдать,—пробормоталъ онъ.

— Ну, теперь пойдемъ внизъ,—сказала Мія спокойно.

— Зачѣмъ?—тихо спросилъ онъ.—Здѣсь такъ хорошо.

— Ахъ, они злятся, когда я все торчу наверху,—сказала Мія.

— А ты не поставишь въ воду цвѣты, которые я тебѣ принесъ?—спросилъ Карлъ съ мягкимъ упрекомъ, когда они проходили по комнатѣ и онъ увидѣлъ бѣлые колокольчики, разсыпанные по полу.

— Да, правда. Какая я растеряха! Никуда не гожусь.

Они вмѣстѣ собрали цвѣточки, и Мія вставила ихъ къ другимъ цвѣтамъ въ темно-зеленый кувшинъ. Карлъ почувствовалъ неопредѣленное разочарованіе, даже легкое огорченіе. Неужели она не могла помѣстить его цвѣты отдѣльно? Но онъ ничего не сказалъ и коротко, быстро попрощался.

Карлъ часто бывалъ на ткацкой мельницѣ у д-ра Фаренгорста. Индійскаго философа онъ не всегда заставалъ одного. Когда онъ пошелъ туда во второй разъ, тоже въ сопровожденіи Міи, они застали Фаренгорста въ большомъ обществѣ молодыхъ людей, которые болтали, смѣялись и продѣлывали всякія глупости. Ученый взялъ Карла за руку и подвелъ его къ маленькой, безпокойно оглядывавшейся кругомъ дамѣ, довольно разсѣянно привѣтствовавшей «молодого друга своего мужа».

Съ остальнымъ обществомъ Карлу было предоставлено знакомиться какъ угодно: никто не счелъ нужнымъ представить его. Повидимому, часть компаніи составляли сыновья и дочери д-ра Фаренгорста. Молодой человѣкъ съ глубокимъ, звучнымъ голосомъ, доставлявшимъ ему самому явное удовлетвореніе, сталъ среди комнаты подъ зеленымъ фонаремъ и прочелъ съ паѳосомъ непонятное стихотвореніе. Другой юноша вскочилъ, едва только тотъ успѣлъ кончить, крикнулъ: «Позвольте-ка!» и сталъ критиковать его. Первому это не очень понравилось, и они пустились

спорить, жестикулируя и волнуясь подъ зеленымъ свѣтомъ фонаря.

Но вдругъ ихъ рѣчи заглушило неистово-страстное пѣніе скрипки. Одна изъ барышень влѣзла на столъ, и съ этой внушительной эстрады понеслись съ виртуозной легкостью пламенные звуки чардаша. Однако громкій разговоръ не умолкалъ, хоть д-ръ Фаренгорстъ нѣсколько разъ и хлопалъ въ ладоши, призывая къ спокойствію.

Онъ и теперь лежалъ на своемъ диванѣ, среди подушекъ, укутанный въ плащъ. Мія тихо сидѣла на табуретѣ у его ногъ.

Вошла жена Фаренгорста и съ неловкими, какъ будто птичьими ужимками сообщила, что къ сожалѣнію жаркое, заказанное къ ужину, не прислано изъ города. Вся присутствующая молодежь,—юноши и дѣвушки-подростки,—были опрошены, не они ли сдѣлали мяснику заказъ, и выяснилось, что никто этого не сдѣлалъ.

— Такъ будемъ ѣсть что-нибудь другое,—небрежно сказалъ д-ръ Фаренгорстъ.—Не слѣдовало бы придавать ѣдѣ такого значенія.

Счастливый обладатель звучнаго голоса выразилъ готовность пойти искать ѣду. Хозяйка звонко расхохоталась и усѣлась по-турецки рядомъ съ мужемъ на диванѣ. Молодежь съ шумомъ и смѣхомъ бросилась въ поиски съѣдобнаго, и стала тащить изъ кухни и погреба все, что тамъ было. Карлъ тоже съ увлеченіемъ принялъ участіе въ общемъ походѣ. Его добычей были двѣ банки пюре изъ сливъ. Кто-то захватилъ соленые огурцы, кто-то—хлѣбъ и мелкій сахаръ. Декламаторъ съ тріумфомъ потряхивалъ за крыло на-половину съѣденную жареную курицу. Было также нѣсколько бутылокъ пива и вина, а главнымъ номеромъ былъ красиво гарнированный маіонезъ, заготовленный къ ужину на кухонномъ столѣ.

Прежде всего отодвинули въ сторону обѣденный столъ, а всѣ разнородныя кушанія поставили прямо на полъ. Ножей и вилокъ было мало. Компанія расположилась живописными группами, какъ на пикникѣ, и принялась за ѣду. Ѣли, что попадалось: маіонезъ или пюре изъ сливъ, хлѣбъ съ сахаромъ или соленые огурцы. Изъ-за курицы разгорѣлась борьба. Декламаторъ, оказавшійся медикомъ, объявилъ, что разрѣжетъ курицу по всѣмъ правиламъ анатоміи. Послѣ нѣкоторой возни онъ съ большой торжественностью преподнесъ обглоданную часть скелета обступившей его публикѣ, а себѣ оставилъ другую половину и съѣлъ ее, несмотря на всеобщее возмущеніе. Пили пиво,

чокались, отъ смѣха проливали вино на платье и на полъ. Въ концѣ концовъ Карлъ, зараженный общимъ весельемъ, схватилъ блѣдную скрипачку за талію и пустился съ ней въ галопъ вокругъ остатковъ пиршества. Стаканы падали, тарелки разбивались, но это только давало поводъ къ новымъ взрывамъ смѣха и шутокъ. Кто-то побѣжалъ въ сосѣднюю комнату къ рояли: все закружилось, запрыгало.

Д-ръ Фаренгорстъ стоялъ, прислонясь къ бѣлой двери. Въ ея рамкѣ его шелковистые волосы свѣтились блѣднымъ вѣнцомъ вокругъ его головы. Его тонкое болѣзненное лицо, не молодое и не старое, не отражало буйнаго веселья, шумѣвшаго кругомъ. Мія стояла возлѣ него, держала его руку и иногда тихо обмѣнивалась съ нимъ нѣсколькими словами. Танцовать она отказалась. Проносясь мимо, Карлъ слышалъ, какъ д-ръ Фаренгорстъ сказалъ ей: «Міръ—это субъективное сознаніе нашего я»...

Карлъ вернулся домой возбужденный, почти опьяненный. Да, вотъ это было удовольствіе! Не то что у нихъ, когда мать приглашала къ нимъ молодыхъ дѣвушекъ и сидѣла тутъ же въ креслѣ, любуясь на веселье молодежи, игравшей въ фанты или занимавшейся пріятными разговорами. При этомъ всегда чувствовался у нихъ какой-то странный, неестественный тонъ. Сегодня Карлу казалось, что въ его груди освободилось нѣчто вольное, дикое, какое-то стремленіе къ безудержному порыву, котораго онъ не зналъ въ себѣ. Во время неистоваго пляса онъ поцѣловалъ маленькую скрипачку въ пылавшую отъ танцевъ щеку, такъ какъ-то, нечаянно. Затѣмъ, ужаснувшись, онъ взглянулъ на Мію. Она не видала этого, но ему было стыдно. Все же онъ гордился своимъ легкомысліемъ и смѣлостью. Позже онъ проводилъ Мію домой; за ними шла кухарка Вёлеровъ. Карлъ изрѣдка произносилъ слово и робко поглядывалъ на Мію. Въ немъ проснулось страстное желаніе, далекое отъ того тихаго благоговѣнія, которое онъ ощущалъ къ ней до сихъ поръ. Онъ былъ озадаченъ и сбитъ съ толку. На душѣ сразу стало легче, когда онъ попрощался съ Міей и остался одинъ.

Ночь была полна дивныхъ сновъ и путанныхъ кошмаровъ, а рано утромъ, въ шестомъ часу, Карлъ былъ уже среди росистой благоуханной прохлады. Цѣлыхъ четыре часа онъ пробродилъ по полямъ и вернулся домой измученный, весь въ поту, къ великому ужасу Паулины, не любившей такихъ экстравагантностей, особенно если онѣ бывали сопряжены съ вторичнымъ подаваніемъ на столъ.

VII.

Домъ въ Дамбахгрундѣ, который фрау Бюргелинъ наняла для лѣтняго пребыванія, стоялъ у входа въ лѣсистое горное ущелье, оживляемое свѣтлымъ ручейкомъ. Дальше ущелье расширялось и переходило въ долину, пестрѣвшую красными, серебристо-сѣрыми и желтыми скалами. Деревенская улица убѣгала змѣйкой въ равнину, гдѣ луга и овсы смѣшивались съ клочками еловаго лѣса. Дамбахгрундъ еще не успѣлъ сдѣлаться моднымъ курортомъ; въ немъ была всего одна простая деревенская гостинница, въ которой охотно селились на лѣто небогатыя семьи изъ города. Фрау Бюргелинъ наняла небольшой крестьянскій домъ. Паулина должна была разъ или два въ недѣлю ѣздить въ городъ за всякой провизіей; фрау Бюргелинъ не могла обходиться безъ привычной городской ѣды.

Еще до переѣзда ихъ изъ Бернгардсгаузена на дачу прибыла гостья-землячка изъ Шотландіи. Миссъ Гастингсъ сохранила дружбу къ фрау Бюргелинъ въ самую критическую пору ея жизни. Она первая изъ знатнаго лондонскаго общества посѣтила пріятельницу послѣ ея брака съ «damned foreignër». Миссъ Гастингсъ смѣло и горячо стала въ защиту ея передъ родными. И если Алландайсъ въ концѣ концовъ простилъ сестрѣ ея романическую выходку, то это въ значительной степени было дѣломъ миссъ Гастингсъ. Въ этихъ стараніяхъ христіанская любовь страннымъ образомъ смѣшивалась съ какимъ-то вполнѣ языческимъ влеченіемъ, которое миссъ Гастингсъ питала къ красотѣ. Восхищаться мужчиной... О-о, shocking... никогда, никогда! Да и мужчинъ она вовсе не находила красивыми. Но любоваться прекрасной женщиной или милой дѣвушкой — это придавало жизни, полной труда и самоотреченія, налетъ мечтательной поэзіи. Да кромѣ того и здѣсь не обходилось безъ морали и упражненій въ ней: приходилось вмѣстѣ съ преклоненіемъ передъ красотой подавлять въ себѣ зависть и возмущеніе передъ Творцомъ, который надѣляетъ однѣхъ такими круглыми плечами, а другихъ такими угловатыми, который создаетъ такія бѣлыя шеи и разсыпаетъ такія нѣжныя розы на прелестныя лица, а многимъ тонкимъ длиннымъ носамъ и впавшимъ щекамъ даетъ такой рѣзкій синевато-красный оттѣнокъ.

Фрау Бюргелинъ и миссъ Гастингсъ въ области мысли и убѣжденій не сходились почти ни въ чемъ. Больше всего

онѣ спорили на религіозныя темы. Обѣ онѣ принадлежали къ потомкамъ тѣхъ упрямыхъ сторонниковъ Кромвеля, которые съ мечомъ въ рукахъ защищали свою вѣру. Старый пуританскій кличъ обратился въ устахъ фрау Бюргелинъ въ догматъ свободы и атеизма. Но свобода не сдѣлала ее терпимой. Если бы ей дана была власть, она, пожалуй, подожгла бы монастыри, а патеровъ повѣсила бы на самыхъ высокихъ деревьяхъ.

Миссъ Гастингсъ была спокойнаго характера, но упрямо стояла на своемъ планѣ: помирить любимую пріятельницу съ небомъ. Съ этой цѣлью она то и дѣло заводила вновь религіозный разговоръ, хотя знала, что Эдина, увлеченная своимъ страстнымъ темпераментомъ, способна забыть даже свой долгъ гостепріимства и оскорбить ее рѣзкими, обидными насмѣшками. Нерѣдко случалось, что дамы, мирно выйдя на общую прогулку, возвращались врозь, разными дорогами, а затѣмъ запирались въ своихъ комнатахъ и не выходили къ обѣду.

Въ такихъ случаяхъ Діонисъ съ почтительнымъ равнодушіемъ сообщалъ о мигрени, такъ удивительно одновременно разразившейся у обѣихъ дамъ. Карлъ начиналъ смѣяться и подтрунивать; mademoiselle мягко останавливала его. Тихая француженка имѣла на него вліяніе; онъ видѣлъ, что положеніе ея въ домѣ нелегкое, и всегда испытывалъ тайное, рѣдко проявлявшееся сочувствіе къ ея затрудненіямъ.

Однажды, въ субботу, должны были пріѣхать, наконецъ, барышни Вёлеръ и Берглингъ и остаться на дачѣ въ воскресенье. Было приготовлено два экипажа для гостей. Карлъ стоялъ на платформѣ въ широкополой соломенной шляпѣ, украшенной соколинымъ перомъ. Въ петлицѣ полотняной куртки у него красовался цѣлый букетъ полевыхъ цвѣтовъ: второй букетъ украшалъ его высокую сосновую палку. Онъ былъ похожъ на деревенскаго жениха съ картины добраго стараго времени.

Но вотъ подошелъ поѣздъ, и оттуда сразу понесся хоръ привѣтствій. Маленькая компанія, подъ покровительствомъ мамаши Вёлеръ, прикатила въ самомъ веселомъ настроеніи. Послышался свистъ, ржаніе, лай, пискъ. Молодежь съ хохотомъ стала выскакивать изъ вагона. Мальчики Берглингъ оглашали воздухъ звонкими криками, дѣвицы немилосердно рвали у Карла его букеты, а онъ все ждалъ и растерянно смотрѣлъ на опустѣвшее купе. Голосомъ беззвучнымъ отъ волненія, онъ спросилъ, гдѣ же Мія?

— Мія... Ахъ, развѣ вы не знаете? Она уѣхала со всѣми Фаренгорстами въ Тироль.

Пока молодежь бродила по лѣсу, мамаша Велеръ изливала передъ фрау Бюргелинъ свои жалобы на Мію. Дѣвушка тоскуетъ, чувствуетъ себя неудовлетворенной — а вѣдь развѣ ей плохо живется? Стараешься всячески приспособить ее къ какой-нибудь регулярной работѣ—напрасно! Изъ института ее уволили за неспособность. Другія дѣвушка работаютъ въ воскресныхъ школахъ, въ ясляхъ, а она, если ужъ рѣшится когда-нибудь ротъ открыть, то только враговъ наживаетъ своими дикими рѣчами.

— И вмѣстѣ съ тѣмъ,—вздыхала статская совѣтница,— она все-таки такая хорошая, искренняя и отзывчивая дѣвочка.— Видно было, что этотъ неудачливый ребенокъ особенно близокъ ея материнскому сердцу.—Много странностей Міи и ея свободу дѣйствій приходится скрывать отъ мужа. Онъ терпѣть не можетъ всякое оригинальничанье.

На этихъ словахъ статская совѣтница испуганно запнулась. Она подумала, что фрау Бюргелинъ вѣдь сама, пожалуй нѣсколько странная... Она покраснѣла и улыбалась смущенно, какъ молоденькая дѣвушка. Это выраженіе невиннаго смущенія на лицѣ пожилой женщины понравилось фрау Бюргелинъ. Она подумала: «У ея дочерей я не видѣла этого выраженія... Но не слишкомъ ли мало въ ней свѣтскости?»

Къ Міи фрау Бюргелинъ не ощущала особой симпатіи, а она всегда очень руководилась своимъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ отъ людей. Но послѣ разсказовъ матери она заинтересовалась дѣвушкой: она подумала, не безъ легкаго злорадства, сколько еще загадокъ это дитя задастъ родителямъ. Фрау Бюргелинъ въ теоріи высоко цѣнила нѣмецкую буржуазію, ея дѣльность, ея простую, точно вырѣзанную изъ дерева поэзію—но, встрѣчаясь съ ней въ жизни, все-таки презрительно поводила губами при видѣ ея безвкусія и мелочности.

— Можетъ быть, у нея есть какой-нибудь талантъ?— спросила фрау Бюргелинъ, съ виду серьезно, но съ затаенной усмѣшкой.—Къ сценѣ, напримѣръ? Вы бы пустили ее?.

— На сцену?—переспросила, растерявшись, совѣтница.

— Отчего же нѣтъ? Если бы она проявила большое дарованіе. Вѣдь наша Рюдеръ, насколько мнѣ извѣстно, дочь пастора...

— Да, конечно... но ея отецъ очень... онъ принадлежитъ къ свободомыслящимъ,—пробормотала совѣтница.—А у насъ семья религіозная, и мой мужъ... Нѣтъ, онъ никогда бы не разрѣшилъ, никогда!..

— Даже если бъ ваша дочь доказала серьезное желаніе

и умѣнье работать?.. Говорятъ, Дорисъ Рюдеръ пришлось вынести тяжелую борьбу—и посмотрите, какая свѣжая, прекрасная натура!

— Я ничего не могу сказать противъ фрейлейнъ Рюдеръ...

— Я увѣрена, что никто не можетъ...

— Ну нѣтъ, этого не скажите. Вотъ только сегодня мы видѣли ее на вокзалѣ съ барономъ Пернебергомъ...

— Они поѣхали сюда?—быстро спросила фрау Бюргелинъ.

— Кажется, да. Когда я подумаю, что моя Мія можетъ когда-нибудь такъ бѣгать съ господиномъ...

И она съ ужасомъ покачала головой.

— Фрейлейнъ Рюдеръ была съ барономъ одна?

— Нѣтъ... ея мать была съ нею.

Фрау Бюргелинъ улыбнулась.

— Ну, тогда это не такъ ужъ страшно, милая фрау Вёлеръ.

— Да я и не думаю, что это страшно,—боязливо вскричала совѣтница.—Только такъ не женственно, такъ по-студенчески...

— Въ этомъ отношеніи вамъ кажется, нечего безпокоиться,—замѣтила фрау Бюргелинъ.—У Міи, повидимому, совсѣмъ другой темпераментъ, чѣмъ у Дорисъ Рюдеръ.

— Слава Богу!,—вырвалось у совѣтницы изъ глубины сердца. — Она у насъ тихая... Хотѣлось ей поѣхать въ Мюнхенъ или въ Парижъ учиться живописи — она, вѣдь, рисуетъ экраны и всякія такія дикія вещи. Но мой мужъ не хочетъ и слышать объ этомъ. Онъ не любитъ отпускать дочерей изъ дому. Вотъ вернется изъ Тироля, будетъ брать уроки рисованія у профессора Эйзенгарта. А писаніе съ натуры, которому барышни тамъ въ академіяхъ обучаются... нѣтъ, это невозможно допустить!

— Тогда одно изъ двухъ!—нетерпѣливо вскричала фрау Бюргелинъ. И вскочивъ съ мѣста, прибавила:

— Позвольте мнѣ сказать вамъ, голубушка: нельзя совершить худшаго преступленія надъ человѣкомъ, какъ позволить ему слѣдовать своему призванію, только до извѣстнаго пункта, а тамъ сказать: «Теперь довольно. Дальше нельзя». Я испытала это... и знаю, что это значитъ. Мнѣ разрѣшено было учиться пѣнію, развивать свой голосъ. Но когда я желѣзнымъ прилежаніемъ и горячимъ стремленіемъ достигла того предѣла, гдѣ начинается настоящее, большое, истинное искусство, мнѣ сказали: сестра сэра Алландайса можетъ спѣть романсъ послѣ обѣда, но пѣвицей ей быть не подобаетъ.

Она ходила большими шагами по комнатѣ и въ нервномъ волненіи сжимала руки.

— Если вы съ мужемъ не хотите, чтобы изъ вашей дочери вышла художница или артистка, то выдайте Мію поскорѣе замужъ за хорошаго человѣка. У нея будутъ дѣти... Не найдется времени...

— Но нельзя же выдать безъ любви,—вставила мать.

— Ну, если вы будете ждать этого,—язвила фрау Бюргелинъ,—то можетъ выйти слишкомъ поздно.

— Я бы не желала, чтобы моя дочь вышла замужъ не по любви.

— Что общаго между любовью и замужествомъ?

Теперь настала очередь фрау Вёлеръ испытывать снисходительное сожалѣніе. «Сразу видно разведенную жену!»—подумала она съ пренебреженіемъ.

Фрау Бюргелинъ не развивала этой темы дальше.

— Меня удивляетъ одно,—продолжала она,—что вы отпустили Мію ѣхать съ семьей Фаренгорстъ. Увѣрены ли вы, что д-ръ Фаренгорстъ вполнѣ надежный человѣкъ для близкаго знакомства съ молоденькой дѣвушкой?

— Д-ръ Фаренгорстъ?—спросила совѣтница.—О, конечно! онъ вѣдь состоитъ на службѣ въ герцогскомъ архивѣ, и кромѣ того онъ съ нами въ дальнемъ родствѣ.

«Какъ она глупа, бѣдная!»—подумала фрау Бюргелинъ.

— У него есть свои странности,—продолжала совѣтница свою защитительную рѣчь.—Онъ пишетъ стихи. У насъ въ театрѣ разъ даже поставили одну его штуку. Не очень хорошо было... Но Мія такъ дружна съ его дочерьми, а какія-нибудь развлеченія надо же дѣвочкѣ имѣть.

Прислуга доложила, что поданъ чай.

Юная компанія вернулась съ прогулки съ еловыми вѣтками и цвѣтами и заполнила шумомъ столовую. Миссъ Гастингсъ тоже вернулась со своихъ «этюдовъ», съ складнымъ стуломъ и ящикомъ красокъ. Ахъ! миссъ Гастингсъ любила красоту, но красота не любила ея; она любила искусство, но и оно не платило ей взаимностью. Она рисовала ужасныя маленькія акварели, которыя ей доставляли огромное счастье. А въ Англіи, среди ея друзей, онѣ даже имѣли большой успѣхъ.

VIII.

Черезъ нѣсколько дней фрау Бюргелинъ, гуляя со своей пріятельницей, встрѣтила молодую пѣвицу. Она бодро взбира-

лась по крутой лѣсной дорожкѣ, повернувъ голову назадъ и оживленно разговаривала. Баронъ Пернебергъ и ея мать, пыхтя, слѣдовали за ней.

— Знаете ли, милое дитя,—воскликнулъ, задыхаясь, баронъ,—если вы полагаете, что я могу здѣсь, на этихъ скользкихъ сосновыхъ иглахъ, найти что-нибудь разумное въ отвѣтъ на ваши соображенія, то вы ошибаетесь. Нѣтъ! въ другой разъ уже не вы, а мы съ вашей мамой изберемъ мѣсто для прогулки. Правда, фрау Рюдеръ? Батюшки мои! вотъ гора! Уфъ!

Онъ увидѣлъ фрау Бюргелинъ и съ удивленіемъ приподнялъ шляпу. Дорисъ поцѣловала руку своей покровительницы. Послѣ обмѣна нѣсколькими словами, обѣ компаніи продолжали свой путь. Съ тѣхъ поръ онѣ встрѣчались часто, то возлѣ дачи фрау Бюргелинъ, то въ деревнѣ, то по дорогѣ на лугъ. И всегда баронъ былъ неизмѣннымъ спутникомъ матери съ дочерью.

Фрау Бюргелинъ пригласила всѣхъ троихъ пить чай. Пасторша отказалась. Дорисъ и баронъ явились вдвоемъ; она—непринужденно веселая, онъ—нѣсколько смущенный подъ бдительными взорами фрау Бюргелинъ. Однако ему не удалось скрыть, что онъ весь подъ обаяніемъ артистки. Дорисъ была очаровательна. Подъ шляпой съ блѣдно-зелеными лентами ея бѣлокурые волосы мягкими кольцами вились на вискахъ и затылкѣ, отливая золотомъ, какъ только ихъ касался солнечный лучъ. Она держала себя просто, но иногда неожиданно въ ней вспыхивалъ тонкій юморъ.

Фрау Бюргелинъ была очарована Дорисъ не меньше барона. Ей было больно, что сыновья ушли къ себѣ, какъ только чаепитіе окончилось и разговоръ сталъ серьезнѣе. Какъ могъ Діонисъ проявлять такъ мало восторга по отношенію къ молодой артисткѣ? Она могла бы пробудить въ немъ многія дремавшія ощущенія. Да и для самой Дорисъ она больше желала бы невиннаго обожанія чистой, нетронутой души, чѣмъ едва сдерживаемой похотливой страсти изношеннаго жуира. Не нравилась ей близость барона къ Дорисъ.

Правда, какой-то инстинктъ подсказывалъ фрау Бюргелинъ, что Дорисъ не любитъ его—и это ее удовлетворяло. Миссъ Гастингсъ и m-elle Оберъ давно уже не видали ее такой оживленной и непринужденно любезной.

На другой день фрау Бюргелинъ, стоя у окна, увидѣла Дорисъ съ барономъ. Они шли вдвоемъ черезъ лугъ по направленію къ горамъ.

Она почувствовала раздраженіе. «Какая неосторожная дѣ-

вушка!—подумала она.—Можетъ быть, не слѣдовало бы и интересоваться ею».

— Фрейлейнъ Рюдеръ теперь живетъ одна у Асмановъ,—сообщила Паулина злораднымъ тономъ, — Ея мать вчера уѣхала.

— Да?—разсѣянно спросила фрау Бюргелинъ, и Паулина почувствовала, что больше она не смѣетъ ничего сказать.

Передъ вечеромъ фрау Бюргелинъ писала письма у себя въ комнатѣ. Дорисъ въ это время прошла прямо въ садъ и стала гоняться съ мальчиками по только что скошенной травѣ. Они прыгали черезъ кучки сѣна, толкали другъ друга въ пахучіе стоги, зарывались въ нихъ, кричали, смѣялись, какъ расшалившіеся дѣти.

Фрау Бюргелинъ изъ своего окна слѣдила за ихъ возней. У нея снова тепло стало на душѣ. Какъ мила ей эта дѣвушка! Въ ея чувствѣ къ ней было что-то тревожное, робкое и ищущее, мучительное стремленіе къ отвѣтной любви, къ пониманію ея, до котораго сыновья ея еще не доросли.

И она стала звать: «Дорисъ! Дорисъ!»

Дорисъ услыхала. Она обѣими руками придерживала распустившіеся волосы, улыбалась и посылала наверхъ поклоны. Лицо ея сіяло здоровьемъ.

Она прибѣжала въ домъ, вся запыхавшись. Фрау Бюргелинъ притянула ее къ себѣ на диванъ.

— Распустите же свои волосы, вотъ такъ! Какая красота, какая прелесть! Вотъ вы какимъ сокровищемъ обладаете, дитя мое!

И она играла мягкими локонами Дорисъ и укутала ими ее всю точно блестящимъ плащемъ.

Дорисъ радостно смѣялась. «Все-таки пріятно вызывать восхищеніе такой женщины»,—думала она съ гордостью.

Дорисъ прислонилась головой къ плечу фрау Бюргелинъ и разсказывала, что ея мать вызвана телеграммой къ отцу, у котораго сдѣлался приступъ подагры. А она сама хочетъ до конца своихъ каникулъ прожить въ Дамбахгрундѣ.

— А баронъ Пернебергъ... онъ остается здѣсь?—спросила фрау Бюргелинъ.

— Да, я думаю... по крайней мѣрѣ еще нѣкоторое время. А затѣмъ онъ ѣдетъ со своей семьей въ Гаштейнъ.

— Милочка моя, у васъ нѣтъ какой-нибудь родственницы, дамы, которая могла бы пожить съ вами?

— Зачѣмъ?—удивленно спросила Дорисъ—Я очень люблю жить одна.

Волна недовѣрія опять прошла по сердцу фрау Бюргелинъ. Отчасти тутъ была боязнь аристократки, какъ бы не связаться съ авантюристкой, отчасти ревнивое чувство по отношенію къ барону.

— Нашъ милый баронъ любитъ похвастать,—сказала она. Онъ не упуститъ случая и будетъ всѣмъ разсказывать, что былъ здѣсь съ вами одинъ недѣлю или двѣ...

— Если она сейчасъ воскликнетъ: «Этого онъ никогда не сдѣлаетъ!», то это значитъ, что она уже съ нимъ въ связи,—подумала фрау Бюргелинъ.

Но Дорисъ отвѣтила задумчиво: — Вы думаете? Да... Но мало ли что мужчины могутъ разсказывать? Отъ этого вѣдь не убережешься.

— Переѣзжайте ко мнѣ и будьте моей гостьей, —сказала Фрау Бюргелинъ и взяла обѣ руки Дорисъ въ свои.

— Милая фрау Бюргелинъ... я бы съ радостью... но...

«Все-таки колеблется»,—подумала фрау Бюргелинъ.

— Вы предпочитаете не быть связанной?—спросила она болѣе холодно.

— Откровенно признаюсь—да!

— Вы бы доставили мнѣ большую радость, —сказала фрау Бюргелинъ грустно; глаза ея вдругъ наполнились слезами.

Дорисъ съ изумленіемъ взглянула на нее.

— Тогда я согласна. Я очень рада быть у васъ... И спасибо вамъ.

Послѣднія слова Дорисъ проговорила такъ серьезно, столько чистосердечія было въ ея тонѣ и въ звукѣ ея голоса, что съ этого момента между ней и фрау Бюргелинъ закрѣпилась прочная дружба.

Теперь миссъ Гастингсъ приходилось упражняться въ борьбѣ съ собой, и въ это лѣто она значительно подвинулась впередъ въ нравственномъ усовершенствованіи.

Къ сожалѣнію, она не понимала достаточно по-нѣмецки, чтобы вмѣстѣ съ другими наслаждаться веселой болтовней Дорисъ. А фрау Бюргелинъ съ неизмѣннымъ удовольствіемъ слушала то юмористическія, то грустныя воспоминанія Дорисъ о своемъ дѣтствѣ въ пасторскомъ домѣ въ Тюрингіи.

Сама фрау Бюргелинъ была искусная разсказчица. Соотвѣтственно ея самоувѣренной натурѣ, всѣ ея разсказы имѣли

цѣлью дать ея молодой пріятельницѣ новое знаніе свѣта и человѣческой души.

А Дорисъ болтала непринужденно, какъ ребенокъ. Но ея болтовня раскрывала передъ фрау Бюргелинъ новый, незнакомый міръ: жизнь средняго нѣмецкаго обывателя, представлявшуюся ей невѣроятно бѣдной. Изъ какой тѣсноты выбилась на просторъ здоровая, молодая жизнь!

Развѣ это не напоминало главу изъ Жанъ-Поля: родители Дорисъ семь лѣтъ были женихомъ и невѣстой и только тогда, когда найденъ былъ приходъ съ нѣсколькими сотнями талеровъ дохода,—поженились.

А эти детали: отецъ, вѣчный юноша, поклонникъ всякой красоты, нетерпѣливо, беззаботно отклоняетъ отъ себя всякія заботы о матеріальномъ благополучіи. Онъ проводитъ время внѣ семьи, которая ежегодно увеличивалась однимъ ребенкомъ, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, надъ книгами, или же мечтательно бродитъ по лѣсу и полю.

Рядомъ съ нимъ пасторша — энергичная, практическая натура: она пробуетъ свои силы въ различныхъ направленіяхъ, чтобы увеличить доходъ семьи. Даже и позже, когда лучшее мѣсто мужа избавило ее собственно отъ повседневныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, ея неутомимая трудоспособность не изсякаетъ. Она заставляетъ дочерей помогать ей растить поросятъ и сажать крапиву, что даетъ массу труда и хлопотъ. А въ промежуткахъ отецъ ихъ пичкаетъ Гомеромъ и римскими классиками.

Затѣмъ Дорисъ вспоминаетъ эпизодъ съ членомъ церковнаго совѣта... Этого человѣка пасторскія дѣти всегда боялись. Передъ его ежегоднымъ посѣщеніемъ убиралась генерально не только вся квартира, но и кабинетъ отца, со всѣми его книгами. Отецъ не позволялъ, чтобы ему мѣшали; происходили обыкновенно тяжелыя сцены. Оттого, собственно, Дорисъ и ненавидѣла этого господина... Однажды онъ пріѣхалъ въ Гринсбахъ совершенно неожиданно, прелестнымъ весеннимъ утромъ. Роскошная погода соблазнила старика сдѣлать эту прогулку изъ Бернгардсгаузена пѣшкомъ. Когда онъ вошелъ въ пасторскій дворъ, Дорисъ подъ цвѣтущей яблоней сбивала масло и звонко-радостно пѣла народную пѣсню, покрывая стукъ колотушки. Гость долго стоялъ у воротъ, незамѣченный ею, и слушалъ.

Когда онъ черезъ нѣсколько часовъ сталъ прощаться, то просилъ позвать Дорисъ. Мужчины сидѣли за стаканчикомъ яблочнаго вина, приготовленнаго пасторшей. Членъ совѣта ласково

посмотрѣлъ на бѣлокураго шестнадцатилѣтняго подростка, погладилъ ее по щекѣ и сказалъ, что она доставила ему утромъ большое удовольствіе своимъ пѣніемъ, и онъ теперь хочетъ также доставить ей удовольствіе. Чего бы ей хотѣлось?

Тогда она, вся покраснѣвъ отъ радости и смущенія, выпалила: «Ахъ, я бы хотѣла въ театръ, музыку послушать, только хорошую!» Мать потомъ разбранила ее. Неподходящая, молъ, просьба для духовной особы. Но черезъ нѣсколько дней торговка, доставлявшая въ Грисбахъ всякіе городскіе продукты, подала ей вмѣстѣ съ пакетами кофе, сахару и ситцу, закрытый конвертъ; въ немъ былъ билетъ на «Фиделіо».

Этотъ день рѣшилъ ея судьбу: членъ церковнаго совѣта помогъ ей пробраться на сцену.

Раньше всего Дорисъ категорически потребовала отъ родителей, чтобы они отпустили прислугу. Она будетъ работать одна, съ тѣмъ, чтобы жалованье прислуги шло на уплату за уроки пѣнія. Отцу понравилась романтическая затѣя, а мать надѣялась, что осуществленіе этого плана излѣчитъ дочь радикально отъ ея эксцентрическихъ замысловъ.

Дорисъ стала учиться пѣнію. Приходилось работать немало. Надо было помогать матери дома и вмѣстѣ съ тѣмъ стараться достигнуть завѣтной цѣли. Два раза въ недѣлю она ходила въ Бернгардсгаузенъ на уроки къ бывшей пѣвицѣ Мюльнеръ-Глокнеръ, которая потеряла голосъ и жила тихо, уединенно, занимаясь преподаваніемъ.

Дорисъ своей сильной волей сломила упорство родителей. Когда ея занятія стали все больше разростаться и поглощать все ея время, ее освободили отъ хозяйственныхъ работъ, и она продолжала свой путь безъ помѣхъ. А восторженное поклоненіе барона Пернеберга подъ конецъ совершенно расчистило ей дорогу: она получила ангажементъ въ придворный театръ на блестящихъ условіяхъ, неслыханныхъ до тѣхъ поръ въ Бернгардсгаузенѣ.

— Да... Но, милочка моя, милая, прекрасная, смѣлая дѣвушка,—спросила ее Фрау Бюргелинъ,—не потребуетъ ли онъ въ одинъ прекрасный день благодарности за это? Сможете ли вы отказать ему въ ней?

— Моя дружба принадлежитъ ему до того крайняго предѣла, до котораго можетъ доходить дружба,—отвѣтила Дорисъ.— Во мнѣ все-таки сидитъ еще пасторская дочка. А затѣмъ... я не люблю мужчинъ. Я чувствую влюбленность только когда я на сценѣ. Тогда—да. Въ Майера, въ Люцеля—каждый разъ

въ своего партнера. Я трачу весь запасъ страсти на свои роли. Повѣрьте, для обычной жизни у меня ничего не остается. Я сказала это и барону.

— И онъ мирится съ этимъ?

— Приходится мириться. Иначе онъ бы совсѣмъ потерялъ меня. А мужчины вѣдь такіе курьезные люди: наши отношенія ему интересны, какъ что-то новое. Другое вѣдь у него такъ часто бывало.

Фрау Бюргелинъ подумала: «Долго ли это будетъ продолжаться?»

Наблюдать тайную борьбу женщины и мужчины было чрезвычайно занимательно. Она понимала Дорисъ и вѣрила ей— а это сдѣлала бы не каждая свѣтская дама.

Фрау Бюргелинъ сама любила только разъ въ жизни: пятнадцатилѣтней дѣвочкой она влюбилась въ своего учителя пѣнія, нѣмецкаго музыканта. Ея родители откопали его гдѣ-то во время путешествія и привезли его въ свой шотландскій замокъ, чтобы доставить сюрпризъ своей маленькой прихотливой Эдинѣ. Музыкантъ оставался вѣренъ своей женѣ на далекомъ континентѣ и не старался соблазнить свою ученицу. Но онъ внушилъ ей любовь къ нѣмецкому искусству, вдохнулъ въ ея душу нѣмецкій идеализмъ и далъ ея стремленіямъ опредѣленное направленіе. И даже ея романическое замужество, которое весь свѣтъ считалъ страстнымъ увлеченіемъ, было только воспоминаніемъ о немъ. Весь избытокъ ея темперамента излился въ любви къ музыкѣ, въ любви къ Діонису, въ планахъ о будущемъ сыновей. Мужчины не были больше опасны этой красивой женщинѣ. Оттого она и вѣрила Дорисъ.

Фрау Бюргелинъ импонировало то, что эта дѣвушка побѣдила въ той борьбѣ, въ которой она оказалась побѣжденной: въ борьбѣ за искусство. Невольно она начинала мечтать, не возникнутъ ли между Дорисъ и Діонисомъ такого рода отношенія, какія у нея были съ обожаемымъ учителемъ. Только въ этомъ случаѣ женщина должна была являться руководительницей и наставницей, а юноша—восторженнымъ адептомъ.

Къ большой радости своей она стала замѣчать, что въ эти лѣтніе дни они все больше сближаются между собой. Вечеромъ, когда Дорисъ пѣла въ маленькой гостиной, она любила, чтобы Діонисъ аккомпанировалъ ей. Діонисъ написалъ для нея два романса, восхищавшихъ мать и брата. Дорисъ обращалась съ нимъ, какъ обращаются съ красивой, хорошей собакой: гла-

дятъ ее и ласкаютъ, не чувствуя при этомъ особой нѣжности. Къ Карлу она вовсе не знала, какъ и подступить.

IX.

Эти лѣтніе дни въ Дамбахгрундѣ надолго остались для фрау Бюргелинъ послѣдними хорошими ея днями. Уже здѣсь ее все чаще мучили боли въ челюсти, которыя она долгое время принимала за tic douloureux, пока не началась лихорадка съ ознобами. Зубной врачъ нашелъ воспаленіе надкостницы, возникшее отъ неправильно удаленнаго зуба. Онъ посовѣтовалъ ей обратиться къ извѣстному хирургу сосѣдняго университетскаго города, и она поѣхала туда въ сопровожденіи mademoiselle и миссъ Гастингсъ. Обѣ вернулись на другой день въ виллу «Эдина» грустныя, съ заплаканными глазами. Профессоръ объявилъ, что операція неизбѣжна, и оставилъ фрау Бюргелинъ у себя въ клиникѣ. Онъ нашелъ, что челюсть уже сильно захвачена воспаленіемъ, и долженъ былъ предложить фрау Бюргелинъ одно изъ двухъ: либо маленькимъ отверстіемъ въ щекѣ дать опухоли нѣкоторый выходъ, причемъ она, однако, останется источникомъ болей и постоянной опасности; либо удалить поврежденную часть челюсти и такимъ образомъ радикально излѣчить—правда, цѣною обезображенія всего лица.

Фрау Бюргелинъ отослала своихъ спутницъ домой и попросила времени на размышленіе.

Мальчики сидѣли смущенные и разстроенные вмѣстѣ съ Дорисъ и обѣими вѣрными женщинами. Всѣ они чувствовали, что это страданіе—самое тяжелое изъ всѣхъ, какія судьба могла послать гордой женщинѣ.

— Если ужъ надо,—сказалъ Діонисъ,—такъ лучше сейчасъ рѣшиться на большую операцію и покончить съ этимъ. Для мамы это ужасно... ужасно. Но за то она потомъ будетъ здорова.

Услыхавъ эти разсудительныя слова брата, Карлъ сдѣлалъ энергически-отрицательный жестъ рукой, и выбѣжалъ изъ комнаты, не говоря ни слова.

— Какъ онъ волнуется!—прошептала mademoiselle.—Онъ все-таки очень любитъ мать.

— Да,—сказала миссъ Гастингсъ,—я не ожидала отъ него такого отношенія. Онъ ближе принимаетъ все это къ сердцу, чѣмъ Діонисъ.

Карлъ былъ потрясенъ. Онъ силился представить себѣ мать съ перекошеннымъ, изрытымъ шрамами, лицомъ. Когда-то въ дѣтствѣ онъ встрѣтилъ такую женщину и, полный отвращенія, бросился бѣжать отъ нея, бѣжать безъ оглядки, лишь бы не видѣть ее. А теперь его мать... И онъ рвалъ на себѣ волосы, кусалъ руки отъ боли и обиды.

— Что это? Неужели онъ такъ сильно любитъ мать и никогда до сихъ поръ не зналъ этого? Откуда клокочущее у него въ груди отчаяніе?

Карлъ взялъ шляпу и вышелъ изъ дома, чтобы остаться наединѣ съ собой и понять себя. Онъ шелъ полевой дорогой, смотрѣлъ на темныя тучи, на одинокія осеннія колючки по обочинамъ, и копался въ своемъ сердцѣ.

Какъ многіе юноши, переживающіе періодъ созрѣванія, онъ страдалъ потребностью постоянно отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ своихъ мысляхъ и ощущеніяхъ и не допускать никакой иллюзіи по поводу чего бы то ни было. Онъ былъ еще во власти фанатическаго исканія правды—правды во что бы то ни стало. Какое было бы счастье найти неожиданно въ себѣ тайное сокровище нѣжности и теплоты къ матери. Но онъ внимательно присматривался къ себѣ и говорилъ: «Постой-ка! постой-ка!.. это не любовь... Это что-то совсѣмъ другое. Любовь говоритъ, какъ Діонисъ, любовь говоритъ: только бы она не страдала... Только бы не болѣла... все прочее второстепенно, несущественно».

А я говорю: только не быть обезображенной... Я впадаю въ неистовство при мысли, что эта красота должна погибнуть такъ жалко, такъ позорно... Я оплакиваю не мать свою, а ея красоту. Это такъ. У меня нѣтъ или мало сочувствія къ ея страданіямъ, меня не тянетъ быть возлѣ нея, утѣшать, обнадеживать ее. Наоборотъ, это было бы для меня мученіемъ. Я ненавижу ее за то, что правильныя, художественныя формы ея головы должны быть нарушены.

О, Боже, Боже! какъ можешь Ты допустить подобное! У Тебя нѣтъ уваженія къ собственному созданію!

Этотъ носъ, такъ изящно очерченный, эти губы, такъ царственно, дивно изгибающіяся въ мягкомъ овалѣ щекъ! Линіи отъ уха къ подбородку, изборожденныя шрамами, смѣшно скошенныя... какъ безобразно, отвратительно!..»

И слезы залили лицо Карла. Онъ сжалъ кулаки, грозилъ небу и чувствовалъ злобу на Творца, въ котораго уже давно не вѣрилъ.

Фрау Бюргелинъ оставалась нѣсколько мѣсяцевъ въ кли-

никѣ. Она не допускала къ себѣ сыновей во время болѣзни. Затѣмъ она вернулась домой. Узкій бѣлый тюлевый бинтъ обрамлялъ ея поблѣднѣвшее, но почти не измѣнившееся, красивое лицо. Эта полоска тюля при серебряныхъ волосахъ даже шла къ ней. Она закрывала маленькую открытую ранку, которая не могла зажить. Врачъ не далъ ей никакой надежды на полное выздоровленіе.

— Но другое было немыслимо,— объяснила она съ дрожью, сидя въ креслѣ въ кругу своихъ: сыновья были оба у ея ногъ.— Вы бы перестали меня любить...

— Мама! что ты говоришь? — возмущенно воскликнулъ Діонисъ.

Карлъ взялъ ея руку и долго, молча, цѣловалъ ее.

X.

Карлъ всю зиму былъ въ хорошемъ настроеніи. Матери не было дома цѣлыхъ три мѣсяца. За это время его нервы, развинтившіеся отъ ея педагогическихъ экспериментовъ постепенно успокоились. Радостно было просыпаться утромъ съ сознаніемъ, что воленъ дѣлать цѣлый день, что хочешь. Занятія съ учителями не отличались особой серьезностью, такъ какъ они не ставили ему такихъ требованій, какъ другимъ ученикамъ. Это—иностранецъ, которому пришла охота знать то-то и то-то, а не нѣмецъ, которому предстояло добиться аттестата зрѣлости и пройти множество испытаній.

Любовь къ Міи наполняла Карла глубокой жизнерадостностью. Она держалась съ нимъ по-дружески, ровно и привѣтливо, какъ сестра—и это соотвѣтствовало его идеалу. Онъ видѣлъ ее часто. Осенью, когда она вернулась изъ Тироля вмѣстѣ съ семьей д-ра Фаренгорста, они ходили вдвоемъ гулять и философствовали при этомъ всласть. Иногда д-ръ Фаренгорстъ задавалъ имъ задачу на премію: напримѣръ, наполнить вазу разноцвѣтными листьями или же украсить его комнату вѣтками и шишками. У этого человѣка была удивительная способность: не создавая самъ ничего достойнаго вниманія, онъ умѣлъ безпрерывно вдохновлять окружающихъ. Карлъ былъ увѣренъ, что въ этомъ и состоитъ его власть надъ Міей, чья тоскующая душа изнемогала въ филистерской атмосферѣ родительскаго дома.

Покоясь на своемъ диванѣ, укутанный въ восточный плащъ и окруженный, точно кадильнымъ ѳиміамомъ, синеватымъ обла-

комъ дыма своихъ папиросъ, Фаренгорстъ ткалъ свои романтическія грезы, осуществлять которыя внушалъ молодежи, окружавшей его. Онъ умѣлъ самому обыкновенному придать оттѣнокъ загадочности, сообщить возбуждающее нервы.

Если онъ шелъ съ дѣтьми гулять, то случалось это не въ хорошій солнечный день, а ночью, когда надъ землей угрожающе нависла гроза или когда осенняя буря завывала въ обнаженныхъ поляхъ. Онъ поднималъ ихъ съ постели, укутывалъ въ самыя фантастическія одежды и, забывая боязнь простуды и холода, большими шагами двигался въ путь. Его длинный черный плащъ развѣвался по вѣтру. Приходилось пробираться по непроторенным дорожкамъ, по вспаханнымъ полямъ и сквозь кустарники, пока наконецъ не достигали какой-нибудь деревни: тамъ находили трактиръ, съ трудомъ будили хозяина, нерѣдко выслушивали его брань и насмѣшки и отправлялись назадъ, не получивъ заказанной закуски. Но д-ръ Фаренгорстъ умѣлъ внушить своей сонной компаніи, что эти грубости и сильныя простонародныя шутки необходимо претерпѣть, что избранный духъ не долженъ страдать отъ вульгарности толпы.

Мія съ трогательной преданностью жила и дышала только идеями своего друга. Всѣ ея отношенія къ домашнимъ были насквозь проникнуты этими настроеніями, стремленіемъ къ далекой отъ земли святости безъ желаній. Эта святость казалась ей заманчивѣе нежели та, о которой говорилъ пасторъ по воскресеньямъ съ каѳедры. Изъ-за этого пункта у нея съ Карломъ возгорались долгіе, страстные споры. Онъ упрекалъ Мію, что она исповѣдуетъ старое христіанство, только замаскированное. А онъ ненавидѣлъ христіанство во всѣхъ обликахъ. Онъ ненавидѣлъ его съ неистовымъ религіознымъ пыломъ, унаслѣдованнымъ отъ матери, надѣялся обратить другихъ людей въ свою вѣру. Христіанство казалось ему намѣреннымъ ограниченіемъ человѣческой природы. А отъ матери у него была врожденная духовная жажда дѣятельности, желаніе обнять весь міръ и покорить его себѣ. Ничто не должно остаться ему чуждымъ, незнакомымъ. Его, какъ Фауста, наполняло мучительное желаніе: что является удѣломъ всего человѣчества, то и онъ все долженъ извѣдать.

Но при этомъ онъ, въ сущности, былъ еще безпомощнымъ ребенкомъ. Онъ составилъ себѣ программу для чтенія, самымъ педантическимъ образомъ охвативъ всю область знанія, доступную для человѣка универсальнаго образованія, и намѣревался выполнить ее.

Страсть Карла къ коллекціонированію со времени опустошенія, произведеннаго въ его комнатѣ, отошла на задній планъ и уступила мѣсто увлеченію рисованіемъ. Оно пробудилось, когда Мія неожиданно показала д-ру Фаренгорсту свои фантастическіе декоративные рисунки, вызвавшіе въ немъ и въ Карлѣ восторгъ.

Карлъ, увидѣвъ ихъ, запустилъ обѣ руки въ волосы, запрыгалъ въ комнатѣ на одной ногѣ и воскликнулъ:

— Ахъ, если бъ я могъ нарисовать такъ... Господи Боже! Я бы на колѣняхъ благословлялъ судьбу!

— Отчего?—спросила Мія удивленно.

— Отчего? Оттого, что тогда я бы зналъ, зачѣмъ я существую на свѣтѣ!—отвѣчалъ Карлъ.

— Ну, ну,—серьезно сказалъ Фаренгорстъ,—только безъ преувеличеній. Конечно, сдѣлано геніально... посмотрите, въ этомъ висящемъ блѣдномъ тюльпанѣ чувствуется душа... покорно увядающая душа цвѣтка. Но все это—дилетантская работа. Нарисовано плохо. Мія не должна обманываться.

Мія взяла его руку въ свою и улыбнулась.

— Нужно прилежаніе, нужно работать! — воскликнулъ д-ръ Фаренгорстъ, проводившій всѣ дни въ мечтаніяхъ среди облаковъ табачнаго дыма.

Молодая дѣвушка послушно прошептала:

— Да, да... Но, ты знаешь, ежедневно исполнять заданное... что-нибудь опредѣленное... мнѣ очень трудно.

— Развѣ я это сказалъ?—возразилъ Фаренгорстъ.—Ежедневно по задачѣ? О, нѣтъ! Работать день и ночь... работать, какъ сильно натопленная паровая машина—вотъ чего требуетъ искусство!

Послѣ этого Карлъ предложилъ Міи копировать въ музеѣ рисунки углемъ Карстенса. Фаренгорстъ одобрилъ это предложеніе, и они усердно принялись за дѣло. Но, къ изумленію Карла, Мія оказалась невѣроятно неспособной и не въ состояніи была воспроизвести ни одного строгаго, чистаго контура. Все, что было неясно-расплывчатаго, неустойчиваго во всемъ ея существѣ, вся фантастическая импровизація ея творчества обнаружились тутъ въ полной силѣ. Она оставила работу, со слезами признаваясь въ своемъ безсиліи. Что жъ? значитъ, у нея нѣтъ никакого таланта.

Она сказала это такъ скромно, съ такимъ скорбнымъ юморомъ, затаившимся въ углахъ губъ, что Карлу хотѣлось прижать ее къ сердцу и цѣловать...

Но его искренно радовало, что ему работа удается. Онъ чувствовалъ себя мужчиной и сталъ работать съ лихорадочнымъ усердіемъ, съ упорной выдержкой. Однажды старый художникъ ученикъ Карстенса и Генелли, засталъ его за работой, одобрительно похлопалъ его по плечу и спросилъ, давно ли онъ посѣщаетъ художественное училище. Карлъ отвѣтилъ, что ему, къ сожалѣнію, надо еще сперва заботиться о гимназіи. Старикъ оглушительно расхохотался: «Гимназія! Чортъ ее подери! На какого дьявола она нужна? Я, вотъ, не учился вовсе, а все-таки сталъ человѣкомъ... художникомъ... Гимназія! Что за вздоръ!»

Онъ предложилъ Карлу работать у него въ мастерской.

Карлъ побѣжалъ домой въ восторженномъ состояніи, чтобы сообщить матери радостную вѣсть. Онъ никогда въ жизни не думалъ о возможности стать художникомъ—да и теперь не относился къ этому серьезно. Онъ не чувствовалъ въ себѣ художественныхъ стремленій. Его привлекалъ универсализмъ естественныхъ наукъ, и онъ считалъ себя скорѣе изслѣдователемъ, чѣмъ творцомъ. Оттого онъ легко поддался убѣжденіямъ матери, что ему слѣдуетъ прежде всего довершить до извѣстной степени свое образованіе, а затѣмъ уже посвятить себя культивированію весьма еще спорнаго таланта.

Старый художникъ не настаивалъ на своемъ предложеніи. Можетъ быть, оно было вызвано просто минутнымъ настроеніемъ.

Фрау Бюргелинъ радовалась, что Карлъ такъ послушно подчинился ей. Отношенія у нихъ были хорошія, мирныя, какъ давно уже не были. Онъ понялъ ее тогда, когда она принесла жертву, стараясь сохранить для дѣтей свою красоту. Это она ставила ему въ большую заслугу. Впервые она почувствовала въ немъ родственную натуру. Долгая болѣзнь сдѣлала ее мягкой, уступчивой. Она отдавалась дружбѣ къ Дорисъ Рюдеръ съ юношеской восторженностью. Ни одинъ день не проходилъ безъ того, чтобы Дорисъ не получала отъ нея цвѣты или какой-нибудь другой знакъ вниманія. Гордая женщина какъ бы добивалась любви талантливой дѣвушки, которая изъ нихъ двухъ была наиболѣе спокойная и сдержанная. Это отвлекало вниманіе фрау Бюргелинъ отъ сыновей. Карлъ ощущалъ это какъ большое облегченіе и разсуждалъ про себя о достоинствахъ и недостаткахъ тщательнаго воспитанія. Онъ былъ еще въ томъ возрастѣ, когда думаютъ, что такіе вопросы могутъ быть разрѣшены усиленнымъ обдумываньемъ.

XI.

Фрау Бюргелинъ ждала гостей—фрейлейнъ фонъ-Кальбъ, Дорисъ и Георга Ринка, поэта. Наканунѣ въ театрѣ состоялось представленіе его «Сѣверной сказки».

Портьеры на окнахъ виллы «Эдина» были спущены; свѣтъ лампъ отражался въ ихъ глубокихъ пурпурныхъ складкахъ. Кое-гдѣ поблескивали бронзовыя украшенія на мебели; въ тѣни они сливались съ деревомъ въ теплые, темно-золотистые тона. Надъ маленькой кушеткой висѣло индійское покрывало, съ оранжевой вышивкой на черномъ фонѣ, по которому были разбросаны маленькіе кусочки блестящаго металла.

Въ гостиной была оранжерейная температура, а на дворѣ вѣялъ мягкій весенній вѣтерокъ. Въ жардиньеркахъ и на маленькихъ столикахъ стояли большіе кусты малиново-красныхъ азалій и абрикосово-желтыхъ рододендроновъ и наполняли теплый воздухъ своимъ тонкимъ, свѣжимъ благоуханіемъ. Въ тонкихъ, длинныхъ вазахъ стояли въ водѣ розы. И торжественно тихо было среди этого красочнаго великолѣпія.

Фрау Бюргелинъ неслышно прошла по ковру на середину комнаты, оглядѣла все вокругъ и осталась довольна.

Платье изъ мягкаго индійскаго шелка, цвѣта слоновой кости, длинный, легкій шарфъ, обвивающій голову и развѣвающійся вокругъ нея при каждомъ движеніи, придавали ей нѣжный, почти сказочный видъ. А голубые глаза сіяли въ сознаніи своей силы и обаянія.

Когда вошелъ Георгъ Ринкъ, онъ нѣкоторое время молча стоялъ въ дверяхъ, любуясь изящной бѣлой фигурой среди пышнаго великолѣпія цвѣтущихъ азалій, пурпура и золота.

Фрау Бюргелинъ привѣтливо улыбнулась ему; онъ приложился губами къ ея рукѣ.

— Какая радость,—сказалъ онъ,—пережить то, что я только что пережилъ послѣ безобразія, которымъ терзаетъ насъ все кругомъ.

— Сегодня вечеромъ вы встрѣтитесь только съ паломниками въ царство красоты,—сказала мягко фрау Бюргелинъ.— Вы должны чувствовать себя здѣсь своимъ человѣкомъ.

Въ гостиную вбѣжалъ Діонисъ въ костюмѣ знатнаго юноши XV-го вѣка, который онъ недавно надѣвалъ въ живыхъ картинахъ. Фрау Бюргелинъ опустилась въ свое любимое кресло. Діонисъ легъ на коверъ у ея ногъ и прислонилъ свою темную голову къ ея колѣнямъ. Ея рука, утонченная по формѣ и цвѣтомъ

напоминавшая розовато-бѣлую раковину, ласково касалась его волосъ, серебрившагося бархата его костюма, сѣраго мѣха опушки.

Поэтъ мечтательно смотрѣлъ на эту группу; только изрѣдка они перекидывались лѣнивыми словами, пока не появились другіе гости. Дорисъ, какъ свѣжій утренній вѣтерокъ, ворвалась въ душно-сладостную тишину салона. Она кипѣла жизнью и радостью послѣ вчерашняго успѣха, хотя ее смущали нѣкоторые неудавшіеся моменты.

— Все-таки я стою на своемъ,—воскликнула она, обращаясь къ Ринку.—Музыка—настоящая капельмейстерская! Для вашихъ великолѣпныхъ стиховъ хотѣлось бы чего-нибудь получше...

— Капельмейстерская музыка?—спросилъ Діонисъ и поднялъ голову отъ колѣнъ матери.—Что вы понимаете подъ этимъ?

— Ну, это такая музыка... приличная, «чиновничья», я бы сказала. Грамотно сдѣланная, пригодная, но... только самаго важнаго-то въ ней нѣтъ.

Дорисъ играла роль главной героини, гордой сѣверной дѣвы, прирученной и сломленной страстью.

— Вступленіе къ любовной сценѣ по моему отличное,—сказалъ Діонисъ.

— Оно и есть лучшее. А что вы скажете, герръ Ринкъ?

Поэтъ сдержанно пожалъ плечами.

— Вообще, поменьше бы музыки,—пробормоталъ онъ.—Во всякомъ случаѣ только въ видѣ аккомпанимента.

— Но какъ фрейлейнъ Рюдеръ справилась со своей трудной задачей!—обратился онъ къ фрау Бюргелинъ.—Я не надѣялся, чтобы пѣвица, привыкшая къ сложности и величавости вагнеровскихъ ролей, нашла такой наивно-простой и непосредственно страстный тонъ.

— Да... наша Дорисъ!—сказала фрау Бюргелинъ съ гордостью и сердечно посмотрѣла на дѣвушку.—Но ея игра была, пожалуй, черезчуръ страстной для нашего почтеннаго Бернгардсгаузена.

— Меня изумляло, какія рискованныя вещи теперь играютъ,—сказала фрейлейнъ фонъ-Кальбъ и тряхнула локонами, такими же старомодными, какъ и ея туалетъ.—Я была въ театрѣ съ племянницей... такъ мнѣ часто хотѣлось закрыть ей лицо вѣеромъ.

При этомъ она улыбнулась Ринку кокетливой улыбкой остроумной аристократки прошлаго вѣка.

— Но, скажите... неужели герцогъ въ самомъ дѣлѣ раньше прочиталъ пьесу?

— Не думаю. Я, правда, послалъ ему экземпляръ, переплетенный въ свиную кожу съ золотымъ тисненіемъ по образцу ватиканской библіотеки... восхитительно! Но все-таки я не увѣренъ, что милѣйшій старичекъ ознакомился хоть сколько-нибудь съ содержаніемъ пьесы.

— Но вѣдь его высочество стоялъ за постановку, несмотря на опасенія барона...

— Да... его высочество былъ очень добръ,—сказалъ поэтъ.— Однажды какъ-то во время прогулки по садамъ виллы Памфили мнѣ случилось разсказать ему сюжетъ пьесы. И онъ тогда далъ мнѣ обѣщаніе...

— Ахъ, теперь я понимаю...—весело воскликнула Дорисъ.—А то я все время удивлялась, что бо́льшая часть моей роли не пала жертвой добродѣтельнаго цензорскаго карандаша.

— Но вамъ, милая, отъ этого я думаю, не легче было,— вырвалось у Люцинды фонъ-Кальбъ.—Heureusement на васъ по крайней мѣрѣ былъ древній сѣверный костюмъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ находите, что это имѣетъ значеніе?—спросила фрау Бюргелинъ.

— Mais, ma chére,—оживленно воскликнула старая дѣвица,—развѣ можно себѣ представить сцену брачной ночи съ господиномъ во фракѣ?

Всѣ засмѣялись.

— Чувство должно быть свято для насъ во всякомъ одѣяніи,—сказалъ Ринкъ.

— Ну, знаете... есть, однако, разница.

— Нѣтъ, это я категорически отрицаю,—громко и торжественно произнесъ поэтъ.—Истинная страсть всегда значительна и полна поэзіи.

Фрау Бюргелинъ уже нѣсколько разъ безпокойно поглядывала на дверь. Теперь она поднялась и вышла изъ комнаты.

— Карлъ еще не вернулся?—спросила она Паулину.

— Нѣтъ, барыня. А форели уже совсѣмъ разварились. Молодой баринъ ушелъ еще въ пять часовъ послѣ обѣда.

Фрау Бюргелинъ сдвинула брови.

— Такъ подавайте на столъ,—сказала она недовольнымъ голосомъ. Ей едва удалось разгладить морщины на лбу прежде чѣмъ вернуться къ гостямъ.

Здѣсь все дышало гармоніей! Георгъ Ринкъ, съ свѣтскими манерами и изысканной деликатностью, былъ ей чрезвычайно

симпатиченъ. Этотъ вечеръ былъ ей такъ пріятенъ—и опять Карлъ его испортитъ!

— Вы имѣете понятіе, куда онъ пошелъ?—спросила она шепотомъ у mademoiselle.

— Онъ хотѣлъ пойти къ д-ру Фаренгорсту, но я не понимаю... Онъ долженъ былъ только взять тамъ книгу. Я очень просила его не опаздывать.

— Ну что жъ, вѣрно, сейчасъ и вернется,—сказала фрау Бюргелинъ и пригласила гостей къ столу.

Столовая въ виллѣ «Эдина» была узкая, но для этого маленькаго общества точно создана была спеціально. И здѣсь украшеніемъ стола были густые кусты азалій. Фрау Бюргелинъ разсчитывала, что старшій сынъ поведетъ къ столу фрейлейнъ фонъ-Кальбъ. Она была замѣтно молчалива за ужиномъ.

Дорисъ наклонилась къ ней и спросила у нея шепотомъ, не плохо ли она себя чувствуетъ. Она замѣтила, что фрау Бюргелинъ почти ничего не ѣла и нервно крошила хлѣбъ возлѣ своей тарелки.

Давно уже стемнѣло. Поднялся сильный вѣтеръ и по временамъ дождь сильно билъ въ окно.

Фрау Бюргелинъ начала безпокоиться за Карла. Гдѣ онъ? Гости тоже стали спрашивать.

— Ахъ,—сказалъ Діонисъ,—онъ должно быть забылъ, что у насъ сегодня гости.

— Но это невозможно!

— О, когда у Карла что-нибудь въ головѣ, такъ если бы даже ждали китайскаго императора, ему все равно,—сказалъ Діонисъ. Всѣ посмѣялись.

Разговоръ пошелъ медленный, вялый. Всѣмъ было не по себѣ—точно легкій, замѣтный туманъ поднялся послѣ солнечнаго дня и пробираетъ холодкомъ.

Подавали нарочно медленно. Когда обносили уже мороженое, раздался сильный звонокъ. Фрау Бюргелинъ вздрогнула и поблѣднѣла.

— Это Карлъ!—громко вскрикнулъ Діонисъ.

Дверь отворилась и вошелъ Карлъ. Онъ сказалъ: «Добрый вечеръ!» и хотѣлъ сѣсть на свободное мѣсто.

— Mais, Charles!—сказала mademoiselle.

— Нехорошо теперь на дворѣ?—вѣжливо спросилъ поэтъ.

— Что это вы, голубчикъ, вздумали дикаря разыгрывать?—сказала фрейлейнъ фонъ-Кальбъ.

— Собственно говоря, но слѣдуетъ приносить домой все,

что пристаетъ къ платью въ полѣ,—сказала Дорисъ, пытаясь шуткой спасти ситуацію.

Фрау Бюргелинъ съ негодованіемъ взглянула на сына. Онъ весь былъ забрызганъ грязью. Лицо его посѣрѣло, глаза были выпучены и смотрѣли на присутствующихъ равнодушнымъ взглядомъ, а губы сложились въ безсмысленную, глупую улыбку.

— Скверно на дворѣ,—сказалъ онъ и принялся за ѣду.

— Карлъ!—строго воскликнула мать,—пойди въ свою комнату и переодѣнься.

Карлъ точно не слышалъ ея словъ. Онъ опустилъ ложку въ супъ и уставился въ одну точку.

— Разскажите намъ по крайней мѣрѣ свои приключенія,—сказала фрейлейнъ фонъ-Кальбъ, грозя ему пальцемъ.

— Онъ долженъ встать и уйти въ свою комнату,—рѣзко закричала его мать.

— Карлъ... Да иди же,—сказалъ Діонисъ и потянулъ его за полу.—Что съ тобой?

Карлъ громко разсмѣялся, сказалъ! «Да... да!» и продолжалъ ѣсть.

Фрау Бюргелинъ поднялась. Лицо ея окаменѣло отъ гнѣва и волненія. Она протянула руку черезъ столъ и закричала:

— Вонъ! Сейчасъ же вонъ изъ комнаты.

Карлъ всталъ, тряхнулъ головой и окинулъ всѣхъ присутствующихъ тѣмъ же страннымъ, невидящимъ взглядомъ. Онъ пошелъ было къ двери, но вдругъ покачнулся и растянулся во весь ростъ на полу.

Подбѣжала Паулина, поэтъ хотѣлъ помочь, но mademoiselle уже сильными руками обхватила Карла и увлекала его изъ комнаты. Ринкъ вернулся на свое мѣсто.

— Онъ боленъ,—сказала фрау Бюргелинъ подавленнымъ голосомъ.—Діонисъ, ты долженъ сходить за докторомъ Байеромъ.

Она снова сѣла; колѣни у нея дрожали. Гости оставались у стола; никто изъ нихъ не зналъ, что дѣлать, что говорить.

Фрау Бюргелинъ, молчала; видъ у нея былъ высокомѣрный, какъ всегда, когда она бывала сильно взволнована.

Діонисъ вошелъ съ дождевымъ плащемъ, поцѣловалъ мать и успокоительно крикнулъ ей:

— Я сейчасъ приведу доктора. Навѣрное, нѣтъ ничего опаснаго. Онъ теперь уже пришелъ въ себя.

— Легъ онъ?

— Ложится.

— Пусть Паулина позоветъ меня, когда онъ будетъ въ постели.

Черезъ нѣсколько минутъ Паулина стала дѣлать ей знаки. Фрау Бюргелинъ ушла. Гости стали громче и оживленнѣе обмѣниваться мнѣніями насчетъ страннаго случая.

— Барыня,—зашептала Паулина съ значительнымъ выраженіемъ лица.—Молодой баринъ кутнулъ, какъ видно. Теперь ужъ заснулъ какъ убитый. Такъ и несло отъ него пивомъ и табакомъ. Вѣдь всего этого онъ еще не переноситъ. Онъ просто...

И она сдѣлала какой-то жестъ, который фрау Бюргелинъ не поняла.

— Что вы хотите сказать?

— Пьянъ!

Фрау Бюргелинъ вошла въ комнату сына. Карлъ лежалъ на спинѣ и спалъ съ сильнымъ храпомъ. На полу лежало его испачканное платье.

Она наклонилась надъ нимъ, и его противное дыханіе коснулось ея.

Она вздрогнула отъ отвращенія. Стыдъ и злоба охватили ее; руки ея невольно сжались въ кулаки. Она пошла въ свою комнату и заперлась тамъ. Гости разошлись, не попрощавшись съ ней. Явившагося доктора отослали обратно подъ предлогомъ, что паціентъ крѣпко заснулъ. Фрау Бюргелинъ не хотѣла новыхъ свидѣтелей позора сына.

XII.

На слѣдующій день фрау Бюргелинъ велѣла позвать къ себѣ Карла. Она не спала и не ѣла со вчерашняго вечера. Карлъ былъ блѣденъ и выглядѣлъ осунувшимся, а въ глазахъ все еще было то же некрасивое, тускло-блуждающее выраженіе.

— Что это было вчера, Карлъ?—спросила у него мать.—Имѣешь ты сказать мнѣ что-нибудь объ этомъ?

Карлъ пожалъ плечами, взялъ со стола книгу, сталъ ее перелистывать и разсѣянно проговорилъ:

— Да... да!..

— Карлъ! я жду отвѣта!

Онъ поднялъ глаза отъ книги и сказалъ:

— Все-таки интересно, кто собственно былъ авторомъ драмъ: Шекспиръ или Бэконъ. Этотъ американецъ такъ убѣдительно доказываетъ, что басню о Шекспирѣ надо совсѣмъ оставить.

— Карлъ!.. это ужъ слишкомъ! Вопросъ теперь не въ Шекспирѣ, а въ томъ позорѣ, который ты навлекъ на меня въ

присутствіи гостей. Что съ тобой случилось? Зачѣмъ ты напился какъ животное?

— Напился? я напился?

Карлъ смѣялся долго и громко, но это не былъ его искренній, молодой смѣхъ.

— Что же... ты не помнишь вовсе, что съ тобой было вчера?

Карлъ заложилъ обѣ руки за голову и зѣвнулъ.

— Нѣтъ... по правдѣ сказать, воспоминаніе о вчерашнемъ вечерѣ у меня очень смутное. Можетъ быть, я и выпилъ. Признаюсь. Но это вѣдь не важно.

И онъ сталъ насвистывать.

Фрау Бюргелинъ охватила злоба. Она бросилась къ Карлу и ударила его въ лицо. Карлъ молча перенесъ ударъ, но взглянулъ на нее какъ затравленный и невинно-страдающій звѣрь. Отъ этого взгляда ей стало стыдно своего поступка. Чтобы преодолѣть это ощущеніе, она разразилась сильной рѣчью, въ которой доказывала, что ей не все равно, если ея сынъ станетъ пьяницей и кончитъ бѣлой горячкой.

Карлъ стоялъ, опустивъ голову, и молча слушалъ ея страстныя обвиненія. Онъ зналъ привычку своей матери.

Голова у него трещала немилосердно; ея голосъ и быстрые шаги терзали его нервы невыносимо.

«Если бы я могъ схватить ее, удержать и тоже ударить— думалъ онъ съ глухой злобой въ сердцѣ.—Какъ она неумна все-таки... какъ глупы всѣ эти бабы съ ихъ вѣчными страхами! Отчего они вообразили, что я былъ пьянъ? Какъ можетъ моя родная мать думать, что я пойду и напьюсь въ тотъ самый вечеръ, когда у нея гости? А если бы и такъ, что же особеннаго? Съ каждымъ молодымъ человѣкомъ это случается. Но у нея все происходитъ отъ этого проклятаго высокомѣрія; она не желаетъ знать свѣтъ такимъ, какимъ онъ есть».—И вдругъ онъ вспомнилъ... вспомнилъ все, что видѣлъ и пережилъ вчера. Воспоминаніе пришло неожиданно, мгновенно, безжалостно, какъ топоръ, которымъ мясникъ замахивается надъ головой вола... Всѣми нервами онъ снова почувствовалъ ту же неистовую, мучительную боль, которая гнала его вчера въ дождь и бурю по мягкимъ, вспаханнымъ полямъ, безъ дороги...

Онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на мать: смотрѣлъ онъ скорбно-жалостно, какъ измученный человѣкъ, которому хочется прижаться къ сочувствующей груди и выплакаться. Но она

стояла у окна и импровизировала язвительныя, насмѣшливыя тирады относительно чего-то, вовсе его не касавшагося.

Ѣдкая горечь поднялась въ душѣ молодого человѣка.

Онъ всталъ и, не говоря ни слова, вышелъ изъ комнаты, сильно хлопнулъ дверью и заперся у себя наверху.

Упавъ въ кресло, безсильно опустивъ руку и безсмысленно уставившись въ пространство, онъ снова увидѣлъ то, что видѣлъ вчера.

Придя къ д-ру Фаренгорсту, онъ не засталъ его дома. Жена его, какъ всегда, безтолково объяснила Карлу, что онъ вмѣстѣ съ Міей и молодымъ фонъ-Кальбомъ, который часто теперь бываетъ, пошли въ Меллингенъ. Карлъ пошелъ имъ въ догонку.

Въ аллеѣ у самаго города онъ встрѣтилъ Кальба. Тотъ возвращался назадъ одинъ, въ очень скверномъ настроеніи духа.—Чортъ возьми!—сказалъ онъ,—что за сумашествіе лѣзть въ такую дрянную погоду пѣшкомъ въ Меллингенъ. На это способенъ только д-ръ Фаренгорстъ!

Одна его калоша завязла и утонула въ грязи. Онъ спѣшилъ, такъ какъ ему еще надо было поспѣть въ театръ.

Карлъ пошелъ дальше. Калошъ онъ не носилъ никогда, а резиновый плащъ защищалъ его отъ дождя. Онъ любилъ гулять въ бурю, слушать шумъ каштановъ надъ головой и трескъ сухихъ вѣтвей. «Вотъ тоже!—подумалъ онъ съ презрѣніемъ о Кальбѣ.—Называетъ себя писателемъ, поэтомъ, а плачется о калошахъ». И онъ бодро и беззаботно пошелъ дальше, деревенской дорогой. Затѣмъ онъ свернулъ на узкую полевую тропинку, перерѣзавъ маленькую, поросшую кустами лощину, какихъ много встрѣчалось въ этой холмистой мѣстности.

Карлъ шелъ и вспоминалъ, что впервые встрѣтилъ Мію въ такой лощинѣ яркимъ солнечнымъ утромъ. Онъ думалъ о дѣвушкѣ съ сладостной тоской. И ему вдругъ представились тонкіе, стройные стволы деревьевъ, по которымъ вились легкія гирлянды цвѣтовъ. Среди стволовъ высокія ворота храма. Тамъ стоитъ Мія, въ бѣломъ одѣяніи, окруженная тайной Божественнаго. Къ ней точно теплый вѣтеръ доносилъ звуки отдаленной, грустной музыки.

Воображеніе Карла восторженно рисовало ему всѣ подробности картины. Онъ видѣлъ, какъ серебристые цвѣты причудливо сплетаются своими длинными стеблями, образуя порталъ храма. Онъ ясно различалъ вышитый подолъ одѣянія Міи: тутъ были цвѣты и вѣтви, какихъ въ природѣ не бываетъ, какіе пред-

ставились ему въ грезахъ; онъ видѣлъ драгоцѣнныя украшенія въ ея волосахъ и на шеѣ—такія, какихъ на самомъ дѣлѣ она никогда не носила.

— Мія, Мія,—съ нѣжностью шепталъ онъ.

Стало уже смеркаться и вѣтеръ сильно гудѣлъ по полю.

Карлъ закрылъ глаза и шелъ, погруженный въ свои грезы. Затѣмъ поднялъ вѣки и посмотрѣлъ впередъ—не видно ли тѣхъ, кого онъ такъ желалъ догнать.

И онъ увидѣлъ обоихъ: Мію и д-ра Фаренгорста.

Сначала широкій плащъ доктора скрывалъ отъ него дѣвушку; Карлъ скорѣе почувствовалъ, чѣмъ замѣтилъ ея присутствіе. Фаренгорстъ держалъ Мію въ объятіяхъ, наклонившись къ ней. Она далеко откинула назадъ головку, навстрѣчу его поцѣлую. Его губы крѣпко впились въ ея—точно онъ не цѣловалъ, а сладостно пилъ, высасывая ея жизнь и душу. А она безвольно, благоговѣйно отдавалась ему. Онъ поднялъ дѣвушку и прижалъ ее къ себѣ—она была его добычей, его собственностью.

Карлъ услышалъ ея легкій вздохъ.

Онъ отвернулся и пошелъ назадъ на цыпочкахъ, хотя его шаги все равно заглушались бы воемъ вѣтра. Нѣкоторое время онъ шелъ совсѣмъ спокойно, пока не очутился далеко отъ нихъ. Онъ былъ ошеломленъ, точно оглушенъ ударомъ. Но потомъ увидѣлъ всю сцену снова и застоналъ, корчась отъ муки. Никогда онъ не видѣлъ, чтобы люди такъ цѣловались. Передъ нимъ раскрылась тайна поцѣлуя. Ревность, жадная, требовательная, уязвленная, бѣшеная, заклокотала въ немъ. Онъ пустился бѣжать какъ раненый звѣрь, безсмысленно несясь по размокшей, рыхлой землѣ; потомъ бросился на земь, сталъ рыть руками мокрую, прохладную, черную землю, кричалъ и плакалъ.

... Все развѣнчано, все погибло; все милое, святое и нѣжное обратилось въ горечь и желчь. И къ тому же пробудился его инстинктъ—ненасытный мужской инстинктъ...

Впослѣдствіи онъ смутно воспоминалъ, что въ этотъ вечеръ онъ еще попалъ въ какую-то деревню и въ кабачкѣ потребовалъ пива. Вспоминалось, что онъ жадно выпилъ нѣсколько кружекъ и затѣмъ нѣкоторое время тупо, равнодушно просидѣлъ на скамьѣ среди курившихъ крестьянъ; потомъ онъ печально побрелъ домой. Но что съ нимъ случилось позже, онъ не помнилъ.

Мечтая теперь о Міи, Карлъ видѣлъ ее не въ бѣломъ одѣяніи у воротъ храма лотосовъ, овѣянную звуками неземной

музыки. Когда ему приходилось встрѣчаться теперь съ ней гдѣ-нибудь, онъ боязливо сторонился ея. Когда онъ пытался понять и уяснить себѣ ея отношеніе къ философу, она становилась ему противной. «Этотъ блѣдный, безкровный, больной вампиръ, искрящейся сѣтью своихъ индійскихъ фантазій опуталъ ея душу, чтобы высосать ея молодость, ея свѣжую жизнерадостность и самому стать сильнѣе»,—думалъ Карлъ со злобой.

Какъ все-таки онъ былъ далекъ Міѣ во все время ихъ дружбы!

Его воображеніе было постоянно занято ею. Онъ вспоминалъ каждую линію ея тѣла, каждый изгибъ ея фигуры.

Часто ночью, просыпаясь, онъ чувствовалъ вблизи ея присутствіе. Въ полутьмѣ комнаты ему неясно рисовались очертанія ея фигуры; онъ видѣлъ ея небрежныя движенія, которыя были такъ выразительны. И онъ съ ужасомъ спрашивалъ себя, какъ и гдѣ онъ могъ такъ изучить ее, что онъ помнитъ ее всю такъ подробно и интимно, хотя она стала ему теперь такъ непонятна, такъ чужда и далека.

И душу Карла заливала тяжелая, ноющая грусть. Ему казалось, что никогда мысль его не освободится отъ ея гнёта. Дико возбужденная фантазія рисовала ему поцѣлуи Міи, но они представлялись ему святотатствомъ. Не такъ хотѣлъ онъ любить въ первый разъ... Господи... Эта первая любовь, взлелѣянный цвѣтокъ юности, должна была раскрыться въ чистотѣ и тихой, умиленной торжественности... Не теперь... Не такъ...

Къ Пасхѣ Карлъ поступилъ въ 7-ой классъ гимназіи. Къ удивленію директора онъ удовлетворительно выдержалъ пріемные экзамены. Д-ръ Маттіасъ привѣтствовалъ новаго питомца пространной рѣчью. Карлъ,—говорилъ онъ,—вступилъ въ новую среду, въ коллегію товарищей; она, надо надѣяться, излѣчитъ его отъ крайностей и безпредметныхъ порывовъ и будетъ ему полезна для всей его будущей жизни. Карлу сильно не понравились слова о «безпредметныхъ порывахъ», ибо что могъ знать о немъ директоръ? Почти ничего. Вся эта гимназическая канитель казалась ему плохой шуткой, которую надо стерпѣть, какъ и многое другое, чего требовала мать. Во время уроковъ Карлъ наблюдалъ физіономіи учителей и учениковъ и поражался, какъ много лицъ банальныхъ и обыденно-некрасивыхъ. Ему понравился одинъ только ученикъ съ красивой головой смуглаго итальянца, и онъ вступилъ съ нимъ въ дружбу. Филиппъ Лук-

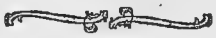
неръ не отличался ни мечтательностью Карла, ни его ненасытной жаждой знанія. Карлъ не могъ разсказывать ему свои фантазіи, изображать тѣ сны, которые онъ видѣлъ наяву.

Филиппъ былъ обыкновенный мальчикъ, но натура у него была благородная, и онъ съ философски-юмористическимъ спокойствіемъ смотрѣлъ на окружающій міръ. Это очень нравилось Карлу.

Хотя друзья хорошо проводили время вмѣстѣ, все же Карлъ плохо себя чувствовалъ въ гимназіи. Онъ не принадлежалъ къ хорошимъ ученикамъ. Память его безусловно отказывалась запоминать вещи, не интересовавшія его. Если его привлекалъ какой-нибудь вопросъ, онъ старался изучить его глубоко и во всей полнотѣ, а это часто выходило изъ рамокъ гимназической программы и отнимало много времени, нужнаго для текущей классной работы. Нѣкоторые изъ учителей любили Карла, разговаривали съ нимъ иногда и внѣ класса и поощряли его въ занятіяхъ. Но въ общемъ здѣсь повторялось то же самое, что и во время частныхъ уроковъ; на него смотрѣли какъ на иностранца, которому простительно многое, чего нельзя было бы допустить у настоящаго гимназиста-нѣмца.

Пер. съ нѣм. М. Славинская.

(Продолженіе слѣдуетъ).



СОКОЛЬСТВО И ИДЕЯ СЛАВЯНСКАГО ЕДИНЕНІЯ.

I.

Неизгладимо сильное впечатлѣніе оставили празднества въ Прагѣ по случаю открытія памятника Франтишеку Палацкому и перваго всеславянскаго «слета» соколовъ.

Къ сожалѣнію, чтобы получить это впечатлѣніе, надо было лично быть на мѣстѣ. Наша печать если и удѣляла вниманіе празднествамъ, то, во всякомъ случаѣ, далеко не соотвѣтствовавшее ихъ значенію. Въ русскихъ газетахъ изъ Праги печатались корреспонденціи и телеграммы, но гораздо менѣе детальныя и систематическія, чѣмъ изъ Стокгольма, гдѣ почти одновременно происходили международныя спортсменскія состязанія, «олимпійскія игры».

Основной итогъ тому, что бывшимъ въ Прагѣ довелось видѣть и наблюдать, можно формулировать такъ: какъ ни модны сейчасъ въ Россіи сокольскія гимнастика и упражненія, но ни идеи, ни сути чешскаго сокольства мы, русскіе, не знаемъ. Этимъ и объясняется, конечно, отношеніе къ празднествамъ нашей печати. Сокольство мы трактуемъ исключительно съ его внѣшней стороны, и намъ, прежде всего, казалось искусственнымъ и ненужнымъ сочетаніе «слета» съ открытіемъ памятника Палацкому. Дѣйствительно, Палацкій, какъ ученый, былъ исторіографомъ чешскаго народа. Какъ политическій дѣятель—его «пробудителемъ» и «вождемъ». На памятникѣ Палацкому высѣчено: «Своему пробудителю и вождю—воскрешенный народъ». При чемъ же тутъ гимнастическія упражненія? Причемъ особые пріемы гимнастики,

хотя бы получившіе всесвѣтскую извѣстность?... Съ перваго дня пребыванія въ Прагѣ становилось до очевидности яснымъ, что эти вопросы—плодъ незнанія. Передъ чехами они не возникали и возникнуть не могли. Для чеховъ «слетъ» и открытіе памятника Палацкому были событіями, неразрывно связанными одно съ другимъ. И это вѣрно: упражненія соколовъ и торжественное шествіе ихъ по городу необходимо дополняли политическія рѣчи при открытіи памятника и посвященное Палацкому засѣданіе національной академіи, гдѣ читались привѣтствія университетовъ и ученыхъ обществъ.

Палацкій «пробудилъ» чешскій народъ. Сокольство, на празднествахъ, явило собою всему славянству и всему міру это пробужденіе, какъ фактъ, незыблемо стоящій. Величественная картина простыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно важныхъ въ ихъ простотѣ эволюцій, совершавшихся одновременно двѣнадцатью тысячами чешскихъ соколовъ передъ лицомъ полутораста тысячъ зрителей, была символомъ «воскрешеннаго» народа, познавшаго себя и воплотившаго свое пробужденіе въ яркія и живыя формы. Надъ трибунами высился написанный громадными буквами девизъ сокольства: «Всѣ за одного—одинъ за всѣхъ». И дни празднества воочію показали, что этотъ девизъ, черезъ сокольство, вошелъ въ плоть и кровь чеховъ и несокрушимо ихъ сцементировалъ.

Передъ тѣмъ же девизомъ производили упражненія всѣ славяне австрійскіе, славяне балканскіе. заокеанскіе эмигранты и русскіе сокола. Они неотступно видѣли его впереди себя. Въ одной общей для всѣхъ соколовъ одеждѣ, однимъ строемъ, съ одинаковыми знаменами, тысячи соколовъ-гостей дефилировали вмѣстѣ съ десятками тысячъ соколовъ-чеховъ по улицамъ «золотой» Праги и пришли на историческую площадь передъ ратушей, гдѣ послѣ бѣлогорской битвы были казнены чешскіе вожди и гдѣ заложенъ памятникъ Гусу. Крамаржъ, при открытіи памятника, напомнилъ, что Палацкій «былъ отцомъ великой мысли объединенія чешскаго народа» и повторилъ его слова, сказанныя въ одну изъ трагическихъ минутъ чешской исторіи: «Были мы раньше Австріи, будемъ и послѣ нея!» Для этой мысли и для этихъ словъ окружавшіе памятникъ чешскіе сокола были живой иллюстраціей. А сокола-гости были иллюстраціей намѣченныхъ чехами формъ дальнѣйшаго развитія той же мысли.

Первый всеславянскій сокольскій «слетъ» совпалъ съ пятидесятилѣтіемъ возникновенія сокольства въ Чехіи. Проблески національнаго самосознанія явились у австрійскихъ славянъ нѣсколько ранѣе:

въ эпоху революціи 1848-го года. Около этого же времени и въ Россіи, въ единственномъ—тогда и въ теченіе многихъ лѣтъ потомъ самостоятельномъ славянскомъ государствѣ, стала дебатироваться идея славянскаго единенія и противоположенія славянства не-славянскому міру. Въ Россіи идея вылилась въ славянофильство—въ литературно-философское теченіе, бывшее долго предметомъ спора, нынѣ уже забытаго. И ни во что другое въ нашемъ русскомъ, общественномъ сознаніи она вылиться не могла. Вопросъ не имѣлъ непосредственной, домашней, такъ сказать, остроты. Кромѣ того, въ своей практической постановкѣ, это былъ у насъ вопросъ внѣшней политики, т. е. по условіямъ того времени былъ для населенія запретнымъ и касался не населенія, а исключительно власти. Власть же, какъ извѣстно, руководилась въ своихъ дѣйствіяхъ совершенно иными принципами. Достаточно вспомнить, что въ 1849 г. русскими войсками были «усмирены» и возвращены къ покорности Австріи Венгрія и Трансильванія. Позже, правда, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, былъ моментъ, когда идея кровнаго родства съ балканскими славянами подсказала русской власти вмѣшательство въ турецкія дѣла въ другомъ направленіи. Но общественное сознаніе здѣсь участвовало лишь постольку, поскольку оно воздѣйствовало и могло воздѣйствовать на власть. Оно знало, къ кому обращаться съ требованіями—и съ ними обращалось. Такъ всегда бываетъ, если, при оторванной и независимой отъ народа государственной власти, передъ общественнымъ сознаніемъ встаетъ вопросъ, общій для него и для власти: съ высоты отвлеченныхъ сужденій и теоретическихъ желаній такой вопросъ въ общественномъ сознаніи не спускается.

Для чеховъ, когда начало просыпаться ихъ національное самосознаніе, противоположеніе славянства не-славянству не было отвлеченнымъ вопросомъ. Оно не было идеей, требующей обоснованія. Оно было неизмѣримо бо̀льшимъ: мучительной дѣйствительностью. Подавленные чужестраннымъ владычествомъ, чехи въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ ощущали это противоположеніе какъ фактъ, который неотступно стоялъ передъ ними въ лицѣ торжествовавшаго германизма. Идея національнаго славянскаго обособленія была для чеховъ опорою права на отнятое отъ нихъ исторіей государственное и культурное самостоятельное существованіе. Идея всеславянскаго единенія рисовалась, какъ средство добиться осуществленія этого права. Естественно, что во имя славянскаго единства взоры всѣхъ австрійскихъ славянъ съ первыхъ же моментовъ послѣ революціи 1848 г. стали обра-

щаться къ Россіи. Но разъ народъ проснулся, онъ не ждетъ только помощи со стороны: онъ самъ приступаетъ къ дѣйствіямъ. Не сразу дѣйствія чеховъ, направленныя къ народному возрожденію, нашли вѣрный путь. Чрезвычайно сложны они были, конечно. Во всякомъ случаѣ теперь, когда въ культурномъ отношеніи цѣль достигнута, вырисовывается съ полной ясностью, какое громадное значеніе, въ дѣлѣ борьбы чеховъ за возрожденіе, имѣло сокольство. Сильный духомъ и своими вождями чешскій народъ показалъ на празднествахъ, чего онъ достигъ и какъ. То и другое иллюстрировали сокола.

Сокольство рождено борьбой народа за возрожденіе. Въ этомъ его внутренняя суть. Борьба имѣла совершенно опредѣленный, реальный объектъ — австрійскую правительственную власть и германизмъ—и являлась дѣломъ, равно близкимъ всѣмъ классамъ народа: богатымъ и бѣднымъ, горожанамъ и землевладѣльцамъ, высокообразованнымъ и полуграмотнымъ. Въ этомъ былъ залогъ успѣха чешскаго сокольства. Борьба въ политическомъ отношеніи не закончена. Въ этомъ лежитъ причина его жизненности и для сегодняшняго дня.

Моментъ борьбы — и именно борьбы революціонно-народной—громко звучитъ въ сокольскомъ девизѣ. Только совмѣстная борьба дѣлаетъ людей братьями. Борьба же всего вѣрнѣе и всего полнѣе создаетъ между людьми равенство. Третьяго элемента формулы французской революціи вылившемуся въ Чехіи въ сокольство движенію не было надобности ни прививать, ни подсказывать: стремленіемъ къ свободѣ оно было вызвано—освобожденіе народа составляло его начальный и конечный смыслъ. Кромѣ славянскихъ народовъ, въ празднествахъ принимали участіе французы и, въ весьма небольшомъ числѣ, англичане. Англія прислала только гимнастовъ. Отъ Франціи были тоже гимнасты, но вмѣстѣ съ ними и представители соединенныхъ гимнастическихъ обществъ страны, муниципальный совѣтъ Парижа въ полномъ составѣ и особая делегація изъ Эльзаса. На всѣхъ собраніяхъ и банкетахъ французы говорили очень много. И рѣчи ихъ не оставляли мѣста для сомнѣнія въ томъ, что именно привлекло ихъ въ Прагу. Завѣтъ великой французской революціи; «свобода, равенство и братство» былъ главной темой рѣчей французовъ. Они привѣтствовали соколовъ за воплощеніе въ жизнь этого завѣта. Другія темы были не менѣе характерны для сокольства: французы вспоминали свой разгромъ нѣмцами въ 1870 г. и подчеркивали, что въ ихъ гимнастическихъ обществахъ не умираетъ мысль о revanche'ѣ. Представитель Эльзаса возложилъ на

памятникъ Палацкому вѣнокъ, покрытый чернымъ крепомъ, и когда говорилъ рѣчь, то плакалъ. Это было театрально, но для раскрытія истинной сути празднествъ характерно. Франція чествовала чеховъ какъ народъ, который безкровно, мирнымъ путемъ, самовоспитаніемъ и организаціей народныхъ силъ по принципамъ, сказаннымъ міру французами, достигъ возрожденія и культурнаго освобожденія. Франція въ сокольствѣ чествовала то, въ чемъ для себя уже сорокъ лѣтъ ощущаетъ потребность.

О «свободѣ, равенствѣ и братствѣ» говорили на празднествахъ не только чествовавшіе чеховъ вообще и чешскихъ соколовъ, въ частности французы. Та же самая формула составляла доминирующее содержаніе рѣчей городского старосты Праги, доктора Гроша, главы сокольства, доктора Шейнера, члена австрійскаго парламента, Крамаржа и всѣхъ безъ исключенія представителей австрійскихъ и балканскихъ славянъ, а равно славянскихъ эмигрантовъ изъ-за океана. И къ этой формулѣ ораторы возвращались совершенно одинаково какъ въ засѣданіи академіи, отмѣчая заслуги Палацкаго передъ родиной, такъ и на пріемѣ въ городскомъ домѣ, обращаясь къ соколамъ,—какъ при открытіи памятника, такъ и въ ратушѣ, и на банкетѣ при обмѣнѣ привѣтствій между хозяевами и гостями, принадлежащими и не принадлежащими къ сокольству. По прерывавшимъ рѣчи апплодисментамъ и одобрительнымъ восклицаніямъ можно было безошибочно заключить, что не что другое, а именно слова о свободѣ находятъ наибольшій откликъ въ слушателяхъ—и въ сокольскихъ массахъ, и въ публикѣ во фракахъ.

II.

Массовыя упражненія соколовъ состоятъ изъ маршировки, перестроеній и затѣмъ такъ называемыхъ «вольныхъ движеній». Начинаются они съ того, что съ двухъ сторонъ огромнаго поля, подъ музыку, выходятъ колонны по восьми человѣкъ въ шеренгѣ и человѣкъ до тысячи въ каждой колоннѣ. Колонны движутся и поварачиваются съ такой изумительной точностью, что всѣ головныя шеренги одновременно занимаютъ назначенныя для каждой мѣста. Обычныхъ на военныхъ парадахъ жалонеровъ, указывающихъ частямъ войскъ направленіе движенія,—у соколовъ нѣтъ. Сложной системы начальства, подающаго и передающаго командныя слова,—тоже. При каждой колоннѣ имѣется только по три-четыре руководи-

теля, внѣшнимъ видомъ ничѣмъ не отличающихся отъ всей массы. Колонны производятъ захожденія плечомъ, по восьми и по шестнадцати свертываются и развертываются. Потомъ останавливаются, и по сигналу боковые ряды въ каждой колоннѣ отскакиваютъ отъ среднихъ. Всѣ поднимаютъ горизонтально руки. Колонны моментально исчезаютъ, и все смѣшивается въ одну общую массу людей, занимающихъ поле съ математической правильностью фигуръ, разставленныхъ на шахматной доскѣ.

Получается картина ошеломляющая. Невольно вспоминаются Фридрихъ II-ой, король прусскій, и нашъ Павелъ I. Ничего подобнаго и имъ, послѣ долгихъ лѣтъ жестокой муштровки солдатъ, достигать не удавалось. Ни на одной старинной гравюрѣ, изображающей плацъ-парады, такой картины не найти. Затѣмъ музыка мѣняетъ темпъ и происходятъ одиночныя упраженія, состоящія изъ разнообразныхъ движеній руками и ногами и ихъ поворотовъ. Все поле, какъ одинъ человѣкъ, опускается на колѣни, ложится, встаетъ, выбрасываетъ ноги и руки вправо, влѣво, впередъ, назадъ. Правильность шахматнаго расположенія ни на секунду не нарушается. Кончаются шесть фигуръ упражненій—и снова образуются колонны, которыя съ какою же стройностью, съ какою пришли, уходятъ. Поле очищается для слѣдующаго очередного упражненія. Совершенно то же самое, подъ ту же музыку, съ тою же точностью и красотой, вслѣдъ за соколами-мужчинами, дѣлали соколки. При массовыхъ упражненіяхъ ихъ только участвовало въ половину меньше: шесть тысячъ, вмѣсто двѣнадцати.

Такія упражненія представляютъ собою феерическую демонстрацію одного изъ наиболѣе сложныхъ понятій общественности и государственности—понятія дисциплины. Дисциплина всего болѣе необходима и всего болѣе свойственна войску. И по мѣрѣ того, какъ тысячи соколовъ развертываютъ картину массовыхъ упражненій, въ головы зрителей помимо воли все глубже проникаетъ мысль: сокола—готовое войско. У нихъ нѣтъ только пушекъ и ружей.

Полагающіе, что боевая сила арміи опредѣляется, прежде всего, техническими свойствами средствъ вооруженія, скажутъ: въ этомъ только все и заключается. У соколовъ нѣтъ пушекъ и ружей—значитъ они не войско. Но, конечно, подобное возвеличеніе палки надъ человѣкомъ, силы кулака надъ силою разума и воли, направляющихъ кулакъ, — глубоко невѣрно. Конечно, какъ бы ни были дальнобойны пушки и ружья, какъ бы ни были неприступны крѣпости и неуязвимы броненосцы,

основной факторъ боя и основа боевой силы арміи—человѣкъ. Притомъ человѣкъ не столько въ совокупности своихъ физическихъ качествъ, сколько въ совокупности психическихъ свойствъ. Ибо въ бою дѣйствуютъ не ружья и пушки, а люди; ибо въ бою, какъ и во всякой другой дѣятельности, человѣкъ, по мѣткому замѣчанію Драгомірова, дѣлаетъ всегда одно и то же: приводитъ въ исполненіе свои умозаключенія.

Сокольство блестяще разрѣшило вопросъ о дисциплинѣ. Мало того: оно разрѣшило вопросъ о той военной дисциплинѣ, которая намѣчена современными способами комплектованія европейскихъ армій и современными условіями боя,—о дисциплинѣ сознательной въ противоположность слѣпому неразсуждающему повиновенію. Въ теоріи и въ законахъ этотъ переходъ уже давно совершился, но въ жизни послушаніе «за совѣсть» все еще остается висѣть въ воздухѣ, какъ нѣчто чрезвычайно трудно уловимое, и господствуетъ одно грубое послушаніе «за страхъ». По сложности эволюцій, сокольскія вольныя движенія ничуть не уступаютъ фридриховской маршировкѣ въ три темпа съ вытягиваніемъ носка и замысловатымъ ружейнымъ пріемомъ его времени. Это вскидываніе ружья и это хожденіе шагомъ,—которымъ ходить, дабы двигаться впередъ, собственно говоря, нельзя,—при всей ихъ нелѣпости, имѣли несомнѣнный внутренній смыслъ. Они были гимнастикой, и не столько тѣла, сколько ума, или, вѣрнѣе—воли. Они тоже были средствами воспитанія солдатъ на началахъ дисциплины.

И напрасно было бы думать, что германскій народный геній не могъ создать въ данномъ дѣлѣ ничего другого, кромѣ деревянныхъ безжизненныхъ упражненій и кромѣ солдата-автомата, а геній славянскій создалъ сокольство, упражненія котораго блещутъ жизнью и совершаются безъ командныхъ криковъ, только подъ ритмическіе звуки музыки. Причина различія коренится отнюдь не въ различіи и не въ свойствахъ народнаго генія, не въ германизмѣ, съ одной стороны, и славянствѣ—съ другой. Она—въ томъ, что сокольство создано народомъ и одухотворено великой по творческой силѣ идеей—идеей борьбы. Фридриховскій же солдатъ былъ созданъ чуждой народу властью—чуждой не по національности, а по ея оторванности отъ народа. Фридриховская система была капитуляціей власти передъ невозможностью для абсолютизма достичь сознательнаго повиновенія. Абсолютизмъ можетъ заставлять, принуждать, но пути къ человѣческому сознанію для него закрыты. Далѣе нельзя идти въ признаніи своего безсилія, чѣмъ шелъ Фридрихъ, которому

принадлежитъ извѣстный афоризмъ: «палки капрала солдатъ долженъ бояться больше, нежели пули непріятеля». Разстрѣлы, шпицрутены, закованіе въ кандалы, кулачная расправа—только эта безконечная по своимъ проявленіямъ палка служила орудіемъ воспитанія. Но, конечно, кромѣ воспитанія чувства страха и привитія привычки къ пассивному, деревянному повиновенію палка бо̀льшаго дать не можетъ.

Въ распоряженіи соколовъ нѣтъ никакихъ мѣръ принужденія. Исключительно по своему желанію становятся соколами дѣти и взрослые, женщины и мужчины, адвокаты, врачи, землевладѣльцы, фабриканты, рабочіе. Если вступившіе не желаютъ оставаться, они уходятъ. При обученіи малѣйшіе намеки на государственно-карательное воздѣйствіе, само собою разумѣется, отсутствуютъ. Внутри сокольства нѣтъ дѣленія на начальниковъ и подчиненныхъ,—нѣтъ субъектовъ и объектовъ дисциплинарной власти. Вмѣсто начальниковъ и подчиненныхъ оно имѣетъ обучающихъ и обучающихся. Вмѣсто мѣръ принужденія, въ распоряженіи соколовъ—свободная воля людей, желающихъ быть соколами и понимающихъ идею сокольства, хотя бы, конечно, въ громадномъ большинствѣ и безъ яснаго о ней представленія. Сокольство воспитываетъ волю людей непосредственно, а не путемъ воздѣйствія на такія низменныя чувствованія, какъ страхъ. И результатъ на празднествахъ демонстрированъ. Этотъ результатъ громко говоритъ регулярнымъ арміямъ, чего имъ не хватаетъ, дабы вмѣсто слѣпого повиновенія онѣ прониклись повиновеніемъ сознательнымъ и дабы мѣры жестокости, съ отвратительнымъ и безконечно вреднымъ въ интересахъ военнаго дѣла приниженіемъ личности солдата, отошли въ область безвозвратно забытаго прошлаго. Съ военной точки зрѣнія, чешское сокольство если не опрокидываетъ всѣхъ обычныхъ возраженій противъ милиціонной системы, то, во всякомъ случаѣ, заставляетъ серьезно надъ ними задуматься.

Франціи не удалось разрѣшить вопроса о военной дисциплинѣ въ республиканской арміи, т. е. въ арміи государства, гдѣ власть наиболѣе тѣсно слита съ народомъ, ибо она всецѣло народу принадлежитъ. Ежегодно, въ день національнаго праздника 14-го іюля, въ Парижѣ происходитъ большой парадъ. При прохожденіи войскъ на мѣсто парада несмѣтныя толпы собираются на улицахъ и встрѣчаютъ войска громовыми апплодисментами. То же повторяется на Лоншанскомъ полѣ. Вездѣ народъ ликуетъ и бурно привѣтствуетъ войска. Но сами войска ни въ чемъ не отражаютъ республиканскаго характера арміи.

Мишурнаго блеска въ одеждѣ и во всемъ внѣшнемъ видѣ войскъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Поражаетъ невѣроятное множество генераловъ и всякихъ степеней начальства и сравнительная малочисленность выводимыхъ въ строй рядовыхъ солдатъ. Въ разсчетѣ на эффектъ, надъ полемъ парятъ дирижабли и кружатся аэропланы, церемоніальнымъ маршемъ проходитъ воздухоплавательный паркъ съ привязнымъ сферическимъ аэростатомъ, который передъ трибуной президента освобождается отъ каната и вздымается къ облакамъ. Выправка же солдатъ, стройность движеній, правильность поворотовъ и т. д. оставляютъ желать очень и очень многаго. Зрители видятъ передъ собою кричащую, грубо размалеванную картину, наводящую на невеселыя для боевой мощи Франціи мысли. Новаго слова въ военномъ дѣлѣ Франція не сказала. На послѣднемъ парадѣ особенное вниманіе обращали на себя только что введенные—очевидно, въ цѣляхъ поднятія боевой мощи,—мундиры «цвѣта резеды» и «металлическіе шлемы». Французская армія представляетъ собою то же самое что войска Германіи, Австріи или Россіи, только замѣтно худшаго качества. А въ сокольствѣ вопросъ о новыхъ пріемахъ дисциплинированія массъ разрѣшенъ. Не потому ли, однако, онъ разрѣшенъ, что сокола, все-таки, не войско и что создано сокольство общественностью, а не государственностью? Если да, то тутъ уже выростаютъ роковыя сомнѣнія и для современнаго милитаризма, и даже для современнаго государства.

Національно-политическій характеръ чешскаго сокольства ярко отразился въ составѣ соколовъ. Какъ символъ равенства и братства, одинаковую одежду, безъ всякихъ отличій по положенію въ организаціи, имѣли на себѣ во время празднествъ не только люди самыхъ разнообразныхъ профессій, но и представители всѣхъ безъ исключенія политическихъ партій. Среди соколовъ-чеховъ чрезвычайно много соціалъ-демократовъ—членовъ партіи по преимуществу космополитической, ведущей классовую борьбу за торжество мірового пролетаріата. На одномъ митингѣ въ дни слета говорилъ рѣчь видный соціалъ-демократъ австрійскаго рейхсрата, Клофачъ, и онъ былъ въ сокольской одеждѣ. Въ глазахъ чеховъ, слѣдовательно, національная идея стоитъ внѣ партійныхъ программныхъ тезисовъ и надъ ними. Поскольку тотъ или другой соціальный или политическій вопросъ не касается противоположенія славянства германизму, сокола могутъ дѣлиться совершенно такъ, какъ дѣлятся граждане во всѣхъ парламентскихъ странахъ. Но разъ задѣта національная идея, стираются

всѣ различія взглядовъ, и всѣ теченія общественной мысли сливаются въ одно русло. Это русло имѣетъ въ сокольствѣ ясно очерченные и твердо укрѣпленные берега. Наблюденія во время празднествъ на каждомъ шагу свидѣтельствовали, что сокольство—въ его идейной сути и въ его политическомъ значеніи—вѣрно символизируетъ все то, что дало чешскому народу возрожденіе, чѣмъ оно живетъ и въ чемъ его сила. Въ сокольствѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточилась основная, все покрывающая мысль и забота народа.

Празднества были строго выдержаны въ національномъ и демократическомъ духѣ. Нигдѣ, никто и ни разу не произнесъ публично ни одного слова на нѣмецкомъ языкѣ. На открытіи памятника Палацкому, въ засѣданіи академіи и на публичныхъ упражненіяхъ соколовъ присутствовали высшіе представители австрійской власти: намѣстникъ Чехіи графъ Тунъ, министры народнаго просвѣщенія и общественныхъ работъ. Но они были только гостями. Ихъ черные сюртуки и занимаемыя ими среди другихъ гостей мѣста объ этомъ ясно говорили. Роль хозяевъ принадлежала: въ академіи—ея президенту, на слетищѣ—выборному главѣ сокольства, адвокату Шейнеру, на всѣхъ пріемахъ и банкетахъ, въ театрѣ и при открытіи памятника—городскому старостѣ Грошу. Все, что носитъ австрійскій мундиръ, въ празднествахъ было устранено. Вездѣ въ Австріи постоянно попадаются на глаза офицеры и солдаты въ ихъ характерныхъ киверахъ. Въ густыхъ массахъ народа, сплошной стѣной стоявшаго или двигавшагося по улицамъ Праги, исключительно рѣдко можно было замѣтить киверъ.

Въ полуторастатысячной массѣ зрителей на слетищѣ офицеры попадались, какъ единицы. И если гость почему-либо останавливалъ вниманіе на встрѣченномъ на слетищѣ офицерѣ или солдатѣ, ему съ нотой оправданія въ голосѣ говорили: «онъ»—чехъ. На торжествѣ открытія памятника, среди моря соколовъ, въ ихъ «формѣ» былъ одинъ австрійскій военный генералъ. Онъ же—единственный военный—былъ въ засѣданіи академіи.

Уличный порядокъ поддерживался полиціей — органами государственной австрійской власти. Но ни при пріемахъ, ни на парадномъ спектаклѣ въ театрѣ, ни на площади, гдѣ послѣ шествія по городу стояли десятки тысячъ соколовъ,—не было ни одного полицейскаго. На слетищѣ полиція распоряжалась только внѣ поля и внѣ трибунъ. Внутрь—несмотря на то, что тамъ сидѣло, стояло и упражнялось безъ малаго двѣсти тысячъ человѣкъ,—полиція входа не имѣла. Не было видно городовыхъ

и высшихъ чиновъ полиціи и на площади имени Палацкаго, при открытіи памятника. И порядокъ вездѣ соблюдался образцовый. Чехи съумѣли показать свою выдержку даже тогда, когда кучка нѣмецкихъ студентовъ-буршей пыталась ворваться и разстроить ряды шествія соколовъ: студентовъ не разорвали на части и не растоптали, а только побили.

Если сокола—готовое войско, то чехи, какъ народъ—готовые граждане. Если у соколовъ «только» нѣтъ пушекъ и ружей, то у чешскаго народа «только» нѣтъ самостоятельнаго государственнаго существованія. Какъ войско отъ солдатъ, такъ государство требуетъ отъ гражданъ дисциплины—умѣнья подчинять индивидуальную волю волѣ общей, способности отрѣшаться отъ своего «я», готовности ограничивать личную свободу и удерживать ее въ рамкахъ права. Какъ въ войскѣ, такъ и въ государствѣ намѣчено иное, новое содержаніе понятія дисциплины: намѣчено правосознаніе, которое должно смѣнить «страхъ наказанія», какъ единственную опору государственнаго бытія. Но какъ въ войскѣ, вопреки безспорнымъ доводамъ научной мысли, все еще господствуетъ повиновеніе «за страхъ» и вмѣстѣ съ нимъ остаются изжитые пріемы дисциплинированія,—такъ въ государствѣ гражданское правосознаніе еще далеко не поднялось на ту степень, чтобы рядомъ со страхомъ наказанія заняла мѣсто другая опора его бытія. Лишенные самостоятельной государственной жизни, чехи лишены были возможности самовоспитанія по принципу «страха наказанія». Карательная власть надъ ними принадлежала и принадлежитъ Австріи. Она дѣйствовала и продолжаетъ дѣйствовать не въ томъ направленіи, въ результатѣ котораго чехи получили поражающее своей высотой гражданское воспитаніе. Напротивъ: самовоспитаніе здѣсь явилось вопреки «страху наказанія». Его создали «свобода, равенство, и братство», сознанныя и воплощенныя въ реальныя формы сокольства, гдѣ «всѣ за одного и одинъ за всѣхъ» и гдѣ жены, матери и сестры участвуютъ въ одномъ общемъ дѣлѣ—въ дѣлѣ національной борьбы.

Національная идея у чеховъ есть идея боевая,—идея борьбы. Это не та боевая идея, которая мгновенно загорается и ведетъ людей на баррикады. Она горитъ уже болѣе полустолѣтія—горитъ ровно, безъ вспышекъ, но и безъ потуханія. Наоборотъ: огонь крѣпнетъ и захватываетъ въ свою сферу все находящееся въ одинаковомъ положеніи южное и западное славянство. Можетъ быть, огонь никогда не обратится въ бушующій пожаръ. Весьма возможно, что и въ этомъ исторія услы-

шитъ отъ чеховъ новое слово. Но, во всякомъ случаѣ, отъ чешскаго сокольства пышетъ яркимъ пламенемъ такого боевого огня, потушить который уже невозможно. На парадномъ спектаклѣ давалась опера Сметаны «Любуша». Фабула либретто незамысловата. На сценѣ—чешская королева, выходящая замужъ за крестьянина. Передъ королевой два брата, спорившихъ изъ-за наслѣдства. Одинъ основываетъ свои требованія на нѣмецкихъ правахъ. Другой возмущенъ несправедливостью нѣмецкой правды. Королева разрѣшаетъ споръ въ пользу второго. Въ Россіи давали бы «Жизнь за царя». Въ Прагѣ давали «Любушу». Нѣмцевъ въ театрѣ не было...

Въ Прагѣ, при открытіи памятника Палацкому, народъ тѣснымъ кольцомъ окружалъ мѣсто торжества. Органы власти стояли среди гостей. Къ народу обращались ораторы. Ему они говорили о Палацкомъ. Въ Москвѣ, при открытіи памятника Скобелеву, признанному властью народнымъ героемъ, были войска, была полиція; народа не было. И не потому его не было, что онъ не хотѣлъ придти, или что онъ не считаетъ Скобелева героемъ. Нѣтъ, народъ не пустили...

III.

Русскіе на празднествахъ были предметомъ особенно горячихъ привѣтствій и особенно восторженныхъ овацій. Въ этомъ отношеніи, корреспонденты «Новаго Времени», «Русскаго Слова» и «Петербургскаго телеграфнаго агентства»—другихъ русскихъ корреспондентовъ въ Прагѣ не было—ничуть не преувеличивали. Они преувеличивали въ другомъ, и ихъ преувеличенія относились не къ чехамъ, а къ русскимъ. Вопреки утвержденіямъ корреспондентовъ, Россія, въ лицѣ общественныхъ ея элементовъ, была представлена въ Прагѣ весьма слабо и неполно, какъ по численности делегаціи, такъ еще болѣе—по авторитетности именъ.

Изъ городовъ откликнулись на приглашеніе только Петербургъ и Кіевъ, приславшіе по три гласныхъ. Изъ университетовъ—только кіевскій, харьковскій и варшавскій. Изъ общественныхъ дѣятелей, получившихъ личныя приглашенія, былъ одинъ В. М. Бехтеревъ. Политическія партіи, ни правыя, ни лѣвыя, представителей не имѣли. Но Россія оффиціальная, въ отличіе отъ другихъ самостоятельныхъ славянскихъ государствъ—Сербіи, Болгаріи и Черногоріи,—представительство имѣла. На

всѣхъ торжествахъ, даже и тогда, когда отсутствовали намѣстникъ Чехіи и австрійскіе министры, неизмѣннымъ гостемъ былъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія, г. Шевяковъ. Русскихъ соколовъ участвовало въ слетѣ, по однимъ свѣдѣніямъ, восемьсотъ человѣкъ, по другимъ—тысяча двѣсти. Кромѣ того, были въ Прагѣ и производили публичныя упражненія на слетищѣ человѣкъ пятьдесятъ русскихъ гимназистовъ изъ различныхъ провинціальныхъ гимназій.

Чехи, и вмѣстѣ съ ними делегаты всѣхъ австрійскихъ и балканскихъ славянъ, видѣли въ немногихъ хотя бы представителяхъ русской общественности, въ русскихъ соколахъ и гимназистахъ и главнымъ образомъ, въ русскомъ товарищѣ министра народнаго просвѣщенія ту Россію, которую они такъ давно и такъ страстно желаютъ видѣть. Дѣйствительно, можно ли мечтать о культурномъ торжествѣ славянства надъ германизмомъ, если Россія не охвачена этимъ стремленіемъ? Можно ли говорить о всеславянскомъ единствѣ, если въ немъ не участвуетъ Россія? Можно ли говорить о всеславянскомъ сокольствѣ, если въ Россіи нѣтъ сокольства? Этимъ, конечно, объясняется исключительно поднятый тонъ всѣхъ обращеній къ русскимъ: и отъ лица чешскаго народа, и отъ лица города Праги,—и на пріемѣ въ ратушѣ, и на вокзалѣ при встрѣчѣ соколовъ, и на банкетѣ, и на раутахъ частнаго характера, и на соціалъ-демократическомъ митингѣ. Участіе русскихъ въ пражскихъ празднествахъ было, въ глазахъ чеховъ, тѣмъ многограннымъ фактомъ громадной важности, все значеніе котораго сразу невозможно даже учесть.

Болѣе пылкіе ораторы высказывали надежду, что второй всеславянскій сокольскій слетъ, черезъ шесть лѣтъ, будетъ происходить въ Петербургѣ или въ Москвѣ. Менѣе пылкіе призывали русскихъ гостей къ широкому использованію зачатковъ сокольскаго движенія и пытались влить въ нихъ свой пылъ и свою преданность въ служеніи національной идеѣ. Они выражали искреннее удивленіе, что у насъ славянская національная идея людей различнаго образа мыслей не соединяетъ, а напротивъ, разъединяетъ. Для нихъ было совершенно непонятно, что всѣ наши лѣвыя политическія теченія отвергаютъ націоналистическія тенденціи и что сторонниками этихъ тенденцій являются только правыя партіи. Если были плодомъ незнанія наши сомнѣнія, къ сожалѣнію, такъ рѣзко отразившіяся на общественномъ представительствѣ Россіи въ Прагѣ,—то такое же незнаніе обнаружили и чехи. Они обращались къ русскимъ подъ своимъ угломъ зрѣнія.

Націонализмъ, какъ политическое теченіе народной мысли, по самой природѣ своей всегда есть и будетъ теченіемъ боевымъ. Націонализмъ активенъ. Націонализмъ призываетъ къ единенію и обособленію,—къ тому обособленію, которое замыкаетъ націю, и къ тому единенію, которое смыкаетъ въ одно компактное цѣлое ея ряды. Народы замыкаются и смыкаются, поднимая знамя: «всѣ за одного—одинъ за всѣхъ», только во имя борьбы. А борьба предполагаетъ объектъ—врага. Гдѣ же врагъ, который угрожаетъ русской національности? Его въ данную историческую минуту нѣтъ. Нѣтъ, слѣдовательно, того, безъ чего народная мысль не можетъ быть захвачена національной идеей.

Не будемъ вспоминать ни времени татарскаго ига, ни даже войну 1812 года. Отмѣтимъ моментъ гораздо болѣе близкій,—не войну японскую, конечно: народному сознанію это была совершенно чуждая война «изъ-за арендованной китайской земли». Наша революція не имѣла и тѣни націоналистическихъ лозунговъ. Первую Думу справа безъ устали упрекали въ космополитизмѣ. И, однако, когда въ короткіе дни первой Думы въ стѣны Таврическаго дворца проникли слухи о готовящемся иностранномъ вмѣшательствѣ, о германскихъ миноносцахъ въ Балтійскомъ морѣ,—то Дума забыла и лихорадочную поспѣшность въ разрѣшеніи вопроса о гражданской свободѣ, и аграрные споры, и запросы министрамъ. Глава конституціонно-демократической партіи, И. И. Петрункевичъ, съ думской трибуны далъ достойный отвѣтъ на эти слухи, и вся Дума, не исключая крайнихъ лѣвыхъ, ему бурно апплодировала. Можно сказать съ увѣренностью, что если бы слухи оправдались, то первая Дума,—а она точно отражала настроеніе народа въ тотъ моментъ,—была бы охвачена энтузіазмомъ и слилась бы съ властью въ дѣлѣ защиты родины.

Боевой моментъ настолько глубоко заложенъ въ націонализмъ, какъ политическое теченіе, что если у народности нѣтъ врага реальнаго, то націоналисты непремѣнно создаютъ миѳическаго. Внутри границъ государства, кромѣ момента войны, у русской народности, какъ господствующей, не можетъ быть такого врага, для борьбы съ которымъ народъ долженъ бы былъ ополчаться. Ибо на ея сторонѣ не только моральное право на самобытность и на самостоятельное существованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ право формальное, законъ и, наконецъ, весь арсеналъ мѣръ государственной власти, до милліонной арміи включительно. И, все-таки, нашъ націонализмъ болѣе воинственъ, чѣмъ всѣ другія политическія теченія. Онъ попеременно объявляетъ вра-

гомъ народа—именно народа,—врагомъ, на борьбу съ которымъ долженъ встать русскій народъ, то остзейскихъ нѣмцевъ, то поляковъ, то финляндцевъ, то евреевъ, то армянъ, то татаръ. Послушать рѣчи нашихъ націоналистовъ и почитать ихъ газеты—такъ окажется, что они болѣе воинственны даже, чѣмъ носители національной идеи среди австрійскихъ славянъ. Они доходятъ до самозабвенія, до нелѣпостей антисемитизма, до сведенія всѣхъ нуждъ и бѣдъ русской жизни къ еврейскому вопросу, до самоуниженія передъ еврействомъ. Такъ сильна боевая нота въ національной идеѣ—и такъ діаметрально противоположны ея приложенія: тамъ и тогда, когда и гдѣ въ огнѣ національной идеи есть потребность и когда и гдѣ ея торжество обезпечено государственностью и ничто его не нарушаетъ.

Націонализмъ въ Россіи, въ его практическомъ приложеніи есть націонализмъ австрійскихъ нѣмцевъ по отношенію къ чехамъ. словакамъ, полякамъ и русскимъ галичанамъ, или—недавній націонализмъ турецкій по отношенію къ болгарамъ и сербамъ. Одна и та же, по содержанію, національная славянская идея обращаетъ борьбу во имя ея—въ преслѣдованіе. Получается, какъ результатъ, явленіе совершенно иного порядка. Получается не борьба слабаго съ сильнымъ, угнетеннаго съ угнетателемъ, а преслѣдованіе и притѣсненіе сильнымъ слабаго. Формула: «свобода, равенство и братство» въ такой борьбѣ не только не можетъ имѣть мѣста, но она ею прямо отвергается. Чехи вели и ведутъ борьбу, добиваясь государственнаго равенства съ нѣмцами. Борьба нашихъ націоналистовъ есть борьба противъ государственнаго равенства. Чехи вели и ведутъ борьбу за свободу для себя, безъ малѣйшаго покушенія на свободу австрійскихъ нѣмцевъ. Мы русскіе, въ Россіи, какъ нѣмцы въ Австріи, въ періоды торжества націоналистическихъ тенденцій ведемъ борьбу противъ свободы инородцевъ. Призывъ къ единенію въ Чехіи есть крикъ протеста противъ подавленія грубымъ началомъ—дѣйствительности, силою,—начала высшаго: права. Тотъ же призывъ у насъ есть побѣдный кличъ силы. Можетъ ли этотъ кличъ найти отзвукъ въ народной душѣ?

Русскіе націоналисты—они же объявляютъ себя носителями славянской идеи—однимъ изъ враговъ русскаго народа считаютъ поляковъ. Преслѣдованія и всевозможные запреты и ограниченія, которымъ въ теченіе ста лѣтъ подвергаются въ Россіи поляки, есть сильнѣйшій аргументъ противъ теоріи, выставляющей на своемъ знамени идею славянства и противоположеніе славянскаго міра не-славянскому. Это—фактъ, въ сущности всю теорію

опрокидывающій, ибо объектомъ запретовъ, ограниченій и преслѣдованій служатъ языкъ, учебныя заведенія, всякія общественныя начинанія, словомъ,—культура польскаго народа. Такъ не должно быть: «чехи хотятъ новаго славянскаго духа, духа справедливости, исключающаго насиліе надъ братьями»,—говорилъ Крамаржъ при открытіи патятника Палацкому. Но такъ есть. И факта, который, все нарушая, захватилъ сто лѣтъ исторіи, никакими отвлеченными разсужденіями затушевать невозможно. Поляковъ изъ числа славянъ не выкинуть. Слова о томъ, что польскій вопросъ въ Россіи есть «домашній старый споръ славянъ между собою»,—ничего не покрываютъ. Сто лѣтъ ведется страшная культурная борьба противъ ополяченія и за обрусеніе, ничуть не менѣе энергичная, чѣмъ та, которую до возрожденія чешскаго народа вели австрійцы за его онѣмеченіе.

Въ нашемъ правомъ политическомъ лагерѣ излюбленный пріемъ отвѣта заключается въ оправданіи своей нелогичности, непослѣдовательности и неправоты неправотою того, чью сторону защищаетъ противникъ. Этотъ пріемъ примѣняется безразлично къ сѣченію въ тюрьмахъ, къ еврейскимъ погромамъ, къ ленскому разстрѣлу, къ давленію на выборы со стороны губернаторовъ и архіереевъ и т. д. Примѣненъ онъ и къ польскому вопросу. Говорятъ: «идите въ Галицію, посмотрите, что тамъ дѣлается,—какъ тамъ поляки преслѣдуютъ и притѣсняютъ русскихъ». Допустимъ, что такъ. Не будемъ спорить по существу. Допустимъ, что поляки въ Галиціи съ той же страстностью, какъ русскіе націоналисты въ царствѣ Польскомъ за обрусеніе, ведутъ борьбу за поляченіе. Что же отсюда вытекаетъ? Только то, что національная идея, когда ею охвачена господствующая національность, извращается и вмѣсто свободы вноситъ въ жизнь угнетеніе. Поляки въ Галиціи достигли для себя полной культурной свободы отъ австрійскаго владычества и въ значительной мѣрѣ—свободы политической. Въ Галиціи—они хозяева положенія и имъ принадлежитъ власть. Если они притѣсняютъ русскихъ галичанъ, то это означаетъ, во-первыхъ, что національная идея служитъ творческимъ началомъ въ политикѣ лишь условно: пока нація не свергла чужеземнаго ига. Во-вторыхъ, что славянская національная идея, сама по себѣ, можетъ вести и къ борьбѣ за свободу, и къ борьбѣ, обращающейся въ преслѣдованіе даже братьевъ по крови.

Націонализмъ, какъ руководящая идея народности, лишенной государственной самостоятельности, есть теченіе прогрессивное: отъ тьмы къ свѣту, отъ зла къ добру, отъ порабощенія къ

свободѣ. Такое теченіе можетъ покрывать всѣ различія направленій политической и соціальной мысли. Націонализмъ же, какъ руководящая идея народа, господствующаго въ государствѣ, есть теченіе регрессивное. Не раскрывая никакихъ новыхъ горизонтовъ для себя,—ибо если они въ государствѣ закрыты, то отнюдь не отрицаніемъ національной идеи, — націонализмъ господствующаго народа несетъ начало тьмы, зла и порабощенія для другихъ. И опытъ исторіи учитъ, что нѣмецкій націонализмъ въ Австріи и русскій націонализмъ въ Россіи всегда торжествовалъ въ эпохи реакціи. Вспомнимъ нашу реакцію восьмидесятыхъ годовъ и вдумаемся въ нынѣ переживаемые дни безпощадной травли всѣхъ населяющихъ Россію инородцевъ... Наконецъ, есть еще одна сторона вопроса, которую никогда не слѣдуетъ забывать и на которую надо смотрѣть открытыми глазами. Въ націяхъ, лишенныхъ государственной самостоятельности, націонализмъ есть теченіе революціонное, а въ націяхъ, имѣющихъ государственную самостоятельность—теченіе государственное. Въ русло такого теченія всегда съ особенной готовностью вливается власть, и окраска теченія мѣняется: вмѣсто красной дѣлается бѣлой или черной. Націонализмъ не только утрачиваетъ революціонный характеръ, но онъ теряетъ даже характеръ теченія общественнаго.

Дѣлались и дѣлаются попытки найти другую почву, на которой могла бы получить здоровое развитіе идея русскаго націонализма и славянскаго единенія въ Россіи. Какъ послѣднія попытки этого рода, можно отмѣтить недавно широко пропагандировавшійся нео-націонализмъ, а также общества «славянской взаимности»—въ Петербургѣ и «славянской культуры»—въ Москвѣ. Суть попытокъ заключается въ стремленіи установить тѣсное общеніе между славянами въ вопросахъ науки и литературы и въ дѣлахъ промышленности и торговли. Ни болѣе раннія попытки въ этомъ направленіи, ни новѣйшія успѣха не имѣли и не имѣютъ. Пробить ими брешь въ пассивности, съ которою русская общественность воспринимаетъ идею славянскаго единенія, не удается. Никто противъ идеи не споритъ, всѣ признаютъ ея значеніе, а равно возможность и пользу приложенія въ области культурно-хозяйственнаго общенія—но въ то же время всѣ общественныя силы отъ нея сторонятся.

Національная идея въ Россіи дискредитирована. Она слишкомъ захватана нечистыми руками. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, оглядываясь на прошлое и вглядываясь въ настоящее, ея справедливо опасаются. Наконецъ—и въ этомъ самое главное—она

не покрываетъ нашихъ русскихъ больныхъ вопросовъ, она стоитъ отъ нихъ въ сторонѣ. Когда идея славянскаго обособленія и единенія зародилась и стала крѣпнуть у чеховъ, она имъ рисовала возрожденіе народа. У насъ тогда было свое горе—крѣпостное право. Лучшіе представители славянофильства искали въ славянской идеѣ ключъ для разрѣшенія вопроса о рабствѣ. Его въ ней, конечно, не оказалось. Затѣмъ у насъ наступилъ длительный процессъ борьбы общественности противъ ига бюрократизма—за увѣнчаніе зданія, за конституцію. Идея славянскаго единенія никакой помощи въ этой борьбѣ дать не могла. Теперь мы переживаемъ тоже дни мучительной дѣйствительности. Недавнія надежды разбиты. Вѣра въ могущество измѣненныхъ формъ государственнаго строя утрачена. Во всемъ своемъ, еще не вполнѣ постигнутомъ величіи встали соціальныя проблемы. Возможно ли отдаваться на служеніе идеѣ, которая не только ни одного изъ мучительно-больныхъ вопросовъ не разрѣшаетъ, но которую прилагаютъ для обостренія боли?

IV.

Если имѣетъ фактическое и логическое объясненіе пассивное отношеніе русской общественной мысли къ идеѣ славянства или славянскаго единенія, то тѣмъ болѣе объяснима пассивность, переходящая прямо въ отрицательное отношеніе къ тому, въ чемъ чехи видѣли на торжествахъ въ Прагѣ зачатки русскаго сокольства. Никакихъ зачатковъ сокольства въ Россіи нѣтъ, и правительство зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы ихъ не было. Гдѣ условія возникновенія и развитія сокольства на лицо, тамъ оно не допускается; въ царствѣ Польскомъ сокольскія общества запрещены, въ Финляндіи «войма» сурово «ликвидирована». Въ Россіи есть сокола, одѣвшіеся въ непринадлежащую имъ по духу чешскаго сокольства одежду; есть обученіе сокольскимъ пріемамъ гимнастики въ учебныхъ заведеніяхъ и въ войскахъ; есть, наконецъ, сокольство, какъ видъ спорта. Но между всѣмъ этимъ и чешскимъ сокольствомъ—символомъ многолѣтней борьбы за возрожденіе чешскаго народа—общаго нѣтъ ничего, кромѣ заимствованныхъ гимнастическихъ пріемовъ и внѣшняго облика людей, называющихъ себя соколами.

Это не мѣшаетъ намъ восторгаться чешскимъ сокольствомъ. Это не можетъ и не должно мѣшать намъ искренно привѣтствовать чеховъ, по кровному родству раздѣлять съ ними ихъ

чувства. Но сокольство, какъ народное дѣло, все-таки остается для насъ дѣломъ чуждымъ и чужимъ. Нельзя ставить вопроса: желательно ли развитіе чешскаго сокольства въ Россіи? Единственно правильна другая постановка: возможно ли оно? Сокольство, пускающее глубокіе корни въ Сербіи и въ Болгаріи, не можетъ служить возраженіемъ противъ такой постановки. Сербія и Болгарія еще слишкомъ недавно получили государственную самостоятельность. Въ обоихъ королевствахъ еще живо въ памяти турецкое владычество. Увѣренности въ прочности самостоятельнаго существованія ни у сербовъ, ни у болгаръ нѣтъ. Болгарія неотступно видитъ передъ своими глазами Македонію. Сербія—судьбу Босніи и Герцеговины. Государственная власть и въ Болгаріи, и въ Сербіи еще слаба и еще не успѣла обособить себя отъ народа. Параллелизма съ Россіей здѣсь нѣтъ и слѣда.

На празднествахъ въ Прагѣ русскіе гимназисты очень искусно продѣлывали упражненія на турникетѣ, на параллельныхъ брусьяхъ и на другихъ гимнастическихъ снарядахъ. Публика имъ апплодировала. Послѣ упражненій ихъ благодарилъ г. Шевяковъ. Съ неменьшимъ искусствомъ, русскіе сокола-добровольцы, мужчины и женщины, подъ музыку, производили чрезвычайно трудныя упражненія съ шестами и палками, строго соблюдая ритмъ и единство въ движеніяхъ по группамъ. Девять молодыхъ дѣвушекъ изъ Петербурга показали игру въ снѣжки—красивую и изящную картинку въ балетныхъ тонахъ. Вотъ все, что привезли русскіе въ Прагу въ смыслѣ сокольскихъ упражненій. Смыслъ идейной принадлежности къ сокольству имѣло участіе русскихъ соколовъ въ торжественномъ шествіи по городу. Кто были эти сокола по ихъ общественному положенію, по профессіи, по политической окраскѣ, — мы не знаемъ. Во главѣ русскаго «отряда» шли: членъ третьей Думы—націоналистъ изъ юго-западнаго края — и почтеннаго возраста сенаторъ съ длинной бѣлой бородой, изъ обрусѣлыхъ татаръ. Ни одного мало-мальски общественно-извѣстнаго имени въ составѣ отряда не было.

По авторитетному отзыву доктора. Шейнера «русскіе сокола достигли значительнаго совершенства въ техническомъ отношеніи». Гимнастическая техника, при совмѣстныхъ упражненіяхъ, конечно требуетъ извѣстной дисциплины, и совершенство техники служитъ показателемъ дисциплинированности упражняющихся. Но та ли это «поразительная дисциплина соколовъ», о которой говорилъ на банкетѣ г. Шевяковъ, что она превзошла

всѣ его ожиданія? Та ли это дисциплина, которая вылилась изъ идеи сокольства и черезъ сокольство вошла въ нравы чешскаго народа? Большое техническое совершенство и большая дисциплинированность всѣми признаны за русскимъ кордебалетомъ. Но кому придетъ въ голову дѣлать отсюда какіе бы то ни было выводы, касающіеся русской общественности и гражданственности? Не одна Россія, правда, показала на слетищѣ только «значительное совершенство въ техническомъ отношеніи». Французы демонстрировали боксъ. Заокеанскіе славяне — какой-то танецъ, издали напоминавшій кэкъ-уокъ. И это лишь подтверждаетъ то положеніе, что если отъ сокольской гимнастики отнять идею сокольства, то не останется ничего другого, кромѣ своеобразнаго вида спорта. Для соревнованія въ немъ французы, славяне изъ Америки, а также и русскіе сокола должны были ѣхать на олимпійскія игры въ Стокгольмъ, но не въ Прагу.

И чехи, кромѣ массовыхъ «вольныхъ движеній», также демонстрировали одиночную и групповую атлетику, при чемъ, кстати сказать, показали въ этой области уже не техническое совершенство, а чудеса ловкости и искусства. И ими былъ внесенъ на слетище элементъ театральный, постановкой цѣлаго представленія подъ названіемъ «Мараѳонъ». Но атлетика отнюдь сокольству не противорѣчитъ. Не въ ней только сила сокольства. Представленіе же чеховъ было представленіемъ особаго рода. Участвовали въ немъ тысяча шестьсотъ человѣкъ. Греки ждутъ извѣстія объ исходѣ мараѳонской битвы. Охваченный патріотизмомъ народъ волнуется. Прибѣгаетъ вѣстникъ со словомъ: «побѣда». Народъ ликуетъ. Стройно проходятъ войска. Народъ встрѣчаетъ ихъ съ восторгомъ. Начинаются игры солдатъ: бѣгъ, бросаніе копья, бросаніе диска, борьба. Народъ съ гордостью любуется «своимъ» войскомъ. Эта была демонстрація народа, охваченнаго національной идеей. Это была демонстрація «своего» войска, у котораго «только» нѣтъ пушекъ и ружей. Передъ избранной публикой, въ театрѣ, чехи въ дни національныхъ торжествъ, чествуя память Палацкаго, поставили «Любушу». Передъ полуторастотысячной толпой—«Мараѳонъ»...

Если бы русское сокольство несло съ собою въ нашу жизнь одну гимнастику, то отрицательное отношеніе къ нему общественнаго сознанія не находило бы оправданія. Гимнастика всегда полезна. Спортъ, по меньшей мѣрѣ, ничему, въ общественномъ смыслѣ, не вредитъ. Забота о физическомъ развитіи молодежи въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ отсутствуетъ, а потребность въ ней давно признана. Какъ въ чешскомъ сокольствѣ, однако, гим-

настика и забота о физическомъ развитіи составляютъ внѣшнюю сторону выраженія заложенной въ сокольство политической идеи,—такъ точно и то, что у насъ насаждается въ настоящее время подъ флагомъ сокольства, въ неменьшей степени проникнуто политической тенденціей и ей подчинено. Но эта тенденція съ идеей чешскаго сокольства имѣетъ діаметрально противоположное содержаніе. Она пришла оттуда, противъ чего идея чешскаго сокольства направлена. Она обратила дѣло чешской общественности въ дѣло для русской общественности чуждое. Она придала ему характеръ борьбы, направленной противъ общественныхъ идеаловъ.

Два момента опредѣлили собою стремленіе русской государственной власти пересадить на нашу почву чешское сокольство: проигранная война и революція. Отнести проигранную войну не на счетъ внутренняго государственнаго нестроенія, не на счетъ пропасти, вѣками образовавшейся между властью и населеніемъ, а на счетъ техническихъ недостатковъ арміи и, въ частности, недисциплинированности контингента, поступающаго въ войска—было такъ заманчиво и просто. Полились рѣкой деньги на пушки, на крѣпости и на броненосцы. Явилась мысль милитаризировать населеніе—подготовлять будущихъ солдатъ съ дѣтскаго возраста. Сокольство дало чехамъ «готовое войско» даже безъ участія въ дѣлѣ государственной власти. Всегда склонная считать себя всемогущей, русская бюрократія рѣшила, что въ ея рукахъ дѣло тѣмъ скорѣе и тѣмъ вѣрнѣе дастъ тотъ же блестящій результатъ.

Другой моментъ сказался еще сильнѣе. Какъ только погасъ революціонный взрывъ, власть поставила себѣ стародавнюю задачу: «вырвать крамолу съ корнемъ». Революція получила объясненіе въ недостаткѣ патріотическихъ чувствъ населенія, въ либерализмѣ науки, въ увлеченіи молодежи несбыточными идеалами, въ козняхъ инородцевъ и особенно евреевъ. Это тоже такое заманчивое своей простотой и своимъ удобствомъ объясненіе. Надо привить патріотизмъ, хотя бы казенный: въ глазахъ власти казенный патріотизмъ и есть истинный. Надо парализовать работу мысли работой мускуловъ. Надо противопоставить освобождающей мысль наукѣ гимнастику. Надо отдѣлить господствующую народность и показать ей, что иноплеменное населеніе—ея непримиримый врагъ. Почему не покрыть всего этого славянской національной идеей? Почему не использовать сокольство? Къ услугамъ власти нашлись и общественные элементы: союзники и націоналисты. Правда, это элементы анти-

общественные, ставящіе своимъ девизомъ разрушеніе общественности по принципу сливающіеся съ властью, поскольку власть отдѣляетъ себя отъ общественнаго сознанія. Но трудно ли смѣшать понятія, когда есть желаніе, чтобы они были смѣшаны?

Первымъ слѣдствіемъ попытокъ пересадки сокольства на русскую почву были «потѣшные». Это одно даетъ исчерпывающій отвѣтъ на вопросъ: возможно ли чешское сокольство въ Россіи? Организація «потѣшныхъ» уже сломала народную школу и ломаетъ среднюю. Школа раскрыла двери для унтеръ-офицера въ роли учителя гимнастики и насадителя патріотизма и милитаризма. Всю Россію объѣзжаетъ, инспектируя «потѣшныхъ», военный полковникъ. О «потѣшныхъ» имѣется положеніе, предусматривающее цѣлую систему воспитанія въ патріотическомъ духѣ. Ихъ обучаютъ солдатской «словесности», титулованію начальства, крику «здравія желаю», отданію чести по военному. Чуть-чуть, что «патріотизмъ» не введенъ въ число предметовъ преподаванія, какъ проектировалъ генералъ Богдановичъ. Въ «потѣшныхъ» провидятся былые военные кантонисты. Какъ слѣдующій шагъ на пути милитаризаціи—печальной памяти военныя поселенія и аракчеевщина.

Возражать противъ насажденія сокольства въ Россіи и отвергать «потѣшныхъ»—отнюдь не значитъ желать новаго революціоннаго взрыва и противодѣйствовать предупрежденію его. Напротивъ. Леченіе болѣзни требуетъ, прежде всего, правильнаго діагноза и вѣрнаго выясненія ея причинъ. Въ такой болѣзни государственнаго организма, какъ революціонное броженіе, мало лечить симптомы. Но мало также и мѣръ, направленныхъ на непосредственныя причины, періодически вызывающія заболѣваніе. Чтобы вырвать корни «крамолы», необходимы не мѣры лечебника въ тѣсномъ смыслѣ, а санитарныя: оздоровленіе воздуха, которымъ страна дышетъ, воды и почвы. Въ діагнозѣ, поставленномъ оффиціальными врачевателями русской жизни, все неправильно. Не оцѣнена сила только что пережитаго болѣзненнаго припадка. Произвольно, случайно и совершенно поверхностно опредѣлены непосредственныя причины болѣзни. Санитарныя условія признаны благополучными. Лечебнымъ средствомъ взята прививка того, что съ государственной точки зрѣнія, на родинѣ изобрѣтенія, представляетъ собою оспенную вакцину—ядъ. Для обезвреженія яда, дѣло взято въ казенныя руки и къ нему приставлены унтеръ-офицеры. Что при такихъ условіяхъ ядъ не предотвратитъ повторнаго заболѣванія и средство не дастъ прямого результата—того, въ разсчетѣ на который оно примѣняется,—

въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Въ лучшемъ случаѣ, «потѣшные» какъ средство предупрежденія революціи, суть фактъ безразличный. Но результатъ обратный возможенъ. Если нѣтъ, то почему закрыта «война» и почему не допускаются сокольскія организаціи въ Польшѣ? Русская революція шла рука объ руку съ движеніемъ въ Польшѣ и Финляндіи. Видѣть въ «потѣшныхъ» сплошь будущихъ «истинно-русскихъ» союзниковъ—слишкомъ самонадѣянно и наивно. Да и не все ли равно для государственныхъ и общественныхъ устоевъ, откуда грозитъ опасность взрыва—слѣва или справа?

Разъ насажденіе сокольства выдвинуто какъ боевое средство противъ революціи, то безудержность реакціи въ примѣненіи подобныхъ средствъ заставляетъ русское общественное сознаніе скептически относиться и къ тому, что само по себѣ не можетъ вызывать скептицизма: къ физическому развитію подростающихъ поколѣній. Здоровый духъ требуетъ для себя здоровой оболочки—здороваго тѣла. Но что считать здоровымъ духомъ? Какъ установить нормальное соотношеніе между здоровьемъ духа и тѣла, развитіемъ умственнымъ и физическимъ? Не мало горя принесло странѣ отсутствіе заботы о физическомъ укрѣпленіи воспитанниковъ нашей школы. Оно дало неврастениковъ и преждевременныхъ стариковъ. Но забота о физическомъ развитіи за счетъ заботы о развитіи умственномъ, забота о мускулахъ за счетъ заботы о головѣ,—принесетъ горя еще больше. Въ странѣ, гдѣ уровень образованія такъ низокъ, подъемъ его остановится. И признаки сосредоточенія на гимнастикѣ всего вниманія лицъ и учрежденій, направляющихъ русскую педагогику, уже есть на лицо. Гимнастика культивируется съ лихорадочной поспѣшностью. Учителей гимнастики нѣтъ—ихъ замѣняютъ офицерами и унтеръ-офицерами. Есть ли у учениковъ время для занятія гимнастикой—не спрашиваютъ. Служебной аттестаціей педагогическо-административнаго персонала, обезпечивающей полученіе высшихъ назначеній, сдѣлалась постановка не учебнаго дѣла, а гимнастики. Смотры «потѣшныхъ» замѣнили собою экзамены по древнимъ языкамъ временъ гр. Д. А. Толстого. Спрашивать себя: что лучше?—не приходится. Естественно волнуетъ другой вопросъ: что хуже?

Сокольскія упражненія въ войскахъ органически не могутъ дать того, что дало въ Чехіи сокольство — «готоваго войска», проникнутаго сознательной дисциплиной. Для этого нужна свободная личность. Это можетъ дать свободное самовоспитаніе

народа, а не принудительное воспитаніе солдатъ въ казарменной обстановкѣ.

Чешское сокольство если не въ военномъ дѣлѣ, то для военнаго дѣла, сказало новое слово. При сохраненіи всѣхъ прочихъ, унаслѣдованныхъ вѣками условій, сокольскія упражненія въ войскахъ скорѣе дадутъ возвратъ къ плацъ-парадамъ и къ маршировкѣ въ три темпа, нежели приблизятъ къ войску это новое слово. Массовыя сокольскія эволюціи и «вольныя движенія» уже и теперь производятся съ большимъ «техническимъ совершенствомъ» въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ. Получается та же эффектная картина, но «только» безъ того же внутренняго содержанія. Свободная личность въ войскѣ возможна. Мало того: въ современномъ войскѣ для успѣха на войнѣ, она необходима. Но сокольство предполагаетъ свободную личность. Созданіе же ея въ войскѣ требуетъ коренной реформы всего строя войскового быта. Ничего въ этомъ направленіи не дѣлается. Къ числу обязательныхъ для солдата занятій,—стрѣльбой, маршировкой, пресловутой «словесностью»,—прибавлено занятіе сокольскими упражненіями. Ни о какомъ «новомъ словѣ», само собою разумѣется, не можетъ здѣсь быть и рѣчи.

Для пересадки чего бы то ни было и куда бы то ни было необходимо единство условій почвы, поливки, ухода и питанія. То, что выросло въ Чехіи на почвѣ протеста противъ чужеземнаго владычества и что питается незавершеннымъ возрожденіемъ—того нельзя использовать въ Россіи ни справа, ни слѣва. Для чеховъ славянская идея—реальнѣйшая изъ реальныхъ. Для насъ—она въ отвлеченной выси...

В. Кузьминъ-Караваевъ.

ПОБѢГЪ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Въ 190* г., въ январѣ мѣсяцѣ, я была арестована вмѣстѣ съ другими за городомъ, въ одномъ желѣзнодорожномъ домикѣ. Всего насъ было около двадцати человѣкъ.

Намъ было предъявлено обвиненіе по 2 ч. 126 статьи. Нѣсколько мѣсяцевъ продолжалось дознаніе. Наконецъ, мнѣ было объявлено, что я буду выслана въ Туруханскій край.

Часовъ въ 11 вечера меня привели въ сборную, гдѣ уже собралась толпа человѣкъ въ 200 съ лишнимъ.

Начинаю разыскивать политическихъ, отъ которыхъ и узнаю, что въ этапѣ около сотни каторжанъ, человѣкъ 20—25 политическихъ «нелишенцевъ», остальные же уголовные.

Всю ночь протоптались мы на сборной, въ страшной духотѣ и безъ сна... Только подъ утро пришелъ офицеръ, и насъ стали принимать по спискамъ. Зачѣмъ мы и конвойные должны были топтаться всю ночь на сборной—неизвѣстно.

Во время пріемки этапа съ офицерскаго стола летѣли лѣкарства, мыло, зубной порошокъ и другія мелочи. Все это было «глупости», по опредѣленію офицера. Когда же мы, «нелишенцы», заявили, что имѣемъ право брать по три пуда багажа, то раздался грубый окрикъ:

— Молчать! Не разсуждать! Я теперь вашъ начальникъ! Каждый возьметъ столько, сколько сможетъ нести самъ, а подводъ не будетъ!

Впечатлѣніе было бы отвратительное, если бы не доброе отношеніе солдатъ-конвойцевъ, уговаривавшихъ насъ не безпокоиться, такъ какъ наши мѣшки они отнесутъ на свои подводы...

Но вотъ, безконечная процедура пріемки окончилась, и мы двинулись въ путь. Прибывъ на станцію, мы были немедленно посажены въ арестантскій поѣздъ, уже поджидавшій насъ.

Изъ окна вагона я увидѣла родныхъ на платформѣ. Они просили пропустить ихъ проститься со мной, разумѣется—въ присутствіи офицера, но въ отвѣтъ услышали:

— Покажите разрѣшеніе.

— Мы имѣемъ пропускъ отъ прокурора въ тюрьму...

— Поѣздъ—не тюрьма. Здѣсь прокуроръ не причемъ. Я здѣсь хозяинъ. Подайте разрѣшеніе.

Видя безполезность просьбъ о свиданіи, они просятъ принять деньги для меня и получаютъ въ отвѣтъ:

— Могу принять 99 копѣекъ. Больше по закону не разрѣшается...

Когда поѣздъ двинулся, я, протянувъ руку черезъ рѣшетку, крикнула имъ:

— Прощайте! Не безпокойтесь!

Но едва я успѣла это сказать, какъ въ дверяхъ вагона появился офицеръ и крикнулъ:

— Не смѣть разговаривать съ посторонними! Надѣть наручни!

Загремѣли наручни, и конвойный подошелъ съ ними ко мнѣ. Въ это время офицеръ уходитъ, и конвойный, убирая наручни, спокойно говоритъ мнѣ:

— Не безпокойтесь, барышня, офицеръ заснетъ, и мы наручни надѣвать не будемъ ни вамъ, ни другимъ.

Начался нашъ путь съ приспособленія къ новой тюрьмѣ. Несмотря на массу неудобствъ, — переполненный вагонъ, маленькія скамейки, сильный шумъ, — мы радовались перемѣнѣ, отдыхали послѣ тюремнаго режима и были довольны такимъ кочевымъ образомъ жизни. Стали знакомиться. Съ нами было много поляковъ, среди которыхъ особенно обращалъ на себя вниманіе четырнадцатилѣтній мальчуганъ.

— За что вы-то арестованы и ссылаетесь?—полюбопытствовала какъ-то я, невольно изумленная этимъ юнымъ «политикомъ».

— Видите ли,—серьезно отвѣтилъ мальчикъ:—я полякъ; потомъ, я всегда носилъ высокіе сапоги и черную косоворотку. Жилъ въ Варшавѣ. Когда начались аресты, то вмѣстѣ съ большими забрали и меня, какъ «боевика». Теперь ссылаютъ въ Вятскую губернію. Только, паненка,—увѣренно добавилъ онъ,—я убѣгу, не хочу на сѣверѣ жить.

На мои доводы, что онъ плохо знаетъ русскій языкъ и при

первой же попыткѣ попадется, онъ утверждалъ, что бѣжать ему удастся, такъ какъ онъ уже больше года скитается по пересылкамъ... Удалось ли мальчугану убѣжать, не знаю. Дня черезъ три поляковъ увезли отъ насъ по другой дорогѣ.

Отдохнувъ въ Самарѣ нѣсколько дней, отправились дальше. Ѣхали, какъ и весь путь, страшно медленно, съ безконечными остановками на разъѣздахъ. Для меня непріятности пути усиливались еще тѣмъ, что я была единственная женщина среди политическихъ. Приходилось все время быть на глазахъ товарищей и конвойныхъ...

Отношенія со всѣми конвойными у насъ были хорошія. Но передъ Красноярскомъ произошла стычка, чуть не кончившаяся печально, конечно — для насъ. На часахъ стоялъ чувашъ, глупый и грубый до невозможности. Надо сказать, что конвой размѣщается по концамъ вагона и, кромѣ того, одинъ дежуритъ подъ ружьемъ внутри, смѣняясь черезъ каждые два часа. Такъ вотъ, чувашу вздумалось проявить свою власть. Пересыпая свою рѣчь грубой бранью, онъ сказалъ, что никто не смѣетъ вставать со своихъ мѣстъ, пока онъ на часахъ. Товарищи указали ему, что здѣсь женщина и они требуютъ прекратить брань. Тотъ въ отвѣтъ сталъ ругаться еще хуже, а въ заключеніе поднялъ тревогу. Сбѣжались конвойные и взяли на прицѣлъ. Къ счастью, въ этотъ моментъ появился старшой, который былъ съ нами въ хорошихъ отношеніяхъ. Разузнавъ, въ чемъ дѣло, онъ приказалъ конвою разойтись, а чуваша смѣнилъ къ уголовнымъ. Только благодаря его такту, этотъ случай окончился такъ благополучно...

Въ Красноярской тюрьмѣ мы узнали, что намъ придется прожить здѣсь до зимняго пути, пока Енисей не станетъ. Пробыли здѣсь до 1-го ноября, когда насъ взяли на сборную вечеромъ, чтобы двинуться въ путь на разсвѣтѣ. Эта ночь была одна изъ самыхъ тяжелыхъ, какія когда-либо приходилось мнѣ переживать по тюрьмамъ. Нашъ этапъ состоялъ изъ 80 человѣкъ, причемъ политическихъ женщинъ было только двѣ. Мы — я и Настя — были помѣщены въ одной комнатѣ съ уголовными женщинами-проститутками, а въ сосѣдней комнатѣ, отдѣленной рѣшеткой, находились мужчины... Достаточно сказать, что нѣсколько товарищей пришли дежурить около насъ. Мы съ Настей забились подъ тулупы, боясь шелохнуться, и такъ пролежали до утра...

Въ Красноярскѣ я запаслась кое-какими свѣдѣніями для дальнѣйшаго пути. Нашъ этапъ былъ первый зимній, что очень

насъ радовало, такъ какъ этапки были еще чисты. Путь между Красноярскомъ и Енисейскомъ, обычно проѣзжаемый въ трое сутокъ, мы шли около трехъ недѣль. Подводы выдаются только женщинамъ и больнымъ. Выходили обыкновенно съ разсвѣтомъ, чтобы до темноты успѣть попасть на слѣдующій станокъ. Кажется, нигдѣ беззащитность арестантовъ не чувствуется такъ ясно, какъ въ тайгѣ, гдѣ надъ конвоемъ не существуетъ никакого контроля. Захватъ солдатами большинства подводъ, предназначенныхъ для уголовныхъ больныхъ, занятіе конвоемъ лучшей части этапки и т. п.—все это—обычныя явленія.

Въ концѣ ноября мы прибыли въ Енисейскъ. Отсюда на сѣверъ уже идутъ обыкновенно маленькими партіями, причемъ на каждаго «политика» дается по санямъ и конвоиру. Но конвой здѣсь уже не солдатскій, а состоитъ изъ урядника, стражника, сотскихъ и десятскихъ. Вооружены только первые.

Въ началѣ декабря была отправлена въ Туруханскій край партія изъ десяти человѣкъ: 9 мужчинъ и я. Морозы были сильные, но погода все время стояла на рѣдкость тихая.

На одномъ изъ станковъ я рѣшилась бѣжать. Передъ въѣздомъ въ станокъ, когда уже было темно, я, сойдя съ саней, пошла немного впередъ. Стража не обратила на это никакого вниманія, такъ какъ многіе шли пѣшкомъ, чтобы согрѣться. Въѣхали въ деревню, расположенную, какъ и другіе станки, вдоль тракта, на берегу Енисея. Со всѣхъ сторонъ, кромѣ примыкающей къ рѣкѣ, станокъ окруженъ плетнемъ, съ двумя воротами при въѣздѣ и выѣздѣ. Отсчитавъ нужное количество избъ, я накинула на голову приготовленную черную шаль и въ темнотѣ незамѣтно свернула въ сторону за уголъ намѣченной избы. Быстро добѣжавъ до калитки дома, я, къ своему ужасу, увидѣла на ней замокъ. Остановилась въ нерѣшимости. Въ это время я замѣтила фигуру женщины, приближающуюся ко мнѣ.

— Гдѣ домъ Мареы?—поспѣшно спросила я.

— Да я сама Мареа и есть; а что тебѣ?

— Привѣтъ отъ Ивана,—сказала я условленный пароль.

Услышавъ это, старуха быстро отперла калитку и провела меня, въ домъ въ заднюю комнату. Едва я успѣла въ нѣсколькихъ словахъ разсказать Мареѣ о своемъ побѣгѣ, какъ послышался стукъ въ калитку. Хозяйка побѣжала отворять, и черезъ нѣсколько секундъ я услышала голоса товарищей и стражи, ввалившихся въ избу.

— А гдѣ же барышня?—послышался недоумѣвающій голосъ урядника.

Я оглянулась кругомъ. Ни бѣжать, ни спрятаться не было никакой возможности. Тогда возможно болѣе веселымъ голосомъ я откликнулась:

— Да я здѣсь, у печки грѣюсь,—и неохотно вышла въ горницу изъ своего убѣжища. Урядникъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня, но ничего не сказалъ. Этапъ былъ пересчитанъ, всѣ оказались на лицо. Изъ разговоровъ съ товарищами, я узнала, что этапъ попалъ въ избу Мареы случайно; они упросили урядника заночевать въ крестьянской избѣ, а Мареинъ домъ былъ одинъ изъ ближайшихъ къ этапкѣ.

Положеніе мое было не изъ пріятныхъ. Во-первыхъ, я оказалась «замѣченной»; во-вторыхъ, если здѣсь бѣжать не удастся, то слѣдующаго случая надо ждать еще 120 верстъ, гдѣ у меня тоже были явки. Рѣшила попытать еще разъ здѣсь.

Въ качествѣ «подстаросты» нашей группы я со «старостой» (товарищемъ Николаемъ, тоже собиравшимся бѣжать) пошла по деревнѣ покупать припасы на ужинъ, подъ конвоемъ стражника и сотскаго. Не найдя въ лавкѣ ни яицъ, ни молочныхъ продуктовъ, я попросила сотскаго походить со мной по избамъ. Такъ какъ планъ этого станка мною былъ полученъ еще раньше, то, зайдя въ нѣсколько домовъ, я скоро попала въ нужную мнѣ избу. Войдя туда, я увидѣла высокую женщину съ симпатичнымъ лицомъ. По данному мнѣ описанію, я сразу догадалась, что это та женщина, которую я искала. Сначала поговорили о мелочахъ; я спросила яицъ и творогу. Когда мой стражъ заговорилъ о чемъ-то съ мальчикомъ, бывшимъ здѣсь же въ избѣ, то я тихо сказала хозяйкѣ:

— Привѣтъ отъ Ивана.

Услышавъ это, она громко сказала мнѣ:

— Поди-ка сюда, касатка, я дамъ тебѣ свѣжихъ яичекъ, а ты, Вавила, подожди здѣсь съ Митяемъ,—обратилась она къ сотскому, котораго хорошо знала.

Мы вошли въ кухню, и здѣсь я коротко разсказала ей о своей неудачѣ. Уговорились на счетъ нынѣшней ночи, такъ какъ я снова намѣревалась попытать счастья.

— Вотъ жаль, хозяина нѣтъ,—замѣтила она при окончаніи разговора:—а то бы онъ живо увезъ тебя. Придется обождать теперь нѣсколько дней.

Съ новыми надеждами я вернулась на ночевку.

Поужинавъ, всѣ легли спать, за исключеніемъ «часового», сидѣвшаго на порогѣ передней. Въ передней расположилась и остальная стража, кромѣ десятскаго Савина. Въ гор-

ницѣ на полу улеглись товарищи, а передъ дверью въ кухню растянулся Савинъ. Хозяева заняли полати, выходившія одной стороной въ кухню, другой — въ переднюю. Я примостилась въ кухнѣ на кадушкѣ. Постель была не изъ удобныхъ, но мнѣ и не слѣдовало спать, если я хотѣла бѣжать. Однако, утомленная предыдущими безсонными ночами и неудачей послѣдняго дня, я не выдержала и заснула, какъ мертвая...

Вдругъ, чувствую, кто-то тихо дергаетъ за руку и шепчетъ:

— Пора, торопись, а то будетъ поздно. Вишь, какъ луна-то свѣтитъ.

Я вскочила, спросонья хорошенько не понимая, гдѣ я и что случилось. Вижу лицо старушки-хозяйки, опомнилась.

— Ладно, спасибо,—отвѣтила я тихо:—сейчасъ попытаю.

Она снова влѣзла на полати. Немного спустя, накинувъ на плечи теплый пуховый платокъ и захвативъ рукавицы, я выглянула въ горницу. Осторожно переступая черезъ спящихъ товарищей и стражу, вышла во дворъ. Сотскій, сидѣвшій попрежнему на порогѣ, преспокойно пріоткрылъ дверь. Нечего дѣлать, вернулась обратно. Легла опять. Слышу, встаетъ Николай. Выходитъ; сотскій за нимъ. Вернулись. Николай легъ. Черезъ нѣсколько минутъ, услышавъ, что хозяйка разговариваетъ съ сотскимъ, я вышла снова, оставивъ дверь немножко открытой. Однако вижу, сотскій поглядываетъ на меня. Постоявъ немного за дверью, возвратилась снова въ кухню. Прошло еще нѣсколько томительныхъ минутъ. Услышавъ, наконецъ, что сотскій втянулся въ разговоръ съ хозяйкой, я еще разъ вышла во дворъ, затворивъ за собой дверь. Постоявъ нѣсколько мгновеній и слыша, что разговоръ въ избѣ не обрывается, я тихо прокралась къ воротамъ и отворила калитку. Она такъ ужасно заскрипѣла, что я невольно замерла на мѣстѣ. Однако, нельзя было терять времени. Плотно прикрывъ калитку, я вышла на волю. Ночь была ясная, свѣтлая, морозная... Не теряя ни секунды, я изо-всѣхъ силъ побѣжала къ Настасьиной избѣ. На мой стукъ калитка моментально открылась, и Настасья провела меня въ избу.

— Куда жъ тебя спрятать-то?—поспѣшно сказала Настасья:—развѣ вотъ что: пойдемъ въ клѣтушку.

Мы прошли въ клѣтушку, устроенную во дворѣ. Тамъ стоялъ верстакъ, желѣзная печка, и валялась цѣлая гора стружекъ.

— Плотникъ здѣсь лѣтомъ у насъ живетъ,—пояснила Настасья, видя, что я оглядываюсь кругомъ.—Вотъ я затоплю тебѣ печку, теплѣе будетъ.

— Что вы, Настасья,—воскликнула я:—вѣдь мы сейчасъ же и попадемся, какъ только вы затопите—дымъ будетъ виденъ.

— И то, твоя правда,—согласилась она:—Какъ же быть-то? Въ избѣ нельзя... вотъ на сѣновалъ развѣ? Да холодно будетъ.

— Ну ужъ, до холоду ли тутъ?—невольно усмѣхнулась я:—лишь бы спрятаться получше. Утромъ вѣдь уйдутъ они, а тамъ ужъ безопасно.

— Да и то, недолго подождать-то. На-вотъ, накинь зипунъ, потеплѣе будетъ.

Она сняла зипунъ съ плечъ и накинула на меня. Мы прошли на сѣновалъ, бывшій рядомъ во внутреннемъ дворѣ; только невысокимъ плетнемъ отдѣлялся онъ отъ свиного хлѣва. Быстро взобравшись на сѣновалъ, мы живо разрыли сѣно, и я легла. Настасья завалила меня сѣномъ и хорошенько притоптала его, чтобы не видно было и слѣдовъ.

— Хорошо-ль тебѣ?

— Хорошо, хорошо, Настасья, уходите скорѣй въ избу.

— Ну, лежи, спаси тебя Господь, авось утречкомъ уведу тебя отсюда. Лишь бы не замѣтили они твоего ухода сейчасъ. Батюшки,—выкликнула вдругъ она, прерывая себя:—да я забыла калитку на болтъ заложить,—и она поспѣшно побѣжала къ воротамъ.

Все затихло. Только свиньи, вѣроятно чувствуя присутствіе посторонняго, сердито похрюкивали. Лежать было холодно—стояли рождественскіе морозы.

Между тѣмъ, въ домѣ Марѳы, какъ я узнала потомъ, происходило слѣдующее. Когда я вышла, сотскій продолжалъ мирно бесѣдовать съ хозяйкой. Только услышавъ скрипъ калитки, онъ встрепенулся.

— Хозяйка, а что это ворота, словно, скрипнули?

— Да калитку на ночь забыла запереть, слышь, какой вѣтеръ-то!

— А гдѣ жъ «политика-то»? — снова забезпокоился сотскій.

— Да полно сумлѣваться-то. Знамо, дѣло дѣвичье, стѣсняется, вотъ и закрыла дверь-то.

Онъ какъ-будто успокоился, и разговоръ продолжался. Неожиданно вскочилъ Савинъ.

— Да ты бы пошелъ, посмотрѣлъ, не убѣжала бы дѣвка-то. Ишь, сколько времени ея нѣтъ.

Сотскій пріоткрылъ дверь.

— «Политика», а «политика»!—позвалъ онъ.

Отвѣтомъ было молчаніе.

— Да она убѣжала, проклятая, — воскликнулъ Савинъ и вмѣстѣ съ сотскимъ и не спавшими хозяевами бросился во дворъ.

Не найдя никого, выбѣжали за ворота. По выпавшей вечеромъ порошѣ отчетливо виднѣлся мой слѣдъ, идущій къ тракту. Дойдя по нимъ до тракта и замявъ ихъ своимъ безсмысленнымъ топтаньемъ, они остановились, такъ какъ по тракту былъ видѣнъ свѣжій слѣдъ отъ полозьевъ.

— Значитъ, дѣвку увезли,—рѣшилъ сотскій.

— Должно, что такъ,—поддакнула хозяйка:—то-то давеча колокольцы-то прозвенѣли. Говорятъ, Воросинскія бабы здѣсь на ночь-то останавливались,—поди, съ ними и уѣхала.

Потоптавшись и поахавъ еще немного, они повернули къ дому и тутъ только спохватились, что впопыхахъ забыли разбудить «начальство». Урядникъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, прежде всего разругалъ стражей за то, что не разбудили его раньше. Затѣмъ, поднявъ остальныхъ, пересчитали этапъ. Вышли снова на улицу. Урядникъ все время ругался, что затоптали слѣды. Внимательно разглядывая дорогу, онъ, наконецъ, напалъ на слѣдъ, идущій черезъ трактъ. Пошли по слѣду, который привелъ ихъ прямо къ Настасьиной избѣ... Сильный стукъ въ ворота. Слышу голосъ хозяйки:

— Кто тамъ? Что надо?

— Политическую ищемъ, бѣжала не больше четверти часа назадъ. Слѣдъ къ себѣ ведетъ; впусти обыскать избу,—послышался голосъ изъ-за воротъ.

— Какъ бы не такъ!—возражаетъ Настасья. — Я одна— такъ и впущу васъ ночью-то. Разворуете все, а потомъ и ищи. Хочешь обыскивать—выкладывай сто рубликовъ, а то жди до утра. Много васъ шатается!

Ничего не добившись отъ Настасьи, урядникъ разставилъ понятыхъ у всѣхъ избъ, въ которыя я заходила наканунѣ вечеромъ, и перевернулъ все вверхъ дномъ въ домѣ Мареы, отыскивая меня...

Время тянулось медленно. Я продолжала лежать въ сѣнѣ, постепенно отмораживая руки и ноги. Несмотря на теплую одежду, бывшую на мнѣ, я застывала, такъ какъ нельзя было согрѣться движеніемъ...

Меня разбудилъ громкій стукъ въ ворота. Слышу голоса:

— Отворяй, съ обыскомъ идемъ!

Каждый звукъ въ морозномъ воздухѣ отчетливо доходитъ

до меня. Топотъ ногъ и голоса замираютъ. Вошли въ домъ. Мучительно лежать безъ движенія, ничего не предпринимая... Выходятъ изъ дому. Роются въ лѣтней клѣтушкѣ. Входятъ во внутренній дворъ.

— Хозяйка, подай-ка вилы! — раздается зычный голосъ урядника.

— Да у меня и вилъ-то нѣту, родимый,—слышится добрый, но словно немножко взволнованный голосъ Настасьи.— Вчера въ починку отдала.

— Митяй, бѣги къ сосѣдямъ за вилами,—командуетъ урядникъ.—А пока, ребята, шарь кругомъ, да лучше.

Слышу, какъ они переговариваются между собой, осыпая меня бранью и возмущаясь тѣмъ, что убѣжала «дѣвка».

— Диви бы парень, а то дѣвка!

— Кабы хоть съ леворвертомъ, а то на — съ пустыми руками!

— И гдѣ только спряталась!

— Ну, ужъ кабы найти!—слышится лестное обѣщаніе.— Бока бы намяли проклятой! Стала бы знать, какъ бѣгать!

И опять обрушиваются на сотскаго за глупость.

— Дѣвку не смогъ услѣдить.

— Хозяйка, сказала бы добромъ, гдѣ политическая-то спряталась,—убѣждаетъ урядникъ.—Все равно вѣдь найдемъ.

— Да что ты ко мнѣ присталъ, прости Господи! Гдѣ я тебѣ ее возьму!

— У тебя она должна быть. Слѣды-то, чай, къ тебѣ вели.

— Каки-таки слѣды?!

— Знамо дѣло, ея слѣды. Видно было, что отъ маленькихъ пимовъ.

— Отъ маленькихъ пимовъ! А Митяйка-то у меня большой, что ли? Чай-вѣдь, парнишкѣ двѣнадцатый годокъ только. Вечоръ у писаря былъ, съ его дѣвчонкой въ карты игралъ. Вернулся по порошѣ поздно—слѣды-то и остались. Спроси хошь писаря...

Принесли вилы. Чувствую, взбираются на верхъ сѣновала.

— Эй, вы! Ворошите сѣно лучше!—распоряжается урядникъ.—Начинай съ краю.

— Неча жалѣть—садни вилами-то въ бокъ, — грохочетъ кто-то, приправляя свои слова бранью.

— Ну, ты... ужъ скажешь. Чать, тоже человѣкъ. Хоть и бѣжала, а все жъ...—заступается другой.

Чувствую, какъ ходятъ по сѣновалу. Прошли одинъ край... Приближаются къ серединѣ. Мнѣ стало жарко, жарко... Ходятъ по мнѣ. Кто-то, стоя на мнѣ, прощупываетъ вилами сѣно... Еще... мимо бока... Безсознательно прикрываю руками лицо. Чувствую, какъ вилы жукнули по рукавицѣ...

— Да здѣсь Жучка,—какъ бы въ отдаленіи раздается голосъ,—ишь, куда собаченка забралась...

Очнулась. Голоса уже слышатся у другого конца сѣновала. Чувство радости охватываетъ меня, и хочется смѣяться. «Ищите, ищите»,—думается мнѣ,—«а я здѣсь».

Потеряла ли я сознаніе или заснула,—не знаю. Опомнилась, когда кругомъ уже было тихо. Ныли руки и ноги.

Какъ долго я здѣсь лежала,—опредѣлить не могла. Хотѣлось вытянуться, согрѣться и заснуть...

Слышу шепотъ:

— Жива-ль, болѣзная?

Осторожно раскапываю сѣно,—вижу лицо хозяйки.

— Жива, жива,—шепчу и я:—какъ дѣла?

Она дѣлаетъ мнѣ знакъ молчать и, пригнувшись къ сѣну разсказываетъ:

— А изверги-то ушли, съ этапомъ уѣхали. Дали знать становому. А этотъ дьяволъ, Савинъ-то, все бродитъ кругомъ: «у тебя-де дѣвка». Всѣ дворы, родимая, перерыли. И-и, что было! Ужъ и испугалась я, какъ вилы взяли. Что-то будетъ, думаю. Ну, лежи. На бараночекъ, пожалуй,—отощала поди...

— Да сколько же времени-то теперь?—перебила я ее.

— Ужъ пообѣдали. Вотъ стемнѣетъ — переведу тебя въ другое мѣсто. Ну, я побѣгу.

Лежу и отъ нечего дѣлать лѣниво соображаю, что уже шестнадцать часовъ, какъ я здѣсь. Все кажется далекимъ: тюрьма, этапъ, побѣгъ. Не вѣрится, что свободна...

Опять шепотъ, но уже болѣе спокойный:

— Вставай, касатка. Ушелъ чортъ-то. Парни обѣщали шею ему свернуть, коли будетъ по избамъ шнырять.

Съ помощью Настасьи выбираюсь изъ сѣна, но идти сразу не могу. Тѣло одеревенѣло, да и руки и ноги, должно быть, обморожены. Она перевела меня въ теплушку рядомъ со свинымъ хлѣвомъ. Тамъ было теплѣе, и находились ея «хозяева»: корова съ маленькимъ теленкомъ. Мнѣ принесли горячаго молока, баранокъ, письма отъ товарищей и наказали сидѣть тихо, пока всѣ не угомонятся—тогда переведутъ въ избу.

Когда совсѣмъ стемнѣло, пришла Настасья.

— Ну, теперь можно и въ избу. Только не знаю, куда положить тебя. Подполье у насъ большое—раньше мы виномъ торговали—да только много мышей тамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—воскликнула я:—куда угодно, только безъ мышей!

Остановились на «свѣтлой» половинѣ дома. Настасья набросала подъ парадную кровать подушекъ, уложила меня тамъ и заставила большими бутылями водки. Затопила желѣзную печку. Тепло, хорошо было лежать здѣсь послѣ сѣновала, хотя и тѣсно.

Время тянулось медленно. Полученныя вѣсти были нерадостны: поставлена стража съ обоихъ концовъ станка, да и въ ближайшемъ къ городку—также.

Прошло нѣсколько дней. Я стала похаживать по вечерамъ по дому свободнѣе. Однажды хозяйка предложила мнѣ перемѣнить мѣсто и перейти на полати на черную половину, теплѣе будетъ. Послушалась. Лежу на полатяхъ. Жарко, душно, запахъ прѣлаго платья. Вечеръ. Слышу, кто-то входитъ. Осторожно выглядываю. Знакомое лицо—сотскій,—что ему надо?.. Поговоривъ о чемъ-то съ хозяйкой, онъ отвелъ ее въ сторону къ печкѣ и началъ уговаривать:

— Настасья, выдай дѣвку, у тебя она... Иль все равно, ты знаешь, гдѣ она. Заходила вѣдь она тогда и къ тебѣ, и къ другимъ и о чемъ-то разговаривала. Выдай. Что тебѣ въ расейской? А мнѣ одна непріятность. Становой велѣлъ розыскать ее, тюрьмой все грозитъ, дѣвку не услѣдили!

Съ замираніемъ сердца я прислушивалась, что будетъ дальше.

— Что ты ко мнѣ присталъ? Гдѣ я возьму тебѣ дѣвку? Она приходила ко мнѣ за яйцами и творогомъ. Уходи ты отъ грѣха. Вотъ мужъ-то вернется, онъ вамъ задастъ — валить на меня. Сами не услѣдили, а теперь на насъ. Спрашивали бы съ Савина: кто это ему повѣритъ, что дѣвка убѣжала сама по себѣ?

Такъ сотскій и ушелъ ни съ чѣмъ, я же снова перешла на свою прежнюю квартиру подъ кроватью.

На другой день прибѣгаетъ Митяй и разсказываетъ, что въ деревню пріѣхалъ становой и, призвавъ сотскаго и Савина, ужасно на нихъ кричалъ и все поминалъ тюрьму.

— Ребята съ улицы подслушали, а завтра, слышь, опять въ тѣхъ избахъ обыскъ будетъ, гдѣ ты вечеромъ тогда была.

Видя, что дѣло принимаетъ дурной оборотъ, мы порѣшили

нынче же вечеромъ собраться и обсудить, что предпринять. На нашъ совѣтъ подъѣхалъ мужъ Настасьи, которому въ краткихъ словахъ разсказали о положеніи дѣлъ.

Былъ составленъ такой планъ кампаніи: сейчасъ же, какъ только мужъ Мареы успѣетъ наложить возъ сѣна, онъ выѣдетъ съ нимъ по тракту; а въ это время Никифоръ, молодой мужикъ изъ этого же станка, подъѣдетъ къ нашему дому, и меня положатъ къ нему въ пошевни и прикроютъ рогожей; мы должны затѣмъ пересѣчь трактъ, выѣхать на рѣку и мчаться по зимнему пути вдоль Енисея.

Всѣ разошлись, а я начала переодѣваться въ костюмъ чалдонскаго мальчишки. Взглянула въ зеркало—прекрасно: маленькій чалдонъ лѣтъ 12—14 съ обвѣтреннымъ загорѣлымъ грязнымъ лицомъ. Сама съ трудомъ узнаю себя въ этой чуждой одеждѣ.

Стоимъ во дворѣ у воротъ. Слышно—ѣдетъ возъ, звенитъ колокольчикъ. Значитъ, мужъ Мареы ужъ выѣхалъ. Сердечно прощаюсь съ хозяевами: едва ли больше увидимся когда. Нѣсколько минутъ ожиданія... Скрипъ полозьевъ у воротъ. Пора. Тихо открываютъ ворота. Меня поднимаютъ на воздухъ сильныя руки хозяина и опускаютъ на дно пошевней. Быстро опускается надо мной рогожа, и мы несемся прямо къ рѣкѣ. Мчимся безостановочно по Енисею. Стража, занятая въ это время разбрасываніемъ сѣна съ воза, въ поискахъ «дѣвки», не замѣтила насъ.

Наконецъ, я получила возможность вылѣзти изъ-подъ рогожи. Кругомъ тайга, яркія, громадныя звѣзды... Но вотъ раздается голосъ возницы:

— Ложись скорѣй!

Опять опасное мѣсто: въ этомъ станкѣ тоже стража. Благополучно миновали и ее. Теперь бы поскорѣй пріѣхать въ городишко. Хочется отдыха, чистоты и тепла...

Рано утромъ пріѣхали въ Енисейскъ. Все еще спитъ. Только вдали виднѣются разъѣзды казаковъ: городъ на военномъ положеніи. Долго блуждаемъ по улицамъ. Мой возница бывалъ здѣсь рѣдко и плохо знаетъ городъ. Наконецъ, добрались до нужнаго мнѣ дома. Стучимъ.

— Кого надо?—слышится грубый голосъ, и изъ калитки выглядываетъ здоровый дѣтина.

— Здѣсь живетъ Семенъ Иванычъ?—спрашиваетъ мой возница.

— Здѣсь, а что?

— Да намъ надо его, отопри ворота-то.

Вмѣсто отвѣта парень исчезаетъ, и вскорѣ въ калиткѣ появляется высокій старикъ.

— Сына вамъ надо?—обращается онъ къ возницѣ.—А зачѣмъ?

— Да вотъ, вишь, парнишку больного изъ села привезъ,—къ доктору, значитъ. Парень-то пріятель съ сыномъ твоимъ.

— А гдѣ-жъ парнишка? Выходи, что ли,—поглядывая на пошевни, зоветъ меня старикъ.

Онъ внимательно смотритъ на меня и, подойдя, тихо говоритъ:

— Вы Т.? Сынъ васъ ужъ нѣсколько дней поджидаетъ. Что долго не ѣхали? Ну, да потомъ объ этомъ. Отпустить возницу?..

Я прошу прежде дать ему стаканъ водки, такъ какъ мы сильно промерзли, а меня провести въ домъ. Еле держусь на ногахъ. Прощаюсь съ Никифоромъ и ухожу въ домъ, гдѣ меня встрѣчаетъ молоденькая дѣвушка, сестра Семена Ивановича. Съ ея помощью принимаю немножко другой видъ. Наскоро напившись чаю, разсказавъ старику, почему не могла пріѣхать раньше, сваливаюсь на указанную мнѣ постель.

Былъ уже давно день, когда я проснулась. Семенъ Ивановичъ былъ дома. Оказалось, у него остаться нельзя: много народу ходитъ, да и на замѣчаніи онъ. Онъ предложилъ перевести меня на одну квартиру, гдѣ уже жили нѣсколько человѣкъ бѣжавшихъ въ ожиданіи возможности выѣзда изъ Енисейска.

Приходимъ туда; встрѣчаю кой-кого изъ старыхъ тюремныхъ знакомыхъ. Компанія собралась пестрая. Анархистъ Н., максималистка и максималистъ изъ Петербурга, соціалистъ-революціонеръ, два соціалъ-демократа и я. Время проводили недурно. Анархистъ Н. читалъ лекціи; по обыкновенію, шли безконечные споры. Однако, намъ всѣмъ порядкомъ надоѣло сидѣть въ четырехъ стѣнахъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день узнаемъ, что можемъ двигаться. Рѣшили, что питерцы поѣдутъ гимназистами съ рождественскихъ каникулъ, соціалъ-демократы—чиновниками съ пріисковъ, эсъ-эръ—инженеромъ, а Н., имѣвшій длинные волосы и бороду и вообще представительную наружность—попомъ, я же—въ качествѣ его племянницы.

Вечеромъ я и Н. выѣхали изъ Енисейска со «своимъ» возницей. Чтобы не заѣзжать на казенныя станціи и не подвергаться ненужному риску, мы поѣхали «по веревочкѣ». Она состоитъ въ

томъ, что первый возница передаетъ насъ въ слѣдующемъ станкѣ «своему» же крестьянину, тотъ везетъ дальше, передаетъ опять «своему», и т. д. до самаго конца.

Тройки были у насъ славныя, и мы быстро подвигались впередъ. Казалось, все пройдетъ благополучно, лишь бы миновать большое село, находящееся на перекресткѣ двухъ трактовъ, гдѣ за проѣзжими было установлено наблюденіе. Для меня это было очень неудобно, такъ какъ въ этомъ селѣ нашъ этапъ пробылъ трое сутокъ, и случайная встрѣча могла разрушить нашъ планъ; но мы были покойны, надѣясь на «веревочку». Замороженная провизія въ видѣ рыбы, хлѣба, консервовъ у насъ была. Разсчитывали пробыть въ дорогѣ сутокъ четверо, останавливаясь на ночевки у «своихъ» крестьянъ. Однако, дѣйствительность разбила наши предположенія.

Пріѣзжаемъ передъ разсвѣтомъ въ одинъ станокъ къ намѣченной избѣ. Такъ какъ возница торопился домой, то мы тутъ же отпустили его. Входимъ въ избу. Встрѣчаетъ какой-то мальчуганъ.

— Вы—Сидоровы?—спрашиваю я и, получивъ утвердительный отвѣтъ, прошу позвать Никона.

— Да братъ въ отъѣздѣ,—отвѣчаетъ онъ.

Поднялась хозяйка, дѣвочка, еще кто-то. Видя, что они не понимаютъ, кто мы, пробую имъ объяснить:

— Мы отъ Семена Ивановича и очень торопимся ѣхать.

— А Никонъ-то раньше завтрашняго дня не вернется.

— Намъ нельзя ждать—мы политическіе,—дѣлаю послѣднюю ставку, но такъ же безуспѣшно. Видимо, ничего не понимаютъ, кромѣ того, что мы торопимся.

— Да я къ крестному сбѣгаю,—предлагаетъ мальчишка.

Ждемъ крестнаго. Приходитъ.

— Здравствуйте, батюшка,—обращается онъ къ Н., ожидая благословенія.

— Да дядя не батюшка, а дьяконъ,—поправляю я его, увѣренная, что Н. не сумѣетъ благословить, какъ слѣдуетъ.

— Да вы бы лучше переночевали здѣсь, а утречкомъ бы и поѣхали,—совѣтуетъ «крестный», очевидно, ничего не зная о «веревочкѣ».

Мы рѣшительно отказываемся и заявляемъ, что лучше поѣдемъ на казенныхъ. Это дѣлаетъ его болѣе сговорчивымъ, и онъ берется везти насъ.

— Да у васъ своя кошева-то?—спрашиваетъ онъ, уходя запрягать.

Я нетерпѣливо объясняю ему, что ѣдемъ на перекладныхъ,

такъ какъ о. дьякона неожиданно вызвали въ приходъ; что гостили въ городѣ у нашего родственника, протоіерея, а вещи наши высылаютъ вслѣдъ за нами...

Наконецъ, выѣхали. Утромъ пріѣхали въ слѣдующій станокъ и прямо къ казенной избѣ. Оказывается, пріятель «крестнаго» завѣдуетъ почтовой станціей. Мы стараемся поскорѣй разстаться съ «крестнымъ» и просимъ побыстрѣй закладывать, такъ какъ намъ некогда. На предложеніе попить чайку и отдохнуть, рѣшительно отказываемся. Перекладывая вещи, ямщикъ не можетъ не высказать своего удивленія на счетъ легкости нашего багажа. И снова приходится повторять разсказъ. Нервы напряжены: неосторожное движеніе—и съ насъ могутъ потребовать бумаги, а у насъ ихъ нѣтъ. Н. почти все время молчитъ, и, входя въ горницу, забываетъ молиться; приходится напоминать. Насъ выручаетъ священническая одежда Н., богатая оленья доха и шапка на мнѣ, да великолѣпное плюшевое одѣяло, употребляемое въ дорогѣ богатыми. Закрывая кошеву, оно дѣлаетъ выѣздъ болѣе приличнымъ.

Пока ѣхали благополучно, но предстояло еще проѣхать опасное село, и какъ разъ днемъ. На послѣднемъ станкѣ передъ селомъ мы предложили ямщику проѣхать не останавливаясь до слѣдующаго станка, и обѣщали хорошо заплатить на чай. Но онъ отказался, объяснивъ, что у нихъ нѣтъ обычая везти по два станка. Дѣлать нечего, пришлось положиться на счастье.

Подъѣзжая къ селу, видимъ вдали фигуру. Мальчишка-ямщикъ объясняетъ намъ, что это урядникъ.

— Его поставили политическихъ ловить,—весело добавляетъ онъ.

Благодарю покорно. Я вытягиваюсь въ кошевѣ, закутанная въ мѣхъ, и закрываю глаза, а Н. расправляетъ свои великолѣпные волосы и принимаетъ важную позу. Подъѣзжаемъ къ перекрестку. Слегка пріоткрываю глаза. Вижу, урядникъ снялъ шапку и почтительно раскланивается съ духовной особой. Миновали еще непріятность.

День былъ воскресный, и мы могли не достать лошадей. На наше счастье, произошелъ небольшой инцидентъ. Мальчишка, разогнавъ лошадей, не смогъ справиться съ ними и отъ сильнаго толчка вылетѣлъ изъ саней, а лошади понесли подъ гору. Минута была критическая, но Н. не растерялся и, схвативъ возжи, остановилъ тройку. Въ благодарность, ямщикъ отвезъ насъ къ своей роднѣ, и намъ безъ всякихъ проволочекъ смѣнили лошадей. Дальше ужъ мы ѣхали безъ всякихъ приключеній.

Весь путь отъ Енисейска до Красноярска мы проѣхали вмѣсто четырехъ сутокъ, какъ предполагали, въ 44 часа. Хотя у насъ была съ собой ѣда, но ни ѣсть, ни пить не пришлось за все это время. Показывать свои скромные съѣстные припасы постороннимъ людямъ было неудобно, такъ какъ видъ ихъ могъ внушить имъ подозрѣніе: духовное лицо (т. е. богатый), а ѣда покупная. Поэтому, потерявъ «веревочку», мы рѣшили лучше попоститься до Красноярска.

Пріѣхавъ въ Красноярскъ, мы разстались на постояломъ дворѣ, и я отправилась по бывшимъ у меня адресамъ. Проживъ нѣкоторое время въ Красноярскѣ и раздобывъ бумаги, я выѣхала въ Россію. Путешествіе совершилось безъ особыхъ приключеній, и я скоро очутилась на старыхъ мѣстахъ.

Началась нелегальная жизнь по разнымъ городамъ и весямъ Руси. Въ одинъ далеко непрекрасный день я замѣтила слѣжку за своей квартирой. Сначала я думала, что ошибаюсь, но шпики не отступали отъ воротъ. Я постаралась уйти отъ нихъ, подаривъ имъ свою квартиру, которая была открыта дня черезъ два послѣ моего исчезновенія. Положеніе создалось для меня такое, что я рѣшила перекочевать въ Европу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ провала квартиры я выѣхала въ Польшу, чтобы пробраться черезъ границу.

Попавъ въ руки контрабандистовъ, я вполнѣ довѣрилась имъ, разсчитывая на быструю и легкую переправу. Однако, контрабандистъ сообщилъ мнѣ, что теперь многія границы провалены, и придется верстъ семь идти въ обходъ. На границу надо поспѣть до шести часовъ вечера, т. е. до вечерняго обхода. Я, разумѣется, на все согласилась.

На условленной станціи мы вышли изъ вагона: я, контрабандистъ и еще какой-то молодой человѣкъ, тоже пробиравшійся за границу.

Стояла уже глубокая осень. Я была тепло одѣта; идти въ шубѣ было трудно, а между тѣмъ, приходилось торопиться. Особенно непріятны были переходы черезъ лѣсныя поляны. Такъ и кажется—вотъ-вотъ изъ постового домика выскочатъ солдаты и перехватаютъ насъ.

Пришли къ границѣ уже около шести. Контрабандистъ велѣлъ намъ притаиться, такъ какъ мы опоздали и должны дождаться окончанія обхода патрулей. Лежимъ. Становится холодновато, и обмороженныя въ Сибири руки даютъ себя чув-

ствовать. Особенно непріятенъ сыроватый снѣгъ, а кое-гдѣ и лужицы воды... Идетъ патруль. Мы притаились. Въ наступившихъ сумеркахъ наши силуэты трудно отличить отъ мховыхъ бугорковъ, которыхъ здѣсь такъ много. Гулко раздаются голоса солдатъ. Что-то треснуло. Солдаты остановились, прислушиваются. Идутъ дальше...

Контрабандистъ, извиваясь, какъ змѣя, ползетъ къ опушкѣ и дѣлаетъ намъ знакъ слѣдовать за нимъ. Полземъ и мы. Только плохо удается это намъ: задѣваемъ сухіе листья, сучки и невольно производимъ шумъ. Чуть не каждую секунду приходится замирать. При малѣйшемъ шумѣ контрабандистъ свирѣпо грозитъ намъ рукой, призывая къ тишинѣ. Вотъ и конецъ лѣса. Остается только перебѣжать небольшую просѣку, чтобы попасть въ германскій лѣсъ. Неожиданно контрабандистъ поднимается, сосѣдъ также. Они бросаются черезъ просѣку. Я хочу также быстро вскочить, но мѣшаетъ шуба. Солдаты уже замѣтили и бѣгутъ съ постовъ. Стою. Контрабандистъ махаетъ рукой: скорѣй, скорѣй. Бѣгу. Слышны крики солдатъ. Трескъ...

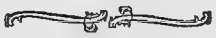
Я на чужой территоріи. Меня подхватываютъ подъ руки съ обѣихъ сторонъ, и мы бѣжимъ. Вѣрнѣе, бѣгутъ они, а я мотаюсь между ними, такъ какъ нѣтъ уже силъ...

Опасность миновала. Голоса солдатъ замираютъ вдали.

— Ну, барышня, со свободой васъ!—поздравляетъ контрабандистъ.—Чуть не отправились на тотъ свѣтъ.

Я лежу въ лѣсу,—отдыхаю. Свобода!

Е. Тава.



ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ВТОРОЙ ИМПЕРІИ.

Разсказъ Эмиля Оливье о послѣднихъ дняхъ его министерства [1]) вноситъ новыя любопытныя черты въ исторію печальнаго конца второй имперіи во Франціи. Престарѣлый авторъ,—которому исполнилось уже 86 лѣтъ,—не щадитъ самого себя въ своихъ разоблаченіяхъ и, повидимому, не всегда отдаетъ себѣ отчетъ въ принципіальной важности тѣхъ выводовъ, которые могутъ быть сдѣланы изъ его признаній.

Первыя неудачи на театрѣ войны раскрыли все внутреннее ничтожество и безсиліе режима, угнетавшаго лучшія передовыя силы страны. «Либеральная эра», возвѣщенная министерствомъ Оливье, едва коснулась поверхности политической жизни и не измѣнила ни коренныхъ основъ правительственной дѣятельности, ни принциповъ и пріемовъ администраціи, ни нравовъ и понятій придворныхъ сферъ. Увлекшись надеждою завладѣть враждебными силами и дать имъ новое направленіе, Эмиль Оливье постепенно и незамѣтно приспособлялся къ нимъ, старался пріобрѣсти и укрѣпить ихъ довѣріе, забылъ свои широкіе, самоувѣренные планы и сдѣлался соперникомъ и сообщникомъ старыхъ фаворитовъ императора. Онъ пассивно шелъ по теченію, подчиняясь окружающимъ вліяніямъ и прикрывая свою слабость красивыми, звонкими словами. Онъ вѣрилъ, какъ и всѣ заурядные французы, въ неминуемое торжество французскаго оружія, и, повидимому, раздѣлялъ энтузіазмъ близорукихъ патріотовъ по поводу отъѣзда Наполеона III къ арміи, для исполненія обязанностей главнокомандующаго. Только впослѣдствіи, когда событія приняли роковой оборотъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что, удру-

[1]) Revue des deux Mondes, 15 апрѣля—15 іюня 1912: La guerre de 1870, См. «Вѣстникъ Европы», 1909, іюль: «Конецъ либеральной имперіи».

ченный болѣзнями, постоянно колеблющійся въ своихъ рѣшеніяхъ императоръ совершенно не годился для роли полководца.

Пораженія 6-го августа при Вертѣ и Форбахѣ объяснялись громаднымъ численнымъ превосходствомъ непріятеля; то же численное превосходство преслѣдовало французовъ повсюду, гдѣ они сталкивались съ нѣмцами,—ибо французскія войска были искусственно раздроблены на большихъ разстояніяхъ, вдоль германской границы, по какому-то непонятному плану, выработанному подъ личнымъ руководствомъ императора. «Каждая изъ битвъ 1870-го года,—говоритъ Оливье,—заставляетъ насъ искать реальную причину нашихъ пораженій въ Мецѣ, въ этомъ отсутствіи всякаго пониманія и всякой сознательной воли въ главной квартирѣ». Одни распоряженія смѣнялись другими, противоположными; отдѣльныя части арміи передвигались то въ ту, то въ другую сторону, и вскорѣ обнаружилась такая неурядица въ ходѣ военныхъ дѣйствій, что всѣ потеряли голову. Наполеонъ III хотѣлъ сосредоточить свои силы около Меца и затѣмъ отступить къ Шалону; маршалъ Лебефъ горячо убѣждалъ его встать лично во главѣ войскъ и смѣло начать наступленіе, но императоръ отвѣчалъ уклончиво, откладывалъ рѣшеніе подъ разными предлогами и наконецъ, поздно вечеромъ 6-го августа, закрылъ засѣданіе словами: «до завтра». Лебефъ былъ въ отчаяніи; онъ сдѣлалъ послѣднюю попытку—бросился вслѣдъ за императоромъ въ его комнату, вновь повторилъ свои доводы, но скоро вернулся и воскликнулъ: «ничего нельзя добиться!» Принцъ Наполеонъ совѣтовалъ идти спать. Въ это время появился прибывшій изъ Форбаха депутатъ Жеромъ Давидъ, и императоръ услышалъ отъ него то же самое, что говорилъ Лебефъ—о необходимости скорѣйшаго движенія впередъ. Лебефъ воспользовался этой неожиданной поддержкой, и на этотъ разъ императоръ уступилъ; рѣшено было на слѣдующій день ѣхать въ Сентъ-Авольдъ, куда уже направляется гвардія; Ладмиро присоединится къ Базэну, и Наполеонъ III немедленно предприметъ наступательныя дѣйствія. Въ главной квартирѣ чувствуется подъемъ настроенія. Императоръ телеграфируетъ Базэну: «Я направляюсь къ центру позиціи». Лебефъ, съ своей стороны, даетъ знать, что «предстоитъ серьезное усиліе» и что «большое сраженіе неизбѣжно». Рано утромъ Наполеонъ III со свитой садится въ вагонъ, какъ было условлено. Ему подаютъ телеграмму, въ которой сообщается объ отсутствіи свѣдѣній о Фроссарѣ. Онъ обращается съ упрекомъ къ Лебефу: «Вы видите, что меня чуть не заставили сдѣлать ложный шагъ;

непріятель не дастъ намъ времени собраться и идти впередъ; нужно сосредоточиться около Меца». И онъ покинулъ вагонъ желѣзной дороги, поручивъ Лебефу ознакомиться лично съ положеніемъ дѣлъ у Базэна въ Сентъ-Авольдѣ и сдѣлать потомъ надлежащій докладъ. Войскамъ, направленнымъ уже къ Сентъ-Авольду, былъ посланъ приказъ идти обратно, чтобы собраться около Меца. Не дожидаясь доклада Лебефа, императоръ непосредственно отъ себя принялъ всѣ приготовительныя мѣры къ отходу арміи на Шалонъ и назначилъ командирамъ отдѣльныхъ частей соотвѣтственные маршруты. Узнавъ объ этомъ по возвращеніи въ главную квартиру, Лебефъ просилъ объ отставкѣ и предлагалъ остаться лишь простымъ исполнителемъ распоряженій императора. Императоръ согласился уволить его только отъ должности военнаго министра, но не отъ должности начальника главнаго штаба.

Приближенные стали задавать себѣ щекотливый вопросъ: что дѣлать съ императоромъ? Возможно ли оставить его во главѣ арміи? Генералъ Кастельно взялся поговорить съ нимъ объ отъѣздѣ въ Парижъ, съ передачей функцій главнокомандующаго другому лицу. Онъ сослался на примѣръ его дяди, который въ 1812-мъ году не поколебался покинуть армію и возвратиться въ Парижъ. «Я думалъ объ этомъ,—возразилъ императоръ,—но это невозможно. Мой дядя возвращался въ Парижъ послѣ нѣсколькихъ побѣдъ и занятія Москвы; а я еще не далъ сраженія и не могу послѣдовать его примѣру». Въ эту минуту вошелъ въ комнату императорскій принцъ; императоръ посадилъ его къ себѣ на колѣни и сказалъ: «я хочу чтобы ты былъ судьею въ этомъ вопросѣ». Выслушавъ, о чемъ спорили старшіе, мальчикъ воскликнулъ: «Но вѣдь это невозможно,—вернуться домой безъ битвы. Это было бы позорно!» И эти дѣтскія слова рѣшили споръ. Сравнивая свое положеніе съ дѣйствіями своего дяди въ 1812-мъ году, Наполеонъ III забылъ упомянуть, что его дядя былъ великій полководецъ, присутствіе котораго въ арміи давало всегда огромный шансъ побѣды, тогда какъ племянникъ ничего не понималъ въ практикѣ военнаго дѣла и вносилъ только разстройство и путаницу въ положеніе арміи.

Планъ отступленія къ Шалону вызвалъ столько возраженій съ разныхъ сторонъ, что императоръ рѣшилъ обсудить его въ военномъ совѣтѣ, вечеромъ 7-го августа. Послѣ долгихъ совѣщаній рѣшено было опять отмѣнить данные приказы и сосредоточиться въ Мецѣ, о чемъ императоръ сообщилъ въ Па-

рижъ императрицѣ-регентшѣ въ успокоительномъ тонѣ. Между тѣмъ, войска безцѣльно переходили съ мѣста на мѣсто, взадъ и впередъ, подчиняясь перемѣнчивымъ предписаніямъ; всѣ видѣли, что арміи грозитъ гибель при подобномъ способѣ командованія. Вѣрные слуги имперіи, какъ Піетри и генералъ Лебренъ, намекали императору, что онъ долженъ щадить свое здоровье, что онъ не въ состояніи долго сидѣть на лошади или проводить ночи на бивуакахъ, что его присутствіе нужнѣе въ Парижѣ, гдѣ ему предстоитъ организовать новую армію и поднять духъ націи; а командованіе онъ могъ бы передать Базэну. Но эти совѣты рѣшительно отвергались въ телеграммахъ императрицы Евгеніи изъ Парижа. «Подумали ли вы—писала она—о послѣдствіяхъ возвращенія въ столицу подъ ударами испытанныхъ неудачъ? Я не осмѣлюсь принять на себя отвѣтственность за такое рѣшеніе». Чисто-династическіе мотивы выступаютъ теперь на первый планъ, и императрица упорно, до конца, возстаетъ противъ мысли о возвращеніи императора въ Парижъ безъ какой-нибудь крупной побѣды. Онъ долженъ остаться при арміи, въ ожиданіи успѣха,—а каждый лишній день его пребыванія во главѣ арміи приближаетъ неминуемую катастрофу.

Эмиль Оливье приводитъ разные доводы для доказательства того, что послѣ Верта и Форбаха положеніе было далеко не столь критическимъ, какъ представлялось пессимистамъ, и что счастье несомнѣнно повернулось бы въ сторону Франціи, если бы нація единодушно сплотилась около своего правительства, отбросивъ свои внутреннія несогласія предъ лицомъ непріятеля. Оппозиціонныя партіи должны были бы на время примкнуть къ Наполеону III, поддержать его въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ и способствовать настойчивому продолженію войны до послѣдней крайности. Такъ поступилъ въ 1814-мъ году республиканецъ Лазарь Карно, для котораго побѣжденный императоръ олицетворялъ собою Францію, которую нужно спасти; такъ отнеслись къ Наполеону I и Сіейсъ, и Лекурбъ, и Бенжаменъ-Констанъ; ибо всякій французскій патріотъ обязанъ въ моменты внѣшней опасности «слѣдовать за своимъ правительствомъ, хотя бы ненавистнымъ и несчастнымъ». Однако, присоединиться къ Наполеону I, даже побѣжденному, значило вѣрить въ возможность побѣды при помощи его военнаго генія; но какой смыслъ имѣло бы для противниковъ имперіи становиться подъ руководство человѣка, который самъ не зналъ какъ дѣйствовать и откровенно ставилъ судьбу арміи и націи въ зависимость отъ сужденій своей легкомысленной супруги и

малолѣтняго сына? Эмиль Оливье не скрываетъ отъ читателя, что императоръ только мѣшалъ правильному ходу военныхъ дѣйствій и что императрица-регентша была очень плохою правительницею. Откуда же могло появиться у французовъ желаніе довѣриться этому жалкому и растерянному правительству, озабоченному лишь эгоистическими интересами небольшого придворнаго круга?

Императрица не хотѣла оглашать непріятныхъ свѣдѣній съ театра войны; даже министрамъ она сообщила телеграмму о неудачѣ при Вейссенбургѣ только на другой день, по секрету, съ просьбою возвратить депешу посланному по прочтеніи. Оливье и министръ внутреннихъ дѣлъ Шевандье де-Вальдромъ съ трудомъ убѣдили регентшу, что замалчивать событія недопустимо и безполезно. Публика крайне раздражалась скудостью оффиціальныхъ извѣстій. Императоръ телеграфировалъ: «Фроссаръ вынужденъ отступить; Макъ-Магонъ разбитъ. Возвысимся до уровня обстоятельствъ! Приведите Парижъ въ состояніе обороны; объявите осадное положеніе». Другими словами: «все потеряно, даже столица въ опасности». Оливье отвѣчалъ: «Мы останемся на высотѣ обстоятельствъ; но умоляю ваше величество присылать намъ болѣе подробныя свѣдѣнія, каковы бы они ни были. Если мы будемъ получать только такія извѣстія, какъ неопредѣленная телеграмма вашего величества, въ Парижѣ вспыхнетъ возстаніе. Ради Бога, тотчасъ сообщите подробности». Такъ какъ нельзя было заставить Наполеона III покинуть армію, то признано было необходимымъ по крайней мѣрѣ вернуть въ Парижъ императорскаго принца. Императрица категорически возражала, но затѣмъ формально согласилась на посылку телеграммы въ этомъ смыслѣ, отъ имени совѣта министровъ; въ то же время съ своей стороны она послала шифрованную депешу: «По причинамъ, которыя я не могу объяснить въ депешѣ, я желаю, чтобы Луи остался въ арміи и чтобы императоръ обѣщалъ его отослать, но не отослалъ бы въ самомъ дѣлѣ». Замѣтимъ, что наслѣдному принцу было тогда четырнадцать лѣтъ и что, очевидно, ему нечего было дѣлать въ главной квартирѣ дѣйствующей арміи; знаменитая депеша объ его «боевомъ крещеніи» и о необыкновенномъ мужествѣ его въ ничтожной стычкѣ при Сарбрюкенѣ указывала лишь на непониманіе всей трагической серьезности предпринятой войны, которую императрица Евгенія готова была низвести на степень своего частнаго семейнаго дѣла.

Одинъ изъ министровъ, ѣздившій въ Мецъ для провѣрки разнорѣчивыхъ свѣдѣній о положеніи арміи—Морисъ Ришаръ—

засталъ тамъ поразительный безпорядокъ; онъ попалъ какъ будто на общедоступный шумный базаръ; въ отелѣ, гдѣ помѣщались бюро главнаго штаба, суетились какіе-то иностранцы; когда онъ просилъ дать ему комнату, ему тотчасъ отвели помѣщеніе, не поинтересовавшись узнать, кто онъ такой. Императоръ принялъ его въ зданіи префектуры; онъ былъ страшно угнетенъ тѣми грустными депешами, которыя приходили постоянно съ разныхъ сторонъ. Онъ страдалъ не только отъ своей хронической болѣзни, но еще отъ невыносимаго насморка, который отнималъ у него всякую способность разсуждать. Онъ повторялъ только: «Какое несчастье! Это ужасно! Но что дѣлать?» Ришаръ посѣтилъ Лебефа. Тотъ бросился ему на шею. «О, мой другъ, сколько бѣдствій!» И Лебефъ сталъ разсказывать, что императоръ не могъ сидѣть на лошади въ Саарбрюкенѣ, что однако онъ всѣмъ распоряжается, произвольно, безъ вѣдома его, Лебефа, отмѣнилъ всѣ данные имъ приказы о движеніи впередъ и дѣла запутываются до невозможности. Лебефъ близко подошелъ къ Ришару, взялъ его за плечи, посмотрѣлъ ему въ глаза и сказалъ: «Скажите откровенно, думаете ли вы, что отреченіе спасетъ династію?»—«Неужели мы уже до этого дошли?»—спросилъ Ришаръ.—«Да, положеніе очень серьезно. Если онъ не отречется,—продолжалъ Лебефъ,—то кто-нибудь долженъ нести на себѣ тяжесть его бѣдствій: это буду я. Пусть пожертвуютъ мною. Я согласенъ на все, чтобы прикрыть императора». Ришаръ вынесъ изъ своей поѣздки самое безотрадное впечатлѣніе. Каждый въ главной квартирѣ имѣлъ свой планъ; многіе обращались къ нему съ просьбою передать или внушить императору такую-то мысль или другую; въ общемъ—никакого довѣрія и уваженія къ высшимъ, повсюду—тревожная сутолока и полный хаосъ. Императоръ, подъ вліяніемъ уговоровъ своихъ приближенныхъ, не спорилъ уже противъ возвращенія въ Парижъ и говорилъ Ришару, при прощаніи съ нимъ: «Пусть совѣтъ министровъ выскажется, долженъ ли я вернуться; я послѣдую его мнѣнію. Предлагаю вамъ только сказать, что я перечиталъ исторію Тьера и что онъ осуждаетъ моего дядю за отъѣздъ изъ арміи въ 1812 г. и вступленіе въ пренія съ палатою». Наполеонъ III какъ будто не сознавалъ, что ему не подобаетъ сопоставлять себя съ Наполеономъ I. Эмиль Оливье дѣлаетъ, впрочемъ, поправку къ ссылкѣ на Тьера: Тьеръ признаетъ неизбѣжность возвращенія Наполеона I-го въ Парижъ, но жалѣетъ объ этомъ. «Для арміи—поясняетъ Оливье—Наполеонъ I былъ силою, а въ Парижѣ, предъ враждебной пала-

тою, онъ былъ самъ по себѣ ничтожествомъ; Наполеонъ III былъ въ арміи — ничто, а въ Парижѣ опираясь на преданную палату и вѣрныхъ министровъ, онъ оставался силою». Ришаръ нашелъ, что императоръ боленъ, что онъ неспособенъ дѣйствовать, что настроеніе главнаго штаба мрачно, подавлено, безнадежно; заключительный его выводъ совпадалъ съ тѣмъ, что говорили всѣ пріѣзжавшіе съ театра войны: «императоръ губитъ все». Эмиль Оливье предложилъ Ришару немедленно отправиться къ императрицѣ и повторить свой разсказъ. Онъ исполнилъ это, но въ крайне смягченной формѣ; онъ сообщилъ, однако, императрицѣ, что императоръ боленъ, что онъ не въ состояніи былъ держаться на лошади въ Саарбрюкенѣ и что ему необходимо вернуться въ Парижъ.

Министерство вновь сдѣлало попытку уговорить императрицу согласиться на возвращеніе императора, въ виду печальныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ Ришаромъ. Оливье заявилъ, что наступаютъ грозныя событія и что нельзя болѣе откладывать спасительную мѣру, необходимость которой признана всѣми. Въ отвѣтъ на предложеніе послать телеграмму въ Мецъ объ отъѣздѣ императора съ сыномъ изъ арміи, императрица воскликнула: «Раньше побѣды— это невозможно!»—«Но—объяснилъ Оливье,—побѣды не будетъ, если императоръ останется при арміи; онъ служитъ препятствіемъ для успѣха, ибо онъ не можетъ командовать и мѣшаетъ распоряжаться другимъ». Пораженная этимъ рѣзкимъ объясненіемъ, она заплакала и сказала: «Но вѣдь это позоръ—оставить армію наканунѣ битвы... По крайней мѣрѣ, пусть мой сынъ останется тамъ!» —«Что же будетъ вашъ сынъ дѣлать въ арміи?»—спросилъ Оливье. —«Но онъ умѣетъ ѣздить верхомъ!»—«Зачѣмъ же это нужно?»— Императрица въ сильномъ волненіи произнесла неожиданную фразу: «Онъ можетъ съ честью умереть!»—Оливье предоставилъ слово министру внутреннихъ дѣлъ; тотъ настойчиво поддерживалъ его доводы и сослался на присутствовавшаго префекта полиціи, Піетри. Послѣдній опустился на стулъ и заплакалъ; вмѣстѣ съ нимъ разрыдалась императрица, и Шевандье де-Вальдромъ не могъ удержаться отъ слезъ. Императрица, всхлипывая, повторяла: «онъ не можетъ вернуться побѣжденный, передъ сраженіемъ!» Оливье сохранилъ самообладаніе и подтвердилъ свою просьбу; наконецъ,ослабѣвшая императрица согласилась, и текстъ телеграммы былъ предложенъ на обсужденіе придворнаго совѣта, при участіи высшихъ сановниковъ. Оказалось, что старые царедворцы, Персиньи, Руэръ и президентъ законодательнаго корпуса Шнейдеръ, не раздѣляли мнѣнія Оливье и были вполнѣ солидарны съ

чувствами императрицы. Даже Морисъ Ришаръ поддался общему сантиментальному настроенію и отрекся отъ своего прежняго взгляда. Императрица торжествовала. «Правительство женщинъ—замѣчаетъ Оливье—всегда было пагубно для Франціи». Свѣтская, блестящая по внѣшнимъ качествамъ, но недалекая по уму, тщеславная женщина всецѣло управляла тогда Наполеономъ III, который съ годами превратился въ жалкаго, слабовольнаго, неспособнаго ни къ какой инціативѣ представителя бонапартовскаго цезаризма. Весь правящій персоналъ имперіи раскрылъ предъ Оливье свое нравственное ничтожество. Предположенный кандидатъ на постъ военнаго министра, генералъ Кузенъ де-Монтобанъ, графъ Паликао, вызванный изъ Ліона Эмилемъ Оливье, прежде всего, въ отвѣтъ на вопросъ о согласіи, спросилъ: «А вы сдѣлаете меня маршаломъ?» Такъ какъ званіе маршала дается только по личному усмотрѣнію императора, то Паликао выразилъ желаніе немедленно отправиться въ Мецъ, чтобы условиться объ этомъ съ Наполеономъ III, — и этимъ вопросомъ о маршальскомъ званіи исчерпанъ былъ разговоръ между будущимъ военнымъ министромъ и главою кабинета въ самый тяжелый моментъ существованія имперіи и Франціи. Интересами честолюбія, личной карьеры и матеріальныхъ выгодъ пропитана была вся атмосфера императорскаго режима. Оливье видѣлъ это на каждомъ шагу, и, по странному противорѣчію, чѣмъ болѣе онъ убѣждался въ ничтожествѣ людей, считавшихся главными дѣятелями бонапартизма, тѣмъ сильнѣе онъ самъ проникался ихъ духомъ. Онъ выступилъ сторонникомъ крутыхъ мѣръ насилія и беззаконія, во имя защиты имперіи отъ внутреннихъ враговъ, когда паденіе императорской власти вызывалось уже сокрушительными ударами извнѣ. Старые бонапартисты признавали необходимымъ послѣ первыхъ военныхъ пораженій созвать законодательный корпусъ. Противъ этого рѣзко возражалъ Оливье; онъ указывалъ на опасность свободы парламентскихъ рѣчей въ военное время: «надо предоставить дѣйствовать солдатамъ, а не говорунамъ». Многіе ясно сознавали, что министерство, получившее власть для проведенія широкихъ либеральныхъ реформъ, потеряло подъ собою почву съ момента объявленія войны и должно было сойти со сцены подъ вліяніемъ неожиданныхъ военныхъ событій; но этого упорно не понималъ и не хотѣлъ понимать Оливье. Онъ былъ почему-то увѣренъ, что его министерство есть единственно возможное и законное при данныхъ обстоятельствахъ, и онъ защищалъ свою власть съ такимъ чувствомъ гордости и превосходства, точно ему отъ ро-

жденія было предназначено стоять во главѣ правительства и воевать противъ революціи. Противниковъ его кабинета онъ обвиняетъ въ преступныхъ интригахъ и заговорахъ; оппозиціи приписываются «злодѣйскіе замыслы», заключающіеся въ пропагандѣ той самой идеи объ отреченіи, которую маршалъ Лебефъ по секрету сообщилъ Морису Ришару въ главной квартирѣ арміи Наполеона III. Мало-по-малу Оливье становится болѣе ярымъ и прямолинейнымъ бонапартистомъ, чѣмъ всѣ его коллеги и сотрудники.

Борьба Эмиля Оливье за власть въ послѣдніе дни его министерства описывается имъ съ наивною откровенностью, доходящею до цинизма. Онъ стоялъ за закрытіе газеты «Siècle», на основаніи осаднаго положенія, тогда какъ маршалъ Барагэ д'Илье, уполномоченный примѣнять въ Парижѣ правила осаднаго положенія, находилъ предложенную мѣру незаконною и отказался подписать соотвѣтственный декретъ; поэтому пришлось прибѣгнуть къ болѣе мягкому способу дѣйствій, для устраненія спора. Когда выдвинута была кандидатура генерала Трошю на постъ военнаго министра, послѣ отставки Лебефа, то самъ императоръ далъ на нее свое согласіе телеграммою изъ Меца; но Оливье не скрывалъ своего недовѣрія къ популярному генералу, именно въ виду его популярности, и былъ въ душѣ противъ его назначенія, считая его политически неблагонадежнымъ. Въ разговорѣ съ главою кабинета, вызвавшимъ его къ себѣ, Трошю высказалъ мнѣніе, что военныя неудачи представляютъ собою результатъ ошибокъ цѣлаго десятилѣтія и что измѣнить ходъ событій нельзя; потомъ онъ въ порывѣ волненія вскочилъ съ пророческими словами: «Поднялась буря, и она смететъ все! Неужели вы думаете, господинъ Оливье, что вы останетесь на своемъ мѣстѣ? Вы будете унесены потокомъ событій, и вслѣдъ за вами—имперія». Послѣ этихъ словъ министръ холодно предложилъ взволнованному генералу должность военнаго министра, отъ имени императора и своихъ коллегъ, но получилъ вѣжливый отказъ. Съ тѣхъ поръ Оливье смотрѣлъ на Трошю съ «неизмѣримымъ презрѣніемъ». Совѣтъ министровъ большинствомъ голосовъ, противъ Оливье и Шевандье де-Вальдрома, рѣшилъ созвать палаты на 9-е августа. Попытки уговорить Оливье добровольно выйти въ отставку не имѣли успѣха; особенно настойчиво хлопоталъ объ этомъ президентъ законодательнаго корпуса Шнейдеръ. Оливье отклонялъ эти совѣты подъ тѣмъ предлогомъ, что удалиться, при опасности даннаго положенія, было бы малодушіемъ и измѣною по отношенію къ императрицѣ, которая ну-

ждается теперь въ самоотверженной поддержкѣ преданныхъ министровъ; а когда ему намекали на желательность его отставки довѣренныя лица отъ имени самой императрицы, то онъ объяснялъ, это интригами придворныхъ кружковъ, которые хотятъ окольнымъ путемъ добиться его удаленія.

Вопреки всѣмъ симптомамъ крайней шаткости министерства, Эмиль Оливье еще считалъ себя призваннымъ совершить «актъ правосудія» относительно республиканцевъ или актъ спасенія династіи отъ надвигавшейся революціи—нѣчто въ родѣ запоздалаго государственнаго переворота. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ ему, что революціонеры собираются дѣйствовать независимо отъ парламентской лѣвой, которую они обвиняютъ въ чрезмѣрной осторожности, и что депутаты оппозиціи намѣрены принять участіе въ движеніи только въ томъ случаѣ, когда можно будетъ разсчитывать на успѣхъ; поэтому предлагалось заранѣе арестовать наиболѣе популярныхъ вождей оппозиціи, чтобы помѣшать имъ въ будущемъ встать во главѣ возстанія. Шевандье де-Вальдромъ составилъ уже списокъ, въ которомъ значились имена Жюля Фавра, Араго, Эрнеста Пикара, Гамбетты, Жюля Ферри, Пельтана, Кератри, Доріана, Ординэра и другихъ. «Я задумался на минуту,—разсказываетъ Оливье,—затѣмъ возвратилъ ему списокъ и сказалъ: Мы обсудимъ эти имена. Теперь же я только вычеркиваю Эрнеста Пикара, такъ какъ оффиціальный президентъ лѣвой не можетъ быть заговорщикомъ. За исключеніемъ этого пункта, я одобряю планъ въ принципѣ и согласенъ раздѣлить отвѣтственность за исполненіе. Я соглашаюсь на задержаніе членовъ лѣвой и революціонныхъ вождей, сначала въ Парижѣ, а потомъ въ провинціи, и на заключеніе ихъ въ Бель-Илѣ. Но я не желаю, чтобы это было сдѣлано прежде, чѣмъ мы избавимся отъ регентства императрицы. Я согласенъ рисковать вмѣстѣ съ императоромъ, но никакъ не съ императрицей». Шевандье отвѣтилъ, что и онъ признаетъ необходимымъ предварительно вернуть императора и устранить регентство.

Весь этотъ планъ—въ сущности совершенно нелѣпый и неосуществимый послѣ пораженій на театрѣ войны—былъ разсчитанъ на скорое возвращеніе императора, согласно желанію Оливье. Послѣдній настолько не сомнѣвался въ ожидаемомъ прибытіи Наполеона III въ Сен-Клу, что время исполненія декретовъ объ арестѣ было уже въ точности назначено, и императору оставалось бы только подписать ихъ немедленно по пріѣздѣ. Оливье предвидѣлъ полное торжество правительства надъ «революціонерами». «Ихъ газеты были бы закрыты, ихъ вожди—арестованы, и всѣ они въ страхѣ попрятались бы или искали бы спасенія

въ бѣгствѣ. Народъ, какъ и 2 декабря 1851 года, равнодушно смотрѣлъ бы на то, какъ полицейскіе сержанты хватали бы бунтующихъ за шиворотъ. Мы были бы въ состояніи не только подавить возстаніе, но выдержать настоящую битву на улицахъ Парижа. Эту битву мы готовы были предпринять. Перспектива суровой респрессіи въ столицѣ насъ не смущала». Проектъ Оливье не могъ быть исполненъ уже потому, что онъ слишкомъ рѣзко противорѣчилъ реальному положенію вещей: самъ Наполеонъ III не могъ думать о государственномъ переворотѣ послѣ разгрома императорской арміи. Узнавъ о задуманныхъ мѣрахъ, императрица нашла ихъ слишкомъ опасными; даже префектъ полиціи Піетри высказывался противъ нихъ. Крайніе правые разсуждали о необходимости удовлетворить и успокоить общественное мнѣніе, а бывшій республиканецъ Оливье готовился повторить актъ 2-го декабря, захватить ночью своихъ парламентскихъ коллегъ и отправить ихъ въ ссылку. Онъ усвоилъ и одобрилъ идею Шевандье де-Вальдрома съ такимъ же легкимъ сердцемъ, съ какимъ принималъ воинственныя предложенія герцога Грамона по внѣшней политикѣ. Онъ ожидалъ встрѣтить сочувствіе среди преданнаго имперіи большинства законодательнаго корпуса, но, къ своему изумленію, убѣдился, что и правые отъ него отвернулись. Неизбѣжное крушеніе мнимо-либеральнаго министерства было въ то же время нравственнымъ паденіемъ Эмиля Оливье, какъ человѣка и политическаго дѣятеля. Если авторъ очерковъ въ «Revue des deux Mondes» не сознаетъ значенія своей роли въ тогдашнихъ планахъ государственнаго переворота, то это едва ли объясняется только его преклоннымъ возрастомъ.

Л. Слонимскій.

УДАЧНЫЙ ОПЫТЪ ПЕРЕСЕЛЕНІЯ ГРУППЫ КРЕСТЬЯНЪ.

Въ 1893—1894 г.г. мнѣ пришлось принять участіе въ организаціи переселенія изъ Воронежскаго уѣзда довольно крупной партіи крестьянъ (176 семей, въ количествѣ 1131 души, изъ 12 селеній уѣзда), а въ августѣ 1909-го года я провелъ нѣсколько дней среди нихъ въ образованномъ ими въ Змѣиногорскомъ уѣздѣ, Томской губ., поселкѣ.

Наличность матеріаловъ о семейномъ составѣ ушедшихъ весною 1894-го года на новыя мѣста крестьянъ и объ ихъ экономическомъ положеніи передъ переселеніемъ, данныя о томъ же, относящіяся къ зимѣ 1896-го года, когда—черезъ 2 года послѣ выхода—устроившихся уже переселенцевъ посѣтила организаторша описываемаго дѣла, землевладѣлица уѣзда А. Н. Антаева, удивительной энергіи которой переселеніе обязано своимъ осуществленіемъ, наконецъ свѣдѣнія о семейномъ составѣ и хозяйственномъ положеніи крестьянъ пос. Ново-Александровскаго, собранныя во время моего посѣщенія, даютъ возможность подвести въ настоящее время итоги этому дѣлу, вся исторія котораго, нѣсколько необычная, представляетъ, на мой взглядъ, довольно большой интересъ.

Раіонъ, откуда вышли переселенцы,—Рождественская и Орловская волости Воронежскаго уѣзда,—весьма близокъ къ усадьбѣ г-жи Антаевой; отъ нея до большинства селъ, изъ которыхъ пошли на новыя мѣста крестьяне, всего нѣсколько верстъ. Раіонъ этотъ—типическій земледѣльческій; промыслы развиты слабо; обезпеченіе землей (почти сплошь черноземной) у крестьянъ государственныхъ около 1,6 дес., на наличную душу обоего пола, у крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ—вдвое меньше [1]).

Описываемому переселенію предшествовали два неурожайныхъ года (1891 и 1892) и одинъ холерный (1893). Литература пересе-

---

[1]) Изъ 176 ушедшихъ семей—158 были бывшіе государственные крестьяне, 18 крестьяне бывшіе помѣщичьи.

ленческаго вопроса неоднократно уже отмѣчала вліяніе всякихъ бѣдствій и особенно неурожаевъ на ростъ переселеній. Это и вполнѣ понятно: въ бѣдственные годы недородовъ тѣ хроническія неудобства, которыя годами терпятся, особенно обостряются и сильнѣе даютъ себя чувствовать; такъ было и въ данномъ случаѣ.

Во время двухъ голодныхъ годовъ, А. Н. Антаева стояла во главѣ попечительства, обслуживавшаго большую часть Рождественской волости, изъ которой и вышла главная масса переселенцевъ. Попечительство это выдѣлялось какъ размѣрами раіона, въ которомъ оно дѣйствовало, такъ и образцовою постановкою дѣла. Въ видахъ правильнаго распредѣленія пособій произведены были къ 1 января 1892 г. подворныя описи, дающія довольно яркую картину того, насколько пострадали послѣ перваго голоднаго года нѣкоторыя изъ 12 селъ, откуда затѣмъ вышли переселенцы. Данныя описей касаются четырехъ большихъ селъ, [1]), изъ которыхъ ушло на новыя мѣста 87 семей (около половины общаго числа переселенцевъ). Въ селахъ этихъ по сравненію съ 1884 г. (годъ сплошного подворнаго обслѣдованія Воронежскаго уѣзда, произведеннаго подъ руководствомъ Ф. А. Щербины), обезпеченность скотомъ упала *втрое*. Между тѣмъ, сокращеніе скота довольно ярко характеризуетъ силу того толчка, который данъ былъ крестьянскому хозяйству мѣстности, откуда 1891-мъ годомъ послѣдовалъ новый недородъ.

Сравненіе семей переселившихся съ семьями оставшимися показываетъ, что

	Ѣдоковъ.	Работниковъ и работницъ.	Въ 1892 г. лошадей и коровъ.	Десятинъ запашки въ озимомъ клину.
На каждую изъ первыхъ семей приходилось . .	6,2	3,0	1,0	1,5
На каждую изъ оставшихся . .	6,8	3,2	2,0	2,4

Ушли, слѣдовательно, тѣ семьи, которыя были въ 1892 г. меньше по численности, меньше по рабочему составу, менѣе обезпечены скотомъ, съ меньшей запашкой.

Что пошла искать лучшаго будущаго на новыхъ мѣстахъ преимущественно бѣднота [2]), это подтверждается также данными о

---

[1]) Села Рождественская Хава, Морозовка, Хрѣновое, Ивановка.

[2]) Въ литературѣ неоднократно отмѣчалось и обратное явленіе—относительная состоятельность переселившихся по сравненію съ прежними ихъ однообщественниками. Необходимо замѣтить по этому поводу, что въ опи-

томъ, съ какими средствами были къ моменту выхода (первыя числа мая 1894-го года) переселяющіеся.

Учетъ собственныхъ рессурсовъ переселенцевъ, необходимый для правильнаго распредѣленія собранныхъ для осуществленія описываемаго переселенія денегъ, производился слѣдующимъ образомъ. Въ основаніе учета положены были составленныя въ 1893-мъ году описи живого инвентаря переселенцевъ, построекъ ихъ (съ приблизительной оцѣнкой) и озимого посѣва на 1894-ый годъ; по этой описи переселенецъ опрашивался, что по каждой статьѣ онъ выручилъ отъ продажи, затѣмъ исчислялись расходы его (около половины вырученной суммы ушло на уплату долговъ); такимъ образомъ выводились остающіяся на рукахъ деньги. Показанія крестьянъ повѣрялись путемъ опроса заслуживающихъ довѣрія односельцевъ; особенную услугу въ этомъ отношеніи оказали деревенскіе кулаки, прекрасно освѣдомленные касательно имущественнаго положенія однообщественниковъ и охотно дѣлившіеся своими свѣдѣніями.

Данныя о посѣвѣ озимыхъ и объ обезпеченіи крестьянъ лошадями (коровъ осталось очень немного) довольно характерны какъ для представленія объ экономической состоятельности переселенцевъ вообще (съ оговоркою, что онѣ нѣсколько понижены, такъ какъ многія семьи, находясь въ неопредѣленномъ положеніи во время довольно долгаго періода хлопотъ, могли сократить запашку и распродать часть скота и до составленія описей), такъ и для сужденія о томъ, насколько однородную массу по своей состоятельности представляли переселяющіеся въ моментъ выхода.

Безлошадныхъ по описи 1893 г. было 104 семьи (59%), однолошадныхъ—61 (35%), съ 2 лошадьми—7 (4%), съ 3 лошадьми—4 (2%). Безъ посѣва озимей было 52 семьи (30%), съ посѣвомъ въ ½ десятины—30 (17%), въ одну десятину—62 (35%), въ 2 десятины—31 (17,5%), въ 3 десятины—1 (0,5%). Въ среднемъ на семью приходилось 0,5 лошади и 0,8 десятинъ озимаго посѣва. Среди общей массы слабыхъ экономически семей было слѣдовательно, небольшое количество семей болѣе состоятельныхъ.

Выводъ этотъ подтверждается и данными о суммахъ, выручен-

сываемомъ переселеніи крестьянамъ была оказана значительная денежная помощь, безъ которой бѣднота не въ состояніи была бы и двинуться. Прежде, когда переселеніе было затруднено, когда переселенцамъ меньше помогали, чѣмъ теперь, отсутствіе собственныхъ средствъ являлось сильнымъ тормазомъ движенія; этимъ, быть можетъ, и создавался сравнительно высокій хозяйственный уровень (на мѣстѣ выхода) переселяющихся. Теперь, когда переселеніе облегчено, громадное большинство переселенцевъ — бѣднота.

ныхъ крестьянами отъ продажи ихъ построекъ; въ то время, какъ значительное большинство крестьянъ выручало за строенія отъ 15 до 60 рублей, 22 семьи получили за постройки отъ 100 до 150 руб., а 12 семей—свыше 150 руб.

Конечные результаты учета наличности собственныхъ денегъ къ моменту выхода: ничего не было передъ выходомъ у 46 семей (26%), имѣли по нѣсколько рублей (10, 15, 25, не болѣе 35)—50 семей (28%), имѣли болѣе чѣмъ по 50 руб., но менѣе, чѣмъ по 100 р.—38 семей (22%); отъ 100 и до 150 руб. имѣли 22 семьи (12,5%); отъ 150 до 200 руб.—8 семей (4,5%), отъ 200 и до 250 руб.—3 семьи (2%); больше 300 руб., 9 семей (5%).

Всего по указаніямъ самихъ крестьянъ у 176 семей оставалось ко времени выхода 8.648 руб.; по повѣрочнымъ даннымъ цифра эта была тысячи на $3^1/_2$ болѣе и равнялась, за округленіемъ, 12.000 р.; мнѣ кажется, что эта послѣдняя цифра была ближе къ дѣйствительности.

Само собою разумѣется, что съ 50—60 руб. на семью невозможно было пускаться въ путь. Ссудъ на домообзаведеніе въ то время не выдавалось вовсе; Сибирская желѣзная дорога только-что строилась; путевыя издержки, принимая въ разсчетъ продовольствіе въ теченіе двухмѣсячнаго почти переѣзда по желѣзной дорогѣ и на баржѣ однѣ должны были составить не менѣе 16—17 тысячъ руб., считая стоимость желѣзнодорожныхъ билетовъ по льготному переселенческому тарифу, для чего было необходимо, чтобы переселеніе состоялось съ установленнаго разрѣшенія; между тѣмъ переселеніе крестьянъ на казенныя земли въ порядкѣ закона 13 іюля 1889 года было тогда временно пріостановлено. Переселеніе съ установленнаго разрѣшенія обезпечивало, кромѣ того, и продовольственную ссуду на мѣстѣ водворенія и податныя льготы какъ на новыхъ мѣстахъ, такъ и въ отношеніи недоимокъ по выкупнымъ платежамъ и окладнымъ казеннымъ и земскимъ сборамъ. А недоимки, послѣ двухъ неурожайныхъ лѣтъ, были очень велики; по селу Хрѣновому, касательно котораго у меня сохранились подворныя данныя,—я былъ въ 1894 г. податнымъ инспекторомъ Воронежскаго уѣзда,—онѣ достигли къ концу 1893-го года 60 руб. на дворъ, несмотря на усиленное осенью 1893-го года взысканіе податей. Село это было самымъ зажиточнымъ изъ 12, откуда отправились переселенцы. Весьма значительны были за переселенцами и продовольственные долги.

Надо было, во что бы то ни стало, добиться разрѣшенія на переселеніе; безъ льготъ по закону 13 іюля 1889-го года невозможно было его осуществить. Продолжительныя хлопоты на мѣстахъ

не привели ни къ чему; мотивировка отказовъ сводилась, во-первыхъ, къ тому, что переселеніе на казенныя земли Сибири пріостановлено, во-вторыхъ—къ указанію, что неоправившіеся послѣ двухъ неурожаевъ крестьяне слишкомъ бѣдны, чтобы двинуться въ путь и сносно устроиться на новыхъ мѣстахъ.

Тогда 190 крестьянскими семьями было подано въ февралѣ 1893 года всеподданнѣйшее прошеніе о разрѣшеніи имъ переселиться на казенныя земли въ Томскую губернію. Въ дополненіе къ прошенію было послано заявленіе предсѣдательницы Хрѣновскаго сельскаго попечительства, А. Н. Антаевой, о томъ, что въ случаѣ если единственною причиною отказа въ разрѣшеніи переселиться будетъ недостатокъ у просителей средствъ, то попечительство доставитъ имъ нужныя средства на переселеніе и домоустройство въ мѣстѣ новаго водворенія.

На заявленіе это обращено было вниманіе, и въ сентябрѣ 1893-го года земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ запросилъ воронежскаго губернатора о доставленіи ему—для сообщенія канцеляріи по принятію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ,—свѣдѣній о денежныхъ средствахъ Хрѣновскаго сельскаго попечительства. Послѣ этого А. Н. Антаевою внесено было въ депозитъ воронежскаго губернатора 12.000 руб. на указанную надобность. Деньги эти предоставлены были въ ея распоряженіе двумя молодыми москвичами, М. и С. В. Сабашниковыми, знавшими, какъ много дѣлала и дѣлаетъ для крестьянъ А. Н. Антаева. Сабашниковы же добавили еще 5.000 руб., когда изъ Воронежа послано было на имя покойнаго А. И. Чупрова, принимавшаго самое горячее участіе во всемъ этомъ дѣлѣ, письмо съ сообщеніемъ о томъ, сколько крестьянамъ пришлось уплатить изъ вырученныхъ отъ продажи ихъ скуднаго имущества средствъ разныхъ долговъ, и сколько у нихъ въ концѣ-концовъ осталось.

Получивъ отъ воронежскаго губернатора увѣдомленіе о внесенныхъ для помощи переселенцамъ 12.000 руб., министерство внутреннихъ дѣлъ склонилось къ удовлетворенію, въ видѣ изъятія, ходатайства просителей, на что 11 ноября 1893-го года воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Теперь возникъ вопросъ о выборѣ мѣста; въ первоначальномъ прошеніи указаніе сдѣлано было лишь на губернію (Томскую). Такъ какъ о Барнаульскомъ округѣ имѣлись свѣдѣнія, какъ о лучшемъ мѣстѣ Томской губерніи, и тамъ, хорошо устроилось уже нѣсколько раньше переселившихся по пріемнымъ приговорамъ родственниковъ и однообщественниковъ собирающихся теперь на новыя мѣста семей, выборъ остановился на этомъ именно округѣ.

Въ декабрѣ 1893 г. А. Н. Антаевою было подано въ воронежское губернское присутствіе заявленіе о томъ, что ея довѣрители желали бы, чтобы земля отведена была имъ въ Барнаульскомъ округѣ, въ мѣстности вдоль р. Кулунды, или въ недалекомъ разстояніи отъ послѣдней.

По берегамъ рѣки Кулунды свободныхъ земель не оказалось, но верстахъ въ 50 къ югу отъ Кулундинскаго озера, въ раіонѣ Покровской волости были свободны два участка, Каипъ и Родина: первый — около озера того же наименованія, второй — недалеко отъ рѣки Кучукъ. Участки эти были предложены по телеграфу крестьянамъ, и они изъявили согласіе на нихъ устроиться.

Министерство внутреннихъ дѣлъ снеслось о предоставленія этой земли крестьянамъ съ министерствомъ императорскаго двора и удѣловъ (большая часть Барнаульскаго уѣзда составляетъ собственность Кабинета его Величества), и 18 февраля 1894 года увѣдомило воронежскаго губернатора, что начальнику Алтайскаго округа предложено принять мѣры къ поземельному устройству просителей по прибытіи ихъ въ означенный округъ. Распредѣленіе пожертвованныхъ денегъ, соотвѣтственно съ имущественнымъ положеніемъ каждой семьи, предоставлено было г-жѣ Антаевой.

Такъ какъ участки Каипъ и Родина были кабинетскіе, пришлось испросить особое разрѣшеніе и на то, чтобы крестьянамъ предоставлены были, тѣмъ не менѣе, льготы, установленныя закономъ 13 іюля 1889 года для переселенцевъ на казенныя земли. Хлопоты въ центральныхъ учрежденіяхъ потребовали неоднократныхъ поѣздокъ А. Н. Антаевой въ С.-Петербургъ.

Изъ пожертвованныхъ М. и С. В. Сабашниковыми 12.000 руб. около 5.000 руб. пришлось выдать бѣднѣйшимъ переселенцамъ передъ самымъ отправленіемъ, въ качествѣ путевого пособія. Высчитывалось, при этомъ, сколько въ семьѣ лицъ, на которыхъ надо было брать желѣзнодорожный билетъ, и сколько провозимыхъ безплатно; принималась во вниманіе наличность у семьи собственныхъ средствъ, подсчитывался примѣрно расходъ на продовольствіе. Тѣмъ, кто былъ въ состояніи проѣхать самъ, ничего не давалось; другимъ добавлялось, по примѣрному разсчету, столько, чтобы хватило на дорогу.

Путевое пособіе выдано было 110 семьямъ изъ 176; не получили его, слѣдовательно, 66 семей. Выдавалось пособіе въ самыхъ разнообразныхъ суммахъ отъ 20 до 120 руб. Разсчетъ путевого пособія произведенъ былъ буквально въ обрѣзъ; въ пути отдѣльнымъ семьямъ пришлось дѣлать добавки.

Остальныя деньги изъ 12.000 руб., внесенныхъ въ депозитъ губернатора, распредѣлены были также передъ отправленіемъ въ

путь. На руки однако деньги эти не были выданы; вмѣсто нихъ крестьяне получили ордера, по которымъ выдача произведена была уже въ Сибири, когда крестьяне покупали въ с. Камнѣ скотъ и телѣги, и начали, прибывъ на мѣсто водворенія, строиться. Не получили этихъ ордеровъ, сколько я помню, 6—7 семей; размѣръ выдачъ на устройство колебался отъ 20 до 80 руб.

Данныхъ о подворномъ распредѣленіи 5.000 руб., добавочно пожертвованныхъ С. и М. В. Сабашниковыми, въ моемъ распоряженіи не имѣется. Сводныя данныя о всѣхъ вообще видахъ денежнаго пособія, полученнаго переселенцами, приведены ниже.

Распредѣленіе пособій на домообзаведеніе произведено было также по соображенію съ наличностью собственныхъ средствъ, съ рабочимъ составомъ и числомъ ѣдоковъ, словомъ по нуждѣ.

Послѣ потрясающихъ сценъ прощанья съ близкими и родными, съ отцовскими и материнскими могилками, партія переселенцевъ вечеромъ 10 мая 1894 года и утромъ 11 числа прибыла на 350 подводахъ въ Воронежъ, и оттуда, въ тотъ же день, въ особомъ товарномъ поѣздѣ, выѣхала на Тюмень.

Дорога до Тюмени прошла довольно благополучно, если не считать того, что за недостаткомъ мѣстъ партія должна была разбиться, и ѣхать частями, что создало цѣлый рядъ осложненій и неудобствъ.

Въ Тюмени переселенцевъ догнала А. Н. Антаева, расположила ихъ таборомъ подъ открытымъ небомъ—подальше отъ тюменскихъ переселенческихъ бараковъ, въ то время грязныхъ и зараженныхъ, со свойственной ей энергіей нашла и наняла для дальнѣйшаго путешествія хорошую баржу, размѣстила въ ней крестьянъ, и, отправивъ партію водою, сама съ двумя выборными поѣхала впередъ въ Барнаулъ, чтобы совмѣстно осмотрѣть участки и остановиться на лучшемъ изъ нихъ.

Благодаря принятымъ мѣрамъ, смертность во время двухмѣсячнаго пути была незначительная: судя по отмѣткамъ въ проходныхъ свидѣтельствахъ, умерло только четырнадцать маленькихъ дѣтей (семь мальчиковъ и семь дѣвочекъ); за то же время родилось 8 дѣвочекъ и 6 мальчиковъ, такъ что убыль отъ дѣтской смертности была въ пути уже пополнена.

Въ Барнаулѣ выяснилось, что, помимо участковъ Каинъ и Родина, переселенцамъ могутъ быть предоставлены въ предѣлахъ Кабинетскихъ земель Барнаульскаго и Змѣиногорскаго уѣздовъ и другія свободныя земли. Вмѣстѣ съ уполномоченными А. Н. Антаева объѣхала и осмотрѣла цѣлый рядъ свободныхъ участковъ.

Выборъ остановился на участкѣ земли въ Локтевской волости,

Змѣиногорскаго уѣзда, по р. Алею, между селами Веселый Яръ и Половинкино, верстахъ въ 90 отъ Змѣиногорска по такъ называемому Алейскому тракту и почти въ такомъ же разстояніи отъ Семипалатинска, если ѣхать прямикомъ черезъ Бель-Агачскую степь. Участокъ перерѣзывается р. Алеемъ; бо̀льшая часть принадлежащей крестьянамъ земли—такъ называемая «степь»—расположена по одной сторонѣ, а нѣсколько сотъ десятинъ заливного луга—тутъ же черезъ рѣку; земля — хорошій черноземъ, съ рѣдкими солонцами; строевого лѣса нѣтъ, но имѣется по рѣкѣ нѣсколько десятинъ мелкихъ кустовъ. Мѣстность ровная, степная, очень напоминающая своимъ обликомъ родныя воронежскія мѣста.

На этомъ участкѣ по рѣкѣ Алею весьма неуклюже и широко размѣстились крестьяне, образовавъ почти сливающіеся поселки Ветневскій (34 двора, вышедшіе изъ деревни Ветневки), Макарьевскій (переселенцы изъ села Макарья), с. Ново-Александровское, Антаевку тожъ (главная масса переселенцевъ) и деревню Самодуровку (нѣсколько выбравшихъ себѣ мѣсто на отлетѣ дворовъ).

Для того, чтобы облегчить крестьянамъ возможность выбрать и купить по возможно сходной цѣнѣ рабочій и рогатый скотъ въ большомъ торговомъ селѣ Камнѣ, откуда приходилось ѣхать на лошадяхъ, мѣстными властями, заблаговременно извѣщенными о прибытіи переселенцевъ, былъ устроенъ небольшой конскій торжокъ. За лошадь съ телѣгой крестьяне платили въ 1894 г. въ Камнѣ отъ 25 до 50 руб.; коровъ покупали по 10—15 руб.; пшеница стоила тогда 20—25 коп. пудъ, а рожь продавалась по 12—15 коп.

Большинство переселенцевъ, прибывъ на мѣсто, пріобрѣли въ сосѣднихъ селахъ дешевыя готовыя избушки. Лѣсъ на постройку былъ отпущенъ безплатно, но находился онъ въ 35 верстахъ; лошадей, между тѣмъ, крестьянами куплено было мало, да и изъ тѣхъ—вслѣдствіе незнанія мѣстныхъ условій, многія вскорѣ издохли.

Оказанное крестьянамъ денежное пособіе—при низкихъ цѣнахъ того времени—было достаточно для того, чтобы они могли обзавестись самымъ необходимымъ; въ среднемъ на хозяйство, считая и собственныя деньги, имѣлось ко времени водворенія по 120 рублей [1]), продовольствіе до будущаго урожая обезпечено было вы-

[1]) Въ распоряженіи крестьянъ было, не считая продовольственной ссуды: 8649 р. собственныхъ денегъ (къ моменту отправленія), 17000 р. пожертвованныхъ М. и С. В. Сабашниковыми, 9000 р. Кабинетской ссуды, всего 34649 р. За проѣздъ (по желѣзной дорогѣ и на баржѣ) уплочено было 8627 р.; продовольствіе 1131 души во время двухмѣсячнаго пути стоило 8064 р.; остатокъ—17958 р.—въ среднемъ на семью составляетъ 102 р.

данной на основаніи закона 13 іюля 1889 года ссудой (около 6.500 р.).

Первые два-три года были, конечно, особенно тяжелымъ временемъ для переселенцевъ. Хозяйство налаживалось съ большими усиліями; то падали лошади, то ихъ угоняли киргизы; съ сосѣдями, особенно съ Локтевскими крестьянами, возникали разныя недоразумѣнія, при чемъ волостнымъ судомъ (по составу своему сплошь старожильческимъ) они рѣшались почти всегда не въ пользу переселенцевъ; въ тѣсныхъ маленькихъ избахъ, при полномъ отсутствіи медицинской помощи, много умирало дѣтей.

По возрастнымъ группамъ переселенцы къ моменту водворенія располагались такъ:

Грудныхъ		1—6 л.		6—16 л.		16—55 л.		Свыше 55 л.		Всего		Въ среднемъ на семью:	
муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	Ѣдоковъ.	Въ рабочемъ возр.
43	38	71	71	143	147	273	256	46	43	577	554	6,4	3,0
81		142		290		290		89		1131			

Въ теченіе 2 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ со времени водворенія умерло грудныхъ дѣтей—63, въ возрастѣ отъ года до 6—101, въ возрастѣ отъ 6 до 16 л.—22, въ возрастѣ отъ 16 до 55—22, въ возрастѣ свыше 55 лѣтъ—11 человѣкъ. Всего умерло 219 (108 муж. и 111 жен.) изъ 1131 прибывшихъ на мѣсто водворенія. За то же время родилось 58 человѣкъ; перевѣсъ смертей надъ рожденіями за указанный періодъ простирается, слѣдовательно, до 161.

Четырнадцать семей изъ 176 не выдержали тяжелыхъ условій перваго времени и вернулись въ 1895 и 1896 г.г. въ Россію; одна семья вымерла; семь семей перебрались за это время въ другія села, главнымъ образомъ въ село Завьялово, Барнаульскаго уѣзда, гдѣ довольно много переселенцевъ изъ Воронежскаго уѣзда.

Характеренъ средній рабочій составъ и средняя численность не выдержавшихъ и вернувшихся обратно въ Россію семей: мужчинъ на семью приходится въ нихъ 1,2, а ѣдоковъ 4,2. Въ сущности составъ вернувшихся семей былъ и того менѣе, такъ какъ среди 14 ушедшихъ дворовъ вернулась также семья Пимена Гончарова изъ с. Макарья, исключительно большая и по числу ѣдоковъ (19), и по числу мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ (5). Рабочій составъ (мужской) и составъ ѣдоковъ въ остальныхъ 13 семьяхъ былъ 0,8 и 3,1, т. е. вдвое меньшій средняго состава всѣхъ вообще

переселившихся семей. Ушли, значитъ, самыя слабыя и по численности и по рабочему составу семьи [1]).

Въ частности причинами возвращенія были: въ трехъ семьяхъ смерть единственнаго работника, при отсутствіи или маломъ числѣ дѣтей; въ трехъ семьяхъ — смерть всѣхъ дѣтей; далѣе ушли двое одиночекъ и только что передъ переселеніемъ выдѣлившійся изъ богатой семьи бездѣтный крестьянинъ съ женой; возвратилась семья съ очень пьющими работниками; почему вернулись остальныя четыре семьи, съ точностью не знаю; говорили, что скучала въ одной семьѣ старуха мать, въ другихъ—бабы.

Всего къ декабрю 1896-го года во вновь образованномъ поселкѣ осталось 154 семьи, въ составѣ, за всѣми измѣненіями, 876 ѣдоковъ, 262 работниковъ и 240 работницъ; средній составъ семьи сократился за $2^1/_2$ года, въ виду сильной дѣтской смертности, съ 6,4 до 5,7; средняя обезпеченность рабочимъ составомъ, наоборотъ, возросла, съ уходомъ наиболѣе слабыхъ въ этомъ отношеніи семей и съ переходомъ части подростковъ въ рабочій возрастъ, съ 3,0 до 3,4.

По числу работниковъ оставшіяся къ концу 1896 года семьи группировались такъ: безработныхъ было 5 (3%), съ однимъ работникомъ 66 (43%), съ 2 работниками—63 (41%), съ 3 и болѣе работниками—20 (13%).

Оставшимся 154 семьямъ принадлежало въ декабрѣ 1896-го года 328 лошадей и 258 коровъ [2]); запашка ихъ въ 1896 г. достигла 919 десятинъ; засѣяно было 642 десятины пшеницей, 160 дес. овсомъ и около 100 дес. просомъ; понемногу сѣяли ячмень и горохъ. Средняя обезпеченность крупнымъ скотомъ равнялась, слѣдовательно, 3,8 головъ на дворъ; средняя запашка на хозяйство достигала 6 десятинъ.

По данной подворной переписи 1884-го года по Рождественской и Орловской волостямъ Воронежскаго уѣзда, откуда вышло большинство переселенцевъ, средняя обезпеченность крестьянскаго хозяйства скотомъ равнялась 4,6 и 4,7 головъ на дворъ. Съ 1884-го года крестьянское благосостояніе по Воронежскому уѣзду, въ общемъ,

---

[1]) Семья Гончарова, по сильному рабочему составу имѣвшая всѣ шансы устроиться въ Сибири, была безпокойная, непосѣдливая по натурѣ. Мнѣ живо вспоминаются слова по этому поводу покойнаго А. И. Эртеля, у котораго я освѣдомлялся весною 1894-го года о Макарьевскихъ крестьянахъ. «Не устроятся эти Гончаровы—говорилъ онъ,—у нихъ что-то постоянно бунтуетъ; всегда они настоящимъ своимъ положеніемъ недовольны».

[2]) Овецъ было 379, свиней—очень немного.

сильно понизилось. Едва ли, поэтому, можно впасть въ ошибку, утверждая, что переселившіяся семьи къ концу 1896-го года приблизились уже къ благосостоянію средней крестьянской семьи того раіона, въ которомъ онѣ прежде жили.

Къ концу 1896-го года безъ посѣва было 6 хозяйствъ (жившій въ работникахъ сирота, два старика, рыбачившихъ по Алею, вдовы), отъ 1 до 5 дес. (въ среднемъ 3,7 дес.) засѣвало 83 хозяйства, отъ 6 до 10 дес. (въ средн. 8,2 дес.) — 52 хозяйства, 11 и болѣе десятинъ (въ среднемъ 16 дес.)—13 хозяйствъ. Изъ этихъ тринадцати хозяйствъ шесть имѣло къ моменту выхода не менѣе 300 руб. собственныхъ денегъ, пять отъ 150 руб. до 200 руб., одно — свыше 200 руб.

Если принять во вниманіе, что изъ всѣхъ 176 семей, двинувшихся на новыя мѣста, только у 20 имѣлось къ моменту выхода свыше 150 руб. собственныхъ денегъ, нельзя не придти къ выводу, что наличность большихъ собственныхъ средствъ—несмотря на распредѣленіе денежной помощи сообразно нуждѣ, смягчавшее вліяніе этого фактора,—сказалась все-таки довольно сильно.

Другимъ обстоятельствомъ, способствовавшимъ несомнѣнно быстрому подъему [1]) отмѣченныхъ 13 хозяйствъ, былъ сильный рабочій составъ ихъ. Въ среднемъ на хозяйство приходилось: при 12 ѣдокахъ, 3,2 работника и 2,8 работницы. Въ частности въ семьѣ Якунина, единственнаго изъ малоимущихъ (къ моменту выхода) крестьянъ, попавшаго въ эту группу, было пять работниковъ и три работницы. Смертность по декабрь 1896 года была въ этихъ семьяхъ значительно меньше по сравненію съ остальными (около 14%, а у остальныхъ 21%). Въ концѣ 1896 года безлошадныхъ было 7 дворовъ, съ одною лошадью—52 двора, съ 2 лошадями—54, съ тремя и болѣе лошадей — 41 дворъ; среди послѣдней группы — 9 дворовъ имѣло по 4 лошади, 4 двора по 5 лошадей, два по 7 лошадей, одинъ 4 лошади и 10 быковъ [2]).

Такимъ образомъ къ декабрю 1896 года масса переселенцевъ не была уже однородной; самыя сильныя по рабочему составу и наиболѣе обезпеченныя оборотными средствами семьи стали замѣтно выдѣляться изъ общаго уровня.

Значеніе рабочаго состава сказалось довольно сильно и въ распредѣленіи по хозяйствамъ денежныхъ заработковъ. Заработки въ 1896-мъ году въ общемъ дали селу 2623 руб.; больше всего (150 руб.) было выручено крестьяниномъ, соорудившимъ первую въ

---

[1]) Средняя обезпеченность крупнымъ скотомъ по этимъ хозяйствамъ была 8,6 головъ.

[2]) Въ двухъ хозяйствахъ отмѣчены были плуги.

селѣ мельницу, затѣмъ семьею, несшей почтовую гоньбу (свыше 100 р.), и переселившимся вмѣстѣ съ крестьянами мѣщаниномъ, пристроившимся съ жалованьемъ по 9 руб. въ мѣсяцъ въ сельскіе писаря. Около 40 руб. заработалъ деревенскій кузнецъ, 45 руб. пастухъ, 50 руб. деревенскій чеботарь и по 60 р. (приблизительно, ибо часть платы была произведена пшеницей) два крестьянина, жившихъ въ работникахъ. Это были заработки лицъ, либо обладавшихъ спеціальными знаніями, либо занимавшихся преимущественно этимъ дѣломъ, внѣ зависимости отъ рабочаго состава семей. Остальные 1986 руб. были добыты главнымъ образомъ земледѣльческими работами и имѣли подсобный характеръ. Распредѣлялись они между 91 семьей такъ: на долю 38 семей съ однимъ работникомъ пришлось 549 руб., на долю 39 семей съ 2 работниками—867 руб., на долю 14 семей съ 3 и болѣе работниками—570 руб. Средній подсобный заработокъ на семью первой группы, составлялъ, слѣдовательно, 14 руб., второй—22 руб., третьей 41 руб.

Изъ 154 оставшихся къ декабрю 1896-го года семей еще четыре вернулись въ Европ. Россію, а пять устроились въ другихъ мѣстахъ Западной Сибири. Семейный составъ позднѣе вернувшихся, какъ и семей ушедшихъ въ 1895 и 1896 гг., былъ значительно меньше средняго состава по всему поселку (4,2 противъ 5,7); значительно слабѣе были семьи эти и по рабочему составу (1 работникъ противъ 1,7). Въ частности причинами ухода, повидимому, были въ 2 семьяхъ смерть всѣхъ дѣтей (2 и 3 сыновей), въ одной семьѣ просьбы старухи матери, ушедшей отъ своихъ еще въ 1896 г. и настойчиво вызывавшей сына обратно (грозила проклятіемъ).

Такъ какъ за то же время (декабрь 1896 г.—августъ 1909 г.) вымерло пять семей и двѣ семьи прекратили самостоятельное существованіе (оставшіеся одинокими старики перебрались въ семьи замужнихъ дочерей), а съ другой стороны 17 семей (преимущественно большія) подѣлились, образовавъ 45 самостоятельныхъ хозяйствъ, то число дворовъ, возросло этимъ путемъ за тринадцать лѣтъ съ 154 до 166 [1]).

Въ 1909 г. въ моемъ распоряженіи не было, къ сожалѣнію, времени, чтобы собрать о поселкѣ исчерпывающія данныя; изъ тѣхъ четырехъ дней, которые я пробылъ въ Ново-Александровкѣ, много времени ушло на хожденіе по знакомымъ, писаніе писемъ, разговоры. Схода нельзя было собрать, такъ какъ крестьяне возили хлѣбъ; поэтому я позвалъ къ себѣ нѣсколькихъ знакомыхъ кре-

---

1) Много семей приселилось потомъ; въ поселкѣ теперь около 300 дворовъ. О приселившихся сказано будетъ ниже.

стьянъ, стараясь, чтобы они были изъ разныхъ концовъ села. Путемъ опроса ихъ и добыты были всѣ матеріалы. Данныя о составѣ отдѣльныхъ семей, относящіяся къ моменту ихъ причисленія Томской казенной палатою, у меня были предварительно изготовлены и нанесены на отдѣльныя карточки. Свѣдѣнія этихъ карточекъ я исправлялъ путемъ опроса, вычеркивая умершихъ, ушедшихъ, выданныхъ въ другія семьи замужъ дѣвушекъ, и добавляя тѣхъ изъ родившихся съ момента причисленія, которые были въ живыхъ, а также взятыхъ въ замужество. Затѣмъ на каждую карточку я заносилъ число рабочихъ лошадей (быковъ, если таковые были) и дойныхъ коровъ. Изъ земледѣльческихъ машинъ я регистрировалъ лишь косилки и конныя молотилки; плуги были почти у всѣхъ, причемъ съ особою любовью крестьяне отзывались о трехлемешномъ букерѣ Сакса. Данныхъ о числѣ жеребятъ, телятъ, овецъ, свиней я не имѣлъ возможности собрать; видѣлъ только, что ихъ у крестьянъ было очень много. Свѣдѣнія о запашкѣ любезно сообщены были мнѣ дополнительно крестьянскимъ начальникомъ 2 участка Змѣиногорскаго уѣзда, г. Шигоринымъ, взявшимъ на себя, по моей просьбѣ, трудъ собрать ихъ на сходѣ.

Ушедшія послѣ 1896-го года обратно въ Европ. Россію и перебравшіяся въ другія мѣста Сибири девять семей имѣли въ 1896 г. 38 ѣдоковъ, при 10 работникахъ и 11 работницахъ. Если исключить составъ этихъ семей изъ приведенной выше общей численности, къ концу 1896-го года, того основного ядра, которымъ образованъ былъ Ново-Александровскій поселокъ, получимъ 145 семей, въ составѣ 838 ѣдоковъ, 252 работниковъ и 230 работницъ.

Къ августу 1909 г., когда я посѣтилъ Ново-Александровку, эти 145 семей разрослись путемъ семейныхъ раздѣловъ въ 166 и насчитывали 1284 ѣдока, при 281 работникѣ и 286 работницахъ; приростъ населенія за 13 лѣтъ достигъ, слѣдовательно, 50%, средняя семья возросла за это время съ 5, 7 до 7,7, а среднее обезпеченіе рабочимъ составомъ, мужскимъ и женскимъ—съ 3,4 до 3,5 на хозяйство. По числу работниковъ 166 хозяйствъ группировались въ 1909 г. слѣдующимъ образомъ: безъ работниковъ было 8 хозяйствъ (5%), съ однимъ работникомъ—70 (42%), съ 2 работниками — 58 (35%), съ 3 и болѣе работниками—30 (18%). Хозяйствамъ этимъ принадлежало въ августѣ 1909 г. 658 рабочихъ лошадей, 6 паръ быковъ, 883 дойныя коровы, 81 косилка, 10 конныхъ молотилокъ, одна рушка, одна кузница, три маслобойныхъ завода (такъ называемыя въ Сибири молоканки).

Средняя обезпеченность двора крупнымъ скотомъ (рабочими лошадьми и дойными коровами) достигла 9,3 гол. (противъ 3,8 гол.

въ 1896 г.), т. е. увеличилась почти въ $2^1/_2$ раза. Безъ скота было всего 4 двора (2 старика, промышлявшіе рыболовствомъ, старикъ нищій, брошенный сыномъ, и незадачливая семья, у которой незадолго до моего пріѣзда издохла лошадь и напоролась корова), безъ лошадей—11 дворовъ (помимо отмѣченныхъ четырехъ семей безъ скота, еще семь семей, изъ нихъ нѣкоторыя съ большимъ количествомъ коровъ), съ одною лошадью—6 дворовъ (изъ нихъ два только что выдѣлившихся), съ 2 лошадями—25 дворовъ (15% общаго числа хозяйствъ), съ 3 и болѣе лошадей—остальные 124 двора (75% общаго числа хозяйствъ). Общая площадь запашки у описываемыхъ семей равнялась въ 1909 г. 1471 десятинѣ, что въ среднемъ на хозяйство даетъ 9 десятинъ; по сравненію съ 1896-мъ годомъ запашка увеличилась на 50% (любопытно, что приростъ населенія за тотъ же промежутокъ времени выражается также 50%). Между отдѣльными хлѣбами площадь культуры распредѣлялась въ 1909-мъ году такъ: подъ яровою пшеницею было 959 десятинъ (65%), подъ овсомъ 437 дес. (30%), подъ просомъ 75 дес. (5). По сравненію съ 1896-мъ годомъ увеличилась почти втрое запашка подъ овесъ (съ 152 десятинъ до 437), наоборотъ упалъ нѣсколько посѣвъ проса (съ 95 до 75 дес.); запашка подъ пшеницу возрасла на 40% (съ 672 дес. до 959).

По размѣрамъ запашки описываемые 166 дворовъ группировались въ 1909 г. слѣдующимъ образомъ: безъ посѣва было три хозяйства (въ 1896 г.—6), съ посѣвомъ отъ 1 дес. до 5 дес.,—54 хозяйства (въ 1896 г.—83), съ посѣвомъ отъ 6 до 10 дес.—55 хозяйствъ (въ 1896 г.—53), съ посѣвомъ болѣе 10 десятинъ—54 хозяйства (въ 1896 г.—только 12). Средняя запашка по тремъ приведеннымъ группамъ ($3^1/_2$ дес., 8 дес., 16 дес.) была въ 1909 г. такая же почти, какъ и въ 1896 г.; измѣнилось только соотношеніе группъ—двѣ трети хозяйствъ (109 изъ 166) перешло въ разрядъ сильныхъ.

Описанныя 166 семей были лишь ядромъ Ново-Александровскаго сельскаго общества. Приселеніе къ этому ядру шло, съ перерывомъ на время русско-японской войны, всѣ послѣдующіе годы; продолжается оно и теперь, такъ какъ въ поселкѣ приходится свыше 15 десятинъ земли на наличную мужскую душу. Въ августѣ 1909 г., когда я былъ въ Ново-Александровкѣ, тамъ проживало около 30 неприписанныхъ еще, но фактически уже осѣвшихъ семей; часть этихъ семей была, видимо, въ какихъ-то отношеніяхъ съ Новоалександровцами; другія стали строиться на задворкахъ самовольно.

По времени водворенія приселившіеся общественники (я имѣю въ виду прибывшихъ послѣ 1894 г. и уже приписанныхъ казенною палатою крестьянъ) распредѣляются на двѣ группы. До войны при-

было 58 хозяйствъ; къ августу 1909 г. хозяйства эти насчитывали 508 ѣдоковъ, 119 работниковъ и 120 работницъ; имъ принадлежало 273 лошади, 34 рабочихъ быка, 397 коровъ, 33 косилки, 5 конныхъ молотилокъ. Послѣ войны, главнымъ образомъ въ 1907 и 1908 г.г., водворилось еще 54 хозяйства, въ составѣ 368 ѣдоковъ, 97 работниковъ и 92 работницъ; этимъ хозяйствамъ принадлежало къ августу 1909 г. 91 корова, 5 косилокъ. Свѣдѣній о запашкѣ тѣхъ и другихъ семей у меня не имѣется.

Интересно сопоставленіе обезпеченности скотомъ по той и другой группѣ: въ то время, какъ у первой на дворъ приходится 12 головъ крупнаго скота, у второй только 3, 4 гол.; въ первой группѣ безлошадныхъ нѣтъ, одну лошадь имѣетъ одно хозяйство, по двѣ лошади—три хозяйства, по 3 и болѣе лошадей—54 семьи; среди дворовъ, устроившихся въ 1907 и 1908 гг., — 13 безлошадныхъ, 21 однолошадный, 11 съ 2 лошадями, и только 9—съ тремя и болѣе. Состоятельность семей прямо пропорціональна времени пребыванія ихъ въ Сибири.

Что же касается до мѣстъ выхода, то изъ первой группы (пришедшіе до войны) пятьдесятъ семей—уроженцы Воронежской губерніи, главнымъ образомъ Воронежскаго уѣзда (по большей части это—родственники и знакомые первой партіи). Остальные 8 дворовъ пришли изъ разныхъ мѣстъ.

По второй группѣ только 17 семей приходится на Воронежскую губернію. Остальныя 37 семей по мѣсту выхода распредѣляются между 12 губерніями.

Характерно отношеніе къ новоприбывшимъ, не имѣющимъ въ селѣ ни родственниковъ, ни однообщественниковъ по мѣсту выхода, со стороны большинства крестьянъ давно устроившихся. Оно чрезвычайно напоминаетъ отношеніе сибиряка-старожила къ переселенцу. Забывъ о томъ, что лѣтъ пятнадцать тому назадъ они были въ такомъ же точно положеніи, крестьяне давно прибывшіе и хорошо по большей части устроившіеся свысока смотрятъ на вновь пріѣзжихъ, зовутъ ихъ нищими и лодырями, говорятъ, что они не умѣютъ работать, спрашиваютъ, нельзя ли какимъ-нибудь образомъ отъ нихъ отдѣлаться и т. д.

Въ общемъ численность и обезпеченность скотомъ населенія Ново-Александровскаго сельскаго общества (не считая 30 дворовъ неприписанныхъ) была въ августѣ мѣсяцѣ 1909 г. такая: 278 хозяйствъ въ составѣ 2160 ѣдоковъ, 507 работниковъ, 508 работницъ; имъ всѣмъ принадлежало 1022 лошади, 46 быковъ, 1371 корова, 119 косилокъ, 16 конныхъ молотилокъ, 3 молоканки и рушка.

Во владѣніи сельскаго общества числилось, по послѣднимъ

даннымъ о раскладкѣ оброчной подати, 20.377 десятинъ удобной земли: «степи у насъ много,—говорили крестьяне, — всю не запашешь». Платежи, по тѣмъ же даннымъ (считая и волостные сборы) были весьма не велики: 2000 руб. съ небольшимъ въ годъ. Недоимокъ не было вовсе.

Въ раіонѣ, откуда вышло большинство переселенцевъ (Воронежскій, Коротоянскій и Острогожскій уѣзды Воронежской губ.), земля дѣлится и всѣ сборы, какъ казенные, такъ земскіе и мірскіе, раскладываются по числу душъ мужскаго пола при послѣднемъ передѣлѣ. Также распредѣляются обычно и покосы, и хворостъ изъ лѣса—словомъ, можно сказать, почти все.

Попавъ въ новыя условія непривычнаго земельнаго простора, крестьяне Ново-Александровскаго сельскаго общества до послѣдняго времени совершенно не регулировали пользованія пахотною землею,—«степью», какъ они ее называютъ,—какъ въ смыслѣ обработки ея подъ посѣвы, такъ и въ отношеніи покосовъ въ степи. Теперь они собираются поставить дѣло иначе, введя какое-нибудь уравнительное начало; повидимому, въ этомъ отношеніи нѣкоторую роль съиграли косилки, съ помощью которыхъ сильные дворы, имѣя ихъ по 2 и 3, захватываютъ для своихъ коровъ слишкомъ уже большое пространство. Въ качествѣ подготовительныхъ работъ крестьянами измѣрена, при помощи какого-то домашняго землемѣра, земля и разбита на квадраты.

Заливные луга свои, которыхъ не такъ много (около 600 дес.) крестьяне дѣлятъ по сибирски, по бойцамъ, т. е. взрослымъ работникамъ. Окладные сборы распредѣляются ими по фактической запашкѣ; выбираются учетчики, на обязанности которыхъ лежитъ выяснить, сколько кто пашетъ, и по пашнѣ раскладывается назначенная на село сумма.

По дворамъ собирается денежное жалованье священнику (600 р.) и руга пшеницей какъ ему, такъ и причетнику, который, помимо церковнослуженія, занимается также въ мѣстной церковно-приходской школѣ.

Довольно оригинально организованъ въ поселкѣ надзоръ за лошадьми. У крестьянъ первое время часто угоняли лошадей сосѣдніе киргизы. Теперь киргизовъ этихъ ново-александровцы пригласили пастухами за ручательствомъ улуснаго общества и съ залогомъ. Вознагражденіе пастухамъ, выплачиваемое въ большей своей части по наступленіи зимы, когда подножнаго корма уже нѣтъ и лошадей начинаютъ держать по дворамъ, собирается слѣдующимъ образомъ. Производится, въ присутствіи киргизовъ, опись и оцѣнка лошадей, и каждый хозяинъ вноситъ на уплату пасту-

хамъ, въ качествѣ своего рода страховой преміи, извѣстный, одинаковый для всѣхъ процентъ съ оцѣночнаго рубля. Большая часть денегъ хранится до зимы залогомъ. Въ случаѣ пропажи лошади или жеребенка, киргизы отвѣчаютъ за пропажу въ размѣрѣ оцѣнки, при чемъ деньги удерживаются изъ собранныхъ на уплату имъ и хранящихся у старосты суммъ.

Любопытно, что въ говорѣ крестьянъ, пріѣхавшихъ въ Сибирь дѣтьми, наблюдаются уже нѣкоторыя сибирскія особенности, напримѣръ, совершенно несвойственное Воронежской губ. «чо» вмѣсто «что». Сказывается вліяніе Сибири и въ манерѣ одѣваться. Одинъ изъ четырехъ дней, проведенныхъ мною въ Ново-Александровкѣ, пришелся на праздникъ; вся улица была наполнена гуляющимъ народомъ; многіе изъ парней вмѣсто цвѣтныхъ рубахъ были уже въ темныхъ блузахъ, съ широкими, чуть не въ четверть аршина, ременными поясами. Да и женскіе костюмы показались мнѣ менѣе яркими. Исчезли совершенно (впрочемъ это сдѣлано было, по словамъ крестьянъ, для удобства) и полушубки; ихъ вытѣснили короткія мѣховыя куртки и шубы барнаулки.

Экономически поселокъ Ново-Александровскій тяготѣетъ не къ Змѣиногорску, а къ Семипалатинску. Туда крестьяне везутъ пшеницу и сливочное масло; это пока ихъ единственный рынокъ.

Съ чувствомъ большого раздраженія сообщали мнѣ крестьяне о прижимкахъ со стороны семипалатинскихъ купцовъ—скупщиковъ хлѣба. Сколько можно было понять изъ ихъ словъ, семипалатинскіе ссыпщики и мукомолы, въ рукахъ которыхъ находится также и перевозка хлѣба рѣкой, создали себѣ, образовавъ своего рода трестъ, крѣпкое монопольное положеніе и, пользуясь этимъ и дѣйствуя солидарно, устанавливали выгодную для нихъ рыночную цѣну.

Въ Семипалатинскѣ главнымъ образомъ крестьяне запасаются и земледѣльческими орудіями, изъ которыхъ, помимо разнаго рода плуговъ, особенно широкое примѣненіе находятъ себѣ въ послѣднее время косилки. Орудія эти покупаются обыкновенно на выплату, съ уплатой задатка и выдачей обязательства, которое, при невозможности почему-либо въ срокъ расплатиться, легко переписывается на новые сроки. Продажа въ кредитъ процентовъ на 5—6 дороже, чѣмъ за наличный разсчетъ; кромѣ того по обязательству насчитывается 7—8½ роста ежегодно. Съ развитіемъ складовъ сельско-хозяйственныхъ машинъ переселенческаго управленія сильно упали цѣны на машины у частныхъ предпринимателей. Теперь расцѣнки многихъ складовъ земледѣльческихъ машинъ прямо приравниваются къ цѣнамъ, по какимъ торгуетъ ближайшій переселенческій складъ.

Весьма существенную роль въ бюджетѣ крестьянъ поселка Ново-Александровскаго играетъ молочное хозяйство; о развитіи его свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что дойныхъ коровъ по селу было въ 1909 г. больше, чѣмъ рабочихъ лошадей (1371 и 1022).

Если принять во вниманіе, что каждая корова даетъ, по свѣдѣніямъ мѣстнаго правительственнаго агронома, до 55 пудовъ молока въ годъ, а расцѣнка молока была въ послѣднее время по Змѣиногорскому уѣзду по 40—45 коп. пудъ, то можно исчислить валовой доходъ отъ одной дойной коровы въ 22—23 руб., что на каждый дворъ, при среднемъ количествѣ коровъ около пяти, даетъ свыше 100 рублей.

Молоко сбывается на три работающія уже нѣсколько лѣтъ въ селѣ молоканки; оборотъ этихъ молоканокъ, по свѣдѣніямъ мѣстнаго податного инспектора, равнялся въ 1907 г. 15.500 руб.

При одномъ изъ этихъ маслобойныхъ заводовъ, самомъ сильномъ (Свиридова), очень бойко торгуетъ принадлежащая ему же мелочная лавка. Въ лавкѣ широко практикуется система заборныхъ книжекъ, въ которыхъ съ одной стороны отмѣчается пріемъ молока, съ другой—отпускъ товара; ежемѣсячно по книжкѣ подводятся итоги и производится разсчетъ. Въ моихъ рукахъ была заборная книжка большой богатой семьи, насчитывающей 12 дойныхъ коровъ; молока сдавалось ею въ мѣсяцъ на 20—30 руб., товара забиралось на 15—25 рублей.

Пріемы земледѣльческаго хозяйства, несмотря на широкое примѣненіе усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, могутъ быть названы довольно грубыми; все основано исключительно на эксплоатаціи естественныхъ силъ земли, не поддерживаемыхъ ни удобреніемъ, ни смѣною культуръ, а возстанавливаемыхъ лишь комбинаціей двухъ средствъ: оставленіемъ земли въ залежѣ (главнымъ образомъ) и чередованіемъ посѣва съ паромъ. Пахотное поле три-четыре года подрядъ засѣвается нерѣдко однимъ и тѣмъ же хлѣбомъ, затѣмъ на годъ оставляется подъ паромъ (если оно близко и туда почему-либо удобно ѣздить, а то его обращаютъ прямо въ залежь), затѣмъ оно опять идетъ подъ хлѣбъ и т. д. Чередованіе хлѣба и пара на близкомъ, удобномъ мѣстѣ продолжается до тѣхъ поръ, пока сильное паденіе урожайности и заростаніе поля сорными травами не заставляетъ бросить землю въ залежь на болѣе продолжительное время.

Земля подъ пшеницу (ржи почти не сѣется) пашется обыкновенно въ первый разъ въ іюнѣ предшествующаго года, затѣмъ еще одинъ разъ, чаще два раза, въ апрѣлѣ и маѣ слѣдующаго года, передъ посѣвомъ. Подъ овесъ или просо пашутъ весной обыкновенно только одинъ разъ. Пашка исключительно плужная, посѣвъ ручной; рядовыхъ сѣялокъ я не видѣлъ.

Урожайность отличается большою пестротою. Урожай 1908 г. былъ въ Ново-Александровкѣ великолѣпный (до 150 пудовъ съ десятины пшеницы, отъ 80 до 100 пуд. овса); въ 1909 г. урожай оказался ниже средняго (30—40 пудовъ). Средній за трехлѣтіе 1905—1907 гг. сборъ съ десятины, по даннымъ Томской казенной палаты, для Змѣиногорскаго уѣзда былъ, за вычетомъ сѣмянъ, для пшеницы—56 пудовъ, для овса—55 пудовъ. За тотъ же періодъ пшеница стоила 65 коп., рожь 50 коп., овесъ 40 коп. пудъ. По сравненіи съ 1894 г., когда переселенцы только что прибыли, цѣны возросли почти втрое.

При бесѣдѣ съ крестьянами особенно подчеркивались ими преимущества земельнаго простора. Многіе говорили, что имъ прямо непонятно теперь, какъ они тамъ на старыхъ «стѣсненныхъ» мѣстахъ могли перебиваться. «Здѣсь и мы проживемъ, и нашимъ дѣтямъ можно будетъ жить»,—замѣчали пожилые.

Вопросъ о томъ, гдѣ приходится больше работать, въ Сибири или въ обстановкѣ центральной земледѣльческой полосы, разрѣшался большинствомъ въ пользу Сибири. Работы здѣсь больше и она труднѣй — говорили крестьяне; тамъ въ Россіи бывало съ одной подводой за лѣсомъ или въ извозъ идешь, а тутъ, если возишь что, то одинъ на четырехъ-пяти лошадяхъ управляешься. Такъ и все; мужикамъ изъ-за большой запашки (жадность на землю обуяла—замѣчали по этому поводу нѣкоторые) тяжело, бабамъ—изъ-за обилія скота, за которымъ приходится ходить и который зимой на холодѣ такъ трудно выдаивать. Бабы и дѣвки по словамъ одного изъ собесѣдниковъ, въ Сибири, поэтому, товаръ болѣе дорогой, чѣмъ въ Россіи.

О плугахъ, совершенно вытѣснившихъ соху, и о косилкахъ крестьяне отзывались прямо любовно. Прежде бывало себѣ всѣ руки на сохѣ растрясешь, а теперь, когда пашешь, приладишь себѣ плужокъ и идешь полегоньку; а уже косилка—словъ нѣтъ! О Сибирской лошади большинство крестьянъ говорило съ большой похвалой: она и лучше, и выносливѣе воронежской. Въ Семипалатинскъ (за 100 верстъ почти) порожнякомъ ѣздятъ не отдыхая. Наоборотъ, молочный скотъ, что меня очень удивило, хуже, по ихъ словамъ, чѣмъ въ Воронежскомъ уѣздѣ. Объясняется это отчасти отсутствіемъ хорошихъ производителей; вотъ бы сюда Плотицынскихъ бычковъ [1])—мечтали крестьяне, пришедшіе изъ Острогожскаго уѣзда.

---

[1]) Большая экономія въ одномъ изъ южныхъ уѣздовъ Воронежской губ., славившаяся своимъ скотоводствомъ.

Итакъ, изъ партіи въ 176 семей, покинувшей въ 1894 г. Воронежскую губ., 18 семей (около 10%) вернулось въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ, 12 семей (около 7%) устроилось по сосѣдству въ другихъ селеніяхъ той же губерніи; остальныя семьи живутъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ онѣ осѣли въ 1894 г., и живутъ съ большимъ достаткомъ.

Такой результатъ, какъ мнѣ кажется, можетъ быть смѣло названъ хорошимъ, особенно если принять во вниманіе, что большинство переселенцевъ жило на мѣстѣ выхода бѣдно.

Достигнутъ былъ этотъ результатъ, конечно, прежде всего потому, что нашелся въ лицѣ А. Н. Антаевой самоотверженный и энергичный человѣкъ, вынесшій на своихъ плечахъ всю тяжесть этого дѣла, не побоявшійся взяться за него и съумѣвшій довести его до конца—человѣкъ, пользующійся притомъ полнымъ довѣріемъ крестьянъ.

Благопріятному исходу дѣла способствовали слѣдующія обстоятельства:

1) удачный выборъ участка — хорошаго по качеству земли и напоминающаго по характеру мѣстности и по нѣкоторымъ хозяйственнымъ условіямъ родныя переселенцамъ мѣста;

2) поселеніе всѣхъ переселенцевъ въ одномъ мѣстѣ, какъ бы перенесеннымъ кускомъ родной деревни; благодаря этому, новоселы могли помогать другъ другу въ случаѣ нужды, и не чувствовали себя столь одинокими и отрѣзанными въ самое тяжелое для нихъ первое время;

3) значительность оказанной переселенцамъ денежной помощи, достаточной по цѣнамъ того времени, чтобы крестьяне могли дѣйствительно стать на ноги, выданной въ тотъ самый моментъ, когда переселенцы обзаводились необходимымъ, и пошедшей поэтому исключительно на обзаведеніе, распредѣленной, наконецъ, въ строгомъ соотвѣтствіи съ нуждой, такъ какъ состоятельность отдѣльныхъ семей была хорошо извѣстна.

Наблюденія, которыя мнѣ приходилось попутно дѣлать во время поѣздокъ въ Сибирь въ 1907 и 1909 гг. касательно современной организаціи переселенческаго движенія и, главнымъ образомъ, оказанія правительственной помощи переселенцамъ, приводятъ меня къ выводу, что какъ въ дѣлѣ выбора мѣстъ водворенія, такъ и въ дѣлѣ ссудной помощи переселенцамъ желательны нѣкоторыя измѣненія.

Всякій, кому случалось проѣзжать великимъ Сибирскимъ путемъ, помнитъ, вѣроятно, встрѣчные поѣзда переселенцевъ, возвращающихся въ Европ. Россію. По большей части обратные переселенцы—народъ, глубоко несчастный, измученный и нерѣдко въ вы-

сокой степени озлобленный на все окружающее. Бесѣды съ ними производятъ сильное впечатлѣніе и, при всей ихъ случайности, вселяютъ убѣжденіе съ одной стороны въ сравнительной незначительности въ настоящее время земельнаго фонда, *непосредственно пригоднаго для заселенія*, съ другой—въ той полной неосвѣдомленности о мѣстахъ переселенія, съ которой по прежнему отправляется въ Сибирь множество крестьянъ. Многія семьи, переваливъ за Уралъ, попадаютъ, поэтому, въ такія мѣста, гдѣ естественныя условія мало сходны съ тѣми, въ какихъ имъ приходилось вѣками вести хозяйство, и раззоряются, не умѣя, по малой культурности и по недостатку средствъ, приспособить къ новой обстановкѣ свою хозяйственную дѣятельность.

Правда, это въ значительной мѣрѣ касается самовольныхъ переселенцевъ, двигающихся въ Сибирь напроломъ, безъ посылки ходоковъ и предварительнаго зачисленія долей; но такихъ переселенцевъ едва ли не половина, и сдѣлать что-нибудь въ ихъ пользу, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ движеніе ихъ особенно сильно,—дѣло первостепенной важности.

Впрочемъ и отъ возвращающихся ходоковъ приходилось слышать неоднократно, что они были чрезвычайно стѣснены въ выборѣ: право осмотра участковъ было ограничено для нихъ опредѣленными переселенческими раіонами, которые по хозяйственнымъ условіямъ своимъ были мало для нихъ пригодны. Очевидно, что при распредѣленіи земельнаго фонда между губерніями, откуда идутъ переселенцы не всегда учитываются въ достаточной мѣрѣ мѣстныя условія.

Постановка оказываемой переселенцамъ правительственной помощи на домообзаведеніе грѣшитъ, какъ мнѣ кажется, слѣдующими недостатками:

1) размѣръ выдаваемыхъ пособій (maximum—165 р., обыкновенно—отъ 70 до 90 руб.) не даетъ возможности устроиться совершенно неимущему человѣку, каковымъ все чаще и чаще является въ Сибирь переселенецъ;

2) пособія эти выдаются частями [1]), и нерѣдко не въ то время, когда они болѣе всего нужны, что лишаетъ ихъ во многихъ случаяхъ характера помощи на устройство, обращая въ простую продовольственную помощь;

3) пособія выдаются почти всѣмъ, въ томъ числѣ лицамъ, которыя могли бы обойтись безъ нихъ (правда, число состоятель-

---

1) Изъ разсчетныхъ книгъ Сибирскихъ казенныхъ палатъ о ссудныхъ выдачахъ видно, что чаще всего ссуда выдается въ три пріема.

ныхъ переселенцевъ очень невелико), а также переселенцамъ, не имѣющимъ твердаго намѣренія устроиться и нерѣдко тотчасъ по полученіи денегъ бросающимъ участки.

Мнѣ кажется, что дѣло выдачи ссудъ на домоустройство *только нуждающимся, сообразно ихъ нуждѣ, и притомъ дѣйствительно желающимъ прочно устроиться*, могло бы быть хорошо поставлено лишь при наличности заслуживающихъ довѣрія свѣдѣній съ мѣста выхода переселенцевъ [1]). Быть можетъ, слѣдовало бы съ этою цѣлью образовать какую-нибудь переселенческую организацію въ губерніяхъ, откуда идетъ наибольшее движеніе. Организація эта могла бы во всѣхъ подробностяхъ освѣдомлять о свободныхъ мѣстахъ, могла бы предупреждать переселеніе такихъ семей, которыя, по неблагопріятному рабочему составу, слабому здоровью, причинамъ нравственнаго свойства обречены на неудачу на мѣстахъ водворенія и тысячами возвращаются обратно или гибнуть въ Сибири. Чтобы устроиться хорошо въ новой, непривычной обстановкѣ, при очень тяжелыхъ почти вездѣ въ первое время условіяхъ (удобныхъ для поселенія земель становится съ каждымъ годомъ меньше) необходимо, помимо средствъ, много энергіи и силъ. Судя по тому, что приходилось слышать и наблюдать, наиболѣе состоятельные и крѣпкіе элементы стремятся теперь устроиться путемъ причисленія въ старожильческія общества, уплачивая нерѣдко довольно большія деньги за пріемные приговоры, но попадая за то въ большинствѣ случаевъ въ благопріятную обстановку. На таежныя же прогалины, гдѣ шагъ за шагомъ землю приходится отвоевывать у лѣса, или въ безводныя киргизскія степи попадаютъ чаще всего наименѣе обезпеченныя во

[1]) Въ настоящее время, не располагая данными съ мѣстъ выхода ни о состоятельности переселенца, ни о томъ, какимъ работникомъ онъ былъ у себя дома, завѣдущій водвореніемъ переселенческій чиновникъ при разрѣшеніи ссудъ и при выдачѣ ихъ находится въ довольно безвыходномъ положеніи, прямо въ потемкахъ. По инструкціи предварительно выдачи ссудъ слѣдуетъ удостовѣриться, что переселенецъ принялъ прочное рѣшеніе поселиться на избранномъ участкѣ и приступить къ устройству хозяйства. Чтобы убѣдиться въ этомъ, необходима наличность ясныхъ и опредѣленныхъ признаковъ, по которымъ прочное рѣшеніе поселиться только и можно болѣе или менѣе опредѣлить. Признаки эти: возведеніе построекъ, покупка скота и орудій, начало работъ по расчисткѣ мѣста. Человѣкъ неимущій, безъ копейки, каковымъ въ большинствѣ случаевъ является теперь переселенецъ ни къ какимъ такимъ мѣропріятіямъ безъ правительственной ссуды не можетъ приступить. Вотъ и получается типичный circulus vitiosus: чтобы удостовѣриться въ прочномъ намѣреніи поселиться и выдать, не рискуя, ссуду, необходимо, чтобы переселенецъ приступилъ къ работѣ — а приступить къ работѣ безъ ссуды онъ не можетъ.

всѣхъ отношеніяхъ семьи. И сколько тутъ гибнетъ переселенцевъ, сколько разбредается въ разныя мѣста—можно видѣть изъ переписки Сибирскихъ казенныхъ палатъ по взысканію переселенческихъ ссудъ: отмѣтками «всѣ вымерли, ушли неизвѣстно куда», пестрятъ недоимочные реестры по деревнямъ многихъ раіоновъ. Между тѣмъ, отправка этихъ переселенцевъ въ Сибирь по льготному переселенческому тарифу, выдача имъ разнообразныхъ ссудъ, обратная отправка на родину—все это стоитъ государственному казначейству такъ много, что невольно возникаетъ вопросъ, не лучше ли было бы попытаться устраивать эти слабыя семьи на мѣстѣ, въ привычной имъ и не требующей такого напряженія силъ обстановкѣ.

Слухи о томъ, что казна кормитъ переселенцевъ, что она оказываетъ имъ крупныя денежныя пособія, получили значительно большее распространеніе, чѣмъ свѣдѣнія объ истинныхъ условіяхъ жизни въ Сибири. Многіе крестьяне пріѣзжаютъ въ Сибирь спеціально изъ-за ожидаемыхъ пособій, — и, конечно, большинство такихъ новоселовъ весьма плохо устраивается на новыхъ мѣстахъ.

По вопросу о ссудахъ я бесѣдовалъ съ крестьянами, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ. Долженъ сказать, что точка зрѣнія крестьянъ на ссуды едва ли можетъ быть названа правильной; они почти всѣ увѣрены, что ссуды эти безвозвратныя, и смотрятъ на нихъ, какъ на благотворительное пособіе; самая безпроцентность ссудъ приводится ими нерѣдко, какъ доказательство такого ихъ характера. Не скажу, чтобы такая точка зрѣнія способствовала бережливому расходованію ссудныхъ денегъ—а онѣ выдаются несомнѣнно въ недостаточномъ для устройства размѣрѣ.

Позволяю себѣ закончить пожеланіемъ, чтобы государственная помощь переселенцамъ была расширена въ смыслѣ всесторонняго и полнаго удовлетворенія ихъ дѣйствительныхъ нуждъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ организована на другихъ началахъ. Слѣдуетъ оказывать помощь тѣмъ, кто можетъ устроиться, оказывать ее въ достаточномъ размѣрѣ, и осуществлять въ видѣ доступнаго и недорогого кредита.

К. К. Федяевскій.

АНАРХО-БАНДИТЫ.

(Письмо изъ Парижа).

Въ послѣднее время общее вниманіе во Франціи привлекла къ себѣ дѣятельность банды, въ составъ которой входило нѣсколько десятковъ анархистовъ-индивидуалистовъ. Банда эта совершила множество разбоевъ, поражавшихъ наглостью, смѣлостью и полнымъ пренебреженіемъ къ чужой жизни. Вламывались ночью къ зажиточнымъ, одинокимъ и старымъ буржуа, убивали ихъ и грабили. Врывались днемъ въ почтовыя конторы, банки, убивали служащихъ и грабили. На улицѣ Парижа напали на банковскаго кассира, убили его и ограбили. Около полугода полиція не могла поймать главарей шайки. Задержать ихъ на мѣстѣ преступленія не удавалось потому, что въ ихъ распоряженіи имѣлись автомобили, тоже украденные, иногда отнятые у шофферовъ вооруженной рукой; на этихъ автомобиляхъ бандиты ускользали отъ преслѣдователей. Задержать ихъ послѣ преступленія было трудно, такъ какъ они не прокучивали, подобно обычнымъ разбойникамъ, деньги въ притонахъ, а скрывались умненько при помощи «товарищей по убѣжденіямъ». Въ концѣ концовъ три главаря шайки были однако взяты: одинъ—случайно, два другихъ—вслѣдствіе доноса. Когда ихъ захотѣли арестовать, они оказали ожесточенное сопротивленіе. Пришлось мобилизировать цѣлые отряды войскъ, взрывать дома динамитомъ и мелинитомъ, и опять поплатиться человѣческими жертвами. Все это — событія необычныя и исключительныя для мирнаго и «благоустроеннаго» западно-европейскаго общества, и естественно, что добрый буржуа «добраго города Парижа» былъ взволнованъ и полонъ негодованія. Бандитизмъ, и гдѣ? Въ Парижѣ! Въ двадцатомъ вѣкѣ! Пресса посвящала столбцы и столбцы подвигамъ «трагической банды»; полиція развернула всѣ свои силы; шли запросы въ палатѣ депутатовъ; дѣлались ассигновки на усиленіе полицейскихъ кадровъ. И общественное мнѣніе требовало, чтобы «съ этимъ невозможнымъ положеніемъ непремѣнно было покончено».

Вмѣстѣ съ тѣмъ и общественное мнѣніе, и пресса, какъ ея выразительница, искали «виноватаго». Покончить съ явленіемъ можно лишь зная его причины. Гдѣ причины этого новаго бандитизма? Такъ какъ всѣ участники банды принадлежали къ группѣ анархи-

стовъ-индивидуалистовъ, и либо группировались вокругъ органа этой группы «L'anarchie», издающейся въ Парижѣ, либо находились въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ ней и раздѣляли ея идеи,—то часть прессы увидѣла причину и корень трагическаго явленія въ этомъ порядкѣ идей. Другіе, восходя по линіи генезиса, насколько онъ былъ имъ доступенъ, дѣлали отвѣтственнымъ за бандитизмъ не только анархическій индивидуализмъ, но вообще анархическую доктрину. Послѣ того какъ двое изъ бандитовъ, Гарнье и Валлэ, были взяты и убиты, «Temps» писалъ:

— Еще одинъ изъ сыновей Кропоткина снизшелъ во адъ...

Въ этой кощунственной по своей структурѣ фразѣ органъ de la haute finance дѣлалъ морально отвѣтственной за разбои и убійства, волновавшіе страну, ту идеалистическую и гуманитарную метафизику, представителями которой являются кроткіе и миролюбивые мечтатели-ученые, Кропоткинъ, Элизэ Реклю и др.

Морисъ Барресъ продолжилъ линію генезиса бандитизма. Его родоначальникомъ онъ считаетъ Жанъ-Жака Руссо, противуположившаго личность, «въ своей основѣ благородную», обществу—всегда испорченному. Руссо освободилъ личность отъ уваженія къ общественнымъ установленіямъ, провозгласилъ право личности судить общество, протестовать противъ его установленій; въ теченіе полутораста лѣтъ онъ формировалъ революціонеровъ и бунтарей. На немъ моральная отвѣтственность, онъ отецъ всякой анархіи.

Такъ утверждаетъ буржуа, забывая, что «отецъ анархизма» былъ однимъ изъ идеологовъ той революціи, которая открыла буржуазіи двери исторической сцены. Но клерикальная мысль идетъ еще далѣе. «La Croix» полагаетъ, что индивидуальный бунтъ, имморальность, преступность—необходимыя послѣдствія упадка религіознаго чувства и религіозной идеи. Въ обществѣ, вышедшемъ изъ-подъ власти церкви, ея незыблемыхъ догматовъ и ея абсолютной морали, должны пышнымъ цвѣтомъ расцвѣсть всѣ пороки и всѣ преступленія.

Такимъ образомъ «Temps» взялъ за одну скобку съ анархистами-бандитами анархистовъ-идеалистовъ; Барресъ въ ту же скобку включилъ всю соціальную, демократическую и революціонную школу Руссо, «La Croix»—всю свѣтскую, иррелигіозную мысль. Нѣтъ спасенія внѣ церкви. Вся современная культура отвѣтственна за бандитизмъ.

Этотъ выводъ будетъ съ негодованіемъ отвергнутъ буржуазіей, по крайней мѣрѣ той ея частью, которая борется направо—съ клерикализмомъ и церковью, налѣво — съ соціализмомъ и анархизмомъ. Но справедливость заставляетъ насъ сказать, что методо-

логически онъ не менѣе правиленъ или, вѣрнѣе, такъ же мало правиленъ, какъ и взгляды «Temps» и Барреса. Взгляды церковниковъ, какъ и взгляды буржуа устанавливаютъ прямую связь между той или иной идеей, распространенной въ данномъ обществѣ или въ части его, и поступками отдѣльныхъ лицъ или группъ, къ этому обществу принадлежащихъ и испытавшихъ на себѣ нѣкоторое вліяніе этихъ идей. Методъ—теоретически негодный, такъ какъ прямой и исключительной генетической зависимости между идеями и поступками не существуетъ. Связь идеи и поступковъ сложна и разнообразна. Очень часто и идеи, и поступки имѣютъ общій соціальный корень. Очень часто поступки совершаются внѣ всякихъ идейныхъ вліяній, а затѣмъ лишь прикрываются тѣми или иными теоріями. Наконецъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда идейныя построенія участвуютъ въ генезисѣ поступковъ, не всегда правильно возлагать отвѣтственность за поступокъ на идею. Въ одномъ изъ №№ анархо-индивидуалистическаго журнала «L'Anarchie» мы встрѣчаемъ слѣдующее разсужденіе, имѣющее цѣлью доказать право личности слѣдовать влеченіямъ своей природы, независимо отъ того, каковы они. Небесныя тѣла носятся въ міровомъ пространствѣ по орбитамъ, которыя для каждаго небеснаго тѣла опредѣляются его собственной природой: массой, начальной скоростью движенія и т. д. И послѣдствіемъ этого является «небесная гармонія». Отсюда ясно, что соціальная гармонія получится въ томъ случаѣ, если орбита жизни каждаго соціальнаго тѣла, т. е. каждаго индивида, будетъ опредѣляться его собственной природой. Природа человѣка находитъ свое выраженіе въ свойственныхъ ему влеченіяхъ и побужденіяхъ. Слѣдовательно: поступай какъ тебѣ хочется, и всѣмъ будетъ прекрасно.

Бонно не захотѣлъ работать—и его повлекло къ другого рода видамъ дѣятельности и заработка. Какъ адептъ «соціально-астрономической» доктрины, онъ превратился въ бандита. Можно ли, однако, и астрономію, и соціологію, и логику дѣлать отвѣтственными за бандитизмъ, когда все астрономо-соціологическое разсужденіе анархо-индивидуалистовъ, и въ цѣломъ, и во всѣхъ частяхъ, представляетъ одинъ сплошной ляпсусъ—ляпсусъ знанія, логики и мысли? Очевидно—нѣтъ.

Въ объясненіи генезиса анархо-бандитизма намъ придется, такимъ образомъ, совершенно оставить въ сторонѣ тѣ причинныя указанія, которыя мы привели выше, и пойти своимъ путемъ. Начнемъ съ того, что бандитизмъ, въ какихъ бы яркихъ и поражающихъ воображеніе формахъ онъ ни проявлялся—болѣзнь для всѣхъ временъ и мѣстъ эндемическая. Онъ наблюдается всегда и повсюду. Не было ни эпохи, ни страны, въ которой не было бы грабителей

и убійцъ. Иногда больше, иногда меньше, но люди всегда силой отнимали другъ у друга имущество и убивали другъ друга. Исторія знавала даже цѣлые періоды, когда бандитизмъ составлялъ не исключеніе, а общее правило — напр. эпоху кулачнаго права, когда грабежъ на большихъ дорогахъ составлялъ своего рода право дворянства. Съ теченіемъ времени, съ ростомъ гражданственности исчезло право разбоя, и бандитъ сталъ исключеніемъ, довольно, впрочемъ, распространеннымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ «врагомъ общества». Должно однако отмѣтить, что далеко не всегда и далеко не всякій бандитъ признается всѣми въ этомъ послѣднемъ чинѣ. Разбойникъ Стенька Разинъ не признавался крестьянствомъ «врагомъ общества»; разбойничья «Запорожская сѣчь» не считалась малороссійскимъ народомъ враждебной обществу организаціей. Разбой различно квалифицируется различными общественными элементами, въ зависимости отъ того, чѣмъ онъ вызванъ, на что онъ направленъ и кѣмъ практикуется. Иногда онъ даже идеализируется извѣстными общественными слоями, — что, конечно, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ глубокой общественной дезорганизаціи, сопутствующей смутнымъ, переходнымъ общественнымъ эпохамъ, когда самъ «разбойникъ» является отчасти жертвой общественной неурядицы, а разбойное дѣйствіе направляется противъ «утѣснителей». Но для того, чтобы эта идеализація разбойника и разбоя была возможна, необходимо, чтобы «характеръ «жертвы общественной неправды» и «борьбы съ утѣсненіемъ» былъ очень ярко выраженъ. Въ такомъ случаѣ является для Пушкина возможность написать «Дубровскаго», а для народа—поэтизировать Кудеяра, Разина и другихъ, рисовавшихся въ видѣ героевъ и мстителей, или защитниковъ «сирыхъ и убогихъ».

Рядомъ съ героическимъ разбоемъ существуетъ разбой, такъ сказать, низшаго порядка, лишенный всякаго идейнаго или этическаго характера. Грабятъ и убиваютъ изъ корысти, чтобы имѣть деньги. Тысячи этого рода грабителей наполняютъ тюрьмы; все это люди или деморализованные, выбитые изъ условій нормальной жизни и испорченные, или разныхъ степеней психопаты, а проще моральные идіоты и кретины.

Когда, поэтому, передъ нами встаетъ извѣстное разбойное явленіе, намъ прежде всего нужно выяснить себѣ, имѣемъ ли мы дѣло съ простыми дегенератами, не умѣщающимися въ рамкахъ общественной морали и уголовнаго закона вслѣдствіе дефектовъ своей психо-физіологической природы, — иначе говоря, имѣемъ ли мы дѣло съ прирожденными преступниками, или же это явленіе сложнаго общественнаго характера? Правда, въ дѣйствительности

рѣдко можно наблюдать *чистые* случаи бандитизма того или другого рода. При извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ и дегенераты могли бы быть безвредными членами общества; съ другой же стороны, ненормальныя общественныя условія выбиваютъ изъ колеи всего легче нервно неустойчивыхъ субъектовъ. Все же даже въ смѣшанныхъ случаяхъ можно опредѣлить преобладающій характеръ явленія. И вотъ, разсматривая галлерею анархо-бандитовъ, дѣйствовавшихъ истекшей зимою во Франціи и терроризировавшихъ общество мирныхъ и добрыхъ гражданъ, должно признать, что въ своемъ громадномъ большинствѣ это не вырожденцы, не моральные уроды, не прирожденные преступники, а нормальные люди, вышедшіе изъ-подъ власти общественной нормы вслѣдствіе очень сложнаго комплекса причинъ. Послѣ того какъ вожди банды были уничтожены и «общественное негодованіе было, такимъ образомъ, удовлетворено, почти вся французская пресса отмѣтила даже, что въ смыслѣ энергіи, смѣлости и жизненной силы Бонно, Гарнье и многіе другіе изъ ихъ товарищей стояли гораздо выше средняго уровня. Это была своего рода физіологическая élite—отборъ, прекрасные экземпляры человѣческой расы, но только плохо направленные. Тѣмъ интереснѣе отвѣтить на вопросъ: что же сбило ихъ съ правильнаго пути?

Физіологически нормальные субъекты могутъ быть полными дикарями вслѣдствіе отсутствія всякой культуры. Въ нашихъ большихъ городахъ множество дѣтей растетъ въ притонахъ, на улицахъ, въ опустившихся семьяхъ, въ полномъ невѣжествѣ, подъ вліяніемъ дурныхъ примѣровъ, повинуясь исключительно животнымъ инстинктамъ. Изъ нихъ и рекрутируется армія преступниковъ, ими пополняются ассоціаціи воровъ. Но парижскіе анархо-бандиты не принадлежали къ этой категоріи. Они всѣ получили нѣкоторое образованіе, иногда низшее, въ очень недурной французской школѣ, иногда среднее. Почти всѣ обладали знаніемъ какого-либо ремесла или мастерства; нѣкоторые—прекрасные рабочіе, машинисты, механики, слесаря и т. п.; другіе съ успѣхомъ занимались торговлей. По происхожденію большинство ихъ вышло изъ рабочихъ семей, но нѣкоторые—изъ болѣе высокаго слоя employés, служащихъ, живущихъ «en bourgeois», т. е. «прилично». Всѣмъ имъ не были чужды умственные интересы. Одни изъ нихъ принимали участіе въ рабочемъ движеніи, были членами рабочихъ синдикатовъ, посѣщали общественныя собранія, читали книги. Одинъ изъ самыхъ злостныхъ членовъ банды, Каруи, участникъ нѣкоторыхъ ночныхъ грабежей, сопровождавшихся убійствомъ старыхъ и беззащитныхъ рантьеровъ—образованный человѣкъ, любитель философскихъ сочиненій. Будучи арестованъ, онъ, несмотря на грозящую ему гильотину, не теряетъ

веселаго насмѣшливаго настроенія, и цѣлые дни посвящаетъ чтенію книгъ по философіи. Неглупые, знающіе и ремесленно обученные люди, большинство анархо-бандитовъ жило не въ нищетѣ, а даже въ нѣкоторомъ, доступномъ рабочему достаткѣ, и пользовалось иногда уваженіемъ сосѣдей. Такъ, Детвейлеръ былъ прекраснымъ механикомъ и имѣлъ постоянное мѣсто. Бонно былъ и слесаремъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, и шофферомъ. Гузи имѣлъ лавку. Симентовъ—служилъ стрѣлочникомъ, и. т. д. Бандитами ихъ сдѣлала, такимъ образомъ, не испорченность въ раннемъ возрастѣ, не острая нужда, а также и не какія-либо чрезвычайныя обстоятельства, поставившія все вверхъ дномъ въ ихъ жизни. Причина гораздо болѣе простая и обыденная, и въ то же время гораздо болѣе внушительная по глубинѣ своего общественнаго значенія, обусловила переходъ Гарнье съ товарищами отъ верстака къ револьверу. Грубо и тривіально ее указалъ самъ Гарнье въ своихъ посмертныхъ запискахъ, часть которыхъ была опубликована въ газетахъ.—«Я не хотѣлъ,—писалъ онъ,—работать». Эту грубую фразу не надо понимать упрощенно. Не надо заключать, что передъ нами лѣнтяй, котораго пугалъ трудъ, который былъ неспособенъ къ усилію и потому погнался за легкой добычей—не добывать, а отнимать. Вѣдь въ своей разбойной дѣятельности Гарнье проявилъ грамадную способность къ усилію, исключительную активность. Это былъ дѣятельный человѣкъ, а не лѣнтяй. Не работа сама по себѣ пугаетъ его, не отъ работы хотѣлъ онъ освободиться: онъ не мирился съ тѣми условіями труда, которыя даны нашимъ временемъ. Я читаю его фразу—и думаю, что ее надо читать съ дополненіемъ: «Я не хотѣлъ работать въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя въ наше время поставлены трудъ и трудящійся».

Милліоны рабочихъ въ наше время не удовлетворяются этими условіями, и въ этомъ недовольствѣ, въ желаніи улучшить условія и положенія труда—единственная причина всего громаднаго соціальнаго движенія нашихъ дней. Вся общественная борьба рабочаго класса не имѣетъ другой цѣли, кромѣ уменьшенія продолжительности труда увеличенія его оплаты и улучшенія соціальнаго положенія трудящагося. Вотъ три необходимыхъ условія большой полноты и человѣчности жизни,—и по мѣрѣ того, какъ въ рабочемъ просыпаются высшія потребности, онъ все рѣшительнѣе и настойчивѣе стремится къ разрѣшенію указанныхъ проблемъ. Иначе не можетъ быть. Человѣческія существа, обреченныя всю жизнь и до могилы работать отъ 10 до 12 часовъ въ сутки, не имѣютъ времени жить. Для нихъ нѣтъ ни семьи, ни книги, ни образовательныхъ развлеченій, ни просто развлеченій. Такая продолжительная работа, при необходимой въ настоящее время ея интенсивности, утомляетъ и

изнашиваетъ организмъ, истощаетъ, и мускульную и нервную энергію.

Одинъ мой пріятель, интеллигентный человѣкъ, недавно поступилъ рабочимъ въ каменноугольныя копи на сѣверѣ Франціи, и проработалъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Это пребываніе въ новой соціальной и матеріальной средѣ дало ему очень много любопытныхъ наблюденій. Нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ онъ среди тысячъ «рукъ», которыхъ нужда сгоняетъ въ департаментъ Па-де-Калэ со всего свѣта,—изъ Польши, Германіи, Силезіи, Богеміи, Италіи. И основной его выводъ такой:

— Эта жизнь ужасна.

Ужасна не только потому, что трудъ тяжелъ, что всѣ безъ исключенія рабочіе дотягиваютъ рабочій день съ величайшимъ напряженіемъ, — послѣдніе полчаса тяжелѣе всѣхъ остальныхъ часовъ вмѣстѣ,—не потому, наконецъ, что заработокъ малъ, что ежедневно кто-нибудь калѣчится въ шахтахъ, что невылазно живешь въ грязи, что жизнь бѣдна разнообразіемъ и интересами, что кромѣ кабака негдѣ отдохнуть отъ работы. Она ужасна тѣмъ, что для громадной массы рабочихъ изъ этой тяжелой, скудной и скучной жизни—*нѣтъ выхода*. Годъ, десять лѣтъ, двадцать, до могилы—все одно и тоже. Съ понедѣльника въ шахту; она противна и ненавистна всѣмъ; всѣ, поэтому, въ понедѣльникъ работаютъ медленно, неохотно, не выполняя уроковъ; и во вторникъ отвращенье еще сильнѣе «чувства долга»; въ среду и четвергъ работа налаживается, въ пятницу и субботу работаютъ съ остервенѣніемъ, чтобы наверстать потерянное въ первые дни—и выходятъ въ субботу вечеромъ съ работы безъ силъ, *усталые душевно*. Чтобы встряхнуться, идутъ въ кабакъ. Вино и взвинченные усталостью и истощеніемъ нервы плодятъ эксцессы. Часты драки. Нерѣдко ножовщина. А съ понедѣльника опять шахта и отвращеніе къ ней. И такъ безъ перемѣны годъ за годомъ, пока несчастный случай, болѣзнь или старость не выведутъ изъ строя.

Существованіе, конечно, разнообразится. Разнообразится волненіями, забастовками, любовью, женитьбой, и люди кое-какъ живутъ; но чѣмъ сильнѣе въ нихъ голосъ растущихъ потребностей, чѣмъ больше они знакомы, хотя бы путемъ внѣшняго наблюденія, съ *другою* жизнью, тѣмъ нетерпѣливѣе они становятся. Это нетерпѣніе вводится въ рамки и люди дисциплинируются, принимая участіе въ широкихъ рабочихъ организаціяхъ. Тамъ, гдѣ существуютъ соціалистическія организаціи, синдикаты, кооперативы, и гдѣ среди рабочихъ массъ распространена соціальная доктрина, тамъ отъ эксцессовъ и отъ морального упадка, отъ отчаянія и озлобленія, спасаетъ

вѣра въ многообѣщающую идею, спасаетъ надежда на открывающійся въ будущемъ просвѣтъ. Но, какъ извѣстно, этотъ просвѣтъ очень далекъ. Борьба за экономическое освобожденіе требуетъ затраты громадныхъ силъ и медленно даетъ небольшіе результаты. Существующій строй чрезвычайно проченъ, и не только годы,—жизни проходятъ, а просвѣтъ все еще далеко впереди. Отсюда то равнодушіе къ свободѣ, къ республикѣ, къ соціализму, которое по временамъ охватываетъ наиболѣе нетерпѣливую, наиболѣе требовательную часть рабочей массы, и вызываетъ охлажденіе къ настойчивой политической и организаціонной работѣ. Начинаютъ надѣяться на action directe, на дѣйствительность въ хорошо выбранную минуту нанесеннаго удара. Еще нѣсколько шаговъ дальше по этой линіи—и передъ нами анархическій индивидуализмъ, дитя отчаянія, нетерпѣнія, невѣрія въ методическую организаціонную работу, бунта скудно живущихъ, но жадныхъ къ жизни общественныхъ элементовъ.

А жадность къ жизни и къ ея благамъ систематически воспитывается въ наше время въ массахъ. Воспитывается тѣмъ, что онѣ видятъ, особенно въ большихъ городахъ, и въ такихъ, какъ напр. Парижъ—въ совершенно исключительной степени. Богатствъ въ Парижѣ бьетъ въ глаза. Оно неисчислимо—съ одной стороны, и повидимому доступно—съ другой. Было время, когда и богатые люди жили скромно; затѣмъ наступило другое время, когда нескромное богатство было достояніемъ владѣльцевъ особо прочныхъ титуловъ. Надо было быть королемъ, или принадлежать къ аристократіи, или къ торговымъ магнатамъ, чтобы владѣть милліонами. Теперь милліоны доступны, они демократизировались, и владѣютъ ими какъ люди съ титулами давними, такъ и съ титулами вчерашними и сегодняшними или, наконецъ, никакими титулами не обладающіе. Купцы и фабриканты, биржевики и маклера, всякаго рода авантюристы и аферисты купаются въ милліонахъ, своихъ и чужихъ. Адвокаты и доктора, артисты, тенора, смазливыя мидинетки и боксеры, авіаторы и владѣльцы скаковыхъ кобылъ, скульпторы, дамы съ камеліями, депутаты, всѣ у кого есть очень сильный кулакъ или изворотливый умъ, жилистая икра въ ногѣ или соловьиное горло—засыпаны золотомъ. Мальчуганъ Карпантье, «геній бокса», съ четырнадцати лѣтъ работавшій въ угольной шахтѣ, заработалъ въ 18 лѣтъ на «рингѣ» свыше полумилліона. Негръ Джонсонъ однимъ ударомъ кулака, свалившимъ Джефриса, выбилъ два милліона франковъ. Карузо получаетъ по 50.000 за выходъ. Лабори зарабатываетъ два милліона въ годъ. Скаковые призы достигли 300.000 фр. Чтобы содержать въ Парижѣ «хорошій домъ»

на «хорошей ногѣ», мало милліона въ годъ. И нѣтъ жены милліонера, которая въ блескѣ могла бы сравниться съ модными куртизанками. Весь этотъ блескъ на виду; онъ всѣхъ дразнитъ и раздражаетъ—и никому не внушаетъ уваженія. Всѣ знаютъ, что это «бѣшеныя деньги», и что между ними и тѣми условіями, которыя даютъ на нихъ право, нѣтъ никакого соотвѣтствія, точно такъ же какъ нѣтъ никакого соотвѣтствія между ожесточеннымъ трудомъ другихъ и ихъ ничтожнымъ заработкомъ. Нѣтъ соотвѣтствія—значитъ нѣтъ и моральной санкціи. А вѣдь она необходима для строя, желающаго быть неприкосновеннымъ.

Такова соціальная среда, однимъ изъ порожденій которой являются анархо-бандиты. Они если не всѣ, то многіе изъ нихъ—энергичные, сильные и озлобленные люди, полные жадности къ жизни, полные неуваженія къ основамъ современнаго общества, въ которомъ имъ тѣсно и тяжело нести роль вѣчнаго работника, прикованнаго къ тачкѣ. Если бы они не объявляли себя сторонниками извѣстнаго порядка идей, носящаго названіе анархическаго индивидуализма, мы ихъ называли бы просто бандитами или, какъ говорятъ во Франціи, апашами. Апаши—люди стоящіе по существу внѣ гражданскаго общества. Это ассоціаціи воровъ, занимающихся кромѣ того сутенерствомъ, разбоемъ, иногда убійствомъ; преступное «общество въ обществѣ». У нихъ есть свои законы, своя мораль и своя философія. Эта философія гласитъ: «все, что продается—крадется»; «воровство есть бунтъ, воръ—это возмутившійся».

Міръ воровъ и апашей сравнительно мало извѣстенъ; я хочу, поэтому, познакомить читателей съ однимъ любопытнымъ воровскимъ документомъ, который кстати послужитъ намъ ступенькой къ пониманію бандитизма вообще и анархо-бандитизма въ частности. Но сначала нѣсколько пояснительныхъ словъ. Истекшей зимой въ редакцію революціонно-соціалистической газеты «La Guerre Sociale» забрались воры, взломали конторку и унесли кое-какіе гроши. Воры открыты не были, но они оказались людьми очень амбиціозными, и когда «L'anarchie», органъ анархо-индивидуалистовъ, друзей анархо-бандитовъ, бросилъ имъ въ догонку упрекъ, что они сдѣлали бы лучше, если бы грабили буржуа, оставивъ въ покоѣ революціонеровъ,—воры были оскорблены въ своихъ лучшихъ чувствахъ и прислали въ редакцію «Anarchie» слѣдующее письмо съ просьбой напечатать его.

«Беру смѣлость разсматривать себя въ теченіе двадцати минутъ въ качествѣ вашего товарища. Мнѣ попался на глаза номеръ вашего уважаемаго журнала, въ которомъ одинъ изъ вашихъ сотрудниковъ, столь же злой, сколько и добродѣтельный, комменти-

руетъ извѣстное посѣщеніе ворами редакціи «Guerre Sociale.» Мнѣніе вашего друга можетъ быть выражено такъ: «Развѣ нельзя было пойти въ другое мѣсто?» И это, конечно, совершенно вѣрно.

«Быть можетъ теперь уже немного поздно возвращаться къ этому случаю. Но вы меня простите. Моя профессія заставляетъ меня быть въ постоянномъ передвиженіи, и я имѣю возможность читать передовыя газеты только въ рѣдкіе дни хорошо заслуженнаго отдыха. Примите также во вниманіе, что у меня есть кое-какія недоразумѣнія съ добрѣйшимъ г. Флери, великолѣпнѣйшимъ и усерднымъ бригадиромъ, который и вамъ извѣстенъ хорошо. Изъ-за него я потерялъ массу времени, и теперь опаздываю повсюду. Простите же мнѣ опозданіе; но лучше поздно, чѣмъ никогда, тѣмъ болѣе, что мнѣ непремѣнно нужно сказать пару словъ.

«Очевидно, «можно было бы пойти въ другое мѣсто» и ограбить кого-нибудь другого, а не Guerre Sociale. Въ этомъ нѣтъ даже тѣни сомнѣнія. Для начала слѣдовало бы, и это было бы гораздо умнѣе, сходить въ частную квартиру г-на Мерля (редактора газеты) и это по причинѣ, основательность которой не откажется признать никто: никогда не слѣдуетъ ходить туда, гдѣ нечего взять! У г-на же Мерля воръ—признаюсь съ прискорбіемъ, мой товарищъ,—нашелъ бы хотя бы его галстухи, что лучше, чѣмъ ничего. Быть можетъ эти галстухи будутъ стоить очень дорого въ тотъ день, когда новый комитетъ общественнаго спасенія займетъ мѣсто, занятое сегодня Елисейскимъ быкомъ... Но было бы еще лучше отправиться къ г. Бенуа, рантье, или, о, мечты! спровадить Іоанна Крестителя [1]) по той же дорожкѣ, по которой прослѣдовала Жоконда съ своей незабываемой улыбкой... Не должно однако забывать, что въ нашемъ ремеслѣ, еще болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, приходится часто дѣлать не то, что хочешь... Но другихъ основаній, почему слѣдовало бы идти въ другое мѣсто, я по истинѣ не вижу. Почему въ самомъ дѣлѣ долженъ я уважать бюро г. Мерля больше, чѣмъ какое-либо другое? Потому что оно пусто: вотъ вполнѣ достаточный мотивъ, и при томъ единственный. Или отношеніе г. Мерля ко мнѣ и ко мнѣ подобнымъ отличаются отъ отношенія къ намъ г. Реноделя изъ Humanité, г. Шосъ изъ Petite République, или г. Машена изъ la Croix?

«Своимъ несомнѣнно дурнымъ и циничнымъ поведеніемъ я лишилъ себя убѣжища и крова во всѣхъ кругахъ. Моя семья давнымъ давно отвергла меня, потому что воръ ненавистенъ всѣмъ честнымъ мошенникамъ. Въ синдикатѣ, членомъ котораго я когда-

1) Т. е. одну изъ картинъ Луврскаго музея.

то былъ, на меня смотрятъ какъ на зачумленнаго, потому что я отсидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ за кражу. У меня нѣтъ ни просто семьи, ни рабочей семьи. Но, пожалуйста, не жалѣйте меня, не дѣлайте этой ошибки, потому что вообще я доволенъ, насколько можетъ быть доволенъ негодяй. Законъ угрожаетъ мнѣ, и если онъ меня словитъ, то—берегись! Консьержъ меня ненавидитъ, рабочіе относятся ко мнѣсъ отвращеніемъ, репортеры на ряду съ сыщиками шпіонятъ за мной, и наконецъ въ прошломъ году на мою долю выпала еще слѣдующая высшая обида: когда г. Мерль былъ арестованъ и подчиненъ въ тюрьмѣ общему режиму, онъ заявилъ, что между нимъ и мной нѣтъ ничего общаго, нѣтъ ничего общаго между нимъ и міромъ бродягъ, карманщиковъ и мазуриковъ...

Между тѣмъ онъ революціонеръ—этотъ господинъ. Онъ даже одинъ изъ самыхъ свирѣпыхъ господъ революціонеровъ Франціи, Наварры и Марселя (Тартаренъ вѣдь уже умеръ)... Но развѣ эти революціонеры стали хоть разъ на мою дорогу въ борьбѣ, въ которой меня травятъ, меня душатъ и убиваютъ за то, что и я хотѣлъ поѣсть вволю въ этой гееннѣ, которую они, революціонеры, собираются превратить въ рай? Они, эти революціонеры, негодовали, разражались громомъ и молніями, собирали митинги, залѣпили весь Парижъ афишами, и все это отъ того, что такой-то знаменитый журналистъ ѣлъ баланду на уголовномъ отдѣленіи, со всякой сволочью. Но у нихъ не нашлось ни слова въ защиту всѣхъ тѣхъ, кто гніетъ въ тюрьмахъ и на каторгѣ, хотя бунтъ этихъ людей стоитъ гораздо больше протестовъ журналиста! И я долженъ уважать этихъ комнатныхъ, эстрадныхъ, монмартрскихъ революціонеровъ,—я, ими презираемый, я, на котораго они плюютъ, я—воръ?!

«Нѣтъ, друзья мои. Меня словами не ослѣпишь. Революціонеръ? Скажите пожалуйста! Всякій «дѣйствительный» революціонеръ, всякій «возставшій»,—другъ мнѣ. Я люблю того, кто бунтуетъ, кто бьется кто жертвуетъ собой, кто хочетъ жить свободнымъ. Быть можетъ мы съ нимъ изъ одного тѣста. Какъ бы то ни было, его кошелекъ для меня священенъ,—я человѣкъ съ предразсудками,—и мою жатву я соберу не въ его карманѣ. Но скажите мнѣ на милость, о цѣломудренные анархисты, чѣмъ жизнь г. Мерля похожа на жизнь революціонера? Г. Мерль никогда не скрывалъ, что «теоріи» индивидуализма и бунта для него не болѣе, какъ вздорная метафизика... Хорошо. Но если онъ не живетъ какъ революціонеръ, то что онъ дѣлаетъ? Онъ организуетъ тайную теорію, и редактируетъ журналъ, спеціальный номеръ котораго описываетъ бѣдствіе всѣхъ, кому нечѣмъ заплатить въ срокъ за квартиру—и такимъ образомъ выручаетъ кругленькія деньги, позволяющія ему оплатить свое помѣ-

щеніе! Заключаю: ни г. Мерль, ни ему подобные не живутъ какъ революціонеры; они только втираютъ другимъ очки.

«То, что этотъ господинъ имѣетъ разрушительныя идеи, не служитъ для меня рекомендаціей; разрушительныя идеи въ наше время—ходячая монета; онѣ вошли въ торговый оборотъ. Онѣ продаются на аршинъ, на вѣсъ, на листъ, дюжинами,—точно такъ же какъ доказательства несуществованія Бога. Но то, что продается, то и воруется. Этого требуетъ логика.

«Я вовсе не хочу унизить г. Мерля. Я не отрицаю его способностей, и мнѣ пріятно, чрезъ посредство вашей газеты, выразить ему публично мое почтеніе. Онъ сумѣлъ организовать процвѣтающій «базаръ» революціонаризма, на который прежде не находилось покупателя. Этотъ базаръ,—la Guerre Sociale,—памятникъ, который засвидѣтельствуетъ предъ потомками наличность торговыхъ способностей его основателя. И если бы г. Мерль отдавалъ себѣ отчетъ въ своихъ талантахъ, онъ не претендовалъ бы на того изъ моихъ коллегъ, который его недавно посѣтилъ.

Напротивъ, онъ сохранилъ бы прекрасное воспоминаніе о происшествіи. Взламывая его бюро, мой коллега утвердилъ его репутацію «дѣлового человѣка»; и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оповѣстилъ міру, что г. Мерль также и осторожный человѣкъ, у котораго билеты государственнаго казначейства не валяются по ящикамъ столовъ...

Подписано: «Мужественный Анонимъ».

Этотъ удивительный документъ вскрываетъ намъ внутренній міръ если не всего парижскаго воровскаго люда, то извѣстной, наиболѣе интеллигентной его части. Его профессія поставила апаша внѣ общества, и общество есть его врагъ. Онъ, слѣдовательно—«возмутившійся», единственный и настоящій революціонеръ, не торгующій революціей, подобно г. Мерлю, а расплачивающійся за нее своею шкурой. Онъ—представитель всей голодной и нищей братіи, всѣхъ «crève-de-faim»—«дохнущихъ съ голода». И онъ въ то же время авторъ философемы: «все продажное воруется», освящающей воровство въ продажномъ обществѣ. Передъ нами, такимъ образомъ, явленіе, въ которомъ уголовщина, практическій иллегализмъ слиты съ протестомъ противъ общественной несправедливости, съ апологіей бунта и «революціонаризма». Это сочетаніе—плодъ жизни, а не теоріи. «Практическій иллегалистъ», ступившій на воровскую дорогу благодаря случайностямъ жизни, и укрѣпившійся на ней благодаря враждебному отношенію общества (семья отвернулась, рабочіе отвергли) создаетъ себѣ *теорію* иллегализма и революціонаризма, и, пародируя Заратустру, провозглашаетъ:

—Я люблю того, кто бунтуетъ, кто бьется, кто жертвуетъ собой, кто хочетъ жить свободнымъ.

На встрѣчу этому теченію мысли, поднимающемуся съ соціальнаго дна жизни, идетъ въ современномъ обществѣ другое, источники котораго иные, но которое тоже характеризуется тѣмъ, что въ немъ слиты два момента: практическій иллегализмъ и теоретическое отрицаніе основъ современнаго общества. Это анархо-бандитизмъ. Анархо-бандиты начали не съ воровства, подобно «Мужественному Анониму»; они начали съ анархо-индивидуализма, съ увлеченія теоріями; но въ то время какъ Мужественный Анонимъ отъ уголовщины поднялся до своего рода воровского анархизма, анархо-бандиты спустились съ вершинъ анархо-индивидуалистической философіи въ яму бандитизма,—гдѣ и встрѣтились съ Мужественнымъ Анонимомъ.

Что же такое анархо-индивидуализмъ? Сказать, что это доктрина, міровоззрѣніе, систематизированное ученіе—я затрудняюсь. У современнаго анархо-индивидуализма нѣтъ опредѣленнаго соціальнаго лица, какъ нѣтъ моральнаго и философскаго. Это плащъ, сшитый изъ лоскутьевъ: анархизмъ, революціонаризмъ, преувеличенный индивидуализмъ, наивный матеріализмъ, имморализмъ, неомальтузіанство дали матеріалъ для quasi-теоріи, въ которой ясно установлена только исходная точка: личность абсолютно свободна. Всякій анархо-индивидуалистъ признаетъ это основное положеніе; но затѣмъ начинается полная разноголосица. Беру журнальчикъ L'Anarchie, и просматриваю его. Вотъ анархо-индивидуалистъ, для котораго Ницше —провозвѣстникъ высшаго и лучшаго соціализма. «Для неумѣющихъ понять Ницше, онъ—представитель вырожденческаго индивидуализма. Но для того, кто его изучилъ и понялъ, онъ—провозвѣстникъ высшаго соціализма, посолъ возмущенія и свободы, глубокій мыслитель, понявшій, что соціализмъ долженъ неизбѣжно отождествиться съ абсолютной свободой индивида» И рядомъ съ этимъ «философомъ общественности» другой анархо-индивидуалистъ пишетъ: «Когда я совершаю поступки, доставляющіе мнѣ удовольствіе, мнѣ нѣтъ дѣла до страданія ближняго. Я совершенно равнодушенъ къ вопросамъ общественнаго преобразованія. Я нахожу жизнь прекрасной въ томъ видѣ, въ какомъ она есть, такъ какъ она арена борьбы, а я сторонникъ послѣдней. Если мнѣ встрѣтится на моей дорогѣ темпераментъ, способный меня заинтересовать, мнѣ будетъ пріятно помочь его развитію и консолидаціи. Но я могу создать двадцать, сто анархо-индивидуалистовъ, не задаваясь цѣлью пересоздать общество. Мною будетъ руководить лишь удовольствіе видѣть возникновеніе прекрасныхъ индивидуальностей.... Если мои поступки

вліяютъ на общественный строй, обусловливая его измѣненіе, то это побочный и непредвидѣнный результатъ моей дѣятельности».

На одной и той же страничкѣ другого номера мы встрѣчаемъ такіе два взаимно-противорѣчащіе взгляда. Для одного единственное безспорное, основное, апріорное и не требующее доказательства право личности есть право на жизнь и на счастье, вытекающее изъ самаго факта рожденія; весь анархизмъ происходитъ изъ признанія этого первоначальнаго права. Для другого сотрудника журнала это утвержденіе—сплошной абсурдъ. Воззрѣнія этого послѣдняго анархо-индивидуалиста настолько характерны, что я приведу его статейку почти полностью. Онъ пишетъ: «Товарищъ Этьевенъ говоритъ: «Самый фактъ рожденія даетъ человѣку право на жизнь и счастье». Я не могу утверждать, что это положеніе невѣрно, но объяснимся. Какой смыслъ долженъ быть вложенъ въ эту фразу? По моему пониманію, она означаетъ слѣдующее: каждый человѣческій организмъ отъ зачатія и до смерти борется за жизнь и счастье. Но онъ сохраняетъ и жизнь, и счастье только въ томъ случаѣ, если болѣе могущественныя силы не убиваютъ его или не дѣлаютъ несчастнымъ. Его жизнь, ея интенсивность и его счастье пропорціональны его силѣ.

«Поэтому я не могу присоединиться къ протестамъ метафизиковъ, встающихъ на защиту тѣхъ, чье право на жизнь не признано или растоптано. Пусть страдающіе увеличатъ свои силы; иначе ихъ права на жизнь не перестанутъ быть пустымъ домогательствомъ. Однако если страданія другихъ такъ безпокоятъ альтруистовъ, что они непремѣнно хотятъ ихъ уничтожить, и тѣмъ прекратить свои безпокойства,—о, эгоизмъ, какъ ты живучъ,—я ничего противъ этого не имѣю: я не буржуа. Что меня шокируетъ, это—метафизическая концепція о правѣ на жизнь, согласно которой всякій человѣкъ имѣетъ апріорное, безусловное право на жизнь, вытекающее изъ самаго факта ражденія. На мой взглядъ это положеніе абсурдно. Я вижу въ немъ одинъ изъ общественныхъ предразсудковъ. Человѣкъ, считающій себя составною частью громаднаго соціальнаго тѣла, человѣкъ,полагающій, что у него есть обязанности по отношенію къ обществу и принимающій тѣ обязанности, которыя общество на него возлагаетъ, увѣренъ, что онъ имѣетъ также и права, въ томъ числѣ священное и первоначальное право на жизнь. Бѣдняга! И когда онъ голоденъ и въ его карманѣ пусто, онъ удивленъ, особенно тогда, когда его кормятъ вмѣсто хлѣба свинцомъ! Если ты не можешь понять жизнь по великой книгѣ бытія, развернутой предъ тобой,—то какъ научить тебя понять ее?

«Что такое право на жизнь зародыша, если беременная жен-

щина хочетъ избѣгнуть материнства? Если у нея достаточно моральной и физической силы—ея право торжествуетъ надъ правомъ зародыша. И сколько бы вы ни отрицали право женщины выкидывать, она имъ обладаетъ, потому что она его практикуетъ. Тоже надо сказать о правѣ на жизнь ребенка, если родители его бросаютъ, больного, старика и вообще всякаго слабѣйшаго въ его отношеніи къ сильнѣйшему. Если вы отъ этого страдаете—освободитесь отъ излишней чувствительности, или докажите сильнымъ, что имъ нѣтъ разсчета грабить слабыхъ (сдѣлать это нелегко), или постарайтесь сами стать сильнѣйшими, чтобы сдѣлать обязательными для другихъ ваши концепціи. Когда вы станете хозяевами жизни, страданіе другихъ будетъ васъ менѣе безпокоить».

Я могъ бы очень долго перечислять вопросы права, соціологіи, морали и т. д., по которымъ мирно уживаются въ этой средѣ взаимно-противорѣчащіе и взаимно другъ друга исключающіе взгляды. И тѣмъ не менѣе анархо-индивидуалисты представляютъ очень тѣсную семью, своего рода секту. И это потому, что, на ряду съ теоретической пестрядиной, мы находимъ въ ихъ средѣ общность исходной точки зрѣнія, умственныхъ навыковъ и основныхъ душевныхъ настроеній.

Всѣ они—крайніе индивидуалисты—во-первыхъ, метафизики чистой воды—во-вторыхъ, и «возмутившіеся»—въ третьихъ. Какъ возмутившіеся, они не знаютъ предѣла отрицанію; какъ метафизики, они строятъ свой «новый міръ», не считаясь съ отрицаемой ими дѣйствительностью; какъ абсолютные индивидуалисты, они признаютъ за собою абсолютное право осуществлять свои идеи и рѣшенія, слѣдовать своимъ желаніямъ и влеченіямъ.

Такова «доктрина», если можно давать это имя пестрому конгломерату теоретическихъ взглядовъ и душевныхъ настроеній. Но чтобы имѣть правильное представленіе объ анархо-индивидуализмѣ, надо знать не только то, что пишутъ въ своихъ журналахъ ихъ идеологи, но и ту среду, въ которой культивируются анархо-индивидуалистическіе взгляды. Число индивидуалистическихъ анархистовъ невелико—какъ мнѣ приходилось слышать, нѣсколько сотъ во всей Франціи. Организованныя группы имѣются въ какомъ-нибудь десяткѣ городовъ. Первыя по времени группы образовались въ самомъ концѣ прошлаго вѣка въ Парижѣ, точно такъ же какъ и первый ихъ журнальчикъ. Его редакторомъ и центральной фигурой группы былъ нѣкто Либертадъ, по профессіи наборщикъ, публицистъ, поэтъ, селадонъ, забіяка и мыслитель, въ сущности—типичный представитель парижской богемы. Богема—это особый міръ, въ составъ котораго входитъ всевозможный людъ: художники, писатели, интеллигентные

рабочіе, люди случайныхъ занятій. Отличительной его чертой является безхозяйственность и безпорядочность жизни. Это вольнолюбивый и недѣловой элементъ современнаго упорядоченнаго и дѣлеческаго общества. Между міромъ богемы и буржуазнымъ міромъ существуетъ глубокій антагонизмъ идей и настроеній. Здѣсь распущенность—тамъ упорядоченность; здѣсь наклонъ къ имморальному эстетизму, тамъ—къ утилитаризму; здѣсь—къ анархизму, тамъ—къ государственности.

Либертадъ былъ типичнымъ представителемъ богемы, но въ немъ характерныя для послѣдней черты получили исключительно яркое выраженіе, а идеи, разлитыя въ этой средѣ, оформились въ нѣчто въ родѣ теоріи: въ доктрину анархо-индивидуализма. Либертадъ развивалъ ее съ извѣстнымъ успѣхомъ. Онъ былъ краснорѣчивъ, начитанъ, прекрасно зналъ французскую литературу, обладалъ пылкимъ темпераментомъ и умѣньемъ вліять на толпу. Жизнь его проходила въ проповѣди анархизма, индивидуальной свободы полового комунизма и практическаго неомальтузіанства, въ ожесточенныхъ схваткахъ съ полиціей, охранительницей буржуазнаго порядка во время манифестацій, и, наконецъ, въ бояхъ изъ-за женщинъ съ своими же единомышленниками. Около него сгруппировалось нѣсколько десятковъ адептовъ—рабочихъ, полуинтеллигентовъ, мущинъ и женщинъ, преимущественно очень молодыхъ. Организовалось общежитіе — т. е. та постоянная среда, гдѣ анархо-индивидуалистическій строй идей и чувствъ могъ консолидироваться и развиваться, и гдѣ онъ дѣйствительно консолидировался и развился—вплоть до бандитизма. Анархо-бандитизмъ, какъ практическое осуществленіе максимы: «человѣку все позволено», возникъ среди анархо-индивидуалистовъ не сразу; потребовалось пройти долгій путь внутренней эволюціи, испытать на себѣ много благопріятныхъ этому выводу внѣшнихъ вліяній, чтобы включить въ кругъ позволеннаго и грабежъ, и убійство. Къ сожалѣнію, въ моемъ распоряженіи нѣтъ всѣхъ нужныхъ данныхъ, чтобы точно вычертить кривую этой эволюціи. Но нѣкоторые моменты указать можно.

Начать съ того, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ анархо-индивидуалисты не шли по пути «иллегализма» далѣе воровства и фабрикаціи фальшивой монеты, да и этимъ занятіямъ далеко не всѣ сочлены посвящали свои силы. Большинство анархо-индивидуалистовъ—рабочіе, и хорошіе рабочіе, интеллигентные; они достаточно зарабатываютъ, если работаютъ. Воровство не является, поэтому, ихъ постояннымъ занятіемъ. Но съ несомнѣнностью доказано, что члены анархо-индивидуалистическихъ общинъ, живущіе въ послѣднихъ, не отказываются отъ воровства. Правда, воровство это

имѣетъ цѣлью добыть лишь необходимое для жизни; крадутъ преимущественно съѣстное, жизненные припасы, и то что нужно каждому—одежду, бѣлье и т. п. Воровство это не составляетъ промысла, спеціальности: люди, занятые агитаціей, теоретическими спорами, печатаніемъ брошюрокъ или же отдыхающіе послѣ извѣстнаго періода долгой работы, просто берутъ у другихъ, согласно съ своими принципами, то, что имъ необходимо для жизни. Имъ нужно—они берутъ у другихъ. Вамъ нужно—придите и возьмите у нихъ; вамъ никто слова не скажетъ. Брать у анархо-индивидуалистовъ можно открыто, потому что они собственности не признаютъ. Конечно, они могутъ не дать, если имъ самимъ нужно то, на что вы заритесь; но попытка взять у нихъ—все-таки актъ вполнѣ съ ихъ точки зрѣнія законный. У буржуа же взять открыто нельзя; приходится поэтому брать тайно, т. е. воровать. Но въ этомъ, по ихъ мнѣнію, виноватъ не анархо-индивидуалистъ, а буржуа! Фальшивую монету тоже можно дѣлать людямъ, отрицающимъ и деньги, и государство, Конечно, сбытчикъ фальшивой монеты обманываетъ. Но кого онъ обманываетъ? Буржуа, лавочника, капиталиста, по милости котораго рабочій голодаетъ, а анархистъ не находитъ себѣ спокойнаго угла. Таковы разсужденія, открывающія двери къ этой формѣ «иллегализма» правовѣрнымъ адептамъ анархо-индивидуализма. Но слѣдуетъ отмѣтить, что въ болѣе или менѣе тѣсномъ общеніи съ анархо-индивидуалистами находятся не одни только убѣжденные адепты ученія, а разнообразный людъ, симпатизирующій ученію, что «все позволено»: разнаго рода и разной доброкачественности богема—съ одной стороны, профессіональные мошенники—съ другой. Ихъ общество создаетъ извѣстную пониженную духовную атмосферу, соблазняетъ примѣромъ и создаетъ уголовныя связи. Результатъ естественъ: довольно значительное число анархистовъ-индивидуалистовъ находилось въ разное время въ болѣе или менѣе тѣсныхъ связяхъ съ профессіональными фальшиво-монетчиками.

Второй видъ «иллегализма», практикуемый у анархо-индивидуалистовъ—саботажъ. Особенно широко примѣнялся онъ ими во время и послѣ всеобщей желѣзнодорожной забастовки 1910-го года. Эта стачка глубоко всколыхнула рабочую массу. Умѣренность и справедливость требованій рабочихъ, упорство желѣзнодорожныхъ кампаній, передъ которыми капитулировали и парламентъ, и правительство, до чрезвычайности озлобили пролетаріатъ вообще. Въ средѣ анархо-индивидуалистовъ, особенно озлобленной и легко возбудимой, это послужило отправной точкой для настоящей партизанской войны противъ кампаній, выразившейся въ саботажѣ жел. дорожныхъ путей. Рвали и рѣзали сигнальныя проволоки, портили пути, подбрасывали

бомбы. Подвергалась опасности жизнь третьихъ лицъ, путешественниковъ,—но это не останавливало, такъ какъ вольно же имъ путешествовать, когда анархо-индивидуалисты ведутъ войну съ желѣзнодорожными королями. По даннымъ слѣдствія, которое ведется теперь въ Парижѣ, одинъ изъ вождей «трагической банды», Гарнье, подготовился къ своей дѣятельности бандита на саботажѣ. Онъ участвовалъ въ поджогѣ товарныхъ складовъ сѣверныхъ жел. дорогъ и въ подготовкѣ крушенія скораго поѣзда Парижъ-Калэ, сдѣланной съ такимъ разсчетомъ, чтобы поѣздъ свалился въ рѣку.

Третьей формой «иллегализма» является террористическая борьба съ представителями власти, съ полиціей. Анархо-индивидуалистическіе кружки находятся подъ бдительнымъ внѣшнимъ и внутреннимъ надзоромъ полиціи, преслѣдуются ею, и имъ во время манифестацій и демонстрацій попадаетъ первый ударъ. Это два враждующихъ лагеря, связанныхъ между собою острою ненавистью. Въ разное время анархо-индивидуалистами организовано было нѣсколько покушеній на полицейскіе участки, на жандармскія казармы и т. п. Такимъ образомъ воровство и убійство или покушеніе на убійство, по тѣмъ или инымъ поводамъ, и въ той или иной обстановкѣ, имѣли мѣсто въ этой средѣ, не встрѣчали въ ней осужденія или одобрялись ею, какъ законное выраженіе законныхъ потребностей, взглядовъ и желаній. Создавались навыки и нравы, которые и нашли свое полное выраженіе въ бандитизмѣ.

«Трагическая банда», однако, тоже не сразу начала съ разбоя. Бонно, одинъ изъ ея вождей, началъ свою иллегальную карьеру съ кражи автомобилей. До тѣхъ поръ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ принималъ участіе въ синдикалистской агитаціи, въ массовой борьбѣ рабочаго класса, въ стачечномъ движеніи. Но эти формы борьбы его не удовлетворили; ихъ результаты были ничтожны. Порвавъ съ массовыми организаціями, Бонно повелъ за свой страхъ и рискъ индивидуальную «борьбу съ обществомъ». Взломалъ автомобильный сарай, сѣлъ на машину, укатилъ въ Голландію, продалъ; деньги на лицо, а вмѣстѣ съ ними и средства къ жизни. Способъ оказался недурнымъ. Такъ какъ практиковать его въ широкихъ размѣрахъ въ одиночку было неудобно, онъ подобралъ артель изъ товарищей по убѣжденіямъ. Въ составъ ея вошли: Гарнье—набившій руку на саботажѣ; Каруи, философъ и бродячій торговецъ, издавна связанный съ профессіональными фальшиво-монетчиками; Симентофъ, стрѣлочникъ; три мальчика—Сузи, чахоточный юноша 18 лѣтъ, около года околачивавшійся по Парижу безъ работы; девятнадцатилѣтній Раймондъ la Science, кончившій народную школу высшаго разряда, теоретикъ анархо-индивидуализма; сбившійся съ пути, перехо-

дившій изъ мастерской въ мастерскую Валлэ, сынъ сравнительно зажиточнаго служащаго. Вокругъ боевого ядра собрался кругъ пособниковъ и укрывателей: два механика, два лавочника, журналистка, разсчитанный за забастовку кочегаръ, два профессіональныхъ сбытчика краденаго, и т. д., и т. д.; пестрая компанія. Украли еще автомобиль и отправились сбывать въ Бельгію; попались —и пришлось бѣжать, убивъ городового и прохожаго. Украли третій—и во время бѣгства, ночью, съ потушенными фонарями, потопили его въ болотѣ. Когда украли четвертый—задумались: стоитъ ли продавать? Денегъ выручается мало, расходовъ накладныхъ много, опасность попасться есть, не лучше ли съ помощью автомобиля организовать серьезный coup? Банкъ, напримѣръ? Или кассира? Сразу тысячи, а можетъ быть и сотни тысячъ! По пути убили старика и старуху, занимавшихся ростовщичествомъ; взломали оружейный магазинъ; пристрѣлили шоффера, не захотѣвшаго уступить машину; ограбили контору нотаріуса; пристрѣлили городоваго, задержавшаго ихъ за скорую ѣзду; ограбили банкъ, перебивъ служащихъ. Преступленіе за преступленіемъ, точно снѣжный комъ, катящійся съ горы, все наростая. Но это обиліе преступленій свидѣтельствуетъ лишь о большой энергіи «трагической шайки». Насъ же интересуетъ не количественная сторона, а качественная. Если бы они совершили не двадцать разбоевъ, а всего только одинъ, все равно передъ нами стоялъ бы тотъ же вопросъ: подъ воздѣйствіемъ какихъ причинъ люди, — которыхъ мы не можемъ счесть ни банальными злодѣями, ни вырожденцами,—стали бандитами?

Отвѣтить теперь на него мы можемъ. Сильные, непокорные, буйные люди, съ недисциплинированной, полуграмотной мыслью, жили въ обществѣ, въ которомъ на долю ихъ выпало тяжелое и скудное существованіе. Это общество деморализировало ихъ зрѣлищемъ незаслуженнаго богатства, наглой роскоши и бѣшеныхъ тратъ; оно возбудило въ нихъ жадные аппетиты; оно позволило имъ придти къ выводу о безплодности протекающей въ правовыхъ формахъ борьбы массъ за матеріальную обезпеченность; оно внушило имъ, что сила есть основа всякаго права.

Съ такой «общественной подготовкой» они вообразили себя участниками общественной борьбы, сложной, возбуждающей страсти. Для руководства въ этомъ хаосѣ они выбрали доктрину, наиболѣе отвѣчающую ихъ буйнымъ темпераментамъ, ихъ раздраженнымъ аппетитамъ, и ихъ печальному жизненному опыту. Изъ этой доктрины они сдѣлали прямолинейные выводы, очень грубые, очень имморальные, но естественные для грубыхъ умовъ и деморализированныхъ душъ. И выводамъ этимъ они предались со всею страст-

ностью сильныхъ людей, и пришли къ гильотинѣ,—по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыхъ не перебили по дорогѣ, какъ бѣшеныхъ собакъ.

Бѣлоруссовъ.

ВЪ ИСПАНСКИХЪ КОРТЕСАХЪ.

(Письмо изъ Мадрида).

Духъ дряблости и унынія незримо витаетъ надъ всѣми ими... Сквозь матовыя стекла, высоко, подъ самымъ куполомъ съ изящными фресками, въ залу блѣдно и скучно падаетъ свѣтъ яркаго на улицѣ и жизнерадостнаго южнаго дня. Развалившись на бархатныхъ скамьяхъ въ удобныхъ позахъ, ютятся въ ожиданіи перерыва засѣданія депутаты. Кто дремлетъ, осторожно поклевывая носомъ за газетой, кто, пользуясь «свободнымъ временемъ», пишетъ дѣловыя и всякія прочія письма; большинство вполголоса разговариваетъ между собой. Въ залѣ, точно въ гигантскомъ ульѣ, непрерывное и монотонное жужжаніе. Кто-то о чемъ-то говоритъ — говоритъ долго, больше часу, и, кажется, очень убѣдительно, но никто его не слушаетъ. На предсѣдательской трибунѣ графъ Романонесъ. Машинально положивъ руку на колокольчикъ «на всякій случай», онъ съ улыбкой на своемъ хитромъ и высокомѣрномъ лицѣ знатнаго сеньора и въ жизни, и въ политикѣ, выслушиваетъ, что ему шепчетъ на ухо подошедшій сзади къ креслу депутатъ. Романонесъ въ испанскомъ парламентѣ — какъ у себя дома. Когда нужно — онъ кричитъ на непокорныхъ депутатовъ, преимущественно изъ оппозиціи. Кричитъ громко, властно, не стѣсняясь. Въ Испаніи вѣдь тоже «слава Богу, нѣтъ парламента!..»—а есть одна только его тѣнь, слабая и немощная отъ безчисленныхъ, въ разное время произведенныхъ ей кровопусканій. Позволяютъ не стѣсняться Романонесу также и его общественное положеніе и туго набитый кошелекъ. Для правительства онъ человѣкъ необходимый, по причинамъ, лежащимъ внѣ сферы парламентской компетенціи. Изъ-за серебряныхъ рудниковъ графа Романонеса въ Рифѣ была между прочимъ начата первая марокская авантюра, столь памятно для Испаніи и для всей Европы закончившаяся кровавыми событіями въ Барселонѣ.

На министерской скамьѣ—она здѣсь, въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ, нѣжно-голубого цвѣта, почему и называется въ парламентскихъ отчетахъ «el banco azul»,—скрестивъ на палкѣ съ замысловатымъ набалдашникомъ короткія, бѣлыя, пухлыя руки нерѣшительнаго человѣка, сидитъ президентъ совѣта министровъ Каналехасъ. Фактическій глава современной Испаніи (ибо по конституціи король здѣсь только царствуетъ, но не управляетъ) имѣетъ видъ разочарованный и усталый. Да и не мудрено: вотъ уже третій годъ какъ онъ бьется безсильно и жалко—точно блестящая и нарядная муха, попавшая въ сѣрую паутину,—въ сѣти придворныхъ вліяній и клерикальныхъ интригъ, съ каждымъ днемъ запутываясь все безнадежнѣе и глубже. Мало осталось теперь въ этомъ толстомъ и слегка обрюзгшемъ дипломатѣ-политикѣ, съ «безпокойною ласковостью взгляда» живыхъ и умныхъ глазъ сквозь стекла золотого пенснэ—отъ прежняго, сначала молодого и пламеннаго заговорщика-революціонера, вмѣстѣ съ знаменитымъ Рюисомъ Зорильей мечтавшаго опрокинуть «дружнымъ натискомъ» вновь построенное въ Испаніи зданіе династіи Бурбоновъ, а потомъ, когда съ годами исчезли республиканскія иллюзіи, дѣятельнаго реформатора, хотя и «въ предѣлахъ законности», но всегда съ одной и той же руководящей идеей: отъ мрака къ свѣту! Отъ Испаніи среднихъ вѣковъ, заблудившейся на порогѣ XX вѣка въ потемкахъ изжитыхъ предразсудковъ, къ обновленной Испаніи, свободно и смѣло идущей по дорогѣ обще-европейскаго прогресса!..

Періодъ съ 1899-го по 1902-ой годъ былъ особенно блестящимъ въ политической карьерѣ Каналехаса. Тогда его вліяніе въ широкихъ массахъ испанскаго народа достигло апогея; по слову его рушились министерства, мѣнялись программы правящихъ партій въ пользу трудящагося населенія. Каналехасъ одинъ изъ первыхъ, если не первый, настоялъ на немедленномъ проведеніи цѣлаго ряда реформъ, облегчающихъ положеніе неимущихъ. Не забудьте,—было основнымъ тезисомъ всѣхъ его парламентскихъ выступленій и статей въ ежедневной прессѣ,—что соціализмъ не только доктрина, система, или образъ дѣйствій! Нѣтъ! Это нѣчто большее—это цѣлая цивилизація, идущая на смѣну старой... Пытаться избѣгнуть ея, не идя къ ней навстрѣчу, не подготовляя юридически необходимыя разрѣшенія наростающихъ конфликтовъ—значитъ навлечь на себя громы и молніи соціальной революціи, которая, въ той или другой формѣ, рано или поздно, а должна непремѣнно произойти... Въ ту же эпоху «бури и натиска» Каналехасомъ было поднято открыто въ кортесахъ, въ періодической печати и на многотысячныхъ митингахъ, которые онъ устраивалъ въ различныхъ городахъ Испаніи, знамя анти-клерика-

лизма. Подъ вліяніемъ его горячей пропаганды, при видѣ все грознѣе и неудержимѣе волнующихся народныхъ массъ, готовыхъ во всякую минуту «на дѣлѣ» поддержать своего любимаго трибуна, создалась такая общественная атмосфера, что только обычные среди испанскихъ либеральныхъ элементовъ фракціонныя распри и чисто личныя несогласія помѣшали тогда изгнанію изъ Испаніи ненавистныхъ трудящемуся населенію безчисленныхъ монаховъ и монахинь...

Въ 1910-мъ году, осенью, когда еще не успѣли замолкнуть отголоски «кровавой недѣли» въ Барселонѣ, когда процессъ и разстрѣлъ Феррера показали прогрессивной Испаніи, въ какую пропасть толкаютъ страну ея реакціонные элементы, появленіе Каналехаса у власти было встрѣчено взрывомъ всеобщаго и искреннѣйшаго энтузіазма. Человѣкъ, нѣкогда сказавшій передъ лицомъ народа въ кортесахъ, по поводу пытки въ крѣпости Монтуихѣ политическихъ заключенныхъ, что «Испанія вся сплошной Монтуихъ!..»—несомнѣнно долженъ теперь разрушить до основанія этотъ мрачный остатокъ средневѣковья... И къ Каналехасу немедленно же присоединилось все, что было въ странѣ искренняго, честнаго, готоваго бороться за будущее противъ отживающаго прошлаго, какъ бездушный камень заслонившаго дорогу къ новой и лучшей жизни. Оппозиція изъ «крайнихъ»—радикалы, республиканцы, соціалисты—заранѣе отказывалась вести изъ-за партійныхъ соображеній какую бы то ни было борьбу съ симпатичнымъ для всѣхъ премьеръ-министромъ, не желая мѣшать ему въ осуществленіи его широко задуманныхъ и такъ краснорѣчиво изложенныхъ въ теченіе всей его предыдущей политической дѣятельности реформъ. Рѣдко какой кабинетъ приступалъ къ работѣ при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, при такомъ сочувствіи широкихъ массъ и при поддержкѣ самыхъ выдающихся интеллектуальныхъ силъ страны, ради общей идеи временно отложившихъ въ сторону всѣ свои мелкіе счеты и раздоры.

Прошелъ первый «медовый» годъ. Urbi et orbi премьеръ-министръ неустанно объявлялъ о подготовляемыхъ имъ реформахъ: тутъ было и запрещеніе духовнымъ орденамъ садиться съ прежней безпечальностью на шею трудового испанскаго народа, тутъ былъ и законъ о всеобщей воинской повинности, и амнистія, и уничтоженіе налоговъ на предметы первой необходимости, было еще многое множество самыхъ либеральныхъ, самыхъ прекрасныхъ намѣреній и обѣщаній. И если черная Испанія, въ лицѣ немногочисленной кучки «истинновѣрующихъ», шипѣла на Каналехаса по поводу его проектовъ и брызгала ядовитой слюной въ своей печати, то за премьеръ министромъ, безъ различія направленій, стоялъ тогда весь испан-

скій народъ: рабочіе-соціалисты наряду съ патронами изъ либеральныхъ монархистовъ, испанская интеллигенція, прогрессивная пресса и организаціи республиканцевъ. Руки у Каналехаса были развязаны—нужно только было отъ словъ перейти къ дѣлу...

Теперь, по ироніи судьбы, какъ разъ противъ премьеръ-министра, сидитъ на своей скамьѣ Пабло Иглезіасъ, лидеръ испанскихъ соціалистовъ, «живая совѣсть» испанскаго парламента, или, вѣрнѣе—его живой и постоянный упрекъ. Должно быть имъ обоимъ неловко смотрѣть въ глаза другъ другу—Иглезіасу за то, что его, стараго воробья, три года тому назадъ провели такъ ловко и на такой уже явно недоброкачественной мякинѣ, какъ обѣщанія премьеръ-министра «забыть все прежнее, устроитъ пиръ да ладъ», а Каналехасу за то, что онъ, вновь испеченный посѣтитель высоко аристократическихъ и клерикальныхъ салоновъ, такъ недавно еще заискивалъ и просилъ поддержки и помощи у бывшаго типографскаго рабочаго-соціалиста. Пабло Иглезіаса враги называютъ «сторожевой собакой испанскаго пролетаріата». И это сравненіе очень вѣрно: точно большой и вѣрный песъ, онъ зорко слѣдитъ въ палатѣ депутатовъ за всѣмъ, что здѣсь подготовляется противъ интересовъ низшихъ классовъ, внимательно слушаетъ, о чемъ здѣсь говорятъ. Это, кажется, единственный депутатъ, который не пропускаетъ ни одного засѣданія и въ своей любимой позѣ, подперевъ ладонью щеку, какъ будто ждетъ, готовый броситься на врага при первой же тревогѣ. И голосъ у него отрывистый, громкій. Говоритъ онъ короткими фразами, точно лаетъ, и время отъ времени кусается очень больно. Почти каждое выступленіе Пабло Иглезіаса выводитъ испанскую палату депутатовъ изъ ея обычнаго дремотнаго состоянія. Предсѣдатель, графъ Романонесъ, непрерывно звонитъ въ колокольчикъ, злобнымъ и истерически-срывающимся голосомъ предлагая оратору «сію же минуту взять свои слова назадъ»; либеральные депутаты кричатъ неистово и изступленно, консерваторы съ возмущеньемъ пожимаютъ плечами, хотя въ душѣ они и довольны раздѣлываньемъ ихъ противниковъ «подъ орѣхъ»—а среди всего этого шума и волненія рѣзкій голосъ, не стѣсняясь въ выборѣ «не парламентскихъ выраженій», рубитъ уничтожающія, полныя презрѣнья и горечи фразы. Съ горящими гнѣвомъ голубыми, наивными глазами, съ взъерошеннымъ сѣдымъ хохолкомъ, старый трибунъ стоитъ, горячо и неуклюже жестикулируя длинными руками, одинокій, трогательный въ своемъ искреннемъ негодованьи...

За «голубой скамьей» послушныя, тщательно приглаженныя головы и безцвѣтныя, сѣрыя физіономіи правительственнаго большинства. Они сидятъ здѣсь спеціально для голосованія нужныхъ

правительству проектовъ и для выраженія живѣйшаго одобренія всему, что бы ни говорили Каналехасъ и его министры. Составъ ихъ весьма однообразный. «На кого ни посмотришь изъ нашихъ политиковъ,—говоритъ извѣстный мадридскій профессоръ Мануэль Салесъ въ своей замѣчательной, грустной по выводамъ книгѣ: «Problemas cociales en Espana»,—непремѣнно журналистъ или адвокатъ. Сколько ни ищите, не найдете среди нихъ экономиста, статистика, агронома.. Немудрено, поэтому, что министръ земледѣлія сплошь да рядомъ не умѣетъ отличить ячмень отъ кукурузы, и люди, берущіеся разрѣшить рабочій вопросъ, имѣютъ о статистикѣ и политической экономіи весьма смутное понятіе»... Что же касается до руководящихъ ими политическихъ мотивовъ, то слѣдующія откровенныя слова журналиста дона Ауреліо, изъ комедіи Бенавенте «La Farandulu», могутъ служить исчерпывающей ихъ характеристикой.

— Я отдалъ свои интелектуальныя способности на службу партіи,—говоритъ донъ Ауреліо другому персонажу пьесы,—какъ рабочій-каменщикъ отдаетъ свои руки хозяину—за плату... Что ему за дѣло до воздвигаемаго имъ зданья? Лишь бы аккуратно платили... Ему говорятъ: пробей здѣсь дверь!—онъ пробиваетъ... Къ чорту эту перегородку!—онъ разрушаетъ ее немедленно... И перо, по моему убѣжденію, инструментъ ничуть не болѣе благородный, чѣмъ какая-нибудь кирка, или лопата... Я лично помогъ возвышенію многихъ извѣстныхъ депутатовъ, цѣлой кучѣ такъ называемыхъ «великихъ государственныхъ людей»... Но развѣ я обязанъ думать: кто они на самомъ дѣлѣ? Вѣрить въ ихъ высокое предназначеніе? Что за вздоръ!.. Богъ вѣдь создалъ міръ сначала, какъ артистъ, хотя и изъ грязи—но послѣ, взглянувъ на него взглядомъ безпристрастнаго критика, почувствовалъ невыразимое отвращеніе...

Сейчасъ же рядомъ съ либералами, которые, кромѣ скандаловъ здѣшняго Пуришкевича дона Далмасіо Иглезіаса и рѣдкихъ, но всегда краснорѣчивыхъ выступленій умнаго циника Баскецъ Мемя, ничѣмъ себя въ парламентѣ не проявляютъ, сидитъ такъ называемая «оппозиція Его Величества»—испанскіе консерваторы, съ допомъ Антоніемъ Маурой во главѣ. У Мауры, «злого генія Испаніи», какъ его часто называютъ, въ высшей степени интересное и интеллигентное лицо съ красивыми, тонкими чертами. Изящная серебряная борода, сѣдые волосы, живые, черные глаза придаютъ особую оригинальность его физіономіи, которая могла бы быть чрезвычайно симпатичной, если бы не мѣшало что-то неуловимо лисье и жестокое въ общемъ ея выраженьи. Маура—блестящій политикъ и одинъ изъ немногихъ въ Испаніи настоящихъ государственныхъ людей. Но та-

ланты его, краснорѣчіе дѣйствительно выдающагося оратора и глубокое пониманіе испанскихъ внутреннихъ дѣлъ давно уже отданы имъ на служеніе реакціи и клерикализму за «великія и малыя блага міра сего»... Маура началъ свою политическую карьеру въ качествѣ либерала, но, увидѣвъ, что въ этомъ лагерѣ трудно будетъ добиться выдающагося положенія, покамѣстъ живъ Сагаста, перекочевалъ къ консерваторамъ, которые вскорѣ избрали его шефомъ партіи. Какъ государственный человѣкъ, Маура сдѣлалъ очень много для облегченія положенія трудящихся классовъ, хотя, правда, и съ вполнѣ опредѣленной цѣлью—полить масломъ волны и тѣмъ успокоить начинавшуюся уже подъ вліяніемъ разгрома 1898-го года народную бурю. Почти всѣ законы соціальнаго характера—о несчастныхъ случаяхъ во время работы, съ вознагражденіемъ потерпѣвшихъ на счетъ хозяина, объ уменьшеніи числа рабочихъ часовъ въ подземныхъ рудникахъ, о воскресномъ отдыхѣ и т. п.—были проведены консервативными кабинетами. И еще любопытнѣе, что либералы съ яростью возставали противъ многихъ изъ вышеприведенныхъ законовъ, находя ихъ «вредными для національной промышленности», а законъ о воскресномъ отдыхѣ—помимо того еще и «реакціоннымъ, ибо онъ слишкомъ отдаетъ клерикализмомъ»...

Вообще европейское понятіе о либералахъ и консерваторахъ совершенно не соотвѣтствуетъ испанскому. Здѣшній либералъ такъ же мало похожъ на своего европейскаго собрата, какъ нашъ, россійской выдѣлки, консерваторъ-«патріотъ» на—англійскаго тори... Здѣсь либералы и консерваторы — двѣ головы одного и того же туловища, которое живетъ и питается на счетъ трудового испанскаго народа, ничуть не заботясь ни о нуждахъ страны, ни объ ея насущныхъ и неотложнѣйшихъ интересахъ. Да и сами здѣшніе политики нисколько этого не скрываютъ. Вотъ, напримѣръ, характерныя слова одного изъ консерваторовъ, Сильвелы, до Мауры бывшаго шефомъ партіи и нѣсколько разъ премьеръ-министромъ:

— Наши правящіе классы за двадцать пять послѣднихъ лѣтъ не ударили палецъ о палецъ, чтобы вывести страну изъ ея нынѣшняго затруднительнаго положенія. Единственное, что они дѣлали за все это время—пользовались властью безъ всякаго стѣсненія...

Очутиться у власти, захватить въ свои руки высшее управленіе страной и затѣмъ «начать наслаждаться моментомъ» — вотъ единственная цѣль, къ которой съ одинаковымъ усердіемъ и съ одинаковой жадностью стремятся испанскіе консерваторы и либералы. Когда какая-нибудь партія слишкомъ долго «засидится» у общественнаго пирога, наиболѣе нетерпѣливые изъ партіи, дожидаю-

щейся своей очереди, начинаютъ дезертировать къ власть имущимъ. Напримѣръ, правая рука дона Антоніо Мауры, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Ла Стерва, фактическій виновникъ разстрѣла Феррера, при началѣ своей политической карьеры сдѣлалъ скачекъ къ находившимся тогда у власти консерваторамъ, даже минуя промежуточную станцію — прямо изъ представителей общереволюціонной молодежи. 15 лѣтъ тому назадъ въ Мурсіи гремѣла слава молодого и талантливаго адвоката—республиканца Ла Стервы. Знаменитая фраза его, сказанная на одномъ многотысячномъ митингѣ: «противъ вождей консерваторовъ я вамъ рекомендую единственное средство,—повѣсить ихъ на первомъ же фонарномъ столбѣ!»..—обошла всю Испанію. Ла Стерва былъ выставленъ кандидатомъ въ парламентъ отъ республиканской партіи. Наканунѣ выборовъ къ нему пришелъ мѣстный касикъ — милліонеръ Гарсіа Агиксъ. О чемъ они говорили между собой—осталось неизвѣстнымъ; но на слѣдующій день республиканцы Мурсіи узнали съ изумленіемъ, что ихъ молодой и многообѣщающій кандидатъ по прежнему баллотируется въ депутаты—только теперь отъ консерваторовъ!.. Нечего и говорить, что Ла Стерва прошелъ на выборахъ «подавляющимъ большинствомъ голосовъ» и вплотъ до неудачнаго, даже въ Испаніи, разстрѣла Феррера «наслаждался моментомъ» невозбранно...

На дѣлѣ Феррера поскользнулась и другая испанская знаменитость, только на этотъ разъ изъ либеральнаго лагеря—донъ Сигзмундо Моретъ, послѣ смерти основателя партіи, Сагасты, общепризнанный вождь либераловъ. Моретъ началъ свою карьеру республиканцемъ-заговорщикомъ вмѣстѣ съ Каналехасомъ, вмѣстѣ съ нимъ же перекочевалъ впослѣдствіи къ монархистамъ, убѣдившись, что дожидаться республики въ Испаніи и долго, и невыгодно... Его называютъ здѣсь «геніальнымъ комикомъ», и ему еще при жизни поставленъ памятникъ на его родинѣ въ Кадиксѣ. Необходимо замѣтить, что «геніи» въ этой солнечной и богатой воображеніемъ странѣ, точно грибы послѣ дождя, ежеминутно попадаются подъ ногами. Здѣсь есть больше дюжины «геніальныхъ» артистовъ и артистокъ», до кафе-шантанныхъ этуалей въ родѣ Амаліи Молина и танцовщицы Пасторы Имперіо включительно, есть «геніальные журналисты», геніальные, но покамѣстъ еще невѣдомые міру стихотворцы изъ «молодыхъ», не говоря уже о «геніальныхъ» торреадорахъ... Въ чемъ состоитъ главнѣйшая заслуга передъ родиной «геніальнаго» вождя либераловъ, дона Сигзмундо Морета, мы увидимъ нѣсколько ниже, а пока вернемся къ характерной для испанскихъ политическихъ нравовъ исторіи его паденія съ пьедестала шефа партіи на скамью простого либеральнаго депутата. Еще со временъ

Сагасты и Кановаса донъ Кастильо, организовавшихъ послѣ бурбонской реставраціи 1874-го года обѣ правящія партіи въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ сейчасъ, ни либералы, ни консерваторы не могутъ обойтись безъ взаимной помощи и поддержки. Передъ выборами въ парламентъ, передъ обсужденіемъ особенно важныхъ законопроектовъ между руководителями обѣихъ политическихъ группировокъ происходятъ тактическія соглашенія. Тамъ, на парламентской аренѣ, для «галерки» и для отвода глазъ европейскаго общественнаго мнѣнія вносятся интерпелляціи, происходятъ словесныя сраженья, «какъ въ Европѣ»—за кулисами же все заранѣе устроено, рядомъ взаимныхъ уступокъ сглажены наиболѣе рѣзкіе углы и въ окончательномъ результатѣ все идетъ по плану, выработанному сообща, но не въ парламентѣ, а на частныхъ, «домашнихъ» засѣданіяхъ... Необходимо замѣтить, что всѣ законы въ Испаніи предлагаются и проводятся исключительно по иниціативѣ правительства, и отнюдь не по иниціативѣ отдѣльныхъ депутатовъ.

Когда Ферреръ, по настоянію, Ла Стервы былъ осужденъ на смертную казнь, Маура, при видѣ единодушнаго взрыва негодованія, вызваннаго этимъ приговоромъ во всей Европѣ, невольно усумнился. Понимая прекрасно, какую отвѣтственность придется ему взять на себя за казнь завѣдомо невиннаго человѣка, но желая въ то же время услужить придворной партіи и клерикаламъ, онъ обратился за совѣтомъ къ Морету. Въ письмѣ, опубликованномъ впослѣдствіи въ газетѣ Каналехаса «La Manana», Маура сообщилъ Морету, что король лично стоитъ за помилованіе Феррера, что отъ папы получена просьба о томъ же и что при настоящемъ положеніи вещей, пожалуй, опасно возбуждать этой казнью и безъ того уже взволнованныя народныя массы. Но если онъ, Маура, будетъ заранѣе увѣренъ въ поддержкѣ либераловъ—то, конечно, лучшаго предлога избавить Испанію отъ Феррера не найти. Моретъ отвѣтилъ Маурѣ текстуально такъ: «Я думаю, что Вы должны посовѣтовать королю не пользоваться его королевской прерогативой. Правительство должно приказать, чтобы приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Поступить иначе—значило бы отказаться отъ аттрибутовъ мужества»...

Ферреръ былъ разстрѣлянъ во рву испанской Бастильи—крѣпости Монтуихъ. Когда, 15-го октября 1909-го года, открылись кортесы, Моретъ въ громовой рѣчи требовалъ отставки кабинета Мауры, ссылаясь на «просвѣщенное мнѣніе Европы» и на негодованіе страны по поводу «несправедливаго разстрѣла». Въ виду всеобщаго возбужденья Маура долженъ былъ уступить. Но, уходя, онъ поклялся, что Моретъ теперь недолго продержится у власти. И всемогущій въ придворныхъ и всякихъ иныхъ интригахъ «злой

геній Испаніи» сдержалъ свое слово: двѣ недѣли спустя министерство Морета пало, и его самого въ качествѣ шефа либераловъ замѣнилъ давнишній его соперникъ Каналехасъ.

Помимо главнаго дѣленія на такъ называемыхъ «либераловъ» и «консерваторовъ», имѣется еще безчисленное множество мельчайшихъ фракцій въ каждой группѣ. Онѣ называются по имени своихъ вождей, которые, обычно, смертельно ненавидятъ другъ друга и всячески стараются подставить своему противнику ногу. Существуютъ такимъ образомъ «каналехисты», «моретисты», «романоновцы», «мауристы», «датисты» (по имени бывшаго консервативнаго министра общественныхъ работъ Дато) и такъ далѣе безъ конца. Одинъ изъ персонажей цитированной выше пьесы Бенавенте «La Farandula» донъ Гонзаго, тоже «вліятельный парламентскій шефъ», въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ руководимую имъ политическую группу: «Моя партія, собственно говоря, не борется ни за какія идеи... Она только всегда организуется... И организуется такъ, чтобы въ любой моментъ объединиться со всякой другой партіей... первой, которая очутится у власти!..» А знакомый уже намъ откровенный журналистъ донъ Аурелiо такимъ образомъ опредѣляетъ политическую физіономію самого донъ Гонзаго: «Постоянная комедія!.. Вѣчно одно и то же: начинается избирательная рѣчь съ привѣтствія провинціи, затѣмъ историческія воспоминанія, обращеніе къ святому покровителю или покровительницѣ мѣстечка, литературныя фразы, спеціально заготовленныя для вѣрующихъ католиковъ... Потомъ—патріотическій гимнъ, немного ариѳметики, очень много статистики со всякими «99%... 44% на 50»!.. и т. д. И наконецъ—дѣло извѣстное: если находится въ оппозиціи—сначала «да здравствуетъ свобода!», потомъ «да здравствуетъ монархія!» А если находится у власти—наоборотъ: сперва—да здравствуетъ монархія... а потомъ... Только для свободы къ этому времени не останется никакихъ пожеланій!»

Въ народѣ, въ широкихъ массахъ населенія ни либералы, ни консерваторы не имѣютъ никакихъ корней. Только среди высшихъ и среднихъ слоевъ испанскаго общества можно встрѣтить сторонниковъ той или другой правящей партіи. Испанскіе «низы» или абсолютно равнодушны къ какой бы то ни было политикѣ, или же дѣлятся на два діаметрально противоположныхъ направленія: карлистовъ и республиканцевъ. Существованіе либераловъ и консерваторовъ въ Испаніи обезпечивается исключительно системой «касикизма» и той поддержкой, которую они оказываютъ мѣстнымъ «касикамъ»-воротиламъ въ ущербъ интересамъ остальной страны. Главнѣйшій способъ привлеченія симпатій — разрѣшеніе «власть

имущимъ» распредѣлять подати и налоги «домашнимъ способомъ», по своему личному усмотрѣнію, преимущественно на счетъ безправныхъ передъ закономъ рабочихъ и крестьянъ.—Испанія—писала мадридская республиканская газета «El Pais» въ номерѣ отъ 31 декабря 1900-го года—это страна налоговъ «наоборотъ»... Здѣсь они невыносимо тяжелы для бѣдныхъ, а для богатыхъ легки и удобны... Тотъ, кто работаетъ, платитъ у насъ больше, чѣмъ тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, труженикъ—больше, чѣмъ ростовщикъ и батракъ, больше чѣмъ собственникъ земельнаго участка... Богатымъ людямъ и «друзьямъ» разрѣшается утаивать отъ оцѣнщиковъ собственности ея настоящую стоимость и зачастую въ кадры плательщиковъ налоговъ намѣренно не вносятся заинтересованныя въ этомъ лица. Такъ напримѣръ, по сообщенію маркиза Пачеко въ «El Mundo», въ провинціи Коруньѣ изъ 4104 тавернъ въ министерствѣ финансовъ зарегистрированы только 2812. По оффиціальнымъ даннымъ 2.850.000 гектаровъ земельной собственности въ провинціяхъ Кадиксѣ, Кордовѣ и Малагѣ, долженствовавшія быть обложенными на сумму 82.215.000 пезетъ, совершенно отсутствуютъ въ регистрахъ министерства, и 70% культивируемыхъ земель въ провинціи Гренадѣ не платятъ никакихъ налоговъ. Въ той же самой Гренадѣ арендаторъ «plasa de toros», одной изъ извѣстнѣйшихъ въ Испаніи, гдѣ бываетъ не менѣе 50—60 «корридъ» [1]), въ годъ платитъ налогъ только за одну единственную корриду... Такихъ примѣровъ можно привести десятки, и всѣ они наглядно показываютъ, до какой степени принципъ «рука руку моетъ» проникъ въ систему внутренняго испанскаго управленія...

И невольно, смотря на всѣ эти старыя и молодыя лица депутатовъ, на ихъ то затѣйливыя прически съ безукоризненнымъ проборомъ, то солидно сіяющія лысины, приходятъ на память полныя горечи слова героя комедіи Бенавенте, дона Аурелiо—тоже продукта окружающей его среды, но не успѣвшаго еще потерять способность называть вещи своими именами:—«Какой хороводъ!.. Только не смѣшной и веселый, а печальный, гдѣ вереницей тянутся другъ за дружкой мелкіе интересы, униженіе, зависть, себялюбіе и гдѣ все движется вокругъ одной и той же оси, забывая о народѣ и его страданіяхъ»...

Засѣданіе продолжается. Монотонно и скучно гудитъ низкій басовой голосъ «очереднаго интерпеллятора». То, о чемъ онъ разсказываетъ, всѣмъ и каждому давно уже извѣстно, и всѣ давнымъ давно уже пришли къ заключенію, что одними словами ничего

---

[1]) Коррида—бой быковъ.

противъ этого не подѣлаешь... Нужны какія-нибудь другія, болѣе рѣшительныя средства. И Каналехасъ въ сотый разъ выслушиваетъ со скучающимъ видомъ про себя и «ихъ же съ нимъ», что они, бывшіе идейные вожди освободительнаго движенія, толкаютъ теперь испанскій народъ въ ту же яму, на краю которой послѣ грознаго «предостереженія» изъ Барселоны остановился даже самъ Антоніо Маура. Снова передъ глазами немногихъ слушателей проходятъ грустныя картины всеобщаго обнищанья, застоя промышленной жизни страны, повальной эмиграціи. А на первомъ планѣ кучка торжествующихъ поповъ и монаховъ, вкупѣ съ придворными реакціонерами посылающихъ оторванныхъ отъ дѣла и семьи крестьянъ и рабочихъ подъ разстрѣлъ неизвѣстно для чего «цивилизуемыхъ» марокканцевъ...—«Не тяни душу! выбалтывай поскорѣе до конца,— написано на нетерпѣливо хмурящейся физіономіи Каналехаса.—А я тебя срѣжу затѣмъ двумя-тремя «патріотическими» фразами о міровомъ значеніи Испаніи, о ея чести, о доблестной нашей арміи... Мнѣ устроятъ овацію питающіеся крохами съ моего стола депутаты— и все опять пойдетъ по старому... На нашъ вѣкъ хватитъ!»

Вообще судьба всѣхъ безъ исключеній интерпелляцій въ испанскомъ парламентѣ опредѣлена заранѣе. Но тѣмъ не менѣе здѣсь чрезвычайно любятъ интерпеллировать правительство по всякому поводу и даже просто «такъ»... Томящіеся отъ бездѣлья депутаты рады случаю показать своимъ избирателямъ и, главнымъ образомъ, своимъ друзьямъ и знакомымъ, что они не совсѣмъ все же пѣшки въ рукахъ правительства и даже могутъ причинять ему немало огорченій. Правительство, положимъ, не особенно огорчается наводимой на него критикой и даже, наоборотъ, всегда довольно, когда какой-нибудь желающій словесно «поразмяться» отъ долгаго сидѣнья на своей скамьѣ депутатъ заявляетъ о вносимомъ имъ политическомъ запросѣ. Причины подобнаго отношенія къ интерпелляціямъ вполнѣ понятны: вмѣсто обсужденія законопроектовъ, бюджетовъ и т. д. парламентъ развлекается безопасной для правительства игрой «въ настоящую конституцію», время проходитъ въ жаркихъ дебатахъ о томъ, чему испанскіе депутаты въ ихъ нынѣшнемъ составѣ все равно помочь не въ состояніи, и въ концѣ концовъ по случаю каникулъ всѣ разъѣзжаются по домамъ. Тогда то и закипаетъ настоящая работа. Открытіе кортесовъ отсрочивается съ мѣсяца на мѣсяцъ подъ рядомъ различныхъ благовидныхъ предлоговъ, а между тѣмъ въ министерскихъ канцеляріяхъ всѣхъ вѣдомствъ спѣшно заготовляются rekles ordenes (королевскіе декреты), въ виду закрытія парламента имѣющіе силу временныхъ законовъ. Такимъ образомъ спокойно обходятся тѣ неожи-

данныя мели, на которыя иногда можетъ наткнуться правительство въ кортесахъ, даже и при наличности всегда покорно вотирующаго большинства. Еще годъ тому назадъ неосторожный сотрудникъ Каналехаса, министръ финансовъ Кобіянъ, имѣлъ возможность лично убѣдиться, что не все безпрепятственно сходитъ съ рукъ, когда среди депутатовъ случайно окажутся искренніе и честные люди. Кобіяномъ былъ представленъ на обсужденіе кортесовъ проектъ о превращеніи внѣшняго долга Испаніи во внутренній. Во время шедшихъ какъ по маслу дебатовъ неожиданно поднялся «enfant terrible» испанскихъ либераловъ, тоже бывшій нѣкогда министромъ финансовъ, сеньоръ Урсанцъ и доказалъ изумленному парламенту, что въ проектѣ Кобіяна невѣдомо куда испарились безслѣдно изъ государственнаго казначейства не больше и не меньше какъ 50 милліоновъ. Среди всеобщаго негодованія Каналехасу пришлось защищать своего черезчуръ разсѣяннаго коллегу по кабинету. Эту небольшую бухгалтерскую ошибку премьеръ-министръ объяснилъ «недосмотромъ» Кобіяна. Проектъ провалился, а немного времени спустя Кобіяну тоже пришлось покинуть «голубую скамью» для частной жизни.

Сегодняшнее засѣданіе тоже совершенно случайно чуть не превратилось въ всеобщую свалку депутатовъ, и не только словесную, ибо въ этой атмосферѣ скрытой ненависти, лжи и зависти нельзя безнаказанно поднимать для всѣхъ одинаково болѣзненныхъ вопросовъ. На этотъ разъ виновникомъ скандала оказался самъ бывшій глава либераловъ, государственныя заслуги котораго увѣковѣчены, благодарнымъ отечествомъ еще при жизни... Съ момента вынужденной отставки въ октябрѣ 1909-го года Моретъ, съ горечью непонятаго «національнаго генія», не уставалъ твердить о своемъ непреклонномъ намѣреніи «удалиться отъ политики въ пустыню», усиленно стараясь въ то же время дружеской рукой подтолкнуть счастливаго соперника Каналехаса на ближайшую апельсинную корку. Но нынѣшній премьеръ еще съ юныхъ лѣтъ умѣетъ балансировать на чемъ угодно, а теперь, привыкнувъ къ придворному паркету, и совсѣмъ уже не боится поскользнуться.

Мирное теченіе безобидной интерпелляціи либеральнаго кабинета Моретъ нарушилъ сегодня съ умысломъ, ибо если бы графъ Романонесъ не былъ въ испанскомъ парламентѣ «превыше всякой конституціи», то въ пылу междуфракціоннаго раздраженья выплыло бы наружу очень много непріятныхъ для правительства вещей. Придравшись къ какой-то фразѣ интерпеллятора-республиканца Миро, Моретъ потребовалъ слова по личному поводу и вдругъ, ни съ того ни съ сего заговорилъ... объ «ley de juridicciones»... Если бы рос-

писанный фресками потолокъ обрушился сразу на головы депутатовъ, это не произвело бы такого ошеломляющаго впечатлѣнія, какъ три магическія слова въ устахъ Морета: «ley de juridicciones»... Точно прорвалась плотина, давно уже съ трудомъ сдерживавшая напоръ грязи, накопившейся за дверями этой нарядной залы. Мутный, злобный потокъ хлынулъ на бархатныя скамьи депутатовъ. Обычно въ испанскомъ парламентѣ вѣжливость господствуетъ необычайная. «Съ большимъ вниманіемъ выслушавъ блестящую рѣчь высоко талантливаго сеньора такого-то»—такъ начинается здѣсь любая, самая грубая «раздѣлка подъ орѣхъ». На этотъ разъ, однако, весь «хорошій тонъ» исчезъ безслѣдно въ начавшейся словесной перепалкѣ. У всѣхъ въ этомъ дѣлѣ нечисты руки, у многихъ рыльце и сейчасъ въ пушку—и, связанные круговой порукой общаго пренебреженія къ пославшей ихъ сюда странѣ, такъ называемые «избранники испанскаго народа» стараются свалить вину одинъ на другого.

Но что это за «ley de juridicciones» (законъ о судебныхъ инстанціяхъ), одно упоминаніе о которомъ въ стѣнахъ парламента вызываетъ такую бурю? Для отвѣта необходимо вернуться назадъ, за нѣсколько печальныхъ для Испаніи десятилѣтій.

Въ январѣ 1874-го года пьяный, но рѣшительный генералъ Павія внезапно ворвался въ залъ засѣданій кортесовъ съ ротой солдатъ и разогналъ штыками республиканскихъ депутатовъ. Это было прелюдіей къ возвращенію Бурбоновъ. Въ декабрѣ того же года новымъ солдатскимъ «пронунціаменто» король Альфонсъ XII замѣнилъ эфемерную республику, и съ того момента армія здѣсь сдѣлалась предметомъ особаго культа со стороны правительства и высшихъ придворныхъ сферъ. Не имѣя естественной опоры въ народѣ, «реставрированные» Бурбоны волей-неволей принуждены опираться на штыки. Отсюда исключительное положеніе въ Испаніи военныхъ... Для угожденія засидѣвшимся безъ отличія генераламъ, которые уже начинали подумывать о новомъ «пронунціаменто», очертя голову бросились въ погубившую международное значеніе Испаніи войну съ Соединенными Штатами; для болѣе быстраго движенія по службѣ ротныхъ командировъ продолжается и сейчасъ безсмысленная, истощающая государственный бюджетъ и не приносящая ни малѣйшей реальной выгоды марокканская авантюра. Армія въ Испаніи—государство въ государствѣ, и особа каждаго военнаго—священна...

Въ 1905-мъ году во время революціонныхъ волненій въ Каталоніи, въ барселонскомъ сатирическомъ журналѣ «Cucut» была помѣщена довольно ядовитая каррикатура на «не-отличившихся» въ

испано-американской войнѣ представителей высшаго офицерства. Въ тотъ же день редакція журнала была разгромлена офицерами мѣстнаго гарнизона и преступный номеръ торжественно сожженъ. Тогдашній предсѣдатель либеральнаго кабинета, Монтеро Ріосъ, признавая справедливымъ негодованіе барселонскихъ офицеровъ, все же находилъ, что въ данномъ случаѣ ими была нарушена элементарная воинская дисциплина. Но военный министръ генералъ Вейлеръ (тотъ самый, что при усмиреніи возстанія на островѣ Кубѣ вырывалъ ногти плѣннымъ кубинцамъ-мятежникамъ) взглянулъ на этотъ самосудъ съ противуположной точки зрѣнія. Кабинетъ Монтеро Ріоса принужденъ былъ подать въ отставку. Моретъ взялся уладить дѣло. При помощи новаго военнаго министра, генерала Люке, онъ внесъ въ кортесы проектъ закона «la ley de juridicciones», по которому всякій штатскій, какъ лицо въ военныхъ дѣлахъ некомпетентное, немедленно предавался военному суду за «превратныя сужденія объ арміи» въ печати... Проектъ этотъ возмутилъ даже привыкшихъ ко всякимъ сюрпризамъ испанскихъ депутатовъ. Въ единодушномъ порывѣ негодованія по поводу новаго насилія надъ свободнымъ словомъ болѣе 80 ораторовъ, безъ различія направленій—карлисты, либералы, консерваторы, республиканцы — высказались противъ «ley de juridicciones». Давно уже въ испанскомъ парламентѣ не было такихъ бурныхъ засѣданій. Законъ неминуемо долженъ былъ провалиться. Но Моретъ и Люке не дремали. Отсрочивъ окончательное рѣшеніе вопроса на неопредѣленное время, они воспользовались этимъ моментомъ и въ мартѣ того же года, черезъ три мѣсяца послѣ внесенія законопроекта, когда въ кортесахъ случайно оказались лишь «свои», заставили ихъ вотировать возмутившій парламентское большинство «ley de juridicciones».

Съ 1905-го года испанскія тюрьмы стали наполняться журналистами и прочими «штатскими лицами», которыя позволили себѣ неодобрительно отозваться о распоряженіяхъ военныхъ властей. Военные суды работали не покладая рукъ; многія интеллектуальныя силы молодой Испаніи очутились на каторгѣ или должны были эмигрировать. Въ печати нельзя было упоминать даже о дракѣ на улицѣ пьяныхъ солдатъ, подъ угрозой примѣненія «ley de juridicciones»; съ испанской сцены исчезли придурковатые солдаты и фаты-офицеры—тѣхъ и другихъ отнынѣ можно было изображать не иначе, какъ «въ явно героическомъ и благородномъ видѣ»... Ушли изъ-подъ контроля общественнаго мнѣнія архаическіе порядки въ казармахъ и военныхъ госпиталяхъ, интендантскіе подвиги тоже благополучно скрылись подъ сѣнью охраняющаго ихъ неприкосновенность удобнаго закона; цѣлая огромная область народной

жизни была загорожена непроницаемой стѣной—стараніями «геніальнаго политика» Морета, и что теперь тамъ творится—неизвѣстно...

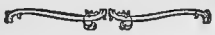
Заговоривъ съ намѣренной неосторожностью о столь опасномъ сюжетѣ, Моретъ зналъ, что дѣлалъ. Ему хотѣлось доказать, что если ему самому нельзя отречься отъ своего уродливаго дѣтища—ley de juridicciones,—то можно, по крайней мѣрѣ скомпрометтировать нѣкоторыхъ, наиболѣе ненавистныхъ политическихъ соперниковъ-враговъ. Вѣдь многіе изъ нихъ, распинаясь на публичной аренѣ кортесовъ за священный принципъ свободы печатнаго слова за кулисами были тайными воспріемниками закона, которымъ фактически свобода печати въ Испаніи упразднена.

Но Каналехасъ недаромъ искусился въ безчисленныхъ парламентскихъ перемѣнахъ декорацій. Когда среди неистоваго шума депутатовъ, истерическихъ выкриковъ: «имена!.. давайте имена!..» и т. п., республиканцы потребовали немедленной «очной ставки» обоихъ шефовъ либераловъ, предсѣдатель кортесовъ, графъ Романонесъ, внезапно надѣлъ свой сверкающій, безукоризненный цилиндръ и объявилъ засѣданіе закрытымъ.

На слѣдующій день взволнованныя страсти улеглись. Моретъ рѣшилъ никакихъ именъ не называть, а предложеніе республиканцевъ объ отмѣнѣ «ley de juridicciones» было отвергнуто большинствомъ 221 голоса противъ 23.

Гора родила мышь, какъ это обыкновенно случается въ испанскомъ парламентѣ. «Такъ было—такъ будетъ!»—отвѣтили «народные представители» пославшему ихъ для защиты своихъ интересовъ народу, когда онъ устами немногихъ избранныхъ попросилъ избавить Испанію XX-го столѣтія отъ варварскаго средневѣковаго закона...

А. Деренталь.



О МУСУЛЬМАНСКОМЪ ДВИЖЕНІИ.

За послѣднее время Мусульманскимъ міромъ стали интересоваться. Образовалось даже особое общество русскихъ оріенталистовъ, поставившее главной своей задачей изученіе восточнаго вопроса. Въ печати, въ рѣчахъ слышится опасеніе по поводу возрожденія Турціи и Персіи. Чудятся грядущія столкновенія, кровавые

реванши за былыя пораженія и захваты. Власть начинаетъ тревожиться и пытается, по-своему, изучить мусульманскій вопросъ. Департаменту иностранныхъ исповѣданій м-ва внутр. дѣлъ предписано представить въ самомъ непродолжительномъ времени всѣ имѣющіяся у него свѣдѣнія относительно существующаго уже нѣсколько лѣтъ мусульманскаго общества Шаури-ал-умматъ, функціонирующаго въ Самарѣ, Уфѣ, Саратовѣ и нѣкоторыхъ приволжскихъ городахъ. Вообще м-во нашло нужнымъ ближе ознакомиться съ внутренней жизнью, бытомъ и школой магометанъ. Съ этой цѣлью въ Уфу, Казань, Оренбургъ и другіе города съ многочисленнымъ магометанскимъ населеніемъ выѣзжала особая комиссія. Съ этою же цѣлью разъѣзжалъ по Туркестану, вскорѣ послѣ сенаторской ревизіи гр. Палена, товарищъ министра народнаго просвѣщенія Георгіевскій.

Результаты получились, повидимому, не совсѣмъ утѣшительные для мусульманъ. Въ Челябинскѣ, послѣ продолжительнаго обыска, закрыта мусульманская библіотека. Въ Астрахани мѣстной администраціей закрыты двѣ школы (мужская и женская), преподаватели которыхъ, по мнѣнію власти, заражены крамолой, какъ получившіе образованіе за границей, главнымъ образомъ въ Турціи. Въ той же Астрахани попечителемъ округа сдѣлано распоряженіе о немедленномъ закрытіи учебнаго заведенія, содержимаго мусульманскимъ обществомъ «Шураи Исламъ». Таврическое духовное магометанское правленіе (конечно—не по собственной иниціативѣ) удалило всѣхъ учителей-иностранцевъ изъ медрессъ и мактабовъ. Въ Астрахани 9 марта 1911 г. произведены обыски у двадцати пяти извѣстныхъ мусульманъ, въ томъ числѣ у редактора-издателя татарской газеты «Бургамъ-Тараки». Въ Оренбургѣ ночью 12-го февраля 1911 года произведены обыски у редакторовъ татарскихъ газетъ. Конфискованы были при этомъ разныя книги, брошюры, газеты, матеріалы на французскомъ, арабскомъ, турецкомъ и татарскомъ языкахъ, переписка и фотографическія карточки.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, что правительство склонно разсматривать мусульманскій вопросъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія статей Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Аттестатъ благонадежности, выданный мусульманамъ покойнымъ комитетомъ министровъ [1]), признанъ недѣйствительнымъ, а указаніе, что «исторически сложившимися отношеніями» русскихъ съ мусульманами «надлежитъ дорожить и *испортить ихъ слѣдуетъ опасаться*»—найдено лишеннымъ обязательнаго значенія. Благодаря этому число дѣйствующихъ лицъ въ

---

[1]) См. журналъ комитета 22 февраля и 1 марта 1905 г.

русской государственной трагедіи увеличится еще однимъ. Жизнь со временемъ, конечно, дастъ новое подтвержденіе той простой истинѣ, что репрессивными мѣрами нельзя убить самоопредѣляющуюся народность.

Дѣйствительно ли, однако, мусульманское движеніе диктуется серьезнымъ пробужденіемъ исламизма? Настоящая статья пытается дать на это хотя и не полный, но чуждый пристрастія отвѣтъ. Она касается преимущественно движенія въ Туркестанѣ.

Наше правительство до сихъ поръ держится убѣжденія, что, управляя Турестанскимъ краемъ, оно слѣдуетъ принципу невмѣшательства во внутренній религіозный бытъ мѣстнаго населенія. Дѣйствительно, до самаго послѣдняго времени ничего не сдѣлано для организаціи религіозной жизни населенія. Всѣ ходатайства объ учрежденіи духовнаго правленія въ краѣ, или даже о подчиненіи туркестанскихъ мусульманъ вѣдѣнію Оренбургскаго духовнаго правленія, остались безъ удовлетворенія. Нашъ законъ и наша власть не знаютъ мусульманскаго духовенства въ Туркестанѣ [1]).

Если понятію невмѣшательства придать другой, истинный смыслъ, то окажется, что этотъ принципъ давно нарушенъ и наша власть пыталась и пытается нанести непоправимые удары исламскому правовѣрію.

Весь строй жизни туркестанскихъ мусульманъ проникнутъ началами Корана и тѣсно связаннаго съ нимъ Шаріата. Измѣненіемъ тѣхъ или иныхъ вѣковыхъ институтовъ неминуемо затрагивается религіозный бытъ населенія. Такъ напр., русскій режимъ отрицательно отразился на самомъ священномъ и дорогомъ для мусульманина установленіи: на вакуфахъ.

Подъ именемъ вакуфовъ разумѣются имущества, отчужденныя благочестивыми правовѣрными на дѣла милосердія, понимаемаго въ широкомъ смыслѣ. Возникновеніе вакуфа преданіе относитъ ко временамъ Магомета. На доходы съ этихъ имуществъ существовали

---

[1]) Необходимо оговориться. По этому вопросу въ дѣйствующемъ законѣ есть непримиримое противорѣчіе. Положеніе объ управ. Туркестанскимъ краемъ вполнѣ сознательно умалчиваетъ о туркестанскомъ мусульманскомъ духовенствѣ, какъ о несуществующемъ или не представляющемъ интереса для русской власти фактѣ. Въ то же время положеніе объ управленіи Семирѣченской области не только признаетъ существованіе въ Туркестанскомъ краѣ мусульманскаго духовенства, но опредѣляетъ порядокъ избранія и удаленія духовныхъ лицъ. Статья 98-я установляетъ, что «муллы избираются инородцами изъ своей среды. Утвержденіе избраннаго лица въ званіи муллы, а также устраненіе его отъ сего званія принадлежитъ военному губернатору».

мечети, мактабы, медрессы, воджа-ханы, кара-ханы (т. е. школы разныхъ типовъ, пристанища для паломниковъ, богадѣльни) и тому подобныя учрежденія, обслуживающія общія нужды населенія. Вакуфы имѣли широкое распространеніе въ Туркестанѣ; имъ обязаны между прочимъ, своимъ существованіемъ знаменитыя медрессы, откуда выходили ученые, пользовавшіеся авторитетомъ не только у себя на родинѣ, но даже въ Турціи и въ сердцѣ Ислама—въ Меккѣ и Мединѣ.

Исламъ за вакуфами признавалъ исключительное значеніе и расхищеніе этихъ имуществъ считалъ однимъ изъ семи смертныхъ грѣховъ. Наша власть, нормируя земельно-податныя отношенія, сдѣлала попытку «*упорядочить*» вакуфы. Что отсюда вышло—покажетъ послѣдующее изложеніе.

Попытка эта проявилась прежде всего въ положеніи объ управл. Тур. краемъ 12 іюня 1886 г., а затѣмъ въ толкованіи и примѣненіи его на практикѣ. Населенныя вакуфныя земли отошли къ населенію; частные вакуфы были сохранены за тѣми лицами, въ пользу которыхъ они были учреждены, впредь до пресѣченія ихъ потомства. Учрежденіе новыхъ вакуфовъ поставлено въ зависимость отъ власти начальника края, который даетъ разрѣшеніе «единственно въ случаяхъ, заслуживающихъ уваженія». На областныя правленія возложено утвержденіе вакуфныхъ документовъ, устройство управленія вакуфами, наблюденіе за правильностью употребленія вакуфныхъ доходовъ и право ихъ ревизіи. Затѣмъ идетъ рядъ положеній, нормирующихъ вакуфныя земельныя имущества въ податномъ отношеніи. Отъ государственнаго поземельнаго налога освобождены «вакуфныя населенныя земли, весь доходъ которыхъ назначенъ вакуфнымъ документомъ въ пользу мечети или школъ, или же для надобностей общественнаго призрѣнія, и принадлежащіе мечетямъ сады и рощи, если они служатъ мѣстомъ молитвенныхъ собраній, общественныхъ празднествъ или отдохновенія путешественниковъ». Другая статья даетъ указаніе на обложеніе этимъ налогомъ частныхъ вакуфовъ. И, наконецъ, третья опредѣляетъ, что государственный поземельный налогъ съ населенныхъ вакуфовъ, учрежденныхъ въ пользу мечетей или школъ или для надобностей общественнаго призрѣнія, передается изъ казначействъ въ тѣ установленія, для которыхъ учреждены вакуфы, если вакуфными документами прежде существовавшіе сборы полностью предоставлены этимъ учрежденіямъ; въ противномъ случаѣ въ распоряженіе названныхъ установленій обращается та только часть дѣйствительно поступившаго налога, которая соотвѣтствуетъ долѣ выше упомянутыхъ сборовъ, назначенной въ ихъ пользу

вакуфнымъ документомъ, а остальная часть налога причисляется къ доходамъ казны.

Совокупность этихъ правилъ не даетъ полной регламентаціи вакуфнаго дѣла. Впрочемъ подобною цѣлью законодатель и не задавался. Было лишь намѣреніе сдѣлать въ этомъ направленіи первые шаги, продиктованные требованіями жизни и «политической мудростью». Значеніе этихъ шаговъ очевидно: признать вакуфы въ силѣ, но подчинить ихъ надзору и контролю русской власти, при чемъ послѣдняя не обязана была при разрѣшеніи вакуфныхъ дѣлъ руководствоваться «предписаніями мусульманскаго законодательства».

Эти «первые шаги» внесли въ вакуфное дѣло глубокія измѣненія.

Руководствуясь «справедливостью и политической мудростью», русская власть закрѣпила вакуфныя земли за сидящимъ на нихъ населеніемъ. Это былъ первый поводъ къ серьезному недовольству. Руководители исламистовъ заволновались, усмотрѣвъ въ этомъ покушеніе на освященный вѣками укладъ. У вакуфныхъ установленій были отняты искони принадлежавшія имъ земли. Именно благодаря вакуфнымъ доходамъ двери медрессъ были широко и привѣтливо открыты для юношества; оттуда выходили вожди и руководители правовѣрныхъ. Законъ нанесъ первый ударъ этому положенію дѣлъ. Еще важнѣе было то, что дальнѣйшее развитіе вакуфовъ ставилось въ зависимость отъ представителя русской власти. Шаріатъ отодвигался на задній планъ. Требованія мусульманскаго закона подчинялись контролю и усмотрѣнію инославной власти. Съ этимъ трудно было мириться, и правовѣрные стали считать себя обиженными. При первой же возможности высказаться, возникали ходатайства о возвращеніи вакуфныхъ земель, о возстановленіи прежняго богатства вакуфныхъ установленій, о подчиненіи вакуфныхъ дѣлъ юрисдикціи Шаріата. Это пожеланіе изложено и въ обращеніи къ членамъ Государственной Думы.

Страхъ за существованіе вакуфовъ, а слѣдовательно и за исламъ, находилъ себѣ пищу и во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ нашей власти. На областныя правленія было возложено утвержденіе вакуфныхъ документовъ, устройство управленія вакуфами, наблюденіе за правильностью употребленія вакуфныхъ доходовъ и право ревизіи ихъ. Эти функціи остаются невыполненными: ревизій въ точномъ смыслѣ слова не производится, къ организаціи управленія не приступлено. Исключеніе составляетъ утвержденіе вакуфныхъ документовъ; эту обязанность областныя правленія уже нѣсколько лѣтъ пытаются выполнять, но ея испол-

неніе оказывается свыше ихъ силъ. До сихъ поръ дѣло утвержденія вакуфныхъ документовъ незакончено и не предвидится ему конца. Руководствуясь инструкціями и циркулярами, областныя правленія удѣляли все свое вниманіе вакуфнымъ документамъ съ ханскими печатями. Остальные документы остаются безъ движенія [1]). Какая участь ждетъ эти документы и указанныя въ нихъ земельныя имущества—неизвѣстно. Это скажетъ будущій русскій законъ. А въ странѣ пока идетъ расхищеніе вакуфныхъ богатствъ. Не единицами считаются развалившіяся и разваливающіяся медрессы. Даже такія знаменитыя, какъ Самаркандскія, говорятъ лишь о быломъ величіи и служатъ поводомъ для грустныхъ размышленій.

До сихъ поръ еще не выработано твердаго и яснаго пониманія самыхъ существенныхъ сторонъ вакуфнаго дѣла. Даже на вопросъ: что такое вакуфное право—отвѣчаютъ различно. Одни, строго слѣдуя закону, и потому совершенно игнорируя Шаріатъ, утверждаютъ, что подъ вакуфнымъ правомъ разумѣется льгота на освобожденіе отъ податного налога; другими словами, вакуфными признаются имущества, освобожденныя отъ уплаты государственнаго поземельнаго налога. Термины: «признанный правительствомъ вакуфъ» и «вакуфъ, освобожденый отъ уплаты налога», стали синонимами. Другое мнѣніе шире: оно исходитъ изъ положенія, что вакуфность даннаго имущества не всегда зависитъ отъ правительственной оцѣнки относящагося къ нему документа, и отказъ въ освобожденіи отъ налога отнюдь не равносиленъ отрицанію правъ вакуфнаго установленія на имущества, фактически находящіяся въ его пользованіи, владѣніи и распоряженіи. Если бы у такихъ вакуфныхъ установленій по тѣмъ или инымъ причинамъ не оказалось вакуфныхъ документовъ, то это не должно служить основаніемъ для отчужденія вакуфныхъ имуществъ. Къ имуществамъ *фактически вакуфнымъ*, документы на которыя признаны недѣйствительными, претензіи должны быть предъявлены не иначе, какъ въ *судебномъ порядкѣ*.

Судебная власть въ краѣ держится опредѣленнаго взгляда на вакуфы. Взглядъ этотъ высказанъ между прочимъ, въ рѣшеніи ташкентской судебной палаты отъ 9 декабря 1905 года, состоявшемся по кассаціонной жалобѣ сарта Азисъ-Ходжи-Хобы Ходжаева на рѣшеніе ташкентскаго окружнаго суда отъ 18 января того же года. Судомъ было отказано въ признаніи за Ходжаевымъ права собственности на бывшій вакуфный участокъ земли, при чемъ было

[1]) Напримѣръ по Ферганской области остаются неразсмотрѣнными около 5.000 документовъ. Съ ханскими печатями по тремъ областямъ Туркестана представлено всего 749 вакуфныхъ документовъ.

указано, что истецъ не имѣетъ права на предъявленіе вотчиннаго иска, «такъ какъ право собственности на вакуфныя земли всѣхъ видовъ въ краѣ принадлежитъ государству». Палата, согласясь съ доводами окружнаго суда, съ своей стороны высказала слѣдующее: «Вакуфными имуществами въ Туркестанскомъ краѣ считаются лишь признанныя таковыми правительствомъ, при чемъ документы на вакуфныя имущества первоначально изслѣдуются поземельно-податными установленіями, окончательно же утверждаются областнымъ правленіемъ. Въ данномъ случаѣ представленный въ основаніе иска документъ, по заявленію просителя, совершенъ въ народномъ судѣ и потому заключеніе суда о томъ, что таковой не можетъ служить къ утвержденію правъ Ходжаева, домогавшагося признанія за нимъ права собственности на вакуфномъ правѣ, въ окончательномъ выводѣ представляется правильнымъ».

Такимъ образомъ судомъ рѣзко и опредѣленно формулированы три положенія: 1) законными могутъ считаться лишь вакуфы, признанные правительствомъ; слѣдовательно утвержденіе областнымъ правленіемъ вакуфнаго документа есть признаніе за даннымъ вакуфнымъ имуществомъ не только налоговой льготы, но и права на законное существованіе, какъ вакуфа; 2) право собственности на вакуфы принадлежитъ государству, и 3) предписанія мусульманскаго законодательства при разрѣшеніи вопросовъ о вакуфахъ не должны быть принимаемы къ руководству; утвержденіе вакуфа народнымъ судомъ не только не служитъ доказательствомъ дѣйствительности документа, но наоборотъ, уничтожаетъ его силу.

Тѣмъ же характеромъ отличаются взгляды и распоряженія, касающіеся менѣе важныхъ особенностей вакуфнаго института, напримѣръ мутевалліевъ, т. е. завѣдующихъ хозяйственной стороной вакуфныхъ имуществъ. Жизнь задала простой вопросъ: кто можетъ быть мутевалліемъ? Органы власти разъяснили, что мутевалліями могутъ быть: 1) лица, назначенныя къ тому вакуфнымъ документомъ, и 2) лица, выбранныя получателями вакуфныхъ доходовъ, напримѣръ, муллами, студентами медрессъ, или же съѣздами казіевъ. Начались интриги, и въ мутевалліи стали попадать лица, способныя скорѣе расхищать вакуфные доходы, чѣмъ расходовать ихъ по назначенію.

Второй вопросъ заключался въ томъ, какъ смотрѣть на мутевалліевъ? По мнѣнію административной власти, они должны быть признаны «состоящими на службѣ общественной» и подлежащими «за проступки и преступленія по должности отвѣтственности на основаніи общихъ законовъ имперіи, а не въ народныхъ судахъ» (циркуляръ главнаго начальника края 19 мая 1895 г.). Органы судебной власти

высказывали иные взгляды, основываясь на полномъ молчаніи нашего закона объ этихъ «состоящихъ на службѣ» лицахъ. Въ особенности этотъ терминъ не примѣнимъ къ мутевалліямъ частныхъ вакуфовъ, такъ какъ противоположное толкованіе привело бы къ выводу, что управляющіе земельнымъ имуществомъ какихъ-нибудь Мадалибаевыхъ или Ходжаевыхъ состоятъ на «общественной» службѣ. Между тѣмъ, Сенатъ призналъ мутевалліевъ должностными лицами, занимающими должности «въ порядкѣ избранія, на основаніи акта учрежденія вакуфа». Выраженіе это неточно. На практикѣ различались два порядка назначенія мутевалліевъ: одинъ—по вакуфному документу въ которомъ обыкновенно указывалось, кто долженъ быть мутевалліемъ (напримѣръ, старшій въ родѣ вакуфо-учредителя); второй—по избранію. Послѣднему порядку слѣдовали въ томъ случаѣ, когда почему-либо нельзя было руководиться указаніями вакуфнаго документа. Разъясненіе Сената тѣмъ болѣе любопытно, что оно состоялось въ отношеніи кара-вакуфа, т. е. вакуфа необѣленнаго, непризнаннаго нашимъ закономъ и правительствомъ. Можетъ возникнуть такой казусъ: при незаконномъ вакуфѣ могутъ быть должностныя лица-мутевалліи, которыхъ областная власть не имѣетъ права удалять отъ должности безъ возбужденія одновременно судебной отвѣтственности въ порядкѣ, для должностныхъ лицъ установленномъ.

Устанавливая, что частные вакуфы оставляются за тѣми лицами, въ пользу которыхъ они учреждены, до пресѣченія ихъ потомства, законъ не указываетъ, какова должна быть ихъ судьба при наступленіи послѣдняго условія. Возложивъ на областныя правленія утвержденіе вакуфныхъ документовъ, управленіе вакуфами, наблюденіе за правильностью употребленія вакуфныхъ доходовъ и право ревизіи ихъ, законъ не далъ для этого ни болѣе детальной нормировки, ни средствъ.

Послѣ всего вышеизложеннаго можно съ большимъ правомъ повторить ранѣе сказанное: нашей властью до сихъ поръ не выработано твердаго и яснаго пониманія самыхъ существенныхъ сторонъ вакуфнаго института. Вакуфы находятся между двухъ береговъ: отъ мусульманскаго ихъ оторвали, а къ русскому не умѣютъ или не хотятъ причалить. Ну, ими и двигаютъ не всегда чистыя волны дѣйствительности.

Такое положеніе дѣлъ не можетъ упрочить въ туземцахъ сознаніе превосходства нашего закона надъ устарѣвшими велѣніями Шаріата.

Нашъ режимъ, такимъ образомъ, не только коснулся религіознаго быта населенія, но внесъ въ него безпорядокъ и посягнулъ на одну изъ основъ ислама. Если это—результатъ сознательно принятаго рѣшенія, то достигнута ли его цѣль? Парализовано ли въ Туркестанѣ вліяніе и сила ислама? Едва ли. Бухарскіе медрессы стали славиться болѣе самаркандскихъ и ташкентскихъ. Ишаны тамъ могли свободнѣе проповѣдывать. Вакуфныя пожертвованія тамъ охотно принимались, и мусульманинъ Туркестана невольно обращалъ свой взглядъ на страну эмира. Конечно, воспитанникъ бухарской медрессы, вернувшись въ свой кишлакъ, не могъ быть менѣе правовѣрнымъ, менѣе энергичнымъ проповѣдникомъ величія ислама, чѣмъ если бы онъ воспитался въ одной изъ медрессъ своей родной области.

Ничего выдающагося, серьезнаго не сдѣлало и не могло сдѣлать для умаленія ислама и миссіонерство. «Мѣняющіе религію тревожатъ только престолъ Божій»—говорятъ исламисты. И нѣтъ основанія думать, что они забудутъ эти слова. На горячій призывъ обратиться къ истинному, единственно-спасительному ученію одной изъ христіанскихъ церквей, исламистъ—этотъ поклонникъ чистѣйшаго монотеизма—отвѣчаетъ: «Аллахъ есть Богъ единый. Нѣтъ другого Бога, кромѣ Аллаха». И съ глубокой вѣрой произноситъ стихъ Корана: «Хвала Богу, Господу міровъ, Милостивому, Милосердному, Царю дня суднаго». Миссіонеры могутъ разсчитывать лишь на жалкихъ, или болѣзненно-честолюбивыхъ отщепенцевъ ислама.

Исламъ не можетъ исчезнуть, не долженъ погибнуть: эта идея легла въ основу панисламизма—движенія, заставившаго мусульманъ встрепенуться и принять мѣры къ болѣе яркому проявленію своихъ особенностей. Панисламизмъ указалъ первыя средства для возрожденія ислама, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первыя формы, въ которыя могло вылиться накопившееся недовольство.

Въ дѣлѣ распространенія панисламическихъ идей важную роль сыгралъ хаджъ [1]). Проходя черезъ страны ислама, знакомясь съ

---

1) Хаджъ—путешествіе въ Мекку и Медину. Это паломничество относится къ числу обязанностей мусульманина, которыя онъ можетъ исполнять при наличности извѣстныхъ обстоятельствъ. Хаджъ надлежитъ дѣлать по достиженіи солидныхъ лѣтъ, когда есть денежныя средства для путешествія и для обезпеченія оставшейся семьи, и притомъ—средства, пріобрѣтенныя честнымъ путемъ. Иначе Хаджъ теряетъ значеніе. По даннымъ консульскихъ отчетовъ, Хаджъ изъ года въ годъ усиливается. Въ Туркестанѣ всего больше паломниковъ даетъ Ферганская область. Нашимъ правительствомъ очень мало сдѣлано для упорядоченія Хаджа, и мусульманскіе паломники являются приманкой для людей легкой наживы.

исламистами всего міра, воодушевляясь надеждами на возрожденіе, правовѣрные смѣлѣе поднимаютъ свои головы и на многое начинаютъ смотрѣть иными глазами. Вѣра крѣпнетъ, а съ ней и энергія, жажда дѣятельности и борьбы.

Идея панисламизма первоначально стала популярной среди мусульманъ Европейской Россіи. Здѣсь она проявилась въ требованіи такихъ мѣръ, которыя могли бы послужить основой для оживленія и укрѣпленія ислама. Требованія эти очень опредѣленно и ясно были формулированы на Уфимскомъ губернскомъ совѣщаніи по мусульманскимъ дѣламъ 22—25 іюня 1905-го года и на всероссійскомъ мусульманскомъ съѣздѣ 16—21 августа 1906-го года... Сущность ихъ сводится къ установленію широкаго и полнаго самоуправленія въ дѣлахъ вѣроисповѣдныхъ и народнаго просвѣщенія, а также независимой юрисдикціи въ области семейнаго, брачнаго и наслѣдственнаго права. Во главѣ исламскаго самоуправленія долженъ встать раисулъ-улама, избираемый мусульманами всей Россійской имперіи. Какъ главный представитель Россійскаго мусульманства и защитникъ его интересовъ, онъ долженъ имѣть право личныхъ докладовъ Государю Императору. Раисуль-уламѣ подчиняются пять шайхуль-исламовъ (два на Кавказѣ, Оренбургскій, Таврическій и Туркестанскій). Далѣе идутъ губернскіе и уѣздные меджилисы. Шайхуль-исламы въ своихъ округахъ обязаны созывать совѣты изъ избранныхъ народомъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, въ числѣ отъ 15 до 20, знакомыхъ съ нуждами населенія. Мѣстныя мусульманскія учрежденія должны быть вполнѣ независимыми отъ губернскихъ и иныхъ административныхъ учрежденій, а въ отношеніи общаго порядка надзора, подвѣдомственны Сенату или министру внутреннихъ дѣлъ.

Въ области народнаго образованія пожеланія сводятся къ слѣдующему: 1) Во всѣхъ селеніяхъ должны быть открыты начальныя школы, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ—среднія школы, съ курсомъ въ объемѣ программы двухкласныхъ училищъ. 2) Обученіе въ этихъ школахъ должно вестись по одной программѣ и на родномъ языкѣ, съ арабскимъ алфавитомъ. Изученіе русскаго языка въ начальныхъ школахъ необязательно, а въ среднихъ онъ входитъ въ программу какъ предметъ обученія. 3) Управленіе этими школами и наблюденіе надъ ними должно быть въ рукахъ самихъ мусульманъ, изъ коихъ образуется и составъ дирекціи. Учительскій персоналъ—выборный. 4) Въ учительскихъ школахъ съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ должно быть введено для мусульманъ болѣе основательное изученіе ихъ вѣроученія и литературнаго родного языка. 5) Учителя и ученики мусульманскихъ школъ должны быть уравнены въ правахъ по от-

бываніи воинской повинности и другихъ съ русскими. Конфессіональныя школы остаются въ исключительномъ вѣдѣніи преобразованныхъ духовныхъ правленій, при чемъ ученики медрессъ должны быть приравнены, въ отношеніи льготъ и правъ, къ воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній. Тою же независимостью должна отличаться и правовая жизнь мусульманина въ сферѣ брака, семьи и наслѣдованія имуществъ.

Протоколы уфимскаго совѣщанія дышатъ однимъ стремленіемъ—усилить исламъ или, что то же самое, вліяніе мусульманскаго духовенства (если этотъ терминъ примѣнимъ къ мулламъ и другимъ духовнымъ руководителямъ исламистовъ). Именно этимъ стремленіемъ продиктовано, напримѣръ, такое пожеланіе, какъ предоставленіе мулламъ права заключать своей властью на время до трехъ дней въ нежилые дома лицъ, нарушающихъ тишину, или дозволеніе ахунамъ выступать въ качествѣ частныхъ обвинителей по дѣламъ о нарушеніи нормъ, оберегающихъ брачный и семейственный союзы, если въ этихъ нарушеніяхъ заключаются признаки уголовно-наказуемаго дѣянія. Старой суровостью вѣетъ отъ такихъ пожеланій. Правда. Но за то нельзя отказать защитникамъ мусульманскаго уклада въ страстности и непоколебимой рѣшимости.

Эти стремленія проникли въ мусульманскую среду Туркестана и сдѣлались лозунгами въ дѣятельности, посвященной защитѣ правовѣрія и связаннаго съ нимъ строя. Исламисты мечтали объ этомъ, вели интимныя бесѣды, читали, работали въ тиши своихъ мечетей и медрессъ; а въ тѣ моменты общественной и государственной жизни, когда сдѣлалось возможнымъ смѣло и откровенно высказываться, мечты и думы вылились въ форму прошеній и требованій.

Самую полную формулировку пожеланія мусульманъ Туркестана получили въ «обращеніи депутатовъ Туркестанскаго края къ членамъ Государственной Думы». Но, повторяя положенія, формулированныя казанскими, таврическими и другими мусульманами, туркестанцы тянутъ назадъ, хотятъ возстановить все старое, уничтожить все навѣянное новыми условіями жизни. Такъ напр., они отстаиваютъ исключительную юрисдикцію народныхъ судей, надзоръ за учебными заведеніями предлагаютъ поручить исключительно духовнымъ собраніямъ, просятъ о возвратѣ земель отъ переселенцевъ, о предоставленіи полной самостоятельности въ ирригаціи, объ упраздненіи въ городахъ полицейскихъ приставовъ и околодочныхъ надзирателей, въ уѣздахъ—должности участковыхъ приставовъ. Высказываются также пожеланія о разныхъ льготахъ, на-

примѣръ, о предоставленіи отдѣльныхъ вагоновъ въ поѣздахъ, отдѣльныхъ помѣщеній на пароходахъ.

Панисламизмъ ищетъ себѣ опору въ мусульманской самобытности. Пантюркизмъ ставитъ себѣ нѣсколько иную задачу: онъ стремится обновить мусульманскій міръ путемъ сліянія культурно-правовыхъ началъ передовыхъ націй съ лучшими и наиболѣе жизненными элементами мусульманства. Чѣмъ завершится эта работа—вопросъ грядущихъ временъ; но и теперь можно съ увѣренностью утверждать, что мусульманскій міръ пробудился и въ судьбахъ человѣчества отнынѣ будетъ играть новую, болѣе значительную роль.

Жажда обновленія прорывается всюду, даже тамъ, гдѣ чужой, хотя и разумный, режимъ достаточно, повидимому, сковалъ народный умъ и сердце [1]). Движеніе это захватило и нашихъ мусульманъ; уже нѣсколько лѣтъ ихъ интеллигентныя силы трудятся надъ возрожденіемъ народныхъ массъ посредствомъ печати и школы. Школа стала любимымъ дѣтищемъ мусульманскихъ дѣятелей; въ правильной, широкой ея постановкѣ они видятъ главное условіе обновленія народа.

Мусульманскими дѣятелями былъ поставленъ серьезный вопросъ: какъ создать новыя и реформировать старыя школы, съ ихъ уродливымъ методомъ обученія, съ притупляющей долбней стиховъ Корана? Разрѣшеніе этого вопроса свидѣтельствуетъ о вдумчивомъ и правильномъ пониманіи школьнаго дѣла. Безъ рѣзкаго разрыва съ установившимся укладомъ, въ школу постепенно внѣдрялись новые методы обученія и воспитанія. Въ основу такъ называемыхъ новометодныхъ мактабовъ ставилось религіозное воспитаніе. Этимъ предупреждались попытки борьбы съ новизною во имя защиты правовѣрія. Даже необходимость сообщенія свѣдѣній общеобразовательнаго характера мотивировалась религіозными соображеніями: общеобразовательные предметы нужны, напримѣръ, для лучшаго пониманія и усвоенія отдѣла Шаріата о наслѣдствѣ.

Наивная аргументація! Но она не унижаетъ достоинства мусульманскихъ учителей и воспитателей. Наоборотъ, она укрѣпляетъ въ нихъ сознаніе, что они способны дать дисциплинированныхъ,

---

[1]) Въ газетѣ «Рѣчь» за 1910 г. было помѣщено телеграфное извѣстіе о Женевскомъ съѣздѣ представителей либеральной египетской молодежи, при чемъ указывалось, что они весьма рѣшительно выступили противъ англійской оккупаціи и приняли рядъ резолюцій о необходимости независимости Египта и о неотложности введенія тамъ конституціи.

дѣйствительно обученныхъ и воспитанныхъ дѣтей и юношей, а не ограниченныхъ полуграмотѣевъ, съ заученными молитвами и псалмами на мало понятномъ языкѣ.

Программы обученія составлены очень толково и вдумчиво. Въ нѣкоторыхъ мактабахъ выработанъ кодексъ запрещенныхъ дѣтскихъ поступковъ и налагаемыхъ за нихъ наказаній; послѣдніе скомбинированы такъ, чтобы ассоціировать въ сознаніи дѣтей проступки особенно нежелательные съ представленіемъ какъ о чемъ-то постыдномъ и нетерпимомъ. Учебники очень толково составлены; ученикъ не только черпаетъ изъ нихъ необходимыя знанія, но и проникается пониманіемъ мусульманскаго міра, его прошлаго и настоящаго. Другой предметъ усилій мусульманской интеллигенціи—установленіе неразрывной связи общества со школой. Дѣло образованія стало дорогимъ и интереснымъ для населенія. Экзамены — цѣлое событіе въ мѣстной жизни. Населеніе присутствуетъ на нихъ, мусульманскія газеты печатаютъ извѣстія о ихъ результатахъ.

Русскіе мусульмане перестали быть той массой—«татарвой»,—съ которою русское общество знакомилось по ресторанамъ, фруктовымъ погребкамъ, халатникамъ, или по крымской распущенности. Они стали явленіемъ, съ которымъ нужно считаться, которое нужно принимать во вниманіе при разрѣшеніи вопросовъ внутренней и внѣшней политики. Въ средѣ народовъ, «скипетру россійскому подвластныхъ», появилась новая нація дисциплинированныхъ людей, съ опредѣленными задачами. Эти задачи нашли выраженіе въ программѣ мусульманской думской группы. Въ ней намѣчены желательныя, основныя измѣненія во всѣхъ областяхъ государственно-общественной жизни. Достаточно отмѣтить самыя главныя изъ нихъ.

Наиболѣе соотвѣтствующей формой правленія мусульмане считаютъ конституціонную монархію. На мѣстахъ должно быть организовано широкое самоуправленіе, въ основѣ котораго должна лежать мелкая земская единица. Областныя собранія могутъ вступать во временные и постоянные между собой союзы. Въ тѣхъ мѣстностяхъ государства, гдѣ этого пожелаетъ населеніе, должна быть введена національно-областная автономія, съ предоставленіемъ областнымъ представительнымъ учрежденіямъ, организованнымъ на широкихъ демократическихъ началахъ, законодательныхъ правъ по мѣстнымъ дѣламъ, и съ обезпеченіемъ въ областныхъ представительныхъ учрежденіяхъ представителей меньшинства. Если эти пожеланія не навѣяны минутой, если они—не результатъ увлеченія, а обдуманной мысли, то нужно признать, что мусульманская интеллигенція встала на вѣрный путь, по которому ея народъ можетъ придти къ возрожденію и обновленію. Разумно поставленная школа и широкое са-

моуправленіе—это единственный вѣрный путь для созданія дисциплинированныхъ и политически-воспитанныхъ гражданъ.

Съ цѣлью предупрежденія религіозной или иной розни, мѣшающей объединенію мусульманъ, на третьемъ мусульманскомъ всероссійскомъ съѣздѣ было внесено Топчибашевымъ и принято положеніе о томъ, что «существующія различія между отдѣльными религіозными сектами не представляются имѣющими значеніе и не могутъ служить препятствіемъ, съ точки зрѣнія религіи, въ дѣлѣ устройства общихъ учрежденій для завѣдыванія духовными дѣлами мусульманъ Россіи».

Пантюркское движеніе коснулось и Туркестана. Какъ въ свое время сюда проникли идеи панисламизма, такъ перебросились мечты и программы культурно-правовыхъ обновителей мусульманскаго міра. Доказательствомъ этому служатъ ново-методные мактабы, которые множатся въ краѣ, забирая въ свои руки народное образованіе. Учителями и основателями этихъ новыхъ школъ въ большинствѣ случаевъ являются татары-выходцы изъ Европейской Россіи.

Симпатіи населенія къ ново-методнымъ мактабамъ несомнѣнны. Это сказывается въ цифрахъ учениковъ [1]) и объясняется какъ преимуществами звукового метода, такъ и идейностью всей постановки учебнаго дѣла. Муггалимъ (учитель)—преданный своему дѣлу работникъ, твердо вѣрящій, что его трудъ необходимъ для возрожденія націи. Часто безъ всякихъ средствъ, бросивъ родныя мѣста, онъ идетъ въ далекую степь къ киргизамъ, или въ сартовскіе кишлаки, и здѣсь, пріютившись въ первомъ предоставленномъ ему жилищѣ, бросаетъ искры знанія. И онѣ горятъ, разгоняя тяжелый, накопившійся вѣками мракъ. И новыя слова слушаютъ, заучиваютъ потомки правовѣрныхъ воиновъ. Имъ говорятъ: «Пріобрѣтаютъ науки и знанія люди времени, о нація! Въ пустотѣ невѣжества ты пришла въ растройство, о нація! Кромѣ тебя нѣтъ другой, которая бы спала сномъ нерадѣнія. Теперь не время спать. Пробудись же отъ сна, о нація!».

Въ юные, свѣжіе годы, когда горячѣй мечтается, когда искренне хочется отдать свои силы добру и правдѣ, можно многое сдѣлать. Конечно, послѣдующая жизнь многое измѣнитъ, испепелитъ порывы, охладитъ чувства и притупитъ мозгъ; но все же, если не исключительное, то огромное значеніе имѣетъ направленіе, въ которомъ даны первые толчки сознательной жизни.

---

1) Напримѣръ, въ Самаркандской русско-туземной школѣ въ 1907-мъ году было всего 20 учениковъ, тогда какъ въ четырехъ ново-методныхъ мактабахъ ихъ болѣе двухсотъ.

Въ новой мусульманской школѣ отрадно учиться, потому что впереди рисуется великая работа—возрожденіе націи. Учениковъ окружаютъ преданные своему дѣлу и своему народу люди. Они говорятъ, что счастье націи заключается въ прочныхъ узахъ братства. И эта мысль глубоко проникаетъ въ душу ученика. Онъ слышитъ кличъ: «Ученики—мои товарищи! Ученики—цвѣтъ націи! Юные ученики, добивайтесь знаній. Ищите добродѣтелей. Помните, что нужно крѣпко держаться другъ за друга. Вы не должны завидовать знающему, а незнающаго должны научить. Для Бога надо заботиться о націи. Ученики востока и запада, объединяйтесь».

Новые люди входятъ въ жизнь. Они замѣтны. О нихъ нашелъ нужнымъ сказать иностранецъ—лейтенантъ Лакостъ, путешествовавшій по русскому Туркестану.

Приведенныя данныя позволяютъ утверждать, что Туркестанъ переживаетъ переходное время и что своеобразно-понятый принципъ невмѣшательства не можетъ вывести эту окраину на путь здоровой и правовой жизни. Сознаетъ это, повидимому, и правительство, удѣляющее Туркестану, въ послѣднее время, особливое вниманіе. Послѣ ревизіи гр. Палена было еще нѣсколько сановныхъ посѣщеній края, составлено достаточное количество записокъ и докладовъ, но дѣйствительныхъ результатовъ пока не видно. Все остается по старому, если не считать полицейскихъ стражниковъ, число которыхъ все увеличивается. Проектируется еще созданіе помощниковъ участковыхъ приставовъ.

Нужно надѣяться, однако, что реформы будутъ проведены; иначе грозитъ опасность, что всѣ умныя и хорошія слова о колонизаціи Туркестапа, о развитіи шелководства, о грандіозномъ расширеніи орошенія и т. д. окажутся несбывшимися надеждами. Вѣдь въ концѣ концовъ придется же считаться съ элементарной истиной, что твердое, органическое развитіе производительныхъ силъ страны возможно лишь при условіи установленія незыблемаго правопорядка. Бываютъ, конечно, счастливыя экономическія минуты и при иныхъ условіяхъ; но за излишнее увлеченіе подобными явленіями логика жизни мститъ очень жестоко.

Будетъ печально и для престижа русской власти гибельно, если замыслы о пробужденіи экономической жизни края не дадутъ желанныхъ плодовъ. Населеніе уже имѣло случай наблюдать неудачныя попытки вѣдомства въ указанномъ направленіи. Оно знаетъ какъ цѣлый рядъ лѣтъ чиновники вѣдомства земледѣлія и государственныхъ имуществъ проводили магистральный каналъ для оро-

шенія 45.000 десятинъ Голодной степи. Милліоны были затрачены, главные мѣстные руководители пошли подъ судъ, а канала еще нѣтъ. Извѣстна также дѣятельность чиновъ того же вѣдомства по горнымъ заявкамъ и многое другое. Конечно, если подобныя явленія и впредь будутъ повторяться, то вмѣсто экономическаго расцвѣта Туркестану придется пережить нѣчто совершенно противоположное. Особенно печальнымъ и опаснымъ былъ бы невѣрный шагъ въ дѣлѣ упорядоченія внутренняго быта туземнаго населенія [1]).

Интересно будетъ увидѣть, къ кому отнесется власть «благожелательнѣе»: къ защитникамъ ли стараго исламскаго правовѣрія и уклада, или къ сторонникамъ пантюркскаго движенія? Останется ли въ силѣ «принципъ невмѣшательства», т. е. отказъ въ организаціи исламскаго духовенства, ведущій къ постепенному ослабленію исконныхъ началъ ислама? И не будутъ ли, параллельно съ «принципомъ невмѣшательства», примѣняться строгія мѣры противъ стремленій исламскаго міра къ новой жизни?

Милища.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

«Розы слишкомъ поспѣшно повѣрили раннему, еще не всесильному, еще кому-то подчиненному солнцу. Цѣлый день любовался розами юноша... Наступилъ вечеръ: повѣяло холодомъ, злымъ и упрямымъ. Розы затрепетали отъ предчувствія смерти. Нужно было ихъ спасать, нужно было молить, чтобы весенніе морозы не трогали цвѣтовъ холодною рукой»...

Въ этомъ красивомъ образѣ нашли себѣ обобщенное выраженіе тѣ настроенія, которыми проникнуты произведенія молодого писателя Ильи Сургучева и которыя даютъ имъ привлекательность искренности и свѣжести. Надъ всѣмъ творчествомъ Сургучева покоится мечта о жизни «ясной и легкой, прекрасной и счастливой».

---

1) Дунгане и Таранги, ходатайствуя въ 1908-мъ году объ учрежденіи для нихъ самостоятельнаго и независимаго Духовнаго Правленія, указывали, что они добровольно перешли подъ власть Бѣлаго Царя и что для Россіи выгодно на границѣ съ Китаемъ имѣть въ ихъ лицѣ всегда вѣрныхъ и преданныхъ друзей.

Съ любовью ловитъ онъ въ окружающей дѣйствительности проблески и моменты такой жизни, пусть мимолетные, пусть только грезящіеся, но жадно впиваемые сердцемъ, какъ живительная влага—потрескавшеюся отъ засухи землею. Въ разсказѣ «Ванькина молитва» передъ нами чистый, бодрый міръ любящей души деревенскаго мальчугана, сумѣвшаго воспринять отъ своего пьянаго и безалабернаго отца лишь то, что было въ немъ ласковаго, сердечнаго, наивно мечтательнаго. Въ «Счастьи»—робкій и радостный порывъ къ счастью молодой женщины, насильно выданной за стараго сапожника. Въ «Сосѣдкѣ»—ликующая молодая любовь. «Въ послѣдній разъ»—блаженная кончина стараго протопопа, который сумѣлъ черезъ долгую, одинокую жизнь пронести святыню любви къ рано скончавшимся женѣ и сыну и теперь, служа заутреню въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, переходитъ прямо въ ихъ давно желанныя объятія. Съ безпримѣрной радостью отдается Сургучевъ созерцанію такихъ святыхъ моментовъ и умѣетъ передавать ихъ просто, сохраняя весь нѣжный трепетъ непосредственнаго переживанія. Онъ любитъ наступающій вечеръ, когда «души людей становятся мягче и тоньше: день грубъ — похожъ на купца, а вотъ вечеръ похожъ на поэта». Онъ любитъ смотрѣть, какъ во время вечерни передъ образомъ Николая Чудотворца весело горятъ цѣлымъ пучкомъ свѣчи, даже и не подозрѣвая, что скоро конецъ ихъ жизни. Бодро и ярко воспринимаетъ онъ жизнь природы. «Поѣздъ летѣлъ, разсѣкая черную, нахмурившуюся ночь... Гдѣ-то далеко, какъ внезапной мыслью, сверкнула ломанной линіей молнія; сначала нерѣшительно, потомъ молодымъ изящнымъ смѣшкомъ прокатился по небу громъ, и, можетъ быть ободренная имъ, молнія второй разъ сверкнула ярче и ближе, на мгновеніе освѣтивъ густыя, плывущія облака и огромное выкошенное поле, съ разбросанными тамъ и сямъ скирдами».

Однако Сургучевъ не закрываетъ глазъ и на то, что ясная красота недолговѣчна. Онъ очень хорошо знаетъ, что сплошь и кряду «странно и тяжело кончается день, такъ радостно, такъ дѣтски беззаботно улыбнувшійся съ утра солнцемъ, синимъ небомъ, огромнымъ разлившимся Дономъ». Онъ не отвернется отъ свѣчей, поставленныхъ Николаю Чудотворцу, когда онѣ уже «почти догорѣли, и огоньки ихъ, казалось, потускнѣли и съ грустью дожидались конца». Онъ знаетъ и то, что безпощадная жизнь наноситъ самые страшные свои удары именно сердцамъ, довѣрчиво раскрывшимся навстрѣчу мимолетнымъ лучамъ радости и счастья, и съ такой же полнотой настроенія передаетъ тяжелый опытъ крушенія надеждъ, какъ и ихъ расцвѣтъ. Ванька, умѣющій съ такой трогательной до-

вѣрчивостью и дѣловитостью растолковывать Богу материну молитву, попадетъ въ тупую и жестокую муштровку въ качествѣ мальчика въ городскомъ трактирѣ. Сапожникова жена Таня не мало униженія перенесетъ, дѣля свои ласки между любимымъ Гараськой и постылымъ мужемъ, обманывая и притворствуя, трепеща отъ страха и обиды. «Сосѣдка» съ синими глазами и золотистыми волосами погибнетъ на висѣлицѣ за политическое убійство. Безсмысленная смерть разобьетъ безоблачное счастье молодого причетника, вырвавъ изъ его объятій красавицу-жену, и отчаяніе заставитъ его пьянствовать и окончательно опуститься («Горе»).

Ни отъ чего такого не отвернется Сургучевъ, и все-таки общій итогъ всѣхъ переживаній, охваченныхъ его творчествомъ-такъ же далекъ отъ безутѣшнаго, клевещущаго на жизнь пессимизма, какъ и отъ легковѣснаго, замалчивающаго многое оптимизма. Много въ жизни реальной скорби, цѣлый океанъ, и никому не убѣжать отъ его ядовитыхъ брызгъ; но разрушительная власть этой отравы не вѣчна и не абсолютна. Сейчасъ она царитъ безраздѣльно, но только въ силу недоразумѣнія: стóитъ людямъ что-то понять, и злыя чары разсѣятся, солнце станетъ въ самомъ дѣлѣ всесильнымъ и ничему неподчиненнымъ. Вотъ, напримѣръ, «если бы люди, хотя бы по разу въ день, вспоминали бы и представляли себѣ, что они умрутъ, обязательно умрутъ,—вся жизнь была бы иною: ясной и легкой. Тогда человѣкъ многое понялъ бы и переоцѣнилъ бы» («Преддверіе»). Онъ понялъ бы, какъ ему, въ сущности, ненужно все то внѣшнее, бытовое счастье, погоня за которымъ наполняетъ его жизнь, ведетъ къ жестокостямъ и заставляетъ забывать о радостяхъ внутренняго, интимнаго общенія съ людьми и съ природой. А между тѣмъ такое общеніе одно только по настоящему цѣнно, ибо удовлетворяетъ глубочайшимъ потребностямъ духа человѣческаго и ведетъ сердце къ созерцанію нѣкоторой верховной мудрости, которая не можетъ быть выражена словами, но, непосредственно ощущаемая, не даетъ человѣку поддаться рабьему, немощному ужасу передъ страданіемъ. Пусть по тяжкому крестному пути влечется человѣчество, отвѣчая на обиды судьбы сугубыми обидами другъ другу, пусть зрѣлище этого пути застилаетъ глаза горькими слезами, но мудрое сердце умѣетъ вносить въ горечь отраду, умѣетъ перерождать вопящее и бунтующее отчаяніе въ тихую, просвѣтленную грусть, поднимая со дна души неоцѣненныя сокровища, дотолѣ втунѣ тамъ скрывавшіяся. И этотъ подвигъ сердца не только поддерживаетъ постоянно вѣру въ «ту прекрасную и изящную жизнь, которая со временемъ вспыхнетъ на землѣ», но уже и самъ

по себѣ есть побѣда ясной красоты надъ злымъ упрямствомъ холода.

Тотъ же строй мыслей, тѣ же настроенія положены Сургучевымъ и въ основаніе его большого романа «Губернаторъ», напечатаннаго въ послѣднемъ сборникѣ «Знанія». Въ этомъ романѣ опять переливаются другъ въ друга два потока: потокъ тоски и зла, «навалившихся на жизнь тяжело, жестоко и упрямо», и потокъ «красивой человѣческой грусти и любви». Старый боевой генералъ, по боевому управлявшій и своей губерніей, неисцѣлимо боленъ и знаетъ, что скоро умретъ. Какъ обычно, такъ и у губернатора «въ жизни дѣлалось не то, что нужно», но онъ этого не замѣчалъ, когда на войнѣ устилалъ поля трупами, а дома убивалъ «бунтовщиковъ» или набивалъ ими тюрьмы, когда внушалъ трепетъ и ненависть подчиненнымъ, когда прогонялъ изъ дому жену, полюбившую другого, и хотѣлъ убить дѣвочку, рожденную его женой отъ этого другого. Ему казалось, что все это такъ и надо, и что въ этомъ и есть настоящая жизнь. Лишь приближеніе смерти дало губернатору понять, что «нужно исправить все зло, которое онъ сдѣлалъ на землѣ. Надо было сейчасъ же броситься въ жизнь, какъ въ текущую воду, и что-то дѣлать, что-то исправлять, кого-то спасать. Какъ «исправлять и спасать», губернаторъ не знаетъ и, давно уже потерявшій вѣру, все-таки шепчетъ молитву Богу: «Поддержи меня! Дай мнѣ почувствовать себя инымъ, не скверным, не грязнымъ, не жестокимъ! Пошли на меня Свою благодать, ясную и исцѣляющую». Съ этого момента все существованіе губернатора измѣняется. Психологически правдиво Сургучевъ отмѣчаетъ у него рецидивы то старыхъ, привычныхъ заботъ о поддержаніи престижа власти, то столь же привычнаго презрѣнія къ искательному чиновничеству, то непокорнаго бѣшенства при воспоминаніи объ измѣнѣ жены. Но это—все болѣе и болѣе рѣдкіе и слабые возвраты прежнихъ настроеній, и настоящая жизнь губернатора теперь сосредоточивается на стремленіи дать волю своему давно забытому и помраченному человѣческому лицу, отдаться кроткимъ зовамъ сердца, долго дремавшимъ, а теперь проснувшимся.

Жизнь и прежде взывала къ его сердцу глаголомъ своей красоты, но онъ проходилъ мимо. Онъ помнитъ старое впечатлѣніе отъ цвѣточной выставки въ Михайловскомъ манежѣ. «Цвѣты прекрасные, временныя звѣзды земли, тѣни звѣздъ небесныхъ, говорили о жизни прекрасной, тайна и пути которой еще не развѣданы человѣкомъ,— о жизни, которая, страдая, молчитъ; говорили о какой-то встрѣчѣ, которая могла бы быть у него на землѣ и, по странной случайности, прошла мимо». Но тогда генералу было не до этихъ мыслей. Точно

также «давно онъ слышалъ, что съ горы у каѳедральнаго собора открывается чудесный видъ на его городъ, но все какъ-то, за всю жизнь, некогда было сходить и посмотрѣть, да и неловко, казалось, заниматься губернатору разсматриваніемъ видовъ». Лишь теперь потянуло старика на каѳедральную гору, и онъ, сидя тамъ вечеромъ, почувствовалъ, какъ это «красиво: на верху звѣзды, на землѣ—огни, дома, храмы», и ему захотѣлось «пойти къ людямъ въ этотъ красивый городъ и жить тамъ тихо, покойно, безгрѣшно». А между тѣмъ, «сколько зла въ этомъ городѣ»! Какую-то скорбную и вмѣстѣ примиряющую тайну сталъ прозрѣвать губернаторъ, созерцая, какъ «начинаетъ умирать день, милліоны разъ ждавшій своего рожденія». Полюбилъ онъ не спать по ночамъ, а «до утра сидѣть у окна и смотрѣть, какъ живетъ ночь, какъ рождаются и умираютъ свѣтлыя звѣзды». И опять-таки, «страннымъ и нелѣпымъ казалось ему, что прожилъ онъ много десятковъ лѣтъ, и только вотъ теперь, въ первый разъ, какъ слѣдуетъ увидѣлъ ночь: огромную, темную, со своими маленькими и красивыми врагами-звѣздами. И только тогда ночь довольна, когда плывутъ по небу густыя тучи и нѣтъ ни одного свѣтлаго глаза. Тогда ночь налегаетъ на землю и родитъ въ людяхъ кошмарные сны. Ночь—злая. Когда на небѣ звѣзды—тогда на землѣ нѣтъ ночи. Тогда—что-то другое, чему еще до сихъ поръ не нашли люди имени. Это вотъ что: пришла изъ міра глубоко-грѣшная, прекрасная женщина. Ее одѣли въ черное платье и дали: въ одну руку—желтую свѣчу, въ другую—книгу, въ которой написаны страстныя мольбы о прощеніи. Она читаетъ эти молитвы, и въ чудесныхъ глазахъ зажигаются чистыя, теплыя слезы». И когда губернаторъ отдается созерцанію того, чему нѣтъ имени на землѣ, опять растетъ его сердце, раскрывается высшая правда и становится «стыдно и больно» за все «тяжелое и темное», чѣмъ бременитъ душу раскидистый «глупый день».

Такъ пробуждающаяся правда сердца дѣлаетъ доступной красоту міра, а красота міра помогаетъ расти и укрѣпляться правдѣ сердца. Далеко отступаетъ все нечистое, злое, внѣшнее, нестерпимымъ становится гордое и властное одиночество, хочется ласки, тепла и уюта, хочется, какъ ребенку, довѣрчиво склонить усталую сѣдую голову на чью-то любящую грудь, и въ свою очередь кого-то пригрѣть и утѣшить. Общеніе двухъ сердецъ, черпающихъ жизненную силу въ взаимной сліянности, есть дальнѣйшая школа истинной мудрости. Въ одиночествѣ непремѣнно покажется, что «жизнь—слѣпое чудовище съ протянутыми лапами, и хочется упасть на землю, на старую траву, и кричать, кричать». Но когда люди вдвоемъ, этотъ страшный кошмаръ становится уже «смѣшнымъ», и на душѣ «такъ

хорошо, тепло, ясно». Эту истину дано постигнуть старому губернатору, идя рука объ руку съ Соней, той «чужой» дочерью, которую онъ когда-то хотѣлъ убить. Теперь, когда ни жена, ни родная дочь не хотятъ откликнуться на зовъ умирающаго старика, Соня одна къ нему пріѣзжаетъ. Не зная тайны своего происхожденія, она полагаетъ, что отъ генерала унаслѣдовала нѣжное и горячее сердце, и потому въ тяжкій, страшный моментъ своей жизни бѣжитъ отъ сухой и холодной матери къ отцу, бѣжитъ «съ надеждой, съ вѣрой». Предчувствіе не обмануло Соню: старый губернаторъ достаточно уже вошелъ въ царство внутренней правды, чтобы «самою дорогою частью души» откликнуться на красоту и величіе Сониной любви, властно захватившей все ея существо, и съ трепетной радостью принять тайну ея грядущаго материнства. Стоявшая на краю отчаянія и погибели, Соня «успокоена, оправдана, утѣшена» проникновенной любовностью отца, и уже не стыдится и не боится вспоминать съ потемнѣвшими глазами и зарумянившимися щеками, прислонясь къ его колѣнамъ, какъ она любила, «какая тогда была весна, какое синее было небо, какъ потеплѣла вода въ рѣкѣ, какъ зацвѣли деревья», не стыдится вспоминать, что «у него были большіе, грустные глаза, какъ теплыя звѣзды, у него были длинные, гибкіе пальцы, и все, къ чему прикасался онъ, дѣлалось изящнымъ; его стихи были звучны и запоминались, и когда онъ ихъ читалъ, казалось, что на роялѣ играютъ чудесную вещь». Такъ подъ чарами сердца, ставшаго чуткимъ, совершается чудо побѣды надъ безобразіемъ и страданіемъ въ жизни: все, что было мучительнаго и нелѣпаго въ положеніи Сони, исчезаетъ, и въ кроткомъ сіяніи выступаетъ только то, что есть въ немъ прекраснаго и радостнаго. И старикъ, въ свою очередь, поднимая готовую погибнуть дѣвушку, самъ поднимается надъ своими недавними метаніями, немощными и мучительными, и жизнь его наполняется новымъ свѣтомъ и смысломъ.

Однако крестный путь стараго губернатора еще не конченъ. Его ждетъ самый страшный ударъ, самое тяжкое испытаніе: Соня умретъ, не успѣвъ дать свѣтъ своему ребенку. Что же? Сломитъ это старика, сведетъ на нѣтъ весь подвигъ его и побѣду любви надъ скорбью и тяжестью жизни? Нѣтъ: слишкомъ яркимъ пламенемъ разгорѣлась правда въ умирающемъ сердцѣ, и не унизятъ, не сомнутъ его уже никакія катастрофы. Крушеніе надеждъ, связанныхъ съ Сонею и ея ребенкомъ, возвращаетъ мысли губернатора къ тому злу, которое онъ сдѣлалъ какъ носитель власти и которое ему хотѣлось исправить передъ смертью. Заботы о Сонѣ на время заслонили эти мысли; теперь онѣ снова выдвигаются на первый планъ съ особой выпуклостью и яркостью. Прежде губернаторъ не

зналъ, какъ исправить причиненное имъ зло, а его старый денщикъ Свиринъ, своеобразный философъ и чуть ли не сектантъ, даже утверждалъ, что зло есть вообще вещь непоправимая не только для людей, но и для самого Бога; зло можно только искупить кровью, страданіемъ, подобнымъ распятію Сына Божія. Тогда губернаторъ только удивлялся разсужденіямъ Свирина, а теперь самъ приходитъ къ мысли, что только принявъ на себя страданіе, онъ можетъ отмыть облѣпившую его кровавую грязь. Чтобы получить «радость великую нездѣшнюю», надо «отстрадать» до конца. И такъ какъ ему кажется, что все зло, имъ сдѣланное, сосредоточивается за тюремными рѣшетками, то имъ овладѣваетъ мысль самому претерпѣть тюремное заключеніе. Въ поѣздѣ губернатора посѣщаютъ «думы, радостныя, какъ мечты», о физическомъ страданіи, которое дастъ новую жизнь, которое будетъ молитвой, о плохой комнатѣ съ асфальтовымъ сырымъ поломъ, о соломѣ вмѣсто кровати, о черствомъ хлѣбѣ; а когда онъ осматривался въ своемъ маленькомъ, бархатномъ купэ, то оно казалось ему нудной, зудящей грязью, которую какъ можно скорѣе надо отмыть отъ своего тѣла». О нравственной пагубности богатой жизни и о спасительности тюремныхъ лишеній мечталъ еще прежде другой герой Сургучева (разсказъ «Жизнь»), но тотъ, чтобы попасть въ тюрьму, убилъ человѣка. Совсѣмъ инымъ путемъ, продиктованнымъ голосомъ истиннаго человѣколюбія, хочетъ выполнить свою мечту губернаторъ: онъ распоряжается освободить всѣхъ заключенныхъ. Правда, въ тотъ моментъ, когда онъ собирается письменно подтвердить свой приказъ, онъ умираетъ отъ разрыва сердца, но это обстоятельство нисколько не измѣняетъ психологическаго существа дѣла: губернаторъ умираетъ съ ясной красотой въ сердцѣ, побѣждающей зло и ужасъ жизни.

Таковы основныя линіи новаго произведенія Сургучева. Съ ними органически связаны всѣ второстепенные эпизоды и фигуры. Въ общемъ романъ представляетъ стройное цѣлое, содержателенъ съ психической точки зрѣнія и интересенъ въ художественномъ отношеніи. Изъ всѣхъ крупныхъ по объему беллетристическихъ опытовъ, появившихся въ нынѣшнемъ году, «Губернаторъ» кажется мнѣ наиболѣе заслуживающимъ вниманія. Онъ показываетъ, что талантъ Сургучева движется впередъ, его пониманіе жизни углубляется, обостряется и упорядочивается, и самая техника письма совершенствуется. Эти данныя позволяютъ ждать отъ Сургучева еще болѣе зрѣлыхъ и содержательныхъ произведеній.

Гораздо труднѣе предвидѣть литературную судьбу двухъ начинающихъ авторовъ, разсказы которыхъ недавно изданы «Товариществомъ писателей». Это—Б. Верхоустинскій и Г. Яблочковъ.

Оба они недурные разсказчики, не лишены наблюдательности и фантазіи, у нихъ есть свои слова и образы,—но эти качества сами по себѣ еще мало говорятъ: внѣшніе пріемы писанія за послѣднее время настолько усовершенствовались въ нашей литературѣ, что люди даже съ очень скромнымъ дарованіемъ пишутъ теперь красиво и свободно, а индивидуальность Верхоустинскаго и Яблочкова, поскольку она успѣла получить свое выраженіе въ ихъ разсказахъ, не вызываетъ ни остраго интереса, ни напряженнаго вниманія. Пробѣгаешь одну вещицу за другой безъ скуки, но не появляется желанія попристальнѣе вглядѣться въ міръ ихъ образовъ, вдуматься и вчувствоваться въ отраженныя въ нихъ переживанія.

Верхоустинскій болѣе склоненъ къ міру фантастики. Реалистическіе разсказы его, какъ «Въ школѣ», «Идиллія», «Птица-чибисъ», «Опустошенные сады», совсѣмъ неинтересны ни по темамъ, ни по способу ихъ обработки и передачи. Сильнѣе ощущается творческая работа въ тѣхъ случаяхъ, когда міръ реальныхъ явленій преломляется черезъ воспріятіе героя, душа котораго населена причудливыми образами дѣтскаго или полудѣтскаго воображенія, вѣрящаго въ сказочный міръ легендарныхъ разбойниковъ, лѣсныхъ, полевыхъ и водяныхъ духовъ, Рюбецалей и Синихъ Бородъ, и переплетающаго въ единую, неразрывную ткань сказку и дѣйствительность. Таковъ «Атаманъ» Волчекъ, подростокъ-бродяга въ приволжскомъ городѣ, мечтающій завоевать Персію, идя по стопамъ Стеньки Разина. Таковъ фантастическій міръ полудикой внучки лѣсничаго Куки, живущей на «Лѣсномъ озерѣ» въ такомъ тѣсномъ единеніи съ природой, что въ началѣ разсказа даже и не разберешь, что такое Кука—звѣренышъ лѣсной, фантастическая нежить или какое-то странное человѣкообразное существо. Таковъ маленькій мальчикъ Витя въ разсказѣ «Передъ половодьемъ», у котораго живыя существа перепутываются съ сказочными образами, а неодушевленные предметы живутъ своей таинственной, то страшной, то привлекательной жизнью. Но въ послѣднемъ разсказѣ многое рѣжетъ глазъ и ухо. Въ олицетвореніяхъ природы чувствуется по временамъ головная, напряженная выдумка, и стремленіе къ внѣшней красивости, по существу безвкусной; въ дѣтской психологіи, рядомъ съ очень мѣткими черточками, есть детали явно несообразныя; даже въ фактахъ разсказа встрѣчаются невозможныя нарочитости, въ родѣ ноги ирландскаго сетера, которую револьверная пуля перерѣзаетъ такъ, что когда собака пытается убѣжать, нога обрывается и остается на дорогѣ. Впрочемъ, этимъ грѣшатъ и другіе разсказы Верхоустинскаго: мыслимое ли, напримѣръ, дѣло, чтобы камушекъ, пущенный мальчикомъ изъ рогатки съ высокаго берега Волги въ самоваръ

на баржѣ, опрокинулъ самоваръ за бортъ въ воду?.. Въ сочныхъ, ласковыхъ тонахъ написаны «Алая ленточка», разсказикъ, скорѣе набросокъ счастливой любви фабричнаго рабочаго.

Яблочковъ черпаетъ свои сюжеты изъ разныхъ сферъ: есть сцены изъ клиникъ («Горбатый Карлъ», «Смерть Мюллера», «Операція»), есть революціонеры въ тюрьмѣ, въ ожиданіи смертной казни («Товарищъ Полетаевъ»), въ сутолокѣ эмиграціи («Дѣятель»), сходящіе съ ума отъ отчаянія («Сердце»), есть трагедіи изъ міра «падшихъ» женщинъ въ Россіи («Тамара») и за границей («Ночное кафэ»), есть непадшія, но загадочно инфернальныя натуры («Юстина Шинявская»), мелькаетъ даже русская деревня («Старикъ Пѣтуховъ»). Почти во всѣхъ своихъ сюжетахъ авторъ ищетъ аналогичныхъ психологическихъ мотивовъ: либо рѣзкихъ, бьющихъ по нервамъ контрастовъ, либо столь же рѣзкаго, предѣльнаго напряженія душевныхъ переживаній, граничащаго съ маніей, иногда прямо переходящаго въ настоящее сумасшествіе. Но ничего особенно замѣчательнаго, способнаго дѣйствительно взволновать читателя, Яблочкову разыскать не удается, а нѣкоторые общіе выводы, полученные имъ изъ психологическаго анализа заинтересовавшихъ его фактовъ, весьма спорны. Авторъ, напримѣръ, совѣтуетъ не трогать людей, которые «привыкли къ тому, что у нихъ нѣтъ души, и сами не заглядываютъ въ пустоту, гдѣ она могла бы быть; горе тому, кто найдетъ тамъ тлѣющую искру и неосторожно попробуетъ ее раздуть: огонь можетъ сжечь его самого». Наши величайшіе писатели сердцевѣдцы утверждаютъ обратное, считая самымъ благороднымъ и обязательнымъ для чуткаго сердца подвигомъ какъ разъ раздуваніе тлѣющей искры человѣчности въ душѣ, поставившей на себѣ крестъ и съ отчаяніемъ ищущей забвенія въ смрадѣ и угарѣ подполья жизни. Пусть даже такая попытка не спасетъ гибнущаго и погубитъ спасающаго, но равнодушно пройти мимо человѣка, бросающагося въ омутъ, опасаясь, какъ бы онъ въ борьбѣ за свой кошмарный умыселъ не помялъ вашей крахмальной сорочки, — это врядъ ли особенно глубокая мудрость и пониманіе истинныхъ потребностей сердца человѣческаго. Раздражить гибнущаго, показавъ ему зарю возрожденія, а затѣмъ бросить его на произволъ судьбы какъ то сдѣлалъ герой разсказа Яблочкова «Тамара»,— это, дѣйствительно, скверное занятіе, но поученіе изъ подобнаго казуса совсѣмъ не то, которое выводитъ Яблочковъ, а гораздо болѣе общеизвѣстное: «взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ». Точно также весьма ограничительному толкованію подлежитъ афоризмъ: «любовь—всегда насиліе, чуждое, враждебное, что врывается въ насъ». Такъ можно мыслить только о любви, не поднявшейся надъ

уровнемъ первобытнаго, грубо физическаго влеченія. Но стоитъ этому чувству осложниться психологическими придатками, и афоризмъ Яблочкова окажется неинтереснымъ парадоксомъ...

Дружескій совѣтъ распорядителямъ начинающаго «Издательскаго Товарищества Писателей»—обратить вниманіе на корректуру: разсказы Яблочкова пестрятъ опечатками.

С. Адріановъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ «РУССКАГО ЕВРОПЕЙЦА».

П. Д. Боборыкинъ. Столицы міра.—Тридцать лѣтъ воспоминаній.—Москва. 1912. Съ портретомъ автора.

Нѣтъ другого писателя, который съ такою полнотою воплощалъ бы въ себѣ типъ просвѣщеннаго русскаго европейца, какъ Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ. Въ теченіе болѣе полувѣка онъ значительную часть своего времени проводилъ въ западной Европѣ, впитывая въ себя духъ и нравы передовыхъ культурныхъ націй—и въ то же время, по характеру своихъ интересовъ и своей дѣятельности, онъ былъ и остается чисто русскимъ «интеллигентомъ». Онъ превосходно знаетъ Парижъ и чувствуетъ себя какъ дома во Франціи; не менѣе основательно изучилъ онъ Лондонъ и англійскую жизнь, и всѣ эти многолѣтнія заграничныя наблюденія объединяются у него неустанною потребностью новыхъ умственныхъ пріобрѣтеній, жаждою новыхъ идей, поучительныхъ знаній и личныхъ знакомствъ въ разныхъ областяхъ литературнаго и художественнаго творчества. Разнообразіе умственныхъ интересовъ П. Д. Боборыкина составляетъ наиболѣе характерную черту его писательской физіономіи. Въ его воспоминаніяхъ проходитъ предъ нами множество знаменитыхъ и выдающихся людей—философовъ и ученыхъ, писателей и поэтовъ, парламентскихъ дѣятелей и министровъ, артистовъ и художниковъ.

При первомъ посѣщеніи Парижа въ 1865-мъ году онъ наиболѣе интересовался философіей «въ духѣ положительнаго знанія», и былъ очень счастливъ, что имѣлъ случай вскорѣ познакомиться съ старикомъ Литтре. Наружность этого «мудреца» производила странное впечатлѣніе: «бритое, нѣсколько хмурое, очень некрасивое лицо

старой няньки, безъ просѣди, даже и въ то время, когда ему было уже около шестидесяти пяти лѣтъ, глуховатая, отрывистая рѣчь, неизмѣнный черный сюртукъ съ бѣлымъ стариковскимъ галстухомъ и высокая цилиндрическая шляпа стараго покроя,—что-то очень напоминающее нѣкоторыхъ учителей гимназіи нашего времени». Дома онъ работалъ «въ потертомъ шлафрокѣ и въ толстыхъ зимнихъ туфляхъ; занималъ онъ низенькія комнаты, въ родѣ антресоля, и размѣры кабинета отвѣчали его очень небольшому росту при коренастой фигурѣ». Эмиль Литтре занятъ былъ тогда своимъ извѣстнымъ словаремъ французскаго языка, и, какъ онъ самъ говорилъ П. Д. Боборыкину, чтобы довести эту работу до конца, надо было еще въ теченіе трехъ лѣтъ трудиться по восьми часовъ ежедневно; сверхъ того, онъ читалъ лекціи, участвовалъ въ трудахъ института, печаталъ статьи въ разныхъ научныхъ изданіяхъ, редактировалъ вмѣстѣ съ Вырубовымъ философскій журналъ и, въ общемъ итогѣ, работалъ до шестнадцати часовъ въ день,—и такъ до глубокой старости и продолжительнаго недуга, который и свелъ его въ могилу. Между тѣмъ этотъ тихій, невзрачнаго вида труженикъ «участвовалъ въ революціи 1848 года, не какъ журналистъ только, а какъ инсургентъ, съ ружьемъ на плечѣ; онъ отличался въ молодости огромной физической силой, и она-то сказалась въ старости такою выносливостью кабинетнаго труда».

По рекомендаціи Литтре, авторъ посѣтилъ въ Лондонѣ Джона Стюарта Милля, который былъ тогда членомъ парламента. П. Д. Боборыкину привелось однажды присутствовать на митингѣ, гдѣ Милль «выступалъ передъ своими избирателями и гдѣ ему ставились разные вопросы, какъ это дѣлается на такого рода сборищахъ». Ораторомъ онъ не былъ, «говорилъ тихимъ голосомъ, свободно, но не ярко, оставаясь всегда мыслителемъ, а не трибуномъ». По внѣшности онъ былъ отчасти похожъ на извѣстнаго химика Либиха: «лысый черепъ, длинный, нѣсколько извилистый носъ, бритое лицо, съ небольшими бакенбардами». Онъ отличался необычайной вѣжливостью, доходившею по мнѣнію его друзей, даже до слабости. Авторъ разъ обѣдалъ съ Миллемъ въ зданіи парламента, и когда подана была спаржа съ двумя соусами, польскимъ и національно-англійскимъ, Милль счелъ долгомъ извиниться, говоря, что привыкъ къ послѣднему. Однажды онъ нарочно пріѣхалъ къ П. Д. Боборыкину только для того, чтобы объяснить происшедшее наканунѣ недоразумѣніе, вслѣдствіе котораго онъ не могъ исполнить свое обѣщаніе достать ему въ тотъ день пропускъ на засѣданіе парламента; не заставъ автора дома, онъ тутъ же написалъ извинительное письмо на трехъ страницахъ, по-французски, хотя самъ ни въ чемъ не былъ виноватъ.

Совсѣмъ не такимъ показался автору другой англійскій мыслитель, Гербертъ Спенсеръ. Онъ жилъ тогда—въ 1868-мъ году—въ изящномъ особнякѣ и принялъ русскаго посѣтителя въ прекрасно меблированной гостиной; онъ имѣлъ видъ бодраго мужчины, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ архи-англійскимъ типомъ головы и лица; говорилъ нѣсколько жестковато и отчетливо, точно читалъ лекцію. П. Д. Боборыкинъ пустился съ нимъ въ горячій споръ о роли философскаго скептицизма; бесѣда затянулась и продолжалась на улицѣ, вплоть до клуба «Атеней», куда Спенсеръ направлялся пѣшкомъ. «И даже въ такомъ суховатомъ англичанинѣ—замѣчаетъ авторъ—нашлось больше простоты и снисходительности, чѣмъ это было бы у француза или нѣмца, не говоря уже о нѣкоторыхъ нашихъ соотечественникахъ. Съ нимъ осмѣлился спорить молодой писатель-беллетристъ, не имѣвшій никакого имени въ философской литературѣ,—и онъ все-таки, не горячась, безъ всякаго генеральства, взвѣшивалъ и оцѣнивалъ его возраженія и серьезно отвѣчалъ на нихъ».

Особенно понравился П. Д. Боборыкину третій популярный философъ той эпохи—Льюисъ, человѣкъ «совершенно международный по внѣшнему типу, манерамъ, тону, діалектикѣ»; онъ «смахивалъ на нѣмецкаго и даже русскаго литератора-журналиста «наружностью и всей своей повадкой», «потому что «родомъ былъ еврей», хотя это, кажется, «не было извѣстно, въ литературно-философскихъ лондонскихъ кружкахъ, вплоть до его смерти». Его подругою жизни была извѣстная писательница Джорджъ Элліотъ. Они жили въ пригородной мѣстности, въ красивомъ коттеджѣ, посреди сада. У нихъ собирались почти всѣ лондонскіе позитивисты, и праваго, и лѣваго лагеря; изъ дамъ бывали, конечно, только тѣ, которыхъ не смущало положеніе «невѣнчанной жены» Льюиса. Джорджъ Элліотъ «была уже не молодая женщина и смотрѣла очень похоже на тотъ типъ англичанки, какой попадался у насъ въ Россіи, всего чаще среди гувернантокъ; такое же худощавое, некрасивое лицо, съ выдающимся ртомъ, такіе же локоны на ушахъ и такая же манера одѣваться». Она держала себя очень скромно, почти застѣнчиво, говорила тихимъ голосомъ, но умѣла всегда направлять общій разговоръ на ту тему, которая въ данный моментъ ее занимала. По манерѣ держать себя, по отсутствію всякаго желанія импонировать собою, она напоминала Жоржъ-Зандъ, которая, впрочемъ, почти всегда ужъ слишкомъ стушевывалась и у себя, и въ гостяхъ, и даже непріятно дѣйствовала своею молчаливостью, чего нельзя сказать о Джорджъ Элліотъ. За то всѣ собиравшіеся въ домѣ Льюиса выказывали ей высокое почтеніе, родъ культа».

Сравнивая англійскихъ литераторовъ съ французскими, П. Д.

Боборыкинъ находитъ, что въ матеріальномъ отношеніи первые поставлены лучше и могутъ зарабатывать гораздо больше, чѣмъ ихъ парижскіе коллеги. Въ Лондонѣ «громкіе книжные успѣхи считаются не меньше, какъ тысячами фунтовъ стерлинговъ; даже и безъ литературнаго таланта можно одной книгой нажить состояніе». Въ видѣ примѣра онъ ссылается на своего товарища по газетной кампаніи 1869-го года въ Мадридѣ и другихъ городахъ Испаніи, знаменитаго впослѣдствіи путешественника Стэнли, который за одну книгу, гдѣ онъ разсказалъ, какъ онъ нашелъ Ливингстона, получилъ сразу капиталъ въ двѣсти тысячъ рублей. Карьера Стэнли, по мнѣнію автора, «прямо показываетъ, чего можетъ достичь простой газетный корреспондентъ, вдобавокъ съ очень малымъ образованіемъ, съ обыкновеннымъ умѣньемъ владѣть перомъ». Въ сезонѣ 1895-го года авторъ нашелъ его кандидатомъ въ члены парламента, промѣнявшимъ американское гражданство на англійское подданство, и богатымъ человѣкомъ, живущимъ открыто, съ постоянными пріемами. И онъ, и любой англичанинъ или американецъ—поясняетъ П. Д. Боборыкинъ,—привыкли тратить много, зная, что и заработокъ, при удачѣ, будетъ въ нѣсколько разъ крупнѣе, чѣмъ на материкѣ Европы. Въ данномъ случаѣ можно было бы къ замѣчаніямъ почтеннаго автора сдѣлать двѣ поправки или оговорки: во-первыхъ, книги Стэнли цѣнились очень высоко и могли разсчитывать на прочный сбытъ не какъ литературныя произведенія, а какъ описанія путешествій, представляющихъ совершенно исключительный интересъ, причемъ самъ Стэнли обнаружилъ качества и дарованія, не имѣющія ничего общаго съ званіемъ «простого газетнаго корреспондента»; во-вторыхъ, позднѣйшее положеніе его, какъ члена парламента, живущаго открыто, съ постоянными пріемами, зависѣло уже не отъ его личныхъ крупныхъ заработковъ, а отъ женитьбы на богатой особѣ, извѣстной благотворительницѣ, увлекшейся славою знаменитаго путешественника.

Въ Лондонѣ авторъ не успѣлъ познакомиться съ Марксомъ, но впослѣдствіи видѣлся съ ближайшимъ его другомъ и сотрудникомъ, Энгельсомъ. Онъ нашелъ его въ тихомъ, отдаленномъ кварталѣ, въ небольшомъ трехъ-этажномъ домѣ. Энгельсъ жилъ какъ человѣкъ состоятельный, никогда не знавшій нужды и заброшенности; это былъ—въ іюнѣ 1895-го года—«старикъ хорошаго роста, державшійся довольно прямо, не очень сѣдой, съ головой крупныхъ размѣровъ, неправильными, но скорѣе симпатичными чертами лица и добродушно-игривой усмѣшкой безцвѣтныхъ глазъ». Разговоръ велся по французски. «Сидѣли мы,—разсказываетъ авторъ,—въ его обширномъ, свѣтломъ кабинетѣ-библіотекѣ, вмѣщавшей не одну тысячу

томовъ. Поговорили мы сначала о Россіи; Энгельсъ много зналъ о русскихъ дѣлахъ, и разныя слова, вродѣ «земство» и «община», произносилъ старательно и чисто. Старикъ разговорился и приказалъ подать бутылку краснаго вина».

Съ А. И. Герценомъ авторъ встрѣтился уже не въ Лондонѣ, а въ Парижѣ, на одномъ изъ четверговъ у Вырубова. Послѣдній сообщилъ ему за нѣсколько дней передъ тѣмъ, что Герценъ желаетъ съ нимъ познакомиться и говорилъ объ его романахъ и газетныхъ статьяхъ. На этомъ вечерѣ завязалась философская бесѣда между Герценомъ и Литтре, причемъ нашъ знаменитый эмигрантъ показалъ себя человѣкомъ воспитаннымъ на гегеліанскихъ идеяхъ, а двое или трое присутствовавшихъ русскихъ подумали, что онъ «врядъ ли былъ особенно хорошо знакомъ съ движеніемъ новѣйшаго научнаго мышленія». Герценъ нанялъ большую квартиру противъ Пале-Рояля, гдѣ поселился со всѣмъ семействомъ; вечерніе пріемы бывали у него по средамъ. Это было осенью 1869-го года, когда имперія явно клонилась къ упадку, и Герценъ надѣялся на скорое ея крушеніе; надежда эта усилилась послѣ убійства Виктора Нуара. Герценъ «симпатично волновался», упрекая нѣкоторыхъ своихъ молодыхъ пріятелей въ равнодушіи и называя одного изъ нихъ «мудрорыбицей». Онъ всѣхъ увлекалъ своимъ разговоромъ, и эта способность не могла остаться безъ извѣстнаго вліянія на его семейную жизнь. Какъ говорилъ автору Тургеневъ, Герценъ, не желая этого, подавлялъ и жену, и всѣхъ домашнихъ своимъ разговорнымъ темпераментомъ: «бывало, бѣдная жена его совсѣмъ посоловѣетъ, а у себя онъ въ часъ ночи только расходился и способенъ былъ просидѣть до пѣтуховъ». Недолго суждено было Герцену прожить на этотъ разъ въ Парижѣ; его подтачивала серьезная болѣзнь—діабетъ. Разъ, зайдя къ автору, онъ показалъ ему припухлость на рукѣ, около сгиба: «Вотъ видите—сказалъ онъ,—это всегда у меня бываетъ отъ внутренняго волненія. Меня испугала депеша моего сына о здоровьѣ дочери, и сейчасъ же діабетъ далъ себя знать вотъ въ этомъ гвоздѣ—«clou», какъ говорятъ французы». Достаточно было послѣ этого случайной простуды, чтобъ болѣзнь осложнилась и привела къ роковому концу.

Всего больше мѣста въ воспоминаніяхъ П. Д. Боборыкина занимаютъ, разумѣется, французы. Поселившись въ Парижѣ, въ спеціально студенческомъ, такъ называемомъ латинскомъ кварталѣ, онъ убѣдился, что свѣдѣнія о гнетѣ и произволѣ полицейскаго режима второй имперіи сильно преувеличены. «Сколько я помню,—пишетъ онъ,—ни въ первую зиму, ни въ послѣдующіе сезоны, проведенные мною въ Парижѣ до войны, я не имѣлъ рѣшительно никакого

столкновенія съ полицейскимъ надзоромъ,—ни политическаго, ни общаго характера. Жилось и тогда такъ свободно, какъ врядъ ли и въ то время и теперь живется нашему студенчеству. Отъ насъ не требовали матрикулъ, нигдѣ не спрашивали паспортовъ, и весь контроль заключался въ томъ, что хозяинъ отеля или меблированной комнаты заносилъ васъ въ книгу и отмѣчалъ, что вы «muni de passeport». Не замѣчалось также особеннаго гнета и въ уличной жизни Парижа, въ театрахъ, кафе, всякаго рода сборищахъ, если судить по тону разговоровъ. Рѣзкія оппозиціонныя рѣчи раздавались за стаканами пива или чашками кофе въ знаменитомъ когда-то Café Procope, гдѣ можно было часто слышать и молодого, безвѣстнаго еще адвоката Леона Гамбетту. Онъ былъ тогда парламентскимъ репортеромъ газеты «Temps» и въ этомъ качествѣ заводилъ связи и знакомства въ политическихъ и газетныхъ кружкахъ; между прочимъ, онъ бывалъ иногда на завтракахъ по понедѣльникамъ у извѣстнаго театральнаго критика Франциска Сарсэ, котораго посѣщалъ и П. Д. Боборыкинъ. «Помню, въ одинъ изъ понедѣльниковъ,—говоритъ авторъ,—Сарсэ предупредилъ меня, что со мною хочетъ познакомиться «un garçon très intelligent», какъ онъ выразился о немъ,—южанинъ, занимающійся политикой; онъ интересовался внутренними дѣлами Россіи и желалъ бы побесѣдовать со мною о двухъ тогдашнихъ дѣятеляхъ—Катковѣ и Николаѣ Милютинѣ. Въ слѣдующій понедѣльникъ насъ познакомили, мы завтракали рядомъ, разговорились и послѣ завтрака отправились вмѣстѣ въ палату пѣшкомъ». Гамбетта говорилъ «съ сильнымъ провансальскимъ акцентомъ, былъ уже довольно плотной фигуры, склонной къ ожирѣнію, велъ бесѣду складно и оживленно, и съ первыхъ же словъ отрекомендовалъ себя, какъ сторонника радикальныхъ идей; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ весьма трезво судилъ о тогдашнемъ положеніи вещей и признавалъ безусловно необходимымъ поддерживать даже такихъ умѣренныхъ дѣятелей оппозиціи, какъ Тьеръ. Въ кулуарахъ законодательнаго корпуса онъ былъ уже, повидимому, своимъ человѣкомъ; онъ представилъ своего русскаго собесѣдника двумъ депутатамъ—Гарнье-Пажесу и Жюлю Симону. П. Д. Боборыкинъ счелъ долгомъ сдѣлать визитъ Гамбеттѣ и разыскалъ его маленькую квартирку въ пятомъ или шестомъ этажѣ дома на лѣвомъ берегу Сены. Онъ былъ встрѣченъ старушкою, которую принялъ за бонну: такъ она была одѣта и такимъ тономъ говорила. Оказалось, что это была тетушка Гамбетты,—и она стала разсказывать о своемъ «Леонѣ», что ему приходится цѣлый день бѣгать то въ судъ, то въ палату, «pour gagner sa vie». А черезъ годъ или полтора этотъ бѣдный «Леонъ» былъ уже знаменитостью и украшалъ собою небольшую,

но популярную и талантливую группу оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ.

Посѣщая засѣданія палаты, П. Д. Боборыкинъ имѣлъ возможность часто слышать «раскаты министерскаго краснорѣчія» Руэра, язвительныя рѣчи Жюля Фавра и крикливыя, переполненныя массою фактовъ и цифръ разсужденія Тьера. «До сихъ поръ у меня въ ушахъ,—говоритъ онъ,—когда я вспомню одно бурное засѣданіе законодательнаго корпуса,—взвизгивающія интонаціи Тьера, который, послѣ какихъ-то хитросплетеній главнаго борца имперіи, вызывающе повторялъ въ началѣ каждаго періода: je défie monsieur le ministre d'état!» Когда вспыхнула франко-прусская война, П. Д. Боборыкинъ сдѣлался корреспондентомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», объѣзжалъ районъ военныхъ дѣйствій, побывалъ въ центрѣ правительства народной обороны—Турѣ, и вынесъ мало утѣшительныхъ впечатлѣній. Позднѣе онъ видѣлъ Гамбетту на верху власти, президентомъ палаты и первымъ министромъ, попадалъ и въ тогдашніе вліятельные политическіе салоны, въ родѣ салона г-жи Аданъ, и «подъ всѣмъ этимъ замѣчалъ на каждомъ шагу порчу, политиканство, неизлѣчимый духъ партій, всеобщую погоню за наживой, — всѣ тѣ элементы, которые роскошнымъ букетомъ распустились ко днямъ панамскаго краха».. Изъ дѣятелей болѣе ранней эпохи авторъ былъ лично знакомъ съ Луи-Бланомъ, котораго посѣтилъ въ 1868-мъ году, когда тотъ жилъ еще изгнанникомъ въ Брайтонѣ, близъ Лондона. Тогда Луи-Бланъ «смотрѣлъ совсѣмъ не революціонеромъ: маленькій, моложавый, непохожій на парламентскаго трибуна, онъ любилъ возвращаються къ моментамъ своей бывшей славы...» Вспоминая мимоходомъ судьбу февральской революціи, П. Д. Боборыкинъ замѣчаетъ: «Теперь можно безошибочно сказать, что іюньскіе дни 1848-го года представляютъ собою грозное предостереженіе, которое пролетаріатъ, и для Франціи, и для всей остальной Европы, заявилъ классу сытыхъ хозяевъ, не желавшихъ по доброй волѣ помочь тому, чтобы республика стала не на бумагѣ, а на дѣлѣ «демократическою и соціальною». Но тогда, все-таки же, представительство страны—искренно или нѣтъ—сознавало необходимость заняться участью парижскаго пролетаріата и съ согласія этихъ представителей была учреждена та комиссія, гдѣ Луи-Бланъ, самый видный и вліятельный изъ тогдашнихъ соціалистовъ, такъ неуспѣшно сталъ производить опыты съ національными мастерскими». Какъ извѣстно, національныя мастерскія, устроенныя тогдашнимъ министромъ публичныхъ работъ Мари, не имѣли ничего общаго съ проектами Луи-Блана, и самое учрежденіе ихъ имѣло только цѣлью, подъ благовиднымъ предлогомъ, успокоить на

первое время огромную массу волновавшихся рабочихъ, оставшихся безъ занятій въ Парижѣ; а кровавые іюньскіе дни—дни страшнаго разгрома пролетаріата—были вызваны именно закрытіемъ этихъ фиктивныхъ мастерскихъ и внезапнымъ оставленіемъ рабочихъ безъ всякихъ средствъ къ жизни. Это была грозная расправа съ рабочими со стороны буржуазіи, располагавшей военною силою, а не предостереженіе со стороны пролетаріата по адресу класса хозяевъ.

Самые обширные отдѣлы книги посвящены литературѣ, журналистикѣ и театру; въ этихъ областяхъ авторъ по праву чувствуетъ себя хозяиномъ, и сообщаемыя имъ разнообразныя свѣдѣнія представляютъ большой интересъ. Какъ видно изъ предисловія, книга была написана уже довольно давно, но «не могла появиться въ печати раньше—не по винѣ автора». Трудно предположить, чтобы эти заграничныя воспоминанія, полныя любопытныхъ фактовъ, характеристикъ и анекдотовъ, показались кому-нибудь нецензурными даже съ прежней, дореформенной точки зрѣнія,—но, впрочемъ, у насъ все возможно.

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Евг. Ляцкій. Гончаровъ. Жизнь, личность, творчество. Критико-біографическіе очерки. Изд. второе, переработанное и дополненное. Кн-во «Огни». Спб. 1912. Стр. 324. Ц. 2 р. 50 к.

— М. Ф. Суперанскій. Каталогъ выставки въ память И. А. Гончарова въ Симбирскѣ 6—15 іюня 1912 г. Симбирскъ.

Второе изданіе извѣстной книги г. Евг. Ляцкаго о Гончаровѣ вышло незадолго предъ столѣтіемъ рожденія писателя (6-е іюня). За нѣсколько лѣтъ, прошедшихъ послѣ перваго изданія книги, накопилось очень много новаго матеріала о Гончаровѣ, подтверждающаго основную мысль изслѣдователя о широко-субъективномъ характерѣ творчества автора «Обломова». Этотъ матеріалъ и введенъ во второе изданіе. При этомъ, повидимому, торопясь выпустить книгу къ юбилею, авторъ переработывалъ ее частями, вслѣдствіе чего все изложеніе приняло характеръ нѣкоторой разбросанности и нетройности, съ повтореніями и другими признаками нѣсколько спѣшной работы. Бросается, напр., въ глаза сравнительно незначительное

мѣсто, какое отведено въ новомъ изданіи «Обломову». При этомъ упущено изъ виду важное письмо Гончарова къ графинѣ А. А. Толстой. Здѣсь—вопреки утвержденію г. Ляцкаго, что Гончаровъ «избѣгалъ высказываться опредѣленно» о мѣрѣ личной своей близости къ типу Обломова—довольно опредѣленно говорится о характерѣ и степени этой близости и о той болѣзненно-утонченной, нервной, артистической организаціи, какою была натура Гончарова. «Обломовъ, только не такой, какъ всѣ другіе Обломовы,—писалъ онъ, объясняя свою неохоту бывать въ большомъ обществѣ.—Не одна лѣнь, не одна дикость—отъ непривычки—и тому подобныя *внѣшнія* грубыя причины держали меня всегда поодаль отъ свѣта и его приманокъ, для моей натуры не заманчивыхъ, а артистическое строеніе духа, а поэзія и т. д., и т. д., все то, что чуждается всякой оффиціальности... словомъ, внутреннія причины... А сколько *тѣснотъ* пришлось переживать! Хотѣлось мнѣ всегда и призванъ я былъ *писать*, а между тѣмъ долженъ былъ *служить*. Мнѣ, нервному, впечатлительно-раздражительному организму, нуженъ былъ воздухъ ясный и сухой, солнце и нѣкоторое спокойствіе,—а я живу сорокъ лѣтъ подъ свинцовымъ небомъ, въ туманахъ, и не наберу мѣсяца въ году, чтобы заняться, чѣмъ хотѣлось и чѣмъ бы слѣдовало,—и всегда дѣлалъ то, чего не умѣлъ или не хотѣлъ дѣлать». Если сопоставить эти слова съ обвиненіями свѣту, которыя изливаетъ въ первой части романа Обломовъ, и съ тою любовною ироніею, какою неизмѣнно окруженъ авторомъ герой романа, то едва ли можно признать, что г. Ляцкій правъ, расходясь съ общепринятымъ мнѣніемъ объ интимной близости Гончарова и Обломова и считая это мнѣніе преувеличеннымъ. Вообще въ книгѣ г. Ляцкаго какъ книгѣ не законченной, можно было бы указать и еще кое-какіе менѣе существенные дефекты и пробѣлы. Напр., Тушину посвящено всего строкъ пятнадцать, а этотъ типъ особо дорогой Гончарову,—то, что называютъ *нормативной* натурой, гармонически соединяющій, по замыслу автора, непосредственность чувства и энергію сознательной дѣятельности; этотъ типъ, конечно, заслуживалъ бы болѣе тщательнаго анализа. Мало развита и общая оцѣнка истинно-литературной роли Гончарова, а объ его мѣстѣ въ міровой литературѣ нѣтъ и рѣчи. Какъ бы то ни было, книгѣ г. Ляцкаго, прочно установившей новую точку зрѣнія на творчество Гончарова, въ литературѣ о немъ надолго обезпечено виднѣйшее мѣсто.

Столѣтіе рожденія Гончарова торжественно было отпраздновано на его родинѣ, въ Симбирскѣ, гдѣ, между прочимъ, была устроена архивною комиссіею первая выставка въ память писателя, сравнительно весьма богатая. Вышеназванный каталогъ выставки, любовно

составленный мѣстнымъ изслѣдователемъ и собирателемъ матеріаловъ о Гончаровѣ г. Суперанскимъ, не только даетъ перечень собранныхъ предметовъ, но и указываетъ ихъ значеніе для біографіи Гончарова, содержитъ рядъ библіографическихъ указаній и представляетъ весьма полезный справочный матеріалъ для изучающихъ этого писателя.

— Баронъ А. Е. Врангель. Воспоминанія о Достоевскомъ въ Сибири. 1854—56 гг. Спб., 1912. Стр. 221. Ц. 1 р. 50 к.

Воспоминанія барона А. Е. Врангеля о Достоевскомъ были первоначально напечатаны года три тому назадъ въ приложеніяхъ къ газетѣ «Новое Время». Печатаніе ихъ растянулось тогда на цѣлый годъ, и они едва ли были прочитаны полностью кѣмъ-либо, кромѣ лицъ, изучающихъ Достоевскаго. Поэтому нельзя не привѣтствовать выхода записокъ барона А. Е. Врангеля отдѣльною книгою. Воспоминанія цѣликомъ относятся ко времени пребыванія Достоевскаго въ Семипалатинскѣ, гдѣ, по выходѣ изъ омскаго «Мертваго Дома», онъ отбывалъ нѣсколько лѣтъ солдатскую службу въ сибирскомъ линейномъ № 7 баталіонѣ. Этотъ періодъ жизни знаменитаго писателя впервые подробно освѣщенъ барономъ Врангелемъ. Замѣчательно, что жизнь въ Семипалатинскѣ рѣшительно ничѣмъ не отозвалась въ произведеніяхъ Достоевскаго. Оглушенный годами острожной жизни, разбираясь въ пережитомъ и передуманномъ, переживая тревожную и больную любовь къ М. Д. Исаевой, позднѣе ставшей его женою, Достоевскій былъ слѣпъ и глухъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и своей службы, и всей семипалатинской жизни. О службѣ онъ вспоминаетъ только въ одномъ мѣстѣ своихъ писаній, упоминая о томъ, какъ читалъ въ казармахъ товарищамъ лубочныя книжки, вся же бытовая сторона жизни оригинальной окраины, природа и нравы туземнаго и русскаго населенія—все это скользнуло мимо его души. Автора воспоминаній «всегда поражало въ Достоевскомъ это его полнѣйшее въ то время безразличіе къ картинамъ природы; онѣ не трогали, не волновали его». Самъ баронъ Врангель преимущественное вниманіе отдалъ въ своей книгѣ природѣ и вообще внѣшней жизни Семипалатинскаго края. О томъ, что окружало Достоевскаго здѣсь, объ образѣ его жизни, крайней нуждѣ, объ отношеніяхъ къ обывателямъ и начальству мы имѣемъ теперь очень полное представленіе. Разсказаны также всѣ внѣшнія перипетіи личнаго романа Достоевскаго. А. Е. Врангель попалъ въ Сибирь юношею, прямо со школьной скамьи, влекомый стремленіемъ, которое раздѣлялъ со своими сверстниками, «облагораживать»

край, далекій и заманчивый возможностью живой и плодотворной работы. Въ Семипалатинскѣ онъ занималъ видную должность «стряпчаго по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ». То исключительное вниманіе, которымъ бар. Врангель со дня пріѣзда окружилъ ссыльнаго солдата, чрезвычайно облегчило положеніе Достоевскаго, заставивъ и ближайшее начальство его относиться къ нему снисходительнѣе. Достоевскій и Врангель нѣкоторое время даже жили вмѣстѣ. Позднѣе, какъ извѣстно изъ писемъ Достоевскаго, другъ семипалатинскаго житья былъ существенно ему полезенъ въ дѣлѣ облегченія его участи и наконецъ совершеннаго прощенія. Относительно характера соединявшей ихъ дружбы приходится признать, что Достоевскій, значительно старшій годами, какъ ни былъ признателенъ за сердечное къ нему отношеніе и многократную и разнообразную помощь, совершенно не раскрывался предъ А. Е. Врангелемъ съ интимнѣйшей своей стороны, со стороны поглощавшей его и никогда не смолкавшей внутренней борьбы—или быть можетъ изъ памяти недостаточно воспріимчиваго собесѣдника ускользнуло то, что было выраженіемъ этой борьбы. О содержаніи своихъ бесѣдъ съ Достоевскимъ бар. Врангель, по крайней мѣрѣ, почти не говоритъ и не сообщаетъ ничего сколько-нибудь яркаго и значительнаго, да и письма Достоевскаго къ нему носятъ тотъ же характеръ: «внѣшній». Въ этомъ внѣшнемъ характерѣ воспоминаній—причина того обстоятельства, что книга Врангеля о Достоевскомъ мало удовлетворяетъ читателя. При всемъ обиліи подробностей, въ ней не чувствуется Достоевскій, какъ геніальная натура. Многія изъ этихъ подробностей и письма, однако, существенны, какъ уже сказано, для біографіи писателя. О позднѣйшихъ годахъ знакомства Достоевскаго и бар. А. Е. Врангеля въ книгѣ разсказано немного. Между прочимъ, любопытна слѣдующая деталь. При свиданіи въ Копенгагенѣ, куда Достоевскій ѣздилъ въ 1865 году, онъ разсказалъ, какъ однажды въ Парижѣ, добиваясь для поѣздки въ Римъ скорѣйшей визы своего паспорта у папскаго нунція, устроилъ въ раздраженіи скандалъ и посулилъ наплевать въ кофе монсиньора нунція. Этотъ эпизодъ изъ собственной жизни Достоевскій цѣликомъ вложилъ въ уста героя «Игрока»—романа, въ которомъ много автобіографическаго; но трудно было думать, что и этотъ эпизодъ выхваченъ изъ собственной жизни писателя. Въ заключеніи книги, баронъ Врангель напоминаетъ о необходимости сооруженія памятника Достоевскому: первой лептой въ фондъ будущаго памятника и предназначается часть чистаго дохода отъ продажи книги.

Ч. В—скій.

— А. Корниловъ. Курсъ исторіи Россіи XIX в. Ч. I и II. Москва, 1912 г.

Книга г. Корнилова составилась изъ лекцій, читанныхъ имъ въ 1909—10 академическомъ году студентамъ Спб. Политехническаго Института. По собственнымъ словамъ автора, цѣль книги—помочь «оріентироваться въ обстоятельствахъ и событіяхъ окружающей жизни». Это—скорѣе пособіе для самообразованія, нежели попытка научнаго обобщенія событій минувшаго столѣтія. При такихъ условіяхъ требовать отъ автора надлежащимъ образомъ обоснованныхъ выводовъ не приходится. Но тѣмъ болѣе позволительно поставить ему въ укоръ односторонность исходныхъ воззрѣній, результатомъ которой явились существенные пробѣлы и недочеты. Руководящимъ для пониманія исторіи XIX столѣтія является для г. Корнилова то положеніе, что процессъ собиранія государственной территоріи закончился для Россіи еще въ XVIII столѣтіи. Это положеніе нельзя принять безъ оговорокъ. Если даже не считать присоединенія Бессарабіи, Финляндіи и Царства Польскаго, процессъ собиранія территорій въ XIX вѣкѣ продолжался на Кавказѣ, въ Средней Азіи и на Амурѣ. Ошибочная исходная точка повлекла за собою пренебреженіе и къ такимъ сторонамъ внѣшней политики, которые не подходятъ подъ схему собиранія территоріи. Такъ напримѣръ, авторъ, не обинуясь, трактуетъ борьбу съ Наполеономъ какъ результатъ увлеченія Александра I международной политикой, отвѣчавшей личнымъ его склонностямъ и дарованіямъ. Столь узкое пониманіе Тильзита, 12-го года и взятія Парижа не можетъ быть признано правильнымъ. Исключена изъ круга сужденій автора и ближне-восточная политика Николая I, хотя она не менѣе политики вмѣшательства во внутреннюю жизнь западной Европы повинна въ севастопольской катастрофѣ.

Г. Корниловъ характеризуетъ исторію Россіи въ XIX в. какъ процессъ «раскрѣпощенія сословій и смягченія деспотизма верховной власти», при чемъ, по мнѣнію автора, этотъ процессъ совершался «путемъ борьбы отдѣльныхъ сословій и классовъ между собой и представителей власти съ освободительными стремленіями наиболѣе сознательныхъ и передовыхъ представителей общества». Выраженіе: *смягченіе*, неоднократно подчеркиваемое г. Корниловымъ, предполагаетъ лишь количественныя улучшенія въ образѣ дѣйствій представителя власти; между тѣмъ, предметомъ историческаго изложенія, казалось бы, должны служить качественныя измѣненія въ построеніи самой власти. Характерной для XIX-го вѣка является не столько борьба власти и общества, сколько взаимное и все растущее идей-

ное разобщеніе между ними. Говоря о царствованіи Александра I, г. Корниловъ отступилъ отъ точки зрѣнія борьбы; совмѣстная исторія власти и общества въ его освѣщеніи сводится къ колебаніямъ въ личномъ настроеніи императора.

Съ особенной силой односторонность сужденій г. Корнилова даетъ себя чувствовать въ изложеніи исторіи крестьянскаго дѣла. Въ своемъ курсѣ, какъ и въ прежнихъ работахъ по крестьянскому вопросу, г. Корниловъ выдвигаетъ на первый планъ, въ качествѣ движущей причины раскрѣпощенія, интересы помѣщичьяго хозяйства. Конечно, съ развитіемъ капиталистическихъ отношеній, крѣпостное право становилось для дворянъ невыгоднымъ, и это сыграло свою роль въ освобожденіи; но не менѣе несомнѣнно, что наряду съ этимъ въ теченіе первой половины вѣка крѣпостное право вошло въ противорѣчіе и съ интересами государственнаго хозяйства, и съ растущимъ правовымъ сохраненіемъ, и самое освобожденіе явилось результатомъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ трехъ означенныхъ факторовъ. Придавая исключительное значеніе интересамъ помѣщичьяго хозяйства, г. Корниловъ мѣстами допускаетъ пробѣлы, мѣстами впадаетъ въ прямыя ошибки. Такъ напримѣръ, въ главѣ, излагающей причины, подготовившія въ царствованіе Николая I паденіе крѣпостного права, мы не нашли указаній ни на затрудненія, которыя встрѣчало правительство при взысканіи недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ, ни на воздѣйствіе крѣпостного права на хлѣбныя цѣны, ни, наконецъ, на отвращеніе къ «порядку владѣнія душами», котораго не былъ чуждъ и императоръ. Авторъ категорически утверждаетъ, что на сѣверѣ была популярной идея обязательнаго выкупа, тогда какъ въ центрѣ встрѣчали сочувствіе временно-обязанныя отношенія. На самомъ дѣлѣ въ литературѣ [1]) есть прямыя указанія, что дворяне черноземныхъ губерній охотно соглашались на обязательный выкупъ, при условіи выплаты наличными деньгами. По мнѣнію г. Корнилова Александръ II рѣшился на освобожденіе «не по внутреннимъ побужденіямъ», а въ силу «прочно сознаннаго имъ въ эпоху Крымской войны убѣжденія въ необходимости коренныхъ преобразованій ради сохраненія и усиленія мощи русскаго государства». Александръ II не разъ высказывался по вопросамъ крестьянскаго дѣла; его рѣчи давно напечатаны. Въ защиту освобожденія онъ приводилъ и соображенія государственной пользы, и доводы идейнаго характера. Почему же слѣдуетъ вѣрить искренности первыхъ и отрицать искренность вторыхъ? Почему надо думать, что эпитетъ

---

1) Княгиня О. Трубецкая, «Мат. для біографіи князя Черкасскаго», стр. 151.

«святое», который Александръ II постоянно прилагалъ къ крестьянскому дѣлу, шелъ у него отъ головы, а не отъ сердца?

Д. К.

— А. Коллонтай. По рабочей Европѣ. Силуэты и эскизы. СПБ., 1912.

Эти живо написанныя впечатлѣнія видѣннаго и слышаннаго русской дамой, разъѣзжавшей по Германіи въ роли лектора на рабочихъ собраніяхъ и заглядывавшей иногда въ сосѣднія страны, пригодны не только для занимательнаго чтенія; они имѣютъ и болѣе серьезный интересъ. Подвизаясь на данномъ поприщѣ по приглашенію и въ интересахъ соціалъ-демократической партіи, г-жа Коллонтай тѣмъ самымъ вводилась въ кругъ интересовъ и дѣятельности провинціальныхъ партійныхъ организацій съ одной стороны, нарождающейся новой рабочей демократіи — съ другой, знакомилась съ конкретной дѣйствительностью и знакомитъ своихъ читалей въ конкретныхъ образахъ съ тѣми явленіями и отношеніями, которыя представляются намъ въ самой общей, чтобы не сказать отвлеченной формѣ. Хотя сама г-жа Коллонтай сталкивалась съ своими контрагентами при необычной обстановкѣ и въ рамкахъ спеціально взятой на себя задачи, но эти столкновенія все-таки открывали ей возможность нѣсколько ознакомиться съ текущей работой мѣстныхъ партійныхъ дѣятелей (преимущественно изъ рабочей среды), съ существующими между ними треніями, съ общимъ настроеніемъ мѣстнаго рабочаго населенія и его партійнымъ такъ-сказать, развитіемъ. А слѣдовавшія за рефератомъ бесѣды ея съ публикой— преимущественно женской ея частью, естественно интересовавшейся ею и какъ ораторомъ-женщиной, и какъ выходцемъ изъ полуисторической, полугероической въ описываемое время для иностранцевъ страны, и естественно же изливавшей передъ нею и свои радости, и еще болѣе свои горести,—эти бесѣды открывали передъ нею частицу того, какъ претворялись въ конкретной жизни и въ массовомъ сознаніи общія идеи соціализма, солидарности, равенства половъ. Она могла познакомиться, кромѣ того, съ нѣкоторыми интересными бытовыми чертами полурабочей среды, съ зарожденіемъ въ этой средѣ новыхъ идей, съ столкновеніемъ между новшествомъ и традиціей, съ эволюціей новыхъ бытовыхъ формъ. Очерки всего этого представляютъ тѣмъ большій для насъ интересъ, что бытъ и духовная физіономія нѣмецкаго передового рабочаго мало извѣстны и въ самой Германіи; на данную тему имѣется и тамъ немного сочиненій, основанныхъ на фактическомъ знакомствѣ съ повседневной

жизнью рабочихъ. Несмотря на объединеніе рабочаго класса и «буржуазной» интеллигенціи на партійной почвѣ, среды рабочая и нерабочая въ дѣйствительности изображаютъ какъ бы два разныхъ міра, мало знающіе и мало понимающіе другъ друга.

— Кустарные промыслы Уфимской губерніи. Уфа, 1912.

Это изданіе есть первое сколько-нибудь полное и обстоятельное описаніе кустарныхъ промысловъ Уфимской губерніи, основанное на подворномъ опросѣ всѣхъ кустарей, исключая женщинъ-ткачихъ, существующихъ въ значительномъ большинствѣ крестьянскихъ семей, но производящихъ незначительное количество тканей. Значеніе этого изданія въ области изслѣдованія кустарной промышленности Россіи обусловливается тѣмъ, что оно относится къ земледѣльческой мѣстности, гдѣ кустарные промыслы появились сравнительно недавно и проходятъ первыя стадія развитія характеризующіяся крѣпкой связью съ земледѣліемъ, преобладаніемъ работы на заказчика и на вольную продажу въ ближайшемъ раіонѣ и слабымъ подчиненіемъ кустаря капиталу.

Книга состоитъ изъ текста и таблицъ. Въ текстѣ находится общій очеркъ кустарной промышленности, описаніе отдѣльныхъ промысловъ и мѣропріятій губернскаго и уѣздныхъ земствъ по содѣйствію кустарной промышленности Уфимской губерніи. Таблицы заключаютъ въ себѣ данныя, о семейномъ составѣ кустарей и ихъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, о давности занятія ихъ промысломъ и продолжительности занятія въ теченіе года, о числѣ семейныхъ и наемныхъ рабочихъ-кустарей, о доходахъ и расходахъ, связанныхъ съ промысломъ, о формѣ сбыта и о техническихъ приспособленіяхъ промысла. Подворное изслѣдованіе кустарныхъ хозяйствъ дало матеріалъ для цифрового выраженія многихъ важныхъ сторонъ изслѣдуемаго предмета, для выясненія взаимоотношенія различныхъ факторовъ и явленій и различія кустарныхъ и некустарныхъ хозяйствъ въ отношеніи семейнаго состава, грамотности, развитія сельскаго хозяйства и т. п. Результаты такого изслѣдованія изложены въ очеркѣ, имѣющемъ общій интересъ.

— Статистическій Ежегодникъ на 1912 годъ. Спб. 1912.

Многія наши правительственныя учрежденія имѣютъ свои статистическія отдѣленія, издающія очень цѣнныя публикаціи; эти

отдѣленія, если не ошибаемся, имѣютъ правильныя совѣщанія, разсматривающія, между прочимъ, и вопросъ объ ихъ объединеніи, но результатовъ послѣдняго мы не видимъ, и не существуетъ такого оффиціальнаго изданія, которое заключало бы одобренную этимъ совѣщаніемъ сводку многочисленныхъ статистическихъ данныхъ, нынѣ разбросанныхъ во множествѣ изданій. Только центральный статистическій комитетъ рѣшилъ на свой страхъ издавать «Ежегодникъ Россіи»; но это учрежденіе не пользуется особеннымъ научнымъ авторитетомъ, и къ тому же не принимаетъ никакихъ мѣръ для распространенія своихъ изданій, вслѣдствіе чего его «Ежегодникъ» не пользуется большой популярностью. Потребность дѣлового міра въ подобномъ справочномъ изданіи, тѣмъ не менѣе, существуетъ, и названный въ заголовкѣ настоящей замѣтки «Статистическій Ежегодникъ на 1912 г.», составленный подъ редакціей В. И. Шараго и изданный совѣтомъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли, назначенъ для удовлетворенія этой потребности. Какъ первый опытъ сложнаго предпріятія, Ежегодникъ не обладаетъ достаточной полнотой; но онъ обѣщаетъ пополнить недочеты въ слѣдующихъ выпускахъ, а наличность у издающаго его учрежденія денежныхъ средствъ позволяетъ надѣяться, что это полезное изданіе не будетъ прервано, какъ это случалось съ нѣкоторыми частными попытками этого рода. Въ спеціальныхъ статистическихъ изданіяхъ будетъ, нужно полагать, подробно разобрано выполненіе принятой на себя Совѣтомъ Съѣздовъ задачи; въ общемъ литературномъ журналѣ можно лишь указать на главные недочеты Ежегодника.

«Статистическій Ежегодникъ на 1912 г.» заключаетъ свѣдѣнія о пространствѣ и населеніи, о добывающей и обрабатывающей промышленности, о финансахъ и кредитѣ, о путяхъ сообщенія и торговлѣ Россіи. Гдѣ-то на задворкахъ три страницы отведены коопераціи, безъ подраздѣленія даже кооперативныхъ учрежденій по ихъ видамъ. Таблицамъ по каждому предмету предшествуетъ краткій текстъ, заключающій въ себѣ итоговыя данныя и нѣкоторыя свѣдѣнія, не вошедшія въ таблицы.

Серьезное недоразумѣніе въ первомъ отдѣлѣ Ежегодника безъ сомнѣнія вызовутъ графы 16 и 17 таблицы III (стр. 9) о процентѣ общаго числа надѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ, владѣющихъ участками до 5 и выше 5 десятинъ земли, потому, что за отсутствіемъ всеобщей промышленной переписи, число такихъ владѣльцевъ для всей Россіи неизвѣстно, и приведенныя въ Ежегодникѣ цифры относятся не къ индивидуальнымъ крестьянскимъ, а къ среднимъ поселеннымъ владѣніямъ. Серьезнымъ пропускомъ въ статистикѣ желѣзодѣлательной промышленности нельзя не признать отсут-

ствіе указаній на производительную способность заводовъ; между тѣмъ это составляетъ весьма важный признакъ оборудованія страны въ данномъ отношеніи и позволяетъ судить о томъ, въ какой мѣрѣ, при данныхъ условіяхъ, используются готовыя производительныя средства этой отрасли промышленности. Это представляетъ особый интересъ въ моменты, подобные нынѣ переживаемому Россіей, когда страна испытываетъ, напр., чугунный голодъ. Производительность соотвѣтствующихъ заводовъ дозволяла еще въ 1910 г. выплавлять 335 мил. пуд. чугуна, а синдицированные заводчики произвели въ 1911 г. всего 220 м. п., т. е. 66% возможнаго количества, и на тѣ же 66% подняли цѣны чугуна.

Государственные расходы классифицируются въ послѣднихъ росписяхъ, какъ извѣстно, по двумъ системамъ: по вѣдомствамъ, расходующимъ соотвѣтствующія суммы, и по предметамъ назначенія послѣднихъ. Первое дѣленіе расходовъ важно главнымъ образомъ для правительственныхъ учрежденій, второе—для гражданъ россійской имперіи. Статистическій Ежегодникъ, предназначенный, конечно, для публики, въ табл. V, заключающей подробное перечисленіе расходовъ, долженъ бы придерживаться второй группировки; но за основное дѣленіе расходовъ онъ принялъ дѣленіе по вѣдомствамъ, а подъ распредѣленіе расходовъ по предметамъ назначенія отвелъ всего одну страничку.—«Какъ правило, приводимыя ниже свѣдѣнія—говорится въ предисловіи къ разсматриваемому нами изданію—даны по губерніямъ». Это относится, конечно, къ свѣдѣніямъ, интереснымъ въ территоріальной группировкѣ. Къ такимъ свѣдѣніямъ относятся, между прочимъ, данныя о современномъ состояніи землевладѣнія, и цифры о различныхъ формахъ и размѣрахъ землевладѣній расчленены въ соотвѣтствующихъ таблицахъ дѣйствительно по губерніямъ. Но вѣдь данная наличность землевладѣнія не исчерпываетъ вопроса объ аграрныхъ отношеніяхъ страны; не менѣе важными сторонами этого вопроса являются мобилизація и задолженность землевладѣній. Въ разсматриваемомъ изданіи о мобилизаціи земли не имѣется никакихъ данныхъ, а свѣдѣнія о ея задолженности,—потому только, что они отнесены не въ первый, а во второй отдѣлъ (о кредитѣ),—даны въ общей суммѣ по имперіи, съ выдѣленіемъ четырехъ окраинныхъ раіоновъ. Совершенно напрасно такія различныя мѣстности, какъ Сѣв. Кавказъ и Закавказье, въ этомъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ книги включены въ одинъ раіонъ. По губерніямъ, по нашему мнѣнію, должны быть расчленены и данныя о дѣятельности крестьянскаго банка.

Довольно много рубрикъ посвящено различнымъ сторонамъ дѣятельности желѣзныхъ дорогъ. Здѣсь имѣется между прочимъ

и графа о перевозкахъ товаровъ; но если бы вы пожелали узнать самое главное—какое количество грузовъ обращается на нашихъ дорогахъ,—вы бы не получили готоваго отвѣта, потому что въ табл. VIII соотвѣтствующаго отдѣла грузы, поступившіе на дорогу съ стороны, не отдѣлены отъ переданныхъ съ другихъ дорогъ и уже разъ учтенныхъ, вслѣдствіе чего итогъ перевозокъ, напр., за 1910 г.—$11^1/_3$ милліардовъ пудовъ — превышаетъ слишкомъ въ два раза дѣйствительное количество перевезенныхъ дорогами товаровъ. Таблица IX даетъ, правда, свѣдѣнія о количествѣ отправленныхъ всѣми дорогами въ совокупности различныхъ товаровъ, по наименованіямъ послѣднихъ, но въ ней не подведены итоги этимъ 203-мъ наименованіямъ, и въ заголовкѣ имѣется указаніе, что это—лишь главнѣйшіе грузы дорогъ. Въ слѣдующихъ выпускахъ Ежегодника желательно видѣть не только пополненіе этого недочета, но и группировку отправляемыхъ товаровъ не въ алфавитномъ порядкѣ, какъ это принято въ желѣзнодорожной ихъ номенклатурѣ, а по естественнымъ ихъ видамъ—что отвѣчаетъ разнообразнымъ интересамъ лицъ, обращающихся къ справочнику.

Закончимъ нашу замѣтку выраженіемъ надежды, что Совѣтъ Съѣздовъ представителей промышленности и торговли не отступитъ отъ идеи ежегоднаго изданія статистическаго справочника и поставитъ это изданіе на высоту, удовлетворяющую требованіямъ какъ практическихъ дѣятелей во всѣхъ областяхъ жизни, такъ и всякаго образованнаго человѣка. Имя редактора «Ежегодника» служитъ нѣкоторой тому порукой.

— В. В. Леонтьевъ. Объ изученіи положенія рабочихъ. Спб., 1912.
— Заработная плата служащихъ и рабочихъ бакинскаго нефтепромышленнаго района. Баку, 1912.

Первая изъ названныхъ книгъ посвящена вопросу о программѣ и пріемахъ изслѣдованія положенія рабочихъ. Это изслѣдованіе привлекаетъ не мало силъ, но нигдѣ, кажется, не охватываетъ систематически всѣхъ сторонъ предмета; авторъ не можетъ назвать ни одного сочиненія, дающаго всестороннее описаніе положенія рабочихъ какой-либо страны. Вопросъ этотъ научно мало еще разработанъ; трактаты по данному предмету лишь механически объединяютъ очерки, посвященные заработной платѣ, рабочему дню, фабричному законодательству и т. д. В. В. Леонтьевъ считаетъ необходимымъ покончить съ такимъ положеніемъ и «поднять вопросъ о выработкѣ теоретическаго плана изслѣдованія, въ которомъ основныя явленія рабочей жизни получили бы оцѣнку по ихъ дѣйстви-

тельному значенію». Не считая себя компетентнымъ выполнить такую работу, онъ ограничивается нѣсколькими о ней соображеніями и набрасываетъ схему программы, разбивающую предметъ на два отдѣла: о рабочемъ въ производствѣ и о рабочемъ внѣ его. Авторъ желалъ бы содѣйствовать въ этомъ трудѣ лицамъ, стоящимъ близко къ рабочимъ. Въ этомъ отношеніи болѣе практическое значеніе имѣетъ та часть разсматриваемаго труда, въ коей заключаются замѣчанія относительно пріемовъ наблюденія и источниковъ свѣдѣній о различныхъ сторонахъ фабрично-рабочаго быта.

Вторая изъ указанныхъ въ заголовкѣ нашей замѣтки книгъ имѣетъ совершенно другой характеръ. Это—чисто статистическая работа о заработной платѣ бакинскихъ рабочихъ — предметѣ, которому въ послѣдніе годы было посвящено нѣсколько книгъ, въ свое время отмѣчавшихся литературной лѣтописью «В. Е.». Данная работа отличается отъ предыдущихъ въ томъ отношеніи что она основана на массовомъ и притомъ вполнѣ объективномъ матеріалѣ—выборкѣ изъ подлинныхъ вѣдомостей (табелей). Собранныя данныя въ разсматриваемомъ изданіи Совѣта Съѣзда нефтепромышленниковъ группируются съ одной стороны по профессіямъ рабочихъ и служащихъ, съ другой — по мѣсту положенія промысловъ, по роду производства, въ коихъ заняты рабочіе, и по разряду предпріятій (съ числомъ рабочихъ менѣе 50-ти, отъ 50 до 100 и т. д.). При этомъ, констатируется интересный фактъ болѣе низкой, въ большинствѣ случаевъ, заработной платы въ предпріятіяхъ, занимающихъ выше тысячи рабочихъ, сравнительно съ предшествующей ихъ категоріей. Въ книгѣ производится сравненіе заработной платы бакинскихъ и московскихъ рабочихъ, и перевѣсъ (кромѣ платы чернорабочимъ) остается на сторонѣ первыхъ; что касается Петербурга, то, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ отраслямъ металлообрабатывающей промышленности, петербургскіе рабочіе получаютъ больше бакинскихъ. Сравненію подвергалась, впрочемъ, лишь основная заработная плата бакинскихъ рабочихъ, между тѣмъ какъ значительную долю ихъ вознагражденія составляютъ различныя дополнительныя выдачи (наградныя, квартирныя, «мыльныя») и т. п. Повышеніе вознагражденія бакинскихъ рабочихъ послѣ движенія ихъ въ срединѣ истекшаго десятилѣтія произошло на $^2/_3$ путемъ увеличенія дополнительныхъ выдачъ. Рабочіе добились тогда значительнаго возвышенія суммы своего заработка (въ среднемъ—на 186 р.); но раздѣленіе его на основной и дополнительный облегчило предпринимателямъ взятіе назадъ сдѣланныхъ ими уступокъ. Въ разсматриваемомъ трудѣ, впрочемъ, не имѣется никакихъ на этотъ счетъ указаній.

— Л. С. Закъ. Форма экономической самопомощи въ области ремесленнаго труда. Съ приложеніемъ очерка К. Л. Ароновича: «О профессіональномъ образованіи ремесленниковъ». СПБ., 1912.
— Организаціи сбыта ремесленныхъ издѣлій. СПБ., 1911.
— Кридитная кооперація въ чертѣ еврейской осѣдлости. СПБ., 1911.

Три эти книжки трактуютъ объ одномъ и томъ же предметѣ, при чемъ третья, по ея содержанію, составляетъ какъ бы часть первой, а вторая есть даже нѣсколько распространенная глава изъ книжки Л. С. Зака и К. Л. Ароновича. Эта послѣдняя книжка издана съ цѣлью содѣйствія организаціи кооперативовъ и поднятія техники производства среди еврейскаго ремесленнаго населенія Россіи, выказавшаго въ послѣдніе годы живое стремленіе къ разнаго рода союзамъ. Эта спеціальная цѣль изданія не лишаетъ его, однако, общаго значенія, какъ средства ознакомленія съ положеніемъ кооперативнаго дѣла преимущественно среди городского населенія въ различныхъ культурныхъ странахъ. Особенное вниманіе, обращенное въ трудѣ г. Зака на вопросъ организаціи кооперативовъ, дѣлаетъ его особенно пригоднымъ для первоначальнаго знакомства съ этой важной стороной современной жизни культурныхъ странъ. Въ книжкѣ приводятся также суммарныя свѣдѣнія о кооперативномъ движеніи въ Россіи и болѣе подробныя и новыя данныя о коопераціи въ чертѣ еврейской осѣдлости. Какъ бы дополненіемъ къ живо написаннымъ очеркамъ о коопераціи, въ работѣ г. Зака сообщаются краткія свѣдѣнія о помощи безработнымъ и о другихъ видахъ взаимопомощи, практикуемыхъ профессіональными союзами на Западѣ.

Цѣлью организаціи кооперативъ ремесленниковъ является улучшеніе экономической стороны даннаго дѣла. Положеніе его въ Россіи вообще и среди еврейскихъ ремесленниковъ въ частности страдаетъ существенными недостатками и въ техническомъ отношеніи, и кто заботится о возвышеніи благосостоянія ремесленниковъ, тотъ не можетъ обойти вопроса объ улучшеніи техники ремесленнаго труда. Очеркъ, принадлежащій перу г. Ароновича знакомитъ читателя съ мѣрами поднятія ремесленной техники въ различныхъ культурныхъ государствахъ и среди евреевъ Россіи, посредствомъ профессіональныхъ школъ и курсовъ для подростковъ и взрослыхъ, еще ничему не обученныхъ, но уже занятыхъ въ какой-либо отрасли промышленности. Очеркъ г. Ароновича составленъ интересно и знакомитъ съ послѣдними теченіями и новѣйшими статистическими данными въ этой области.

— Матеріалы по экономическому изслѣдованію внутреннихъ водныхъ путей. Отдѣлъ первый. Томъ I. Выпускъ I. СПБ., 1912.

Наше правительство, кажется, серьезно приступило, наконецъ, къ выполненію задачи, на которую давно указывали печать и практическіе дѣятели—къ улучшенію внутреннихъ водныхъ путей сообщенія. Прежде, чѣмъ начать выполненіе этого дѣла въ натурѣ, министерство путей сообщенія справедливо признало необходимымъ обезпечить надежный базисъ для цѣлесообразныхъ мѣропріятій, путемъ производства изслѣдованій для выясненія нѣкоторыхъ важныхъ общихъ и частныхъ вопросовъ воднаго транспорта.

Первый выпускъ этого труда составляетъ предметъ нашей замѣтки. Изданіе это будетъ заключать трактатъ по общимъ вопросамъ теоріи и практики хозяйства водныхъ путей, мѣстныя изслѣдованія, выясняющія экономическую сторону намѣчаемыхъ основныхъ водныхъ магистралей, и всесторонній обзоръ водныхъ путей сообщеній въ главнѣйшихъ иностранныхъ государствахъ. Удовлетворительное выполненіе этихъ задачъ будетъ имѣть немаловажное значеніе не только для спеціальной практической цѣли вѣдомства путей сообщеній, но и для нашей экономической науки, такъ какъ въ изслѣдованіи вопросовъ воднаго транспорта въ русской литературѣ чувствуется большой пробѣлъ. Приглашеніе въ редакторы задуманнаго изданія преподавателя петербургскаго политехническаго института Вс. В. Никольскаго, а къ участію въ литературной работѣ—С. В. Бернштейнъ-Когана, труды котораго (въ другой области экономической науки) рецензировались на страницахъ «Вѣстника Европы», свидѣтельствуютъ о намѣреніи министерства путей сообщенія поставить свое изданіе на почву безпристрастной науки.

Первый, указанный въ заголовкѣ настоящей замѣтки выпускъ «Матеріаловъ», принадлежащій перу г. Бернштейнъ-Когана, посвященъ историческому развитію и современному состоянію внутренняго воднаго транспорта въ главныхъ европейскихъ государствахъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Здѣсь мы находимъ исторію развитія самой водной системы, ея грузооборота, правового, такъ сказать, положенія водныхъ путей и финансоваго ихъ состоянія. Такой очеркъ составляетъ необходимое введеніе къ трактату о водныхъ путяхъ сообщенія въ Россіи; богатый опытъ передовыхъ государствъ не сможетъ не служить нѣкоторымъ положительнымъ или отрицательнымъ—руководительствомъ при разрѣшеніи аналогичныхъ задачъ въ нашей странѣ.

— С. Прокоповичъ. Аграрный кризисъ и мѣропріятія Правительства. Москва, 1912.

Аграрный кризисъ выясняется въ этой книгѣ въ главахъ о крестьянскомъ малоземельи, о доходности крестьянскаго хозяйства и о крестьянскихъ движеніяхъ 1905—07 гг.; мѣропріятіямъ правительства посвящены главы о дѣятельности крестьянскаго банка и о разселеніи на хутора. Нѣсколько страницъ отведены, кромѣ того, принципіальному вопросу о правѣ на землю. Въ главахъ о мѣропріятіяхъ правительства авторъ разсматриваетъ, между прочимъ, вопросы о томъ, чьи интересы—продавцовъ (крупныхъ помѣщиковъ) или покупателей (крестьянъ) имѣетъ въ виду крестьянскій поземельный банкъ, по идеѣ предназначенный для смягченія крестьянскаго малоземелья; какіе именно разряды крестьянъ—мало или многоземельные—обслуживаетъ главнымъ образомъ этотъ банкъ и насколько и какимъ образомъ осуществляется тенденція крестьянскаго банка къ образованію хуторовъ. Данныя о разселеніи крестьянъ на хутора—имѣющемъ главной, показной цѣлью облегчить процессъ интенсификаціи крестьянскаго хозяйства—С. Н. Прокоповичъ разсматриваетъ при свѣтѣ экономической и агрономической подготовки разныхъ раіоновъ къ интенсификаціи крестьянскаго хозяйства, въ частности онъ останавливается на зависимости этой интенсификаціи отъ размѣровъ крестьянскаго надѣла и зажиточности крестьянскаго населенія. Въ главахъ объ аргарномъ движеніи 1905-07 гг., занимающихъ цѣлую половину книги—мы находимъ не только сводку матеріаловъ о различныхъ формахъ этого движенія, но и попытку выясненія соціально-экономическихъ его причинъ и послѣдствій. Всѣ эти отдѣлы разсматриваемаго труда могутъ вызывать нѣкоторыя возраженія, но нельзя, кажется намъ, опорочивать самые пріемы трактованія предмета, отъ которыхъ зависитъ и степень основательности выводовъ.

Иное слѣдуетъ сказать о небольшой главѣ, посвященной основному вопросу всей работы—наличности и степени развитія крестьянскаго малоземелья. Многіе авторы задавались цѣлью учета крестьянскаго малоземелья и, за неимѣніемъ сколько-нибудь полныхъ свѣдѣній о числѣ малоземельныхъ домохозяевъ, пытались приближаться къ разрѣшенію поставленной задачи косвенными путями. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ была опубликована работа о землевладѣніи въ 1905 г.,

основаніемъ для которой, на сколько она касается надѣльнаго землевладѣнія крестьянъ, служили свѣдѣнія сельскихъ властей о числѣ домохозяевъ и о площади надѣла каждой земельной общины. Степень обезпеченности крестьянъ различныхъ общинъ землею могла быть, на основаніи этихъ свѣдѣній, измѣряема лишь условно—дѣленіемъ площади надѣла на число домохозяевъ, т. е. указаніемъ средняго двороваго надѣла въ каждой общинѣ. Центральный Статистическій Комитетъ не удовлетворился однимъ этимъ условнымъ выраженіемъ крестьянскаго мало и многоземелья. Онъ, правда, соединилъ всѣ общины уѣзда и губерніи въ группы съ одинаковымъ среднимъ дворовымъ участкомъ, но въ пояснительномъ текстѣ не заявилъ о томъ и сталъ разсматривать выведенные имъ средніе надѣлы какъ индивидуальныя владѣнія, а число домохозяевъ, принадлежащихъ ко всѣмъ общинамъ съ даннымъ среднимъ надѣломъ въ уѣздѣ или въ губерніи, объявилъ числомъ домохозяевъ, владѣющихъ именно такимъ надѣломъ, т. е. поступилъ такъ какъ будто бы земля данной общины или селенія распредѣлена между всѣми владѣльцами поровну. Эта статистическая несообразность, продѣланная спеціальнымъ статистическимъ учрежденіемъ, имѣла, сверхъ ожиданія, большой успѣхъ и, къ сожалѣнію, не только среди чиновниковъ, безразборчивыхъ въ томъ, что является доказательствомъ нужныхъ имъ положеній, но и среди писателей, привыкшихъ, казалось бы, обращаться съ цифрами. И вотъ, изъ различныхъ книгъ читатель узналъ, что наша статистика съумѣла установить самыя подробныя свѣдѣнія о подворномъ распредѣленіи крестьянской земли по всей Россіи, не прибѣгая къ дорогому и кропотливому пути опроса милліоновъ владѣльцевъ, коимъ получались такія свѣдѣнія нѣкоторыми нашими земствами и правительствами цивилизованныхъ государствъ Западной Европы и Америки, Не избѣжалъ соблазна прямого рѣшенія вопросовъ, о количествѣ малоземельныхъ домохозяевъ и о площади не достающей имъ земли и авторъ разсматриваемаго нами труда. Указавъ, что въ статистикѣ землевладѣнія 1905 г. «даны только свѣдѣнія о среднихъ размѣрахъ крестьянскаго двора въ каждой общинѣ, но нѣтъ свѣдѣній о дѣйствительныхъ размѣрахъ каждаго индивидуальнаго двора», и посвятивъ нѣсколько страницъ другимъ недостаткамъ «Статистика Землевладѣнія», г. Прокоповичъ затѣмъ безъ всякихъ оговорокъ и поясненій—точно онъ обрѣлъ совершенно новыя, болѣе пригодныя для него данныя—пишетъ: «чтобы выяснить *дѣйствительный* (курсивъ нашъ) характеръ крестьянскаго землевладѣнія, раздѣлимъ всѣ дворы по даннымъ 1905 г. на пять группъ. Какъ бы для утвержденія того, что здѣсь нѣтъ lapsus linguae, что рѣчь идетъ именно

о группахъ изъ индивидуальныхъ дворовъ, а не о группахъ общинъ съ той или другой средней величиной подворнаго надѣла, не о числѣ домохозяевъ въ такихъ общинахъ, на стр. 11-ой та же мысль выражена еще разъ: въ статистикѣ землевладѣній 1905 г. «мы находимъ по каждой губерніи и уѣзду указаніе числа *домохозяевъ владѣющихъ*» и т. д., а на стр. 9-ой приводится подсчетъ земельныхъ группъ домохозяевъ Европейской Россіи, изъ котораго слѣдуетъ, что домохозяева, владѣющіе менѣе 5 дес. на дворъ, составляютъ 23,3%, отъ 5 до 8 дес.—27% всего числа надѣльныхъ дворовъ и т. д. Эти категорическія утвержденія, безъ поясненія того, что въ сущности это только косвенный путь, за неимѣніемъ другого, и отсутствіе у осторожнаго вообще автора какихъ-либо доводовъ въ пользу предположенія, что распредѣленіе дворовъ въ крупномъ итогѣ (для цѣлой губерніи) по величинѣ средняго надѣла въ общинахъ совпадаетъ до извѣстной степени съ распредѣленіемъ по тѣмъ же нормамъ индивидуальныхъ владѣній—невольно склоняетъ читателя къ маловѣроятному заключенію, что авторъ и самъ принялъ среднія подворныя величины за индивидуальныя. Малоопытный въ статистикѣ читатель будетъ во всякомъ случаѣ полагать, что изъ книги г. Прокоповича онъ почерпнулъ свѣдѣнія о распредѣленіи, по ихъ величинѣ, индивидуальныхъ крестьянскихъ владѣній, а не о числѣ дворовъ въ общинахъ съ различными средними на дворъ участками земли.

В. В.

Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Амфитеатровъ, А. В. Закатъ стараго вѣка. Романъ. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб., 1912 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Боринъ, Я. За родные очаги. (Война 1912 года). Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Москва, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Birkhäuser, R., д-ръ. Практическія свѣдѣнія по глазнымъ болѣзнямъ для врачей не-спеціалистовъ. Пер. съ нѣм. Изд-во «Космосъ». Москва, 1912 г. Цѣна 1 руб.

Вел. кн. Николай Михайловичъ. Петербургскій Некрополь. Томъ второй (Д—Л). Спб. 1912 г.

Вопросы колонизаціи. Періодич. сборн. № 1-й 1912 г. Спб., Цѣна 2 р. 50 коп.

Гассертъ, К. Изслѣдованіе полярныхъ странъ. Пер. подъ ред. проф. Г. И. Танфильева. Одесса, 1912 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Гуревичъ, Б. А. Соціологическій анализъ проблемы мира и первый конгрессъ расъ. Кіевъ, 1912 г.

Д'Оръ, О. Л. Смѣхъ среди руинъ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Историческая записка архангельской Ломоносовской гимназіи (1811—1911). Архангельскъ, 1912 г. Цѣна 2 руб.

Извѣстія общества Толстовскаго музея, №№ 3—4—5. 1911 г. Спб., Цѣна 3 руб.

Кукъ, О. Ф. Улучшеніе хлопчатника селекціей по стеблямъ, листьямъ и коробочкамъ. Пер. съ англ. Л. П. Забѣлло. Подъ ред. А. Е. Любченко. Спб., 1912 г.

Лебедевъ, С. Дружба съ царствомъ растеній. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Ленскій, Вл. Пѣсня крови. Романъ. Спб. Кн-во «Прогрессъ». 1912 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Малининъ, Д. Начало театра въ Калугѣ. Калуга, 1912 г. Цѣна 20 коп.

Мопассанъ-де, Гюи. Полное собраніе сочиненій. Томъ XXX. Спб., 1912 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Муйжель, В. В. Собр. сочин. Томъ VII. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб. 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Назаревскій, М. И., проф. Очерки по исторіи и теоріи коллективно-капиталист. хозяйства. Синдикаты, тресты и комбинир. предпр. Томъ I. Часть I. Очерки по исторіи объединенія американ. промышл. Москва, 1912 г. Цѣна 2 руб. 80 коп.

О творчествѣ въ народѣ. Изданіе Ильина. Симбирскъ, 1912 г. Цѣна 5 коп.

Пажитновъ, К. А. Современная дороговизна на Западѣ и въ Россіи. Харьковъ, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Полежаевъ, Петръ. За шесть лѣтъ (1906—1912 гг.). Спб., 1912 г. Цѣна 25 коп.

Сивицкій, С. Н. Отечественная война въ Прибалтійскомъ Краѣ. Изд. рижскаго пед. о-ва. Рига, 1912 г. Цѣна 80 коп.

Сикорскій, И. А. Основы алкогольной политики въ Россіи. Кіевъ 1912 г. Цѣна 20 коп.

Соловьевъ, В. С. Собр. соч. Томъ шестой. Второе изд. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб., 1912 г. Цѣна 2 руб.

— Заработная плата служащихъ и рабочихъ бак. нефт. района. Цѣна 1 р. 50 к.

— Нефтяная промышл. и торговля зимой 1911—12 года. Цѣна 1 руб.

Чистяковъ, Ив. Страхованіе рабочихъ въ Россіи. Москва, 1912 г. Цѣна 3 руб.

Шпаковъ, А. Я. Государство и церковь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ Московскомъ государствѣ. Царствованіе Ѳеодора Ивановича. Учрежденіе патріаршества въ Россіи. Приложенія. Одесса, 1912 г.

Щировская, Ел. Паукъ. Сборникъ разсказовъ, миніатюръ и пр. Т. II Харбинъ, 1912 г. Цѣна 1 р.

Эрато-Слуцкій, Левъ. Культъ жизни (искусство не старѣть). Кн-во И. И. Самоненко. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 1 руб.

Юницкій, П. Справочникъ по организаціи низшаго промышленнаго образованія въ Россіи. Москва, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Ярошевичъ, А. И. Очерки экономической жизни юго-западнаго края. Вып. V. Крестьянскія плантаціи сахарной свеклы. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 25 коп.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. 42-й. Изд. упр. кавк. уч. окр. Тифлисъ. 1912 г.

Справочная книжка для нефтепромышленниковъ на 1912 г. Изд. сов. с. нефтепр. Баку, 1912 г. Цѣна 2 руб.

Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству по даннымъ 1910 года. Сост. подъ ред. В. В. Морачевскаго. Вып. 12-й, часть I и II. Спб., 1912 г.

Статистическій ежегодникъ. Московской губ. за 1911 г. Москва, 1912 г.

Труды XXX очередного съѣзда нефтепромышленниковъ въ г. Баку. Изд. сов. с. нефтепр. Баку, 1912 г. Цѣна 3 р.

Труды хлопковаго комитета. Т. III. Изд. Департамента Земледѣлія. Спб., 1911 г.

Труды комиссіи по изученію хозяйства юго-западнаго края. Вып. I. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 50 коп.

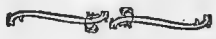
Третья Гос. Дума. Сессія 5-я. Фракція народной свободы въ періодъ 15 окт. 1911 г.—9 іюня 1912 года. Отчетъ и рѣчи депутатовъ. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Успѣхи біологіи. Сборникъ статей о важнѣйшихъ изслѣдованіяхъ послѣдняго времени. Вып. I. Подъ ред. проф. В. В. Завьялова. Одесса, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

1911 г. въ сельскохоз. отношеніи по отвѣтамъ, получ. отъ хозяевъ. Вып. VI. Гл. упр. землеустр. и землед. Спб., 1912 г.

1812 годъ. Записки офицера арміи Наполеона. Москва, 1912 г. Цѣна 25 коп.

Pameti Sokola Parizskeho. 1862—1912. Almanach de la sociètè Theco-Slau de gymnastique. Usporadal V. V. Crkal. Paris, 1912 г.



ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Равнодушіе населенія къ выборамъ въ четвертую Государственную Думу.—Развалъ политическихъ партій, руководившихъ третьей Думой.—Отсутствіе корней въ населеніи у октябристовъ, націоналистовъ и правыхъ.—Смѣхотворная тактика союзниковъ.—Новая политическая группа.—Естественное молчаніе лѣвыхъ организацій. — Мутный туманъ близящихся выборовъ.

Среди лѣтняго затишья газеты приготовились съ особымъ интересомъ наблюдать разгорающуюся предвыборную борьбу въ виду предстоящаго созыва четвертой Государ. Думы. Однако, время идетъ, а въ общей массѣ избирателей творится нѣчто странное.

Главное, повсемѣстное предвыборное настроеніе—равнодушіе. Съ удивленіемъ и негодованьемъ газеты отмѣчаютъ многочисленныя проявленія этого равнодушія. «Русское Слово» создало даже въ своемъ отдѣлѣ телеграфныхъ извѣстій особую рубрику подъ заголовкомъ: «равнодушіе избирателей». И въ этой рубрикѣ ежедневно помѣщается рядъ невеселыхъ телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи. Въ концѣ іюня и въ началѣ іюля сыпались, напримѣръ, изъ множества городовъ и мѣстечекъ такого рода телеграммы. Изъ Тулы: «Несмотря на то, что городской управой данъ срокъ только до 1-го іюля на осуществленіе выборныхъ правъ квартиронанимателей, не платящихъ квартирнаго налога и пользующихся правомъ участія въ выборахъ по довѣренности жены или матери, въ управу подано только одно такое заявленіе. Нужно замѣтить вообще, что замѣтно равнодушіе къ выборамъ».

Изъ Орла: «До сего времени въ орловскую городскую управу не подано ни одного заявленія ни отъ пенсіонеровъ, ни отъ квартиронанимателей о занесеніи ихъ въ списки избирателей по выборамъ въ Государственную Думу по 2-му избирательному съѣзду».

Изъ Пензы: «Среди избирателей, не платящихъ квартирнаго налога, полнѣйшее равнодушіе къ выборамъ. Въ городскую управу отъ нихъ не поступало до сихъ поръ ни одного заявленія о внесеніи въ списки. Отъ другихъ категорій избирателей, обладающихъ нѣсколькими цензами, поступило всего 30 заявленій».

Изъ Севастополя: «Несмотря на призывы подавать заявленія о желаніи участвовать на выборахъ, отъ квартиронанимателей и пенсіонеровъ за цѣлый мѣсяцъ поступило одно только заявленіе».

Изъ Гомеля: «Въ управу не поступило ни одного заявленія отъ избирателей, не платящихъ квартирнаго налога».

Изъ Калуги: «Замѣчается полное равнодушіе избирателей къ предстоящимъ выборамъ въ 4-ю Думу. Несмотря на то, что почти половина назначеннаго срока уже прошла, въ городскую управу не поступило еще ни одного заявленія отъ избирателей, не платящихъ квартирнаго налога. Изъ многочисленной по прежнимъ выборамъ категоріи лицъ, участвовавшихъ въ избирательныхъ собраніяхъ по довѣренностямъ близкихъ родственниковъ, въ настоящее время имѣется всего лишь одно заявленіе. Непростительную халатность проявляютъ управленія сызрано-вяземской и московско-кіево-воронежской жел. дор. До сихъ поръ отъ нихъ не поступало еще списковъ избирателей, несмотря на дважды сдѣланные управою запросы».

Изъ Полтавы: «Наблюдается необыкновенное равнодушіе къ предстоящимъ выборамъ въ Государственную Думу со стороны не-

плательщиковъ квартирнаго налога. За два дня, прошедшихъ со дня опубликованія объявленій о подачѣ заявленій въ городскую управу, поступило всего одно заявленіе. Почти такой же индифферентизмъ наблюдается во всѣхъ уѣздахъ губерніи».

Изъ Павлограда: «Отъ лицъ, заносимыхъ въ избирательные списки по собственному заявленію, въ городскую управу поступило пока одно заявленіе».

Изъ Романова-Борисоглѣбска: «Избирательные списки будутъ, повидимому, состоять исключительно изъ лицъ, зарегистрированныхъ городской и земской управами. Избиратели, включаемые въ списки по собственнымъ заявленіямъ, не воспользовались своимъ правомъ».

Изъ Сызрани: «Замѣчается полное равнодушіе къ выборамъ въ 4-ю Думу. Заявленій отъ квартиронанимателей, не платящихъ налога, не поступало».

Изъ Херсона: «Среди избирателей полное равнодушіе къ выборамъ. Въ городскую управу не поступило ни одного заявленія отъ квартиронанимателей, не платящихъ квартирнаго налога».

Изъ Керчи: «Два раза объявляла городская управа о срокѣ подачи заявленій избирателями, не платящими квартирнаго налога, но результаты оказались ничтожными. До сихъ поръ на призывъ откликнулись лишь два союзника. Срокъ оканчивается 10-го іюля».

Изъ Екатеринодара: «До сихъ поръ въ городскую управу отъ избирателей, не платящихъ квартирнаго налога, подано лишь одно заявленіе,—мѣстнымъ извозчикомъ».

Изъ Вятки: «До сего времени въ городскую управу поступило всего два заявленія отъ не платящихъ квартирнаго налога. Въ уѣздахъ наблюдается еще большее равнодушіе къ выборамъ».

Изъ Бѣлгорода: «Въ городскую управу не поступало ни одного заявленія отъ избирателей, не платящихъ квартирнаго налога и пенсіонеровъ. Составленіе списковъ заканчивается».

Изъ Сарапула: «Въ городскую управу поступило всего одно заявленіе отъ квартиронанимателя, не платящаго квартирнаго налога, а между тѣмъ Сарапулъ—городъ съ 30-тысячнымъ населеніемъ, преимущественно трудящимся людомъ, занимающимъдешевыя квартиры»

Изъ Новониколаевска: «Среди избирателей, не платящихъ квартирнаго налога, полнѣйшее равнодушіе къ выборамъ. По 5-е іюля подано всего одно заявленіе. Управа противозаконно прекратила пріемъ заявленій».

Изъ Симферополя: «Изъ губерніи идутъ свѣдѣнія о полномъ равнодушіи населенія къ думскимъ выборамъ. Заявленій отъ мел-

кихъ квартирантовъ и пенсіонеровъ не поступаетъ совершенно. Лишь одно духовенство ведетъ усиленную агитацію».

И такъ далѣе, и такъ далѣе. Ежедневно рядъ телеграммъ, единодушно отмѣчающихъ повсемѣстное равнодушіе избирателей къ близящимся выборамъ.

Въ такомъ же духѣ свѣдѣнія и другихъ газетъ о предвыборномъ настроеніи провинціи. Изъ Чернигова, напримѣръ, сообщаютъ «Русскимъ Вѣдомостямъ»: «Въ половинѣ іюня губернаторъ обратился въ мѣстную городскую управу съ предложеніемъ, на основаніи телеграммы къ нему и циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, приступить немедленно къ составленію списковъ по выборамъ въ Государственную Думу и къ 15-му іюля представить ихъ ему. Городская управа немедленно приступила къ составленію списковъ, назначивъ 1-е іюля крайнимъ срокомъ подачи ей соотвѣтствующихъ закону о выборахъ заявленій и свѣдѣній, при чемъ объявленіе объ этомъ было расклеено только на городскихъ столбахъ и въ нѣкоторыхъ общественныхъ и казенныхъ учрежденіяхъ, но нигдѣ въ газетахъ не было напечатано. Прошло уже болѣе недѣли, а въ управу въ результатѣ этого до сихъ поръ не поступило никакихъ заявленій, видимо, какъ вслѣдствіе плохой освѣдомленности населенія, такъ, несомнѣнно, и вслѣдствіе значительно рѣзко выраженнаго индифферентизма населенія къ выборамъ въ Государственную Думу».

Той же газетѣ сообщаютъ изъ Ревеля: «Выборы депутатовъ въ первыя двѣ Государственныя Думы среди эстонцевъ прошли съ большимъ оживленіемъ. Не то теперь. Хотя до выборовъ осталось около двухъ мѣсяцевъ, но ни въ печати, ни въ обществѣ не наблюдается какого-либо политическаго оживленія. Такія условія создалъ законъ 3-го іюня и послѣдовавшія за нимъ сенатскія разъясненія: для эстонцевъ остались лишь мѣста по крестьянской куріи, но и тутъ созданы условія, исключающія возможность широкаго развитія избирательной кампаніи. Такъ, мало того, что подавляющее большинство крестьянъ-собственниковъ устранено изъ землевладѣльческой куріи, но для того, чтобы имѣть право участія въ волостныхъ выборахъ, обязательно необходимо въ теченіе по крайней мѣрѣ года жить на своемъ усадебномъ участкѣ и вести хозяйство. Это требованіе устраняетъ отъ избирательной кампаніи по крестьянской куріи многихъ интеллигентовъ (врачей, присяжныхъ повѣренныхъ, агрономовъ и др.), которые имѣютъ свои усадьбы и приписаны къ волостямъ, но по характеру своей профессіи живутъ въ городахъ».

Харьковское «Утро» отмѣчаетъ отсутствіе интереса къ выбо-

рамъ въ городахъ своего района. Изъ Кременчуга, напримѣръ, пишутъ газетѣ: «Равнодушіе массы населенія къ предстоящимъ выборамъ въ Государственную Думу совершенно исключительное. За двѣ недѣли со времени опубликованія управой призыва къ избирателямъ о подачѣ заявленій объ избирательныхъ правахъ со стороны квартиронанимателей, не платящихъ квартирнаго налога, заявился одинъ, да и тотъ не представилъ требуемаго закономъ удостовѣренія полиціи, такъ что онъ не былъ занесенъ въ списки. Подано еще три заявленія отъ другихъ категорій избирателей. А послѣдній срокъ управой установленъ 5 іюля, такъ что для лицъ, не уплачивающихъ квартирнаго налога, осталось въ распоряженіи нѣсколько дней на установленіе своихъ избирательныхъ правъ. Повидимому, эта категорія избирателей на второмъ съѣздѣ вовсе не будетъ представлена».

Полтавскій корреспондентъ той же газеты сообщаетъ: «Равнодушіе жителей пока полнѣйшее. Ни одинъ квартиронаниматель не позаботился объ использованіи своихъ правъ подачей заявленія въ гор. управу. О равнодушіи обывателей сообщаютъ также и изъ уѣздныхъ городовъ Полтавской губерніи».

Въ нѣкоторыхъ газетахъ печатаются укоризненныя статьи по адресу апатичныхъ избирателей. Населеніе стараются призвать къ «выполненію гражданскаго долга,» упрекаютъ его въ лѣни, въ косности.

Но дѣло, разумѣется, далеко не въ одной косности. Причины глубже и печальнѣе. Мелкій избиратель знаетъ и чувствуетъ, до какой ничтожной, безпомощной степени сведена его роль правилами 3 іюня, всяческими «разъясненіями» высшаго начальства и кустарнымъ усердіемъ низшей администраціи. А еще важнѣе то обстоятельство, что, ничего не получивъ за пять долгихъ лѣтъ отъ третьей Думы, не смотря на всю ея «прочность», мелкій избиратель ничего не надѣется получить и отъ четвертой Думы. Избиратель видитъ и чувствуетъ, что наша политическая жизнь вступила въ длинную полосу сѣрыхъ, унылыхъ будней, въ полосу мелкихъ дѣлъ и мелкаго хвастовства «національныхъ» дѣятелей, тогда какъ страна задыхается въ тщетномъ ожиданіи крупныхъ, основныхъ реформъ.

Поэтому въ молчаливомъ равнодушіи населенія кроется трагическая нота, которая во всякую минуту можетъ смѣнить молчаніе конвульсіями гнѣва или крикомъ отчаянія.

И общество, въ сущности, не поражается изумленіемъ, когда читаетъ въ томъ же «Русскомъ Словѣ», рядомъ съ рубрикой «равнодушія избирателей», такого, напримѣръ, рода телеграмму: «Въ Брянскѣ сошла съ ума 19-лѣтняя дѣвушка Марія Солдатова. Пунктъ

ея помѣшательства — современное политическое состоянiе Россiи, которое ей рисуется въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Больная отправлена въ психiатрическую больницу».

Общество уже не чувствуетъ недовѣрiя къ такимъ страннымъ сообщенiямъ. Увы, уже доказано, что въ той страшной эпидемiи самоубiйствъ, которая все еще катится черезъ россiйскую равнину, въ числѣ основныхъ причинъ играетъ не послѣднюю роль политическое удушье, навалившееся на Россiю.

Конечно, утопающiй хватается и за соломинку. И населенiе, несомнѣнно, ухватилось бы за четвертую Думу, если бы вдали мерцала хоть слабая надежда на то, что она не будетъ похожа на свою безславную предшественницу. Населенiе, не безъ основанiя, не возлагаетъ надеждъ на четвертую Думу. И положенiями 3-го iюня, и стараніями администрацiи выборы обставлены такимъ образомъ, что четвертая Дума должна быть копiей третьей. Тѣ же лица, тѣ же Марковы, Пуришкевичи, Родзянки, Крупенскiе и ихъ соратники, собравшись, выберутъ другъ друга, такъ какъ имъ однимъ благопрiятствуютъ условiя выборовъ.

Безнадежное равнодушiе населенiя, имѣющее законныя основанiя, надо считать, поэтому, не временнымъ и не случайнымъ. Подъ его влiянiемъ замираетъ еле пробудившаяся легальная политическая жизнь страны, а политическiя чаянiя направляются въ обходъ тѣмъ путямъ, по которымъ влачится «нацiональная» Дума.

Если почти окончательно разорвалась органическая связь Думы съ широкими массами населенiя, то, естественно, и всѣ элементы, составляющiе Думу, т. е. всѣ находившiяся въ ней партiи и фракцiи, должны были почувствовать эту оторванность.

Такъ оно и оказалось. Предвыборная кампанiя обнаруживаетъ, что всѣ главныя партiи Думы не имѣютъ почти никакихъ корней въ населенiи. Онѣ разложились немедленно послѣ смерти Думы.

Газеты сообщаютъ, напримѣръ, объ октябристахъ: «Въ центральный комитетъ октябристовъ стали поступать свѣдѣнiя о ходѣ избирательной кампанiи въ провинцiи. Свѣдѣнiя эти, рисующiя картину предвыборной борьбы въ губернiяхъ Таврической, Херсонской и Харьковской, сообщаютъ о невозможности вести избирательную кампанiю самостоятельно. Партiйная организацiя октябристовъ въ этихъ губернiяхъ оказалась настолько численно ничтожной и слабой, что не въ состоянiи выдѣлить изъ своей среды даже избирательные комитеты. Считаясь съ своимъ безсилiемъ, провинцiальные октябристы настаиваютъ на блокѣ съ правыми и нацiоналистами, совершенно отвергая блоки съ прогрессивными группами».

Курскiй корреспондентъ «Русскаго Слова» иронически пишетъ:

«Петербургскія газеты сообщили, что при выборахъ въ Государственную Думу мѣстные октябристы будутъ голосовать вмѣстѣ съ прогрессистами. Сообщеніе это вызываетъ полное недоумѣніе. Какъ могутъ выступать «мертвыя души»? Октябристовъ Курская губернія не слышитъ и не видитъ уже около пяти лѣтъ. Пять лѣтъ тому назадъ въ Курскѣ былъ одинъ октябристъ—докторъ Амощенко. Весь октябристскій отдѣлъ состоялъ изъ одного человѣка. Онъ былъ и предсѣдателемъ, и членомъ, и сторожемъ отдѣла. Амощенко уѣхалъ въ Москву, а вмѣстѣ съ нимъ уѣхала и партія октябристовъ. Съ тѣхъ поръ объ октябристахъ ничего не слышно...»

Изъ Казани сообщаютъ «Русскимъ Вѣдомостямъ»: «Теперь октябристы въ Казани—бывшіе люди. Когда о нихъ заводишь разговоръ среди союзниковъ, то тамъ говорятъ:—Бывшіе, такъ называемые старые октябристы, собственно, всѣ правые.—Такъ вотъ эти «такъ-называемые», «бывшіе» основали въ Казани русско-національный клубъ. При немъ же организовался и русскій избирательный комитетъ; эти два учрежденія собственно сливаются вмѣстѣ. Горячее участіе принялъ въ организаціи клуба депутатъ Сазоновъ. Въ русско-національный клубъ вступилъ и предсѣдатель казанскаго отдѣла октябристовъ, проф. Н. Ф. Высотскій. По словамъ проф. Залѣсскаго, вокругъ русско-національнаго клуба объединились лица, мечтающія попасть въ Думу. Вошло въ клубъ всего человѣкъ пятнадцать. Проф. Залѣсскій образно опредѣлилъ мнѣ причины образованія октябристами русско-національнаго клуба: — Суда передъ битвой окрашиваются въ другой цвѣтъ. Такъ октябристы. Въ настоящемъ видѣ у нихъ нѣтъ надежды пройти въ Государственную Думу.

Партія «націоналистовъ», на которую въ настоящее время правительство склонно глядѣть съ поощреніемъ и надеждой, считается болѣе молодой и болѣе крѣпкой, но и въ ней отмѣчаются явные признаки разложенія. Кіевскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» пишетъ: «Кіевскія «патріотическія» организаціи, благодаря своимъ послѣднимъ «громкимъ» выступленіямъ, привлекаютъ теперь къ себѣ вниманіе. Въ виду этого обстоятельства нелишне привести нѣкоторыя данныя, рисующія жизнь этихъ организацій въ будничной обстановкѣ. Въ частности, интересно прослѣдить, соотвѣтствуютъ ли ихъ численность и финансовое положеніе производимому ими шуму. По вопросу о финансовомъ положеніи мѣстныхъ «патріотическихъ» организацій имѣются довольно любопытныя свѣдѣнія. «Кіевскій отдѣлъ Русскаго собранія», какъ видно изъ его отчета, имѣлъ въ 1906 г. (годъ его основанія) 95 членовъ; членскихъ взносовъ поступило 595 р. Интересъ къ «Русскому собранію»

въ слѣдующемъ 1907 г. значительно ослабѣлъ; число членовъ сократилось на 25%, а членскіе взносы дали кассѣ только 375 р. Въ 1908 г. членовъ насчитывалось 61 человѣкъ, отъ которыхъ поступило 305 руб. Въ 1909 г. членовъ насчитывалось уже только 44. Въ 1910 г. членскихъ взносовъ поступило 225 р. Наконецъ, въ 1911 г. членскихъ взносовъ поступило всего 30 рублей. Послѣ этого «Русскому собранію» оставалось или отыскать себѣ новаго богатаго «покровителя» или закрыться; не найдя покровителя, собраніе закрылось. Пришедшій къ нему на смѣну «кіевскій клубъ русскихъ націоналистовъ» тоже не можетъ похвалиться блестящимъ состояніемъ своихъ финансовъ. На агитацію во время послѣднихъ выборовъ въ городскую думу «клубъ» получилъ 1.000 руб. отъ «кіевскаго собранія домовладѣльцевъ». Нынѣ, въ виду приближенія выборовъ въ Государственную Думу, клубъ націоналистовъ снова хотѣлъ поживиться за счетъ средствъ собранія домовладѣльцевъ, но на этотъ разъ попытка успѣхомъ не увѣнчалась. Домовладѣльцы не только отказались субсидировать націоналистовъ, но и провалили всѣхъ ихъ кандидатовъ въ старшины и предсѣдатели собранія. По тому унынію, которое воцарилось среди мѣстныхъ націоналистовъ послѣ этого провала, можно судить о степени неутѣшительности ихъ финансоваго положенія».

О слабосиліи «націоналистовъ» въ Кіевской губерніи свидѣтельствуетъ отчасти и та безцеремонность, съ которою расправляются съ ними главные рыцари нынѣшнихъ выборовъ—священники, хотя роль послѣднихъ, какъ надѣется правительство, и сводится главнымъ образомъ къ тому, чтобы создать «національную» Думу. Телеграмма изъ Кіева гласитъ: «Раздоры между духовенствомъ и націоналистами изъ-за количества мѣстъ священникамъ въ Думѣ кончились тѣмъ, что духовенство рѣшило оставить кандидатуру Трегубова, отвергаетъ предложенныхъ націоналистами священниковъ Митроцкаго и Ниселенко и избираетъ своихъ пять кандидатовъ. Рѣшено провести по губерніи непремѣнно шесть священниковъ».

Невесело положеніе націоналистовъ и въ Минскѣ. Мѣстный корреспондентъ сообщаетъ: 15-го іюня прекратилось черносотенное «Минское Слово», основанное покойнымъ Густавомъ Шмидомъ, изгнаннымъ изъ третьей Думы. Въ послѣднее время «Минское Слово» было органомъ мѣстныхъ націоналистовъ. Среди нихъ произошелъ расколъ, и они разбились на двѣ партіи: «архіерейскихъ» и «губернаторскихъ». «Минское Слово» было органомъ первыхъ, послѣдніе же основали свой органъ «Минскія Вѣдомости», причемъ обѣ газеты получали субсидіи отъ петербургскихъ націоналистовъ. Должно быть, субсидировать двѣ газеты въ Минскѣ оказалось націоналистамъ не

подъ силу, тѣмъ болѣе, что и субсидіи требовались не малыя, такъ какъ обѣ газеты имѣли крайне ограниченные круги читателей. «Минскому Слову» давно уже урѣзали подачки, но все же оно существовало благодаря поддержкѣ покойнаго архіепископа Михаила. Вступившій въ управленіе епархіей викарный епископъ Іоаннъ заявилъ редактору «Минскаго Слова» Скрынченко (онъ же предсѣдатель «архіерейскихъ» націоналистовъ), что надо бросить старую политику вражды съ «губернаторскими» націоналистами, что надо объединиться, ибо выборы близки и расколомъ могутъ воспользоваться «жиды и поляки». Была образована «комиссія» въ составѣ епископа Іоанна, вице-губернатора Ченыкаева и предсѣдателя губернской земской управы Б. Н. Самойленко, которая и выработала условія объединенія обѣихъ націоналистическихъ газетъ. Для г. Скрынченко эти условія оказались непріемлемыми. Тогда еп. Іоаннъ заявилъ ему о прекращеніи отпуска епархіальныхъ средствъ на его изданіе. Г. Скрынченко въ отвѣтъ на это выпустилъ послѣдній нумеръ, въ которомъ, опредѣленно указывая на прекратившуюся поддержку изъ епархіальныхъ источниковъ, винитъ въ смерти его газеты мѣстныя власти. За нападки на послѣднихъ нумеръ былъ конфискованъ».

Вмѣсто подъема дѣятельности, естественнаго для боевого предвыборнаго періода, полное оскудѣніе силъ наблюдается и среди отдѣловъ «союза русскаго народа». Изъ Саратова, напримѣръ, сообщаютъ «Русскимъ Вѣдомостямъ»: «Мѣстный отдѣлъ союза русскаго народа, проявлявшій весной признаки жизнедѣятельности и пытавшійся устраивать еженедѣльныя политическія собранія, съ наступленіемъ лѣта совсѣмъ замеръ. «Тихо» съ союзнической дѣятельностью и въ предѣлахъ губерніи. Изрѣдка лишь союзные дѣятели проявляютъ себя какимъ-либо не лишеннымъ колоритности выступленіемъ, имѣющимъ цѣлью уловленіе простодушныхъ обывателей. О такомъ выступленіи сообщаютъ, напримѣръ, «Саратовскому Вѣстнику» изъ Аткарска. Хотя зарегистрированнаго союза въ Аткарскѣ нѣтъ, но отдѣльные союзные дѣятели имѣются и тамъ. Наиболѣе виднымъ изъ нихъ является одинъ старьевщикъ, носящій звучное прозвище «Точеный». Въ 1909—1911 гг. среди населенія не замѣчалось ни союзнической литературы, ни пропаганды. Но въ текущемъ году, когда заговорили о выборахъ въ 4-ю Думу, «Точеный» принялся за пропаганду. Въ городѣ появились каррикатуры на евреевъ и союзническія «прокламаціи», въ которыхъ обѣщалось сокращеніе рабочаго дня, надѣленіе землей и т. п. Однако проповѣдь «Точенаго» не имѣла успѣха среди городскихъ обывателей. Тогда онъ перенесъ свою дѣятельность въ деревню. За запись въ члены союза, оплачиваемую всего гривенникомъ, «Точеный» обѣщалъ

крестьянамъ всякія блага въ будущемъ. Особенно отзывчивыми на зазыванія «Точенаго» оказались крестьяне с. Чемизовки. За одинъ день въ союзъ записалось около половины села. Чтобы не терять времени, крестьяне одновременно съ записью въ союзъ стали составлять списки желающихъ получить даромъ высшее крестьянское благо—землю. Получилось «броженіе умовъ», закончившееся пріѣздомъ въ Чемизовку земскаго начальника. Разочарованные земскимъ начальникомъ въ своихъ надеждахъ на полученіе земли, крестьяне взяли обратно свои гривенники».

Характерно, что «союзники» въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи уже неоднократно примѣняли этотъ «революціонный» методъ агитаціи среди крестьянскаго населенія—обѣщаніе даровой нарѣзки земли. Въ этомъ сказывается не только странная юмористика этой вообще смѣхотворной организаціи, сумбурно дѣйствующей невѣдомо во имя чего, и невѣдомо для чего, но и полная пустота собственной программы «союза русскаго народа». Выступать на политическую арену необходимо съ какими-нибудь реальными заданіями; не имѣя ихъ, «союзъ русскаго народа» хватается, въ случаѣ нужды, за что придется. Конечно, подобнаго рода политическая партія ни серьезнаго значенія, ни серьезной жизни имѣть не можетъ.

Также жалки и другіе, однородныя съ «союзомъ русскаго народа» организаціи. «Плохо обстоитъ дѣло,—пишетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» изъ Кіева,—въ «содружествѣ» патріотической молодежи «Двуглавый орелъ», прославившемся недавними избіеніями сотрудниковъ и нападеніями на редакціи прогрессивныхъ газетъ. Какъ теперь выяснилось, «содружество» держится почти исключительно доброхотными даяніями... чиновъ мѣстной полиціи. Такъ, одинъ околоточный надзиратель внесъ въ «содружество» 300 р. и зачисленъ за это въ почетные члены организаціи. На одномъ изъ послѣднихъ празднествъ, устроенныхъ «содружествомъ» въ ознаменованіе шестой годовщины своего существованія, за оркестръ музыки, игравшей на празднествѣ, пришлось заплатить одному полицейскому, такъ какъ у «содружества» денегъ на это не хватило. Достойно завершаетъ картину мѣстнаго патріотическаго «оскудѣнія» слѣдующій эпизодъ изъ жизни кіевскаго отдѣла «союза имени Михаила Архангела». 16-го мая судебнымъ приставомъ продано съ публичнаго торга имущество этого отдѣла—столы, стулья, картины, шкафы и пр.,—оцѣненное въ 140 р. 20 к. Имущество продано для удовлетворенія иска домохозяина, которому «отдѣлъ» больше года не платилъ за квартиру. Такова дѣйствительная «мощь» кіевскихъ «патріотическихъ» организацій, такъ много шумѣвшихъ за послѣднее время».

Можетъ быть, именно вслѣдствіе того, что третья Дума скомпрометировала всѣ партіи, руководившія ею, населеніе проявляетъ нѣкоторый интересъ къ нарождающейся политической группѣ «прогрессистовъ». Такъ напримѣръ, изъ Царицына сообщаютъ «Русскимъ Вѣдомостямъ»: «На дняхъ здѣсь происходило совѣщаніе группы прогрессивныхъ избирателей по вопросу о выборахъ въ 4-ю Думу. Совѣщаніе высказалось за необходимость, по тактическимъ соображеніямъ, проводить избирательную кампанію подъ флагомъ «безпартійнаго прогрессизма». Для руководства выборной кампаніей избранъ предвыборный комитетъ. Намѣчены также и кандидаты въ выборщики, но имена ихъ держатся пока въ секретѣ. Кандидатъ въ Думу еще не намѣченъ. Возможнымъ кандидатомъ называютъ, между прочимъ, члена 3-й Думы И. С. Розанова».

Изъ Таганрога телеграфируютъ «Русскому Слову»: «Прогрессивные элементы проявляютъ жизнь. Организуется внѣпартійная прогрессивная группа, которая выставляетъ по 1-й куріи кандидатуру бывшаго предводителя дворянства Егорова. Въ городѣ и въ округѣ выставляетъ свою кандидатуру и бывшій городской голова Іордановъ. Однако, въ округѣ больше шансовъ у депутата Черницкаго. Приказчики и мелкіе служащіе образуютъ внѣпартійную группу, которая, повидимому, войдетъ въ соглашеніе съ хозяевами торговыхъ заведеній. Этотъ блокъ представитъ собою тогда солидную силу и отдастъ свои голоса защитнику торговыхъ интересовъ. Среди націоналистовъ и союзниковъ—полный разладъ. Приверженцевъ ихъ почти не имѣется въ Таганрогѣ».

Пріятнымъ симптомомъ можетъ служить для прогрессистовъ и тотъ маленькій успѣхъ, который они имѣли кое-гдѣ на земскихъ выборахъ.

Изъ Коломны, напримѣръ, сообщаютъ: «16-го іюня происходили выборы гласныхъ коломенскаго уѣзднаго земскаго собранія. Нельзя не отмѣтить усиленнаго сравнительно съ прошлыми годами интереса къ выборамъ, проявленнаго мелкими землевладѣльцами, которые явились на избирательный съѣздъ въ значительномъ числѣ и избрали 6 уполномоченныхъ, что имѣло большое вліяніе на результатъ выборовъ въ гласные. Составъ гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, за малыми исключеніями, остался прежній; большинство состоитъ изъ дѣятелей прогрессивнаго направленія. Участвовавшія на выборахъ нѣсколько лицъ, принадлежащихъ къ крайнимъ правымъ организаціямъ, получили такое незначительное число записокъ, что уклонились отъ баллотировки».

Изъ Орла «Русскому Слову» телефонируютъ: «Состоялись выборы уполномоченныхъ для избранія гласныхъ орловскаго уѣзд-

наго земства. На выборы явилось небывалое до сего число избирателей, какъ мелкихъ дворянъ по первому съѣзду, такъ и разночинцевъ по второму съѣзду. Избраны прогрессисты и крестьяне. Ярые правые, видя успѣхъ прогрессистовъ, избранныхъ подавляющимъ большинствомъ, сняли свои кандидатуры».

Но, конечно, изъ этихъ частичныхъ сообщеній нельзя дѣлать широкихъ оптимистическихъ выводовъ. Во-первыхъ, земское дѣло ближе къ населенію, чѣмъ Гос. Дума, и въ него оно еще не вполнѣ извѣрилось (хотя земства и попали за послѣдніе годы въ руки тѣхъ же націоналистовъ, октябристовъ и союзниковъ), а во-вторыхъ, даже и на этихъ земскихъ выборахъ все же главная побѣда, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, одерживается въ большинствѣ уѣздовъ правыми элементами. Законъ и здѣсь приготовилъ для нихъ привилегированныя условія выборовъ, облегчающія ихъ побѣду.

О предвыборной дѣятельности въ провинціи лѣвыхъ организацій, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, въ газетахъ почти ничего не отмѣчается. Если даже и совершаются здѣсь какія-либо подготовленія къ выборамъ, то осторожнѣе объ этомъ умалчивать, потому что достаточно, напримѣръ, газетамъ указать, что такой-то дѣятель намѣчается кандидатомъ въ депутаты Думы отъ оппозиціонныхъ группъ, какъ неминуемо на него обращаются всяческія «разъясненія», въ результатѣ которыхъ злополучный кандидатъ или исключается изъ списковъ, или высылается изъ губерніи, или чувствуетъ давленіе по службѣ, или попадаетъ неожиданно подъ судъ по фантастическому дѣлу.

Наиболѣе шумно, открыто, побѣдоносно готовится къ выборамъ духовенство.

Въ остальномъ населеніи все спутано, задавлено стараніями оффиціальныхъ политиковъ. И въ этомъ мутномъ, нездоровомъ туманѣ должна родиться четвертая Государственная Дума.

И. Жилкинъ.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Видимая сторона предвыборной кампаніи и прорывающіеся наружу признаки настроенія избирателей.—Общія и индивидуальныя предвыборныя «мѣропріятія».—Дѣло графа Уварова.—«Разъясненіе» евреевъ.—Убійство въ ессентукскомъ паркѣ.—Ссылка на необходимую оборону.—Какъ долженъ быть разслѣдованъ бунтъ въ Ташкентскомъ лагерѣ?—Изъ итоговъ и наслѣдія третьей Думы.

Пока-что, ходъ предвыборной кампаніи обрисовывается въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ. Всѣхъ болѣе обнаруживаетъ энергіи по прежнему духовенство. Власть церковная, въ сложныхъ заботахъ о приближеніи Государственной Думы къ всеепархіальному съѣзду православныхъ священниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ о политическомъ составѣ депутатовъ-мірянъ, проявляетъ столько напряженія и усердія, что далеко оставила позади себя власть свѣтскую. Между правительствомъ и вѣдомствомъ православнаго исповѣданія, на почвѣ подготовки предстоящихъ выборовъ, возникъ даже конфликтъ. Это не значитъ, конечно, что правительство, помня законы и основные, и уголовные, въ выборную кампанію рѣшило не вмѣшиваться. Еще передъ выборами во вторую Думу принципъ невмѣшательства былъ съ негодованіемъ отвергнутъ, какъ показатель «паралича власти». И съ тѣхъ поръ принципъ «не запугаете!»—сталъ основой правительственной дѣятельности также и въ выборномъ дѣлѣ. Но свѣтская власть, все-таки, дѣйствуетъ менѣе открыто и не такъ прямолинейно, какъ церковная. Она хоть видъ дѣлаетъ, что съ чѣмъ-то считается изъ написаннаго въ законахъ.

Среди политическихъ партій тонъ предвыборной энергіи понижается справа на лѣво. Союзники всѣхъ толковъ шумятъ, намѣчаютъ кандидатовъ и торгуются съ націоналистами. Націоналисты шумѣли весной, а теперь притихли,—очевидно, въ увѣренности, что при блокѣ съ губернаторами имъ, во-первыхъ, нѣтъ надобности тратить энергію, а, во-вторыхъ, какъ будто и смѣшно. Много ли значатъ лекціи гр. Бобринскаго или воронежскаго Бернова и даже писанья Меньшикова сравнительно съ тѣмъ, что тихо и безъ оказательствъ могутъ сдѣлать губернаторы? Объ октябристахъ слышно еще менѣе. Недавнихъ гордыхъ руководителей третьей Думы всѣ какъ-то вдругъ забыли. Кое-когда развѣ промелькнетъ извѣстіе, что

гдѣ-то націоналисты рѣшили идти вмѣстѣ съ октябристами, а гдѣ-то—врозь. Или архіерей вдругъ напомнитъ о нихъ въ инструкціи, предписывающей священникамъ-избирателямъ «ни въ какомъ случаѣ не давать голосовъ октябристамъ, какъ врагамъ церкви». Еще напоминалъ объ октябристахъ г. Бобрищевъ-Пушкинъ, опровергавшій полученіе партіей отъ кого-то какого-то милліона. Далѣе влѣво идутъ уже не партіи, а «преступныя сообщества», и, само-собою разумѣется, никакой обычной предвыборной пропаганды не производится. Обыватель же «забастовалъ». Изъ тысячъ, а гдѣ и десятковъ тысячъ пенсіонеровъ и квартиронанимателей, не платящихъ квартирнаго налога, заявили о своихъ правахъ единицы.

Все это, однако, только видимая сторона кампаніи. И судить по ней о результатахъ, а тѣмъ болѣе о господствующемъ предвыборномъ настроеніи,—совершенно невозможно. Отсутствіе заявленій о своихъ избирательныхъ правахъ со стороны избирателей, отъ которыхъ по «разъясненіямъ» такія заявленія требуются, если и можно считать признакомъ пассивности, то не иначе, какъ съ весьма существенными оговорками. Самая настойчивая людская активность имѣетъ предѣлъ. Въ Кіевѣ, какъ сообщали «Русскія Вѣдомости», «при попыткахъ добиться удостовѣренія о выборномъ цензѣ, мелкіе квартиронаниматели встрѣчаютъ всяческія препятствія. Приставъ отсылаетъ ихъ къ околоточному; послѣдній учиняетъ допросъ, кого намѣренъ выбрать, участвуетъ ли въ организаціяхъ, знакомъ ли съ союзниками. Выдача удостовѣренія откладывается до наведенія таинственныхъ справокъ». Въ Петербургѣ одинъ мелкій квартиронаниматель писалъ въ газетахъ, что за полученіемъ удостовѣренія о наймѣ квартиры на свое имя въ теченіе годичнаго срока онъ ходилъ въ полицейскій участокъ семь разъ. Честь ему и хвала! Но онъ проявилъ уже не ту активность, отсутствіе которой свидѣтельствуетъ о пассивности, а ту, которая граничитъ съ геройствомъ. Побывать маленькому человѣку, въ качествѣ просителя, семь разъ въ полицейскомъ участкѣ—это дѣйствительно геройство. Это значитъ потерять семь рабочихъ дней. Это значитъ семь разъ просиживать долгіе часы въ ожиданіи всѣхъ чиновъ участка, начиная съ паспортиста и кончая приставомъ, встрѣчать косые взгляды и читать въ нихъ выразительную угрозу въ родѣ: «погоди, ужо»! Это значитъ рисковать спокойствіемъ обывательской жизни на долгое время, обречь себя на вѣчную заботу—въ порядкѣ ли паспорты у прислуги, не вынесено ли на черную лѣстницу помойное ведро и т. д. и т. д. Къ концу періода составленія списковъ появился циркуляръ о незамедлительной выдачѣ полиціей удостовѣреній. И задержку циркуляра полиція учла безъ всякихъ даже особыхъ указаній. Годы

«успокоенія» отлично воспитали нашу полицію, вплоть до урядниковъ, въ смыслѣ развитія политическаго чутья. Она уже сама понимаетъ, чего начальство не желаетъ «поощрять». А обыватель тоже понялъ, что послѣ конституціи всякая ссора съ полиціей и всякое отъ нея домогательство сулятъ еще болѣе житейскихъ непріятностей, чѣмъ было прежде.

Что касается отсутствія предвыборной пропаганды со стороны «преступныхъ сообществъ», то ее длительно и, какъ теперь оказывается, съ полнымъ успѣхомъ компенсировали пять лѣтъ «плодотворной» работы третьей Думы. Вездѣ и всюду съ исключительнымъ сочувствіемъ встрѣчена мысль о безпартійномъ единеніи оппозиціи. Земскіе выборы проходятъ уже далеко не съ тѣмъ полнымъ торжествомъ правыхъ, какъ было шесть лѣтъ и три года назадъ. Присоединяться къ націоналистамъ обыватели, въ общемъ далекіе отъ политики и особенно отъ политики лѣвой, отказываются по весьма характерному соображенію, которое они опредѣляютъ однимъ словомъ: «засмѣютъ».

Съ весны еще, по всѣмъ уѣзднымъ городамъ, какъ извѣстно, былъ отданъ если не приказъ, то лозунгъ образовывать отдѣлы всероссійскаго національнаго союза. Докатился этотъ лозунгъ и до нѣкоего небольшого города подмосковнаго раіона. Изъ «губерніи» пріѣхалъ организаторъ, онъ же лекторъ. На улицахъ появились афиши, приглашавшія пожаловать на лекцію о націонализмѣ и о національномъ союзѣ. Входъ былъ объявленъ безплатный. Организаторъ, прежде всего, обратился къ проживающему въ городѣ разбитому параличемъ сановнику не у дѣлъ. Сановникъ горячо отозвался и обѣщалъ дать «патріотическому» дѣлу свою фирму. Отъ имени его и лектора купечеству и зажиточному мѣщанству были разосланы повѣстки съ приглашеніемъ прибыть на учредительное собраніе отдѣла союза. Афиши и повѣстки, конечно, сдѣлались событіемъ дня. Поднялись разговоры, споры. Но какъ-то вдругъ все больше обыватели стали смѣяться. Вслѣдъ за лекторомъ, изъ «губерніи» же пришла вѣсть, что онъ—не то бывшій становой, не то бывшій помощникъ исправника, пострадавшій за «правду», нынѣ состоящій при губернаторской канцеляріи и спеціализировавшійся по части націонализма. По адресу сановника тоже заговорили съ улыбками. На лекцію не пришло ни одного человѣка. «По болѣзни лектора», чтеніе было отмѣнено и перенесено на другой день, о чемъ оповѣстили новыя афиши. На учредительное собраніе прибылъ и тутъ же вступилъ въ отдѣлъ національнаго союза владѣлецъ въ городѣ квасовареннаго заведенія. Вдвоемъ съ сановникомъ и при участіи организатора, они произвели выборы: са-

новника—въ предсѣдатели, квасника—въ казначеи. Афиши на вторую лекцію уже не только были расклеены по городу, но разносились по лавкамъ и по домамъ. Эта мѣра собрала пять человѣкъ. Лекція опять не состоялась, и лекторъ уѣхалъ. На вопросъ: почему они хоть изъ любопытства не пошли ни къ сановнику, ни на лекцію? — купцы неизмѣнно отвѣчали: «никакъ невозможно было; засмѣютъ».

Въ политикѣ нѣтъ ничего губительнѣе смѣха. И можно съ увѣренностью считать, что если націонализмъ и націоналисты сдѣлались предметомъ уѣзднаго обывательскаго смѣха, то дѣло, такъ пышно обставленное и такъ широко задуманное конгломератомъ изъ покойнаго П. А. Столыпина, г.г. Балашева и Крупенскаго и газеты «Чего изволите», издающейся подъ псевдонимомъ «Новое Время»,—окончательно проиграно. По нему ударила не иронія политическихъ противниковъ, не язвительная насмѣшка сатиры, а безшумный обывательскій юморъ—скорѣе улыбка, чѣмъ смѣхъ. Но та улыбка, которая заставляетъ краснѣть и стыдиться. Обыватель боится, что за предвыборный блокъ съ странствующимъ лекторомъ его «засмѣютъ» въ трактирѣ за парой чая и передъ лавкой за партіей въ шашки,—«засмѣютъ» свои же сосѣди и пріятели, такіе же, ни въ какихъ партійнахъ спискахъ не значащіеся обыватели, какъ и онъ самъ. Онъ боится улыбки, потому что ничего ей противопоставить не можетъ. Дѣйствительно, попробуйте убѣдить подмосковнаго или приволжскаго мелкаго купца, мѣщанина или крестьянина, что все зло и все горе въ Россіи отъ евреевъ,—которыхъ онъ знаетъ въ образѣ часовыхъ дѣлъ мастеровъ да двухъ-трехъ старьевщиковъ,—отъ финляндскаго сепаратизма и отъ ополяченія Холмщины. Попробуйте втолковать ему, что ненавистью къ еврейству, разрушеніемъ финляндской автономіи и образованіемъ Холмской губерніи націонализмъ сослужилъ великую службу. Попробуйте, съ другой стороны, внѣдрить въ его сознаніе, что въ уѣздной и деревенской жизни хорошо лишь имѣющее на себѣ штемпель распоряженія начальства.

При выборахъ во вторую Думу въ Казани шла жестокая борьба между кадетомъ и октябристомъ. Губернаторъ желалъ побѣды октябриста и сталъ принимать соотвѣтственныя мѣры. Октябристъ взмолился. Онъ ясно видѣлъ, что губернаторская помощь его кандидатуру погубитъ. Выборы въ третью Думу проходили при другомъ избирательномъ законѣ и при другомъ общественномъ настроеніи. Настроеніе массъ, пожалуй, не измѣнилось. Но главной нотой настроенія тѣхъ классовъ, голоса которыхъ ранѣе тонули и не были слышны, а по закону 3 іюня получили рѣшающее на вы-

борахъ значеніе, былъ протестъ противъ революціи. При такихъ условіяхъ, эти классы не только не держались въ сторонѣ отъ органовъ власти, но искали въ ней опоры и поддержки. Въ настоящее время, къ моменту четвертыхъ выборовъ, острота революціонныхъ впечатлѣній сгладилась. За то снова выросла во весь ростъ острота впечатлѣній реакціонныхъ. Имѣющіе привилегію по избирательному закону классы вновь обрѣли способность ихъ воспріятія. Они пять лѣтъ воспринимали «укрѣпленіе» правового строя, послѣ-конституціонную «законность»; нужно ли все это снова и снова повторять? Нужно ли перечислять все то, что не могло не разлить въ странѣ духа оппозиціи и протеста?

Но если нельзя, при нашихъ однобокихъ условіяхъ гражданской свободы, судить по видимой сторонѣ предвыборной кампаніи о ея результатахъ, то, само собою разумѣется, одинаково нельзя дѣлать никакихъ предсказаній на основаніи разлитого въ странѣ духа протеста. Выборы требуютъ организаціи. Духъ же протеста есть только начало отрицательное. Осилить обывательскимъ смѣхомъ націонализмъ, вступившій въ блокъ съ начальствомъ, духъ протеста можетъ. А удастся ли ему разбить ту сложную предвыборную организацію, которую представляетъ собою на мѣстахъ облеченное «всемѣрными» возможностями начальство,—это еще очень и очень большой вопросъ...

Изъ предвыборныхъ правительственныхъ мѣропріятій общаго характера особенное вниманіе обращаетъ на себя лишеніе избирательнаго права евреевъ, имѣющихъ въ мѣстахъ пребыванія «условное» право жительства. Изъ мѣропріятій характера индивидуальнаго—привлеченіе къ уголовной отвѣтственности цѣлаго ряда общественныхъ дѣятелей: членовъ третьей Думы А. А. Савельева, г. Килевейна и гр. Уварова, екатеринославскаго земца Н. И. Новгородцева и др. Даже кн. Голицынъ, членъ третьей Думы отъ Харьковской губерніи, октябристъ, чуть-чуть не оказался въ категоріи «разъясненныхъ». Онъ былъ уже привлеченъ «въ качествѣ обвиняемаго» по статьѣ, грозящей лишеніемъ избирательныхъ правъ, и только въ порядкѣ обжалованія добился измѣненія квалификаціи предъявленнаго ему обвиненія.

О дѣлѣ бывшаго предсѣдателя нижегородской губернской земской управы А. А. Савельева и бывшаго члена той же управы г. Килевейна мы писали нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Напомнимъ только, что нынѣ возбужденное противъ нихъ обвиненіе въ неправильномъ расходованіи суммъ страхового капитала,—совершенно неосновательное по существу,—относится къ 1906-му году и что

оно шесть лѣтъ лежало подъ спудомъ и выплыло на свѣтъ въ такой моментъ, когда до выборовъ фактически уже не можетъ послѣдовать прекращеніе дѣла или оправдательный приговоръ. Дѣло г. Новгородцева не шесть лѣтъ, но все же цѣлый годъ лежало безъ движенія и получило «законный ходъ» за мѣсяцъ до земскихъ выборовъ и до составленія списковъ по выборамъ въ Государственную Думу.

На графа Уварова, судя по письму, напечатанному имъ въ газетахъ, обвиненіе упало, какъ снѣгъ на голову. Дѣйствительно, его обвиняютъ въ корыстномъ преступленіи, котораго онъ, по признанію самихъ обвинителей, никогда не совершалъ. Въ 1905 г. у арендаторовъ лѣсныхъ дачъ графа Уварова былъ секвестрованъ лѣсъ, сваленный въ разныхъ мѣстахъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Этотъ лѣсъ, безъ вѣдома гр. Уварова, лѣсничій сдалъ на храненіе его полевому приказчику Столярову. Теперь, черезъ семь лѣтъ, саратовское управленіе государственныхъ имуществъ и мѣстный судебный слѣдователь предъявили гр. Уварову обвиненіе въ растратѣ казеннаго лѣса, «сданнаго ему на храненіе въ лицѣ его уполномоченнаго Столярова», и выставили ст. 1681 улож. о нак., обвиненіе по которой, на все время производства дѣла, лишаетъ привлеченнаго права участія въ выборахъ въ Государственную Думу. Прежде всего оказывается, что Столяровъ, будучи полевымъ приказчикомъ гр. Уварова, довѣренности отъ него по завѣдыванію лѣсными дачами не имѣлъ; завѣдывало ими другое лицо, которому, однако, лѣсничій почему-то секвестрованнаго лѣса на храненіе не сдалъ. Конечно, и это, въ данномъ случаѣ, характерно. Но главное заключается въ томъ, что противъ графа Уварова выдвинутъ совершенно новый правовой принципъ. До сихъ поръ криминалисты наивно полагали, что никто не можетъ быть ни убійцей, ни поджигателемъ, ни разбойникомъ, ни изнасилователемъ «въ лицѣ своего уполномоченнаго» и что передъ уголовнымъ закономъ каждый отвѣчаетъ за то, что самъ сдѣлалъ, а не за то, что сдѣлалъ его уполномоченный. Основной признакъ юридическаго понятія растраты составляетъ принятіе растраченнаго имущества для храненія, перевозки или употребленія по извѣстному назначенію. Принимающій имущество вступаетъ въ договоръ съ сдающимъ. Выраженіемъ личныхъ договорныхъ отношеній Столярова съ чинами лѣсного вѣдомства служила данная имъ росписка. Въ отношеніи уголовной отвѣтственности гр. Уварова совершенно безразлично, былъ ли Столяровъ его приказчикомъ и какую имѣлъ довѣренность. Довѣренности совершать преступныя дѣянія онъ имѣть не могъ—и этого достаточно. Росписки въ принятіи лѣса гр. Уваровъ не давалъ. Растраченное имущество, слѣдовательно, ему ввѣрено не было, и растраты онъ юридически со-

вершить былъ не въ силахъ... Гр. Уваровъ—не кадетъ. Онъ только прогрессистъ. Но въ его формулярѣ—измѣна октябризму и дуэль съ А. И. Гучковымъ за оскорбленіе предсѣдателя совѣта министровъ...

О юридическихъ основаніяхъ раздѣленія евреевъ, въ отношеніи участія въ выборахъ, на имѣющихъ право жительства и «условно-живущихъ»—говорить не приходится. Какъ приводило на справку «Право», въ 1907 г. сенатъ, указомъ за № 498, опредѣлилъ: «евреи-ремесленники, проживающіе на законномъ основаніи внѣ черты еврейской осѣдлости, имѣютъ право участвовать въ выборахъ въ Государственную Думу на общемъ съ другими лицами основаніи». Въ 1912 г., при дѣйствіи того же самаго выборнаго закона и тѣхъ же самыхъ общихъ законовъ о евреяхъ, сенатъ «опредѣлилъ» наоборотъ. Уже по этому одному ясно, что мотивы «разъясненія» надо искать не въ законѣ, а въ «правоисточникахъ» иного порядка: въ предвыборныхъ резолюціяхъ съѣзда націоналистовъ и въ крикахъ на съѣздахъ «истинно-русскихъ» союзниковъ. Не разъ печаталось въ газетахъ, что мѣстные полицейскіе чины—въ Екатеринославѣ даже губернаторъ—призывали евреевъ и, прозрачно намекая на погромы, «дружески» совѣтовали отдавать на выборахъ голоса союзникамъ и націоналистамъ. Конечно, невозможно разсчитывать, чтобы все еврейство вняло такимъ совѣтамъ. А потому евреевъ и «разъяснили». И, въ сущности, разъяснили все еврейство: сенатъ—«условно-живущихъ», а мѣстныя власти — заодно и имѣющихъ безусловное право жительства.

Отъ 27-го іюня въ «Рѣчи» была напечатана слѣдующая телеграмма изъ Кіева: «Въ сегодняшнемъ приказѣ по полиціи объявлено, что въ виду отъѣзда за границу содержательницъ музыкальныхъ школъ Регаме и Носовой, невозможно выяснить, кто изъ учениковъ-евреевъ этихъ школъ имѣетъ право жительства въ Кіевѣ и кто не имѣетъ. Поэтому полиція предлагаетъ немедленно выселить всѣхъ евреевъ, обучающихся въ названныхъ музыкальныхъ школахъ. Такимъ образомъ, выселенію подлежатъ даже тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ право проживанія въ Кіевѣ». Тотъ же самый пріемъ получилъ примѣненіе и при составленіи списковъ избирателей. Кіевское совѣщаніе рѣшило не вносить въ списки ни одного еврея, предоставивъ евреямъ, имѣющимъ «безусловное право жительства», ходатайствовать о внесеніи съ предъявленіемъ соотвѣтствующихъ документовъ... «Евреи-купцы первогильдейцы—сообщила телеграмма изъ Кіева отъ 21 іюля—обратились телеграфно къ министру вн. дѣлъ Макарову съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ распоряженія городской управы, по коему ни одинъ еврей, независимо отъ ценза, не будетъ внесенъ въ списки избирателей безъ его о томъ заявленія

и представленія документовъ, удостовѣряющихъ его права». Наивные люди! А что скажутъ Пуришкевичъ, Марковъ, Крупенскій или Савенко, если вдругъ «мать русскихъ городовъ» пошлетъ въ Думу не погромщика изъ «Двуглаваго орла», а безпартійнаго прогрессиста? И чего они волнуются! Никто отъ нихъ ничего не отнимаетъ. Хочешь участвовать въ выборахъ—докажи, что имѣешь на то право. Только и всего!..

Къ хроническимъ случаямъ кровавой расправы, чинимой офицерами, прибавился еще одинъ: въ Ессентукахъ, войсковой старшина Чумаченко, ударами кинжала, убилъ контролера парка Барсука. Первоначально разсказъ объ этомъ убійствѣ былъ помѣщенъ въ «Пятигорскомъ Курьерѣ». Газета была немедленно оштрафована и, по непосильности для нея штрафа, закрылась. Мѣстный полуоффиціозъ, «Пятигорское Эхо», нѣсколько дней молчалъ, а затѣмъ напечаталъ другую версію, съ оговоркой, что она основана лишь на показаніяхъ г. Чумаченко и его товарищей, такъ какъ, когда приставъ явился въ больницу для допроса Барсука, послѣдній былъ уже въ безсознательномъ состояніи и ничего сказать не могъ.

Нѣсколько, казалось бы, странно со стороны газеты, инспирируемой изъ оффиціальныхъ источниковъ, предлагать вниманію публики, какъ объективно-вѣрное то изложеніе обстоятельствъ дѣла, которое основывается «лишь» на показаніяхъ виновнаго и его товарищей. И, полагаемъ, что если бы не войсковой старшина Чумаченко убилъ контролера парка Барсука, а наоборотъ, — то наоборотъ стояло бы и слово «лишь», т. е. въ оффиціальной версіи преимущественная вѣра была бы дана показаніямъ «товарищей» потерпѣвшаго, а ужъ никакъ не убійцы. Но допустимъ, что г. Чумаченко и его товарищи «показали» совершенную правду,—за исключеніемъ, впрочемъ, одного: что будто бы, когда въ ессентукскомъ паркѣ, въ третьемъ часу ночи, занявъ нѣсколько скамеекъ, три офицера съ тремя дамами «сидѣли, болтали, пѣли, танцовали, дурачились» и, вообще, «чувствовали себя свободно», то приблизившаяся «фигура»—такъ называетъ въ своемъ показаніи г. Чумаченко убитаго имъ Барсука — стала передъ одной изъ дамъ на колѣни. Повѣрить этому ужъ вовсе невозможно. Вспомнимъ слова смертельно раненаго Барсука, воспроизводимыя однимъ изъ переносившихъ его въ больницу сторожей парка: «я имъ сказалъ, что такъ не годится, а онъ ударилъ меня кинжаломъ».

«Я всталъ,—разсказываетъ г. Чумаченко,—крикнулъ: «что ты дѣлаешь, мерзавецъ!» и ударомъ кулака повалилъ его на землю. Фигура поднялась и бросилась на меня, схвативъ за плечи. Ударомъ

въ грудь я сперва отбросилъ ее, но она вновь бросилась на меня. Мои окрики и возгласъ: — «ты что, не видишь, что я офицеръ?» не помогли. Послѣ 5—6-го наскока фигуры я сильнымъ ударомъ въ лицо отбросилъ ее шаговъ на 8—10. Это отрезвило ее, и она (фигура) стала свистѣть сторожей. Я обернулся, чтобы посмотрѣть, что дѣлается съ дамами, но въ это время почувствовалъ сильный ударъ въ плечо. Я устоялъ, обернулся къ нему лицомъ. И когда онъ снова бросился на меня съ поднятыми руками, я выхватилъ кинжалъ, въ цѣляхъ самозащиты, и ударилъ его въ животъ. Онъ схватился за животъ, свалился на скамью и началъ стонать и кричать, что его убили. Я поѣхалъ въ полицію».

Итакъ, г. Чумаченко ссылается на состояніе необходимой обороны. Онъ знаетъ по экзамену, который сдавалъ передъ производствомъ въ офицеры, что состояніе необходимой обороны устраняетъ вмѣненіе содѣяннаго въ вину, и говоритъ: «я выхватилъ кинжалъ въ цѣляхъ самозащиты». Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему, какъ войсковому старшинѣ, т. е. далеко не юношѣ и не новичку въ военной службѣ, отлично извѣстно, насколько широко и вѣрно покрываетъ ссылка на самозащиту случаи кровавой расправы офицеровъ съ обывателями и даже съ городовыми. Неужели, однако, существуетъ законъ, признающій ненаказуемую самозащиту въ дѣйствіяхъ человѣка, который, по собственнымъ его словамъ первымъ ударилъ исполнявшаго обязанность служителя власти, затѣмъ билъ его и въ грудь, и въ лицо, и пустилъ въ дѣло кинжалъ, когда послѣ всего происшедшаго избитый, въ свою очередь, бросился на него «съ поднятыми руками»? Допустимъ, что Барсукъ, передъ моментомъ полученія смертельной раны въ животъ дѣйствительно обнаружилъ намѣреніе отвѣтить на насиліе насиліемъ. Неужели существуетъ такая наука, которая оправдывала бы освобожденіе отъ отвѣтственности человѣка, хотя бы офицера, находившагося въ положеніи войскового старшины Чумаченко и совершившаго то, что онъ сдѣлалъ?

Ни такой науки, ни такого закона не существуетъ. Мало того: какъ ни темны дебри нашего кассаціонно-разъяснительнаго правотворчества, но и среди кассаціонныхъ рѣшеній,—по крайней мѣрѣ «распубликованныхъ», т. е. преподанныхъ въ руководство для единообразнаго толкованія и примѣненія закона,—не найти такого, которое говорило бы что-либо въ пользу г. Чумаченко. И, все-таки, однако, многіе бывшіе «примѣры» свидѣтельствуютъ, что г. Чумаченко отнюдь не долженъ считать свое дѣло безнадежнымъ.

Подъ необходимой обороной разумѣется отраженіе силой противозаконнаго нападенія. И законъ, и наука не могутъ не считаться

съ тѣмъ, что нельзя требовать отъ человѣка отказа отъ самозащиты при наличности опасности, и потому признаютъ всѣ дѣйствія, совершенныя защищавшимся, независимо отъ ихъ послѣдствій, правомѣрными. Но защитѣ должно предшествовать нападеніе, имѣющее противозаконный характеръ. Это—основныя условія права обороны. При наличности ихъ, оборона одинаково допустима, какъ для защиты себя, такъ и для защиты другихъ лицъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи ученія объ оборонѣ, теорія и русское дѣйствующее законодательство существенно расходятся. Теорія не ставитъ права обороны въ зависимость отъ различенія благъ, которымъ при нападеніи угрожала опасность. Уложеніе о наказаніяхъ ограничительно перечисляетъ подвергавшіяся опасности блага и только тогда допускаетъ ненаказуемость насилія, когда совершившій насильственное дѣйствіе отражалъ нападеніе, угрожавшее явной опасностью: жизни, здоровью, свободѣ или (при нѣкоторыхъ особыхъ условіяхъ) имуществу, или же чести и цѣломудрію женщины.

Изъ первой фразы приведеннаго разсказа г. Чумаченко съ очевидностью явствуетъ, что противозаконное нападеніе было произведено имъ, а не Барсукомъ. «Фигура» схватила г. Чумаченко за плечи уже послѣ того, какъ «ударомъ кулака» была брошена на землю. Слѣдовательно, вопросъ о состояніи необходимой обороны могъ бы возникать для Барсука, если бы юридической оцѣнкѣ подлежало учиненное имъ насиліе, выразившееся въ томъ, что онъ схватилъ г. Чумаченко за плечи,—но ни въ какомъ случаѣ такой вопросъ для г. Чумаченко возникать не можетъ. Но предположимъ даже невозможное. Представимъ себѣ мысленно картину колѣнопреклоненной «фигуры» передъ дамой, съ которой войсковой старшина Чумаченко въ тотъ моментъ «чувствовалъ себя свободно». И, все-таки, такая картина права на ненаказуемое насиліе ему не давала, ибо отъ колѣнопреклоненія въ присутствіи трехъ офицеровъ до опасности для чести и цѣломудрія дамы еще слишкомъ далеко.

Желая создать для себя состояніе необходимой обороны, г. Чумаченко отдѣляетъ нанесенный имъ ударъ кинжаломъ отъ предшествующихъ ударовъ кулакомъ и выдвигаетъ, какъ угрожавшее ему опасностью нападеніе со стороны Барсука, поднятіе избитымъ контролеромъ парка руки — допустимъ, для нанесенія удара. Такимъ образомъ выходитъ: нарушитель порядка въ паркѣ ударилъ блюстителя порядка; блюститель порядка схватилъ нарушителя за плечи, но получилъ ударъ въ грудь, а затѣмъ—«сильный ударъ въ лицо»; когда же блюститель «бросился» на нарушителя порядка «съ поднятыми руками», то послѣдній выхватилъ кинжалъ, ударилъ блю-

стителя порядка въ животъ и говоритъ: «меня наказывать нельзя,— я дѣйствовалъ въ цѣляхъ самозащиты».

Такая послѣдовательность въ обоюдныхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ нападавшаго и оборонявшагося для перваго называется на юридическомъ языкѣ обороной противъ обороны, которая, само собою разумѣется, не допустима. Разъ г. Чумаченко совершилъ противозаконное нападеніе на Барсука—«ударомъ кулака повалилъ его на землю»,—то для Барсука получилось состояніе необходимой обороны, и его насильственныя дѣйствія—«схватилъ за плечи», «бросился съ поднятыми руками»—уже не суть дѣйствія противозаконныя. Для житейской ясности представимъ себѣ аналогичное по обстановкѣ и лишь иное по личности виновнаго убійство. Мастеровой навеселѣ поетъ на улицѣ пѣсни. Подходитъ городовой и говоритъ: «безобразить не полагается». Мастеровой ударомъ кулака валитъ его на землю. Городовой поднимается и хватаетъ мастерового за плечи. Снова удары по городовому: въ грудь, въ лицо. Городовой даетъ свистки. Никто не подходитъ. Городовой «бросается съ поднятыми руками». Мастеровой выхватываетъ финскій ножъ и всаживаетъ въ животъ городовому. Придетъ ли въ голову мастеровому говорить, что онъ выхватилъ ножъ и убилъ городового «въ цѣляхъ самозащиты»? Кто серьезно сталъ бы трактовать подобный случай убійства, какъ убійство въ состояніи необходимой обороны?

Мы предчувствуемъ не возраженіе, а возмущенный протестъ: то—мастеровой на-веселѣ, а то—офицеръ. Отъ рѣзкости сопоставленія выигрываетъ ясность мысли. Но можно вмѣсто мастерового взять купца, адвоката, врача,—кого угодно, кто, въ третьемъ часу ночи, въ паркѣ и въ обществѣ дамъ, сидѣлъ, болталъ, пѣлъ, танцовалъ, дурачился и «чувствовалъ себя свободно». Поставленные вопросы отъ этого не измѣнятся. Въ томъ и значеніе драмы, разыгравшейся въ ессентукскомъ паркѣ, что за послѣдніе годы создалось у насъ такое положеніе, при которомъ офицеры внѣ службы — на улицѣ, въ вагонѣ и вообще въ общественныхъ мѣстахъ—противополагаются и сами себя противополагаютъ гражданамъ, какъ въ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ штатскими людьми, такъ равно и съ низшими агентами власти. Иначе эта драма была бы только достояніемъ судебной хроники.

Войсковой старшина Чумаченко, забывая, что онъ не имѣлъ права ни кричать на Барсука, ни говорить Барсуку «ты», подчеркиваетъ, что его «окрики» и напоминаніе о своемъ званіи «не помогли». Онъ считаетъ, что «окрики» и напоминаніе о званіи должны были остановить Барсука отъ «наскоковъ». Онъ трактуетъ себя, какъ начальника, «наскоки» Барсука—какъ нарушеніе дисциплины, на-

несенные имъ Барсуку удары въ грудь и по лицу—какъ превышеніе власти, а не какъ простое безчинство. Исключительно характерно въ его устахъ слово «отрезвило», отнесенное къ «фигурѣ», а не къ себѣ. Оно показываетъ, что, по убѣжденію г. Чумаченко, не онъ, когда наносилъ удары, отдавался порыву страсти и совершалъ то, чего человѣкъ, сохраняющій самообладаніе, дѣлать не можетъ, а Барсукъ,—когда онъ на удары отвѣчалъ «наскоками». И мѣстная гражданская власть, которой подчинены газеты, тоже держалась этого противоположенія. Была ли бы оштрафована газета за невѣрное изложеніе обстоятельствъ убійства, если бы Барсука убилъ, скажемъ, адвокатъ? Была ли бы въ такомъ случаѣ напечатана въ оффиціозѣ та версія, которая основывалась бы «лишь» на показаніяхъ убійцы и его товарищей?

Не будемъ поднимать остраго вопроса: должны ли офицеры въ обиходѣ государственной и общественной жизни занимать исключительное, по сравненію съ гражданами, положеніе? Переведемъ вопросъ на почву существующаго, т. е. того, что есть, а не того, что можетъ казаться желательнымъ. Русское дѣйствующее законодательство, какъ общее, такъ и военное, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что исключительность положенія воинскихъ чиновъ касается только сферы ихъ служебныхъ отношеній. Войсковому старшинѣ Чумаченкѣ, когда онъ былъ въ ессентукскомъ паркѣ, ни на іоту не принадлежало больше правъ, чѣмъ штатскому человѣку. Никакой служебной обязанности онъ тогда не исполнялъ. Его званіе тоже ни на іоту не умаляло и не видоизмѣняло юридическаго положенія Барсука и не освобождало послѣдняго отъ обязанности наблюдать за порядкомъ въ паркѣ. Такъ стоитъ вопросъ о военнослужащихъ вездѣ въ Европѣ. Также точно онъ былъ поставленъ въ Россіи еще Петромъ Великимъ и получилъ дѣйствующую понынѣ законодательную обрисовку въ эпоху реформъ Александра II.

Въ частности, по отношенію къ вопросу о необходимой оборонѣ, никакихъ особыхъ правъ воинскимъ чинамъ не присвоено. Въ военно-уголовномъ законодательствѣ есть, правда, спеціальное постановленіе (ст. 71 воинск. уст. о наказ.), но оно предусматриваетъ нарушеніе «служебныхъ отношеній подчиненнаго къ начальнику», т. е. когда учинитъ насиліе подчиненный и, въ свое оправданіе, говоритъ: «я оборонялся». Только случаи этого рода подлежатъ оцѣнкѣ на основаніи особыхъ правилъ. Во всѣхъ же остальныхъ ссылка на самозащиту военнослужащаго—безразлично, офицера или нижняго чина—имѣетъ совершенно одинаковое значеніе со ссылкою «лицъ гражданскаго вѣдомства», какъ име-

нуются въ военныхъ законахъ не-военнослужащіе. Ненаказуемаго насилія при оборонѣ чести законъ нашъ не допускаетъ. Въ этомъ есть несомнѣнный дефектъ уложенія о наказаніяхъ, и если когда-нибудь вступитъ дѣйствіе уголовное уложеніе 1903 г., то онъ будетъ исправленъ,—но, конечно, въ отношеніи всѣхъ гражданъ, а не только воинскихъ чиновъ. Не закономъ, а кассаціонной практикой сената созданъ еще другой дефектъ: сенатъ «разъясняетъ», что оборона противъ дѣйствій должностныхъ лицъ не допускается. Но разъ она не допускается для гражданъ, то не допускается и для чиновъ войска. Такимъ образомъ, съ какой стороны ни подойти къ ссылкѣ г. Чумаченко на самозащиту, она ни по существу, ни съ формальной точки зрѣнія, не заслуживаетъ вниманія. Въ нравы, однако, и офицеровъ, и даже гражданской власти уже вошло противоположное воззрѣніе...

Мы часто отмѣчаемъ случаи кровавой расправы офицеровъ, ибо придаемъ имъ весьма большое значеніе. Эти случаи служатъ показателемъ той своеобразной психологіи, которая все глубже проникаетъ въ офицерскую среду. На улицѣ она проявляется въ сабельныхъ ударахъ и въ револьверныхъ выстрѣлахъ «въ цѣляхъ самозащиты». Внутри войскового быта она подсказала офицеру изрубить денщика, не нашедшаго оброненнаго «бариномъ» пенснэ, а начальству этого офицера—предать денщика суду за умышленное неисполненіе приказанія. Ведетъ ли только такая психологія къ тому, для чего существуетъ войско—къ успѣху на войнѣ? Не ведетъ ли она скорѣе къ разстройству боевыхъ силъ?..

Около Ташкента, въ саперномъ лагерѣ, 1 іюля былъ солдатскій бунтъ. Есть жертвы—убитые взбунтовавшимися офицеры и нижніе чины. Будутъ казни... Правая печать опасается, какъ бы значеніе событія не было пріуменьшено. Нельзя не желать, чтобы событіе было тщательно разслѣдовано и получило всестороннее освѣщеніе. Но именно всестороннее, безъ предвзятости. Справа же попрежнему раздаются старые перепѣвы о революціи и объ инородцахъ. «Зачинщиковъ,—писалъ «Свѣтъ»,—и командировъ, а, можетъ быть даже—антрепренеровъ, подрядчиковъ русской смуты можно искать чаще въ кругахъ инородческихъ и отчасти даже иностранныхъ, нежели въ русскихъ». Не довольно ли искать причины подобныхъ событій все только въ смутѣ и въ козняхъ инородцевъ и иностранцевъ? Не пора ли углубиться во внутрь войсковой жизни,—въ солдатскій бытъ, въ то, чѣмъ солдаты живутъ, что видятъ, чѣмъ дышатъ и на чемъ стоитъ казарма?..

Судя по сообщенію оффиціальнаго «Русскаго Инвалида», разслѣдованіе, однако, заранѣе уже заключено въ узкія и обычныя рамки

охранно-судебнаго производства. Газета считаетъ, что напрасно значеніе «тяжелаго» событія раздувается. А причина его для нея не вызываетъ сомнѣній. Въ отвѣтъ на одни отклики прессы и въ подтвержденіе другихъ, «Русскій Инвалидъ» оповѣщалъ: «Нѣсколько распропагандированныхъ негодяевъ своей безумной и нелѣпой выходкой вызвали тяжелыя воспоминанія о позорныхъ страницахъ исторіи 1905-го года. Какъ и тогда, незначительная кучка слѣпыхъ, извнѣ направленныхъ людей наложила печать позора на часть, подъ знаменемъ которой проходила ихъ служба... Но не приходится падать духомъ, а тѣмъ болѣе придавать этому явленію не принадлежащее ему значеніе. На тѣлѣ милліонной арміи всегда возможны болячки, и нужно привѣтствовать вскрытіе гнойника, зараза котораго грозитъ пойти внутрь». Въ 1905 г. оперативный пріемъ леченія «болячекъ» сопровождался хоть отпускомъ денегъ на мыло и ваксу. При наступившемъ «успокоеніи», въ арміи, какъ и вездѣ, всѣ болѣзненные процессы низводятся къ «болячкамъ», для исцѣленія которыхъ единственное универсальное средство—операція...

«Россія» въ теченіе многихъ дней печатала «Итоги третьей сессіи Государственной Думы». Въ изложеніи казенныхъ перьевъ, «итоги» представляютъ безконечный перечень пропущенной черезъ законодательную машину вермишели и весьма напоминаютъ жизнеописаніе щедринскаго купца Парамонова, который, какъ извѣстно, написалъ свою біографію въ формѣ счета. За вермишелью слѣдовали пожеланія. Эти пожеланія, по словамъ оффиціоза, «для характеристики дѣятельности Государственной Думы третьяго созыва и общаго ея направленія имѣютъ большое значеніе» и въ то же время раскрываютъ виды на будущій законодательный урожай. «Несомнѣнно,—заявлялось въ газетѣ,—что многія изъ пожеланій, высказанныхъ въ послѣднюю сессію, найдутъ себѣ законодательное выраженіе при будущихъ совмѣстныхъ трудахъ правительства и Гос. Думы четвертаго созыва».

Собранныя воедино, третьедумскія пожеланія дѣйствительно характерны. Возьмемъ на выдержку нѣсколько пожеланій, касающихся вѣдомства военнаго министерства. «Объ упорядоченіи полицейской охраны на кавказскихъ минеральныхъ водахъ». «О сравненіи окладовъ, получаемыхъ офицерами корпуса военныхъ инженеровъ съ соотвѣтствующими окладами офицеровъ другихъ родовъ службы». «О выработкѣ системы каръ, которымъ подвергались бы должностныя лица военнаго вѣдомства, допускающія примѣненіе иностраннаго труда въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣются въ наличности русскіе ра-

бочіе». «О безотлагательной выработкѣ типа санитарной повозки и о снабженіи такими повозками нашей арміи». «О безотлагательномъ внесеніи на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій законопроекта объ отпускѣ главному интендантскому управленію средствъ на выдачу войсковымъ частямъ установленнаго закономъ денежнаго и вещевого довольствія, отпускъ коего задерживался до сего времени названнымъ управленіемъ». «О внесеніи въ законодательныя учрежденія законопроекта объ установленіи нормъ суточныхъ денегъ тѣмъ офицерамъ, которые отбываютъ лагерные сборы въ мѣстахъ, въ коихъ сборъ войскъ менѣе 6 боевыхъ единицъ». «О незамедлительномъ отпускѣ воинскимъ частямъ денежныхъ средствъ, особенно тѣхъ, которыя на основаніи закона причитаются для производства денежнаго довольствія нижнимъ чинамъ».

Вотъ на что размѣняла третья Дума право законодательнаго почина. Вотъ что заботило въ канунъ возвращенія по домамъ «народныхъ представителей», избранныхъ въ 1907-мъ году по закону 3-го іюня. Вотъ въ чемъ, по ихъ мысли, горе страны и, въ частности,—горе государственной обороны. Вотъ наслѣдство, которое они оставили своимъ преемникамъ!.. Въ будущихъ «совмѣстныхъ» трудахъ» съ правительствомъ, четвертой Думѣ предстоитъ разсуждать о какой-то невѣдомой «системѣ каръ», о суточныхъ деньгахъ офицерамъ, о типѣ обозной повозки, о законопроектахъ (?), смыслъ коихъ въ томъ, что отпущенныя казною деньги не слѣдуетъ задерживать...

P. S. Мы только что узнали изъ газетъ, что Саратовскій окружный судъ отмѣнилъ, по жалобѣ гр. Уварова, опредѣленіе судебнаго слѣдователя о привлеченіи гр. Уварова къ уголовной отвѣтственности.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Счастливое царствованіе.—Жизнь и дѣла императора Муцухито.—Японія и Россія.—Турецкій кризисъ.—Морскія вооруженія и дополнительная франко-русская конвенція.

Смерть японскаго императора Муцухито (16—3-го іюля) напомнила культурному міру о цѣломъ рядѣ крупнѣйшихъ событій, связанныхъ съ его именемъ. Въ его царствованіе «страна восходящаго солнца», прежде закрытая для иноземцевъ и возбуждавшая

лишь своими оригинальными особенностями и обычаями невинное любопытство случайныхъ привилегированныхъ путешественниковъ, превратилась въ культурную и могущественную имперію, равноправную союзницу Англіи, грозную соперницу Россіи и американскихъ Соединенныхъ Штатовъ на Тихомъ океанѣ.

Очень немногимъ монархамъ суждено было испытать столько счастливыхъ и великихъ перемѣнъ въ жизни государства, какъ покойному Муцухито. Въ январѣ 1867-го года, четырнадцатилѣтнимъ юношей, вступилъ онъ на престолъ, въ качествѣ номинальнаго «божественнаго» повелителя, лишеннаго всякой реальной власти. Имперіею самовластно управляли наслѣдственные регенты, «шогуны», несмѣняемые начальники арміи, которымъ подчинялись мѣстные вассалы—«дайміосы», правители и военные командиры отдѣльныхъ провинцій. Шогуны распоряжались отъ имени императора, какъ существа не отъ міра сего, стоявшаго ближе къ небу, чѣмъ къ землѣ, и потому недоступнаго и невидимаго для народа. На этой заоблачной высотѣ, окруженные льстивымъ поклоненіемъ и бдительнымъ надзоромъ вѣрныхъ слугъ шогуна, божественные повелители Японіи проводили безполезную жизнь въ своей столицѣ Кіото, въ таинственномъ дворцѣ, служившемъ для нихъ, въ сущности, мѣстомъ заключенія. Имени императора отдавался всевозможный почетъ; ему поклонялись какъ богу, простые смертные не имѣли права смотрѣть на него, даже если бы онъ показывался имъ гдѣ-нибудь внѣ дворцовой ограды. По японскимъ преданіямъ, родоначальникомъ царствующей фамиліи былъ Джиммутенно, потомокъ «богини солнца» Аматеразу, ставшій императоромъ въ 660-мъ году до Рождества Христова,—и Муцухито считается 121-ымъ въ этой непрерывной линіи монарховъ, обнимающей періодъ въ 2572 года. Шогуны были ихъ представителями на землѣ, ихъ первыми министрами и главнокомандующими, пріобрѣвшими положеніе самостоятельныхъ свѣтскихъ правителей, подобно майордомамъ франкскихъ меровинговъ; они имѣли свой дворъ и свою столицу въ Іеддо, и имъ принадлежала вся полнота государственной власти. Это своеобразное двоевластіе прочно установилось въ Японіи съ конца двѣнадцатаго столѣтія и держалось вплоть до ноября 1867-го года. Послѣдній шогунъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе допущеніемъ иностранцевъ въ предѣлы страны и заключеніемъ соотвѣтственныхъ договоровъ съ нѣкоторыми европейскими державами; протесты крупныхъ вассаловъ и значительной части военнаго класса закончились междоусобною борьбою, въ которой дѣло шло уже о возстановленіи дѣйствительной власти императора и объ упраздненіи самаго званія шогуна. Весною 1868-го года, послѣ окончательной побѣды надъ войсками шогуна, привер-

женцы императора заняли Іеддо, переименованное затѣмъ въ Токіо; званіе шогуна было уничтожено, императоръ признанъ единственнымъ законнымъ правителемъ имперіи. Муцухито вышелъ изъ своего почетнаго заточенія и началъ свое реальное царствованіе при помощи и подъ руководствомъ цѣлаго ряда выдающихся политическихъ дѣятелей и патріотовъ, имена которыхъ пользуются заслуженною славою въ Японіи. Вражда и недовѣріе ко всему иноземному вскорѣ уступили мѣсто сознательному изученію иностранныхъ порядковъ, съ цѣлью полезныхъ заимствованій. Неодолимая жажда знаній овладѣла передовыми элементами японскаго общества, и Муцухито рѣшительно выступилъ въ роли послѣдовательнаго и дальновиднаго преобразователя. Постепенно совершались необходимыя реформы во всѣхъ областяхъ государственнаго управленія, безъ малѣйшихъ колебаній и остановокъ, безъ тѣхъ попытокъ зловреднаго попятнаго движенія, которыя такъ часто и успѣшно повторяются въ другихъ государствахъ подъ вліяніемъ своекорыстныхъ реакціонныхъ силъ. Въ февралѣ 1889-го года была объявлена конституція по прусскому образцу, и добросовѣстно введена въ дѣйствіе съ апрѣля 1890-го года. Въ короткій сравнительно періодъ трехъ десятилѣтій Японія усвоила главнѣйшія пріобрѣтенія европейской науки и техники, создала превосходно вооруженную національную армію и первоклассный флотъ, обезпечила свободное умственное развитіе и образованіе народа, дала сильный толчокъ успѣхамъ крупной промышленности и торговли, и незамѣтно для Европы сдѣлалась настоящею великою державою Дальняго Востока.

Въ одно 45-лѣтнее царствованіе Муцухито Японія достигла результатовъ, какихъ не могла достигнуть оффиціальная Россія въ продолженіе двухъ столѣтій со времени Петра Великаго. Японцы не знаютъ системы административнаго произвола и беззаконія, не знаютъ разныхъ формъ хищенія и казнокрадства; они сохранили традиціи честности и истиннаго патріотизма въ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ, и этимъ объясняются главные ихъ успѣхи. Власть не воюетъ тамъ съ народомъ и общественнымъ мнѣніемъ, не смотритъ на государство какъ на свое достояніе, а старается быть вѣрною выразительницею нуждъ и потребностей страны, почему пользуется довѣріемъ и уваженіемъ даже среди своихъ противниковъ. Муцухито всегда привлекалъ къ себѣ лучшихъ и просвѣщеннѣйшихъ людей государства; онъ не выдвигалъ и не терпѣлъ около себя придворныхъ интригановъ, карьеристовъ и честолюбцевъ; онъ давалъ ходъ только испытаннымъ дарованіямъ и умѣлъ съ удивительнымъ искусствомъ выбирать подходящихъ дѣятелей на важные, отвѣтственные посты. Онъ никогда не поощрялъ сторонниковъ реакціи, скрытыхъ или явныхъ враговъ

конституціоннаго строя, мнимыхъ защитниковъ самобытной японской государственности, и неизмѣнно держался разъ избраннаго пути, какъ безусловно правильнаго и благотворнаго для государства.

Въ половинѣ девяностыхъ годовъ Японія начинаетъ дѣйствовать въ области внѣшней политики. Она издавна стремилась пріобрѣсть твердую точку опоры на азіатскомъ материкѣ и установить свое преобладающее вліяніе въ Кореѣ; ради этого она вступила въ войну съ Китаемъ, но, послѣ неожиданно быстраго разгрома его вооруженныхъ силъ, встрѣтила противодѣйствіе европейской дипломатіи при опредѣленіи плодовъ своихъ побѣдъ. Японцы должны были—главнымъ образомъ по настоянію Россіи—отказаться отъ завоеваннаго ими Портъ-Артура, который тремя годами позже поступилъ въ распоряженіе русскихъ военныхъ властей. Этого не могли простить японскіе патріоты. Въ 1900-мъ году, во время боксерскаго движенія, Японія имѣла случай показать Европѣ силу и достоинство своей арміи при совмѣстныхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Китая. Между тѣмъ, непріязненныя чувства къ намъ японцевъ систематически возбуждались и поддерживались вызывающею политикою нашихъ закулисныхъ манчжурско-корейскихъ предпринимателей.

По мѣрѣ того какъ Россія утверждала свое владычество въ южной части Ляодунскаго полуострова, въ Манчжуріи и на сѣверной границѣ Кореи, все болѣе усиливалось въ Японіи сознаніе неизбѣжной борьбы съ великою европейско-азіатскою имперіею, какъ съ ближайшею и опаснѣйшею соперницею на берегахъ Тихаго океана. Токійскій кабинетъ пытался войти въ соглашеніе съ нашимъ дипломатическимъ вѣдомствомъ, но потерпѣлъ неудачу, и японскій уполномоченный, князь Ито, направился изъ Петербурга въ Лондонъ, гдѣ вскорѣ заключилъ конвенцію съ Англіей. Англо-японскій союзный договоръ 30 (17)-го января 1902-го года былъ первымъ оффиціальнымъ признаніемъ правъ Японіи на самостоятельное, равноправное положеніе среди могущественныхъ государствъ культурнаго міра. Британскіе дипломаты обнаружили въ этомъ случаѣ дальновидность, которой къ сожалѣнію, совершенно недоставало тогдашнимъ представителямъ Россіи. Мы по прежнему относились пренебрежительно къ Японіи, свысока смотрѣли на ея воинственныя приготовленія, гордо отклоняли ея притязанія, казавшіяся намъ черезчуръ смѣлыми и даже дерзкими, и съ легкимъ сердцемъ шли на встрѣчу столкновенію, которое, въ сущности, мало безпокоило нашихъ дипломатическихъ и военныхъ дѣятелей. Русскіе государственные люди не считали японцевъ достаточно серьезными про-

тивниками и не стѣснялись давать имъ это понять нагляднымъ образомъ, оставляя безъ отвѣта ихъ настойчивыя заявленія относительно Манчжуріи. У насъ господствовала увѣренность, что ходъ событій на Дальнемъ Востокѣ зависитъ исключительно отъ Россіи и что японцы не посмѣютъ предпринять противъ нея нападеніе. Однако, японцы посмѣли, и событія пошли совсѣмъ не такъ, какъ мы ожидали. Къ общему изумленію, маленькая, недавно еще столь ничтожная Японія одержала верхъ надъ Россіею въ продолжительной, необыкновенно упорной и кровопролитной войнѣ. Императоръ Муцухито достигъ апогея своей славы, но проявилъ скромную сдержанность, которая существенно помогла возстановить добрыя сосѣдскія отношенія между Россіею и Японіею. Въ этомъ заключается также безспорная заслуга покойнаго микадо.

Новый повелитель Японіи, Іошихито, сынъ умершаго императора отъ побочной жены его Янагивара, объявленъ наслѣдникомъ престола въ ноябрѣ 1889-го года, въ виду бездѣтности брака Муцухито съ императрицей Харуко. Онъ женатъ на принцессѣ Садако и имѣетъ троихъ сыновей. Слабый и болѣзненный отъ природы, онъ считается весьма образованнымъ и доброжелательнымъ человѣкомъ, любителемъ наукъ и искусствъ. Пока нѣтъ основанія приписывать ему тѣ исключительныя качества, какими обладалъ Муцухито. Говорятъ, что перемѣна царствованія не отразится на внѣшней и внутренней политикѣ Японіи—и этому можно вѣрить, ибо во всякомъ случаѣ новый микадо, независимо отъ своихъ личныхъ взглядовъ и симпатій, долженъ стараться идти по стопамъ отца уже въ силу обязательнаго уваженія къ его памяти. Для Россіи смерть Муцухито имѣла тѣмъ болѣе прискорбное значеніе, что какъ разъ въ послѣдніе дни начаты было переговоры о болѣе тѣсномъ соглашеніи обѣихъ державъ по дѣламъ Дальняго Востока, и эти переговоры были прерваны печальнымъ извѣстіемъ изъ Токіо,

Пріѣзжавшіе недавно въ Петербургъ японскіе представители—бывшій глава кабинета съ 1908 по 1911 годъ, князь Катсура, и министръ путей сообщенія въ его министерствѣ, баронъ Гото,—совѣщались съ нашимъ премьеромъ В. Н. Коковцовымъ и съ министромъ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновымъ по спорнымъ вопросамъ, касающимся разграниченія обоюдныхъ сферъ вліянія въ Монголіи и Манчжуріи, въ связи съ проектами сооруженія и эксплуатаціи мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ. Если вѣрить свѣдущимъ корресподентамъ лондонскаго «Times» и парижскаго «Temps», эти совѣщанія фактически привели къ соглашенію, которому однако не предполагалось придать видъ самостоятельнаго формальнаго договора. Установлены лишь дополнительные пункты къ русско-японской кон-

венціи 4-го іюля 1910 года, обезпечившей «дружеское взаимное содѣйствіе» въ завѣдываніи манчжурскими желѣзными дорогами и въ совмѣстной охранѣ и защитѣ договорнаго status quo въ Манчжуріи. Расширеніе содержанія этой конвенціи въ смыслѣ распространенія ея на всѣ вообще возникающіе вопросы и конфликты по дѣламъ Дальняго Востока было бы въ высшей степени желательно какъ для Россіи, такъ и для Японіи, и надо надѣяться, что новый японскій императоръ не замедлитъ привести въ исполненіе разумную мысль, положенную въ основу дипломатической миссіи князя Катсура и барона Гото.

Въ Турціи происходятъ событія, которыя остаются мало понятными для иностранныхъ наблюдателей. Популярный представитель арміи въ составѣ правительства, военный министръ Шефкетъ-паша, считавшійся чуть ли не диктаторомъ, возбудилъ противъ себя неудовольствіе офицерской «военной лиги» и вынужденъ былъ выйти въ отставку; министерство Саида-паши, послѣ патріотическихъ объясненій въ турецкой палатѣ депутатовъ, 15 (2-го) іюля удостоилось почти единогласнаго выраженія довѣрія со стороны палаты, а двумя днями позже заявило о своемъ удаленіи, ссылаясь на невозможность замѣстить вакантныя должности министровъ—военнаго, морского и финансовъ. Младотурецкій комитетъ, обязанный арміи своимъ возвышеніемъ, нашелъ соперниковъ и противниковъ въ новой военной организаціи, опирающейся на ту же армію; «военная лига», имѣющая въ своемъ составѣ многихъ видныхъ генераловъ и офицеровъ, требовала полнаго устраненія младотурокъ отъ власти, роспуска послѣдняго парламента, избраннаго подъ незаконнымъ давленіемъ младотурецкой администраціи, и производства новыхъ, свободныхъ выборовъ. Тѣ же требованія предъявлялись защитниками албанской автономіи и значительною частью офицерства войскъ, расположенныхъ въ Албаніи и въ пограничныхъ съ нею турецкихъ областяхъ. Десятки тысячъ вооруженныхъ албанцевъ, вмѣстѣ съ значительными отрядами регулярной арміи, угрожали походомъ на Константинополь, если требованія ихъ не будутъ удовлетворены. Рядомъ съ этими внутренними волненіями продолжаются внѣшнія замѣшательства, связанныя съ войною: въ ночь на 19 (6)-ое іюля итальянскія миноноски бомбардировали Дарданельскія укрѣпленія и вызвали сильную тревогу въ турецкой столицѣ.

При такихъ критическихъ обстоятельствахъ образовалось 22-го іюля министерство восьмидесятилѣтнихъ старцевъ — извѣстнаго героя русско-турецкой войны, президента сената, Ахмеда-Мухтара-паши, и испытаннаго царедворца Кіамиля-паши, съ присоединеніемъ

къ нимъ бывшаго македонскаго правителя и неудачнаго реформатора, Хильми-паши. Эти сановники стараго режима, выдвинувшіеся при Абдулъ-Гамидѣ, оказываются теперь убѣжденными защитниками конституціи, сторонниками твердой законности, врагами административнаго произвола. Во имя возстановленія правильнаго конституціоннаго порядка они рѣшительно выступаютъ противъ исключительныхъ притязаній и незаконныхъ способовъ дѣйствія младотурецкой партіи. Въ рескриптѣ султана на имя новаго великаго визиря признается недопустимымъ «положеніе, противорѣчащее закону и справедливости», и рекомендуется «добросовѣстное соблюденіе конституціи». Гази-Мухтаръ-паша еще раньше, въ качествѣ президента сената, заявилъ по поводу Албаніи, что «мечъ и огонь не должны примѣняться во внутреннихъ дѣлахъ страны». Новый кабинетъ рѣшилъ пріостановить военныя операціи противъ албанцевъ и послать комиссію для разслѣдованія спорныхъ вопросовъ на мѣстѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено о снятіи осаднаго положенія и о прекращеніи дѣйствія военныхъ судовъ. Такъ какъ палата депутатовъ состояла почти сплошь изъ младотурокъ, то роспускъ ея сдѣлался лозунгомъ всѣхъ противниковъ младотурецкаго режима, для котораго должны быть убійственны новые выборы. На этой почвѣ разгорѣлась борьба между правительствомъ и парламентомъ. Члены военной лиги, генералы и офицеры, стали дѣйствовать открыто въ Константинополѣ и въ провинціи; они завладѣли помѣщеніями многихъ полицейскихъ и жандармскихъ управленій и водворились въ нихъ при помощи военной силы; въ ихъ руки перешли крупныя военныя должности, начальника главнаго штаба и военнаго коменданта столицы. Президенту палаты депутатовъ доставленъ ультиматумъ съ требованіемъ закрытія и роспуска ея въ теченіе сорока восьми часовъ. Президентъ прочиталъ это заявленіе въ засѣданіи 25-го іюля; большинство палаты горячо протестовало противъ незаконнаго вмѣшательства офицеровъ въ политическую жизнь государства, при чемъ настаивало на примѣрномъ наказаніи виновныхъ. Предводитель парламентской младотурецкой фракціи, Сеидъ-бей, громогласно заявилъ, что палата останется на мѣстѣ и будетъ защищать свои полномочія до послѣдняго издыханія. Одинъ изъ депутатовъ воскликнулъ: «палата не боится смерти»! Раздались голоса: «мы всѣ умремъ или будемъ убивать! Мы всѣ готовы умереть»! Явившійся въ палату военный министръ Назимъ-паша выразилъ сожалѣніе о случившемся и обѣщалъ розыскать и привлечь къ отвѣтственности тѣхъ офицеровъ, которые позволяютъ себѣ печатать прокламаціи въ газетахъ отъ имени какой-то фантастической лиги. Палата на время успокоилась.

Въ засѣданіи 30-го іюля великій визирь Гази-Мухтаръ-паша представилъ парламенту министерство въ полномъ его составѣ и вкратцѣ изложилъ правительственную программу. Онъ указываетъ четыре главныя причины настоящихъ затрудненій; во-первыхъ, незаконное вмѣшательство и незаконныя интриги должностныхъ лицъ во время парламентскихъ выборовъ; во-вторыхъ, вступленіе офицеровъ и чиновниковъ въ разныя политическія партіи; въ-третьихъ, нарушеніе существующихъ законовъ относительно замѣщенія правительственныхъ должностей; въ-четвертыхъ, примѣненіе мѣръ, несовмѣстимыхъ съ конституціей и съ конституціонными принципами. Кабинетъ ставитъ себѣ задачей положить конецъ беззаконіямъ и обезпечить соблюденіе всѣхъ правъ, предоставленныхъ конституціею турецкимъ гражданамъ, безъ различія національностей. Младотурки пытались отложить обсужденіе программы до другого дня, но министерство категорически потребовало немедленнаго рѣшенія и поставило вопросъ о довѣріи. Произошли бурныя пренія, и въ результатѣ, сверхъ ожиданія, большинствомъ 113 противъ 45 голосовъ палата выразила правительству безусловное довѣріе. Младотурки отказались отъ своего намѣренія вотировать порицаніе, чтобы избѣгнуть прямого конфликта, который бы могъ облегчить или ускорить роспускъ палаты. Но министерство само создало нужный ему конфликтъ. На слѣдующій же день, 31-го іюля, оно внесло въ палату предложеніе измѣнить 7-ую статью конституціи, касающуюся права султана распускать парламентъ. Предложеніе клонилось къ тому, чтобы право роспуска не зависѣло отъ согласія сената и не обставлено было никакими ограничительными условіями. Младотурки видѣли, что вопросъ предрѣшенъ и бороться противъ неминуемой развязки безполезно. Декретомъ султана, прочитаннымъ въ парламентѣ 23 іюля (5 августа), палата объявлена распущенною. Политическій кризисъ въ Турціи получаетъ новый оборотъ, весьма затруднительный и опасный для младо-турецкой партіи. Такъ называемые безпартійные прогрессисты, съ восьмидесятилѣтними сановниками во главѣ, взяли власть въ свои руки, и отъ степени ихъ искренности и умѣнья зависитъ ближайшее будущее Оттоманской имперіи.

Въ британскомъ парламентѣ, съ начала іюля, обсуждались въ высшей степени важные и въ то же время крайне щекотливые вопросы о военномъ флотѣ, въ связи съ новѣйшими вооруженіями Германіи. Въ палатѣ лордовъ, 2-го іюля (нов. ст.), лордъ Сельборнъ обратилъ вниманіе правительства на опасное положеніе Англіи въ Средиземномъ морѣ, гдѣ вмѣсто существовавшихъ прежде двухъ

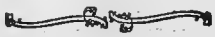
британскихъ эскадръ, имѣвшихъ свои стоянки около Мальты и Гибралтара, остается только одна, состоящая всего изъ семи крейсеровъ. Въ случаѣ войны англичане окажутся тамъ безсильными, тѣмъ болѣе, что, кромѣ Италіи, и Австро-Венгрія старательно обзаводится могучими дредноутами. Англія, по мнѣнію Сельборна, должна употребить всякія мѣры для того, чтобы сохранить преобладаніе въ Средиземномъ морѣ, составляющемъ кратчайшій и удобнѣйшій путь къ Индіи и Австраліи. Лордъ Кру, отъ имени правительства, объяснилъ, что британскій флотъ пока еще занимаетъ первое мѣсто по количеству и силѣ своихъ броненосцевъ и что въ свое время парламенту будутъ представлены положительныя свѣдѣнія и предположенія относительно Средиземнаго моря, какъ и вообще относительно способовъ обезпеченія дальнѣйшаго британскаго владычества на моряхъ.

Первый лордъ адмиралтейства, Винстонъ Черчилль, произнесъ въ палатѣ общинъ, 22-го іюля, замѣчательную рѣчь, въ которой доказывалъ необходимость дополненія и расширенія предположенной смѣты расходовъ по морскому вѣдомству, въ виду новыхъ военно-морскихъ усилій и затратъ, предпринятыхъ Германіею. Черчилль откровенно сопоставлялъ быстрый ростъ германскаго флота съ соотвѣтственными цифрами британскихъ вооруженій, и приводимыя имъ данныя производили устрашающее впечатлѣніе на слушателей. По его словамъ, боевая готовность отдѣльныхъ эскадръ и броненосцевъ значительно выше у нѣмцевъ, чѣмъ у англичанъ, такъ какъ Германія располагаетъ болѣе многочисленнымъ служебнымъ персоналомъ и можетъ свободнѣе пополнять комплекты матросовъ и морскихъ офицеровъ, благодаря принудительной воинской повинности. Чтобы всегда имѣть надъ германскимъ флотомъ перевѣсъ на шестьдесятъ процентовъ, согласно установленной нормѣ, Англія должна поневолѣ увеличивать число сооружаемыхъ ею ежегодно броненосцевъ; на будущій годъ ей приходится строить уже пять кораблей вмѣсто предположенныхъ трехъ, на 1914-ый годъ—четыре, вмѣсто трехъ, и такъ далѣе.

Рѣчь Черчилля понравилась больше консерваторамъ и уніонистамъ, чѣмъ либераламъ. Содержаніе ея слишкомъ рѣзко расходилось съ либеральными планами постепеннаго сокращенія морскихъ вооруженій путемъ международныхъ договоровъ. Самая идея о томъ, что Англія должна непремѣнно имѣть на 60% больше броненосцевъ, чѣмъ Германія, лишена разумныхъ основаній и свидѣтельствуетъ лишь о старыхъ произвольныхъ и несправедливыхъ притязаніяхъ, несогласныхъ съ жизненными интересами другихъ націй. Почему господство на моряхъ должно принадле-

жать на вѣчныя времена однимъ англичанамъ? И могутъ ли мириться съ этимъ другіе великіе культурные народы, при современномъ развитіи морской торговли и международныхъ сношеній? Германія увеличиваетъ свой военный флотъ въ соотвѣтствіи съ колоссальнымъ ростомъ своей міровой торговли и промышленности, съ цѣлью огражденія своихъ интересовъ отъ одностороннихъ притязаній Англіи, какъ «владычицы морей»,—а англичане продолжаютъ открыто высказывать и поддерживать эти самыя притязанія, какъ обязательныя, будто бы, для всѣхъ другихъ націй. Аргументы въ родѣ тѣхъ, на которые опираются британскіе имперіалисты, даютъ лишь удобное оружіе въ руки германскихъ фанатиковъ военнаго судостроительства и не привлекаютъ ничьихъ симпатій въ Европѣ на сторону Англіи.

Оффиціально провозглашенный британскимъ либеральнымъ кабинетомъ принципъ наустаннаго соперничества съ Германіею въ дѣлѣ постройки новыхъ дредноутовъ и сверхъ-дредноутовъ заставляетъ и другія государства усиливать морскія вооруженія въ соотвѣтственной мѣрѣ, не останавливаясь ни передъ какими затратами. Этимъ объясняется настойчивость нашего правительства въ необыкновенно быстромъ проведеніи черезъ Думу и Государственный Совѣтъ закона объ ассигнованіи пятисотъ милліоновъ рублей на созданіе недостающаго намъ флота. Едва начались подготовительныя мѣры къ исполненію этого закона, какъ уже заранѣе ведутся переговоры о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ будущаго русскаго флота съ французскимъ, въ случаѣ европейской войны. Какъ сообщаетъ «Temps» въ номерѣ отъ 2-го августа, франко-русскій союзный трактатъ, подписанный 22-го августа 1891-го года и дополненный въ 1892-мъ году спеціальною военною конвенціею, въ бытность генерала Буадефра въ Петербургѣ, получитъ въ настоящее время новое важное дополненіе, въ видѣ морской конвенціи. Съ этимъ связывается отчасти и поѣздка главы французскаго правительства, Раймонда Пуанкаре, въ нашу сѣверную столицу,—поѣздка, имѣющая несомнѣнно крупное политическое значеніе, особенно послѣ свиданія монарховъ на рейдѣ Балтійскаго порта.



Издатель: М. М. Ковалевскій. Ред. К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Россійскою Лигою Равноправія Женщинъ созывается, съ разрѣшенія Правительства, *Первый Всероссійскій съѣздъ по образованію Женщинъ*, въ С.-Петербургѣ, съ 26 декабря 1912 г. по 4 января 1913 г.

Членами Съѣзда могутъ быть:

а) академики, профессора и всѣ преподающіе въ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ,

б) завѣдущія этими заведеніями лица,

в) члены ученыхъ, педагогическихъ и просвѣтительныхъ обществъ,

г) дѣятели по образованію,

д) всѣ члены Россійской Лиги Равноправія женщинъ и ея отдѣленія.

Членскій взносъ—5 руб.

За всѣми справками, заявленіями, объ участіи въ Съѣздѣ просятъ обращатся въ Россійскую Лигу Равноправія Женщинъ (Знаменская, 20, кв. 22) на имя предсѣдательницы Доктора П. Н. Шишкиной-Явейнъ.

Программа Перваго Всероссійскаго Съѣзда по образованію женщинъ, созываемаго Россійской Лигою Равноправія Женщинъ.

I. Общія основанія для правильной постановки образованія женщинъ.

1. Недостатки существующей системы образованія женщинъ и необходимость въ этомъ отношеніи реформы, какъ одно изъ существенныхъ условій равноправія женщинъ.

2. Совмѣстное обученіе мужчинъ и женщинъ въ школахъ всѣхъ ступеней и типовъ.

3. Обезпеченіе женщинамъ со стороны Государства равнаго съ мужчинами образованія въ среднихъ и низшихъ школахъ.

4. Сочетаніе преемственности и законченности въ школахъ разныхъ ступеней и типовъ.

5. Педагогическая и общественная основы воспитанія. Школа, какъ факторъ воспитанія и образованія умственнаго, нравственнаго, эстетическаго и физическаго. Самодѣятельность учащихся. Развитіе личности. Воспитаніе воли и работоспособности.

6. Подготовка учительскаго и воспитательнаго персонала. Высшіе педагогическіе курсы и академіи. Педагогическіе факультеты въ универси-

тетахъ, учительскія Семинаріи. Школы нянь и проч. Образовательныя командировки и экскурсіи. Условія и обстановка школьной работы для учителей.

7. Подготовка матерей какъ воспитательницъ.

8. Права окончившихъ въ школахъ разныхъ ступеней и типовъ.

II. Необходимыя Улучшенія въ системѣ образованія женщинъ впредь до кореннаго его переустройства.

1. Дошкольный періодъ, семейное воспитаніе, ясли, сады, пріюты, площадки, экскурсіи и пр.

2. Низшее образованіе.

3. Среднее образованіе.

4. Высшее образованіе.

5. Техническое и профессіональное образованіе и соотношенія между нимъ и образованіемъ общимъ.

6. Художественныя и художественно-промышленныя школы.

7. Внѣшкольное образованіе: общеобразовательные курсы, народные университеты, воскресныя школы, экскурсіи и пр.

Отъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества.

Вслѣдствіе постановленія Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, состоявшагося 23 апрѣля 1911 г., конкурсъ для представленія сочиненій на темы, касающіяся освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Россіи, отсроченъ до 1 мая 1913 г.

Сочиненія могутъ быть представляемы на общую и частныя темы.

За признанное достойнымъ преміи сочиненіе на общую тему учреждается преміи въ 5.000 рублей.

За признанныя достойными премій сочиненія на частныя темы учреждаются премія: одна въ 2.000 руб., одна въ 1.500 руб., одна въ 1.000 руб. и двѣ по 500 руб.

Общая тема опредѣлена слѣдующимъ образомъ: «Освобожденіе крестьянъ въ Россіи, его исторія, причины и послѣдствія».

Выборомъ частныхъ темъ изслѣдователи не стѣснены въ предѣлахъ названной общей темы. Въ качествѣ же примѣрныхъ частныхъ темъ приводятся нижеслѣдующія:

1) «Понятіе о крѣпостномъ правѣ и вопросъ объ уничтоженіи его со времени Императрицы Екатерины II до восшествія на престолъ Императора Александра II; причина паденія крѣпостного права (положеніе крѣпостныхъ крестьянъ; роль законодательства, общества, печати, самихъ крестьянъ и пр.»).

2) «Крестьянская реформа при Императорѣ Александрѣ II до изданія

Положенія 19 февраля 1861 года; роль правительства и общественныхъ силъ въ подготовкѣ реформы при Императорѣ Александрѣ II».

3) «Проведеніе въ жизнь положеній 19 февраля».

4) «Преобразованіе быта крестьянъ некрѣпостныхъ (удѣльныхъ, государевыхъ, посессіонныхъ, казенныхъ и другихъ) въ царствованіе Императора Александра II въ связи съ ихъ положеніемъ до крестьянской реформы 1861 года и съ паденіемъ крѣпостного права».

5) «Вліяніе паденія крѣпостного права на развитіе крестьянскаго хозяйства и на экономическій бытъ крестьянъ».

6) «Вліяніе отмѣны крѣпостного права на дворянское землевладѣніе и хозяйство въ связи съ измѣненіями въ крестьянскомъ хозяйствѣ».

Условія конкурса нижеслѣдующія:

I.

Сочиненія на премію должны быть представлены въ Императорское Вольное Экономическое Общество (С.-Петербургъ, Забалканскій пр., д. 33) къ 1-му мая 1913 года, послѣ чего конкурсъ закрывается.

II.

Къ конкурсу допускаются сочиненія на русскомъ языкѣ. Они доставляются самимъ авторомъ или его законными наслѣдниками въ печатномъ или рукописномъ видѣ или же предлагаются однимъ изъ членовъ Комиссіи по присужденію премій.

III.

Въ случаѣ присужденія преміи за рукописное сочиненіе премія выдается лишь по напечатаніи сочиненія.

IV.

Сочиненіе, уже удостоенное какой-либо денежной преміи, можетъ быть премировано лишь въ томъ случаѣ, если оно заново переработано

V.

Къ конкурсу допускаются лишь тѣ печатныя сочиненія, которыя вышли не далѣе, какъ за три года до срока присужденія премій.

VI.

Не допускаются къ конкурсу сборники сырыхъ матеріаловъ, а также книги, изданныя по распоряженію правительства.

VII.

Сочиненія членовъ Комиссіи, присуждающей преміи, къ конкурсу не допускаются.

VIII.

Комиссія, присуждающая преміи, избирается въ количествѣ 9-ти лицъ и 3 кандидатовъ къ нимъ, въ соединенномъ засѣданіи Совѣта Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, представителей Императорской Академіи Наукъ, Императорскаго С.-Петербургскаго Политехническаго Института, а также приглашенныхъ Совѣтомъ Вольнаго Экономическаго Общества лицъ, спеціально работавшихъ по вопросамъ, связаннымъ съ освобожденіемъ крестьянъ.

IX.

Комиссія можетъ поручать составленіе рецензій и не членамъ ея.

X.

Для назначенія полной преміи, нужно большинство $^2/_3$ голосовъ членовъ Комиссіи, для присужденія же остальныхъ премій достаточно абсолютнаго большинства голосовъ.

XI.

Комиссія постановляетъ рѣшенія именемъ Вольнаго Экономическаго Общества, и рѣшенія ея объявляются на Общемъ Собраніи членовъ Общества.

XII.

Рецензіи на одобренныя сочиненія печатаются въ «Трудахъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества».

XIII.

Преміи получаются самимъ авторомъ или же его наслѣдниками, но никакъ не издателемъ.

XIV.

При присужденіи премій, въ случаѣ если не всѣ онѣ будутъ присуждены, немедленно публикуются условія новаго конкурса и срокъ при-

сужденія премій. На новый конкурсъ допускаются кромѣ сочиненій, вновь представленныхъ, также тѣ сочиненія, которыя были отложены Комиссіей по присужденію премій до слѣдующаго присужденія.

Примѣчаніе: Желающіе могутъ получить въ канцеляріи В. Э. Общества (Спб., Забалканскій, 33) брошюру, въ которой напечатаны журналы особой комиссіи, вырабатывавшей темы конкурсныхъ сочиненій и условія конкурса, и извлеченія изъ журнала Общаго Собранія В. Э. Общества съ преніями по тому же вопросу.

Вице-Президентъ *Н. Кутлеръ*.
Секретарь *Е. Святловскій*.

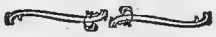
ИЗВѢЩЕНІЕ.

Комитетъ по изданію сборника, посвященнаго памяти Анны Павловны Философовой, обращается ко всѣмъ лицамъ, ее знавшимъ, съ просьбой помочь ему въ начатомъ дѣлѣ сообщеніемъ писемъ покойной, замѣтокъ и воспоминаній о ней, и т. п. Матеріалы, хотя бы самые незначительные по размѣру или содержанію, будутъ имѣть свою цѣнность при составленіи біографіи А. П. Философовой и примутся съ благодарностью.

Желающимъ—все присланное будетъ, по использованіи, возвращено обратно.

Направлять матеріалы слѣдуетъ на имя дочери А. П. Философовой—Зинаиды Владиміровны Ратьковой-Рожновой, Петербургъ, Мойка, 1.

Предсѣдательница Комитета В. Тарновская.
Членъ Комитета Д. Философовъ.



СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ВОСЬМАЯ.—АВГУСТЪ.

СТРАН.

I. ПРИВРАТНИКИ СЛАВЫ.—(Повѣсть).—(Окончаніе).—**И. Потапенко** . . 3
II. МОЛОДНЯКЪ.—(Очерки).—(Окончаніе).—**В. І. Дмитріевой** 63
III. СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ ВЪ АНТИЧНОЙ ГРЕЦІИ.—**В. Бузескула** . . 117
IV. УТРО.—Стихотвореніе.—**Г. М.** 148
V. КЪ ПОСТАНОВКѢ НАЦІОНАЛЬНАГО ВОПРОСА ВЪ РОССІИ.—**В. Медема** 149
VI. ИЗЪ КРЫМСКИХЪ ЭТЮДОВЪ. — Чуфутъ-Кале. — Стихотвореніе.—**Александра Рославлева** 164
VII. ЭМИЛЬ ВЕРХАРНЪ.—Мотивы его творчества.—**Мих. Г.** 165
VIII. НЕЧѢМЪ ЖИТЬ.—**С. Миловскаго (Элеонскаго)**. 180
IX. БУКА.—**Сергѣя Сергѣича** 206
X. ФРАУ БЮРГЕЛИНЪ И ЕЯ СЫНОВЬЯ.—Романъ Габріэллы Рейтеръ.—(Продолженіе).—Съ нѣм. пер. **М. Славинской** 213
XI. СОКОЛЬСТВО И ИДЕЯ СЛАВЯНСКАГО ЕДИНЕНІЯ.—**В. Кузьмина-Караваева** 248
XII. ПОБѢГЪ.—(Изъ личныхъ воспоминаній).—**Е. Тава**. 272
XIII. ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ВТОРОЙ ИМПЕРІИ.—**Л. Слонимскаго** 289
XIV. ХРОНИКА.—УДАЧНЫЙ ОПЫТЪ ПЕРЕСЕЛЕНІЯ ГРУППЫ КРЕСТЬЯНЪ.—**К. К. Федяевскаго**. 300
XV. АНАРХО-БАНДИТЫ.—(Письмо изъ Парижа).—**Бѣлоруссова** 323
XVI. ВЪ ИСПАНСКИХЪ КОРТЕСАХЪ. — (Письмо изъ Мадрида).—**А. Деренталя**. 342
XVII. О МУСУЛЬМАНСКОМЪ ДВИЖЕНІИ.—**Милища**. 356
XVIII. КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. Адріанова** 371
XIX. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ «РУССКАГО ЕВРОПЕЙЦА».—П. Д. Боборыкинъ. Столицы міра.—Тридцать лѣтъ воспоминаній.—Съ портретомъ автора.—**Л. Слонимскаго** 380
XX. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Евг. Ляцкій. Гончаровъ. Жизнь, личность, творчество. Критико-библіографическіе очерки. Изд. второе, переработанное и дополненное.—М. Ф. Суперанскій. Каталогъ выставки въ память И. А. Гончарова въ Симбирскѣ 6—15 іюня 1912 г.—Баронъ Врангель. Воспоминанія о Достоевскомъ въ Сибири 1854—56 гг.—**Ч. В—скаго.**—А. Корниловъ. Курсъ исторіи Россіи XIX в. Ч. I и II.—**Д. К.**—А. Коллонтай. По рабочей Европѣ. Силуэты и эскизы.—Ку-

СТРАН.

старные промыслы Уфимской губерніи.—Статистическій Ежегодникъ на 1912 годъ. — В. В. Леонтьевъ. Объ изученіи положенія рабочихъ.— Заработная плата служащихъ и рабочихъ бакинскаго нефтепромышленнаго района. — Л. С. Закъ. Форма экономической самопомощи въ области ремесленнаго труда. Съ приложеніемъ очерка К. Л. Ароновича: «О профессіональномъ образованіи ремесленниковъ». — Организація сбыта ремесленныхъ издѣлій.—Кредитная кооперація въ чертѣ еврейской осѣдлости.—Матеріалы по экономическому изслѣдованію внутреннихъ водныхъ путей. Отдѣлъ первый. Томъ I. Выпускъ I.— С. Прокоповичъ. Аграрный кризисъ и мѣропріятія Правительства.— **В. В.**—Новыя книги и брошюры 387

XXI. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Равнодушіе населенія къ выборамъ въ четвертую Государственную Думу.—Развалъ политическихъ партій, руководившихъ третьей Думой.– Отсутствіе корней въ населеніи у октябристовъ, націоналистовъ и правыхъ.—Смѣхотворная тактика союзниковъ.— Новая политическая группа.—Естественное молчаніе лѣвыхъ организацій.—Мутный туманъ близящихся выборовъ.—**И. Жилкина**. . . . 405

XXII. ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. — Видимая сторона предвыборной кампаніи и прорывающіеся наружу признаки настроенія избирателей.— Общія и индивидуальныя предвыборныя «мѣропріятія».—Дѣло графа Уварова.—«Разъясненіе» евреевъ.—Убійство въ ессентукскомъ паркѣ.— Ссылка виновнаго на необходимую оборону.—Куда необходимо направить разслѣдованіе о бунтѣ въ Ташкентскомъ лагерѣ?—Изъ итоговъ и наслѣдія третьей Думы 417

XXIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Счастливое царствованіе.—Жизнь и дѣла императора Муцухито.—Японія и Россія.—Турецкій кризисъ.—Морскія вооруженія и дополнительная франко-русская конвенція. 431

XXIV. ИЗВѢЩЕНІЯ 441

XXV. ОБЪЯВЛЕНІЯ 449

XXVI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Мария Ив. Боранова